

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А.В. Островский

**РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ
ПЕРЕПУТЬЕ**

Конец XIX – начало XX в.

Товарищество научных изданий КМК

Москва ♠ 2016

УДК 94(47).083:316.334.55

ББК 63.3(2)53-21

О 77

Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 431 с.

Предлагаемая монография представляет собою первый опыт комплексной характеристики российской деревни на рубеже XIX–XX в. В ней рассматривается широкий круг проблем: состояние сельского хозяйства, аграрный рынок, проблема товарности и доходности сельскохозяйственного производства, оскудение помещичьего дворянства, социальное разложение крестьянства, борьба вокруг аграрного вопроса.

В книге показывается, что к концу XIX в. в Европейской России были исчерпаны возможности дальнейшего экстенсивного развития, в результате чего происходил перевод сельского хозяйства на рельсы интенсификации. Однако темпы развития этого процесса отставали от темпов роста численности населения.

В то же время внешние условия, в которых протекал этот процесс принципиально отличались от тех условий, в которых капитализм рождался в странах Запада. В связи с этим аграрно-капиталистическая эволюция России приобретала свои особые черты.

Все это вместе взятое не только привело к революционному взрыву в 1917 г., но и к тому, что буржуазно-демократическая революция в России началась под социалистическими знаменами.

Редактор:

д.и.н. С.А. Нефёдов

Предисловие:

академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия) А.И. Фурсов

© А.В. Островский, текст, 2016

© С.П. Островская, текст, 2016

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2016

ISBN 978-5-9908165-1-0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.И. Фурсов. Предисловие</i>	5
<i>С.А. Нефёдов. Предисловие редактора</i>	9
Введение: история изучения русской деревни	12
Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ	36
Появление товарного производства: роль демографического фактора	36
«Английская модель»	44
Общее и особенное в становлении капитализма	47
Условия зарождения капитализма в России	54
Внутренняя колонизация и рост населения	58
Кризис экстенсивного земледелия	62
Кризис верхов.....	65
Отмена крепостного права.....	69
Экспансия капитала.....	73
Особенности развития капитализма в России	77
Глава 2. ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО	82
Пашня и системы земледелия.....	82
Динамика площади посева.....	94
Продовольственные нормы.....	112
Глава 3. ЖИВОТНОВОДСТВО	125
Динамика поголовья	125
Содержание скота	137
Основные отрасли животноводства	146
Доход от животноводства.....	158

Глава 4. ТОВАРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	168
Экспорт хлеба.....	168
Хлебофуражный баланс	174
Товарность зернового производства	179
Роль крестьянских хозяйств на хлебном рынке.....	182
Доходность зернового производства.....	192
Проблема товарности животноводства.....	209
Отраслевые особенности	214
Изменения в торговле.....	225
Характер рыночных отношений.....	228
Доходность животноводства.....	234
Глава 5. ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО	250
Вопрос о способах ведения помещичьего хозяйства	250
Статистические материалы о помещичьем хозяйстве.....	253
Проблема аренды	262
Помещичье хозяйство в первые пореформенные годы.....	271
Помещичье хозяйство в 1880-е гг.....	281
Помещичье хозяйство Европейской России в 90-е годы XIX века	289
Помещичье хозяйство в начале XX в.....	295
Итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства	310
Глава 6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.....	319
Структура крестьянского хозяйства и ее изменение	319
Проблема платежей	327
Деформация и разрушение крестьянского хозяйства.....	331
Арендные отношения в деревне.....	338
Простейшие виды производственной кооперации	348
Проблема общины	352
Характеристика общины	362
Динамика социального расслоения крестьянства	366
Процесс раскрестьянивания	376
Глава 7. АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ	383
Обсуждение аграрного вопроса в правительстве в конце XIX века	383
Две программы: Витте и Плеве	390
Проблема сельскохозяйственной кооперации.....	395
Гвоздь революции	403
Столыпинская земельная реформа.....	411
Аграрный вопрос в годы Первой мировой войны.....	426

Предисловие

А.И. Фурсов¹

Читатель знакомится с новой книгой замечательного российского историка Александра Владимировича Островского (1947–2015) «Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в.». Она завершает трилогию, посвященную сельскому хозяйству европейской части России XIX – начала XX в. Две ранее вышедшие книги А.В. Островского — «Зерновое производство европейской России в конце XIX – начале XX в.» (СПб.: Полтораки, 2013) и «Животноводство Европейской России» (СПб.: Полтораки, 2014). В 1998 г. А.В. Островский опубликовал общую работу «Сельское хозяйство Европейской России». Трилогия, в каждой книге которой столько же страниц, сколько в работе 1998 г., представляет собой детальную проработку тем и проблем, поднятых в «Сельском хозяйстве...».

В «Российской деревне...» на основе огромного эмпирического материала показана реальная картина пореформенной деревни, с одной стороны, и полная неадекватность вульгарно-марксистских и сменивших их после 1991 г. столь же убогих вульгарно-либеральных схем, тщетно пытающихся реанимировать приказавшую долго жить на Западе ещё на рубеже 1960–1970-х гг. теорию модернизации. Вопреки вульгарным марксистам А.В. Островский показывает, что капиталистический уклад в русской деревне был мизерным, что процессы социального разложения и разрушения опережали процессы формирования нового. Вопреки вульгарно-либеральным писаниям А.В. Островский показывает провал аграрной модернизации в России; в своё время он и С.А. Нефёдов в своих статьях подвергли убедительной критике работу Б.Н. Миронова, который уже многолетне и многотомно пытается доказать успешность модернизации дореволюционной России. Впрочем, на мой взгляд, схема «успешная модернизация России» «снимается» одним вопросом: если такая успешная, то откуда и почему революция? Я уже не говорю о том, что успехом в данном случае оказывается зависимость от иностранного капитала, толкающая к утрате суверенитета.

А.В. Островский большое внимание уделял аграрному перенаселению, что, однако, на мой взгляд, не делает его приверженцем неомальтузианства. В целом его подход вполне марксистский. Впрочем, предоставим судить читателю.

¹ Фурсов Андрей Ильич, директор Института системно-стратегического анализа, академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия).

А.В. Островский шёл к завершению «сельскохозяйственной трилогии» полтора десятка лет, а если отсчёт вести от докторской диссертации (1990 г.), то четверть века. Однако было бы ошибкой полагать, что всё это время А.В. Островский занимался только сельскохозяйственной проблематикой, отнюдь нет. Александр Владимирович работал как целый небольшой, но очень эффективный институт в одном лице — и по количеству работ, и, самое главное, по их качеству. В течение 12 лет он написал 7 блестящих работ, 5 из которых опубликованы. Это: «Кто стоял за спиной Сталина» (М. — СПб.: Центрполиграф; Ми-М «Делта»; вышла тремя изданиями — 2002, 2003, 2004); «Солженицын: прощание с мифом» (М.: «Яуза. Пресском», 2004), «1993 год: Расстрел Белого Дома» — два издания (М.: «Яуза – Эксмо», 2008 и М.: Книжный мир, 2014); «Кто поставил Горбачёва?» (М.: «Алгоритм. Эксмо», 2010), «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» (М.: Крымский мост 9-Д. Форум, 2011). Все книги, кроме «1993 год...» — по 600–800 страниц. Но самое главное — жанр, в котором они написаны. Конечно же, это исторические исследования высочайшего уровня научности. В то же время читаются эти работы как политический детектив, автор одновременно и историк, но в ещё большей степени следователь по особо важным историческим делам, приглашающий читателя к участию в расследовании. Блестящее владение фактическим материалом, в том числе добытым лично, великолепная дедукция, строгий анализ и отличная литературная форма — всё это делает работы А.В. Островского выдающимися.

Александр Владимирович не успел опубликовать не только «Русскую деревню», но и ещё две крупные работы: «Самодержавие и конституция» и «История денег в России».

Особый интерес А.В. Островский проявлял к человеческому фактору в истории. Его, как и главного героя (тоже историка по профессии) повести Ю. Трифонова «Другая жизнь», интересовали родственные и личные связи, их роль в исторических событиях. Указанный интерес нашёл отражение и в альманахе «Из глубин времён», который издавался в 1992–2014 гг. (вышло 14 выпуском) и бессменным редактором которого был А.В. Островский, и в проведении конференции «Элита России: деловые и родственные связи», и в организации «Творческой группы по изучению элиты российского общества XIX – начала XX в.», и во многом другом.

Кроме монографий у А.В. Островского немалое количество статей, тематика которых столь же широка, как и тематика его книг. Здесь и сельское хозяйство, и социально-политическая история, и элита России начала XX в., и революционное движение (включая Октябрьскую революцию), и многое другое.

Если читатель подумал, что этим наследие А.В. Островского исчерпывается, то он ошибается. За те же 12 лет, когда были написаны толстые монографии, историк подготовил и опубликовал 5 (!) учебных пособий, справочников и учебников. Это «Универсальный справочник по истории России» (СПб., 2000), «История цивилизаций» (СПб., 2000), «История средств связи» (СПб., 2009), «История отечественной связи» (СПб., 2010) и «История мировой и отечественной связи» (СПб., 2011).

Здесь может возникнуть вопрос: а что общего у историка А.В. Островского и средств связи? Понятно, у связи и средств связи есть история, но как это соотносится с тематикой Александра Владимировича? Ответ прост: с 2007 г. А.В. Островский профессорствовал в Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций

и помимо истории преподавал там профильный для вуза курс по истории связи. До этого в течение длительного отрезка времени А.В. Островский заведовал кафедрой истории в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов, откуда был уволен с нарушением закона после конфликта с ректором А.С. Запесоцким. Продемонстрировав не только принципиальный, но и бойцовский характер, А.В. Островский выиграл суд, был восстановлен в должности, после чего перешёл на работу в Университет телекоммуникаций.

И здесь возникает ещё один вопрос: почему известный выдающийся историк преподавал, например, не на истфаке Санкт-Петербургского университета, а в высших учебных заведениях иного профессионального профиля? Я слышал выступления Александра Владимировича, свидетельствую: он был не только блестящим учёным, но и превосходным лектором, умевшим выступать перед любой аудиторией. И тем не менее — университеты профсоюзов и телекоммуникаций. Дело не в том, что это как-то принижает А.В. Островского: указанные вузы — вполне достойные учреждения, но первоклассный историк должен работать в главных для своей профессии структурах. Впрочем, не место красит человека, а человек — место. Дело в другом — в расточительном пренебрежении к талантам; эта российская традиция ещё более усилилась после 1991 г. в связи с общим падением уровня профессионализма и идеологизацией — теперь уже антикоммунистической, антисоветской — значительных сегментов обществоведческой науки РФ. Причём гонителями советскости и марксизма очень часто становились вчерашние неистовые ревнители идеологической чистоты с партбилетами в кармане.

А.В. Островский, естественно, не принадлежал к такого сорта публике и брезгливо относился к ней. В том, что касалось принципиальных вопросов, будь то научных или гражданских, Александр Владимирович был довольно резким, позицию свою не скрывал и отстаивал жёстко, как это и должно настоящему учёному и гражданину. Эта принципиальность распространялась и на начальство, и на тех коллег по историческому цеху, которые в угоду начальству, моде или пожеланиям грантодателей занимаются конъюнктурной подтасовкой фактов и цифр, опускаясь до околонуточного жульничества.

Время всё расставляет по своим местам. Уходят люди, но остаются книги, мысли, память. Публикуя данную работу, мы не только отдаём должное памяти одного из выдающихся российских историков начала XXI в., но и вводим в научный оборот, в научно-информационное поле серьёзное исследование, которое, помимо собственно научного значения имеет и значение идейно-информационное — оно даёт материал для борьбы с фальсификацией нашей истории, для того, что Л. Февр называл «боями за историю». Александр Владимирович был боец. Уверен, мы сможем опубликовать неопубликованные работы этого бойца исторического фронта, как уверен и в том, что работам этим суждена долгая жизнь. Это *vita brevis*, а вот *ars longa*.

К сожалению, наше знакомство с Александром Владимировичем и его сотрудничество с Институтом системно-стратегического анализа было очень коротким — чуть больше года. Но и этого времени хватило, чтобы оценить не только профессиональные и интеллектуальные, но и человеческие качества Александра Владимировича — его принципиальность, честность, открытость, оптимизм, весёлую энер-

гичность советского человека, не потерявшегося в подлой постсоветской действительности и сумевшего сработать вопреки ей.

Для своих близких, друзей, коллег Александр Владимирович продолжает жить в своих книгах — тех, что уже вышли и тех, которые будут опубликованы. И это тем более так, что книгам историка А.В. Островского суждена долгая — очень долгая — жизнь.

В заключение хочу поблагодарить вдову Александра Владимировича — Светлану Павловну Островскую, предоставившую рукопись книги и разрешившую её опубликовать. Я также благодарен Сергею Александровичу Нефёдову, отредактировавшему текст и написавшему редакторское предисловие к нему.

Предисловие редактора

С.А. Нефёдов²

18 февраля 2015 г. ушел из жизни Александр Владимирович Островский, один из ведущих российских историков конца XX – начала XXI века. А.В. Островский был представителем российской школы аграрных историков, расцвет которой связан с именами А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, В.П. Данилова. А.В. Островский был последним из этой плеяды, и его работы подводят итоги развития этой всемирно известной школы — итоги изучения аграрной истории России более чем за полвека.

Главные работы А.В. Островского, «Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX века» и «Животноводство России в конце XIX – начале XX века», носят энциклопедический характер. В них приводится колоссальный объем информации о сельском хозяйстве Российской империи — прежде всего, это статистическая информация, собранная из тысяч источников, среди которых особое место занимают сведения, найденные автором в архивах. В отличие от многих историков, А.В. Островский стремился проникнуть в детали функционирования крестьянского хозяйства — вплоть до обеспеченности овинами и заготовки дров для сушки хлеба. Выводы Островского базируются на основании детального и всестороннего анализа развития сельского хозяйства — и в их обоснованности не приходится сомневаться.

Однако история — не та сфера, где главную роль играет обоснованность выводов. *«Так как всякая история зависит от наших интересов, — писал Карл Поппер, — то могут быть лишь “истории”, и никогда — История — рассказ о развитии человечества, “как оно на самом деле произошло”»*. В советский период интерес властей заключался в том, чтобы показать закономерность перехода России от капитализма к социализму. В соответствии с «ленинской» концепцией в сельском хозяйстве России начала XX века преобладали капиталистические отношения и оно «уверенно развивалось по капиталистическому пути». Но анализ Островского показывал нечто совсем другое, показывал, *«как оно на самом деле произошло»*. Обоснованные огромным материалом выводы А.В. Островского говорили о том, что ка-

² Нефёдов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета.

питалистические хозяйства являлись лишь островком в море архаики, что количество зажиточных предпринимательских хозяйств уменьшалось, что основным процессом являлись не капиталистическая концентрация производства и технический прогресс, а обнищание и разорение. Путь России был не похож на капиталистический путь развития Англии или Германии, и, анализируя эти отличия, Островский пришел к выводу, что их главной причиной было *аграрное перенаселение*. Аграрное перенаселение — это было то, о чем писал Мальтус, и Островский стал мальтузианцем — точнее, неомальтузианцем. В 1979 г. Островский пытался сделать доклад на эту тему на всесоюзной конференции в Риге — председательствующий пытался лишить его слова, и ему с трудом удалось договорить.

В сущности, объяснение российской истории через посредство неомальтузианства не содержало в себе ничего нового — Островский лишь вернулся на позиции дореволюционных российских экономистов, которые все как один писали об аграрном перенаселении. Но эти экономисты (А.А. Кауфман, П.И. Ляшенко, Н.Н. Рожков, А. Финн-Енотаевский и др.) писали об аграрном перенаселении, как о чем-то очевидном, не требующем доказательств — это было то, что они наблюдали каждый день. А.В. Островскому пришлось приводить доказательства и в деталях объяснять, как аграрное перенаселение нарастало, как оно приводило к крестьянскому малоземелью, как малоземелье вызывало повышение арендной платы, как крестьяне, чтобы заплатить ренту, вынуждались продавать зерно ниже себестоимости, причем из-за низких цен предпринимательские хозяйства становились убыточными и не могли развиваться. Островский привлек для иллюстрации этих процессов огромное количество статистических данных и, по-существу, впервые в мировой науке в деталях продемонстрировал тот механизм, через который аграрное перенаселение определяло все стороны жизни общества.

После падения Советского Союза интересы властей изменились, и историки — в соответствии с сентенцией Поппера — принялись писать новую нужную властям «историю». От историков теперь ожидали, что они покажут не закономерность, а случайность того, что произошло в России — перехода от капитализма к социализму. Развитие капитализма теперь стали называть «модернизацией», и на первый план выступила концепция Б.Н. Миронова, который доказывал, что процесс модернизации в России был вполне успешным, а «переворот 1917 года» не имел объективных предпосылок и был результатом некоего «заговора». Настоящая **История** Островского, рассказывающая, *«как оно на самом деле произошло»*, снова оказалась никому не нужна, и «последнему из могикан» старой школы аграрников снова пришлось сражаться с ветряными мельницами: доказывать, что исторический процесс протекал совсем иначе, что никакой «успешной модернизации» — то есть успешного развития капитализма — в деревне не наблюдалось, а было аграрное перенаселение и обнищание. В итоге Островского снова обвинили в непонимании того, какой должна быть «востребованная» «история».

Александр Владимирович Островский до последних своих дней пытался отстаивать истину. Он почти закончил свою последнюю книгу, «Российская деревня на историческом перепутье», — книгу, которую мы предлагаем вниманию читателей. В этой книге дано комплексное объяснение развития российской деревни с точки зрения настоящей **Истории**, подводится итог тому, что ранее было пред-

ставлено в многочисленных статьях и выступлениях автора. Как и другие книги Островского, эта книга отличается энциклопедичностью и стройностью изложения — по-существу, она представляет собой курс аграрной истории и может быть использована как учебное пособие для студентов.

А.В. Островский не успел написать заключение к своей последней книге — но ее выводы вполне ясны из заключений к каждой главе. Автор не успел также про-ставить некоторые примечания (или страницы в примечаниях) — но таких случаев немного и они не создают препятствий при чтении.

Введение: история изучения русской деревни

Непрекращающиеся споры о причинах революции 1917 г. в России снова и снова возвращают нас к положению дел в дореволюционной деревне³. И это неслучайно, так как к тому времени в деревне проживало подавляющее большинство населения, а сельское хозяйство являлось основой экономики.

В центре споров прежде всего находится вопрос о материальном положении крестьянства. Именно здесь многие исследователи ищут ответ на вопрос, почему деревня не только не стала российской Вандеей, но и приняла участие в новой «пугачевщине», поддержав в годы гражданской войны не «белых», а «красных»⁴.

Долгое время исследователи исходили из совершенно правильного положения о том, что предпосылки революционного взрыва, произошедшего в 1917 г., — это результат развития капитализма. Но из этого делалось упрощенное заключение, будто бы степень зрелости этих предпосылок находилось в прямой пропорциональной зависимости от степени развития капитализма.

Между тем уже обращено внимание, что именно там, где к началу XX в. аграрный капитализм получил наибольшее развитие (Прибалтика, Украина), деревня оказалась наиболее контрреволюционной, а наиболее успешно революция развивалась там, где аграрный капитализм был наименее развит⁵.

Есть еще одна, может быть, даже более важная проблема. В руководстве партии большевиков, которые осенью 1917 г. пришли к власти, существовали опасения, что поддержку крестьянства они могут получить лишь временно. Как только партия попытается выйти за пределы буржуазной революции, она сразу же столкнется с сопротивлением крестьянства.

³ См., например: О причинах русской революции. М., 2010.

⁴ Одним из показателей этого могут служить данные о численности «красной» и «белой» армий. В 1919 г. во всех «белых армиях» (вместе с интервентами) насчитывалось не более 2 млн. человек (Волков Ф.Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 91–92). В Красной армии в это же время было 3,5 млн., а к концу гражданской войны служило 5,5 млн. человек.

⁵ Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960. М., 1962. С. 319 (выступление В.П. Данилова).

«Пролетариат, взявший власть, — писал Л.Д. Троцкий, — придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», а поэтому «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата»⁶.

Особенно поразительным было то, что крестьянство, во многих местах протестовавшее в годы гражданской войны с оружием в руках против продовольственной разверстки, не выступило подобным же образом против коллективизации. Хотя в первом случае речь шла лишь о временных мерах, в последнем — о его судьбе.

Уже одного этого достаточно, чтобы признать, что дореволюционная российская деревне нуждается в дальнейшем, более глубоком изучении.

Интерес к аграрному вопросу в России возник еще до отмены крепостного права и приобрел особую остроту в полемике между западниками и славянофилами. Однако первоначально этот спор во многом имел абстрактно-схоластический характер⁷.

Отмечая данное обстоятельство один из наиболее трезвых публицистов консервативного направления К.Ф. Головин писал: «Перед началом 60-х годов крестьянская жизнь была так же незнакома лучшим из тогдашних людей, как внутренность Африки. Помещики, целый век, прожившие в деревне, обладали странным свойством не видеть зрячими глазами, не сознавать явлений, постоянно вокруг них происходивших. И славянофилы, и западники смотрели на мужика сквозь призму своих идеалов и сведения о нем почти исключительно почерпали из книги барона Гакстгаузена»⁸.

И хотя приведенные слова грешат упрощенностью⁹, познание российской деревни действительно началось главным образом после отмены крепостного права.

По утверждению В.А. Твардовской, важной вехой в этом отношении стал голод 1868 г., после которого в России заговорили о неблагополучии в деревне¹⁰. А в следующем году вышла книга В.В. Берви (Флеровского) «Положение рабочего класса в России»¹¹. После того, как она разошлась, в 1872 г. было напечатано второе издание. Однако по постановлению Комитета министров весь тираж был уничтожен¹².

⁶ Троцкий Л.Д. 1905 год. М., 1922. С. 4.

⁷ Межов В.И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границей. 1764–1864. СПб., 1865.

⁸ Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 гг. СПб., 1899. С. 208–209. Имеется в виду книга А. Гакстгаузена «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», изданная в Германии в 1847 г. и переведенная на русский язык уже после отмены крепостного права.

⁹ Дружинин Н.М. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы // История СССР. 1967. № 3. С. 69–80.

¹⁰ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 106.

¹¹ Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н.Н. Флеровского. СПб., 1869.

¹² Добровольский Л. Запрещенные и уничтоженные книги В.В. Берви-Флеровского // Литературное наследство. М., 1933. С. 163–180.

«Это, — писал Карл Маркс Ф. Энгельсу, — первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России»¹³. В книге Н. Флеровского, которую К. Маркс назвал «настоящим открытием для Европы» и которую он поставил в один ряд с книгой Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», на богатом фактическом материале показывалось, что освобожденное крестьянство и после отмены крепостного права продолжало бедствовать, пополняя армию наемных рабочих.

«Из его книги, — писал К. Маркс Ф. Энгельсу 12 февраля 1870 г., имея в виду работу Н. Флеровского — вытекает, что нынешнее положение не может дольше продолжаться», что в России «предстоит грозная социальная революция»¹⁴. Об этом же через несколько дней он писал Лауре и Полю Лафаргам: «После изучения его, Флеровского, труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиозная социальная революция»¹⁵. Причем в том же году К. Маркс предсказал, что «повивальной бабкой неизбежной в России социальной революцией» будет война между Россией и Пруссией¹⁶.

В 1872 г. правительство образовало под председательством министра государственных имуществ П.А. Валуева специальную «Комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Опубликованный доклад этой комиссии, получившей название валуевской, признал не только бедственное положение крестьянства, но и «оскудение» помещичьего дворянства¹⁷. Одной из первых попыток дать объяснение аграрной эволюции пореформенной России стало двухтомное исследование А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (1876 г.)¹⁸. Отмечая, что предметом его внимания являются «аграрные законы», он обратил внимание на необходимость различать в аграрном вопросе «две главные его стороны: а) состояние земли, ее культуры, порядки владения и пользования и б) положение народа, водворенного на этих землях и их возделывающего»¹⁹.

По мнению А.И. Васильчикова, в Западной Европе главное внимание обращалось на первую сторону и, даже уже, на совершенствование и повышение агрикультурного уровня сельского хозяйства, и для достижения этого приносилось в жертву «положение народа»: ради этого ликвидировалось крепостное право, разрушалась община, вводилась свобода собственности, поощрялась обезземеливание одних и концентрация земли в других руках.

¹³ Маркс К. — Энгельсу Ф. 10 февраля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. М., 1964. С. 357.

¹⁴ Маркс К. — Энгельсу Ф. 12 февраля 1870 г. // Там же. С. 364.

¹⁵ Маркс К. — Лафаргам Л. и П. 3 марта 1870 г. // Там же. С. 549. Этот прогноз нашел отражения и в других письмах: Маркс К. — Зорге Ф. 27 сентября 1877 г. // Там же. Т. 34. С. 229–230; Энгельс Ф. — Энгельсу Г. 5 октября 1877 г. // Там же. С. 231; Маркс К. — Либкнехту В. 4 февраля 1878 г. // Там же. С. 246.

¹⁶ Маркс К. — Зорге Ф. 2 сентября 1870 г. // Там же. Т. 33. С. 123.

¹⁷ Доклад высочайше учрежденной 26 мая 1872 г. Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. В 4 т. СПб. 1873.

¹⁸ Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. В 2 т. СПб., 1876.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 1.

Во всем этом автор видел надвигающуюся в Западной Европе социальную опасность, которая, как в Древней Греции и в Древнем Риме, создавала угрозу обострения социальных противоречий и падения европейской цивилизации. В связи с этим А.И. Васильчиков ставил вопрос: «Может ли такая же высокая степень цивилизации быть достигнута другим путем, могут ли быть избегнуты ошибки и несправедливости, ознаменовавшие исторический ход аграрного положения в других странах»²⁰.

Касаясь этой проблемы, А.И. Васильчиков затрагивал вопрос, вокруг которого уже давно шли горячие споры, вопрос о будущем России. Однако в отличие от подавляющего большинства своих современников он пытался найти ответ на него не в сфере сознания и духовной культуры, а в сфере материального производства и экономических отношений. В связи с этим по-новому звучал и даваемый им ответ на этот вопрос.

Сопоставляя аграрную эволюцию России с аграрной эволюцией стран Западной Европы, А.И. Васильчиков считал, что хотя развитие земледелия подчиняется общим законам, отличие России заключается в более медленном развитии земледелия. В этом отставании он видел одну из важнейших причин того тяжелого положения, в котором находилась пореформенная деревня. Главная, по его мнению, причина такого положения заключалась в несовершенстве унаследованной от крепостнической эпохи системы землевладения и распределения земель.

По мнению автора, крупное землевладение в России возникло не в результате естественного процесса концентрации, как это было на Западе, а в результате правительственных пожалований. Поэтому помещики в своей массе не были приспособлены к рациональному ведению своего хозяйства. И как только отменили крепостное право, на котором оно искусственно держалось, началось массовое разорение дворян. В отличие от других представителей дворянского сословия А.И. Васильчиков считал этот процесс прогрессивным, так как, по его мнению, помещичьи земли переходили в руки более успешных хозяев, что в конечном счете должно было привести к исчезновению крупного землевладения в России и к полной замене его мелким, крестьянским, которое будет способно поднять агрикультурный уровень сельского хозяйства и обеспечить России особый, отличный от Западной Европы путь развития²¹.

Книга А.И. Васильчикова имела большой общественный резонанс²² (уже в 1881 г. она была переиздана²³) и оказала несомненное влияние на последующее изучение российской деревни. «Я, как хозяин, — писал, например, в 1881 г. автор знаменитых “Писем из деревни” А.Н. Энгельгардт, — не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земля не перейдет в руки земледельцев»²⁴.

Почти одновременно с книгой А.И. Васильчикова в 1877 г. вышла книга экономиста Ю.Э. Янсона, в которой была предпринята попытка установить платежеспособность крестьянского хозяйства и сделан вывод, что полученные крестьянами наделы не позволяют им удовлетворять свои продовольственные потребности и пла-

²⁰ Там же. С. I–V.

²¹ Там же. С. 504–505, 550–552.

²² Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение: Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». М., 1878.

²³ Васильчиков А.И. Указ. соч.

²⁴ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. СПб., 1897. С. 611.

тить налоги, а значит, крестьянство тоже обречено на разорение²⁵. Книга тоже имела большой успех, и в 1881 г. она была переиздана²⁶.

С этого времени тема недостаточности наделов, или же крестьянского малоземелья, иначе — проблема разорения крестьянства, прочно вошла как в публицистическую, так и в научную литературу — и в революционную, и в либеральную, и в консервативную и даже в официальную. Разногласия заключались только в оценке и объяснении этого явления.

Если первое издание книги Э.Ю. Янсона не вызвало возражений, то после появления второго издания вокруг нее началась полемика. Одним из первых в 1881 г. с ним вступил в спор Ю.М. Богушевич. Объясняя причины, побудившие его взяться за перо, он отметил, что из книги Э.Ю. Янсона некоторые авторы стали делать вывод о необходимости ради спасения крестьянства пожертвовать помещичьим землевладением²⁷.

Не отрицая малоземелья крестьян²⁸, Ю.М. Богушевич поставил вопрос о том, что перераспределение земли не решает проблемы, так как дело не в количестве земли, а в ее производительности²⁹. Тогда же на эту проблему было обращено внимание и других авторов, К. Головина³⁰ и К. Кавелина³¹. К этому времени вопрос о необходимости повышения производительности земледелия и животноводства уже давно обсуждался в литературе. Вся проблема заключалась в том, как это сделать.

В 1880 г. в разгар этой полемики Н.Ф. Даниельсон опубликовал статью, в которой доказывалось, что разорение деревни — это не столько результат крестьянских реформ, сколько следствие втягивания ее в рыночные или же капиталистические отношения³². Через два года уже известный к тому времени экономист В.П. Воронцов (1847–1918) опубликовал книгу «Судьбы капитализма в России», в которой не только взял эту идею на вооружение, но высказал мысль, что если в странах Запада развитие капитализма сопровождалось экономическим прогрессом, то в России оно до сих пор играет не созидательную, а разрушительную роль³³.

В 1893 г. Н.Ф. Даниельсон не только подтвердил эту идею, но попытался дать ей объяснение. В отличие от А.И. Васильчикова, который пытался найти различие между Россией и Западной Европой в сфере земельных отношений, Н.Ф. Даниельсон видел их в сфере капитала. «Выступив на капиталистическую арену после дру-

²⁵ Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

²⁶ Янсон Э.Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2 изд. СПб., 1881.

²⁷ Богушевич Ю.М. О крестьянском малоземелье в связи с помещичьим хозяйством. СПб., 1881. С. 2–3.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 26–28.

³⁰ Головин К. Новый крестьянский вопрос // Русский вестник. 1881. № 2. С. 487–557.

³¹ Кавелин Н. Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 19–46; № 8. С. 570–598; № 10. С. 713–732.

³² Николай — он [Даниельсон Н.Ф.]. Очерки нашего пореформенного хозяйства // Слово. 1880. № 10. Октябрь. С. 77–142.

³³ В[оронцов] В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. См. также: Судьбы капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907.

гих (капиталистических) наций, — писал он, — когда значительное большинство рынков было уже захвачено раньше нас, когда производительность труда наших соперников далеко опередило нашу собственную, когда с каждым годом развивающаяся производительность труда далеко опережала развитие внешних рынков — мы были принуждены довольствоваться своими собственным внутренним рынком»³⁴.

Из этого делался вывод, что российский капитализм может развиваться только за счет усиления эксплуатации собственного народа, а значит, за счет разрушения крестьянского хозяйств. На основании этого правительству предлагалось взять развитие экономики в свои руки и направить его на путь некапиталистического развития³⁵.

Первоначально разрушающее влияние капитализма на деревню доказывалось или общими, или средними показателями. Затем внимание исследователей было обращено на имущественную неоднородность крестьянства.

Интерес к неоднородности крестьянства возник в первые пореформенные годы. Еще в 1863 г. историк А.М. Лазаревский (1834–1902) пришел к мысли сделать на материалах Черниговской губернии «бюджетную опись типичных хозяйств — безлошадного, среднего и богатого» и в 1866 г. издал брошюру «О собрании сведений для изучения крестьянского быта в экономическом отношении»³⁶. В том же году В.Г. Трирогов (1834–1891) опубликовал на страницах «Отечественных записок» статью, в которой в числе первых, если не самый первый, разделил крестьян на группы по состоятельности³⁷.

Однако этот новый подход к изучению крестьянства получил распространение только после того, как в 1880 г. при описании одной из волостей Рязанской губернии П.П. Семенов-Тяньшанский разделил крестьян на группы по обеспеченности земель и лошадьми³⁸. В 1880–1890-е гг. этот прием вошел в практику земских обследований крестьянского хозяйства³⁹, а с 1891 г. в распоряжении исследователей появился такой источник, как материалы военно-конских переписей, содержащие распределение хозяйств по обеспеченности лошадьми.

Важную роль в изучении аграрной истории дореволюционной России сыграли представители марксизма. Интерес к марксизму возник в России еще в середине XIX в.⁴⁰ В 1872 г. Россия стала первой страной, в которой был переведен «Капитал» К. Маркса⁴¹. Его популяризация и распространение в России во многом были связаны с именем Н.И. Зибера⁴². Одним из показателей известности К. Маркса в России является тот факт, что в 1883 г. сообщение о его смерти поместили не менее 16 легальных газет и журналов.

³⁴ Николай — он [Даниельсон Н.Ф.]. Очерк нашего пореформенного общественного хозяйства. 1893. С. 323.

³⁵ Там же.

³⁶ Добротворский М.И. Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб., 1909. С. 85.

³⁷ Трирогов В.Г. Община — тип // Отечественные записки. 1866. Т. CCXLVI. С. 157–159.

³⁸ Семенов П.П. Мураевенская волость // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1. СПб., 1880. С. 37–158.

³⁹ Свамицкий Н.А. Земские подворные переписи. Обзор методологии. М., 1961.

⁴⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

⁴¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872.

⁴² Зибер Н.И. Экономическая теория Маркса // Знание. 1874. № 1. С. 43–90; Он же. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. СПб., 1885.

Начало изучения аграрной истории России с позиций марксизма было положено самими основоположниками этого учения⁴³, а также первыми их последователями в России. Важной вехой в этом отношении стала книга П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.). В этой книге он не только обвинил народников в том, что они односторонне подходят к проблеме утверждения капитализма в России, но и постарался показать, что из разложения старого, феодального, уклада рождается новый, более передовой. «Таким образом, — писал он, — капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса — фактор не только разрушающий, но и созидающий». Заканчивалась его книга получившими широкую известность словами: «Признаем нашу некультурность, пойдем на выучку капитализму»⁴⁴.

Книга П.Б. Струве положила начало полемике между народниками и марксистами о судьбе капитализма в России. Одним из участников этой дискуссии стал еще только начинавший свою политическую карьеру В.И. Ульянов, получивший позднее известность под фамилией Ленин. В том же 1894 г. он написал работу «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов»⁴⁵.

В отличие от народников он попытался показать, что разрушение крестьянского хозяйства — это неизбежный процесс первоначального накопления, в результате которого происходит не только разрушение натурального хозяйства и социальное разложение связанного с ним крестьянства, но и отделение промышленности от сельского хозяйства, что имеет своим следствием рост обмена, а значит, формирование внутреннего рынка. В.И. Ленин показал также, что формирование внутреннего рынка происходит за счет разорения крестьянства не только потому, что оно начинает предъявлять спрос на товарную продукцию, но и потому, что выделяет из своей среды элементы двух новых классов: пролетариата и буржуазии. Важным научным событием стало появление книги В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899)⁴⁶.

Первоначально *эти представления имели чисто априорный характер, поскольку вопрос о неоднородности крестьянства не рассматривался в динамике*. В связи с этим один из виднейших представителей народничества А.В. Пешехонов писал: «К крайнему сожалению насколько хорошо констатирована неоднородность крестьянской массы в ее статике, настолько же плохо она изучена еще в динамике. Мы не имеем достаточных фактических данных, чтобы утверждать, что в области земледельческого производства разорению массы сопутствует накопление капиталов и обогащение хотя бы немногих. Мы не имеем права утверждать даже, что “хозяйственный мужичок” — группа многоземельных и многолошадных — представляет из себя явление новое в экономической жизни. Вполне вероятно другое, противоположение»⁴⁷.

⁴³ Конюшая Р.П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.

⁴⁴ Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России СПб., 1894. С. 287–288.

⁴⁵ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1967. С. 125–346.

⁴⁶ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3. М., 1967.

⁴⁷ Пешехонов А.В. К вопросу о роли собирателей земли // русское богатство. 1897. № 7. С. 36–37.

Интерес к вопросу о динамике расслоения крестьянства привел к тому, что уже в 80-е годы появляются первые попытки дать характеристику дифференциации крестьянства не на одну, а на две хронологические точки. Насколько удалось установить, первый подобный опыт был сделан в 1887 г. Черниговским земством, подвергнувшим сопоставление материалов подворной переписи крестьянского хозяйства 1883 г. по 33 селениям Кролевецкого уезда с подобными же материалами так называемой Румянцевской описи 1765–1769 гг.⁴⁸

Приблизительно к тому же времени относится и проведение первых повторных земских переписей, позволяющих охарактеризовать те социальные изменения, которые произошли на обследуемой территории между двумя переписями. Однако эти материалы имели локально ограниченный характер, кроме того они терялись в местных изданиях, и поэтому первоначально не привлекли к себе должного внимания. В связи с этим особую роль в изучении динамики социального расслоения крестьянства сыграли материалы повторных военно-конских переписей, относящиеся к середине 90-х годов прошлого века.

Обращение к первым повторным военно-конским переписям прежде всего обнаружило то, что никак не укладывалось в существовавшие тогда марксистские представления — сокращение численности многолошадных крестьянских хозяйств, а также сокращение численности имевшихся у них лошадей. Впервые на это обратил внимание П.А. Вихляев в своей статье «Перераспределение земледельческих хозяйств по рабочему скоту в России». И на основании этого им был сделан вывод об отсутствии в деревне процесса социальной дифференциации. *«Изучение действительности — подчеркивал он — не обнаруживает типичного для процесса дифференциации двухстороннего развития крайних противоположных типов (крестьянского хозяйства — А.О.) за счет однородной середины. Процесс идет в одну сторону хозяйственного упадка»*⁴⁹.

Тогда же, в 1890-е гг., появились работы, в которых показывалось, что вторая половина XIX в. характеризовалась тем, что не только в России, но в Западной Европе развитие капитализма сопровождалось не концентрацией, как, казалось бы, должно было быть, а дроблением крупной земельной собственности⁵⁰.

В связи с этим возник вопрос о применимости к сельскому хозяйству общепринятых представлений о закономерностях развития капитализма. В связи с этим был взят на вооружение закон падения плодородия почвы, требующего новых, дополнительных вложений капитала и ведущего к удорожанию производства, а значит, к снижению рентабельности⁵¹. Однако эта закономерность заслуживала бы внимания

⁴⁸ Материалы для оценки земель, собранные Черниговским статистическим отделением при губернской земской управе. Т. XV. Кролевецкий уезд. С четырьмя литографированными картограммами и приложением подворной переписи 1883 г. и Румянцевской переписи 1767 г. Чернигов, 1887. С. 286–291.

⁴⁹ Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901. С. 107.

⁵⁰ См., например: Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 1–2. СПб. 1900.

⁵¹ Так называемый «закон убывающего плодородия почвы» был впервые сформулирован в XVIII в. французским экономистом А.Р.Ж. Тюрго и несколько позднее английским экономистом Э. Уэстом. Э. Уэст и Д. Рикардо пытались объяснить этим законом тенденцию падения нормы прибыли и опирались на него в обосновании теории дифференциальной ренты. В России к сторонникам этого

только в том случае, если бы было доказано, что степень интенсивности производства зависела от его масштабов.

По всей видимости, это привело к появлению другого закона — закона убывающей производительности затрат, согласно которому рентабельность растет в соответствии ростом капиталовложений лишь до определенного момента, а затем это соответствие нарушается⁵². С позиций этого закона В.А. Косинский попытался объяснить кризис крупного землевладения в России. Эта закономерность представляется бесспорной с одним уточнением: определенному уровню производительности труда должны соответствовать определенные оптимальные масштабы производства, за пределами которых производительность будет убывать.

Когда факт дробления крупной собственности был общепризнан, и было общепризнано сокращение многолошадных крестьянских хозяйств, В.И. Ленин объяснил это тем, что процесс развития капитализма в деревне идет волнообразно, а П.П. Маслов высказал мысль, что в зависимости от условий этого процесс может иметь и прогрессивный и регрессивный характер.

Идя далее в этом же направлении, Н.П. Огановский выделил четыре возможных варианта аграрной эволюции в условиях капитализма: а) сокращение численности верхов и рост численности низов — «подвижка вниз», б) рост численности верхов и сокращение численности низов — «подвижка вверх», в) сокращение численности верхов и низов — «нивелировка» и г) рост численности верхов и низов — «социальная дифференциация».

В результате этого особое значение стали приобретать две проблемы: а) функционирование сельскохозяйственного производства и б) условия, в которых оно функционировало.

Из числа наиболее важных работ по аграрной истории пореформенной эпохи, появившихся на рубеже XIX–XX вв. следует назвать работы таких авторов, как К.Ф. Головин⁵³, Л.В. Ходский⁵⁴, Ф.Г. Тернер⁵⁵, С.С. Бехтеев⁵⁶, В.И. Гурко⁵⁷, П.П. Маслов⁵⁸, А.А. Кауфман⁵⁹, П.И. Лященко⁶⁰. К началу революции 1917 г. было много сде-

закона принадлежали С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, П.П. Маслов.

⁵² Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. I. Крестьяне и помещичье хозяйство. Одесса, 1906. С. 4–38.

⁵³ Головин К.Ф. Крупное землевладение в Западной Европе и в России. М., 1887; Его же. Сельская община в литературе и в действительности. СПб., 1887; Его же. Социализм как положительное учение. СПб., 1892; Его же. Мужик без прогресса или прогресс без мужика. К вопросу об экономическом материализме. СПб., 1896; Его же. Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899.

⁵⁴ Ходский Л.В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. Т. 1–2. СПб., 1891.

⁵⁵ Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. В 2 т: Т. 1. СПб., 1896; Т. 2. СПб., 1901.

⁵⁶ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия. В 3 т. СПб., 1902–1911.

⁵⁷ Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902; Его же. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909.

⁵⁸ Маслов П.П. Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903.

⁵⁹ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. В 2 т. М., 1908.

⁶⁰ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. В 2 т. СПб., 1908, 1913.

лано в изучении земледелия⁶¹ и животноводства⁶², крестьянского⁶³ и помещичьего⁶⁴ хозяйства, общины⁶⁵, бюджетов⁶⁶ и т. д.

В ходе полемики вокруг этих проблем было обращено внимание на то, что если крупное хозяйство действительно подвергалось дроблению, то мелкое хозяйство, вопреки законам капитализма, успешно конкурировало с крупным хозяйством. В то же время было установлено, что процесс разрушения мелких и средних крестьянских хозяйств идет медленнее, чем процесс разрушения крупных хозяйств. На основании этого Н.А. Каблуковым еще в 1899 г. была сформулирована идея «устойчивости мелкого хозяйства»⁶⁷, а стремление объяснить эту устойчивость привело к появлению так называемой организационно-производственной школы⁶⁸.

Исходя из необходимости рассматривать крестьянское хозяйство как систему, представители этого направления (А.В. Чаянов⁶⁹, Н.П. Макарова⁷⁰, А.Н. Челинцев⁷¹) видели объяснение этой устойчивости в двух факторах: в потребительском характере хозяйства, то есть в слабой связи его с рынком, а поэтому в слабой зависимости от рыночных колебаний, а также в *способности мелкого производства к самоэксплуатации*, чего было лишено крупное хозяйство, основанное на использовании наемного труда.

Последний фактор в свое время был отмечен еще К. Марксом в «Капитале», но почему-то проигнорирован его последователями. Однако представители организационно-производственной школы считали, что дело заключалось не столько в том, что крестьянин выступал в роли своеобразного Януса (одновременно и в качестве собственника средств производства, и в качестве наемного рабочего) и поэтому мог вести хозяйство без прибыли, сколько в особенностях самого мелкого хозяйства, которое существовало и тогда, когда не существовало капитализма. Поэтому объяснение этого нужно искать в особенностях крестьянской психологии.

⁶¹ См. литературу: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 369–404.

⁶² См. литературу: Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2014.

⁶³ См., например: Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство в России. Ч. 1. М., 1920.

⁶⁴ Ковалев С.Н. Отечественная историография помещичьего хозяйства России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1998.

⁶⁵ Дубровский С.М. Российская община в литературе XIX и начала XX в. (библиографический обзор) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 328–361.

⁶⁶ Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы. Л., 1929.

⁶⁷ Каблуков Н.А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899.

⁶⁸ Галас М.Л. Вопросы истории и теории крестьянского хозяйства в трудах А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Его же. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова. М., 2007.

⁶⁹ Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. В 2 т. М., 1912–1913; Его же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

⁷⁰ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.

⁷¹ Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Крамар А.А. А.Н. Челинцев как ведущий представитель организационно-производственной школы. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.

Однако у этих построек было одно уязвимое место. Если всё было так, то чем объяснить, что из крестьянской среды выделялись и фабриканты, и купцы, и ростовщики, и мелкие торговцы, и «чумазные бароны». Значит, дело не в трудовой этике. Поэтому объяснить, почему в России не формировался аграрный капитализм, и в том числе не росло фермерство, представителям этой школы не удалось.

В основе этой неудачи лежали, по крайней мере, две причины: во-первых, рассмотрение самого крестьянского хозяйства вне его развития — отсюда стремление к конструированию модели абсолютного типа трудового хозяйства, во-вторых, явно упрощенное и одностороннее понимание факторов, регулирующих его функционирование и оптимальные размеры — абсолютизирование психобиологических факторов — численности крестьянской семьи и особенностей психологии мелко-го производителя.

При таком подходе различия, существовавшие между отдельными хозяйствами, сводились представителями организационно-производственного направления или к различиям в размерах семей, или же к чисто имущественным, количественным показателям. Что же касается воздействия капитализма на крестьянство, то оно сводилось почти исключительно к разорению и гибели определенной части крестьянских хозяйств.

Не разделяя подобный подход представителей организационно-производственного направления, вместе с тем, следует отметить, что сама постановка вопроса о необходимости системного подхода к рассмотрению крестьянского хозяйства была плодотворной, так как нацеливала внимание исследователей не только на изучение социальных отношений, складывавшихся в деревне, но и на изучение самих производительных сил, которые тоже переживали процесс перестройки и без изучения которых сложно, а порой и невозможно понять сами социальные отношения.

К началу XX в. накопилось достаточно много нового фактического материала, опираясь на который Н.Л. Огановский предпринял попытку обобщить его с неонароднических позиций. Так появился на свет его трехтомный труд «Закономерности аграрной эволюции». Первый том был посвящен теории аграрного вопроса, второй — характеристике закономерностей и особенностей аграрной эволюции России, третий — характеристике отдельных районов страны с целью выяснения достигнутой ими ступени аграрной эволюции. Предполагался четвертый том, в котором автор собирался рассмотреть проблемы текущей и будущей аграрной политики, но удалось ли ему реализовать эту задачу неизвестно.

Исходя из положения о том, что «цель сельскохозяйственного производства — удовлетворение продовольственных и некоторых других потребностей всего населения» и считая, что «эволюция сельскохозяйственного производства состоит в развитии производительных сил земли». Н.Л. Огановский выделял в развитии сельского хозяйства три стадии: а) доземледельческую, б) стадию экстенсивного земледелия и в) стадию интенсивного земледелия. На второй стадии происходит захват земли в частную собственность и складывание трех типов хозяйства — крупного, среднего и мелкого. Если на стадии экстенсивного развития главную роль играл захват новых земель, то на второй — интенсификация ее использования. В результате крупные хозяйства как более экстенсивные (и следовательно, отличающиеся наи-

меньшими издержками) начинают быстро разоряться, уступая место мелким как более интенсивным и средним, как более выгодным. По мнению автора, необходимо было объединить мелкие хозяйства, чтобы наряду с более высокой интенсивностью эксплуатации земли, они приобрели бы и выгоду. По мнению автора, подобный финал будет неизбежен, когда окончательно исчезнет крупное землевладение и отпадут препятствия со стороны власти в подобном преобразовании деревни.

То, что к началу XX в. Россия была беременна революцией, понимали многие, но то, что она приведет к власти одну из самых крайних революционных партий, партию большевиков, и то, что большевики провозгласят курс на социализм, для многих оказалось неожиданным.

Под впечатлением этого известный медиевист Р.Ю. Виппер писал, что русская революция произошла «обратно предвидению теории»⁷², а большевистский историк М.Н. Покровский заявил о случайном характере этой революции. Однако произошедший исторический поворот означал лишь, что современники не сумели понять характер происходивших в обществе перемен. А поэтому речь шла не о признании революции случайной, а о необходимости пересмотра прежних представлений на этот счет.

Первоначально в советской литературе не существовало единства в понимании произошедшего, не существовало и единого подхода в изучении дореволюционной деревни. С одной стороны продолжали публиковаться работы представителей либерального и мелкобуржуазного направлений⁷³, с другой стороны, работы первых историков-марксистов⁷⁴: С.М. Дубровского⁷⁵, Г.С. Гордеева⁷⁶, А.В. Шестакова⁷⁷, А. Гайстера⁷⁸, Ю. Ларина⁷⁹. А. Тюменева⁸⁰.

Именно в это время завершилось формирование так называемой организационно-производственной школы. Свообразным итогом этого стала вы-

⁷² Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3, 30.

⁷³ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918; Бруцкис Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; Першин П.Н. Участковое землепользование в России. М., 1922; Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России. Курс, 1927; Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы. Л., 1929.

⁷⁴ Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966; Родиков М.Л. Российская деревня: дискуссии о путях развития и уроки аграрных реформ (конец XIX – 20-е гг. XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁷⁵ Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1922; «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925.

⁷⁶ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л., 1925.

⁷⁷ Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; Его же. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 г. Л., 1927; Его же. Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России. Т. 1. Ч. 1–2. М., 1924; Его же. Борьба сельских рабочих в революции 1905–1907 гг. Л., 1930.

⁷⁸ Гайстер А. Сельское хозяйство капиталистической России. От реформы 1861 г. до революции 1915 г. М., 1928.

⁷⁹ Ларин Ю. Экономика досоветской деревни. М.-Л., 1926.

⁸⁰ Тюменев А. От революции к революции. Из общественно-экономических итогов революции 1905 г. Л., 1925.

шедшая в 1925 г. монография А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства».

Уже в первые же годы советской власти центр тяжести начинает переноситься на ту сторону проблемы, которая до этого почти не изучалась: классовую борьбу в деревне⁸¹.

После ликвидации нэпа (1929), чистки Академии наук (1929–1931) и дискуссии об общественно-экономических формациях (1929–1932) и о двух путях развития капитализма в России (прусском и американском), в 30-е гг. утвердилось более или менее единая концепция⁸², согласно которой «после реформы [1861 г.] Россия вступила в капиталистический период своего развития» и в экономике сохранились лишь «остатки» или «пережитки феодализма»⁸³.

В соответствии с этим получили распространение представления, согласно которым зарождение и утверждение капитализма в России рассматривались как процесс, постепенно развивающийся в недрах феодализма. Завершение формирования единого внутреннего рынка было датировано XVII в.⁸⁴, XVII – первая половина XIX в. характеризовались, как эпоха первоначального накопления⁸⁵, к 1861 г. было отнесено завершение промышленного переворота⁸⁶ и, таким образом, отмена крепостного права оценивалась как победа капитализма⁸⁷, начало XX в. рассматривалось как эпоха империализма — преддверие социализма.

Однако все эти датировки имели произвольный характер.

Некоторые перемены наметились уже после окончания Великой Отечественной войны. Здесь прежде всего следует назвать проведение ряда научных дискуссий (о периодизации истории СССР, о товарном производстве при феодализме⁸⁸, о первоначальном накоплении в России⁸⁹) и создание в 1949 г. в рамках АН СССР специальной Комиссии по истории крестьянства и сельского хозяйства⁹⁰.

Заслуга названной комиссии заключается в том, что она приступила к изданию специального сборника статей по истории сельского хозяйства и крестьянства⁹¹, а

⁸¹ Аграрная революция. Т. 1. М., 1928.

⁸² Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

⁸³ История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940. С. 483.

⁸⁴ Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII век) // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 80–109.

⁸⁵ Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. Т. 54. М., 1955; К вопросу о первоначальном накоплении в России. XVII–XVIII вв. М., 1958; Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.

⁸⁶ Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944.

⁸⁷ История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. / ред. М.В. Нечкина. М., 1940. С. 483.

⁸⁸ Товарное производство при феодализме (теоретическая конференция в Институте истории АН СССР) // Исторические записки. Т. 46. М. С. 321–337.

⁸⁹ Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 420–429.

⁹⁰ Индова Е.И. Тридцатилетие Комиссии по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. 1980. № 10.

⁹¹ Материалы по истории земледелия. Сб. 1. М., 1952; Сб. 2. М., 1956; Сб. 3. М., 1959; Сб. 4. М., 1960; Сб. 5. М., 1962; Сб. 6. М., 1965; Сб. 7. М., 1969; Сб. 8. М., 1974; Сб. 9. М., 1980.

также стала одним из организаторов регулярных научных конференций по аграрной истории (с 1958 г.). С 1958 по 1991 г. состоялось 23 сессии Всесоюзного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы⁹².

Важной вехой в изучении истории пореформенной деревни стало появление в 1959 г. на страницах «Исторических записок» статьи А.М. Анфимова «К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века». Статья открывалась констатацией сложившегося в литературе мнения о полном господстве в дореволюционной российской деревне капиталистических отношений. «Утверждения подобного рода, — писал А.М. Анфимов, — являются следствием того, что авторы часто при решении важнейших вопросов опираются не на всю систему взглядов основоположников марксизма-ленинизма в их развитии, а на отдельные произведения и даже цитаты. В частности берутся выводы из книги В.И. Ленина “Развитие капитализма в России” и не принимаются во внимание его труды, написанные с учетом опыта революции 1905–1907 гг.»⁹³.

В связи с этим А.М. Анфимовым было обращено внимание на то, что в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» В.И. Ленин объяснял ошибочность «отрезочной» программы РСДРП допущенной при этом переоценкой уровня развития капитализма в деревне. Исходя из этого, А.М. Анфимов делал вывод не только о пересмотре В.И. Лениным своих первоначальных взглядов, но и том, что в начале XX в. в деревне преобладали не капиталистические, а полукрепостнические отношения⁹⁴. Статья А.М. Анфимова стала предметом дискуссии на специальном симпозиуме, посвященном особенностям аграрного строя России в период империализма (1962 г.)⁹⁵.

Однако дискуссия не поколебала позиций сторонников концепции о господстве в дореволюционной деревне капиталистических отношений. Эта концепция приобрела особый статус после того, как нашла отражение в первом томе многотомной «Истории КПСС». «Падением крепостного права, — говорилось в ней, — *начался новый период истории России, период смены одного господствующего способа производства, другим, крепостничества — капитализмом*»⁹⁶.

Важным событием в переосмыслении нашего прошлого стали дискуссия о двух стадиях развития феодализма, которая началась статьей М.В. Нечкиной «О “восходящей” и “нисходящей” стадиях феодальной формации», опубликованная в

⁹² I — 1958, Таллин; II — 1959, Москва; III — 1960, Киев; IV — 1961, Рига; V — 1962, Минск; VI — 1963, Вильнюс; VII — 1964, Кишинев; VIII — 1965, Москва; IX — 1966, Таллин; X — 1968, Ленинград; XI — 1969, Одесса; XII — 1970, Рига-Сигулда; XIII — 1971, Вильнюс-Каунас; XIV — 1972, Гродно; XV — 1974, Вологда; XVI — 1976, Кишинев; XVII — 1978, Ростов-на-Дону; XVIII — 1980, Воронеж; XIX — 1982, Уфа; XX — 1984, Таллин; XXI — 1986, Казань; XXII — 1989, Минск; XXIII — 1991, Свердловск.

⁹³ Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 119–162.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Особенности аграрного строя России в период империализм. Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М., 1962.

⁹⁶ История КПСС. В шести томах. Т. 1. М., 1964. С. 9.

июльском номере журнала «Вопросы истории» за 1958⁹⁷ и продолжалась до конца 1963 года⁹⁸, дискуссия о мелкотоварном укладе в России, проходившая на страницах журнала «История СССР в 1931–1963 гг.»⁹⁹, дискуссия о переходе России от феодализма к капитализму¹⁰⁰.

В ходе дискуссии о мелкотоварном производстве П.Г. Рындзюнский и И.Д. Ковальченко обратили внимание на то, что и А.М. Анфимов, и С.М. Дубровский исходили из упрощенных представлений о капитализме, демонстрируя тенденцию «к ограничению аграрного капитализма в сущности лишь его чистыми, классическими формами», не учитывая особенности его рождения и развития. Поэтому спор о господстве капитализма в деревне между А.М. Анфимовым и С.М. Дубровским был по сути дела спором о господстве его развитых форм¹⁰¹.

В связи с этим П.Г. Рындзюнский обратил внимание на слова В.И. Ленина о двух стадиях в рождении капитализма и поставил вопрос о том, что в России к 80-м годам победил капитализм, но в неразвитых формах¹⁰². Этот вывод поддержал и развил И.Д. Ковальченко¹⁰³. В связи с этим полукрепостнические отношения стали рассматривать как раннекапиталистические.

Еще в 1952 г. В.К. Яцунский поставил вопрос о необходимости передвижения даты завершения промышленного переворота на 80-е гг. XIX в.¹⁰⁴. Если тогда его никто не поддержал, то затем его точка зрения на этот счет получила почти всеобщее признание, а некоторые исследователи поставили вопрос о том, что промышленный переворот завершился только к концу XIX в.¹⁰⁵

Наметился пересмотр существовавших представлений и в вопросе о формировании единого внутреннего рынка. Еще в 40-е гг. Н.М. Дружинин поставил вопрос о том, что образование всероссийских ярмарок не может служить критерием образования единого внутреннего рынка и предложил отнести завершение этого процесса к середине XVIII в., когда были ликвидированы внутренние таможи, а И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов отнесли завершение этого процесса к началу 1880-х гг.¹⁰⁶ Особенно ценным было предложение И.Д. Ковальченко о необходимости выделения в процессе формирования единого рынка двух стадий: мелкотовар-

⁹⁷ Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. 1958. № 7. С. 86–108.

⁹⁸ Вопросы истории. 1959. № 1, 9, 11; 1961. № 9; 1963. № 12.

⁹⁹ История СССР. 1961. № 2; 1962. № 1, 4; 1963. № 2, 3, 4.

¹⁰⁰ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969.

¹⁰¹ Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России XIX в. // История СССР. 1961. № 2. С. 48–70; Его же. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. // Там же. 1963. № 4. С. 95–119.

¹⁰² Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978.

¹⁰³ Ковальченко И.Д. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 30–51.

¹⁰⁴ Яцунский В.К. Промышленный переворот в России. К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений // Вопросы истории. 1952. № 12.

¹⁰⁵ Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск, 1968; Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.

¹⁰⁶ Ковальченко И.Д., Милов Л.А. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 283–317.

ного и капиталистического рынка. К началу 1880-х гг., по его мнению, в России завершилось формирование мелкотоварного рынка, а формирование капиталистического рынка не завершилось вплоть до 1917 г.¹⁰⁷

С этих новых позиций развернулось изучение отдельных конкретных проблем аграрной истории периода капитализма. Особый вклад в этом отношении внес А.М. Анфимов, из под пера которого вышли пять монографий¹⁰⁸ и целая серия статей.

«Новое направление» утверждалось в литературе в борьбе с прежними представлениями. Одним из наиболее активных оппонентов А.М. Анфимова стал С.М. Дубровский, принадлежавший еще к первому поколению советских историков-аграрников¹⁰⁹. В этих условиях возобновилась дискуссия о путях развития аграрного капитализма¹¹⁰.

Однако этот спор по своей сути был бесперспективным. Несмотря на то, что в результате революции помещичье землевладение как основной носитель прусского варианта развития было уничтожено и помещичья земля перешла к крестьянству, американский вариант не получил развития.

Более того, в годы гражданской войны под ударом оказалось не только помещичье хозяйство, но и хозяйства деревенской буржуазии. Причем даже после окончания гражданской войны, в годы НЭПа хозяйства фермерского типа оставались малочисленными, зато произошло возрождение общины.

В связи с этим некоторые исследователи склонны были считать, что даже кулацкие хозяйства не являлись носителями фермерских тенденций. А затем советское государство уничтожило даже ростки фермерского хозяйства и провело коллективизацию.

Однако здесь очень важно, что подобный поворот вызвал сопротивление крестьян только на очень ограниченной территории. Это означает, что на большей территории страны эта политика, если и не соответствовала интересам большинства крестьян, то во всяком случае не находилось в противоречии с их коренными интересами. Это означает, что мы до сих пор не имеем полного представления о том, что происходило в дореволюционной российской деревне.

¹⁰⁷ Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. №2. С. 41–74.

¹⁰⁸ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; Его же. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Его же. Крупное помещичье хозяйство в Европейской России. Конец XIX – начало XX в. М., 1969; Его же. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980; Его же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984.

¹⁰⁹ Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М., 1962.

¹¹⁰ Фадеев А.В. Развитие капитализма вширь в пореформенной России. Обсуждение доклада А.В. Фадеева // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 10. М., 1956. С. 3–27; Малахинов Н.И. О двух путях аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962; Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962; Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России (сравнительно-исторический очерк) // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 62–76.

Поскольку после 1917 г. аграрное развитие России не пошло ни по прусскому, ни по американскому пути, объяснения требовал совершенно другой вопрос: почему эти две тенденции экономического развития оказались нереализованными. Более того, иной вариант развития требовал объяснения именно его. То, что в результате коллективизации он был навязан советской властью сверху, не требует доказательств. Проблема заключается в другом: а) имелись ли объективные предпосылки для такого развития и б) почему крестьянство не встретило его в штыки.

Вопрос о необходимости выделения особого, российского варианта аграрно-капиталистической эволюции был поставлен П.Г. Галузо, а затем поддержан М.Я. Гефтером¹¹¹, И.Ф. Гиндиным¹¹² и К.Н. Тарновским¹¹³.

Принципиально важное значение имела постановка проблемы «наложения эпох». Суть этой проблемы сводилась к следующему. Чем позже та или иная страна становилась на путь капиталистического развития, чем сильнее был разрыв между ее уровнем и задачами, которые требовалось решать. Если в Англии сначала имело место первоначальное накопление, а затем как его завершение — промышленный переворот, то в других странах промышленный переворот приходилось начинать одновременно с первоначальным накоплением, а в третьих — еще до него. Это вело к деформации английской модели становления капитализма и возникновению многоукладности. В связи с этим Тарновский обратил внимание на то, что становление капитализма в России ближе к индийскому, чем к европейскому варианту¹¹⁴.

Одним из способов разрушения цельности прежней концепции стало вынесение на страницы печати проблемы многоукладности, которая открывала возможность изучать другие уклады, а затем и подвинуть капиталистический уклад на второе место¹¹⁵. Поэтому данный подход был зарублен на корню¹¹⁶. Самым ярким показателем этого стала судьба докторской диссертации К.Н. Тарновского, в которой он сделал попытку подвести итоги пересмотра представлений об аграрно-капиталистической эволюции России начала XX в. Диссертация была успешно защищена на заседании Ученого совета Института истории АН СССР в 1970 г., а затем зарублена ВАКом и увидела свет только через 20 лет¹¹⁷.

¹¹¹ Гефтер М.Я. Страничка из истории марксизма в начале XX в. // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Сб. ст. М., 1969. С. 21.

¹¹² Гиндин И.Ф. Ленин об общественно-экономической структуре России // В.И. Ленин о социальной структуре и общественно-политическом строе России. М., 1970. С. 230–317.

¹¹³ Тарновский К.Н. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России (к дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве) // История СССР. 1970. № 3.

¹¹⁴ Тарновский К.Н. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 120–132.

¹¹⁵ Иванов Л.М., Тарновский К.Н. Общественно-экономическая структура России. Проблема многоукладности. М., 1970.

¹¹⁶ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в России начала XX в. М., 2008.

¹¹⁷ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – 60-х годов. М., 1990.

В этих условиях А.М. Анфимов был вынужден признать свою концепцию ошибочной¹¹⁸, о чем позднее выражал сожаление¹¹⁹.

Несмотря на то, что в 1970-е гг. «новое направление» было разгромлено, изучение дореволюционной деревни продолжалось. В частности, именно в это время работами И.Д. Ковальченко¹²⁰, Л.В. Милова¹²¹, Т.В. Китаниной¹²², Б.Н. Миронова¹²³ был сделан определенный шаг вперед в изучении аграрного рынка.

В полном соответствии с новыми установками под руководством И.Д. Ковальченко были подготовлены две книги: одна, посвященная помещичьему хозяйству — другая крестьянскому. В первой было сделана попытка доказать, что к 1917 г. помещичье хозяйство смогло перестроиться на капиталистические рельсы¹²⁴, во второй — вопрос об итогах капиталистической эволюции по существу остался открытым¹²⁵.

В середине 1970-х гг. Институт истории СССР АН СССР приступил к работе над многотомной историей крестьянства, которая должна была состоять из десяти томов: пять до 1917 г., пять — после 1917 г.¹²⁶. В 1987–1993 гг. были изданы первые три тома, охватившие период до 1861 г. и на этом издание прекратилось¹²⁷. Началась перестройка.

Перестройка оказала благотворное влияние на развитие исторической науки. Произошло оживление научных исследований, были сняты идеологические и цензурные ограничения, началось возвращение в литературу запретных тем и запрещенных идей, в частности, была реабилитирована идея многоукладности дореволюционной экономики. Появились в печати зарубленные ранее работы. Появилась возможность писать, не оглядываясь на прежние высокие авторитеты.

Казалось бы, в годы перестройки с ослаблением, а затем и отменой цензуры ситуация должна была измениться. Однако этого не произошло. Как писал еще Н.А. Некрасов, «вместо цепей крепостных люди придумали много других». Эмпирики продолжают блуждать в дебрях фактов, теоретики витать в небесах схоластики.

Казалось бы, «перестройка» открыла возможность для возрождения разгромленного «нового направления». Однако этого не случилось. Вопрос для историков: почему? Предложу несколько объяснений: во-первых, судя по всему, это

¹¹⁸ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 7.

¹¹⁹ Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.

¹²⁰ Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя... С. 41–74.

¹²¹ Ковальченко И.Д., Миллов Л.В. Всероссийский аграрный рынок...

¹²² Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978.

¹²³ Миронов Б.Н. Движение хлебных цен в России в 1801–1914 гг. // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 45–57; Его же. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981; Его же. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.

¹²⁴ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982.

¹²⁵ Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы исследования. М., 1988.

¹²⁶ История крестьянства СССР. 1917–1975 гг. Проспект. М., 1976. 160 с.

¹²⁷ История крестьянства СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1–3. М., 1987–1993.

направление родилось по указке из ЦК, а поскольку нового указания не последовало, не произошло и возрождения; во-вторых, представители «нового поколения» не создали себе смену из тех, кто готов был следовать их идеям, даже без учителей; в-третьих, новое время требовало новых песен: раньше требовалось доказать, что существовали предпосылки социалистической революции, теперь нужно было доказать, что революция не имела предпосылок.

В начале 1990-х гг. историческая наука в России, как и вся страна, оказалась в состоянии кризиса. Была ликвидирована Комиссия по изучению истории сельского хозяйства и крестьянства, сократилась издательская деятельность. На третьем томе было прекращено издание многотомной «Истории СССР».

Начало уходить со сцены старое поколение исследователей: К.Н. Тарновский (1921–1987), П.Г. Рындзюнский (1909–1993), В.Г. Тюкавкин (1928–2002), В.П. Данилов (1925–2004). В 1995 г. почти одновременно умерли А.М. Анфимов (1916–1995) и И.Д. Ковальченко (1923–1995). Скончалась Е.И. Индова, на протяжении многих лет бессменно возглавлявшая Комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства АН СССР. Единственным центром изучения аграрной истории Научный совет по аграрной истории при Президиуме РАН, под руководством которого до сих пор продолжаются симпозиумы по аграрной истории. После И.Д. Ковальченко Совет возглавил Л.В. Милов, после его смерти — Е.Н. Швейковская. С 1994 г. возобновились регулярные заседания Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. За истекшие 20 лет прошло 11 сессий¹²⁸.

Если разработка проблем аграрной истории пореформенной России на общероссийском уровне сократилась, то в теоретическом осмыслении наметились некоторые перемены. Показателем этого могут служить теоретические семинары, которые проводились с 1992 по 1998 г. под эгидой ИРИ РАН и Междисциплинарного академического центра социальных исследований Московской высшей школы социальных и экономических наук под руководством В.П. Данилова и Т. Шанина. За шесть лет было проведено 12 заседаний, с материалами которых можно ознакомиться на страницах журнала «Отечественная история». Главная ценность этого семинара заключалась в том, что нам была предоставлена возможность ознакомиться с опытом изучения аграрных проблем в зарубежной литературе. В 1996 г. РАНХ начала издаваться сборник «Крестьяноведение»¹²⁹.

12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН состоялся Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», на котором было принято решение «об организации совместного постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», первое заседание которого состоялось 27 апреля 2011 г.¹³⁰

¹²⁸ XXIV — 1994, Москва; XXV — 1996, Арзамас; XXVI — 1998, Тамбов; XXVII — 2000, Вологда; XXVIII — 2002, Калуга; XXIX — 2004, Орел; XXX — 2006, Тула; XXXI — 2008, Вологда; XXXII — 2010, Рязань; XXXIII — 2012, Брянск; XXXIV — 2014, Самара.

¹²⁹ Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 1. М., 1996, Вып. 2. М., 1998, Вып. 3. М., 1999, Вып. 4. М., 2003, Вып. 5. М., 2006, Вып. 6. М., 2011, Вып. 7. М., 2012, Вып. 8. М., 2013.

¹³⁰ Марченя П.П., Разин С.Ю. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. М., 2012. С. 375–416.

Можно было бы ожидать, что организаторы этого «круглого стола» прежде всего обратятся к наиболее болезненным вопросам. Однако главный доклад, который обсуждался его участниками, был доклад А.Н. Медушевского «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России»¹³¹, главная идея которого выражена в словах: «аграрный вопрос — феномен не только и не столько экономический, сколько социопсихологический»¹³². Не отрицая необходимости изучения социальной психологии дореволюционного крестьянства, в то же время следует отметить, что оно не приближает, а удаляет от понимания того, что происходило в деревне.

20 декабря 2011 г. состоялось второе заседание круглого стола¹³³, на котором обсуждался доклад А.В. Гордона «Судьбы крестьянства в XX веке: цивилизационный аспект»¹³⁴.

Продолжилось изучение аграрной истории на местах.

Объектом внимания историков стали темы, которые до этого изучались явно недостаточно: община, помещичье хозяйство (как на общероссийском¹³⁵, так и на локальном материале¹³⁶), аграрная политика правительства и политических партий. Особым вниманием пользуется столыпинская аграрная реформа. Можно констатировать, что с определенного момента разработка проблем аграрной истории на локальном материале стала опережать ее разработку на уровне общероссийском. Одна из причин этого в том, что ушедшие не оставили продолжателей своего дела.

Период перестройки, и особенно время после гибели Советского Союза, характеризовались пересмотром многих представлений, сложившихся в годы советской власти. Одним из генеральных направлений этого пересмотра стала переоценка общего уровня экономического развития и состояния России к началу Первой мировой войны. Стало формироваться представление о том, что царская Россия и российская деревня переживали в эти годы период расцвета.

Причем если одни авторы считали возможным говорить об этом только применительно к началу XX века и связывать с успехами столыпинских аграрных ре-

¹³¹ Медушевский А.Н. Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России // Крестьяноведение. Вып. 7. С. 377–390.

¹³² Там же. С. 379.

¹³³ Там же. Вып. 8. 2013. С. 354–391.

¹³⁴ Там же. С. 355–368.

¹³⁵ Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России. Йошкар-Ола, 1997; Бунеева Е.Н. Крупное помещичье хозяйство России в конце XVIII – первой половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002; Фирсова О.Г. Эволюция хозяйственной деятельности крупных помещиков XVIII – первой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹³⁶ Лебедева О.Н. Помещичье хозяйство в Симбилийском имении графов Орловых-Давыдовых, 1861–1914 гг. Нижний Новгород, 1993; Полх П.П. Помещичье хозяйство Новгородской губернии в конце XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 2001; Никулин В.Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Калининград, 2006; Тушканов И.В. Частновладельческое хозяйство Саратовской губернии в пореформенный период (1861–1904). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1998. Юрчук К.И. Помещичье промышленное предпринимательство в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ярославль, 2004; Персидская Н.Ю. Помещичье хозяйство и землевладение на территории Мордовии во второй половине XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003.

форм¹³⁷, то другие считали возможным распространить эти представления на весь пореформенный период и даже на предреформенные годы.

Наиболее полное выражение новый подход нашел в работах Б.Н. Миронова, который поставил под сомнение разорение крестьянства и поместного дворянства и ухудшение положения деревни после отмены крепостного права, сделав попытку доказать, что на самом деле пореформенная деревня процветала. Впервые эта точка зрения была сформулирована им в 1999 г. в первом издании книги «Социальная история России» на основании динамики роста новобранцев. А когда в ходе обсуждения это книги было обращено внимание на то, что это противоречит данным о положении в деревне¹³⁸, Б.Н. Миронов в серии статей поставил эти данные под сомнение и попытался показать, что после отмены крепостного права зерновое производство развивалось быстрее роста численности населения, а налогообложение сокращалось¹³⁹.

Это вызвало возражения со стороны С.А. Нефедова, и в 2008–2009 гг. на страницах электронного альманаха «Клиодинамика» прошла дискуссия и причинах русской революции, материалы которой в 2010 г. были опубликованы¹⁴⁰.

В этом же году увидела свет книга Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России», в которой его концепция была сформулирована в более полном виде¹⁴¹. Позиция Б.Н. Миронова вызвала поддержку со стороны М.А. Давыдова¹⁴² и некоторых других авторов, провозгласивших книгу Б.Н. Миронова последним словом науки¹⁴³.

¹³⁷ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства. М., 2003.

¹³⁸ Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43–93.

¹³⁹ Миронов Б.Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 годы // С.Ю. Витте: выдающийся государственный деятель России. СПб., 1999; Его же. «Всякая душа празднику рада»: труд и отдых в русской деревне второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999; Его же. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник, 2000. М., 2001; Его же. «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2; Его же. Кому в России жилось хорошо // Родина. 2003. № 7; Его же. Обнищание крестьянства в пореформенной России: взгляд непредубежденного человека // VII Плехановские чтения: Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований. СПб., 2005. С. 28–33; Его же. Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками // Родина. 2006. № 1; Его же. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 83–95; Его же. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137–154; Его же. Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 84–100.

¹⁴⁰ О причинах русской революции. М., 2010

¹⁴¹ Миронов Б.Н. Благосостояние население и революции в имперской России. М., 2010.

¹⁴² Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.

¹⁴³ Революция как зеркало качества жизни? // Родина. 2010. № 9. С. 88–95; Россия в истории: от измерения к пониманию: новая книга Б.Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. № 1. С. 145–204.

Дискуссия была продолжена на страницах журнала «Вопросы истории»¹⁴⁴ и некоторых других изданий¹⁴⁵. Продолжением этой дискуссии были книга С.А. Нефедова «История России»¹⁴⁶ и две мои книги о зерновом производстве и животноводстве Европейской России в конце XIX – начале XX в.¹⁴⁷

На сделанные ему возражения Б.Н. Миронов ответил книгой «Страсти по революции»¹⁴⁸, которая войдет в историю как показатель падения нравов в современной научной среде¹⁴⁹.

Полемика вокруг книги Б.Н. Миронова обнажила те *проблемы, которые до сих пор остаются малоизученными*.

Во-первых, речь идет о том общем недостатке, который был отмечен В.К. Яцунским еще в 50-е гг. Имеется в виду *недостаточное внимание исследователей к истории сельскохозяйственного производства* и концентрация их усилий главным образом на изучении социальных отношений. «Социально-экономическая история, — писал В.К. Яцунский, — обычно сводится к истории одних производственных отношений, а производительным силам уделяется незначительное внимание», «причем в области сельского хозяйства дореволюционной России развитию производительных сил уделяется, пожалуй, еще менее внимания, чем их развитию в промышленности»¹⁵⁰.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что социальные отношения зависят по крайней мере от двух факторов: характера собственности на средства производства и уровня производства. «Способ распределения существенным образом зависит от того, какое количество продуктов подлежит распределению», — писал К. Маркс¹⁵¹. Выделяя последний фактор, Ф. Энгельс специально подчеркивал, что с изменением производства должен меняться и способ распределения. И хотя сельскохозяйственное производство стало предметом исследования, но только зерновое производство и только второй половины XIX в. Подводя в 1976 г. итоги изучения российской деревни начала XX в., А.М. Анфимов и Т.В. Осипова вынуждены были конста-

¹⁴⁴ Островский А.В. Модернизация России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10; Его же. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. 2011. № 6; Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Там же. 2011. № 5.

¹⁴⁵ Островский А.В. «Пьяная деревня»: домислы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2; Его же. Существовал ли системный кризис в России начала XX в. // Общественные науки и современность. 2014. № 2; Нефедов С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1; Нефедов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

¹⁴⁶ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011.

¹⁴⁷ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013; Его же. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2014.

¹⁴⁸ Миронов Б.Н. Страсти по революции. М., 2013.

¹⁴⁹ Островский А.В. Книга Б.Н. Миронова «Страсти по революции» как «образец» научной полемики // Вестник Тверского университета. Серия «История». 2013. Вып. 2.

¹⁵⁰ Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 20

¹⁵¹ Маркс К., Энгельс. Сочинения. Т. 37. М., 1964. С. 370.

тировать: «Мы не знаем, опережало ли зерновое производство прирост населения или же отставало от него»¹⁵². Животноводство вообще оказалось вне поля зрения.

А ведь дело не только в соотношении темпов развития сельского хозяйства и роста численности населения. Для понимания того, что происходило в деревне принципиально важное значение имеет и вопрос об уровне развития сельского хозяйства, и вопрос о его состоянии. Причем вопрос об уровне имеет два аспекта: а) агрикультурный и б) социальный.

С некоторых пор стало догмой считать, что с XVI в. в России господствовало трехполье, которое с конца XVIII – начала XIX вв. переживало кризис. Однако еще в начале 1980-х гг. мною было сделана попытка показать, что *на самом деле в Европейской России вплоть до начала XX в. не был завершён переход от переложно-залежной системы земледелия к трехполью*.

Другой аспект: это *степень удовлетворения населения сельскохозяйственными продуктами*. Эта проблема была поставлена еще до революции, но в советской литературе специально не рассматривалась. И привлекла внимание только в последнее время, породив достаточно горячие споры. Причем споры касались только хлеба. Что же касается животноводства, то этот вопрос вообще не поднимался¹⁵³.

Во-вторых, еще до революции было общепризнано, что пореформенная эпоха являлась временем разрушения натурального хозяйства и формирования хозяйства товарного, а значит, формирования и аграрного рынка. Однако в советское время эта проблема долгое время специально не изучалась. Можно назвать лишь работы Китаниной, Ковальченко и Миронова. Однако и эти работы оставили открытыми такие вопросы, как степень товарности сельского хозяйства, вопрос о том, *кто играл на аграрном рынке главную роль*, каковы были механизмы ценообразования, какова была доходность основных отраслей сельского хозяйства.

В-третьих, несмотря на то, что и помещичье, и крестьянское хозяйство до сих пор находятся в поле зрения исследователей, далеко не все аспекты их функционирования и взаимодействия изучены с необходимой полнотой. Достаточно сказать, что *вопрос об итогах капиталистической перестройки помещичьего хозяйства до сих пор является спорным*. Подобным же образом обстоит дело и с *крестьянским хозяйством*. Несмотря на все попытки доказать успехи капитализма и в одном секторе, и в другом, убедительной картины нарисовать не удалось. Поэтому в сфере социальных отношений необходимо перенести центр тяжести с изучения «чистых» или «классических форм» капитализма на изучение ранних форм капитализма и выяснить, когда ранние формы капитализма начали господствовать и что происходило: дальнейшее их распространение или же их вытеснение.

В связи с этим нельзя не отметить возрождение интереса к общине. Однако *вопрос о состоянии общины к началу XX века тоже относится к числу дискуссионных*. Еще в советское время возродился интерес к сельской кооперации. Однако в

¹⁵² Анфимов А.М., Осипова Т.В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 4.

¹⁵³ Рогатко С.А. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. М. 2014.

поле зрения авторов только сбытовая и кредитная кооперация, а также производственная кооперация, связанная с переработкой некоторых сельскохозяйственных продуктов (молочные артели). Все другие формы кооперации до сих пор еще ждут исследователя.

В-четвертых, приходится констатировать, что до сих пор *явно незначительное внимание обращалось на такую проблему, как проблема эксплуатации деревни*. Вся эксплуатация сводилась главным образом к аренде и отработкам. Даже проблема казенных платежей и то оставалась неизученной. Только в 2014 г. она была вынесена на очередной аграрный симпозиум. Между тем дело не ограничивалось этим. Полностью игнорировалось ростовщичество и «ножницы цен».

В-пятых, изучение аграрной истории обычно осуществляется изолированно от истории капитализма в промышленности и торговле (одно из немногих исключений — работы В.В. Волкова). Между тем вся история становления капитализма — это история взаимодействия города и деревни, промышленности и сельского хозяйства. Поэтому понять то, что происходило в городе без учета того, что происходило в деревне, невозможно. И наоборот.

Как неоднократно подчеркивали К. Маркс и В.И. Ленин, капитализм сначала рождается в городе, затем подчиняет себе деревню и только после этого перестраивает ее в соответствии со своими требованиями. Это значит, исследователями проигнорированы два очень важных момента: история подчинения деревни городу и история ее перестройки в соответствии с требованиями города. Между тем ее невозможно понять, если вырвать из общего контекста капиталистической трансформации России, т.е. и промышленности, и торговли, и финансов, и транспорта, а капиталистическую трансформацию России невозможно понять без того, что в это время происходило за пределами России, прежде всего на мировом рынке.

В-шестых, вступление на путь капитализма означало втягивание в международное разделение труда. Поэтому невозможно понять капиталистическую эволюцию без понимания того, что происходило в окружающем мире. В том числе на формирующемся мировом рынке. И хотя частично эта проблема уже затрагивалась, главным образом, в связи с так называемым аграрным кризисом 1880-х гг., сама эта проблема изучена явно недостаточно.

В-седьмых, изучение аграрной эволюции в России ведется без учета аналогичного опыта других стран. Поэтому даже понятия прусский и американский путь имеют во многом умозрительный характер.

В-восьмых, без всего этого трудно понять и ту борьбу, которая шла в деревне, и ту политику, которую проводила власть. Многие аспекты этой политики до сих пор игнорируются, а другие подвергаются искажению. Особенно это касается столыпинской аграрной реформы.

Огромный материал, накопленный за многие десятилетия исследователями разных направлений и научных школ, давно ждет обобщения. Предлагаемая работа представляет одну из таких попыток. Главная ее цель не только в том, чтобы дать комплексную характеристику российской деревни на рубеже XIX–XX вв., но и объяснить, как в деревне складывались предпосылки того революционного взрыва, который произошел в 1917 г. и почему он приобрел именно такой характер.

Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Появление товарного производства: роль демографического фактора

Капитализм возникает и получает развитие только на основе общественного разделения труда. «Основой всякого развитого и товаром опосредованного разделения труда» К. Маркс считал «отделение города от деревни», или же, правильнее будет сказать, отделение промышленности от сельского хозяйства, являвшееся следствием разрушения натурального хозяйства, в рамках которого домашняя промышленность была соединена с сельскохозяйственным производством¹⁵⁴.

Что могло быть движущей пружиной этого процесса? Рост спроса на товарную продукцию промышленного производства. Но что могло породить спрос на товарную продукцию промышленного производства в условиях натурального хозяйства? Ответ на этот вопрос может быть только один — неспособность домашней промышленности удовлетворять спрос на ее продукцию. Почему же натуральное хозяйство, бывшее способным на протяжении многих лет удовлетворять эти потребности населения, вдруг перестает это делать? И почему прежде всего оно перестает удовлетворять потребности в продукции домашней промышленности?

Разгадку этой проблемы следует искать не в сфере распределения, на что до сих пор были направлены усилия исследователей, а в сфере производства. Ключ к этой разгадке, на мой взгляд, дает идея «пределов роста», суть которой сводится к тому, что любая система может развиваться только до определенного предела, ограниченного возможностями ее функционирования (или в силу старения отдельных ее структурных элементов и невозможности их обновления, или же в силу исчерпания необходимых для ее функционирования ресурсов)¹⁵⁵.

Одна из важнейших производительных сил — это люди. Другой важный элемент производства в сельском хозяйстве — земля. Первый элемент находится в постоянном развитии, поскольку размножение людей определяется не только социальными, но и биологическими факторами. Второй элемент сам по себе как часть природы является не только более или менее стабильным, но и *исчерпаемым*. В ре-

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 23. С. 365.

¹⁵⁵ Краткое содержание доклада «Пределы роста» // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / ред. Д.М. Гвишиани. М., 1997. С. 123–148.

зультате *вся история человеческого общества характеризуется изменением соотношения между двумя этими элементами (земля-люди)*, что находит свое выражение в росте плотности населения.

В связи с этим К. Маркс проводил аналогию между разделением труда внутри всего общества и разделением труда в мануфактуре. «Если для разделения труда внутри мануфактуры, — писал он, — материальной предпосылкой является определенная численность одновременно занятых рабочих, то для разделения труда внутри общества *такой предпосылкой является численность населения и его плотность*, которые здесь играют ту же роль, какую играет скопление людей в одной и той же мастерской»¹⁵⁶.

Поскольку основу аграрных обществ составляло сельское хозяйство, их развитие, прежде всего, определялось развитием сельскохозяйственного производства. А так как для этих обществ было характерно преобладание натурального хозяйства, т.е. хозяйства, ориентированного на удовлетворение собственных потребностей, рост общественных потребностей определялся главным образом ростом численности населения. Иначе говоря, движущей пружиной развития сельскохозяйственного производства долгое время являлся *демографический фактор*¹⁵⁷.

Проблема народонаселения привлекла к себе внимание еще в XVI–XVIII вв. и заняла «центральное место в учении меркантилистов и физиократов»¹⁵⁸. На рубеже XVIII–XIX вв. она легла в основу теории Т.Р. Мальтуса (1766–1834), согласно которой темпы роста численности населения опережают темпы роста производительности земли¹⁵⁹. Эта же проблема занимала важное место в учении позитивистов. Так, О. Конт «считал рост плотности населения фактором ускоряющим социальное развитие, способствующим усложнению и интенсификации общественной жизни»¹⁶⁰. Осознание значимости этого фактора привело к появлению так называемой «*демографической теории*»¹⁶¹.

Одним из первых, кто в нашей, отечественной литературе обратил внимание на важность демографического фактора, был М.М. Ковалевский¹⁶², положивший ее в основу своей многотомной работы «Экономический рост Европы»¹⁶³. Определен-

¹⁵⁶ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 23. С. 365.

¹⁵⁷ Авдеев А.А. Исторические типы народонаселения в докапиталистических формациях. М., 2003.

¹⁵⁸ Кондратьев Н.Д. Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 206.

¹⁵⁹ Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. СПб., 1868.

¹⁶⁰ Кондратьев Н.Д. Рост населения... С. 206.

¹⁶¹ Краев В.С. «Демографическая школа» в буржуазной социологии XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1978; Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.

¹⁶² Кондратьев Н.Д. Рост населения... С. 196–217; Миронов Д.В. Социально-антропологическая концепция М.М. Ковалевского. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006.

¹⁶³ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1–3. М., 1898–1903; Ковалевский М.М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Публичные лекции проф. М.М. Ковалевского, чит. в Брюссельск. ун-те. СПб., 1899.

ную дань этой теории отдали П.Н. Милюков¹⁶⁴ и некоторые другие дореволюционные российские историки¹⁶⁵.

В советское время демографическая теория не только была предана забвению, но осуждена как ложная. На эту теорию я обратил внимание в 1976 г., когда на историческом факультете ВГПИ начал читать курс лекций по истории СССР XVI–XVII вв. Считая, что в своих исходных началах она не только не противоречит марксизму, но и открывает возможность для объяснения зарождения капитализма, в октябре 1979 г. я сделал попытку привлечь к ней внимания на всесоюзной научной конференции в Риге «Кризис современной буржуазной исторической науки»¹⁶⁶, но успеха не имел¹⁶⁷.

С учетом демографической теории в развитии сельского хозяйства можно выделить два этапа.

Для первого из них было характерно существование резерва свободных земель, в связи с чем темпы освоения новых земель соответствовали темпам роста численности населения. В этих условиях сельское хозяйство развивалось экстенсивно и длительное время находилось на одном и том же производственном уровне.

Рано или поздно происходило исчерпание резерва свободных земель, и тогда зарождалась диспропорция между темпами роста численности населения и отстававшими от них темпами освоения новых земель. Первоначально зарождение этой диспропорции имело локальный характер и вело к территориальной экспансии: переселению на новые, никем еще не захваченные земли или же захвату земель, принадлежащих другим народам.

Замедление колонизации при прежней производительности труда и прежней производительности земли имело своим следствием возникновение кризиса экстенсивного сельскохозяйственного производства, который в свою очередь вел к кризису основанного на нем натурального хозяйства, характеризовавшемуся появлением в деревне излишних рабочих рук (*аграрное перенаселение*), снижением объема производимой продукции, а значит и избыточного продукта, в расчете на душу населения, обострением борьбы за распределение и перераспределение избыточного продукта, нарушением воспроизводства натурального крестьянского хозяйства.

Сужение земельной базы крестьянского хозяйства, т.е. сокращение его земельной обеспеченности, имело своим следствием сокращение кормовой базы животноводства, а снижение обеспеченности крестьян пашней — сокращение посева технических культур, что означало разрушение сырьевой базы домашней промышленности, невозможность обеспечения крестьян одеждой и обувью за счет собственно-

¹⁶⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896.

¹⁶⁵ Демографический фактор использовался, например, исследователи поземельной общины (А.А. Кауфман, А.Р. Качаровский).

¹⁶⁶ О конференции см.: Дубровский А.М., Соловьев Е.А. Всесоюзная историографическая конференция // Вопросы истории. 1980. № 2. С. 226.

¹⁶⁷ Более того, едва только я начал свое выступление о развитии научных взглядов М.М. Ковалевского, председательствующим В.Е. Иллерицким была сделана попытка лишить меня слова. К чести присутствующих они не позволили это сделать.

го производства, рост рыночного спроса на эти и некоторые другие предметы, возникновение кустарного производства и ускорение развития ремесленного производства, что и означало отделение промышленности от сельского хозяйства.

Поскольку диспропорция между темпами роста населения и темпами освоения новых земель первоначально имела локальный характер, то локальный характер первоначально имел и процесс отделения промышленности от сельского хозяйства; в результате этого складывается новое территориальное разделение труда: между промышленными и аграрными областями. Сравните: Англия и Шотландия, Западная и Восточная Пруссия, Север и Юг Италии. Это разделение труда и становится одним из важнейших факторов формирования внутреннего рынка.

В условиях истощения земельного простора и сокращения земельной обеспеченности населения происходит трансформация крестьянской общины. Как известно, для присваивающего хозяйства была характерна родовая община. На стадии перехода от присваивающего хозяйства к производящему, от первобытнообщинного строя к государству родовая община трансформируется в общину территориальную или же соседскую, которая первоначально имела главным образом административно-податный характер, а затем превратилась в поземельную.

До тех пор пока существовал земельный простор, община не вмешивалась в поземельные отношения отдельных ее членов. Сокращение их земельной обеспеченности повело к возникновению и учащению конфликтов между ними. Община начинает играть роль арбитра в этих спорах и превращается в регулятора поземельных отношений, в результате чего складывается три вида общинных земельных угодий: те, которые находились в общем пользовании (лес, выгоны, неудобные земли), те, которые развешивались ежегодно (сенокосы), и те, которые между переделами находились во владении отдельных семей (главным образом пашня).

Одновременно в деревне начинался мучительный переход от экстенсивного сельского хозяйства к интенсивному. Причем на разных территориях и у разных народов в связи с природно-климатическими особенностями этот процесс приобретал свои особые черты. Если рассматривать Европу, то здесь мы видим переход земледелия от переложно-залежной системы к паровой (двупольной или трехпольной), а затем по мере истощения возможностей трехполья — от паровой системы к многополью.

Переложно-залежная система, к которой относилась и подсечно-огневая¹⁶⁸, характеризовалась тем, что земельный участок использовался без регулярного или специального удобрения до тех пор, пока давал удовлетворяющий урожай. Когда урожай начинал падать, прежний участок пашни забрасывался и в оборот вводился новый. Через некоторое время все повторялось¹⁶⁹.

С истощением возможностей переложно-залежной системы осуществлялся переход к трехполью. При этой системе с поля собирают два урожая, после чего оно один год отдыхает под паром. Интенсивность использования земли значительно увеличивается, но для сохранения постоянной урожайности паровое поле нужно удобрять навозом.

¹⁶⁸ Шапиро А.Л. О подсечном земледелии на Руси в XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. С. 121–131; Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

¹⁶⁹ Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. СПб, 1894. С. 58–144.

Исчерпание возможностей трехполья порождало необходимость перехода к многопольной системе, которая характеризовалась регулярным использованием почти всех обрабатываемых земель. Возможность подобной эксплуатации земель была связана с тем, что разные растения берут из почвы разные питательные вещества и в разном количестве, а некоторые (например, клевер) накапливают на корнях важнейший элемент плодородия — азот. В результате рациональное чередование культур позволяет регулировать в почве соотношение необходимых питательных веществ, а удобрение становится важнейшим средством восстановления и повышения плодородия почвы¹⁷⁰.

Для каждой из этих трех систем земледелия была характерна своя высота урожая, а значит, свои возможности в обеспечении населения хлебом. Переложно-залежная система давала с десятины примерно 25–30 пудов чистого сбора зерна (4–5 ц), трехполье — до 35–40 (6–7 ц), многополье — не менее 75 (12 ц)¹⁷¹. Если взять продовольственную норму 18 пудов — это 295 кг (3 ц)¹⁷², то в первом случае десятина посева могла прокормить 1,5 чел., во втором — 2,2, в третьем — 4,0. А поскольку для переложно-залежной системы было характерно, что под посевом находилось не более 50% пашни, для трехполья — около 67%, для многополья — почти 100%, получается, что первая система предполагала обеспеченность населения пашней не менее 1,3 дес., вторая — примерно 0,7 дес., третья — 0,25 дес.

Под влиянием диспропорции между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель происходила эволюция и животноводства. Если первоначально оно имело преимущественно пастбищный характер, то по мере сокращения его обеспеченности выгонами и сенокосами, по мере возрастания потребности земледелия в удобрении, в качестве которого долгое время использовался навоз, происходит переход к от преимущественно пастбищного содержания скота к преимущественно стойловому, от индивидуального выпаса скота — к коллективному (на общем пастбище под наблюдением общего пастуха).

Поскольку эти изменения были порождены исчерпанием резерва свободных земель и площадь пастбищных угодий сокращалась, как шагреневая кожа, параллельно расширению площади пашни, это приводит к тому, что в качестве выгона начинают использовать не только отдыхающий на протяжении одного года пар, но и поля, с которых снят урожай — жнивьё.

А поскольку для общинного землевладения был характерна чересполосица, превращение отдельных крестьянских полос, находящихся под паром и жнивьём, в общий выгон сопровождалось тем, что на это время между ними убирались изгороди, в связи с чем подобная система и получила название «системы открытых полей»¹⁷³.

Между тем для того, чтобы отдельные крестьянские полосы можно было использовать после уборки урожая в качестве общего выгона, необходимо было, что-

¹⁷⁰ Суринов В.М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д.Н. Прянишникова // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VII. Из исторического опыта сельского хозяйства в СССР. М., 1969. С. 321–333; Его же. Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. С. 288–297.

¹⁷¹ Прянишников Д.Н. Избранные сочинения. Т. 3. Общие вопросы земледелия и химизации. М., 1963.

¹⁷² Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 228–244.

¹⁷³ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 80–96; Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964. С. 98–106.

бы на всех этих полосках урожай был снят более или менее одновременно. Для этого поле необходимо было не только одновременно засеять, но и засеять одной культурой. В результате складывание системы открытых полей сопровождалось введением так называемого принудительного севооборота (по А.С. Посникову, «принудительной обработки»), для которого было характерно то, что сельский сход решал, когда и какое поле пахать, когда и чем засеять, когда убирать¹⁷⁴.

Но мере того, как земельная обеспеченность населения сокращается и крестьянство разоряется (под действием диспропорции между темпами роста населения и темпами освоения новых земель и под влиянием растущей эксплуатации, в том числе формирующегося капитала), поземельная община начинает разлагаться и на ее обломках рождается фермерское хозяйство.

Нельзя не отметить, что элементы товарной экономики (как в городе, так и в деревне) зарождаются еще в Древнем мире. Это касается и Древней Греции, и Древнего Рима, и Древнего Китая. Однако здесь в силу целого ряда причин основой товарного производства становится или рабский труд, или же труд крепостных крестьян.

Происхождение такого товарного производства, называемого некоторыми авторами капитализмом¹⁷⁵, давно привлекает к себе внимание ученых, однако до сих пор вызывает споры. Не входя к содержанию этих споров, можно лишь отметить, что там, где товарное производство получает развитие главным образом под влиянием внутренних факторов (разрушение натурального хозяйства), там складывается армия наемных рабочих; там, где товарное производство развивается главным образом под влиянием внешнего спроса и где еще нет многочисленной армии наемных рабочих, его основой становится труд рабов и крепостных крестьян.

Здесь, правда, следует отметить, что рабы никогда не играли главную роль в производстве Древнего Востока¹⁷⁶. Когда-то широко распространенные представления о доминирующей роли рабов в Древней Греции и Древнем Риме¹⁷⁷ оказались преувеличенными. Давно доказано, что в античном мире рабовладельческое хозяйство являлось лишь одним из укладов экономики, а главную роль в хозяйственной жизни продолжало играть крестьянство¹⁷⁸, которое находилось в разной степени зависимости или от государства, или от других земельных собственников¹⁷⁹.

¹⁷⁴ Посников А.С. Общинное землевладение. Вып. 2. Одесса, 1978. С. 13–24.

¹⁷⁵ Сальвиоли Д. Капитализм в античном мире. Этнод по истории хозяйственного быта. Харьков, 1923; Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 1–2. М., 2000; Моммзен Т. История Рима. Т. 1–3, 5. М., 2001–2002; Мейер Эд. Рабство в Древнем мире. М., 2007; Экономическое развитие Древнего мира. Пг., 1923; Бухараева М. Эдуард Мейер и его историческая концепция. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.

¹⁷⁶ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 193–242.

¹⁷⁷ Э. Гиббон, например, считал, что в Римской империи времен Клавдия «число рабов по меньшей мере равнялось числу свободных обитателей империи» (Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. 1. М., 1883. С. 59). А. Валлон утверждал, что рабы составляли две трети всего населения Аттики (Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1936). См. также: Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.

¹⁷⁸ Ростовцев М.И. Указ. соч.; Сальвиоли Г. Указ. соч. С. 64–65; Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 234; Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.

¹⁷⁹ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966. С. 43–45.

Долгое время процесс зарождения капитализма имел обратимый характер¹⁸⁰. Вопрос об обратимости исторического процесса возник еще в Древнем Риме¹⁸¹ и привел к созданию теории исторических циклов, которая впервые была обоснована Джанбатиста Вико (1668–1774)¹⁸², а затем получила особую известность благодаря работам Арнольда Тойнби (1889–1975)¹⁸³.

Вопрос об обратимости исторического процесса хотя и был поставлен в отечественной литературе А.Н. Чистозвоновым в 1969 г.¹⁸⁴, однако объявленная на эту тему дискуссия была пресечена в зародыше. На публикацию А.Н. Чистозвонова не последовало ни одного печатного отклика¹⁸⁵.

Проблема обратимости имеет многофакторный характер¹⁸⁶. Но, по всей видимости, ее объяснение дала сформулированная авторами Римского клуба идея «пределов роста»¹⁸⁷. Суть этой идеи заключается в том, что возможность исторического прогресса целиком и полностью зависит от возможности как отдельных стран и народов, так и всего общества обеспечивать дальнейшее развитие экономики, прежде всего производство жизненных благ, в соответствии с существующими потребностями. В противном случае прогрессивное развитие сменяется регрессивным.

Подобные идеи зародились еще в XVI–XVII вв., но получили широкий резонанс после того, как в конце XVIII в. Томас Мальтус (1766–1834) сформулировал свой закон, согласно которому численность населения возрастает в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания — в арифметической¹⁸⁸. Теория Т. Мальтуса возникла в условиях кризиса аграрной экономики. И хотя именно в конце XVIII в. из него был найден выход на пути промышленного переворота, проложившего начало перехода от аграрной экономики к индустриальной, по мере осуществления индустриализации проблема исчерпания ресурсов, проблема пределов роста возникла снова. Уже в 1910 г. этот вопрос был поднят в Стокгольме на Международном геологическом конгрессе, где был высказан прогноз, что при существующих темпах развития известных запасов железной руды хватит только до 1970 г.¹⁸⁹ По всей видимости, именно из этого исходил в 1911 г. К.И. Богданович, который тоже относил возможность исчерпания запасов желез-

¹⁸⁰ Подробнее см.: Островский А.В. История цивилизации. СПб., 2000.

¹⁸¹ Отражением этого является книга римского историка Полибия (201–120 до н.э.) *Всеобщая история* (Т. 1–2. М., 2004).

¹⁸² Вико Д. Основание новой науки об общей природе наций. Л., 1940.

¹⁸³ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 2001.

¹⁸⁴ Чистозвонов А.Н. Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 78–91; Селецкий Б.П. Размышления об историческом процессе. В предчувствии апокалипсиса. Псков, 2000; Островский А.В. История цивилизации...

¹⁸⁵ Обсуждения этой проблемы было продолжено лишь через несколько десятилетий. См., например: Селецкий Б.П. Размышления об историческом процессе...; Островский А.В. История цивилизации...

¹⁸⁶ Турчин А. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. М., 2010.

¹⁸⁷ Краткое содержание доклада «Пределы роста» // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. С. 127–138.

¹⁸⁸ Мальтус Т. Указ. соч.

¹⁸⁹ Черноусов П.И., Мапельман В.М., Голубев О.В. Металлургия железа в истории цивилизации. М., 2006.

ной руды к началу 70-х гг. XX в.¹⁹⁰ Не позднее 1912 г. был поднят вопрос о надвигающейся исчерпаемости каменного угля¹⁹¹.

Применительно к процессу зарождения и утверждения капитализма необходимо иметь в виду, чем дальше заходил процесс отделения города от деревни, тем больше увеличивалась нагрузка на сельское хозяйство.

До этого крестьянство кормило главным образом феодалов и незначительную часть горожан, многие из которых сами занимались сельским хозяйством. О степени эксплуатации в то время говорит принцип «шестого снопа», в соответствии с которым из шести сжатых снопов один сноп крестьян должен был отдать феодалу в качестве оброка. «Чаще всего встречается ставка в шестую часть урожая»¹⁹². Если рассматривать 84% как необходимый труд, а 16% — прибавочный труд, норма эксплуатации составит около 20%.

К началу XIX в. городское население в мире составляло около 3%. Это значит, одного горожанина кормили 33 крестьянина. В начале XX века в городах проживало уже 15% населения. В этих условиях одного горожанина кормили 6–7 крестьян и норма эксплуатации города деревней не превышала 20%.

Дальнейшее развитие этого процесса означало дальнейшее увеличение нагрузки на крестьянина, нагрузки на сельскохозяйственные угодья, что предполагало повышение производительности земли и производительности труда в соответствии с темпами урбанизации. На определенном этапе возможности доиндустриального сельского хозяйства вступали в противоречие с возрастающими потребностями на продукты сельского хозяйства и возможности их отчуждения за пределы деревни, в связи с чем дальнейшее развитие аграрной экономики становилось невозможным и исторический процесс приобретал обратимый характер. Самый яркий пример этого — судьба Древнего Рима. Выход из этого замкнутого круга, в котором долгое время находилось общество, был найден на пути промышленного переворота¹⁹³, представлявшего революционный переворот в сфере производства и изменившего весь облик общества.

Во-первых, промышленный переворот и связанные с ним научная революция и развитие химической промышленности открыли новые возможности для повышения производительности земли как за счет улучшения ее обработки и использования химических удобрений, так и за счет селекции растений и повышения продуктивности скота; во-вторых, промышленный переворот повлек за собою повышение производительности труда и позволил за счет механизации наращивать объем сельскохозяйственного производства при сокращении численности сельскохозяйственного населения. Это придало процессу зарождения и утверждения капитализма необратимый характер. Первой страной, которая встала на путь промышленного переворота, была Англия.

¹⁹⁰ Богданович К.И. Железные руды России. Геологический характер их месторождений, распространение и запасы. СПб, 1911. С. 266.

¹⁹¹ Герман Б. Под угрозой угольного голода // Природа и Люди. 1912, № 46.

¹⁹² Медведев Е.М. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии // Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С. 76–77.

¹⁹³ Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии. М., 1912; Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.-Л., 1925.

«Английская модель»

Поскольку первой страной, которая встала на путь промышленного переворота, осуществила переход от аграрной экономики к индустриальной и сделала процесс перехода к капитализму необратимым, была Англия, происходивший в ней процесс зарождения и утверждения капитализма начал рассматриваться как «классическая» модель¹⁹⁴.

Что же представляла собою «английская модель»?

К началу XVI в. в сельскохозяйственном отношении Англия почти не отличалась от других стран Западной Европы. В земледелии преобладало трехполье; урожайность составляла около 8 бушелей пшеницы на акр¹⁹⁵, то есть 37 пудов с десятины — это была обычная урожайность традиционного трехполья, характерная и для России XIX века. Английские крестьяне в этот период были, в основном, «копигольдерами», свободными держателями земли, принадлежавшей лордам; за пользование этой землей они платили традиционную ренту. В крестьянских общинах земля была поделена на чересполосные наделы, но эти наделы не переделялись; луга и сенокосы использовались совместно, а после сбора урожая на пашне практиковалась система открытых полей.

В течение всего XVI в. в Англии наблюдался устойчивый рост населения. За столетие его численность возросла с 2,5 до 4 млн. чел., а к 1650 г. достигла 5,4 млн.¹⁹⁶ В деревне наблюдалась острая нехватка земли и безземельные крестьяне пытались найти работу в городах. В 1545 г. в Лондоне проживало 80 тыс. чел., в 1600 г. — 150 тыс.¹⁹⁷ Вопрос о степени урбанизации Англии к этому времени является дискуссионным. По мнению одних авторов, в первой половине XVII в. в городах проживало всего лишь около 10% населения, по другим данным — около 25%. По данным Г. Кинга, в 1688 г. 18% населения проживало в городах, в том числе 530 тыс., почти 10%, в Лондоне. По тем же расчетам, 77,5% населения занималось сельским хозяйством. В любом случае, основная масса населения проживала в деревне¹⁹⁸.

Несмотря на то, что к этому времени в деревне происходила интенсификация сельского хозяйства, этот процесс пока еще имел очаговый характер. Поэтому продовольственное положение оставалось неустойчивым. С 1556 по 1630 г. за 75 лет страна пережила 19 голодных лет (1556–1558, 1571–1574, 1587, 1595–1598, 1620–1625, 1630 гг.)¹⁹⁹. К началу в XVII в. Англия, по всей видимости, оказалась перед лицом кризиса трехпольной системы, в связи с чем постепенно рождается но-

¹⁹⁴ Именно так ее характеризовал ее К. Маркс.

¹⁹⁵ Grigg D. English agriculture: an historical perspective. Oxford, 1989. P. 69.

¹⁹⁶ Wrigley E.A. Schofield R.S. The Population History of England: 1541–1871: a Reconstruction. Cambridge, 1981.

¹⁹⁷ Мещерякова Н.М. Основные черты генезиса капитализма в Англии XVI – первой половины XVII в. // Генезис капитализма. М., 1978. С. 233

¹⁹⁸ Бернштейн Э. Социализм и демократия в Великой Английской революции. Л., 1924. С. 14–15; Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.

¹⁹⁹ Мещерякова Н.М. Указ. соч. С. 212.

вая плодосменная или многопольная система. С обоснованием необходимости перехода к ней выступил в 1731 г. Джетро Тулль²⁰⁰.

В XVI веке в Англии берет начало процесс, получивший название огораживания²⁰¹. Огораживание преследовало две цели: а) сгон копигольдеров и сдача земель в аренду фермерам-предпринимателям, б) разверстание общинных земель²⁰² и «собираение ферм»²⁰³. На вновь создаваемых фермах внедрялась многопольная система, которая увеличивала урожайность примерно вдвое. Одновременно с этим происходило разрушение натурального хозяйства и как следствие этого рост спроса, а значит, и цен на промышленные товары, прежде всего одежду и обувь, результатом чего было то, что внутри животноводства особое развитие получает овцеводство.

Вплоть до середины XVIII в. Англия экспортировала хлеб. С 1689 г. существовал закон, по которому как только цена квартера пшеницы на лондонском рынке опускалась ниже 48 шиллингов, вводились премии на поощрение вывоза. Это напоминает то положение, в котором находилась дореволюционная Россия, которая вывозила хлеб по принципу: «Не доедим, но вывезем». Однако в 1773 г. был издан закон, которым отменялись ввозные пошлины на хлеб, как только цена поднималась выше 48 шиллингов²⁰⁴. Это дает основание предполагать, что с конца XVII до конца XVIII в. в обеспечении Англии хлебом произошли принципиальные перемены.

В условиях недостатка продовольствия Англия становится одним из генераторов массовой миграции населения, которое прежде всего устремляется за океан, осваивая территорию Северной Америки и Австралии. В этих условиях рождается и книга Т. Мальтуса. В этих условиях в заключительную стадию вступил процесс огораживания, процесс ликвидации общины²⁰⁵.

Касаясь проблемы «открытых полей», П. Манту отмечал, что «до XVI столетия она господствовала в Англии повсеместно, в начале XVIII в. она еще преобладала в большинстве графств; в 1794 г., несмотря на то, что система все больше идет на убыль и находится под угрозой исчезновения, мы встречаем ее в 4500 приходах из общего числа 8500 приходов»²⁰⁶. Только за период с 1760 по 1820 г. было «огорожено» свыше 2,5 млн. га земли. В 1800 г. английский парламент принял закон о всеобщем огораживании, что фактически завершало процесс земельной экспроприации мелких товаропроизводителей в сельском хозяйстве²⁰⁷. Так завершается ликвидация общины, которая началась еще 300 лет назад.

²⁰⁰ Манту П. Промышленная революция... С. 110.

²⁰¹ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. Из истории обезземеливания крестьян в Англии. М.-Л., 1949.

²⁰² Семенов В.Ф. Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI – первой половине XVII в. (по материалам маноров юго-западной Англии) // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965. С. 52–84.

²⁰³ История средних веков... Ч. 2. С. 255.

²⁰⁴ Там же. С. 121

²⁰⁵ Лавровский В.М. Парламентское огораживание общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX в. М., 1940.

²⁰⁶ Манту П. Указ. соч. С. 99.

²⁰⁷ Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., 1978. С. 49.

Но если в первой половине XVIII в. процесс капиталистической перестройки по-прежнему развивался очень медленно, что сказывалось на росте численности населения, которая в 1700 г. составляла около 6,0 млн. чел., а к 1750 г. достигал лишь 6,3 млн., то затем темпы роста численности населения стали расти и в 1800 г. она достигла 9,2 млн. чел. (без Ирландии и Шотландии), в 1850 г. — 18,1 млн., в 1900 г. — 32,4 млн.²⁰⁸

Это было одним из следствий начавшегося в конце XVIII в. промышленного переворота, перехода от ручного труда к машинному. Промышленный переворот позволил Англии завершить отделение промышленности от сельского хозяйства и превращение ее в ведущую отрасль экономики, т.е. осуществить индустриализацию и переход к рыночному хозяйству²⁰⁹.

Какое значение имел промышленный переворот?

Он принципиально изменил облик общества. До этого основой экономики было сельское хозяйство, теперь ею стала промышленность. До этого основную массу населения составляли крестьяне, жившие в деревне, теперь основой общества стал пролетариат, сконцентрированный главным образом в городах. На рубеже XVIII–XIX вв. развитие промышленности приобрело такие темпы, что стало опережать рост потребностей населения и его покупательную способность. В результате этого в 1825 г. возник первый экономический кризис, кризис перепроизводства.

Выход из этого положения был только один — экспансия и завоевание внешних рынков, что мы и видим на протяжении всего XIX в. Однако чем дальше везли товары, тем дороже они становились, тем ниже была торговая прибыль.

Действие это закономерности было нейтрализовано революцией на транспорте. Хотя пароход и паровоз появились в начале века, широкое распространение они получили только с середины XIX столетия. Объяснение этого заключается в том, что и для производства судов, и для производства паровозов, и особенно для производства рельсов необходима была более дешевая сталь. Ее дало изобретение бессемеровской и мартеновской плавки. В результате этого с 1856 по 1896 г. протяженность железных дорог возросла в десять раз, с 67 до 705 тыс. км. В наше время она составляет 1150 тыс. км; из этого явствует, что более половины современных железных дорог были проложены во второй половине XIX в.²¹⁰ Подобным же образом обстояло дело с морским и речным транспортом.

Произшедшая во второй половине XIX в. революция на транспорте, плюс революция в средствах связи, привела к активной экспансии капитала и созданию колониальных империй, самой крупной из которых стала Британская империя. Лондонская биржа стала мировой биржей, а британский фунт стерлингов стал играть роль мировых денег (оттеснив на задворки немецкий талер, французский франк, голландский гульден).

Промышленный переворот совершил революцию на транспорте и открыл со-

²⁰⁸ Урланис Б.Ц. Рост населения Европы. М., 1941.; Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

²⁰⁹ Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии. М., 1963.

²¹⁰ Сотников Е.А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. М., 1993. С. 16.

вершенно новые возможности для экономической экспансии, положив начало процессу формирования единого мирового рынка, процессу глобализации.

Что было характерно для английской модели?

Рост численности населения на протяжении XVI в. привел к кризису трехполья. В этих условиях начался процесс огораживания, который в конечном счете завершился полной ликвидацией общины и распадом крестьянства на два новых класса: наемных рабочих и фермеров-арендаторов. Создание компактных ферм позволило внедрить многопольную систему, которая увеличила урожайность примерно вдвое. Но несмотря на увеличение производства зерновых, рост населения достиг к концу XVIII в. такого уровня, при котором возникла реальная угроза нового социального взрыва и отката назад. Однако начавшийся промышленный переворот сделал процесс капиталистической перестройки необратимым и привел Британию к превращению в крупнейшую колониальную империю.

Таким образом, к началу промышленного переворота в Англии уже был осуществлен процесс накопления (исчезли феодальные сословия и сложились новые классы), буржуазия господствовала экономически и политически, ликвидировалась община, произошел переход к многополью. К этому времени Англия играла особую роль на мировом рынке, а урбанизация достигла 30–40%.

Основные вехи этого процесса: зарождение диспропорций, нарушение воспроизводства натурального крестьянского хозяйства, отделение промышленности от сельского хозяйства, складывание и развитие общественного разделения труда, развитие внутреннего рынка, первоначальное накопление, разрушение мелкого производства и формирование армии наемных рабочих, накопление капитала и формирование буржуазии, промышленный переворот, ускорение развития промышленности и превращение ее в ведущую отрасль экономики, а рабочего класса и буржуазии — в основу социальной структуры нового общества.

Общее и особенное в становлении капитализма

Поскольку Англия первой встала на путь промышленного переворота, получило распространение стремление объяснять зарождение капитализма в других странах с точки зрения этой модели. При этом здесь были допущены три принципиальные ошибки.

Первое. Закономерности, характерные для капиталистического производства стали распространять на переходную экономику. Однако в условиях сохранения старой экономики некоторые законы капитализма или не действовали вообще, или действовали ограниченно, или же вообще деформировались. По-разному в этих условиях действовал и закон стоимости. К. Каутский подчеркивал, что «закон стоимости предполагает свободную конкуренцию» и «получает всеобщее значение» лишь в условиях сложившегося капиталистического хозяйства, а на предшествующих стадиях развития рыночных отношений действует «только отчасти»²¹¹.

В первую очередь это связано с тем, что мелкотоварное и капиталистическое производство имеют совершенно разную доходность. Если доход капиталиста

²¹¹ Каутский К. Аграрный вопрос. М., 1906. С. 53, 55.

представляет то, что принято называть прибавочной стоимостью, то в доход мелкотоварного производителя входит не только прибавочная стоимость, но и переменный капитал, так как он выступает одновременно и в качестве хозяина средств производства, и в качестве работника. В связи с этим капиталистическое производство может существовать только при условии получения прибавочной стоимости. Мелкий производитель может существовать без получения прибавочной стоимости, ограничиваясь сохранением в своих руках только переменного капитала²¹².

«Так как сельское хозяйство ведется здесь главным образом ради непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимо поле приложения его труда и капитала, то результирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигает размеров его стоимости... пределом эксплуатации парцеллярного крестьянина не является с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он за вычетом собственно издержек уплачивает сам себе»²¹³.

Разумеется, мелкий производитель тоже стремится продавать, как можно дороже, однако на стадии превращения натурального хозяйства в товарное это стремление парализуется некоторыми факторами. В одних случаях — это узость местного рынка и монополизация закупок торговым капиталом, способным перебрасывать товарную массу на большие расстояния, в других — острая нужда крестьян в деньгах и необходимость реализации производимой продукции по любой цене. В результате чаще всего цена опускалась не только уровня себестоимости, но и ниже ее.

Вторая ошибка заключалась в том, что закономерности складывания и развития капитализма в промышленности стали механически переносить на сельское хозяйство. Между тем формирование капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве происходило неодинаково. Поэтому необходимо установление этих особенностей и их учет. «Сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется *особым законам*», — писал К. Каутский²¹⁴.

Одна из особенностей сельского хозяйства заключается в том, что здесь а) рабочий период и период производства не совпадают, б) их границы и продолжительность определяются природно-климатическими и биологическими факторами, почти не зависящими от воли человека.

Поскольку рабочий период и период производства в сельском хозяйстве не совпадают, поэтому спрос на рабочие руки в течение года распределяется неравномерно. А поскольку капиталисту невыгодно держать ненужные ему рабочие руки, неизбежна сезонная или скрытая безработица, обеспечить которую может только мелкое производство.

Если в промышленности повышение производительности труда открывает возможность сокращения периода производства, а значит, ускорение оборота капитала и

²¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2... С. 245.

²¹³ Там же. С. 370.

²¹⁴ Цит по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4... С. 102.

возрастание прибыли, то в земледелии, например, рост производительности труда не может изменить продолжительности вегетативного периода. Это делает невозможным ускорение оборота капитала и рост за счет этого доходности сельского хозяйства.

Но дело не только в этом. Поскольку доходность отдельных отраслей сельского хозяйства неодинакова и неодинаковой доходностью (в силу ряда географических и иных особенностей) отличается доходность сельского хозяйства отдельных местностей, первоначально капитал проникал только в те отрасли тех местностей, которые сулили ему наибольшую прибыль.

«Проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы, — писал К. Маркс, — совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он сначала захватывает не собственно земледелие, а такие отрасли, как животноводство»²¹⁵. И далее: «Капиталистическое производство... сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного местоположения могут в общем приносить дифференциальную ренту»²¹⁶.

Поэтому «всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается позади торговли и промышленности. Всегда оно подчинено и эксплуатируется ими, всегда лишь позднее втягивается ими на стезю капиталистического производства»²¹⁷. Особую роль в этом отношении играет торговый и ростовщический капитал. «Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства»²¹⁸.

Третья ошибка заключается в упрощенном понимании действия общественных закономерностей²¹⁹. Что такое закономерность? Это устойчивая, повторяющаяся связь между отдельными явлениями и объектами. От чего зависит устойчивость и повторяемость этих связей? От однородности взаимодействующих объектов (явлений) и условий, в которых происходит это взаимодействие²²⁰.

Механизм действия закономерностей, имеющих место в природе, нельзя механически переносить на общество, для которого характерна своя специфика. Чаще всего эту специфику видят в том, что в природе действуют слепые силы, а в обществе наделенный сознанием человек. Однако здесь необходимо учитывать, что человек как личность, как индивидуум действует в очень ограниченной сфере, только там, где он более или менее свободен в принятии решений. Там, где он выступает как член коллектива и подчиняется действующим в нем законам и правилам, он действует автоматически. Но и там, где человек действует как личность, набор вариантов ограничен, и они повторяются. Поэтому даже в этих случаях имеет место закономерность, но она проявляется вариативно. Отсюда в природе — безальтернативность, в обществе — столкновение альтернатив.

²¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2... С. 366.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2... С. 203.

²¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2... С. 147.

²¹⁹ Андреев Н.И. К вопросу о понимании закономерности в истории. Л.-М., 1926; Глезерман Г.Е. О законах общественного развития, М., 1960.

²²⁰ Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. М., 1961.

Но дело не только в этом. Рассматривая действие закономерностей в природе и в обществе, необходимо учитывать еще два принципиально важных обстоятельства.

Во-первых, взаимодействующие в обществе объекты, как правило, имеют свою индивидуальную специфику. Поскольку в данном случае речь идет о сельском хозяйстве, в качестве примера можно привести такой важный фактор как соотношение рабочего периода и периода производства.

Если в животноводстве период производства целиком и полностью определяется биологическими факторами, прежде всего продолжительностью беременности и созревания, то в земледелии — не только биологическими факторами, но и природно-климатическими условиями.

А поскольку рост растения и созревание его плодов во многом зависят от солнечной энергии и температуры воздуха, то в северном полушарии период производства сокращается по мере продвижения с севера на юг. И если до определенной параллели возможен сбор только одного урожая, то ниже ее возможен сбор двух урожаев. Иначе говоря, по мере продвижения с севера на юг открывается возможность не только сокращения периода производства, но и повышения производительности земли.

К этому следует добавить, что потребляемая нами пища идет не только на воспроизводство клеток, не только на восполнение расходуемых организмом калорий, но и на поддержание температуры тела. Причем у человека для этой цели расходуется большая часть калорий. Между тем, температура тела зависит не только от функционирования самого организма, но и от окружающих условий, прежде всего температуры воздуха. В связи с этим по мере продвижения с юга на север возрастает потребность человека в калориях, а значит, в потребляемой пище, в потреблении более высококалорийных продуктов. Более того, возрастает потребность в одежде, обуви, жилье, отоплении.

Таким образом, по мере продвижения с севера на юг возрастает производительность земли и сокращаются производственных издержки, а значит, при прочих равных условиях возрастает прибавочный продукт. И наоборот, по мере продвижения с юга на север происходит падение производительности земли и повышение производственных расходов, а значит, сокращение прибавочного продукта.

Именно здесь главная причина того, почему при переходе от присваивающего хозяйства к производящему именно южные регионы стали центрами цивилизации. Именно здесь одна из причин, почему кризис доиндустриального сельского хозяйства именно на севере создавал почву для более быстрого развития капитализма.

Дело в том, что этот кризис вел к отделению промышленности от сельского хозяйства, которое в свою очередь играло роль пружины формирования и развития разделения труда и обмена. А поскольку на Севере спрос на одежду, обувь, кров, топливо значительно превосходил спрос на эти предметы на Юге, то на севере была более развита домашняя промышленность, а значит, более масштабный характер приобретал обмен, который создавал условия для промышленности и тем самым порождал большой спрос на рабочую силу, в результате чего разрушение крестьянского хозяйства в больших масштабах вело к пролетаризации, а на юге к пауперизации.

В результате по мере продвижения с севера на юг процесс перехода от аграрной экономики к экономике индустриальной не мог не иметь специфики, которая почти не учитывается исследователями.

Во-вторых, все взаимодействующие в обществе объекты не только находятся в развитии, но и развиваются разными темпами и со своими специфическим особенностями, в результате чего в одно и то же время находятся на разном уровне развития. По этой причине не только неизбежно усиление специфики проявляющихся закономерностей, но и (на определенном этапе или же при определенных условиях) возможно, а порою и неизбежно угасание закономерности или же превращение одной закономерности в другую.

Более того, поскольку одни объекты представляют собою окружение или среду, в которой функционируют другие объекты, получается, что их взаимодействие происходит в изменяющейся среде, которая не только накладывает свой отпечаток на действие закономерностей, не только способно деформировать их, но и может вести или к угасанию закономерности, или к ее деформации, или к возникновению новой закономерности.

Поэтому рассматривая проблему зарождения и утверждения капитализма, исследователи уже давно поставили вопрос о необходимости выделения видов этого процесса или же его типологии. Однако этот подход не учитывал два принципиально важных момента.

Многое зависело не только от особенностей тех или иных стран, которые втягивались на путь капитализма, но и времени, когда это происходило, так как в зависимости от этого менялось все окружение, в котором жила та или иная страна, а значит, *менялись внешние условия и только по одной этой причине не могло иметь место повторение тех закономерностей, которые имели место до этого.*

Начало промышленного переворота в Англии не только показало другим странам, какие возможности открывает механизация труда человека, но и начало менять историческую среду. Если сама Англия начала переход к капитализму в окружении таких же стран, находящихся на разных стадиях аграрного развития, то начав промышленный переворот, она поставила другие страны перед необходимостью: или использовать этот английский опыт, или же потерпеть поражение в борьбе с английским капиталом. В связи с этим в одних случаях в погоней за прибылью, в других — в стремлении по меньшей мере сохранить свои позиции в экономической и военно-политической борьбе, другие народы тоже стали переходить на путь промышленного переворота. В результате чего возникло и постепенно стало нарастать противоречие между необходимостью промышленного переворота и возможностями его осуществления. Если для одних стран (например, Франция, Бельгия, Пруссия, Австрия), которые уже переживали процесс первоначального капиталистического накопления и необходимые для промышленного переворота условия (капиталы, наемная рабочая сила, соответствующий уровень науки и образования) имелись или же находились в процессе создания, то в других странах эти условия еще только-только рожались (Россия, Япония, Турция, Китай), а в-третьих, их не существовало вообще.

В 1962 г. Александр Гершенкрон опубликовал книгу «Экономическая отсталость в исторической перспективе»²²¹, в которой не только разделил все страны на группы по времени вступления их на путь капиталистического развития («эшелоны капитализма»), но и на конкретных фактах показал способность стран, отставших в своем развитии, догонять на основе использования передового опыта страны первого эшелона²²².

Таблица 1.1

Эшелоны развития мирового капитализма (по А. Гершенкрону)

Эшелоны	1-й	2-й	3-й
Время	с XIV в.	конец XVIII – XIX в.	конец XIX – конец XX вв.
Страны	Западная Европа, Северная Америка	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Колониальная и зависимая периферия Азии и Африки
Особенности развития капитализма	Длительное спонтанное развитие	Развитие «сжато», импульс развития идет как изнутри, так и извне	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения
Движущие факторы	Внутренние	Внутренние и внешние	Внешние
Роль государства	Заметная	Значительная	Доминирующая
Источники	Внутренние и внешние	Внутренние	
Положение в капиталистической системе	Главенствующее	Второстепенное	Полностью зависимое (сырьевые придатки)

Источник: Нуреев Р.Н. Национальная экономика: прошлое, настоящее, будущее. М., 2010.

В свою очередь между тремя выделенными группами стран тоже были особенности. Превращение Британии в индустриальную державу означало, что другие страны должны осуществить такое же превращение или же превратиться в ее данников. Решение этой задачи во многом зависело от следующих обстоятельств: а) достигнутого к этому времени уровня развития и б) наличия ресурсов для такого превращения. В результате страны первого эшелона переходили от феодализма к капитализму или по-английски, или по-американски.

Для английского варианта была характерна трансформация феодализма в капитализм в условиях исчерпания резерва свободных земель. Одним из наиболее

²²¹ Gerschenkron A.. *Economic Backwardness in Historical Perspective*, Cambridge, 1962.

²²² Одной из публикаций в нашей стране с изложением концепции эшелонов развития была книга: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. *Революционная традиция в России: 1783–1883 гг.* М., 1986. С. 31–53.

видимых результатов индустриализации была урбанизация, перемещение населения из деревни в город. В Пруссии первой половины XIX в. городское население составляло около 25% всего населения²²³; после революции 1848 г. оно начало расти быстрее и к 1895 г. превысило 40%²²⁴. В начале XX века этот показатель превысил 50%. На основании этого можно утверждать, что к началу Первой мировой войны Германия завершила переход от аграрной стадии развития к индустриальной.

Для американского варианта было характерно создание капитализма в условиях неисчерпанного резерва свободных земель, т. е. при наличии возможностей экстенсивного развития сельского хозяйства и притока как капиталов, так и рабочей силы из-за границы²²⁵. Первоначально приток капиталов опережал приток рабочей силы, поэтому здесь товарное производство получает развитие на основе использования рабского труда. Схожую картину можно наблюдать в Австралии, на юге Африки, в Канаде.

Если первые страны, ставшие на этот путь, имело дело с другими странами, которые вели более или менее изолированное (натуральное) хозяйство и имели более низкий экономический потенциал, то чем позже те или иные страны становились на путь капиталистического развития, тем с более агрессивной внешней средой им приходилось иметь дело.

А. Гершенкрон обратил внимание на два принципиально важных момента: по мере отставания в своем развитии вступавшие на путь капитализма страны *а) все больше и больше зависели не от внутренних, а от внешних факторов и б) недостаток внутренних условий для буржуазной трансформации компенсировался усилением государственного вмешательства в экономику.*

На это обстоятельство было обращено внимание еще в 1920-е гг., когда появилась теория догоняющего развития, суть которой заключалась в том, что отставшие в своем развитии страны имеют возможность воспользоваться достижениями передовых стран и таким образом под руководством государства форсировано, минуя некоторые стадии пройти тот же путь за более короткое время²²⁶.

В этих условиях принципиально меняется взаимоотношение между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Те страны, которые не успевали своими силами с привлечением иностранного капитала осуществить переход от аграрной экономики к индустриальной, превращались в колонии «мастерских мира», в их аграрные или сырьевые придатки и здесь «модернизация» производилась извне целиком и полностью в интересах метрополий. Причем метрополии далеко не сразу и повсеместно разрушали старую экономику. Наоборот чаще всего они прежде всего подчиняли себе докапиталистические уклады, консервировали их и превращали в один из инструментов эксплуатации этих стран. Причем, если первоначально для этого использовались методы внеэкономического принуждения, то потом — ростовщическая эксплуатация.

²²³ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 2. СПб., 1900. С. 24.

²²⁴ Там же. С. 70.

²²⁵ Болховитинов Н.Н. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII – первая половина XIX в.) // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 128–199.

²²⁶ Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития. М., 2005; Восейков М.И. Теория догоняющего развития Е.А. Преображенского и современность. М., 2011.

Как отмечал Н.А. Симония, в результате в подобных странах создавалась ситуация, когда в основном капиталистический город оказывался вынужденным длительно существовать рядом с еще некапиталистической деревней, а подчинение этой деревни капиталистической эксплуатации города происходило лишь постепенно и в весьма своеобразных формах. Несоответствие двух сосуществующих способов производства преодолевалось не быстрым и массовым разрушением некапиталистического способа производства, а путем предварительного «обволакивания их оболочкой капиталистических меновых отношений, приспособления их к капиталистическим формам производств». Иначе говоря, путем подчинения и эксплуатации²²⁷.

Условия зарождения капитализма в России

В отличие от США в России, как и в других странах Европы, товарное производство зародилось под влиянием внутренних факторов и стало одним из факторов разложения феодализма.

Понятие феодализм появилось в русской научной литературе еще во второй половине XVIII в.²²⁸, применимость его к России была обоснована в конце XIX – начале XX в.²²⁹, но в нашей литературе оно утвердилось только в годы советской власти после дискуссии об общественно-экономических формациях²³⁰.

Под феодализмом в данном случае понимается такой тип общества, для которого характерны следующие черты: а) сельскохозяйственное производство как основа экономики, б) неразвитость товарных отношений и полное господство натурального хозяйства, в) разделение общества на два основных класса: крестьян — главная производительная сила и феодалов — не участвующие в производстве земельные собственники, г) низкая степень урбанизации и концентрация населения в деревне, д) внеэкономическое принуждение как инструмент эксплуатации крестьян, е) почти полная поголовная неграмотность населения.

Важным этапом в его изучении российского феодализма стала дискуссия о двух стадиях в развитии феодализма²³¹, которая прошла в 1950-е гг.²³² и была возоб-

²²⁷ Симония Н.А. Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1973.

²²⁸ Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1–2. СПб., 1788.

²²⁹ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

²³⁰ Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об обществ. формациях). Харьков, 1930.

²³¹ Хотя дискуссия проходила в 1959–1963 гг., открывший ее доклад М.В. Нечкиной был подготовлен еще в 1954 г.: Нечкина М.В. О двух основных стадиях развития феодальной формации: к постановке вопроса. М., 1954 (на правах рукописи).

²³² Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории 1958. № 7. С. 86–108; Сахаров А.М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Там же. 1959. № 1. С. 98–107; Голобуцкий В.А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Там же. № 9. С. 122–137; Кузнецов И.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации в России // Там же. № 11. С. 79–92; Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Там же. 1961. № 9. С. 56–69; Нечкина М.В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма // Там же. 1963. № 12. С. 31–51.

новлена в 1969 г.²³³ В ходе этой дискуссии наметились три основных точки зрения: 1) зарождение капитализма в России уходит своими корнями в XV–XVI вв.²³⁴, 2) начало этого процесса следует датировать XVII в.²³⁵, 3) этот процесс приобрел необратимый характер только с середины XVIII в.²³⁶ Пытаясь устранить противоречие между первой и третьей точкой зрения, сторонники раннего зарождения капитализма считали, что в XVI–XVII в. развитие сделало исторический зигзаг и было задержано почти на двести лет в результате закрепощения крестьянства.

Но почему сложилось крепостное право? Этот вопрос тоже является дискуссионным²³⁷. Если до революции историки спорили главным образом из-за того, являлось ли оформление крепостного права указным или безуказным, т.е. было ли оно введено сверху или же сложилось постепенно само²³⁸, то в советской литературе сначала получила распространение концепция, согласно которой введение крепостного права было связано с переходом от оборочной эксплуатации крестьян к барщинной²³⁹. Потом было доказано, что ни в конце XV в., когда было введено ограничение крестьянских переходов, ни в середине XVI в., когда это ограничение было подтверждено, ни в середине XVII в., когда крестьяне окончательно были прикреплены к земле, барщинное хозяйство не играло ведущей роли²⁴⁰. Более того, позднее было обращено внимание, что одновременно с вотчинными и помещичьими крестьянами были прикреплены к земле и крестьяне казенные²⁴¹. В результате появилось новое объяснение, суть которого сводилась к тому, что прикрепление крестьян к земле было связано с массовыми переходами крестьян, а переходы крестьян были реакцией на усиление их эксплуатации.

В связи с этим было обращено внимание на факт, который хорошо был известен до революции²⁴², но затем предан забвению — на развитие во второй половине XVI в. экономического кризиса, который характеризовался массовым запустением селений в центре страны и перемещением населения на окраины²⁴³. Но вопрос, чем было вызвано усиление эксплуатации и тем более упомянутый экономический кризис, убедительного ответа не получил. В свое время Н.А. Рожков связывал его

²³³ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969.

²³⁴ Этой точки зрения придерживались С.Г. Струмилин, В.А. Голобуцкий, Л.П. Маковский.

²³⁵ Этой точки зрения придерживались М.Я. Волков, А.А. Преображенский, А.М. Сахаров, Ю.Н. Тихонов.

²³⁶ Этой точки зрения придерживались И.Ф. Гиндин, Л.В. Данилова, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, А.П. Новосельский, Н.И. Павленко, М.К. Рожкова, П.Г. Рындзюнский.

²³⁷ Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостного права в России // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. М., 1970; Маньков А.Г. О причинах возникновения крепостного права в России // История СССР. 1985. № 3.

²³⁸ Веселовский С.Б. Из истории закрепощения крестьян: отмена Юрьева дня // Ученые записки РАНИОН. 1928. Т. 5.

²³⁹ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. II. М., 1954.

²⁴⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 285.

²⁴¹ Крепостное право и крепостничество: дискуссионные проблемы (материалы круглого стола) // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 19–22 (выступление А.В. Островского).

²⁴² Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915.

²⁴³ Аграрная история Северо-Запада России... С. 29–299.

с распространением поместной системы²⁴⁴, однако как было установлено, экономический кризис охватил не только помещичью, но и вотчинную и даже казенную деревню²⁴⁵. В связи с этим объяснение кризиса стали искать в затянувшейся Ливонской войне (1558–1583) и опричнине (1565–1572)²⁴⁶. Однако было установлено, что первые симптомы кризиса появились не только до опричнины, но и до начала Ливонской войны²⁴⁷. В связи с этим получило распространение мнение, что главная причина закрепощения крестьян связана с усилением их мобильности (учащение крестьянских переходов), а мобильность — это результат роста крестьянских повинностей, что одни авторы объясняют ростом государственных налогов²⁴⁸, другие переводом натуральных повинностей на деньги и возрастанием феодальной эксплуатации²⁴⁹.

Однако: а) никто не привел данных о возрастании эксплуатации и ее непомерности для крестьян, и б) никто не объяснил, почему феодалы или феодальное государство настолько взвинчивало эксплуатацию, что вело к запустению не только отдельных усадеб, но и целых волостей и даже уездов.

Ответ на эти вопросы дает демографическая теория. Как уже отмечалось, в развитии сельского хозяйства можно выделить два этапа. Для первого было характерно многоземелье. В этих условиях темпы освоения новых земель в общем соответствовали темпам роста численности населения, развитие сельского хозяйства имело экстенсивный характер. Второй этап был связан с исчерпанием резерва свободных земель, в результате чего возникала и постепенно обострялась диспропорция между ростом численности населения и замедляющимся освоением новых земель. На территории русских княжеств подобная диспропорция зародилась к концу XV – началу XVI в. Показателем этого, на мой взгляд, является начавшийся в XIII–XV вв. переход от переложно-залежной системы земледелия к трехполью²⁵⁰, установление границ земельных владений, о чем свидетельствует появление и распространение купчих на землю с отводом²⁵¹, совершенствование единиц измерения земли²⁵², возникновение и

²⁴⁴ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 456–461.

²⁴⁵ Аграрная история Северо-Запада России.... С. 29–299.

²⁴⁶ Смирнов И.И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 68; Греков Б.Н. Указ. соч. С. 245; Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

²⁴⁷ Зимин А.А. Хозяйственный кризис 60–70-х годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории земледелия и крестьянства. Сб. V. М., 1962. С. 11–20; Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 114; Аграрная история Северо-Запада России XVI века... С. 294–295.

²⁴⁸ Зимин А.А. «Хозяйственный кризис» 60–70-х годов XVI века и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. 5. М., 1962. С. 20.

²⁴⁹ Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, 1915. С. 131.

²⁵⁰ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.–Л., 1965.

²⁵¹ Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 110–113.

²⁵² Аграрная история Севера-Запада России... С. 10–15.

распространение поместного землевладения²⁵³, начало борьбы вокруг церковных земель²⁵⁴, зарождение земельных переделов²⁵⁵ и крестьянских переходов²⁵⁶.

По некоторым данным, территория Московского княжества на 1462 г. занимала 400 тыс. кв. км, а население составляло 2,5 млн. человек при плотности 6,2 чел./кв. км²⁵⁷. Для сравнения, в середине XV в. территория Английского королевства составляла 150 тыс. кв. км, а население — около 2,5 млн. чел. Это означает, что к этому времени по плотности населения Английское королевство превосходило Московское княжество в 2,5 раза.

К 1550 г. территория Московского государства выросла до 2,8 млн. кв. км, население до 6,5 млн. чел., плотность населения — 2,3 чел./кв. км²⁵⁸. К этому времени территория Англии почти не изменилось, численность населения выросла до 3 млн., плотность населения была в 9 раз больше, чем в России. Через сто лет, к началу революции, население Англии достигло 5,4 млн. чел.; ее территория почти не изменилась (борьба за Шотландию еще продолжалась). К этому времени численность населения России осталась почти прежней, зато территория только Европейской России увеличилась до 4,5 млн. кв. км. В результате этого Англия середины XVII в. превосходила Россию по плотности населения уже в 20 с лишним раз.

Таблица 1.2

Изменение плотности населения в России и Англии (XV–XVII вв.)

Дата	Англия и Уэльс			Россия		
	Насел.	Терр.	Плотн.	Насел.	Терр.	Плотн.
Сер. XV в.	2,5	0,151	16,6	2,5	0,4	6,2
Сер. XVI в.	3	0,151	19,9	6,5	2,8	2,3
Сер. XVII в.	5,4	0,151	35,8	6,7	4,5	1,5

Источники: Wrigley E.A. Schofield R.S. The Population History of England: 1541–1871: a Reconstruction. Cambridge, 1981; Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 232–254; Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999.

²⁵³ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 205.

²⁵⁴ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 94–104.

²⁵⁵ Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М., 1918. С. VII; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 182; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России... С. 233–263; Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003. С. 209–210.

²⁵⁶ Горский А.Д. Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год. Вильнюс, 1964. С. 132–144; Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестник ЛГУ. 1978. № 14. С. 28–34; Его же. О крестьянских переходах в России XIV–XV вв. // Там же. 1979. № 14. С. 20–25.

²⁵⁷ Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 232–254.

²⁵⁸ Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 232–254.

Если рассматривать два эти показателя, как показатели успешности развития, то Россия развивалась успешнее Англии (территория увеличилась более чем в 10 раз, численность населения почти в 3 раза). Однако Россия развивалась вширь, а Англия вглубь. Поэтому по уровню развития Россия не только не ушла вперед, а даже отстала от Англии.

Одним из результатов такого развития было возрастание собственности в руках государства и укрепление позиций государственного феодализма. По некоторым данным, в середине XVI в. треть земель принадлежала казне, треть церкви и треть светским феодалам. Если это так, то государство имело примерно треть всех доходов, а феодалы две трети (светская и церковная вотчина обладали податным иммунитетом). При Петре I государство сконцентрировало в своих руках более половины всех доходов.

Диспропорция между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель привела к тому, что она стала одним из важнейших факторов возникновения в центре страны экономического кризиса второй половины XVI в. и массовой миграции населения на окраины. Ответом государства на это явилось прикрепление крестьян к земле.

Внутренняя колонизация и рост населения

Российская империя складывалась на протяжении нескольких столетий. Когда на рубеже XV–XVI вв. русские княжества освободились от татаро-монгольского ига, они занимали территорию, совпадавшую позднее примерно с территорией 18 губерний: Архангельской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Псковской, Петербургской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской²⁵⁹. Несмотря на то, что к XVI в. территория Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний была незначительно затронута колонизацией, по имеющимся данным, к XVII веку на Европейском Севере России уже возникла большая часть поселений, которые существовали на этой территории позднее²⁶⁰. Что же касается Вятской, Пермской, Рязанской и Тульской губерний, то их сельскохозяйственное освоение развернулось главным образом в XVI–XVIII вв.²⁶¹ После того, как в 1521 г. власть Москвы распространилась на Рязань, поток переселенцев хлынул на юг. После того, как в 1552 г. пала Казань, развернулось освоение Поволжья. Характеризуя этот процесс, В.К. Яцунский писал: «В XVI–XVII вв. была за-

²⁵⁹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. М., 1996. С. 215–256.

²⁶⁰ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 108–109.

²⁶¹ Белоцерковский Г.М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в. Киев, 1915; Любавский М.К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. СПб., 2000. С. 155–162; Преображенский А.А. Очерки по истории колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956; Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 110; Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. С. 190.

селена большая часть лесостепи и кое-где началось заселение степи»²⁶². Именно в это время граница Русского государства отодвинулась на юг и на восток, началось заселение выходцами из центральных уездов территории 15 будущих губерний: Астраханской, Воронежской, Казанской, Курской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Уфимской, Харьковской, Черниговской, а также области войска Донского²⁶³. По данным Я.Е. Водарского, к середине XVII в. освоенная территория новых уездов Европейской России сравнивалась с освоенной территорией старых уездов²⁶⁴.

В начале XVIII в. Россия расширила свои границы за счет давно уже заселенной Прибалтики, разделенной позднее на три губернии: Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую²⁶⁵. Во второй половине XVIII в. в результате трех разделов Польши к России отошли тоже давно уже заселенные Западная Белоруссия и Западная Украина, составившие девять губерний: Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Киевскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую²⁶⁶.

Тогда же Россия утвердилась в Причерноморье. Началась русская колонизация Бессарабской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний²⁶⁷. «В XVIII–XIX вв., — писал В.К. Яцунский, — земледелие полностью передвинулось в степную полосу Европейской России»²⁶⁸.

Именно в это время разворачивается активное земледельческое освоение некоторых южных и юго-восточных территорий, которые ранее были включены в состав Российской империи. Речь идет об Астраханской, Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях²⁶⁹, а также области войска Донского²⁷⁰. Принимая во внимание время вхождения той или иной территории в состав Российского государства, а также время ее земледельческого освоения, всю Европейскую Россию условно можно разделить на две области:

²⁶² Яцунский В.К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. С. 44–45.

²⁶³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации... С. 257–334; Любавский М.К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909. С. 163–218; Багалей Д.И. Очерк из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI веках: Очерки по истории края и его колонизации. М., 1877. С. 231–328; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII вв. Очерки по истории колонизации. Одесса, 1882.

²⁶⁴ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России XVII – первой половине XVIII в. С. 227.

²⁶⁵ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации... С. 529–538; Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII–XX вв. Приложение к «Истории России». М., 1995. С. 18–19.

²⁶⁶ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации... С. 335–362; Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Указ. соч. С. 23–36.

²⁶⁷ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959; Секиринский С.А. Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. С. 356–362; Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. М., 1976; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации... С. 368–391, 392–427; Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Указ. соч. С. 42–51.

²⁶⁸ Яцунский В.К. Указ. соч. С. 44, 45.

²⁶⁹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII вв...; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

²⁷⁰ Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961.

Зона раннего освоения: а) земли, входившие в состав Московского государства к середине XVI в.: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии — 181,7 млн. дес. (далее — **Север**); б) территория, присоединенная к России в XVIII веке: Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Подольская, Эстляндская губернии — 51,3 млн. дес. (далее — **Запад**). Итого — 233,0 млн. дес.

Зона позднего освоения: а) территория, заселенная в основном в XVI–XVIII вв.: Воронежская, Вятская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская губернии — 107,6 млн. дес. (далее — **Центр**); б) территория, освоение которой продолжалось до начала XX века: Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Таврическая, Уфимская и Херсонская губернии — 100,9 млн. дес. (далее — **Юг**). Итого — 208,5 млн. дес. Всего 441,5 млн. дес.

В 1710 г. на душу населения приходилось 4,4 дес. выгонов и сенокосов и только 2,1 дес. пашни, к 1762 г. обеспеченность населения пашней осталась на прежнем уровне, а обеспеченность выгонами и сенокосами сократилась до 2,5 дес./чел., в 1811 г. эти показатели сократились соответственно до 1,9 и 1,8 дес./чел., к 1860 г. до 1,6 и 1,2 дес./чел. Получается, что за полтора века обеспеченность населения пашней сократилась примерно на одну четверть, а обеспеченность сенокосами и выгонами более чем в три раза.

Приведенные данные дают основание утверждать, что первая половина XVIII в. характеризовалась зарождением кризиса экстенсивного животноводства, а вторая половина этого столетия зарождением кризиса экстенсивного земледелия. Темпы роста численности населения опять стали опережать темпы освоения новых земель. Постепенно данная диспропорция вышла за границы центральных уездов и приобрела всероссийский характер. Ориентировочное представление об этом дает табл. 1.3, составленная на основании расчетных данных М.А. Цветкова²⁷¹.

Не претендуя на абсолютную точность, приведенные данные свидетельствуют, что за полтора столетия с 1710 по 1861 г. общая площадь губерний, входивших в состав Российской империи и составивших к концу XVIII в. очерченную ранее территорию Европейской России, увеличилась на 18%. Подобным же образом изменилась площадь удобных земель. Зато площадь сельскохозяйственных угодий выросла примерно в полтора раза. А поскольку за тот же период численность населения увеличилась в четыре раза, то если в начале XVIII в. на душу населения приходилось примерно 6,5 дес. сельскохозяйственных угодий, накануне отмены крепостного права — около 2,8. Это значит, что за полтора века обеспеченность населения сельскохозяйственными угодьями сократилась более чем в два раза.

²⁷¹ В эту таблицу по сравнению с предшествующими ее публикациями внесены некоторые коррективы, связанные с уточнением показателей общей площади Европейской России и численности населения.

Таблица 1.3

Структура земельных угодий Европейской России 1710–1861 гг. (млн. дес.)

Основные показатели	1710–1718	1762–1763	1811–1812	1857–1861
Население	14,5	22,4	40,0	56,0
Общая площадь:	382,8	387,3	448,8	448,8
Неудобные земли:	88,3	91,6	102,6	103,6
Удобные земли:	294,5	295,7	346,2	345,2
лес:	201,4	188,5	199,5	189,7
с/х угодья:	93,1	107,2	146,7	155,5
на 1 чел. (дес.)	6,5	4,8	3,7	2,8
луга:	63,2	57,9	71,7	65,7
на 1 чел. (дес.)	4,4	2,6	1,8	1,2
пашня:	29,9	49,3	75,0	89,8
на 1 чел. (дес.)	2,1	2,2	1,9	1,6

Источники: Цветков М.А. Изменение лесистости в Европейской России с конца XVII столетия до 1914 г. М., 1957. С. 134; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половины XIX в. М., 1971.

В XVII в. при верстании поместий существовало правило: две десятины сенокоса на одну десятину пашни²⁷². Иными словами, нормальной признавалась распаханность сельскохозяйственных угодий не более 33%. Согласно данным М.А. Цветкова, этой норме соответствовала структура сельскохозяйственных угодий начала XVIII в. За полтора столетия площадь пашни выросла в три раза, площадь выгонов и сенокосов — менее чем на 10%. В результате к 1861 г. доля пашни превысила половину сельскохозяйственных угодий.

Между тем, в середине XIX в. Департамент сельского хозяйства считал необходимым, чтобы при трехполье на каждую десятину пахотной земли приходилась «по крайней мере одна десятин луга, приносящая 150 пудов сена хорошего качества»²⁷³. С этой точки зрения к 1861 г. допустимый предел распаханности сельскохозяйственных угодий был перейден.

Как явствует из данных М.А. Цветкова, в начале XVIII в. на душу населения приходилось 4,4 дес. лугов и 2,1 дес. пашни, к середине века обеспеченность населения пашней осталась почти на том же уровне, обеспеченность выгонами и сенокосами снизилась до 2,6 дес./чел., в начале XIX в. эти показатели сократились соответственно до 1,9 (пашня) и 1,8 (луга) дес./чел., к 1861 г. — до 1,6 и 1,2 дес./чел. За полтора века обеспеченность населения пашней сократилась примерно на одну четверть, а обеспеченность сенокосами и выгонами более чем в три раза.

²⁷² Выписка из наказа писцам «О межевании поместных и вотчинных земель». 26 августа 1681 г. // ПСЗ-1. Т. 2. СПб., 1830. С. 348–355 (№ 890).

²⁷³ Тенгоборский Л. Г. О производительных силах России. Ч. 1. М., 1854. С. 83.

Приведенные данные дают основание думать, что XVIII в. характеризовался зарождением кризиса экстенсивного сельского хозяйства: в первой половине века возник кризис экстенсивного животноводства, во второй половине — кризис экстенсивного земледелия.

Кризис экстенсивного земледелия

Процессы внутренней колонизации на два столетия задержали развитие сельскохозяйственных технологий в России. Но во второй половине XVIII в. Россия оказалась снова перед кризисом экстенсивного сельского хозяйства. В этих условиях возродился или, правильнее будет сказать, начал распространяться на новые территории процесс перехода от переложно-залежной системы земледелия к трехполью.

Мнение некоторых историков об утверждении трехполья к XVI в. базируется только на данных о трехпольном севообороте и не учитывает данных об использовании удобрения. Касаясь этой проблемы, А.Л. Шапиро писал: «В отличие от источников XVI в. русские письменные памятники предшествующих столетий донесли до нас лишь единичные известия о навозном удобрении почвы. От XIV в. не сохранилось ни одного такого известия, а от XV в. — всего три». Причем, как подчеркивал тот же автор, «дошедшие до нас перечни крестьянских повинностей XIV–XV вв. отличаются обстоятельностью и содержат в общей сложности около двухсот наименований. Но среди них ни разу не упоминается вывоз навоза на господские поля»²⁷⁴.

Говоря о «широком распространении в XV в. трехполья и о крайне ограниченном количестве относящихся к тому времени известий об удобрении почвы», А.Л. Шапиро сделал убедительное заключение: «Это несоответствие заставляет полагать, что трехполье сочеталось в ряде случаев с различными видами залежной системы»²⁷⁵. К этим словам можно сделать лишь одно уточнение: не в ряде случаев, а широко. «Вместе с тем источники второй половины XV – начала XVI в. позволяют говорить о все еще продолжающемся переходе от двуполья (правильнее сказать, от переложно-залежной системы земледелия — *А.О.*) к трехполью»²⁷⁶.

Поскольку самые ранние сведения об использовании удобрения относятся к концу XV в. и поскольку они ничтожно малочисленны, вероятнее всего, в то время удобрение пашни еще только-только начинает внедряться. Следовательно, до конца XV в. на территории Руси распространялось главным образом так называемое безнавозное трехполье, которое не могло существовать без сочетания с переложно-залежной системой и по этой причине представляло собою переходную стадию от перелога к трехполью.

XVI в. оставил после себя уже достаточно широкий круг сведений об использовании удобрения, что несомненно свидетельствует о широком распространении традиционного трехполья и о постепенном превращении его в господствующую

²⁷⁴ Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 6, 7.

²⁷⁵ Там же. С. 10.

²⁷⁶ Там же. С. 10.

систему. Но начавшийся в середине этого столетия экономический кризис, как мы знаем, привел, с одной стороны, к забрасыванию пашни в центре страны и возрождению здесь переложно-залежной системы, с другой стороны, к массовой миграции населения на окраины и к распространению переложно-залежной системы на новые территории.

Причем поскольку колонизация новых земель в XVI–XVIII вв. повлекла за собой перемещение на окраины центра земледельческого производства, то это не могло не сопровождаться снижением роли трехполья и возрастанием роли переложно-залежной системы.

Некоторое представление на этом счет дают сведения, опубликованные Е.Я. Водарским о структуре земельных угодий в России второй четверти XVII в. Из 199,3 млн. дес., учтенной к этому времени земли, сельскохозяйственные угодья составляли 45,7 млн. дес.: 12,0 млн. находились под пашней, 33,7 млн. под сенокосами и выгонами²⁷⁷. Подобное соотношение между двумя этими видами угодий (25 и 75%) гораздо ближе к тому соотношению, которое характерно для упорядоченной переложно-залежной системы, чем для трехполья.

Однако если посмотреть на уезды старого и нового заселения, картина окажется более сложной. В первой группе уездов, уездах старого заселения, на 7,9 млн. дес. пашни приходилось 3,2 млн. лугов, т.е. на 1 десятину пашни менее 0,5 дес. лугов, соотношение близкое к тому, что мы видели в Европейской России второй половины XIX века. Во второй группе уездов под пашней находилось 4,1 млн. дес, под сенокосами и выгонами — 30,5 млн. дес. В первом случае соотношение 71 и 29% во втором: 12 и 88%²⁷⁸.

Это дает основание думать, что в уездах старого освоения уже к середине XVII в. был достигнут агрикультурный уровень второй половины XIX в.; в уездах нового заселения господствовала переложно-залежная система. А в целом примерно две трети всей пашни использовались в режиме трехполья, одна треть — в режиме переложно-залежной системы.

В последующем центр сельскохозяйственного производства продолжал смещаться на окраины, в результате чего должно было происходить падение роли трехполья и возрастать роль переложно-залежной системы. Если в 1625–1650 гг. в уездах раннего освоения находилось 67% пашни, а в уездах позднего освоения — 33%²⁷⁹, то к 1696 г. это соотношение выглядело уже как 42 и 58% (соответственно 13,2 и 17,8 млн. дес.)²⁸⁰. Следовательно, к концу XVII в. уезды раннего освоения утратили прежнюю лидирующую роль в сфере сельского хозяйства, которая перешла к уездам позднего освоения. Это дает основание поставить вопрос о том, что к концу XVII в. изменилось и соотношение между трехпольем и переложно-залежной системой.

Однако возрастание роли последней могло происходить в крайнем случае только до второй половины XVIII в., когда темпы роста численности населения ста-

²⁷⁷ Водарский Я.В. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. С. 226.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России... С. 110.

ли опережать темпы распашки земель (см. табл. 1.3), после чего процесс пошел в обратном направлении: зарождение кризиса экстенсивного сельского хозяйства должно было повлечь за собою расширение ареала трехполья и сокращение ареала переложно-залежной системы.

До тех пор, пока существовал земельный простор и границы земельных владений определялись по принципу «куда топор, коса и соха ходили», многие земельные владения границ не имели. По мере исчерпания резерва свободных земель и учащения споров вокруг вопроса об их границах возникает идея проведения генерального межевания. Эта идея появилась не позднее конца XVII в., но практическая ее реализация началась только в середине XVIII в.

В ходе этого межевания было произведено первое ограничение крестьянского землевладения. После того, как для государственных крестьян были введены земельные нормы, все остальные земли было разрешено использовать не так, как было до этого по принципу первой заимки, а только на арендных началах. Этим самым государство включило в действие диспропорцию между темпами роста численности населения и освоением новых земель даже там, где к тому времени еще существовал земельный простор.

Если до этого государственные крестьяне не только свободно меняли свои земельные участки, но продавали их или, точнее, продавали право на пользование ими, то теперь все земли были включены в границы волостей и по сути дела признаны общинными.

О состоянии сельского хозяйства во второй половине XVIII в. мы можем судить только на основании выборочного или локального материала (см. исследования Е.И. Индовой²⁸¹, Л.В. Милова²⁸², Н.Л. Рубинштейна²⁸³). Для первой половины XIX в. в нашем распоряжении имеются уже данные по всем губерниям Европейской России (работы Е.Ф. Зябловского²⁸⁴, К.В. Сивкова²⁸⁵).

Вопрос о том, как развивалось сельское хозяйство в первой половине XIX в., является дискуссионным. По мнению В.К. Яцунского²⁸⁶, оно медленно, но прогрессировало, по мнению И.Д. Ковальченко²⁸⁷, переживало кризис. Как показал И.Д. Ковальченко, к середине XIX в. темпы роста численности населения стал опережать темпы развития зернового производства и животноводства²⁸⁸.

²⁸¹ Индова Е.И. Урожаи в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII – XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. С. 141–155.

²⁸² Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 162–189.

²⁸³ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России второй половины XVIII в. М., 1957.

²⁸⁴ Зябловский Е. Новейшее землеописание Российской империи. СПб, 1807.

²⁸⁵ Сивков К.В. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959.

²⁸⁶ Яцунский В.К. Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII века до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

²⁸⁷ Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX века // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.

²⁸⁸ Там же; Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в России в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. М., 1960. С. 173–204.

Есть основания думать, что ближе к истине вторая точка зрения. Во-первых, В.К. Яцунский использовал выборочные данные только на два хронологических среза, а И.Д. Ковальченко — материалы сплошной обработки более чем за тридцать лет; во-вторых, в первом случае в официальные данные были внесены ничем необоснованные поправки, в-третьих, первый автор использовал сведения только о сборе хлебов, второй еще и о поголовье скота; в-четвертых, опубликовав свою статью после статьи И.Д. Ковальченко, В.К. Яцунский фактически проигнорировал работы своего предшественника. В самые последние годы спор вокруг этого возобновился. Подвергнув В.К. Яцуна критике, Б.Н. Мironov фактически поддержал его точку зрения²⁸⁹. В отличие от него С.А. Нефедов поддержал точку зрения И.Д. Ковальченко²⁹⁰. Мною уже показано, что расчеты Б.Н. Миронова имеют произвольный характер²⁹¹.

Нарушение воспроизводства натурального крестьянского хозяйства приобрело необратимый характер и необратимый характер приобрело разорение крестьян. В этих условиях простое воспроизводство крестьянского хозяйства становится невозможным и оно начинает разрушаться. Первоначально этот процесс имел локальный и спорадический характер, но со временем его масштабы увеличивались. Одним из проявлений этого был рост крестьянских недоимок. Однако более важным являлось разорение крестьян и превращение их в наемных рабочих. Губернаторские отчеты зафиксировали уход крестьян на заработки уже во второй половине XVIII в.²⁹² К середине XIX в. этим было захвачено около 3 млн. человек²⁹³.

Если учесть, что к этому времени население Европейской России составляло около 60 млн. чел., из которых около 10% жили в городах и составляли сельское не-сельскохозяйственное население, мы получим 54 млн. крестьян, из которых примерно половина была нетрудоспособной (дети, старики), остается 27 млн. А поскольку на заработки преимущественно уходили мужчины, получается, что отходом было занято не менее 20% взрослого трудоспособного мужского населения.

Кризис верхов

Накануне отмены крепостного права в Европейской России насчитывалось 106,9 тыс., дворянских владений, в которых имелось 10,7 млн. ревизских душ.

²⁸⁹ Мironov Б.Н. Благополучие России и революции в имперской России. М., 2010.

²⁹⁰ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011.

²⁹¹ Островский А.В. Модернизация России в книге Б.Н. Мironov // Вопросы истории. 2010. № 10; Его же. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6; Его же. Книга Б.Н. Мironov «Страсти по революции» как «образец» научной полемики // Вестник Тверского университета. 2013. Серия «История». Вып. 2.

²⁹² Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963; Прохоров М.Ф. Крепостное крестьянство России в 1750 – начале 1770-х годов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998; Черников С.В. Крестьянский промысловый отход и развитие крепостнических отношений в российской деревне второй половины XVIII в. // Образы аграрной России IX–XVIII вв. М., 2013. С. 216–229.

²⁹³ Плющевский Б.Г. Крестьянский отход на территории Европейской России в последние предреформенные десятилетия (1830–1850-е гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1974.

Таблица 1.4

Дворянские имения Европейской России в 1857 г.

Виды владений	Имения		Крестьяне	
	Абс.	%	Абс.	%
Без поместий	3703	3,5	12286	0,1
До 100 душ	79171	74,0	2037500	19,1
100–500 душ	20165	18,9	3974629	37,2
500–1000 душ	2462	2,3	1597691	14,9
Более 1000 душ	1396	1,3	3074037	28,7
Всего	106897	100,0	10696143	100,0

Источник: Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 9.

Зарождение кризиса крестьянского хозяйства было одной из важнейших причин зарождения кризиса помещичьего хозяйства, получившего в литературе название «оскудения дворянства»²⁹⁴.

Таблица 1.5

Динамика задолженности поместного дворянства. 1775-1859 гг.

Дата	Заложено крестьян		Долг, млн. руб.
	Млн. ревизских душ	%	
1775	0,2	5	4,3
1796	0,6	6	28,0
1812	1,2	12	64,0
1832	2,1	20	90,0
1833	4,5	43	205,0
1843	6,4	52	340,6
1859	7,1	66	425,0

Источник: Боровой С.Я. Кредит и банки в России. Середина XVIII в. – 1861 г. М., 1958. С. 197.

П.Б. Струве высказал мнение, что рост задолженности поместного дворянства следует оценивать не как свидетельство кризиса помещичьего хозяйства, а как показатель роста его предприимчивости, поскольку получаемые в долг деньги помещики использовали с предпринимательскими целями. Сам факт подобного использования займов отдельными помещиками вполне возможен. Однако для обоснования своего мнения П.Б. Струве должен был бы привести доказательства, что подобные заемщики среди поместного дворянства преобладали. А поскольку таких доказательств им приведено не было, его мнение можно рассматривать лишь как гипотезу²⁹⁵.

²⁹⁴ Ковальченко И.Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. С. 173–185.

²⁹⁵ Струве П. Крепостное хозяйство. 1913. С. 146, 154.

С тех пор прошло уже около ста лет, но до сих пор в подтверждение этой гипотезы приведен только один заслуживающий внимания аргумент. Оказывается, одновременно с ростом задолженности поместно дворянства происходило накопление сбережений. В связи с этим было высказано совершенно умозрительное, ничем не подкрепленное мнение, что, беря у государства займы под 5%, а затем и под 4%, помещики клали их в банки под 6%. Однако этот аргумент не заслуживает внимания, так как никем не доказано, что сбережения принадлежали только помещикам, а, например, не купцам или мещанам, и что те помещики, которые были владельцами этих вкладов одновременно являлись должниками.

В то же время С.Я. Боровой обратил внимание на то, что быстрое всего долги помещиков росли в губерниях с оброчной эксплуатацией, медленнее всего с барщинной. Между тем помещики, отпускавшие крестьян на оброк, как правило, своего хозяйства не имели, поэтому, беря деньги в долг, использовали их не в производственных целях²⁹⁶.

К сожалению, Боровой ограничился только иллюстративными данными. Если же разделить все губернии по способу эксплуатации крестьян на оброчные и барщинные (а вторые целиком и полностью преобладали), окажется, что большая часть долга приходилась как раз на губернии с преобладанием оброчной эксплуатации²⁹⁷.

Как известно право собственности включает в себя три права: право владеть, право пользоваться и право распоряжаться. Заложив крестьян в банке, помещик не только терял право распоряжаться крестьянами без банка (например, продавать их, передавать по наследству, переселять в другие имения и т.д.), но и делил с банком право пользования, так как часть получаемого с крестьян дохода должен был отдавать в банк в счет обслуживания долга. В результате к 1858 г. две трети крестьян принадлежали помещикам только номинально, а фактически их совладельцами были и банки.

Хотя ссуды давались на длительный срок, но рано или поздно их нужно было возвращать. Не имея такой возможности, помещики прибегали к такому способу как перезаклад, поскольку происходило удорожание крестьян, но проблему возвращения долга это не решало. Поэтому можно утверждать, что класс феодалов неудержимо двигался к пропасти финансового банкротства. Под влиянием этого зародился процесс обезземеливания дворянства. По расчетам А.П. Корелина, к 1861 г. 15–20% дворян земли не имели²⁹⁸.

К середине XIX в. самым крупным феодалом в России было государство, которому принадлежало 47% крестьян. Государство было самым крупным заводчиком, самым крупным банкиром и самым крупным торговцем. Верховная власть почти всегда с трудом сводила доходы и расходы государственного бюджета. Однако с середины XVIII в. бюджетный дефицит стал превращаться в обычное явление. И с начала 1830-х гг. дефицит стал хроническим. С 1801 по 1861 г. бюджет был сведен без дефицита только в 1802, 1803, 1805, 1807–1809, 1811, 1813–1815, 1819, 1826, 1828 и 1831 гг. Все последующие тридцать лет дефицит был хроническим.

²⁹⁶ Боровой С.Я. К вопросу о задолженности помещичьего землевладения в предреформенный период. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л., 1972. С. 197–202.

²⁹⁷ Банковские долги и положение губерний в 1856 г. СПб., 1859; Труды Комиссии для устройства земских банков. Т. 1. СПб., 1860. С. 1–6.

²⁹⁸ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 г. М., 1979. С. 61.

Таблица 1.6.

Государственный бюджет России. 1801–1860 гг.

Дата	Доходы	Расходы	Баланс	%
1801–1810	94,3	62,6	+1,7	+1,8
1811–1820	116,3	114,4	+1,9	+1,6
1821–1830	116,5	118,2	–1,7	–1,5
1831–1840	147,7	158,5	–10,8	–7,3
1841–1850	202,2	239,5	–37,3	–18,4
1851–1860	300,3	390,3	–90,0	–30,0

Источник: Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871. С. 769.

В 1851–1860 гг. государственные расходы составляли 390 млн. руб., в то время как среднегодовые поступления в бюджет лишь 300 млн. Дефицит бюджета, неудержимо нараставший с начала 1830-х гг. достиг 90 млн. руб., или же 23%.

Одним из следствий этого было введение бумажных денег, открывшее для верховной власти более простой способ пополнения казны, чем это было раньше. В результате началось печатание ассигнаций, сумма которых к концу XVIII столетия превысила допустимые размеры. Между тем существует закон соотношения между товарной и денежной массой. Средняя цена всех товаров — это денежная масса, поделенная на товарную массу. Если первая возрастает более быстрыми темпами, цены растут. В результате этого к началу XIX в. за бумажный рубль давали только 25 серебряных копеек²⁹⁹. На рубеже 1830–1840-х гг. реформа Канкрин устранила это расхождение, однако обесценивание рубля продолжалось³⁰⁰.

Одновременно появился и стал расти государственный долг. К 1861 г. государственный долг достиг 1,5 млрд. руб.³⁰¹ Даже если взять 4% годовых, только ежегодная выплата процентов требовала 60 млн. К этому необходимо добавить погашение взятых займов. Если взять средний срок займа 30 лет, ежегодно требовалось гасить около 3% задолженности на сумму не менее 40 млн. Следовательно, обслуживание долгов превышало 100 млн. в год, или же более 25% всех расходов. Нетрудно понять, что страна шла к финансовому банкротству, которое, как известно, предшествовало и революции 1640 г. в Англии, и революции 1789 г. во Франции. Если бы финансовая ситуация в стране развивалась прежними темпами, финансовая катастрофа ожидала царское правительство в ближайшие десятилетия.

Крымская война стала грозным предупреждением для российской аристократии. Она показала: или в ближайшие десятилетия Россия создаст современную армию и сможет защитить свои границы, или же она обречена на то, чтобы стать колонией или полукolonией ведущих государств Западной Европы. В этих условиях император Александр II начинает реформы, которые должны были переломить негативные тенденции и открыть России возможности для более быстрого и успешного развития.

²⁹⁹ Кашкаров М. Денежное обращение в России. СПб., 1898. Т. 1. С. 24–26.

³⁰⁰ Гурьев А. Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903.

³⁰¹ Островский А.В. Универсальный справочник по истории России... С. 212.

Отмена крепостного права

Первым шагом на этом пути стала отмена крепостного права. После того, как Россия проиграла Крымскую войну, Александр II заявил: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, когда его отменят снизу»³⁰². Крестьянские реформы были начаты 19 февраля 1861 г. отменой крепостного права в помещичьих деревнях³⁰³. С этого момента крестьяне перестали быть собственностью. Однако они обязаны были нести фиксированные повинности до перевода на выкуп земли. Право перевода крестьян на выкуп было предоставлено помещикам в 1863 г. И хотя этот процесс растянулся до 1905 г., более половины всех помещичьих крестьян были переведены на выкуп уже в 1860-е гг.

В свое время А.В. Пешехонов обратил внимание на следующее мнение членов Саратовского губернского комитета по вопросу о наделении освобождаемых крестьян землей: «Если крестьянам, — говорили они, — дать земли в пользование столько, сколько для них потребно не только для обеспечения первых потребностей существования, но даже для полной зажиточности, то, будучи довольны своими участками и не нуждаясь ни в съемке земли, ни в предложении своего труда в то время, какое им останется за отработкою своих участков, они не станут обрабатывать помещичьих полей и, таким образом, и сами будут коснеть в лености и владельцы оставлять без возможности извлекать выгоды из своих земельных капиталов... Для предупреждения такого зла надо наделить крестьян землею в пользование только в таком количестве, которое не исключало бы нужды сверх отводимой им земли, обрабатывать своим трудом еще и другие земли...»³⁰⁴ По приблизительным данным, в результате перевода помещичьих крестьян на выкуп у них было «отрезано» около 20% той земли, которой они пользовались до отмены крепостного права и считали своей³⁰⁵.

При подготовке реформы решался вопрос: переводить ли крестьян на выкуп индивидуально или же пообщинно и предпочтение было отдано второму варианту. По закону перевод на выкуп, оформлявшийся уставной грамотой, мог быть осуществлен или по взаимному согласию сторон, или же по требованию помещика³⁰⁶. Имеющие в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что подавляющее большинство выкупных сделок осуществлялось по требованию помещиков. Правда, здесь необходимо учитывать, что крестьяне 9 западных губерний (а это почти 40% всех помещичьих крестьян) были переведены на выкуп в одностороннем порядке по требованию правительства.

Если до 1881 г. инициатива исходила от помещиков и государства, то с 1881 г. был введен обязательный перевод на выкуп, однако в некоторых местах он растя-

³⁰² Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982; Ее же. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984; Ее же. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

³⁰³ Отмена крепостного права в России. Указатель литературы (1856–1989 гг.). М., 1993.

³⁰⁴ Пешехонов А.В. Экономическое положение крестьян в пореформенное время // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. VI. М., 1911. С. 202.

³⁰⁵ Дружинин Н.М. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862–1882 гг.) // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 3–34.

³⁰⁶ Корнилов А.А. Указ. соч.

нулся почти на четверть века. Всего к 1906 г. было переведено на выкуп 9,3 млн. ревизских душ, за которыми числилось 33,2 млн. дес., а общая сумма выкупных платежей составил 899,3 млн. руб., что дает в среднем 27,1 руб. на десятину³⁰⁷

Таблица 1.7.

Выкупная операция. 1863–1905 гг.

Дата	Крестьяне, душ	Земля, дес.	Ссуда, руб.
1863	211161	673992	20687293
1869	5282764	18047432	477096972
1875	7229974	25665562	667774738
1881	7973507	28457521	749268844
1887	9106313	32237234	868098688
1893	9242976	32934498	887560739
1899	9297271	33124993	894576589
1906	9328987	33249660	899299555

Источник: Ежегодник Министерства финансов, 1863–1907.

Однако, кроме выкупных платежей, крестьяне должны были платить проценты по выкупной ссуде, в результате чего к 1 января 1907 г. общая сумма платежей за выкупаемую землю превысила 1300 млн. руб., что дает уже около 40 руб. за десятину.

Начавшись в помещичьей деревне, крестьянские реформы распространились и на государственных крестьян³⁰⁸, и на крестьян удельных³⁰⁹. Накануне отмены крепостного права помещичьи крестьяне составляли 47% всех крестьян, примерно столько же составляли различные категории государственных крестьян и около 6% — крестьяне удельные.

В удельной деревне реформа началась 20 июня 1858 г., когда была отменена крепостная зависимость удельных крестьян и они по своим правам были приравнены к государственным³¹⁰. 5 марта 1861 г. в день обнародования Положения 19 февраля было принято решение о необходимости в удельной деревне дальнейших преобразований, и 26 июня 1863 г. появилось «Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых, удельных», которое с одной стороны, ликви-

³⁰⁷ Вильсон И. Выкупные за землю платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих. 1862–1876. СПб., 1878; Петелин Н.С. Выкуп у помещиков крестьянских наделов и его последствия. СПб., 1894; Мигулин П.П. Выкупные платежи. Харьков, 1904; Лосицкий А.Е. Выкупная операция. СПб., 1906; Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения. Выкупная операция 1861–1907 гг. Киев, 1914.

³⁰⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа Киселева. Т. 1–2. М.-Л., 1946.

³⁰⁹ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.

³¹⁰ ПСЗ- II. Т. XXXIII. № 33326.

дировало власти удельного ведомства на перечисленными выше категориями крестьян, а с другой стороны, объявило о переводе их всех на выкуп³¹¹.

В состав надела, который должны были выкупать удельные крестьяне, включались уже находившиеся в их распоряжении земли в том количестве, которое числится по табели поземельного сбора, хотя бы это количество и превышало высший размер надела, установленного Положением 19 февраля 1861 г. для великорусских губерний. Если по табели поземельного сбора за крестьянами числилось менее указанного надела, установленного для помещичьих крестьян данной местности, они могли рассчитывать на прирезку, но лишь при наличии необходимого для этого количества земли. Если же у крестьян в пользовании было больше земли, чем числилось по табели поземельного сбора, она подлежала отрезке³¹².

Подводя итоги реформы 1863 г. Л.В. Ходский пришел к выводу, что удельные крестьяне в целом увеличили свое землевладение³¹³. Этот вывод получил поддержку других авторов³¹⁴. Однако сопоставление данных 1797–1800 гг. с данными о землевладении после 1863 г. дает основания утверждать, что отрезки преобладали над прирезками. Так в трех северных губерниях было отрезано не менее 38% земель, которыми удельные крестьяне пользовались до этого³¹⁵.

5 марта 1861 г. одновременно с решением о проведении реформы в удельной деревне было принято решение и проведении такой же реформы в казенной деревне³¹⁶. Первым шагом на этом пути стал указ 18 января 1866 г., на основании которого ликвидировалась прежняя административная обособленность казенной деревни и управление ею передавалось из ведения Министерства государственных имуществ в ведение МВД. Это реформу планировалось завершить к 1 ноября того же года, когда предполагался следующий шаг. Он был сделан 24 ноября 1866 г. изданием закона «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»³¹⁷.

Первый параграф этого закона гласил, что крестьяне получают «во владение на правах собственности» земли, которыми пользовались до этого. Причем если в это время крестьянские земли еще не были отграничены, то в многоземельных губерниях они могли получить до 15 дес. на ревизскую душу, в малоземельных до 8 дес.³¹⁸

³¹¹ История уделов за 100-летие их существования. 1797–1897 гг. Т. 2. Крестьяне дворцовые, государевы и удельные. СПб., 1901. С. 525–581 (раздел написан Л.В. Ходским); Богатикова Г.И. Реформа удельных крестьян 26 июня 1863 г. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 82–123; Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 260–272; Дружинин Н.М. Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. (1863–1883 гг.) // Исторические записки. 1970. Т. 85. С. 159–206; Его же. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 84–102.

³¹² Зайончковский П.А. Отмена крепостного права... С. 262–263.

³¹³ История уделов...

³¹⁴ Богатикова Г.И. Реформа удельных крестьян... С. 96; Зайончковский П.А. Отмена крепостного права... С. 269.

³¹⁵ История северного крестьянства. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С. 31.

³¹⁶ Зайончковский П.А. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // История СССР. 1958. № 4. С. 103–113.

³¹⁷ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права... С. 273.

³¹⁸ ПСЗ- I. Т. I XLI. № 43888.

Некоторые авторы трактуют эту статью таким образом, что под земельными угодьями нужно понимать все земли. Между тем в одном из изданий МГИ специально подчеркивалось: «Коренною особенностью этого указа, новым началом внесенным с того времени в казенно-крестьянское землевладение тех 36 губерний, на которые указ распространялся, было то, что государственным крестьянам предоставлены во владение на правах крестьян собственников все состоявшие в их пользовании земли, кроме лесов...»³¹⁹

Подтверждением этого является разъяснение Правительствующего Сената от 21 марта 1886 г.: «Бывшие государственные крестьяне, — отмечалось в нем, — имеют безусловное право на удержание за собою по действительному, постоянно-му пользованию только земельных угодий и расчисток, а не лесных пространств, отвод коих в земельный надел взамен непостоянных угодий или в лесной надел производится по установленному для того порядку, а не безусловно по существующему пользованию»³²⁰.

За пользование предоставленной в их владение земли, крестьяне должны были платить фиксированную оброчную подать. В зависимости от целого ряда причин, в том числе от степени завершенности генерального межевания все 36 губерний были разделены на три группы и для каждой из них установлены различные сроки составления и утверждения владенных записей³²¹.

Однако во многих губерниях, особенно северных, уложиться в намеченные сроки не удалось. Поэтому 12 июня 1886 г. было принято решение о переводе всех государственных крестьян на выкуп земли независимо от того, удалось ли к этому времени завершить отмежевание казенных земель. В связи с этим оброчная подать была преобразована в выкупные платежи, который в связи с этим были увеличены на 45% и рассчитаны до 1931 г.³²²

Итак, в результате крестьянских реформ власть помещиков, удела и казны над крестьянами была ликвидирована, но на весь период выкупа передана сельским обществам и волостным правлениям. Именно они теперь должны были давать разрешение на отход, следить за исполнением казенных повинностей и прежде всего за уплатой выкупных платежей, исполнять судебные функции (волостной суд).

Крестьянская реформа имела противоречивый характер: с одной стороны, она представляла собою несомненный шаг на пути отделения крестьян от земли и тем самым способствовала дальнейшему развитию процесса первоначального накопле-

³¹⁹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности МГИ. Ч. 2. Попечительство. Поземельное устройство. СПб., 1888. С. 184.

³²⁰ Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству сельского состояния и учреждений по крестьянским делам с воспоследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего Сената и в постановлениях высших правительственных учреждений. Т. I. СПб., 1903. С. 1361.

³²¹ ПСЗ-I. Т. I XLI. № 43888.

³²² Зайончковский П.А. Отмена крепостного права... С. 291; Анфимов А.М. Преобразование оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 237–243.

ния, с другой стороны, она способствовала не только разрушению старого феодального хозяйства, но и формированию нового, капиталистического³²³.

Таблица 1.8.

Распределение крестьян по земельной обеспеченности

Земли на душу	Помещичьи	Государственные	Удельные	Всего
До 1 дес.	554984	81757	3439	640180
1-2 дес.	1332867	308574	24060	1665501
2-3 дес.	2829182	862288	88921	3780391
3-4 дес.	2613435	1573831	262353	4449619
4- 6 дес.	2239234	3259988	318838	5818060
6-8 дес.	331798	1815443	156715	2303956
8-10 дес.	81261	908241	27055	1016557
10-15 дес.	58201	630024	16876	705101
Более 15 дес.	14238	203460	2229	219927
Всего	10055200	9643606	900486	20599292

Источник: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права... С. 363–367.

Экспансия капитала

Развернувшаяся в XIX в. экспансия торгово-промышленного капитала привела к созданию колониальных империй и разделению мира на «мастерские мира» («мировой город») и аграрную периферию («мировая деревня»); вернулась борьба между «мастерскими мира» за раздел аграрной периферии, за мировое господство³²⁴.

Общее представление о некоторых итогах этой борьбы дает табл. 1.9

Из приведенных данных явствует, что в середине XIX века «мастерские мира» на 70% жили за счет собственного производства, а «мировая деревня» теряла около 15% производимого ею национального дохода, причем первые превосходили вторую по уровню жизни не более чем в два раза.

К середине XX в. «мировая деревня» теряла уже 75% своего национального дохода, и «мастерские мира» жили главным образом за счет этого источника, в результате чего их уровень жизни превзошел уровень стран, отставших в своем развитии, более чем в 10 раз.

³²³ Дружинин Н.М. Влияние аграрных реформ 1860-х гг. на экономику русской деревни // История СССР. № 5. С. 22–41; № 6. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

³²⁴ Гобсон Д. Эволюция современного капитализма. СПб., 1898; Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1905.

Таблица 1.9

**«Мастерские мира» и «мировая деревня»
во второй половине XIX – первой половине XX в.**

Национальный доход	1850 г.	1960 г.
Производство: «мастерские мира»	20	222
«мировая деревня»	56	468
всего (млрд. дол.):	76	690
Потребление: «мастерские мира»	29	570
«мировая деревня»	47	120
всего (млрд. дол.):	76	690
Перераспределение: «мастерские мира»	+9 (+30%)	+348 (+60%)
«мировая деревня»	-9 (-15%)	-348 (-75%)
Потребление на душу населения:		
«мастерские мира»	145	925
«мировая деревня»	85	90
в среднем (дол. /чел):	100	350
Разрыв в уровне жизни	1,7 раза	10,3 раза

Источник: Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 133. Приведенные данные характеризуют только те стран, которые в 1960 г. не входили в состав «мировой системы социализма».

Первоначально главным инструментом эксплуатации «мировой деревни» было внеэкономическое принуждение. Затем такую роль стали играть неэквивалентный обмен, позднее — и кабальные займы.

Первоначально в странах первого эшелона зарождение капитализма сопровождалось ростом цен и на сельскохозяйственные продукты, и на промышленные товары. Именно этот рост стимулировал и развитие промышленности, и втягивание в рыночные отношения сельского хозяйства, создавая возможность получения прибыли как в одном секторе экономики, так и в другом.

Однако в XIX в. в аграрном секторе стран первого эшелона начался процесс, который получил название декапитализации. Он характеризовался разрушением крупных капиталистических организованных хозяйств и дроблением земельной собственности.

В связи с этим получила распространение теория убывающего плодородия. Однако, было замечено, что процесс дробления земельной собственности развивался быстрее в крупных хозяйствах и медленнее в мелких. Это привело к возникновению теории устойчивости мелкого хозяйства.

Однако самое главное заключалось в том, что в XIX в. на мировом рынке произошли принципиальные изменения. Под влиянием промышленного переворота началось снижение цен на промышленные товары, под влиянием дешевых товаров с аграрной периферии началось снижение цен на сельскохозяйственные продукты.

В качестве показателя этого можно привести динамику цен на пшеницу в Англии. Если с 1730-х до 1810-х гг. они непрерывно росли (имеются сведения, что подобный рост волнообразно имел место и до 1730 г.), то затем началось ее снижение,

которое продолжалось почти 100 лет. В начале XX в. снижение цен приостановилось, и они снова поползли вверх, достигнув пика в годы Первой мировой войны, после чего опять начали снижаться. Если же сделать поправку на изменение курса английского шиллинга, то этот процесс будет еще более значительным.

Таблица 1.10

Динамика цен на пшеницу в Англии. 1730–1930-е гг.
(шиллингов и пенсов за квартал)

Дата	Цена	Дата	Цена	Дата	Цена
1730-е гг.	31-6	1800-е гг.	84-8	1870-е гг.	51-0
1740-е гг.	31-8	1810-е гг.	91-5	1880-е гг.	35-8
1750-е гг.	36-4	1820-е гг.	58-10	1890-е гг.	28-2
1760-е гг.	40-5	1830-е гг.	56-8	1900-е гг.	31-10
1770-е гг.	45-3	1840-е гг.	55-11	1910-е гг.	52-10
1780-е гг.	46-9	1850-е гг.	53-5	1920-е гг.	44-1
1790-е гг.	57-6	1860-е гг.	51-0	1930-е гг.	31-2

Источники: 1730–1860 гг. (Маркс К. Капитал // Соч. Т. 26. Ч. 2. С. 142–143), 1870–1910 гг. (Статистический обзор Великобритании // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 9. Приложение. С. II), 1910–1930 гг. (Сельское хозяйство капиталистических стран. Статистический справочник. М., 1959. С. 784). Англоцентнер (45,4 кг) переведен в квартал, исходя из пропорции: 1 к 4,8.

Следствием этого стало: а) вытеснение собственного хлеба импортным, б) дробление земельной собственности, в) падение удельного веса наемных рабочих в деревне. Рост цен на хлеб в Англии прекратился в 1810-е гг., когда развитие промышленности достигло такого уровня, на котором возник первый кризис перепроизводства промышленных товаров, первый экономический кризис, подтолкнувший экспансию английского капитала.

Первоначально снижение цен на хлеб в Англии имело незначительный характер (за 40 лет они сократились всего лишь на 7 шиллингов или же 12%) и не затрагивало их рост в других европейских странах. Картина резко изменилась в 1870–1880-е гг.

После того, как в Англии были приняты хлебные законы, в страну хлынул импортный хлеб. Если в 1840 г. Англия удовлетворяла собственные потребности в хлебе примерно на 80% за счет собственного производства и на 20% за счет импорта, то в 1910 г. картина была прямо противоположной, собственное производство давало только 20% необходимого хлеба, а его ввоз — 80%.³²⁵

К этому времени экономика Англии приобрела индустриальный характер, и она могла без всяких проблем и даже с выгодой для себя менять свои промышленные товары на хлеб и другие виды продовольствия.

Однако аграрный сектор оказался перед тяжелым испытанием. В странах Старого Света зародился и получил массовый характер процесс разрушения не только мелких крестьянских хозяйств, но и хозяйств, капиталистически организованных.

³²⁵ Зотов А.В. Очерки землевладения и земледелия в современной Англии. СПб., 1909.

Таблица 1.11

Сельскохозяйственные рабочие в Англии 1851–1901 гг.

Дата	Рабочие			
	Всего	семейные	наемные	% наемных
1851	3453,5	2343,2	1110,3	32
1861	3080,5	1982,2	1090,3	36
1871	2744,0	1820,7	923,3	34
1881	2573,9	1743,4	830,5	32
1891	2394,5	1637,9	756,6	31
1901	2262,6	1653,5	609,1	27

Источник: Энциклопедический словарь Гранат. Т. 9. С. II. Тыс. чел.

Однако было бы неверно думать, что падение цен имело только разрушительные последствия. Если одни хозяйства действительно разорались, то другие стали переходить от ручного труда к машинному. Оба эти процесса имели место во всех странах первого эшелона, однако если в Западной Европе первоначально преобладал процесс декапитализации, то в США — процесс механизации.

В этих условиях в США продолжался процесс концентрации земельной собственности. Однако, достигнув максимума в 1910 г., этот процесс пошел в обратную сторону, и через полвека лидирующее положение в сельском хозяйстве США заняла механизированная крупная ферма. Одновременно с этим происходило возрастание роли наемных сельскохозяйственных рабочих, т.е. капитализация фермерского производства³²⁶.

Что касается Англии, то здесь до начала 60-х гг. процесс капитализации еще шел, после чего доля наемных рабочих стала сокращаться. Свою роль здесь сыграли по крайней мере два фактора: а) механизация сельскохозяйственного производства, которая сопровождалась вытеснением рабочих машинами и б) дроблении крупной собственности под влиянием падения хлебных цен. В результате этого началась декапитализация сельского хозяйства, которая продолжалась достаточно долго.

И только после того, как механизация сельскохозяйственного производства была в основном завершена, а хлебные цены снова поползли вверх, процесс капитализации восстановился, дробление собственности снова сменилось ее концентрацией, и примерно к середине XX в. наемные рабочие стали играть на английских фермах главную роль.

Таким образом, во второй половине XIX в. начавшийся в России переход сельского хозяйства от феодализма к капитализму был поставлен в совершенно иные условия, чем те, в которых на этой же стадии находились страны первого эшелона капиталистического развития.

³²⁶ Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX в. / под ред. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишкова. М., 1991.

Особенности развития капитализма в России

Уже Крымская война показала: или Россия в ближайшее время осуществит модернизацию своей армии, или же она рискует утратить свою экономическую, а может быть, и политическую самостоятельность. Последующее развитие событий, характеризовавшееся экономической и военной экспансией капитала, складыванием колониальных империй и полуколониальной зависимости, свидетельствовало, что поставленная Крымской войной дилемма приобретала все более и более осязаемый характер и ставила правящие верхи Российской империи перед необходимостью форсировать экономическое, прежде всего промышленное развитие страны, от которого зависела ее обороноспособность.

И действительно, мы видим, что в пореформенные годы не только происходит ускорение промышленного развития страны, но и разворачивается промышленный переворот — переход от ручного труда к машинному, который в свою очередь становится пружинной индустриализации и превращения промышленности в ведущую отрасль экономики.

Первая паровая машина в России появилась в конце XVIII в. На основании этого появилось мнение, что промышленный переворот в России начался с появлением первых машин еще в 90-е годы XVIII в., а «1825 г., — писал один из авторов, — можно считать конечной датой промышленного переворота»³²⁷.

Серьезных доказательств в обоснование этого приведено не было. Поэтому подобная точка зрения прошла незамеченной. Иначе сложилась судьба концепции С.Г. Струмилина, который попытался доказать, что промышленный переворот завершился к 1861 г. В доказательство этого он попробовал определить соотношение продукции, выпускаемой на фабриках и заводах, имеющих паровые машины и не имеющих³²⁸. Однако при этом он отвлекся не только от кустарной и ремесленной, но и от домашней промышленности. Нельзя признать убедительными и его аргументы, касающиеся фабрично-заводской промышленности, так как существовавшая до революции статистика не позволяла определить, какая часть продукции на предприятиях с использованием паровых двигателей производилась механизировано, а какая — вручную. Между тем даже в 1985 г. на советских предприятиях механизированным трудом и ручным трудом по обслуживанию машин было занято только 65% рабочих, а остальные 35% занимались ручным физическим трудом. То есть даже более чем через сто лет на одну треть наши фабрики и заводы представляли собою централизованную мануфактуру³²⁹.

³²⁷ Яковлев Б.В. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 103. М.Н. Покровский датировал завершение промышленного переворота 1830-ми годами (Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.-Пг., 1923. С. 174).

³²⁸ Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944; Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. 1952. № 12. С. 69–84.

³²⁹ Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // Россия на пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. СПб.-Кишинев, 2001. С. 95–108.

Позднее была сделана попытка отодвинуть границу завершения промышленного переворота к 1880-м³³⁰ или же к 1890-м гг.³³¹ Однако все отличие этих точек зрения заключалось лишь в изменении подсчетов и в использовании такого критерия как формирование армии наемных рабочих. Поэтому ни одна из этих точек зрения не может быть признана убедительной. На самом деле промышленный переворот завершился только в годы советской власти³³².

В связи с этим требует пересмотра и существующее мнение об уровне индустриализации, достигнутом Россией к началу XX в. Согласно этому мнению, накануне Первой мировой войны промышленность давала 53% национального дохода, а сельское хозяйство 47%³³³. Таким образом, для завершения индустриализации требовалось еще несколько лет. Некоторые авторы склонны даже утверждать, что этот критический рубеж был даже перейден.

Однако при этом не учитываются три момента: существовавшая статистика позволяла определить национальный доход не по месту его производства, а по месту потребления. Что вело к занижению показателей сельского хозяйства и завышению показателей промышленности. Во-вторых, не учитывается так называемый двойной счет, который был выше в промышленности и ниже в сельском хозяйстве. Наконец, игнорируются существовавшие тогда «ножницы цен»: искусственное завышение цен на промышленные товары и искусственное занижение цен на сельскохозяйственные продукты³³⁴.

Если сделать поправку только на последний фактор, национальный доход в промышленности опустится до 20–25%. А доля сельского хозяйства поднимется до 75–80%³³⁵, что вполне согласуется и с данными о распределении населения между городом и деревней (13 и 87%)³³⁶.

Косвенно об уровне индустриализации России к началу XX в. свидетельствуют и данные о соотношении национального богатства между промышленностью и сельским хозяйством (6 и 24 млрд. руб.)³³⁷. Это означает, что процесс индустриали-

³³⁰ Вопросы истории. 1945. № 1. С. 126–135 (рецензия В.К. Яцунского на брошюру С.Г. Струмилина); Злотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Там же. 1946. № 11–12. С. 31–48; Пажитнов К.Л. К вопросу о промышленном перевороте в России // Там же. 1952. № 5. С. 68–76; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. Избранные труды. М., 1973. С. 116–145.

³³¹ Зельцер В. Промышленная революция в России // Борьба классов. 1934. № 9. С. 80–82; Он же. Ленин и проблема промышленной революции в России // История пролетариата СССР. 1933. Сб. 4 (16). С. 3–54; Дружинин Н.М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 98–102; Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск, 1968.

³³² Островский А.В. О времени завершения индустриализации...

³³³ Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969. С. 68.

³³⁴ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России...; Он же. Животноводство Европейской России...

³³⁵ Барсов А.А. НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 96.

³³⁶ Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. Отд. 1. С. 57; Урбанизация в России в XVI–II – начале XX вв. Тамбов, 2008.

³³⁷ Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народохозяйственное накопление предреволюционной России. Статистическое исследование. М., 1960. С. 403.

зации в России вплоть до начала Первой мировой войны находился на начальной стадии и до его завершения было далеко³³⁸.

Когда говорят о конкуренции, то упускают из вида то, что конкурентная борьба шла не только внутри сельского хозяйства между отдельными хозяйствами и отраслями, но и между капиталом, внедряющимся в сельское хозяйство и в промышленность. Это была борьба между городом и деревней, которая находила свое отражение в уровне цен, борьба между отечественным и иностранным капиталом, находившая свое отражение в уровне цен на внутреннем и мировом рынках.

Начавшийся промышленный переворот постепенно стал распространяться на транспорт. Первая железная дорога Петербург – Царское Село была построена в 1837 г.; в 1851 г. железная дорога связала Петербург и Москву, а затем началось интенсивное железнодорожное строительство. К 1913 г. было проложено 55,8 тыс. верст, в результате чего железными дорогами были связаны не только почти все губернские города, но и европейская часть страны с Дальним Востоком и Средней Азией.

Одновременно революция на транспорте создала основу для расширения связей России на международном рынке.

Таблица 1.13

Динамика внешней торговли России в 1861–1910 гг.

Дата	Экспорт	Импорт	Баланс	%
1861–1870	2227	2223	+4	0,2
1871–1880	4547	4854	–307	6,8
1881–1890	6221	4670	+1551	24,9
1891–1900	6631	5336	+1295	19,5
1901–1910	10730	7713	+3017	28,1
Итого	30356	24796	+5560	18,3

Источники: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В.И. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. XXXIV, 117, 141; Статистический ежегодник России. СПб., 1905–1911.

За полвека объем российского экспорта увеличился почти в 5 раз, а импорта более чем в 3 раза. Даже если сделать поправку на обесценивание рубля, общий объем внешней торговли вырос в несколько раз. И если до отмены крепостного права от положения на мировом рынке зависели главным образом помещичьи хозяйства, являвшиеся экспортерами сельскохозяйственных продуктов, то к началу XX века в этой зависимости оказалась вся российская экономика. И изменения, происходившие на мировом рынке, заставляли Россию считаться с этим.

Если первая половина XIX в. в значительной степени прошла под лозунгом свободной торговли, то во второй половине получает распространение протекционистская политика. Пример в этом отношении показала Германия, за нею на этот путь встала и Россия.

³³⁸ Островский А.В. О времени завершения индустриализации...

Необходимо учитывать и те изменения, которые произошли в сфере кредита. Если до начала 1860-х гг. кредит почти полностью был сосредоточен в руках государства, то в 1860–70-е гг. сложилась система частных кредитных учреждений, которая постепенно распространилась почти на всю империю, причем не только на губернские, но и на уездные города.

В этих условиях правительство пошло на реформирование податной системы. Если до отмены крепостного права первостепенную роль в государственных доходах играли прямые сборы, то затем на первое место вышли косвенные налоги, что позволило правительству значительно увеличить размеры государственного бюджета.

Определенную роль в этом отношении играл приток иностранного капитала. Однако если страны первого эшелона имели возможность привлекать средства из-за рубежа за счет эксплуатации других народов, вся пореформенная эпоха характеризовалась сокращением этого резерва для России, так как это было время захвата внешних рынков ведущими государствами. По мере того, как ограничивались возможности мобилизации средств извне, повышалась роль внутренних накоплений, которые постепенно превращались в основной, а потом фактически и почти единственный источник накопления.

Другая принципиальная особенность заключалась в том, что вся пореформенная эпоха характеризовалась возрастанием зависимости России от иностранного капитала, усилением ее эксплуатации извне. Когда-то считалось, что в результате этого к началу Первой мировой войны Россия превратилась в полуколонию. В 1950-е гг. эта точка зрения была поставлена под сомнение, хотя выдвинутые в связи с этим аргументы трудно назвать убедительными. В любом случае факт усиления зависимости России от иностранного капитала — это бесспорный факт.

С одной стороны, приток иностранных инвестиций сопровождался внедрением новых технологий, с другой стороны, выкачиванием из России необходимых ей самой ресурсов, в том числе капитала. В результате этого иностранный капитал становился одновременно двигателем и тормозом внутреннего накопления. Баланс этих двух тенденций не подведен. Однако можно утверждать, что иностранные инвестиции двигали вперед промышленность и транспорт, а откачиваемые средства поступали главным образом из деревни, что способствовало разрушению крестьянского хозяйства. Процесс первоначального накопления приобретал однобокий характер: в России оставались разоренные крестьяне, а прибыль от инвестиций уплывала за границу, что сдерживало формирование отечественной буржуазии.

Немаловажной особенностью России являлось то, что здесь государство было самым крупным землевладельцем, самым крупным заводчиком, самым крупным владельцем железных дорог и пароходов, самым крупным оптовым купцом, самым крупным банкиром. Более того, в некоторых отраслях его роль была доминирующей. Поэтому, если в странах Запада происходила буржуазная трансформация помещичьего хозяйства, в России речь шла об участии в этом процессе и государства. Необходимость форсирования экономического развития требовала также усиления роли централизованного государственного регулирования экономических процессов, прежде всего связанных с накоплением и распределением капитала. По мере расширения государственного вмешательства в экономику неизбежно было сокращение сферы рыночных механизмов и расширение внеэкономических средств.

Есть четыре пути увеличения доходности: а) рост цен, б) сокращение издержек, в) ускорение оборота капитала, г) повышение производительности. Начавшееся снижение мировых цен на сельскохозяйственные продукты означало, что первый путь для российской деревни уходил в прошлое. Ускорение оборота капитала было невозможно в связи со спецификой этой отрасли экономики.

Повышение производительности земли было возможно на пути перехода от переложно-залежной системы земледелия к трехполью, но трехполье требовало удобрения, увеличение объема удобрения зависело от состояния животноводства, а рост поголовья скота и его продуктивности требовал расширения кормовой базы и условий содержания скота, упирался в узость кормовой базы. Сокращение издержек производства было возможно или за счет роста производительности труда (механизации сельского хозяйства), или за счет усиления эксплуатации крестьянства.

Таковы были общие условия развития сельского хозяйства России после крестьянской реформы. Посмотрим теперь, каково было состояние различных отраслей сельского хозяйства в конце XIX века.

Глава 2. ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Пашня и системы земледелия

К середине XIX века в губерниях раннего освоения было сосредоточено 49 млн. дес. сельскохозяйственных угодий или около трети их общей площади; 92 млн. дес., две трети, концентрировалось в губерниях позднего освоения (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Структура земельных угодий в Европейской России
60-х годов XIX в. (млн. дес.)

Виды угодий	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Всего	181,7	51,3	107,6	100,9	441,5
Неудобные	58,6	8,5	11,7	49,4	128,2
Удобные	123,1	42,8	95,9	51,5	313,3
Лес	99,6	17,2	43,6	12,0	172,4
С/х угодья	23,5	25,6	52,3	39,5	140,9
Пашня: абс.	17,3	19,6	37,5	14,4	88,8
в % к с/х угодьям	74	77	72	36	63
Луга: абс.	6,2	6,0	14,8	25,1	52,1
в % к с/х угодьям	26	23	28	64	37

Источники: Статистический временник Российской империи. Вып.1. СПб., 1866. С.158–159.

В северных губерниях под пашней находилось 74% сельскохозяйственных угодий, в западных — 77%, в центральных — 72%, в южных — 36%, в целом по Европейской России — 63%. Из этого явствует, что к середине XIX в. возможности экстенсивного развития были полностью исчерпаны в зоне раннего освоения, а также в большинстве центральных губерний. И только на Юге еще имелся резерв свободных земель.

Как использовались земельные ресурсы в пореформенный период?

В середине 1860-х гг. было распаханно 88,8 млн., к 1877 г. — 100,8 млн., к 1881 г. — 106,7 млн., к 1887 г. — не менее 117,2 млн., к 1901 г. — 120,3 млн. дес., к 1912 г. — 120,2 млн. В 1955 г. на этой же территории пашня составляла около 130 млн. га или 120 млн. дес.³³⁹ Следовательно, к концу XIX в. возможности экстенсивного развития земледелия на территории Европейской России были исчерпаны (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Обеспеченность населения Европейской России пашней. 1866–1912 гг.

Год	Пашня	Население	На душу населения
1866	88,8	62,6*	1,42
1877	100,8	71,2	1,42
1881	106,7	75,0	1,42
1887	117,2	81,5	1,44
1901	120,3	100,2	1,20
1912	120,2	119,8	1,01

Источники: Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. С. 158–159; Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. IV. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. СПб., 1884; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. 1, 3–11, 13–20, 22–29, 31–50. СПб., 1895–1901; Статистика Российской империи. Т. LIII. Урожай 1901 г. Т. III. СПб., 1902. С. II–VI; РГИА. Ф.1290. Оп.6. Д.126 (1909); 131 (1912); Д. 132 (1913); Ведомость о площади лугов и удобной земли. 1912 г. // Там же. Ф.1290. Оп. 6. Д. 2. Л. 95–96; Сельскохозяйственный промысел в России. СПб., 1912. Рашин А.Г. Население России за сто лет (1811–1914 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 46–47. *за 1867 г.

В результате если после отмены крепостного права удалось затормозить процесс сокращения обеспеченности населения пашней, с конца XIX в. он снова возобновился. И с 1887 по 1912 г. обеспеченность населения пашней сократилась почти в полтора раза. *Факт, имеющий принципиальное значение для понимания того, что происходило на рубеже XIX–XX вв. в главной отрасли сельского хозяйства Европейской России.* Чтобы понять причину этого, посмотрим, как данный процесс развивался на уровне отдельных регионов (табл. 2.30).

С 1866 по 1887 г. общая площадь пашни увеличилась на 28,4 млн. дес. или примерно на треть: в южных губерниях — на 23,5 млн. дес., в центральных — на 9,1 млн. дес., а всего в зоне позднего освоения — на 32,6 млн.³⁴⁰ В западных и в северных губерниях имело место ее волнообразное сокращение.

В последующем, на рубеже XIX–XX вв., распашка новых земель фактически прекратилась не только в губерниях раннего, но и в губерниях позднего освоения.

³³⁹ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 70.

³⁴⁰ В данные за 1887 г. внесены исправления по сравнению с предшествующей публикацией приведенной таблицы (Островский А.В. О земледельческом освоении Европейской России к началу XX в. // Проблемы экономической истории: теория и практика. Екатеринбург, 2011. С. 301).

Причина этого заключалась в том, что к концу 1880-х гг. резерв свободных земель был исчерпан даже на Юге.

Таблица 2.3

Динамика площади пашни в Европейской России. 1866–1912 гг. (млн. дес.)

Год	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
1866	17,3	19,6	37,5	14,4	88,8
1877	13,4	16,3	43,1	28,0	100,8
1881	14,4	16,7	44,1	31,5	106,7
1887	15,0	17,7	46,6	37,9	117,2
1901	14,1	19,1	47,9	39,2	120,3
1912	13,4	19,6	47,5	39,6	120,1

Источники: см. источники к таблице 2.2.

К 1887 г. в девяти южных губерниях было распаханно не менее 52% всех удобных земель и почти 62% сельскохозяйственных угодий: Астраханская губерния — 18,0%, сельскохозяйственных угодий, Донская — 51,7%, Оренбургская — 52,6%, Самарская — 62,6%, Уфимская — 66,7%, Бессарабская — 72,5%, Таврическая — 77,8%, Екатеринославская — 80,1%, Херсонская — 85,3%.

В связи с этим принципиально важное значение приобретает вопрос об агрикультурном уровне российского земледелия в конце XIX – начале XX в.

Как уже отмечалось, в начале XX века на территории Европейской России использовались три системы земледелия: переложно-залежная, трехпольная и многопольная (иначе: травопольная, или плодосменная).

Переложно-залежная система, к которой относилась и подсечно-огневая³⁴¹, характеризовалась тем, что земельный участок использовался без регулярного или специального удобрения до тех пор, пока давал удовлетворяющий урожай. Когда урожай начинал падать, прежний участок пашни забрасывался и в оборот вводился новый. Через некоторое время все повторялось³⁴².

Необходимость забрасывания земель вызывалась не только нарушением в почве необходимого баланса питательных веществ, но и необходимостью борьбы с сорняками. «Урожай, — писал Д.Н. Прянишников, — падают в черноземных степях после снятия 5–6 урожаев не потому, что почва истощилась после обработки, а потому, что размножились сорные травы и ухудшается структура почвы»³⁴³.

Поэтому отдых земли имел своей целью восстановление не только плодородия, не только прежней структуры почвы, но и уничтожение сорняков. «После прекра-

³⁴¹ Шапиро А.Л. О подсечном земледелии на Руси в XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. С. 121–131; Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

³⁴² Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. СПб, 1894. С. 58–144.

³⁴³ Прянишников Д.Н. Избранные сочинения. Т.3. Общие вопросы земледелия и химизации. М., 1963. С. 113.

шения посевов, — развивал свою мысль Д.Н. Прянишников, — происходит сначала зарастание залежи сорной растительностью и только через 15–20 лет восстанавливается первичная степная растительность, т.е. кустовые злаки, появляется овсяница овечья, тонконог и, наконец, ковыль. Когда они разрастутся, они подавляют разнотравье и поле опять готово к тому, чтобы при вспашке давать чистые от сорняков пласты с хорошей структурой»³⁴⁴.

Д.Н. Прянишников обращал внимание на то, что переложно-залежная система проходила в своем развитии, по крайней мере, два этапа. Для первого было характерно неупорядоченное, для второго — упорядоченное использование земли. «Первоначально, — подчеркивал он, — было так: вспашут участок и 6 лет им пользуются, а затем забрасывают»³⁴⁵.

Поскольку для возвращения на прежний участок земли требовалось не менее 15–20 лет, в среднем — около 18, а распаханый участок эксплуатировался примерно 6 лет, то площадь залежи должна была превышать площадь посева, по меньшей мере, в 3 раза. Это значит, что ежегодно в эксплуатации (под посевом) могло находиться не более 25% пашни, а более 75% должна была составлять залежь. Л.В. Милов считал, что «при перелогe обязательно соотношение регулярной пашни с залежью 1 к 5», т.е. посев мог занимать лишь около одной шестой, или 16% распаханых земель³⁴⁶.

«Потом (т.е. когда целина в основном распахивалась — А.О.), — писал Д.Н. Прянишников, — стали забрасывать и распахиывать не целиком весь участок, а частями: например, распахали 1/6 и забросили тоже 1/6 с другого конца участка... это более или менее упорядоченная залежная система»³⁴⁷.

Если исходить из того, что при таком «правильном перелогe» обрабатываемые земли делились на 6 частей, каждая из которых эксплуатировалась без отдыха 6 лет, а затем по очереди превращалась в залежь, получается, что под посевом находилось не более 50% пашни, и на прежний участок крестьянин возвращался примерно через 36 лет.

Нарушение этих пропорций вело к кризису переложно-залежной системы. Площадь посева начинала превосходить 50%-ный уровень, срок отдыха земли сокращался, пока не достигал одного года. Так складывается новая, паровая система земледелия, которая могла иметь и двупольный, и трехпольный севооборот. При трехполье одно поле засевалось весной (ярь), второе в конце лета — начале осени (озимь), третье в течение года отдыхало (пар)³⁴⁸. В результате площадь посева увеличивалась до 67% площади пашни, а отдыхающая часть земли сокращалась примерно до 33% по отношению к площади пашни и 50% — к площади посева.

За год невозможно вытеснение сорняков естественным путем и восстановление прежней структуры почвы. В связи с этим паровой клин требовал более тщательной обработки. Так складывается традиция трехкратной вспашки для озимых (сра-

³⁴⁴ Там же. С. 114.

³⁴⁵ Там же. С. 114–115.

³⁴⁶ Милов Л.В. «Не поле кормит, а нива»... С. 17.

³⁴⁷ Прянишников Д.Н. Указ. соч. С. 114–115.

³⁴⁸ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 145–164.

зу же после уборки урожая, весной, когда только-только появится растительность, и перед посевом) и двукратной — для яровых (после уборки и перед посевом)³⁴⁹.

За год земля не могла также естественным путем восстановить плодородие, поэтому ее необходимо было удобрять. Характеризуя трехпольную систему, необходимо учитывать, что еще в дореволюционной литературе было обращено внимание на два ее вида: без употребления навоза и с его употреблением³⁵⁰.

Что касается первого, так называемого безнавозного трехполья, то оно по сути дела являлось разновидностью залежной системы с трехпольным севооборотом и представляло собою переходную форму от переложно-залежной системы к традиционному трехполью. Вот только один пример. Харьковская губерния, 1839 г.: «Земледелие составляет главное занятие жителей, оно *трехпольное*... гулевое поле дает сено или служит пастбищем... Земля *не удобряется*... напротив того, отдохнув пять лет, приносит плод *ежегодно в продолжении пятнадцати лет*»³⁵¹.

Это переложно-залежная система с трехпольным севооборотом. От трехполья как системы земледелия она отличалась тем, что земля не удобрялась и пашня отдыхала не один год, а пять лет.

Что же касается навозного трехполья, то это была не экстенсивная система земледелия, как считают многие авторы, а переходная стадия от экстенсивного земледелия к интенсивному, так как использование навоза открывало возможность не только восстановления утраченного плодородия почвы, но и его повышения.

Исчерпание возможностей трехполья порождало необходимость перехода к многопольной системе, которая характеризовалась регулярным использованием почти всех обрабатываемых земель. Возможность подобной эксплуатации земель была связана с тем, что разные растения берут из почвы разные питательные вещества и в разном количестве, а некоторые накапливают на корнях важнейший элемент плодородия — азот. В результате рациональное чередование культур позволяет регулировать в почве соотношение необходимых питательных веществ, а удобрение становится важнейшим средством восстановления и повышения плодородия почвы³⁵².

Для того, чтобы судить о системах земледелия, существовавших в конце XIX — начале XX в., в первую очередь следует обратиться к вопросу об использовании пашни (табл. 2.4).

³⁴⁹ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 97–103.

³⁵⁰ Людоговский А. Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. СПб., 1875. С. 132–138.

³⁵¹ Пассек В. Историко-статистическое описание Харьковской губернии // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Отд. II. С. 162.

³⁵² Суринов В.М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д.Н. Прянишникова // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VII... С. 321–333; Он же. Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. С. 288–297.

Таблица 2.4

Использование пахотных земель в Европейской России
к концу XIX в. (1881 г.) (млн. дес.)

Виды земель	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Пашня, всего	14,4	16,7	44,1	31,5	106,7
– казна и удел	0,1	0,3	0,9	1,4	2,7
– без казны и удела	14,3	16,4	43,2	30,1	104,0
Посев: абс.	9,0	11,0	28,0	16,7	64,7
% к пашне	62%	66%	63%	53%	61%
Пар и перелог: абс.	5,4	5,7	16,1	14,8	42,0
% к пашне	38%	34%	37%	47%	39%
а) пар	4,3	4,8	13,0	4,2	26,3
б) перелог	1,1	0,9	3,1	10,6	15,7

Источник: Сборник сведений по Европейской России за 1882 г. СПб., 1884. С. 34–35.

В 1881 г. общая площадь пашни Европейской России составляла около 106,7 млн. дес. Из них под посевом находилось 64,7 млн. дес. или 61% всей пашни, 42,0 млн. дес., 39%, занимали пар, залежь и подсека. Приведенные показатели весьма близки к тем, которые характерны для традиционного трехполья. Причем, если исключить залежь, в северных губерниях пар составит 32% пашни, в западных — 31%, в центральных — 32% и только на Юге — 20%. Именно на южные губернии приходилось 10,6 из 15,7 млн. дес., или 67% всей официально зарегистрированной залежи.

Это свидетельствует о том, что в начале 80-х гг. XIX века трехпольный севооборот полностью определял характер эксплуатации пашни в северных, западных и центральных губерниях, но еще не утвердился на Юге.

Поскольку для переложно-залежной системы характерно использование под посев меньшей части пашни, а при трехполье посев занимал примерно две трети пашни, на основании приведенных данных можно утверждать, что к началу 80-х годов XIX в. в России преобладала трехпольная система севооборота.

Это становится еще более очевидным, если рассмотреть использование пахотных земель более детально. Поскольку под паром находилось 26,3 млн. дес., то в режиме трехпольного севооборота эксплуатировалось примерно 78,9 млн. дес., или почти 76% всей пашни, и 52,6 млн. дес., или более 80% всех посевов.

Однако, чтобы судить о степени распространения трехполья как системы земледелия, необходимо учитывать еще один важный фактор — использование удобрений. Едва ли не единственная попытка получить на основании общую картину использования удобрений к концу XVIII в. была сделана в 1945 г. П.И. Лященко, который пришел к выводу, что «удобрение не только не шло дальше южной границы нечерноземной полосы, но далеко не полностью и не повсеместно было распространено и в нечерноземной полосе»³⁵³.

³⁵³ Лященко П.И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. // Исторические записки. Т.15. М., 1945. С. 109.

Этот принципиально важный вывод до сих пор игнорируется исследователями аграрной истории России. Причина этого заключается не только в том, что он находится в противоречии со сложившимися представлениями о трехполье как системе земледелия и его преобладании с XVI в., но и в том, что для обоснования этого важного утверждения П.И. Лященко привел лишь иллюстративный материал, не дав конкретного представления о соотношении переложно-залежной системы земледелия и трехполья во второй половине XVIII в.

Попробуем сделать это, хотя бы ориентировочно.

Сплошная обработка названных материалов показывает, что во второй половине XVIII в. удобрение являлось правилом лишь на территории 20 губерний. Это были Архангельская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Гродненская, Калужская, Костромская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Московская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Смоленская, Тверская, Эстляндская, Ярославская и, вероятно всего, Ковенская губернии.

Нетрудно заметить, что это 12 северных и 8 западных губерний. Иначе говоря, во второй половине XVIII в. ареал традиционного трехполья во многом совпадал с границами губерний раннего сельскохозяйственного освоения.

9 губерний находились на разных стадиях перехода от переложно-залежной системы к трехполью. Это были Волынская, Вятская, Казанская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Пермская, Тульская. К числу этих губерний, видимо, следует добавить Олонецкую губернию, в которой подсеčno-огневая система широко использовалась до конца XIX в.³⁵⁴

В 21 губернии господствовала переложно-залежная система: Астраханская; Бессарабская; Воронежская; область войска Донского; Екатеринославская; Киевская; Курская; Оренбургская; Пензенская; Подольская; Полтавская; Рязанская; Самарская; Саратовская; Симбирская; Таврическая; Тамбовская; Уфимская; Харьковская; Херсонская; Черниговская.

Если обратиться к материалам Генерального межевания о площади пашни, используя по другим губерниям расчетные данные Цветкова, то мы получим следующую картину:

Таблица 2.5

Использование удобрения в Европейской России к концу XVIII – началу XIX вв.

Районы	Губернии				Пашня (млн. га)			
	Удобр.	Перех.	Без уд.	Всего	Удобр.	Перех.	Без уд.	Всего
Север	12	2	–	14	13,8	2,2	–	16,0
Запад	8	2	2	12	9,0	3,4	3,6	16,0
Центр	–	5	10	15	–	10,1	19,4	29,5
Юг	–	–	9	9	–	–	7,7	7,7
Всего	20	9	21	50	22,8	15,7	30,7	69,2

³⁵⁴ Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России. СПб., 1998. С. 69–71.

Оказывается, в конце XVIII – начале XIX в. на 20 губерний с трехпольной системой земледелия приходилось 22,8 млн. дес. пашни (33%), на 9 губерний, находившихся на разных стадиях перехода от переложно-залежной системы к трехполью, — 15,7 млн. дес. (23%), на остальные 20 губерний (без Бессарабии) с господством переложно-залежной системы — 30,7 млн. (44%). Не абсолютизируя приведенные данные, можно утверждать, что в конце XVIII – начале XIX в. в режиме навозного трехполья эксплуатировалась меньшая часть пашни.

К середине XIX столетия список губерний, в которых продолжала господствовать переложно-залежная система, сократился лишь до 18. Это были губернии: Астраханская, Бессарабская, Воронежская, Донская, Екатеринославская, Киевская, Оренбургская, Пензенская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская.

7 губерний находились на разных стадиях перехода от переложно-залежной системы земледелия к навозному трехполью: Курская, Олонецкая, Орловская, Пермская, Подольская, Рязанская.

В 22 губерниях удобрение полей было правилом: Архангельская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Вятская, Гродненская, Казанская, Калужская, Ковенская, Костромская, Могилевская, Минская, Нижегородская, Новгородская, Санкт-Петербургская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская губерния.

3 губернии находились на стадии перехода от трехполья к многополью: Курляндская, Лифляндская, Эстляндская.

Используя данные о площади пашни, опубликованные ЦСК в 1866 г., можно получить представление о соотношении трехполья и переложно-залежной системы к середине XIX в. За первую половину этого столетия количество губерний с навозным трехпольем увеличилось с 20 до 25, количество губерний с переложно-залежной системой сократилось с 21 до 18. Но поскольку в центральных и южных губерниях, где господствовала переложно-залежная система, происходила распашка новых земель, то, хотя губернии с преобладанием навозного трехполья немного вышли вперед (соответственно 37,6 и 36,6 млн. дес. пашни, 42 и 41%), господствующей системой к середине XIX трехполье не стало (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Использование удобрения в Европейской России середины XIX в.

Районы	Губернии				Пашня (млн. дес.)			
	Удобр.	Переход.	Без уд.	Всего	Удобр.	Переход.	Без уд.	Всего
Север	13	1	—	14	17,0	0,3	—	17,3
Запад	10	1	1	12	15,0	2,0	2,6	19,6
Центр	2	5	8	15	5,6	12,3	19,6	37,5
Юг	—	—	9	9	—	—	14,4	14,4
Всего	25	7	18	50	37,6	14,6	36,6	88,8

Источник: Статистический временник Российской империи. Вып. I. СПб., 1866. С. 158–159.

«Предел удобрения, — отмечалось в одном из изданий Министерства государственных имуществ 1860 года, — простирается чрез губернии: Тульскую, Орловскую, Курскую, Рязанскую, Тамбовскую и Пензенскую»³⁵⁵. Это значит, что, по сведениям названного учреждения, к 1860 г. на большей части черноземной полосы удобрения или еще не использовались, или еще не стало правилом³⁵⁶. «В черноземной полосе удобрение полей встречается очень редко», — констатировалось в 1871 г. на страницах «Военно-статистического сборника»³⁵⁷.

«Вопрос о географическом распространении удобрения, — признавался в 1888 г. Департамент земледелия, — оставался до сих пор мало выясненным в литературе, между тем имелись отдельные указания на то, что удобрение полей навозом, издавна применявшееся во всех владельческих и крестьянских хозяйствах нечерноземных местностей, за последние 25 лет успело уже распространиться на значительную часть черноземной полосы и в настоящее время применяется даже в таких местах, где оно недавно еще считалось не только бесполезным, но даже вредным»³⁵⁸.

Это заставило Департамент земледелия провести в 1887 г. первое специальное обследование по выяснению степени распространения навозного удобрения³⁵⁹. В конце 90-х годов обследование было повторено³⁶⁰.

В результате этого было установлено, что круг губерний с преобладанием переложно-залежной системы значительно сократился. Прежде всего, в нем остались все 9 южных губерний: Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Таврическая, Уфимская, Херсонская.

Из 15 центральных губерний более или менее определенные сведения о господстве переложно-залежной системы имеются только по трем. Это Полтавская, Харьковская и Черниговская. 6 губерний переживали переходное состояние от переложно-залежной системы земледелия к навозному трехполью: Курская, Пензенская, Пермская, Саратовская, переходное состояние переживали Симбирская и Тамбовская губернии.

В 6 губерниях Центра (Воронежская, Вятская, Казанская, Орловская, Рязанская, Тульская) к концу XIX в. удобрение получило почти повсеместное распространение.

Из девяти западных губерний только две: Киевская и Подольская еще переживали переход от переложно-залежной системы к трехполью. В остальных губерниях удобрение полей было правилом³⁶¹.

³⁵⁵ Пояснительная записка о работах по соглашению оценок государственного имущества между губерниями. СПб., 1860. С. 39.

³⁵⁶ См. также: Вильсон И.И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 46–69.

³⁵⁷ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871. С. 235.

³⁵⁸ Свод сообщений корреспондентов по вопросу об удобрениях // 1887 год в сельскохозяйственном отношении. Вып. III. Общий обзор года. СПб., 1888. С. 529.

³⁵⁹ Там же. 529–560; См. также: Семенов Д.П. К вопросу о распространении удобрения в России. СПб., 1888.

³⁶⁰ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. Распространенность навозного удобрения в России. СПб., 1901.

³⁶¹ Там же. С. 46–47 (Волынская), 68–73 (Могилевская, Минская, Витебская), 86–94 (Виленская,

Правилом удобрение пашни было во всех северных губерниях³⁶² (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Использование удобрения в Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (млн. дес.)

Районы	Губернии				Пашня			
	Удобр.	Переход.	Без уд.	Всего	Удобр.	Переход.	Без уд.	Всего
Север	14	—	—	14	14,1	—	—	14,1
Запад	10	2	—	12	13,7	5,4	—	19,1
Центр	6	6	3	15	18,1	20,1	9,6	47,8
Юг	—	—	9	9	—	—	39,3	39,3
Всего	30	8	12	50	45,9	25,5	48,9	120,3

Источники: Статистика Российской империи. Т. 53. Урожай 1901 г. Т. III. Посевные кормовые травы. Лен и конопля. СПб., 1902. С. II–VI.

Таким образом, к концу XIX в. 12 губерний или вообще не использовали удобрения, или же только-только начинали переходить к его употреблению, 8 губерний переживали переходное состояние, 30 губерний использовали удобрение более или менее регулярно.

По данным 1901 г., на 30 губерний, в которых удобрение было правилом, приходилось примерно 46 млн. дес. пашни или 38% ее общей площади, на 8 губерний переходного типа — 25 млн. дес., 21% и на 12 губерний с преобладанием переложно-залежной системы — 49 млн. дес., 41% (табл. 2.7).

Хотя пореформенная эпоха характеризовалась дальнейшим расширением ареала распространения навозного удобрения, одновременно почти такими же темпами происходила распашка земель в южных губерниях. Это имело своим следствием расширение площади пашни не только в губерниях с преобладанием трехполья, но и в губерниях с преобладанием переложно-залежной системы земледелия (табл. 2.8).

В результате вплоть до начала XX в. навозное трехполье на территории Европейской России так и не стало господствующей системой земледелия. И те проблемы, с которыми столкнулось сельскохозяйственное производство Европейской России на рубеже XIX–XX вв., были связаны не с кризисом трехполья, как считают некоторые авторы³⁶³, а с кризисом переложно-залежной системы земледелия, с кризисом экстенсивного сельского хозяйства. В этом отношении Россия отставала от Западной Европы на целую историческую эпоху.

Ковенская, Гродненская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская).

³⁶² Там же. С. 21–22 (Нижегородская), 52–68 (Владимирская, Московская, Калужская, Ярославская, Костромская, Тверская), 73–74 (Смоленская), 78–86 (Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Петербургская, Псковская).

³⁶³ См., например: Ляшенко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т.1... С. 275; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т.2. Саратов, 1911. С. 425; Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 196; Слободин В.М. О кризисе трехполья в России в XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. С. 280–287.

Таблица 2.8

Переход сельскохозяйственного производства Европейской России от переложно-залежной системы к трехполью (вторая половина XVIII – конец XIX в.)

Годы	Губернии				Пашня			
	Удобр.	Перех.	Без уд.	Всего	Удобр.	Переход.	Без уд.	Всего
1796	20	9	21	50	22,8	15,7	30,7	69,2
1866	25	7	18	50	37,6	14,6	36,6	88,8
1901	30	8	12	50	45,9	25,5	48,9	120,3

Источники: таблицы 2.5–2.7.

Окончательное исчерпание резерва свободных земель к началу XX в. означало, что дальнейшее развитие земледелия возможно только на пути его интенсификации, которая требовала использования удобрения и улучшения обработки земли.

В 1876 г. И.С. Блиох писал: «По данным науки и рациональной практики в России, принято считать, что у хороших хозяев, в имениях со средним наделом, необходимо удобрять, по крайней мере, 1/3 часть парового поля, так что при общепринятой трехпольной системе каждое поле получает навоз никак не менее одного раза в 9 лет»³⁶⁴.

Обратите внимание: в середине 70-х годов XIX в. даже «хорошие хозяева», использующие навозное трехполье, считали достаточным удобрять ежегодно лишь одну треть пара. О том, что до революции ежегодно удобрялся не весь пар, свидетельствуют и материалы обследования 1897 г.

Однако и там, где стремились удобрять как ближние, так и дальние поля, из-за нехватки навоза во многих случаях приходилось ограничиваться удобрением только части парового клина. Поэтому один и тот же участок получал удобрение не раз в три года, как должно было бы быть при трехполье, если бы навоз получал весь паровой клин, а раз в шесть, девять и более лет.

В северных губерниях стремились удобрять весь паровой клин, но, как показывают материалы обследования 1897 г., на деле регулярно удобрялось не более 85% парового поля, в западных губерниях ежегодно удобрение получало около 50% пара, в центральных губерниях — примерно 30%, в южных — максимум 10%. В среднем по Европейской России доля удобряемого пара не превышала 40%. Следовательно, один и тот же участок пашни получал удобрение примерно через 6–9 лет (табл. 2.9).

При этом необходимо иметь в виду, что в основе этих данных лежат сведения, полученные Департаментом земледелия от добровольных корреспондентов, принадлежавших к числу наиболее культурных хозяев. А значит, в действительности ежегодно получала удобрение еще меньшая часть парового поля.

³⁶⁴ Блиох И.С. Исследования по вопросам, относящимся к производству, торговле и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границу. СПб., 1876. С. 21.

Таблица 2.9

Региональные особенности использования удобрения
в Европейской России начала XX века

Использование удобрения	Север	Запад	Центр	Юг	Европейская Россия
Пашня (1901 г.)	14,1	19,1	47,9	39,2	120,3
Посев (1901г.)	8,8	12,6	28,6	22,5	72,5
Отдыхающие земли	5,3	6,5	19,3	16,7	47,8
а) залежь	1,2	0,8	7,3	11,3	20,6
б) пар	4,1	5,7	12,0	5,4	27,2
Удобримость пара	85%	50%	30%	10%	40%
Удобряемый пар	3,5	2,9	3,6	0,5	10,5
Неудобряемый пар	0,6	2,8	8,4	4,9	16,7
Неуд. пар и залежь	1,8	3,6	15,7	16,2	37,3
Норма удобрения	1500	1800	2450	3500	2000
Всего удобрения	5250	5220	8820	1750	21040
На 1 дес. пара	1280	920	735	325	775
На 1 дес. отд. земель	890	685	430	130	440
На 1 дес. посева	640	450	320	70	290

Источники: Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. Распространенность навозного удобрения в России. СПб., 1901; Статистика Российской империи. Т. 53. Урожай 1901 г. Т. I–III. Посевные кормовые травы. Лен и конопля. СПб., 1901–1902. Пар — это площадь озимых. Пашня, посев, пар и залежь — млн. дес. Норма удобрения — пудов на десятину удобряемого пара.

По данным 1901 г., отдыхало 47,8 млн. дес.: 27,2 млн. находились под паром, 20,6 млн. составляла залежь, соответственно 57 и 43%. Между тем, если из 27,2 млн. дес. пара регулярно удобрялось 40%, т.е. не более 11 млн. дес., то остальные 16 млн. дес. получали удобрение через 6–9 лет или вообще оставались без удобрения. Это показывает, что ежегодно удобрение получала максимум четверть отдыхающих земель. Следовательно, роль удобрения в регулировании плодородия почвы даже в начале XX века была еще невелика. Единственный район, где удобряемый пар составлял более половины всех отдыхающих земель (65%), — это Север, в западных губерниях удельный вес удобряемого пара составлял примерно 45% отдыхающих земель, в центральных губерниях — около 20%, на Юге — не менее 5%

Исходя из этого, можно утверждать, что традиционное, навозное трехполье играло ведущую роль только в северных губерниях. В остальных губерниях мы имеем дело или с безнавозным трехпольем на разных стадиях его развития или с залежной системой, находящейся на грани ее изживания.

Как писал в 1901 г. будущий академик В.Р. Вильямс, «практикой установлено считать нормальным удобрение 2400 пуд. на десятину, т.е. один пуд навоза на одну

квадратную сажень» пара³⁶⁵, что составляло 1600 пуд. на десятину посева, 800 пуд. на десятину пашни. В среднем по Европейской России конца XIX в. на десятину пара вывозилось 775 пуд. навоза: Север — 1280 пуд., Запад — 920 пуд., Центр — 735 пуд., Юг — 325 (табл. 2.9).

Несмотря на то, что приведенные данные, характеризуют только крестьянское хозяйство, как уже отмечалось, они были собраны Департаментом земледелия через добровольных корреспондентов, которые принадлежали к числу наиболее состоятельных и культурных хозяев. Поэтому в действительности существовавшие к концу XIX в. нормы удобрения были еще ниже.

Однако и эти данные показательны. Оказывается, в среднем по Европейской России на десятину всего пара не приходилось даже трети положенной 2400-пудовой нормы.

В таких условиях дальнейшее развитие земледельческого производства, прежде всего, требовало изживания переложно-залежной системы и завершения перехода к трехполью, а также более полного и рационального использования имевшегося в стране удобрения. А так как основным видом удобрения являлся навоз, дальнейшая судьба этой отрасли сельского хозяйства все большее и больше зависела от состояния животноводства.

Насколько же оно могло обеспечить решение данной задачи? Если обратиться к данным Ветеринарного управления о поголовье скота и данным «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства» начала XX в. о выходе навоза у отдельных видов скота, мы получим следующую картину: 1896–1900 гг. — 23,8 млрд. пуд., 1901–1905 гг. — 24,9 млрд., 1906–1910 гг. — 24,5 млрд., 1911–1915 гг. — 25,4 млрд.

Полученные данные не претендуют на абсолютную точность, однако из них явствует, что на рубеже XIX–XX вв. российское земледелие использовало далеко не все имевшиеся у него ресурсы для удобрения пашни. Главная причина этого заключалась в том, что в южных губерниях пашня практически не удобрялась. Поэтому здесь навоз использовался в качестве топлива и как строительный материал или же, как ненужные отходы, сваливался в овраги и балки.

Другой вывод, который вытекает из сделанного расчета, заключается в том, что даже использование всего имевшегося навоза могло дать на десятину пара в 1896–1915 гг. немногим более 900 пудов навоза, т.е. менее 40% положенной 2400-пудовой нормы. Таким образом, одним из важнейших факторов, сдерживавших дальнейшее развитие земледельческого производства Европейской России на рубеже XIX–XX вв. и его перевод на рельсы интенсификации, являлось недостаточное развитие животноводства.

Динамика площади посева

Один из важнейших показателей динамики зернового производства — изменение площади посева. Общее представление о динамике посевных площадей Европейской России на рубеже XIX–XX вв. дает таблица 2.10.

³⁶⁵ Вильямс В.Р. Собр. соч. Т. 3. Земледелие. М., 1949. С. 390. См. также: Прянишников Д.Н. Учение об удобрении. М., 1908. С. 294; Костычев П. Почва, ее обработка и удобрение. СПб., 1898. С. 236.

Таблица 2.10

Динамика посевных площадей в Европейской России
конца XIX – начала XX в. (1881–1914 гг.) (млн. дес.)

Дата	Озимые			Яровые					Итого
	Рожь	Пшеница	Всего	Пшеница	Ячмень	Овес	Прочие	Всего	
1881	22,8	2,5	26,0	7,9	4,6	12,7	12,3	37,5	63,5
1887	23,3	2,6	26,4	7,0	4,8	13,0	15,6	40,4	66,8
1893	22,6	2,3	25,3	9,7	5,8	12,3	11,3	39,1	64,4
1894	23,2	2,9	26,3	9,3	5,8	12,2	10,9	38,2	64,5
1895	22,6	2,8	25,7	9,0	5,9	12,6	10,9	38,4	64,1
1896	23,6	2,8	26,6	10,1	6,2	13,2	11,6	41,1	67,7
1897	23,0	2,7	25,9	10,5	6,4	13,4	11,8	42,1	68,0
1898	22,8	2,8	25,8	10,6	6,5	13,2	11,8	42,1	67,9
1899	23,3	2,7	26,2	11,4	6,5	13,4	11,5	42,8	69,0
1900	24,1	2,9	27,3	11,9	6,5	13,9	11,7	44,0	71,3
1901	24,2	3,0	27,2	12,6	6,7	14,1	11,9	45,3	72,5
1902	24,2	3,1	27,5	12,6	6,8	13,8	11,9	45,1	72,6
1903	24,4	3,2	27,8	13,0	7,1	13,9	12,0	46,0	73,8
1904	24,1	3,1	27,4	13,8	7,4	14,0	12,2	47,4	74,8
1905	23,8	3,4	27,2	14,4	7,5	14,3	11,6	47,8	75,0
1906	24,5	3,6	28,1	14,6	7,4	14,2	11,4	47,6	75,7
1907	24,2	3,4	27,6	13,5	7,6	14,1	10,5	46,7	74,3
1908	23,3	2,7	25,8	14,6	8,1	14,0	11,8	48,5	74,3
1909	23,5	3,2	26,6	14,4	8,1	13,9	11,9	48,3	74,9
1910	23,1	3,1	26,2	16,1	8,5	14,4	11,7	50,7	76,9
1911	23,9	3,3	27,4	16,1	8,5	14,2	11,4	50,4	77,8
1912	23,9	3,5	27,4	14,9	8,5	13,8	11,6	48,8	76,2
1913	24,3	3,4	27,7	15,3	9,1	14,1	12,0	50,5	78,2
1914	24,1	3,7	27,7	15,2	9,4	14,5	12,0	51,1	78,8

Источник: Посевные площади, принимавшиеся ЦСК при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России. СПб., 1901; Юбилейный сборник ЦСК МВД. СПб., 1913. Отд. III. С. 91–92 (рожь, пшеница, ячмень, овес, 1881–1912); Прегер Р.И. Производство главных хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. Пг., 1915. С. 2 (общая площадь, 1881–1912); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 35 (1913–1914).

Несмотря на отдельные колебания, перед нами картина замедления темпов расширения посевных площадей, что вполне согласуется с приведенными выше данными о замедлении динамики площади пашни: во второй половине 90-х годов она увеличилась на 4,4 млн. дес., почти на 7%, в первой половине 900-х годов при-

рост составил 4,9 млн. дес., немногим более 7%, во второй половине 900-х годов — 1,2 млн. дес., менее 2%, в 1911–1914 гг. — 2,9 млн. дес., менее 4%.

С 1896 по 1915 гг. увеличение площади посева имело место в 31 губернии, в 19 губерниях она сократилась. Сокращение площади посевов было характерно главным образом для северных губерний. В западных площадь посева увеличилась на 4%, в центральных — на 8%, в южных — на 36%: с 19,6 млн. дес. до 26,6 млн., т.е. на 7,0 млн. дес., что составляло более 75% всего прироста площади посева (табл. 2.11).

Накануне Первой мировой войны в губерниях позднего освоения было сконцентрировано 75% всех посевов под хлебами. Однако нельзя не отметить: если в 1901–1905 гг. площадь посева в южных губерниях по сравнению с 1896–1900 гг. увеличилась на 18%, то в 1906–1910 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием прирост составил 9%, в 1911–1914 гг. — 6% (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Размещение посевных площадей под хлебами в Европейской России
конца XIX – начала XX в. (млн. дес.)

Районы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север	7,6	7,6	7,2	7,2
Запад	10,9	11,3	11,0	11,3
Центр	25,6	27,0	27,2	27,7
Юг	19,6	23,2	25,2	26,6
Всего	63,7	69,1	70,6	72,8

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916.

Это означает, что замедление расширения площади посева в Европейской России начала XX века было связано с исчерпанием резерва свободных земель в южных губерниях.

Динамика посевов под хлебами отставала от роста численности населения. Следствием этого являлось сокращение обеспеченности населения посевами. В 1896–1900 гг. на одного человека приходилось 0,67 дес. посева зерновых, в 1901–1905 гг. — 0,67 дес., 1906–1910 гг. — 0,62 дес., в 1911–1915 гг. — 0,58 дес. Подобная картина была характерна для всех губерний, кроме южных. Здесь вплоть до начала XX века расширение площади посевов обгоняло рост численности населения. И только в 1906–1915 гг. тоже началось сокращение обеспеченности населения посевами (табл. 2.12).

Это служит дополнительным подтверждением, что в предвоенные годы возможности экстенсивного развития были исчерпаны даже в губерниях позднего сельскохозяйственного освоения.

По данным 1881 г. первое место среди зерновых культур занимала рожь. На нее приходилось 37,0% всех посевных площадей. Второе место принадлежало овсу — 20,0%, третье место занимала пшеница — 16,4%, затем шел ячмень — 7,2%, остальные 19,4% приходились на кукурузу, картофель, лен, коноплю и другие полевые культуры (табл. 2.13).

Таблица 2.12

Обеспеченность населения Европейской России посевами зерновых
в конце XIX – начале XX в. (дес. посева на чел.)

Районы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север	0,39	0,37	0,32	0,28
Запад	0,49	0,46	0,42	0,39
Центр	0,74	0,71	0,65	0,61
Юг	1,04	1,12	1,10	1,04
Всего	0,67	0,67	0,62	0,58

Источники: Ежегодник России 1904–1915 года. СПб., 1905–1916; Движение населения в Европейской России за 1901–1903 год. СПб., 1904–1907; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, год десятый. Пг., 1917; Урожай 1896–1900 года. СПб., 1897–1901.

Таблица 2.13

Изменение структуры посевов в Европейской России 1881–1911 гг. (млн. дес.)

Культура	Посевная площадь				Разница	
	1881	%	1911	%	абс.	%
Рожь	23,5	37,0	24,1	31,0	0,6	2,6
Овес	12,7	20,0	14,2	18,4	1,5	11,8
Пшеница	10,4	16,4	19,4	24,9	9,0	86,5
Ячмень	4,6	7,2	8,5	10,9	3,9	84,8
Прочее	12,3	19,4	11,6	14,8	–0,7	–5,7
Всего	63,5	100,0	77,8	100,0	14,3	22,5

Источник: Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. Пг., 1915.

Можно было бы ожидать, что в условиях сокращения обеспеченности населения посевами произойдет повышение доли ржи, как главной продовольственной культуры. Однако с 1881 по 1911 г. площадь посева ржи хотя и увеличилась на 2,5%, но ее удельный вес в общей площади посевов сократился. Зато почти в два раза выросла площадь посева пшеницы и ячменя.

В северных, западных и центральных губерниях первое место среди зерновых культур занимал посев озимой ржи, в южных — посев яровой пшеницы. Причем на девять южных губерний приходилось 73% всех посевов яровой пшеницы. Южные губернии лидировали и по посевам ячменя, здесь было сосредоточено 58% их общей площади. Почти половина посевов овса и ржи были сосредоточены в центральных губерниях (табл. 2.14).

Таблица 2.14

Площадь посева основных зерновых культур
в Европейской России. 1909–1913 гг. (тыс. дес.)

Культуры	Север	Запад	Центр	Юг	Европейская Россия
Рожь	3909,1	4418,5	11373,5	4007,2	23708,3
Пшеница	134,3	166,4	3797,4	11267,7	15365,8
Ячмень	494,2	1412,4	1640,5	5000,1	8547,2
Овес	2344,0	2607,8	7114,8	2013,8	14080,4
Всего	6881,6	8605,1	23926,2	22288,8	61701,7

Источники: Урожай [1909–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1910–1916.

Важнейшими показателями для характеристики зернового производства являются данные о нормах высева (расход семян на десятину посева) и урожайности в самах (соотношении собранного и посеянного зерна).

Таблица 2.15

Общие нормы высева в Европейской России. 1896–1914 гг. (пуд. на дес.)

Годы	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
1896–1900	11,7	9,3	9,0	6,3	8,5
1901–1905	12,0	9,6	9,2	6,4	8,6
1906–1910	11,8	9,6	9,1	6,5	8,5
1911–1914	11,4	9,7	9,0	6,7	8,5
В среднем	11,7	9,6	9,1	6,5	8,5

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1897–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 8–35.

По данным ЦСК, в 1896–1915 гг. в среднем по Европейской России высевалось около 8,5 пуд. всех хлебов. Примерно на таком же уровне средняя норма высева колебалась на протяжении всего пореформенного периода³⁶⁶. При этом обнаруживается следующая закономерность: на Севере общий расход зерна на десятину посева составлял 11,7 пуд., на Западе — 9,6 пуд., в Центре — 9,1 пуд., на Юге — 6,5 пуда. Нетрудно заметить, что расход семян в губерниях раннего освоения был почти в два раза больше, чем в губерниях позднего освоения.

³⁶⁶ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 176–177.

Существовали различия и в нормах высева отдельных культур: яровой пшеницы на десятину высевалось около 7,0 пуда, ячменя — 8,0 пуда, озимой ржи — 8,8 пуда, овса — 11,3 пуда (табл. 2.16).

Таблица 2.16

Нормы высева важнейших зерновых культур в Европейской России.
1896–1914 гг. (пуд. на дес.)

Годы	Пшеница	Ячмень	Рожь	Овес
1896–1900	6,9	7,9	8,9	11,2
1901–1905	7,0	8,0	8,9	11,5
1906–1910	6,9	8,1	8,9	11,4
1911–1914	7,1	8,1	8,7	11,1
В среднем	7,0	8,0	8,8	11,3

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1897–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.

Объясняя различия в нормах высева между отдельными местностями, Департамент земледелия отмечал, что на расход семян («густоту посева») влияет много факторов, в том числе: плодородие почвы, температура и влажность воздуха, время посева и т.д.³⁶⁷

А поскольку по мере продвижения с Юга на Север происходило снижение плодородия почвы и температуры воздуха, а значит, сокращалась всхожесть семян и выживаемость всходов, это компенсировалось увеличением количества высеваемого зерна. «Малая всхожесть семян, — рекомендовала “Полная энциклопедия русского сельского хозяйства” в начале XX в., — отчасти может быть возмещена увеличением густоты посева», т.е. увеличением норм высева³⁶⁸.

Увеличение густоты посева, вероятно, являлось также своеобразной реакцией крестьянина на сокращение земельной обеспеченности, свидетельствуя о его стремлении к более интенсивному использованию посевных площадей и к увеличению таким образом урожая. До определенного предела подобный способ интенсификации был оправдан и допустим, но затем он должен был стать препятствием на пути дальнейшего развития производства.

В связи с этим заслуживают внимания опыты агронома И.А. Стебута, который установил, что для нормального развития зерновых культур на десятину посева достаточно было 4,9 пуд. ячменя, 3,3 пуда пшеницы, 2,2 пуда ржи и 1,5 пуда овса³⁶⁹. Получается, что в Европейской России имел место неоправданный расход семян.

³⁶⁷ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. VIII. С. 2–7.

³⁶⁸ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. Т. VII. СПб., 1902. С. 701.

³⁶⁹ Стебут И.А. О посеве вообще и рядовом в особенности // Русское сельское хозяйство. 1870. Т. 4. № 2. С. 211.

С XVI до середины XIX в. урожайность колебалась на весьма низком уровне: от сам-2 до сам-4³⁷⁰. В.Г. Михайловский показал, что в первой половине XIX в. она оставалась примерно на уровне сам-3,5, и только после отмены крепостного права постепенно начала увеличиваться (табл. 2.17).

Таблица 2.17

Динамика урожайности в Европейской России (1855–1914 гг.)
(по данным В.Г. Михайловского)

Годы	Урожайность	Рост урожайности	Темпы роста (в %)
1855–1862	3,4	–	–
1863–1870	3,7	0,3	8,8
1871–1878	4,0	0,3	8,1
1879–1886	4,1	0,1	2,5
1887–1894	4,5	0,4	9,8
1895–1902	4,9	0,4	9,0
1903–1910	5,3	0,4	8,0
1911–1914	5,6	0,3	5,7

Источник: Тезисы доклада В.Г.Михайловского «Урожаи ржи в России в 1801–1914 гг.» // Бюллетень ЦСУ. 1921. № 50. С. 2–4.

Согласно приведенным данным, несмотря на то, что в пореформенные годы урожайность увеличивалась, темпы ее роста до середины 1880-х гг. имели тенденцию к снижению. В 1887–1894 гг. произошло их резкое увеличение, после чего они снова стали замедляться.

Иную картину для 1851–1900 гг. получил А.С. Нифонтов (табл. 2.18).

Третье место по урожайности в первые пореформенные годы занимали центральные губернии, в 1860-е гг. она колебалась на уровне сам-3,5, в 1870-е гг. сам-3,9, в 1880-е гг. сам-4,1 и в 1890-е гг. сам-4,8, в 1896–1900 гг. сам-5,1, в 1901–1905 гг. — сам-5,2, в 1906–1910 гг. — сам-5,2, 1910–1915 гг. — сам-5,7.

На втором месте находились западные губернии, здесь в 1860-е гг. урожайность равнялась сам-3,7, в 1870-е гг. сам-4,2, в 1880-е гг. сам-4,6, в 1890-е гг. сам-5,2, 1896–1900 гг. — сам-5,2, 1901–1905 гг. — сам-5,8, 1906–1910 гг. — сам-5,7, 1911–1915 гг. — сам-6,3.

³⁷⁰ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России... С. 353–363; Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России... С. 63; Горская Н.А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в начале XVI – начале XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 147–164; Индова Е.И. Урожаи в Центральной России... С. 141–155; Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 162–189.

Таблица 2.18

Динамика урожайности зерновых культур в 1851–1900 гг.
(по данным А.С. Нифонтова)

Годы	Сбор (млн. четв.)	Семена (млн. четв.)	Урожайность (в самах)
1850-е	204,8	64,1	3,2
1860-е	215,4	63,9	3,4
1870-е	243,5	66,9	3,6
1880-е	284,2	69,0	4,1
1890-е	335,5	70,5	4,8

Источник: Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С.183, 227, 266.

Самая высокая урожайность была на Юге, в 1860-е гг. она достигала сам-3,8, в 1870-е гг. сам-4,0, в 1880-е гг. сам-4,9 и в 1890-е гг. сам-5,7. 1896–1900 гг. — сам-5,6, 1901–1905 гг. — сам-6,4, 1906–1910 гг. — сам-6,3, 1911–1915 гг. — сам-7,5³⁷¹.

Сопоставляя данные об урожайности с данными о нормах высева, нетрудно заметить, что урожайность и нормы высева находились в обратной пропорциональной зависимости (табл. 2.19).

Таблица 2.19

Соотношение норм высева и урожайности в Европейской России. 1896–1914 гг.

Регионы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Нормы высева (пуд./дес.)				
Север	11,7	12,0	11,8	11,4
Запад	9,3	9,6	9,6	9,7
Центр	9,0	9,2	9,1	9,0
Юг	6,3	6,4	6,5	6,7
В среднем	8,5	8,6	8,5	8,5
Урожайность (а самах)				
Север	3,9	3,7	3,6	4,3
Запад	5,2	5,8	5,7	6,3
Центр	5,1	5,2	5,1	5,7
Юг	5,6	6,5	6,4	6,6
В среднем	5,0	5,4	5,2	5,9

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1897–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 8–35.

³⁷¹ Там же.

Там, где существовали более высокие нормы высева, урожайность была более низкой, и, наоборот, там, где использовались более низкие нормы высева, была более высокая урожайность.

Самой высокой урожайностью отличался ячмень, сборы зерна которого превосходили расход семян в 6,2 раза, самой низкой урожайностью — овес: сам-4,3 (табл. 2.20).

Таблица 2.20

Урожайность основных зерновых культур в Европейской России.
1896–1914 гг. (в самах)

Годы	Овес	Пшеница	Рожь	Ячмень
1896–1900	4,0	4,9	5,2	5,4
1901–1905	4,2	5,6	5,5	6,2
1906–1910	4,2	5,4	5,0	6,5
1911–1914	4,6	5,3	5,8	6,6
В среднем	4,3	5,3	5,4	6,2

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1897–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 8–35.

Урожайность является показателем экономичности расхода зерна с точки зрения получаемой от него отдачи. С этой точки зрения наиболее выгодными культурами являлись пшеница и ячмень. В этом, по всей видимости, одна из причин возрастания роли этих двух культур в структуре посевов на рубеже XIX–XX вв.

Урожайность основных зерновых культур в Европейской России конца XIX — начала XX в. существенно отличалась от урожайности в странах Западной Европы и США (табл. 2.21).

Следует обратить внимание еще на одну проблему.

Колебание урожайности в пределах от сам-4 до сам-6, означало, что одно посеянное зерно давало всего 4–6 зёрен сбора. Между тем колос ячменя имеет примерно 20 зёрен, колос пшеницы — около 25, колос ржи 30 зёрен³⁷². Если взять коэффициент кустистости зерновых 1,5³⁷³, то теоретически урожайность в среднем могла составлять сам-38, а если взять коэффициент кустистости 2³⁷⁴ — сам-50. Между тем в Европейской России рассматриваемого периода она была в 8–9 раз меньше. Следовательно, почти 80–90% высеваемого зерна не давало урожая!

³⁷² Голуб И.А. Научные основы формирования высокой урожайности озимых зерновых культур. Автореф. дис. ... докт. сельскохоз. М., 1998. С. 9.

³⁷³ Ламан Н.А., Якушкевич Б.Н., Хмурец К.И. Потенциал продуктивности хлебных злаков. Технологические аспекты реализации. Минск, 1987. С. 94; Ламан Н.А. Биологический потенциал продуктивности хлебных злаков и морфологические особенности его реализации. Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М., 1988. С. 18.

³⁷⁴ Там же.

Таблица 2.21

Нормы высева, урожайность и сбор с десятины посева
в странах зарубежья к концу XIX в.

Страны	Урожай (пуд./дес.)	Семена (пуд./дес.)	Урожайность (в самах)
Австрия	69,3	9,8	7,1
Германия	77,8	10,9	7,1
Венгрия	83,1	8,6	9,7
Италия	57,5	5,7	10,0
Дания	110,6	10,5	10,4
Голландия	113,7	10,3	11,1
Англия	123,4	9,0	13,4
Канада	87,1	5,3	16,4
США	83,2	4,4	18,9

Источник: Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб., 1901. С. 159.

Одна из причин этого была связана с низкой всхожестью семян. Даже в СССР 1980-х гг., когда агрономия по сравнению с предреволюционным периодом ушла далеко вперед, общая выживаемость озимых культур составляла около 50%, яровых — 70%³⁷⁵. Это означает, что в нашей стране даже в конце XX века ежегодно по разным причинам не давало всходов 40% семян. Затем опять-таки по разным причинам около 20% всходов гибло или же не приносило урожая³⁷⁶. В зависимости от погодных условий колошение и цветение хлебов тоже сопровождается определенными издержками. В 1980-е гг. в СССР потери во время цветения достигали 20–40%, т.е. в среднем около 30%³⁷⁷.

Следовательно, если было посеяно 10 зерен, из них только 6 давали всходы, из 6 зерен, давших всходы, появлялось 9 (коэффициент кустистости 1,5) – 12 (коэффициент кустистости 2) стеблей, из них зацветали и колосились 7–10. Они могли дать до 175–250, а давали только 125–175 зёрен. Делим на 10 и получаем урожайность сам-12,5–17,5. Уровень, достигнутый зерновым производством Канады и США к началу XX в.

В дореволюционной России урожайность была в два-три с лишним раза ниже.

Повышение урожайности имело своим следствием увеличение сборов зерна с десятины посева (табл. 2.22).

³⁷⁵ Касаева К.А. Формирование высокопродуктивных посевов зерновых колосовых культур. М., 1986. С. 17.

³⁷⁶ Ламан Н.А., Якушкевич Б.Н., Хмурец К.И. Указ. соч. С. 90.

³⁷⁷ Ламан Н.А. Указ. соч. С. 18.

Таблица 2.22

**Динамика валовых сборов зерна с десятины посева
в Европейской России в 1861–1915 гг.**

Годы	Валовой урожай (пуд.)	Рост сборов абс., %	Темпы роста урожая
1861–1870	30,0	–	100%
1871–1880	32,7	2,7	109%
1881–1890	36,2	3,5	121%
1891–1900	41,7	5,5	139%
1901–1910	46,0	4,3	153%
1911–1915	50,0	4,0	167%

Источники: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 155–177; Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916.

Согласно официальной статистике, за 1861–1915 гг. общий сбор зерна увеличился с 30 до 50 пуд., т.е. на 20 пуд. или на примерно на две трети. Есть основания думать, что это было не только результатом повышения производительности земли (следствие потепления климата и перехода от переложно-залежной системы земледелия к трехполью в одних губерниях, от трехполья к многополью — в других), но и результатом совершенствования урожайной статистики³⁷⁸.

Однако темпы этого прогресса могли иметь тенденцию к возрастанию лишь до конца XIX в., затем обнаружилось не только относительное, но и абсолютное их замедление. В 1896–1900 гг. одна десятина посева в среднем давала 42,7 пуд. зерна, в 1901–1905 гг. этот показатель поднялся до 46,4 пуд., в 1906–1910 гг. произошло его понижение до 45,5 пуд., в 1911–1915 гг. он достиг 50,0 пуд., но превзошел уровень 1901–1905 гг. лишь немногим более чем на 10% (табл. 2.23).

Первое место по высоте урожаев занимали западные губернии. Здесь уже во второй половине 90-х годов с десятины собирали 48 пуд, в следующее пятилетие сборы поднялись до 55 пуд., примерно на таком же уровне они оставались в 1906–1910 гг., а в 1911–1915 гг. превысили 60 пуд.

Второе место до конца XIX века принадлежало северным и центральным губерниям. В 1896–1900 гг. здесь десятина посева давала около 45 пуд. Если в среднем по Европейской России в начале XX века имело место увеличение урожаев и урожайности, то на Севере наблюдалось их сокращение. 1901–1905 гг. характеризовались уменьшением общих сборов с десятины посева до 44,9 пуд., 1906–1910 гг. — до 42,1 пуд. В 1911–1915 гг. общие сборы увеличились до 49,4 пуд., но превзошли уровень 1896–1900 гг. только на 9%.

³⁷⁸ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 3. С. 198; Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики: опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных // Записки Императорского русского географического общества. По отделению статистики. 1915. Т. XIV. С. 75.

Таблица 2.23

Региональные особенности производительности земли
в Европейской России 1896–1914 г. (пуд. с дес.)

Регионы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север	45,4	44,9	42,1	49,4
Запад	48,1	55,0	54,7	61,6
Центр	45,5	47,7	46,3	51,3
Юг	34,9	41,2	41,5	44,1
В среднем	42,7	46,4	45,5	50,0

Источники: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1915.

В Центре общие сборы с десятины изменялись по пятилетиям следующим образом: 45,5 пуд., 47,7 пуд., 46,3 пуд., 51,3 пуд. В результате на рубеже XIX–XX вв. центральные губернии опередили северные губернии и вышли по этому показателю на второе место в Европейской России.

На Юге, несмотря на богатую черноземную почву, урожаи были самые низкие. В 1896–1900 гг. здесь с десятины посева собирали всего 34,9 пуд., в 1901–1905 гг. — 41,2, в 1906–1910 гг. — 41,5, и в 1911–1915 гг. — 43,4 пуд.

Показательно, что различия между отдельными регионами в этом отношении на протяжении рассматриваемого периода не уменьшались, а, наоборот, увеличивались. В первое пятилетие разрыв в сборах хлеба между южными и западными губерниями составлял 13,2 пуд., около 25%, в последнее пятилетие — 18,4 пуд., примерно 30%.

Накануне Первой мировой войны самые высокие сборы с десятины давали посевы ячменя — 53,3 пуда, за ними следовала рожь — 51,4 пуда, затем овес — 50,7 пуда и пшеница — 37,4 пуда (табл. 2.24).

Таблица 2.24

Общие сборы основных зерновых культур в Европейской России 1896–1914 гг. с десятины посева

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1896–1900	46,7	33,8	42,8	44,4
1901–1905	48,7	39,0	49,3	47,5
1906–1910	45,0	37,3	52,7	48,3
1911–1914	51,4	37,4	53,3	50,7
В среднем	48,0	36,9	49,5	47,7

Источники: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1915.

Для сравнения: в это время за границей с десятины посева зерновых собирали: Италия — 57,5 пуда, Австрия — 69,3 пуда, Германия — 77,8 пуда, Венгрия — 83,1

пуда, США — 83,2 пуда, Канада — 87,1 пуда, Дания — 110,6 пуда, Голландия — 113,7 пуда, Англия — 123,4 пуда³⁷⁹.

В связи с тем, что в рассматриваемое время на территории Европейской России существовали нерационально высокие нормы высева и ненормально низкая урожайность, чистые сборы с десятины были еще более скромными.

В 1896–1900 гг. десятина посева давала лишь 34,2 пуда чистого сбора зерна, в 1911–1914 гг. этот показатель увеличился до 41,5 пуда, т.е. на 7,3 пуд. или 21% (табл. 2.25).

Таблица 2.25

Региональные особенности чистых сборов зерна
в Европейской России. 1896–1914 г. (пуд. с дес.)

Регион	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1914
Север	33,7	32,9	30,3	38,0
Запад	38,8	45,4	45,1	51,9
Центр	36,5	38,5	37,2	42,3
Юг	28,6	34,8	35,0	37,4
В среднем	34,2	37,8	37,0	41,5

Источники: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1915.

По чистым сборам с десятины посева тоже лидировали западные губернии, второе место принадлежало центральным губерниям. Самые низкие чистые сборы зерна во второй половине 1890-х гг. были на Юге — 28,6 пуда с десятины, в то время как в северных губерниях с десятины собирали 33,7 пуд. Но поскольку в 1896–1910 гг. чистые сборы на Юге постепенно увеличивались, а в северных губерниях падали (опустившись в 1906–1910 гг. до 30,3 пуд.), в начале XX века южные губернии вышли на третье место, а северные губернии перешли на последнее, четвертое (таблица 2.25).

В 1896–1914 гг. чистый сбор пшеницы с десятины посева в среднем по Европейской России составлял 29,9 пуд., овса — 36,5 пуда, ржи — 39,2 пуда, ячменя — 41,5 пуда (табл. 2.26).

Увеличение урожаев и урожайности имело своим следствием увеличение общих валовых сборов зерна. Во второй половине 90-х годов они составляли 2,7 млрд. пуд., в 1911–1914 гг. достигли 3,6 млрд. пуд., прирост — около 33% (табл. 2.27).

³⁷⁹ Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб., 1901. С. 159.

Таблица 2.26

Чистые сборы важнейших зерновых культур
в Европейской России. 1896–1914 гг. (пуд. на дес.)

Годы	Пшеница	Ячмень	Овес	Рожь
1896–1900	26,9	34,8	33,2	37,8
1901–1905	32,0	41,3	36,1	39,8
1906–1910	30,4	44,6	37,0	36,1
1911–1914	30,3	45,1	39,6	43,1
В среднем	29,9	41,5	36,5	39,2

Источники: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1915.

Таблица 2.27

Общий сбор зерна в Европейской России 1896–1915 гг. (млн. пуд.)

Регионы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север	345	341	303	356
Запад	524	621	602	696
Центр	1165	1288	1260	1421
Юг	685	956	1047	1173
Всего	2719	3206	3212	3646

Источник: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.

Быстрее всего росли сборы зерна в южных губерниях. За это время они увеличились с 685 млн. пуд. до 1173 млн. пуд., т.е. на 488 млн. пуд. или на 71%. Второе место занимали западные губернии, где общие сборы увеличились примерно на треть. Медленнее этот процесс развивался в центральных губерниях, здесь прирост составил 22%. В отличие от них в северных губерниях на протяжении 1896–1910 гг. общие сборы не увеличивались, а сокращались. Только в 1911–1915 гг. здесь тоже обнаружили элементы роста. Но в результате этого уровень 1896–1900 гг. был превзойден всего на 3%³⁸⁰.

Таким образом, сделав к 1905 г. определенный шаг вперед, зерновое производство в следующем пятилетии замедлило темпы своего развития, а во многих губерниях в 1906–1910 гг. был сделан даже шаг назад. Единственным регионом, где продолжалось увеличение производства зерна, являлся Юг. Здесь лидировала Область войска Донского. В 1911–1915 гг. она производила 200 млн. пуд. зерна в год. Второе место занимала Херсонская губерния — 180 млн. В сумме (380 млн.) это было

³⁸⁰ Подробнее о региональных особенностях производства зерна в дореволюционной России см.: Кулябко-Корецкий Н.Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири // Труды Вольного экономического общества. 1903. № 4–5. С. 40–81.

больше, чем в четырнадцати северных губерний, вместе взятых (356 млн. пуд.). Семь южных губерний (без Астраханской и Оренбургской) собирали хлеба больше, чем все 26 губерний раннего освоения (соответственно 1083 и 1052 млн. пуд.

Главной зерновой культурой была рожь, за нею шел овес, затем пшеница и ячмень. На эти четыре культуры приходилось 85% сбора зерновых (табл. 2.28).

Таблица 2.28

Общий сбор основных зерновых культур
в Европейской России. 1909–1913 гг. (тыс. пуд.)

Хлеба	Север	Запад	Центр	Юг	Европейская Россия
Рожь	180185	259938	608997	170603	1219723
Пшеница	5734	8417	186967	445430	646548
Ячмень	26125	86610	93142	289768	495645
Овес	122501	158004	403774	91016	775295
Всего	334545	512969	1292880	996816	3137211

Источник: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916.

Накануне Первой мировой войны южные губернии давали 58% общего сбора ячменя и 69% общего сбора яровой пшеницы, центральные губернии — почти 50% озимой ржи и 52% овса. В целом на губернии позднего освоения приходилось 73% общего сбора основных зерновых культур. Это наглядно свидетельствует, что в рассматриваемое время именно они являлись житницей Европейской России.

Сопоставляя динамику расхода семян и валовых сборов нетрудно заметить, что валовые сборы возрастали быстрее, чем расход семян, в результате этого еще быстрее увеличивались чистые сборы.

Если в 1896–1900 гг. чистые сборы зерна составили около 2,2 млрд. пуд., то в 1901–1905 гг. — 2,6 млрд., столько же было собрано в 1906–1910 гг., в 1911–1914 гг. чистые сборы достигли рекордного уровня — 3,0 млрд. пуд. В течение всего рассматриваемого периода среднегодовые чистые сборы увеличились на 0,8 млрд. пуд. или на 36% к уровню 1896–1900 гг.

Центр зернового производства находился в губерниях позднего сельскохозяйственного освоения. Во второй половине 90-х гг. они давали 68,8% чистого сбора зерна, в 1901–1905 гг. — 70,8%, в 1906–1910 гг. — 72,6%. И только в 1911–1914 гг. этот показатель уменьшился до 71,6% (табл. 2.29).

На протяжении всего рассматриваемого периода лидирующее положение занимали центральные губернии, но их доля постепенно сокращалась: 1896–1900 гг. — 43,0% чистого сбора, 1901–1905 гг. — 39,8%, 1906–1910 гг. — 38,8%, 1911–1914 гг. — 38,8%. Одновременно росло значение южных губерний: с 25,8% в 1896–1900 гг. их доля увеличилась до 31,0% в 1901–1905 гг. и до 33,8% в 1906–1910 гг. В следующем пятилетии она снизилась — до 32,8%.

Таблица 2.29

Территориальное размещение чистых сборов зерна
в Европейской России 1896–1914 гг. (тыс. пуд.)

Регионы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1914
Север	256	250	218	274
Запад	423	513	496	586
Центр	935	1039	1013	1173
Юг	562	808	883	994
Всего	2176	2610	2610	3027

Источники: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1915.

Это было связано с тем, что именно в 1911–1915 гг. северные губернии приостановили сокращение производства зерна, которое имело место на протяжении 1896–1910 гг., и добились прироста как общих, так и чистых сборов. Значительный прирост чистого сбора хлебов дало последнее пятилетие и в западных губерниях.

В то же время нельзя сбрасывать со счета, что в начале XX века южные губернии исчерпывали прежние возможности интенсивного развития. Поэтому не исключено, что некоторое снижение удельного веса центральных и южных губерний в производстве зерна, происшедшее в 1911–1915 гг., свидетельствовало о зарождении в развитии зернового производства Европейской России негативной тенденции.

Средний за все двадцатилетие общий сбор хлеба на душу населения составлял 29,2 пуда. Во второй половине 90-х годов он был на 2,1% ниже среднего уровня, в 1901–1905 гг. — на 5,8% выше, в 1906–1910 гг. снова ниже среднего уровня, на этот раз на 3,4%, ниже этого уровня на 0,3% были общие сборы и в 1911–1915 гг. (табл. 2.30).

Приведенные данные показывают, что производство зерна в Европейской России конца XIX – начала XX века колебалось в расчете на душу населения почти на одном уровне. Примерно на одном уровне колебались и чистые сборы. В среднем за 1896–1915 гг. они составляли 23,8 пуд. на человека, в первое пятилетие немного ниже этого уровня — 22,9 пуд. или 96,2%, во второе пятилетие — 25,2 пуд., 105,9%, в третье пятилетие — 22,9 пуд., т.е. опять 96,2% и в последнее пятилетие — 24,2 пуд., 101,7%.

Таблица 2.30

**Общие и чистые сборы зерна
в Европейской России конца XIX – начала XX в. по регионам**

Районы	Общий сбор		Чистый сбор	
	Всего	на 1 чел.	Всего	на 1 чел.
Север:				
а) 1896–1900	345	17,9	256	13,3
б) 1901–1905	341	16,5	250	12,1
в) 1906–1910	303	13,3	218	9,6
г) 1911–1915	356	14,1	274	10,9
Запад:				
а) 1896–1900	524	23,4	423	18,9
б) 1901–1905	621	25,5	513	21,0
в) 1906–1910	602	22,8	496	18,8
г) 1911–1915	696	24,2	586	20,3
Центр:				
а) 1896–1900	1165	33,7	935	27,0
б) 1901–1905	1288	34,0	1039	27,4
в) 1906–1910	1260	30,2	1013	24,3
г) 1911–1915	1421	31,2	1173	25,7
Юг:				
а) 1896–1900	685	36,4	562	29,9
б) 1901–1905	956	46,2	808	39,0
в) 1906–1910	1047	45,5	883	38,4
г) 1911–1915	1173	45,8	994	38,8
Европейская Россия:				
а) 1896–1900	2719	28,6	2176	22,9
б) 1901–1905	3206	30,9	2610	25,2
в) 1906–1910	3212	28,2	2610	22,9
г) 1911–1915	3646	29,1	3027	24,2

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб.-Пг., 1897–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. Население: Аленицин В. Население и прирост его в Европейской России в десятилетие 1891–1900 гг. // Ежегодник России. 1905 г. Год второй. СПб., 1906. С. LXXXV–CXVI (численность населения за 1891–1900 гг.); Движение населения в Европейской России за [1901–1903] год, СПб., 1904–1907; Ежегодник России. [1904–1910] год. Год первый–седьмой. СПб., Пг., 1905–1911; Статистический ежегодник России. [1911–1915] год. Год восьмой–двенадцатый. СПб.-Пг., 1912–1916. Население — млн. чел. Общий и чистый сбор. — млн. пуд., на душу населения — пуд.

Еще до революции 1917 г. сложилось мнение, что дореволюционное сельское хозяйство сохраняло экстенсивный характер. В 1980 г. была сделана попытка обосно-

вания этой точки зрения применительно к зерновому производству. Исходя из совершенно правильного положения о том, что на стадии экстенсивного развития производство зерна полностью зависит от природно-климатических факторов³⁸¹ и что поэтому оно подвержено значительным колебаниям в зависимости от воздействия названных факторов, Н.О. Воскресенская использовала для решения вопроса о соотношении интенсивной и экстенсивной тенденций в развитии зернового производства Европейской России такой важный показатель, как устойчивость урожаев³⁸².

Общее представление на этот счет дает табл. 2.31.

Таблица 2.31
Динамика зернового производства Европейской России
в конце XIX – начале XX века (1891–1914)

Год	Общий сбор	Семена	Чистый сбор	Население	На 1 чел.
1896	2726,9	524,3	2202,6	91,9	24,0
1897	2267,3	534,9	1732,4	93,4	18,5
1898	2629,2	533,5	2095,7	95,2	22,0
1899	3024,3	550,4	2473,9	96,6	25,6
1900	2949,8	572,4	2377,4	98,4	24,2
1901	2552,2	576,2	1976,0	100,2	19,7
1902	3452,3	573,4	2878,9	101,6	28,3
1903	3207,6	586,2	2621,4	103,4	25,4
1904	3757,4	594,5	3178,4	105,7	30,1
1905	2984,4	601,6	2390,3	107,6	22,2
1906	2497,7	606,8	1898,8	109,3	17,4
1907	2938,2	594,6	2343,6	111,3	22,8
1908	3003,8	586,7	2430,3	113,8	21,4
1909	3858,0	600,9	3276,9	116,5	28,1
1910	3714,4	614,4	3099,6	118,7	26,1
1911	2908,1	617,1	2291,1	120,6	19,0
1912	3798,4	868,9	3199,0	122,6	26,1
1913	4260,2	620,6	3652,1	124,6	29,3
1914	3273,8	648,0	2643,0	127,8	20,7

Источники: см. источники к табл. 2.30. Население — млн. чел., общий и чистый сбор, семена — млн. пуд., на душу населения — пуд.

Приведенные показатели свидетельствуют, что и общие, и чистые сборы зерна на рубеже XIX–XX вв. были подвержены очень сильным колебаниям. Установив

³⁸¹ О влиянии этого фактора см.: Обухов В.М. Урожайность и метеорологические факторы (статистическое исследование). М., 1949.

³⁸² Воскресенская Н.О. Динамика и структура производительных сил в зерновом производстве Европейской России конца XIX – начала XX вв. Опыт количественного анализа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

этот, известный в литературе, факт Н.О. Воскресенская сделала вывод, что вплоть до начала XX в. развитие зернового производства продолжало сохранять экстенсивный характер³⁸³.

Признавая важность вопроса об устойчивости урожаев, необходимо отметить, что использование его в качестве единственного критерия для определения характера развития зернового производства представляется спорным. Если данные о сборах с десятины посева в 1896–1900 гг. экстраполировать на весь период с 1896 по 1915 г., можно определить прирост валовых сборов зерна только за счет расширения площади посева. Разница между реальным приростом сборов зерна и приростом, полученным указанным способом, — результат повышения производительности земли. Подобный расчет показывает, что на рубеже XIX–XX вв. зерновое производство Европейской России на 40% развивалось экстенсивно, на 60% — интенсивно. В северных губерниях его развитие имело уже интенсивный характер, в западных значение интенсивных факторов опускалась до 88%, в центральных губерниях — до 63%, в южных — до 48%³⁸⁴.

Таким образом, в рассматриваемый период развитие зернового производства сохраняло экстенсивный характер только на Юге. Причем и здесь к началу Первой мировой войны соотношение факторов экстенсивного и интенсивного развития фактически выравнивалось.

Продовольственные нормы

Определяя погубернский вывоз хлеба на 1907–1910 гг. в 982 млн. пуд., а ввоз — в 181 млн., А.Н. Челинцев утверждал, что в России начала XX в. существовало перепроизводство зерна, достигавшее в указанные годы 801 млн. пуд. А поскольку в те же годы 585 млн. пуд. вывозилось за границу, избыток хлеба, согласно данным названного автора, составлял 216 млн. «Итак, — делал он вывод, — несмотря на рост, внутренний рынок не мог поглотить того предложения хлеба, которое возрастало»³⁸⁵.

Опираясь на работы А.Н. Челинцева, подобного же мнения придерживался советский историк В.К. Яцунский. «Если в XVII в. земледельческое население, — писал он, — могло прокормить почти что только самое себя, то в начале XX оно производило в полтора раза больше, чем потребляло»³⁸⁶.

Из числа современных последователей А.Н. Челинцева можно назвать М.А. Давыдова³⁸⁷ и Б.Н. Миронова³⁸⁸.

Однако транспортная статистика не позволяет оценить уровень производства и потребления.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 227.

³⁸⁵ Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928. С. 84–85.

³⁸⁶ Яцунский В.К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства... С. 60.

³⁸⁷ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 103–181, 203–210; Он же. Уровень потребления в России в конце XIX – начале XX в. // О причинах русской революции... С. 240–242.

³⁸⁸ Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // Там же. С. 116–117.

К концу XIX в. за рубежом сложилось целое научное направление, объектом которого стала проблема питания³⁸⁹. В результате этого появились научные или физиологические нормы, в основу которых был положен учет питательности и калорийности потребляемых продуктов³⁹⁰.

«Суточный пищевой рацион взрослого едока до 2500 калорий, — констатировалось в одном из изданий ЦСУ СССР 1920-х гг., — достаточен при небольшой работе (относительного покоя), 2500–3000 калорий — при легкой работе, 3000–3500 калорий — при умеренной (средней) работе, 3500–4000 калорий — сильной, свыше 4000 калорий — при тяжелой и лишь для очень тяжелой работы требуется свыше 4500 калорий на взрослого едока»³⁹¹.

Одним из первых в России, кто взял на вооружение эту методику, был Л.Н. Маресс. Исходя из разработанных к тому времени норм потребления калорий, белка и жиров, он пришел к заключению, что для обеспечения минимально необходимого количества энергии среднестатистическому человеку достаточно 16 пудов 14 фунтов хлеба в год³⁹², но, принимая во внимание некоторые другие факторы (прежде всего, преобладание в рационе населения России растительной пищи), считал необходимым увеличить этот показатель до 18 пудов.³⁹³ «18 пудов растительной пищи, — писал он, — это минимум, безусловно необходимый человеку»³⁹⁴.

Тогда же и тоже на основании анализа калорийности пищи П.П. Лохтин пришел в выводу о том, что одному «среднему человеку» необходимо 2,13 фунта хлеба в день, 19,4 пуда зерна в год, и что «для умеренного пропитания (без корма скоту)» этот показатель можно округлить до 1,5 пудов в месяц, или 18 пудов в год³⁹⁵.

Интересно, что подобная норма на основании практического опыта была предложена еще до отмены крепостного права. Так, И.Я. Вилькинс писал: «Муки ржаной на взрослого по 1 пуду и 27 фунтов в месяц или зернового по 1,5 четверти, а в год 2 четверти 2 четверика» (без «круп, гречневой, овсяной, житной (ячменной)»)³⁹⁶.

³⁸⁹ Битуева Э.Б., Чиркина Т.Ф. История и методология науки о пище. Ч. 1. Улан-Удэ, 2009. См. также: Рубнер М. Питание и пищевое продовольствие. М., 1909.

³⁹⁰ См., например: Лосицкий А.Е. Пищевое значение современных продуктов питания // Вестник статистики. 1920. № 1–4. С. 102–121; Нормальный состав и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. Вып. 1. М., 1925.

³⁹¹ Обследования питания населения // Труды ЦСУ СССР. Т. XXX. Вып. 2. Состояние питания сельского населения СССР 1920–1924 гг. М., 1928. С. 49. См. также: Лосицкий А.Е. Обследования питания городского населения в 1919 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР. М., 1926. С. 3–20.

³⁹² Маресс Л.Н. Пища народных масс в России // Русская мысль. 1893. Кн. 10. Отд. II. С. 58.

³⁹³ Там же. С. 62.

³⁹⁴ Там же. С. 63. См. также: Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 12.

³⁹⁵ Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб., 1901. С. 233–234, 252.

³⁹⁶ Вилькинс И.Я. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М., 1843. С. 52.

Четверть — около восьми пудов, четверик — одна восьмая четверти, или около пуда³⁹⁷. Следовательно, «две четверти два четверика» — это около 18 пудов.

«Министерство государственных имуществ, — имея в виду первые пореформенные годы, писал академик Н.М. Дружинин как о хорошо известном факте и поэтому, к сожалению, без указания на источник, — считало такой средней нормой 18 пудов в год»³⁹⁸.

Составляя «Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», изданному Министерством государственных имуществ в 1869 г., И.И. Вильсон использовал продовольственную норму 2,2 четверти на человека, т.е. примерно 17,6 пудов³⁹⁹. При этом он отмечал: «Приблизительно тот же расчет применялся кадастровыми отрядами Министерства государственных имуществ».⁴⁰⁰

В начале 1870-х гг. составители изданного Генеральным штабом «Военно-статистического сборника» констатировали, что «по мнению большинства исследователей» для продовольственного потребления необходимо «2,25–2,5 четверти на душу», т.е. 18–20 пудов. «При умеренном расчете» продовольственных потребностей они считали возможным ограничиться наименьшим показателем — 2,25 четверти, или 18 пудов⁴⁰¹.

В материалах общего тарифного съезда русских железных дорог середины 1890-х гг. в качестве продовольственной нормы фигурировало потребление хлеба в размере 17,5 пуда⁴⁰².

Этой же нормой со ссылкой на Л.Н. Маресса пользовались авторы подготовленной в 1894–1897 гг. по поручению Министерства финансов книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»⁴⁰³.

Примерно такой же нормой (287 кг, 17,5 пуда) первоначально руководствовался в своих расчетах Б.Н. Миронов⁴⁰⁴. Затем он объявил прежний показатель (287 кг)

³⁹⁷ «Для перехода от пудов к четверикам или четвертям для простоты можно принять, что вес четверика равен 40 фунтам или одному пуду» (Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. Т. II. СПб., 1900. С. 503).

³⁹⁸ Дружинин Н.М. *Русская деревня на переломе. 1861–1880 г. М.*, 1978. С. 176.

³⁹⁹ Вильсон И. *Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу...* С. 107.

⁴⁰⁰ Там же. С. 106.

⁴⁰¹ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871. С. 246, 247.

⁴⁰² Сельскохозяйственная статистика по губерниям за 1893, 1894 и 1895 гг. Вып. 1. Сведения о посевных площадях, сборах и ценах на хлеб с связи с задолженностью частного землевладения. СПб., 1896. С. I–II.

⁴⁰³ Чупров А.И., Посников А.С. Введение // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. СПб., 1897. С. I–II. См. также: Влияние урожаев и хлебных цен на разные стороны экономической жизни. Доклад проф. А.И. Чупрова и прения в III отделении Императорского Вольного экономического общества 1 и 2 марта 1897 г. Стенографический отчет // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1897. № 4. С. 4–5.

⁴⁰⁴ Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в конце XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 87, 92; Он же. Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестник Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 1. 2009. С. 89; Он же. Благополучие населения и революции в имперской России... С. 284, 293.

опечаткой и сократил норму потребления до 237 кг.⁴⁰⁵ Однако его объяснения на этот счет выглядят, по меньшей мере, неубедительно⁴⁰⁶.

Получивший позднее широкую известность этнограф Д.Н. Анучин в 1882 г. доложил Русскому географическому обществу результаты своих шестилетних наблюдений по Самарской губернии. Согласно его данным, в богатых крестьянских семьях потребление хлеба составляло 29,5 пуда на человека, в средних — 25,5 пуд. и только в бедных — 18,5 пуд.⁴⁰⁷

Для понимания того, насколько 18-пудовая норма близка к действительности, можно привести следующие данные: в конце XIX в. потребление хлеба составляло в Швеции — 17,1 пуда, в Австро-Венгрии — 17,8, в Великобритании — 18,4, в Германии — 18,6, во Франции — 19,0, в Бельгии — 21,1⁴⁰⁸.

«18-пудовая норма, — писали в середине 1890-х гг. А.И. Чупров и А.С. Посников, — представляет собой действительное среднее потребление как оно складывается в годы среднего урожая при нормальных условиях; норма же ЦСК — 13 пудов на душу выражает минимальное потребление, при котором в годы недобора хлеба может поддерживаться целостность населения. Это та норма, по которой рассчитывалась правительственная помощь в годы минувшего неурожая и которой, как показывают исследования крестьянских бюджетов, вынуждены довольствоваться беднейшие крестьянские семьи»⁴⁰⁹.

С учетом всего этого представляется вполне допустимым руководствоваться в дальнейшем 18-пудовой продовольственной нормой.

Это означало потребление 1,5 пуда, 24,6 кг, хлеба в месяц или же около двух фунтов, 820 г в день. Существует мнение, что «1 кг зерна эквивалентен 3 тыс. калорий»⁴¹⁰. В таком случае 18-пудовая норма позволяла получать 2460 калорий в день — минимум, необходимый для поддержания жизни организма взрослого человека (состояние относительного покоя). Между тем разные хлеба имеют разную калорийность: килограмм пшеницы дает 3055 калорий, ржи — 2865, ячменя — 2665, овса — 1975⁴¹¹. А поскольку главным крестьянским хлебом была рожь, 18-пудовая норма могла обеспечить получение 2350 калорий в день.

В связи с этим П. Лохтин считал, что потребление зерна в размере 15–18 пудов в год на человека является «границей голода», а потребление «менее 15 пудов» «равносильно голоду»⁴¹². Как уже отмечалось, именно такую, 15-пудовую норму в 1917 г. в условиях обостряющегося продовольственного кризиса пыталось ввести Временное правительство.

⁴⁰⁵ Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. №4. С. 131.

⁴⁰⁶ Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–128; Островский А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. № 6. С. 135–136.

⁴⁰⁷ Настоящее положение питейно-акцизного дела в России. СПб., 1884. С. 35–36.

⁴⁰⁸ Маресс Л.Н. Пища народных масс в России // Русская мысль. 1893. № 10. Отд. II. С. 66. В XVIII в. «потребление чернорабочих и крестьян во Франции достигало 2–3 фунтов в день», т.е. 22,8 пуда в год (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т.1. С. 107).

⁴⁰⁹ Чупров А.И., Посников А.С. Введение... С. II.

⁴¹⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 106.

⁴¹¹ Нормальный состав и пищевое значение... С. 38–39.

⁴¹² Лохтин П. Состояние сельского хозяйства... С. 52.

С учетом этого в конце 1890-х гг. продовольственные потребности Европейской России достигали 1,7 млрд. пуд., накануне Первой мировой войны — 2,3 млрд. Чтобы получить представление о том, насколько зерновое производство было способно удовлетворить эти потребности, сопоставим эти данные с данными о чистых сборах зерна (табл. 2.33).

Таблица 2.33

Соотношение чистого сбора зерна и продовольственных потребностей населения Европейской России в 1896-1915 гг. (млн. пуд.)

Годы	Чистый сбор	Потребность в хлебе	Баланс
1896–1900	2176	1712	+ 464
1901–1905	2610	1867	+ 743
1906–1910	2610	2050	+ 560
1911–1915	3027	2255	+ 772

Источник: таблица 2.30.

Проделанное сопоставление создает впечатление, будто Европейская Россия в конце XIX – начале XX века имела значительные хлебные излишки. В среднем за все двадцатилетие (1896–1915) на человека приходилось почти 24 пуд. хлеба, что на треть выше взятой нормы.

Однако зерно использовалось не только для потребления населения, но и на корм скоту. В связи с этим немаловажное значение имеет вопрос о той роли, которую играли в пищевом рационе российского крестьянина конца XIX – начала XX века отдельные зерновые культуры.

Еще в 1958 г. на первом Всесоюзном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы было обращено внимание на то, что овес «шел не людям, а лошадям»⁴¹³. Такого же мнения придерживаются и некоторые современные исследователи⁴¹⁴.

В последнее время этот вопрос приобрел особую остроту в связи со стремлением некоторых авторов рассматривать овес как продовольственную культуру наравне с другими хлебами⁴¹⁵. То, что овес употреблялся в пищу, не отрицает никто. Проблема в другом: какую роль он играл в продовольственном рационе населения дореволюционной России?

«Овес, — писал в 1901 г. П. Лохтин, автор специальной работы о состоянии сельского хозяйства дореволюционной России, — почти совсем нейдет в пищу

⁴¹³ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. С. 65 (выступление М.Т. Белявского).

⁴¹⁴ Грегори П. Экономический рост Российской империи. Конец XIX – начало XX в. Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 67; Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 196; Он же. Всероссийский рынок... С. 252.

⁴¹⁵ Миронов Б.Н. Благосостояние население и революции в имперской России... С. 354; Он же. Страсти вокруг антропометрии... С. 132.

крестьян»⁴¹⁶. «Овес идет в пищу людям в весьма малом количестве», — отмечал другой автор начала XX в.⁴¹⁷

Согласно дореволюционной «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства», овес — «лучший концентрированный корм для лошадей». «Этим овес отличается от прочих хлебных злаков — настоящих хлебов, которые идут преимущественно в пищу человека»⁴¹⁸. Зерна овса «мало употребляются в пищу» и «по преимуществу идут на корм рогатого скота и лошадей», — читаем в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (1897 г.)⁴¹⁹. А вот издание Министерства земледелия и государственных имуществ «Сельское и лесное хозяйство в России» 1893 г.: овес «употребляется людьми лишь в весьма ограниченных количествах и почти всецело идет на корм лошадей»⁴²⁰. В другом, более позднем издании этого же министерства «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России в конце XIX в.», в таблице о «сборе продовольственных хлебов», специально отмечается: «без овса»⁴²¹.

Считая недостатком то, что до 1870 г. официальная статистика давала только общие сведения о посеве и сборе яровых, Центральный статистический комитет констатировал, что в результате этого она «смешивала» продовольственные хлеба «с хлебами почти исключительно употребляемыми для корма скоту (например, овес)»⁴²².

М.А. Давыдов, к сожалению, без указания на источник, пишет, что первым предложил разделять все хлеба на продовольственные и фуражные известный статистик Ю.Э. Янсон⁴²³. В своей «Сравнительной статистике» (изд. 1882 г.) Ю.Э. Янсон исключал овес из числа продовольственных культур и относил его к фуражным культурам как сам собой разумеющийся факт⁴²⁴.

Это же с 1904 до 1917 г. делало в своих изданиях Министерство внутренних дел⁴²⁵. Подобным же образом в начале XX века разделяло хлеба Главное управление землеустройства и земледелия⁴²⁶. «Тот же прием, — пишет М.А. Давыдов, — был положен в основу исчисления нормы потребления Министерством финансов»⁴²⁷.

⁴¹⁶ Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства... С. 241.

⁴¹⁷ Цит. по: Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 196.

⁴¹⁸ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. Т. 6. СПб., 1902. С. 62.

⁴¹⁹ Энциклопедический словарь. Т. 20а. СПб., 1897. С. 559.

⁴²⁰ Сельское и лесное хозяйство в России. СПб., 1893. С. 137.

⁴²¹ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 1. СПб., 1902. С. 200.

⁴²² Юбилейный сборник ЦСК МВД. СПб., 1913. Отд. III. С. 23.

⁴²³ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории... С. 196.

⁴²⁴ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. II. Промышленность и торговля. Отд. 1. Статистика сельского хозяйства. СПб., 1882. С. 192, 197, 199, 203, 206, 218, 221, 222, 225, 229, 233, 234, 239, 241, 242, 247, 250, 285.

⁴²⁵ См. ежегодное издание Центрального статистического комитета МВД «Урожай [1904–1915] года».

⁴²⁶ См., например: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год VIII. Пг., 1915. С. 6–59.

⁴²⁷ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории... С. 196.

Причем, насколько удалось установить, Министерство финансов придерживалось этого правила, по крайней мере, с начала 1880-х гг.⁴²⁸

В заключение следует отметить, что данный вопрос был специально рассмотрен в 20-е гг. С.А. Клепиковым на основе дореволюционных крестьянских бюджетов 13 губерний, согласно которым главную роль в продовольственном потреблении дореволюционной российской деревни играли рожь (62%) и пшеница (19%). Что касается остальных культур (горох, греча, кукуруза, овес, полба, просо, рис, чечевица, ячмень), то они составляли не более 18% всех потребляемых хлебных продуктов, что в среднем дает лишь около 2% на каждую культуру.⁴²⁹

Если из общего сбора хлебов (табл. 2.31) вычесть сборы овса, мы получим представление о сборах продовольственного зерна. А поскольку часть зерна использовалась для посева, для определения степени обеспеченности населения хлебом следует сделать поправку на семена. В рассматриваемый период чистый сбор овса колебался от 447 (1896–1900) до 572 млн. пуд. (1911–1915), а чистый сбор продовольственных хлебов от 1730 млн. пуд. в 1896–1900 гг. до 2459 млн. в 1911–1915 гг. (табл. 2.34).

Таблица 2.34

Чистый сбор продовольственных хлебов в Европейской России
конца XIX – начала XX в. (млн. пуд.)

Чистый сбор хлеба	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Все хлеба:					
а) 1896–1900	256	423	935	562	2176
б) 1901–1905	250	513	1039	808	2610
в) 1906–1910	218	496	1013	883	2610
г) 1911–1915	274	586	1173	994	3027
Овес:					
а) 1896–1900	74	92	224	56	446
б) 1901–1905	79	109	256	62	506
в) 1906–1910	76	116	265	65	522
г) 1911–1915	80	129	285	74	568
Продовольственные хлеба:					
а) 1896–1900	182	331	711	506	1730
б) 1901–1905	171	404	783	746	2104
в) 1906–1910	142	380	748	818	2088
г) 1911–1915	194	457	888	920	2459

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.

⁴²⁸ Левитский И.О. Хлебная производительность // Историко-статистический обзор промышленности России / под ред. В.И. Ковалевского. Группы III, X и XI. СПб., 1882. С. 58.

⁴²⁹ Материалы по изучению массового потребления. Вып. II. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 32.

Из приведенной таблицы видно, что в 1896–1915 гг. овес составлял около 20% чистого сбора зерновых культур. Внеся соответствующую поправку, мы получим чистый сбор продовольственных хлебов в среднем для рассматриваемого двадцатилетия — около 18,5 пуд. на человека (табл. 2.35).

Таблица 2.35

Степень удовлетворения продовольственных потребностей населения
Европейской России в хлебе (1896–1915, млн. пуд.)

Годы	Чистый сбор	Потребность в хлебе	Баланс
1896–1900	1730	1712	+18 (1,1%)
1901–1905	2104	1867	+237(12,7%)
1906–1910	2088	2050	+38 (1,8%)
1911–1915	2459	2255	+204 (9,0%)

Источники: таблицы 2.33 и 2.34.

Это означает, что в конце XIX – начале XX века Европейская Россия могла обеспечить свои продовольственные потребности за счет внутреннего производства и даже имела небольшие продовольственные излишки, которые в среднем за весь двадцатилетний период составляли примерно 6%.

Однако, если обратиться ежегодным данным, картина окажется менее благополучной (табл. 2.36).

Из девятнадцати предвоенных лет только двенадцать были урожайными, а семь по существу являлись голодными, так как в эти годы собранный урожай не мог обеспечить продовольственных потребностей населения. В среднем на три урожайных года приходился один неурожайный.

Однако и в урожайные годы продовольственные излишки были не очень значительными. Даже в рекордном 1913 г. они превосходили существовавшие продовольственные потребности лишь на 30%. Располагая отдельные годы по степени возрастания продовольственной обеспеченности, мы получим следующую картину: 1906 г. –20,0%, 1897 г. –16,7%, 1911 г. –15,6%, 1901 г. –7,2%, 1908 г. –5,6%, 1914 г. –5,0%, 1905 г. –3,3%, 1898 г. +1,7%, 1907 г. +2,2%, 1900 г. +5,5%, 1896 г. +5,5%, 1899 г. +8,3%, 1910 г. +16,7%, 1912 г. +17,2%, 1903 г. +18,3%, 1909 г. +23,3%, 1902 г. +26,7%, 1904 г. +28,9%, 1913 г. +30,6%.

Анализируя эти данные, трудно найти в них какую-либо закономерность. Поэтому существовавшее когда-то мнение о строгой периодичности урожайных и неурожайных лет в дореволюционной России представляется по меньшей мере спорным.

Таблица 2.36

**Динамика обеспеченности населения Европейской России
продовольственными хлебами в 1896–1915 гг.**

Год	Чистый сбор продов. хлебов	Численность населения	Чистый сбор на 1 чел.	Обеспеченность
1896	1750	91,9	19,0	+106%
1897	1397	93,4	15,0	-83%
1898	1746	95,2	18,3	+102%
1899	1884	96,6	19,5	+108%
1900	1878	98,4	19,1	+106%
1901	1673	100,2	16,7	-93%
1902	2321	101,6	22,8	+127%
1903	2204	103,4	21,3	+118%
1904	2447	105,7	23,2	+129%
1905	1875	107,6	17,4	-97%
1906	1579	109,3	14,4	-80%
1907	1858	111,3	16,7	-93%
1908	1931	113,8	17,0	-94%
1909	2584	116,5	22,2	+123%
1910	2491	118,7	21,0	+117%
1911	1838	120,6	15,2	-84%
1912	2586	122,6	21,1	+117%
1913	2930	124,6	23,5	+131%
1914	2190	127,8	17,1	-95%

Источники: см. источники к табл. 2.30. Чистый сбор продовольственных хлебов — в млн. пуд., численность населения — в млн. чел., сборы на 1 чел. — в пудах, обеспеченность — отношение чистого сбора на душу населения к продовольственной норме — 18 пуд. (100%).

Посмотрим, как были обеспечены продовольственным зерном отдельные губернии (табл. 2.37).

В 1896–1900 гг. продовольственные излишки имели 21 губерния Европейской России (Бессарабская, Воронежская, Вятская, Донская, Екатеринославская, Казанская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Оренбургская, Пензенская, Подольская, Полтавская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Херсонская).

В 29 губерниях (Архангельская, Астраханская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Гродненская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пермская, Псковская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Тульская, Уфимская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская) существовал продовольственный дефицит.

Таблица 2.37

Чистый сбор продовольственных хлебов в Европейской России
1896–1915 гг. на душу населения (пуд.)

Губернии	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Архангельская	5,0	4,9	4,5	4,2
Астраханская	7,4	5,9	5,3	9,2
Бессарабская	30,3	45,8	45,4	48,2
Виленская	11,9	11,3	10,3	11,4
Витебская	10,3	7,2	7,6	10,0
Владимирская	10,6	9,5	6,2	8,2
Вологодская	9,4	9,5	8,3	9,0
Волынская	15,3	17,7	14,8	16,1
Воронежская	22,1	24,8	19,6	24,6
Вятская	20,5	15,8	14,1	16,4
Гродненская	11,3	11,2	10,0	11,9
Донская	32,3	40,5	42,3	42,4
Екатеринославская	33,6	46,5	47,2	38,8
Казанская	18,9	18,7	15,6	16,4
Калужская	9,4	9,9	5,0	8,2
Киевская	17,2	23,2	18,9	21,2
Ковенская	13,8	14,8	15,7	16,4
Костромская	13,6	10,7	8,6	10,1
Курляндская	19,3	19,9	18,5	16,5
Курская	20,5	22,6	19,2	20,7
Лифляндская	19,4	11,7	12,4	11,2
Минская	11,4	11,6	9,7	11,5
Могилевская	10,6	11,1	8,3	11,2
Московская	3,9	3,6	1,9	2,7
Нижегородская	16,0	14,3	12,0	13,3
Новгородская	8,3	6,4	6,3	7,7
Олонецкая	7,2	6,1	6,5	6,2
Оренбургская	18,1	23,4	20,6	22,2
Орловская	15,4	15,8	13,1	12,6
Пензенская	25,2	20,9	20,9	20,4
Пермская	15,5	17,0	17,1	16,2
Подольская	19,3	26,8	22,9	24,5
Полтавская	23,7	29,9	24,9	27,6
Псковская	12,3	9,0	10,2	12,9
Рязанская	18,2	15,0	13,7	12,3
Самарская	27,9	30,1	28,8	35,7
С.-Петербургская	3,1	2,2	2,2	2,1

Таблица 2.37 (окончание)

Саратовская	28,8	24,3	22,3	23,5
Симбирская	23,4	22,2	19,9	19,8
Смоленская	12,7	11,9	7,6	11,6
Таврическая	39,5	55,0	50,2	50,7
Тамбовская	26,0	25,2	21,1	21,8
Тверская	10,6	8,5	5,8	7,9
Тульская	17,8	16,2	13,3	13,4
Уфимская	16,4	22,5	22,0	20,3
Харьковская	19,2	23,4	21,8	27,9
Херсонская	27,8	41,7	42,4	40,5
Черниговская	12,8	13,8	8,8	12,7
Эстляндская	15,1	12,8	15,3	11,4
Ярославская	11,6	9,9	6,9	7,7
В среднем	18,2	20,3	18,4	19,6

Источники: см. источники к табл. 2.30.

Нетрудно заметить, что губернии с продовольственными излишками — это почти исключительно губернии позднего освоения, а губернии с продовольственным дефицитом — главным образом, губернии раннего освоения.

Из 14 северных губерний ни одна не имела продовольственных излишков, из 12 западных губерний излишки имели только три прибалтийские. Зато из 15 центральных губерний продовольственные излишки существовали в 11 губерниях, а из 9 южных — в 7.

В начале XX в. происходило сокращение количества хлебных губерний: в 1901–1905 гг. — до 20, в 1906–1910 гг. — до 19 и в 1911–1914 гг. — до 18. Соответственно имело место увеличение количества губерний с продовольственным дефицитом с 29 до 32.

В 1896–1900 гг. 6 губерний (Архангельская, Астраханская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Петербургская) могли обеспечить свои потребности в продовольственном зерне менее, чем наполовину. В 1901–1905 гг. круг таких губерний расширился за счет Витебской, Псковской и Тверской губерний до 9, в 1906–1910 гг. их стало 16: к названным губерниям присоединились Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Могилевская, Смоленская. Черниговская и Ярославская, но выбыла Псковская губерния, дефицит продовольственного зерна в которой снизился с 50 до 43%. В 1911–1915 гг. из этого списка вышли еще 6 губерний: Астраханская (дефицит — 49%), Витебская (44%), Костромская (44%), Могилевская (38%), Смоленская (36%), Черниговская (30%). И хотя в результате этого количество губерний с дефицитом более 50% сократилось до 10, оно было в полтора раза больше, чем в конце 1890-х гг.

Особенно сильно от товарного хлеба зависели Московская и Петербургская губернии. В 1911–1915 гг. за счет рынка они обеспечивали собственные потребности соответственно на 85 и 88%.

На другом полюсе находились губернии, которые не только обеспечивали свои потребности в продовольственном зерне за счет собственного производства, но и имели значительные излишки.

В 1896–1900 гг. в 7 губерниях излишки продовольственного зерна превосходили 50%. Это были Херсонская — 54%, Самарская — 55%, Бессарабская — 58%, Саратовская — 60%, Донская — 80%, Екатеринославская — 87%, Таврическая — 119% — губернии.

Перед Первой мировой войной из этой группы губерний вышла Саратовская губерния (избыток — 31%), зато в нее вошли Полтавская (53%) и Харьковская (55%). Причем к тому времени, кроме Таврической губернии (182%), 100%-ный уровень излишков превзошли Екатеринославская (116%), Херсонская (125%), Донская (136%) и Бессарабская (167%).

Расширение круга губерний, неспособных обеспечивать продовольственные потребности в зерне за счет собственного производства, вело к возрастанию спроса на товарный хлеб. Во второй половине 90-х годов дефицит продовольственного зерна в названных губерниях составлял примерно 290 млн. пуд., в 1901–1905 гг. — 338 млн., в 1906–1910 гг. — 480 млн. и в 1911–1915 гг. — 443 млн. пуд. (табл. 2.38).

Таблица 2.38

Региональные особенности обеспечения продовольственных потребностей населения Европейской России 1896–1915 гг.

Районы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север:				
а) население	19,3	20,7	22,8	25,4
б) потребность	347	373	411	457
в) чистый сбор	182	171	142	194
г) баланс: абс.	–165	–202	–269	–263
в %%	–48	–54	–65	–58
Запад:				
а) население	22,4	24,4	26,4	28,8
б) потребность	403	439	475	518
в) чистый сбор	331	404	380	457
г) баланс: абс.	–72	–35	–95	–61
в %%	–18	–8	–20	–12
Центр:				
а) население	34,6	37,9	41,7	45,6
б) потребность	623	682	751	821
в) чистый сбор	711	783	748	888
г) баланс: абс.	+88	+101	–3	+67
в %%	+14	+15	–0,4	+8

Таблица 2.38 (окончание)

Юг:				
а) население	18,8	20,7	23,0	25,6
б) потребность	338	373	414	461
в) чистый сбор	506	746	818	920
г) баланс: абс.	+168	+373	+404	+459
в %%	+50	+50	+98	+100

Источники: таблица 2.34 и источники к табл. 2.30. Население — млн. чел., потребность, чистый сбор, баланс — млн. пуд.

Параллельно с ростом продовольственного дефицита в одних губерниях имело место постепенное возрастание излишков на другом полюсе: 1896–1900 гг. — 303 млн. пуд., 1901–1905 гг. — 590 млн., 1906–1910 гг. — 530 млн., 1911–1915 гг. — 648 млн. пуд. Первое место среди губерний, имевших излишки, занимали губернии Юга. В первое пятилетие на 9 южных губерний приходилось 59% всех излишков продовольственных хлебов, во второе пятилетие — 72%, в третье пятилетие — 79% и в последнее — 73%.

Таким образом, основным потребителем товарного хлеба выступали северные губернии, губернии раннего освоения, основным производителем товарного хлеба были южные губернии, губернии позднего освоения.

Между тем хлеб использовался не только в пищу, но на корм скоту. В связи с этим возникает вопрос, насколько зерновое производство могло обеспечивать фуражные потребности?

Глава 3. ЖИВОТНОВОДСТВО

Динамика поголовья

Наиболее ранние, известные нам сведения о поголовье скота по всем губерниям Европейской России содержатся в губернаторских отчетах, начиная с 1842 г. В 1960 г. И.Д. Ковальченко обработал все данные о поголовье скота за 1842–1860 гг. и опубликовал средние показатели по каждой губернии отдельно на 1842–1850 и 1851–1860 гг. В результате обнаружилось, что за 1851–1860 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось по отношению в 1840-м гг. на 8,0%, свиней — на 4,9%, лошадей — на 2,6% и только поголовье овец увеличилось, правда, всего лишь на 0,9% (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

Динамика поголовья скота в Европейской России. 1842–1860 гг. (тыс. голов)

Дата	Лошади	КРС	Овцы	Свиньи
1842–1850	15273	21444	37094	9438
1851–1860	14868	19719	37437	8974
Изменение	–405	–1725	+343	–464
в %%	–2,6	–8,0	+0,9	–4,9

Источник: Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. М., 1960. С. 200–204 (без Ставропольской губернии).

Это позволяет утверждать, что накануне отмены крепостного права животноводство переживало кризис.

В первые пореформенные годы поголовье овец продолжало увеличиваться, одновременно удалось остановить сокращение поголовья лошадей, крупного рогатого скота и свиней, и оно тоже понемногу стало расти. Иначе говоря, в 1860–1870-е гг. животноводство Европейской России начало выходить из того кризиса, перед лицом которого оно находилось накануне отмены крепостного права (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

Поголовье скота Европейской России, 1861-1883 гг. (тыс. голов)⁴³⁰

Дата	Лошади	Кр. рог. скот	Овцы	Свиньи
1861	15190	20638	42379	9096
1866	15266	21634	44745	9293
1871	15568	21504	44250	9404
1876	16151	21857	44928	9270
1882	15518	21725	45354	8950
1883	17881	23628	46725	9362

Источник: Статистические сведения о скотоводстве в России // Статистические сведения по Департаменту земледелия и сельской промышленности. Вып. 2. СПб., 1880. С. 52–68 (1861, 1866, 1871, 1876) (данные о количестве свиней в 1861, 1866, 1871 гг. исправлены на основании пересчета погубернских сведений); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 242–243 (1882 г.); Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 8. Сборник сведений по России за 1883 г. СПб., 1886. С. 134–135 (1883 г.).

Данные 1883–1895 гг. показывают, что в это время динамика поголовья скота изменялась волнообразно. Если до начала 1890-х гг. поголовье лошадей и крупного рогатого увеличивалось, в 1891–1892 гг. сократилось и только в середине 1890-х гг. снова стало расти, но уровня 1890 г. не достигло. Подобной же была динамика поголовья крупного рогатого скота. Зато возраставшее до этого поголовье овец с середины 1880-х гг. начало сокращаться⁴³¹. Тенденцию к сокращению имело и поголовье свиней (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Поголовье скота Европейской России, 1881–1895 гг. (тыс. голов)

Дата	Лошади	Кр. рог. скот	Овцы	Свиньи
1883	17880,8	23628,0	46724,7	9361,9
1887	15778,3	23072,1	47293,0	9722,3
1888	19663,3	24909,3	44465,4	9243,0
1890	19778,7	25528,0	46052,2	9553,7
1891	17313,1	25323,7	39769,0	9554,7
1892	16649,2	23973,1	39957,8	8827,1
1894	16679,2	24072,6	37323,3	8832,8
1895	17042,2	24521,3	38212,1	9187,8

⁴³⁰ Итоговые данные о поголовье свиней за 1861 (9382 тыс.), 1866 (9504 тыс.), 1871 гг. (9594 тыс.) на основании пересчета погубернских показателей исправлены, как ошибочные.

⁴³¹ В некоторых губерниях этот кризис возник раньше. См., например, сокращение поголовья овец в Херсонской губернии началось с 1860-х гг. (Лобашев М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М., 1954. С. 292).

Источник: Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 8. Сборник сведений по России за 1883 г. СПб., 1886. С. 134–135 (1883 г.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 240–241 (1887, 1888, 1890, 1891, 1892, 1894, 1895).

Возникший в 1880-е гг. кризис овцеводства продолжался до начала Первой мировой войны. В отличие от этого наметившееся в 90-е годы сокращение поголовья свиней, достигшее своего минимума в 1909 г., в предвоенное пятилетие удалось остановить. Динамика поголовья крупного рогатого скота имела волнообразный характер с некоторой тенденцией к возрастанию. Еще более четко эта тенденция проявлялась в динамике поголовья лошадей (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Динамика поголовья скота Европейской России
в конце XIX – начале XX в. (млн. голов)

Дата	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
1896–1900	19,2	30,4	46,3	12,0
1901–1905	20,4	31,8	46,6	11,7
1906–1910	20,8	30,3	40,7	11,6
1911–1913	21,8	30,9	40,0	12,9

Источник: Отчет ветеринарного управления МВД за [1896–1912] год. СПб., 1899–1915; Предварительные данные о числе домашних животных в Российской империи в [1913–1914] г. Пг., 1915–1916.

Чтобы определить общий баланс поголовья скота необходимо перевести поголовье овец и свиней в крупный скот. Для этого возьмем следующие коэффициенты: для овец 5 к 1, для свиней 2 к 1. Если с учетом этого пересчитать данные о поголовье скота, получается следующая картина: 1896–1900 гг. — 65,0 млн. голов, 1901–1905 гг. — 67,5 млн., 1906–1910 гг. — 65,1 млн., 1911–1915 гг. — 67,2 млн. Это означает, что в 1896–1915 гг. поголовье скота в Европейской России колебалось примерно на уровне 66,2 млн. голов с небольшими отклонениями от этого уровня (примерно на 2%).

Сопоставление данных за 1851–1860, 1883 и 1906–1915 гг. дает следующую картину (табл. 3.5)

К сожалению, данные за 1851–1883 (сведения губернаторских отчетов) и 1906–1914 гг. (сведения Ветеринарного управления) несопоставимы, и степень этой несопоставимости пока неизвестна. Можно лишь предполагать, что данные губернаторских отчетов являются более заниженными, чем данные Ветеринарного управления.

Таблица 3.5

Динамика поголовья скота в Европейской России в 1842-1914 гг. (млн. голов)

Дата	Лошади	КРС	Овцы	Свины	Всего
1851–1860	14,9	19,7	37,4	9,0	46,6
1883	17,9	23,6	46,7	9,4	55,5
1906–1914	21,2	30,6	40,4	12,2	66,0
Расхождение-1	+3,0	+3,9	+9,3	+0,4	+8,9
в %	+20,1	+19,8	+24,9	+4,4	+19,1
Расхождение-2	+3,3	+7,0	–6,3	+2,8	+10,5
в %	+18,4	+29,7	–13,5	29,8	18,9

Источники: таблицы 3.1–3.4. Всего — в переводе на крупный скот. Расхождение-1 (данные 1851–1860 и 1883 гг.), расхождение-2 (данные 1883–1906–1914 гг.).

Но даже с учетом несопоставимости приведенных данных можно сделать три вывода. Во-первых, за полвека после отмены крепостного права общее поголовье скота выросло менее чем в полтора раза (максимум на 42%); во-вторых, темпы прироста поголовья рабочего скота в лучшем случае оставались неизменными, если же принять во внимание заниженность данных губернаторских отчетов, получается, что на рубеже веков прирост поголовья рабочего скота стал замедляться; в-третьих, в конце XIX – начале XX в. рост поголовья овец сменился их сокращением, что дает основание говорить о кризисе этой отрасли животноводства.

Насколько эта картина была характерна для всех регионов Европейской России? Общее представление о размещении поголовья скота накануне отмены крепостного права дает таблица 3.6.

Таблица 3.6

Размещение скота в Европейской России. 1842–1860 гг. (%)

Дата	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Лошади					
1842–1850	23,0	12,3	48,2	16,5	100,0
1851–1860	22,5	12,3	46,9	18,3	100,0
Крупный рогатый скот					
1842–1850	24,7	22,4	35,3	17,6	100,0
1851–1860	24,8	22,3	35,1	17,8	100,0
Овцы					
1842–1850	13,0	14,6	45,7	26,7	100,0
1851–1860	12,1	14,4	42,6	30,9	100,0
Свины					
1842–1850	11,6	27,8	53,3	7,3	100,0
1851–1860	10,5	28,7	49,8	11,0	100,0
Всего (в переводе на крупный)					
1842–1850	21,1	18,6	42,7	17,6	100,0
1851–1860	20,6	18,4	41,5	19,5	100,0

Источник: Ковальченко И.Д. К истории скотоводства... С. 200–204 (без Ставропольской губернии).

В 1842–1860 гг. примерно 60% всего поголовья скота было сосредоточено в губерниях позднего освоения, около 40% — в губерниях раннего освоения. Причем более 40% всего поголовья скота приходилось на 15 центральных губерний. Особенно велика была роль этих губерний в свиноводстве (более 50%) и в коневодстве (около 48%). Важную роль центральные губернии играли и в овцеводстве — 44%. Более скромной была их роль в выращивание крупного рогатого скота, но и здесь они лидировали (35%). За ними шли северные губернии. В 1840-е гг. третье место занимал Запад, четвертое — Юг. В 1850-е гг. они поменялись местами.

Это было связано с тем, что на фоне почти повсеместного сокращения численности скота, в южных губерниях общее поголовье продолжало расти. За 18 лет количество лошадей увеличилось на 8%, овец — на 17%, свиней на 44%, и только поголовье крупного рогатого скота на 7% сократилось (табл. 3.7)

Таблица 3.7

Размещение скота в Европейской России. 1842–1860 гг. (тыс. голов)

Дата	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Лошади					
1842–1850	3507	1879	7370	2517	15273
1851–1860	3349	1825	6969	2725	14868
Разница	–158	–54	–401	+208	–405
в %%	–4,5	–2,9	–5,4	+8,3	2,7
Крупный рогатый скот					
1842–1850	5292	4812	7567	3773	21444
1851–1860	4882	4402	6915	3520	19719
Разница	–410	–410	–652	–253	–1725
в %	–7,7	–8,5	–8,6	–6,7	–8,0
Овцы					
1842–1850	4848	5412	16941	9893	37094
1851–1860	4546	5376	15930	11585	37437
Разница	–302	–36	–1011	+1692	+343
в %%	–6,2	–0,7	–6,0	+17,1	+0,9
Свиньи					
1842–1850	1096	2623	5028	691	9438
1851–1860	942	2574	4466	992	8974
Разница	–154	–49	–562	+301	–464
в %%	–14,0	–1,9	–11,2	+43,6	–4,9
Всего (в переводе на крупный)					
1842–1850	10316	9085	20839	8615	48855
1851–1860	9611	8589	19303	9058	46561
Разница	–705	–496	–1536	+443	–2294
в %%	–6,8	–5,5	–7,4	+5,1	–4,7

Источник: Ковальченко И.Д. К истории скотоводства... С. 200–204 (без Ставропольской губернии).

Региональный подход обнаруживает еще одно важное явление. Оказывается, накануне отмены крепостного права рост поголовья овец имел место только на юге, во всех остальных регионах овцеводство тоже переживало кризис.

Посмотрим теперь, что происходило в животноводстве Европейской России на региональном уровне после 1861 г. (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Изменения в размещение скота Европейской России. 1851–1914 гг. (в %)

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Лошади					
1851–1860	22,5	12,3	46,9	18,3	100,0
1883	16,6	18,3	42,0	23,1	100,0
1911–1914	15,0	18,4	37,4	29,2	100,0
Крупный рогатый скот					
1851–1860	24,8	22,3	35,1	17,8	100,0
1883	18,7	22,6	30,5	28,2	100,0
1911–1914	17,8	23,6	31,5	27,1	100,0
Овцы					
1851–1860	12,1	14,4	42,6	30,9	100,0
1883	8,9	12,0	37,5	41,6	100,0
1911–1914	11,5	14,6	44,1	29,8	100,0
Свины					
1851–1860	10,5	28,7	49,8	11,0	100,0
1883	7,4	39,3	38,6	14,7	100,0
1911–1914	11,5	37,4	30,4	20,7	100,0
Всего					
1851–1860	20,6	18,4	41,5	19,5	100,0
1883	15,4	20,8	36,1	27,7	100,0
1911–1914	15,5	22,2	34,8	27,5	100,0

Источники: таблицы 3.1–3.4.

В целом пореформенная эпоха характеризовалась снижением роли северных и центральных губерний, возрастание роли западных и южных. Основные перемены в этом отношении произошли в первые пореформенные годы. В конце XIX – начале XX в. этот процесс фактически приостановился, а накануне войны, как уже было отмечено даже в западных и южных губерниях наметились негативные тенденции.

Чтобы иметь на этот счет более конкретное представление, необходимо рассмотреть еще один вопрос — вопрос о соотношении динамики поголовья скота и численности населения, иначе говоря, вопрос об обеспеченности населения скотом как в целом по Европейской России, так и на уровне отдельных регионов.

Накануне отмены крепостного права имело место не только сокращение поголовья скота, но и сокращение обеспеченности скотом населения. Причем поскольку

ку с 1842 по 1860 г. поголовье скота сокращалось, а численность населения возрастала, еще быстрее возрастала его необеспеченность скотом. Это касалось всех видов скота, в том числе и овец (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Обеспеченность населения скотом в Европейской России.
1842–1860 гг. (голов на 100 чел.)

Дата	Лошади	КРС	Овцы	Свиньи	Всего
1842–1850	29,4	41,2	71,3	18,2	94,0
1851–1860	25,5	33,8	64,2	15,4	79,8
Изменение	–3,9	–7,4	–7,1	–2,8	–14,2
в %%	13,3	18,0	10,0	15,4	15,1

Источник: Ковальченко И.Д. К истории скотоводства... С. 204.

В первые пореформенные годы сокращение поголовья скота удалось остановить, но сокращение обеспеченности населения скотом продолжалось (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Обеспеченность населения Европейской России скотом
в 1861–1881 гг. (голов на 100 чел.)

Дата	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свиньи	Всего
1861	25,5	34,6	71,1	15,3	82,0
1866	24,7	35,1	72,5	15,1	81,9
1871	23,8	32,8	67,6	14,4	77,3
1876	23,0	31,2	64,1	13,2	73,6
1883	23,3	30,7	60,8	12,2	72,3
1888	23,8	30,1	53,8	11,1	70,3
1895	18,8	27,0	42,2	10,1	59,2

Источники: таблицы 3.2–3.3; Рашин А.Г. Население России за сто лет. Статистические очерки. М., 1956. С. 28–29, 46.

Поскольку данные 1861–1883 гг. являются более или менее однородными (это данные губернаторских отчетов), можно утверждать, хотя после 1861 г. животноводство начало выходить из кризиса и восстанавливать утраченное поголовье, однако на протяжении первых двух десятилетий после отмены крепостного права обеспеченность населения скотом снизилась примерно на 15%.

Не абсолютизируя полученные результаты и понимая, что они нуждаются в корректировке, в то же время, опираясь на них, можно утверждать, что в 1883–1895 гг. обеспеченность населения скотом продолжала сокращаться. Этот процесс продолжался и на рубеже XIX–XX вв. (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Обеспеченность населения Европейской России скотом
в 1896–1914 гг. (голов на 100 чел.)

Дата	Лошади	Кр. рогатый скот	Овцы	Свиньи	Всего
1896–1900	20,2	32,1	48,8	12,6	68,4
1901–1905	19,7	30,7	44,7	11,3	65,0
1906–1910	18,3	26,6	35,7	10,2	57,6
1911–1914	17,4	24,8	31,9	10,3	54,2

Источники: таблица 3.4; Аленицин В. Население и прирост его в Европейской России в десятилетие 1891–1900 гг. // Ежегодник России. 1905 г. Год второй. СПб., 1906. С.LXXXV–CXVI (численность населения за 1896–1900 гг.); Движение населения в Европейской России за [1901–1903] год, СПб., 1904–1907; Ежегодник России. [1904–1910] год. Год первый–седьмой. СПб., Пг., 1905–1911; Статистический ежегодник России. [1911–1914] год. Год восьмой–двенадцатый. СПб.–Пг., 1912–1915 (население за 1901–1914 гг.).

За 20 лет обеспеченность населения лошадьми сократилась с 20,1 голов на 100 человек до 17,4, т.е. примерно на 13%, обеспеченность свиньями с 12,6 до 10,4 голов, на 18%, обеспеченность крупным рогатым скотом с 32,1 до 24,8 голов, на 22%, обеспеченность овцами с 48,8 до 31,9 голов, на 34%, а в целом в переводе на крупный скот с 68,3 до 54,2 голов, на 20%.

Таким образом, сокращение обеспеченности населения скотом имело место не только до отмены крепостного права, но и на протяжении всего пореформенного периода.

Если исходить из существующих официальных данных, получается, что с 1842–1850 по 1911–1914 гг. обеспеченность населения крупным рогатым скотом в расчете на 100 человек сократилась, как минимум, с 41,2 до 25,0 голов, на 39%, лошадьми — с 29,4 до 17,6 голов, на 40%, свиньями с 18,0 до 10,4 голов, на 42%, овцами с 71,3 до 32,3 голов, на 55%, в общем в переводе на крупный скот с 94,0 до 54,3 голов, на 42%.

Между тем, как мы знаем, данные до и после 1896 г. несопоставимы. К сожалению, вопрос о степени этой несопоставимости пока остается открытым. Единственно, что можно утверждать: численность скота до 1896 г. было выше, чем об этом свидетельствуют официальные данные, а значит, до этого была выше и обеспеченность населения скотом. Но в таком случае, сокращение обеспеченности скотом за указанные период являлось более значительным.

А поскольку в разных губерниях динамика поголовья скота и динамика численности населения были разными, по-разному на региональном уровне изменялась и обеспеченность населения скотом (табл. 3.12).

Нетрудно заметить, что обеспеченность населения скотом находилась в определенной зависимости от времени освоения той или иной территории. Лучшее всего были обеспечены скотом губернии позднего сельскохозяйственного освоения.

обеспеченность населения скотом сокращалась. Этот процесс продолжал развиваться и в пореформенные годы (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Региональные особенности обеспечения скотом населения
Европейской России. 1842–1914 гг. (голов на 100 чел.)

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Лошади					
1842–1850	28,2	16,6	32,9	43,3	29,4
1851–1860	24,0	14,8	28,6	35,3	25,5
1896–1900	16,2	16,9	20,7	27,0	20,1
1901–1905	15,4	16,0	20,0	27,8	19,7
1906–1910	14,3	15,0	18,3	26,0	18,3
1911–1914	13,1	14,1	18,0	25,1	17,6
Крупный рогатый скот					
1842–1850	42,5	42,6	33,8	64,8	41,2
1851–1860	35,0	35,7	28,4	45,6	33,8
1896–1900	27,9	31,4	27,1	46,5	32,1
1901–1905	26,9	30,5	24,9	45,2	30,6
1906–1910	23,6	27,7	21,6	37,3	26,6
1911–1914	22,2	25,7	21,6	33,2	25,0
Овцы					
1842–1850	38,9	47,9	75,6	170,0	71,3
1851–1860	32,6	43,6	65,4	150,0	64,2
1896–1900	25,8	32,6	51,6	86,5	48,8
1901–1905	24,3	29,1	50,5	73,2	44,8
1906–1910	20,9	23,9	41,5	53,6	35,7
1911–1914	18,5	20,5	39,0	47,2	32,3
Свиньи					
1842–1850	8,8	23,2	22,4	11,9	18,2
1851–1860	6,7	20,9	18,3	12,8	15,4
1896–1900	5,8	22,9	10,3	11,6	12,6
1901–1905	5,7	20,7	9,1	9,8	11,3
1906–1910	5,6	18,4	8,0	9,4	10,2
1911–1914	6,0	17,0	8,7	10,5	10,4
Всего					
1842–1850	82,8	80,3	93,0	148,1	94,0
1851–1860	68,8	69,7	79,3	117,3	79,8
1896–1900	52,2	66,3	63,3	96,6	68,3
1901–1905	49,9	62,7	59,6	92,5	65,0
1906–1910	44,9	56,7	52,2	78,7	57,1
1911–1914	41,9	52,4	51,8	73,0	54,3

Источники: таблицы 3.7, 3.8; Аленицин В. Население и прирост его в Европейской России в десятилетие 1891–1900 гг. // Ежегодник России. 1905 г. Год второй. СПб., 1906. С. LXXXV–CXVI (численность населения за 1896–1900 гг.); Движение населения в Европейской России за [1901–1903] год. СПб., 1904–1907; Ежегодник России. [1904–1910] год. Год первый–седьмой. СПб., Пг., 1905–1911; Статистический ежегодник России. [1911–1914] год. Год восьмой–двенадцатый. СПб.-Пг., 1912–1915 (население за 1901–1914 гг.).

Если принять обеспеченность населения скотом в 1842–1850 гг. за 100%, то к началу Первой мировой войны она сократилась до 58%: крупный рогатый скот — 61%, лошади — 60%, свиньи — 57%, овцы — 45%. На самом деле степень сокращения обеспеченности населения скотом была еще большей, так как данные 1842–1860 гг. являются менее точными, чем данные 1896–1914 гг.

Для понимания итогов этого процесса особенно важным является то, что *накануне Первой мировой войны южные губернии оказались по обеспеченности скотом ниже того уровня, на котором находились наименее обеспеченные в этом отношении северные и западные губернии в 1842–1850 гг.*

Возникает вопрос, как соотносилось состояние и развитие животноводство в России с состоянием и развитием животноводства в других странах. Одна из первых попыток ответить на этот вопрос была сделана И.С. Блюхом в 1876 г. (табл. 3.13).

Таблица 3.13

Обеспеченность населения скотом в России и за границей в 1870-е гг.

Страна	Дата	На 100 человек			
		Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
США	1873	24,3	69,8	88,0	80,0
Дания	1871	17,7	69,4	103,3	24,8
Россия	1870	23,6	32,9	68,2	14,3
Англия	1874	8,7	32,6	100,1	11,2
Пруссия	1873	9,2	34,9	79,6	17,3
Франция	1872	8,0	31,2	68,1	14,9
Австрия	1871	6,7	36,3	24,6	12,5
Бельгия	1866	6,2	25,7	12,2	13,1

Источник: Блюх И.С. Исследования по вопросам, относящимся к торговле и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границу. СПб., 1876. С. 14–15.

В начале 1870-х гг. Россия по обеспеченности рабочим скотом уступала только США, по обеспеченности крупным рогатым скотом находилась примерно на уровне Франции, примерно на уровне Франции она была по обеспеченности овцами и свиньями. Если же учесть заниженный характер официальных данных по России и внести в них соответствующие поправки, следует признать, что в начале 1870-х гг. наша страна по количеству и по обеспеченности скотом входила в число ведущих европейских стран.

Через четверть века Россия сохранила прежние позиции только по одному показателю — обеспеченности лошадьми. Что же касается других видов скота, то если в Европейской России обеспеченность ими в конце XIX — начале XX в. имела тенденцию к снижению, то в других европейских странах — к увеличению (за исключением овец): сравните таблицы 3.13 и 3.14.

Таблица 3.14

Обеспеченность населения скотом в России и за границей в начале XX в.

Страна	Дата	На 100 человек			
		Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
Уругвай	1905	42,0	562,9	1299,3	3,4
Аргентина	1907	91,8	434,6	1304,5	47,8
Нов.Зеландия	1905	36,8	203,7	2152,0	28,1
Австралия	1905	40,6	205,8	1795,3	25,3
Канада	1901	29,4	103,8	46,7	32,3
Капская кол.	1904	10,6	81,1	490,4	16,0
Дания	1903	20,0	75,6	36,0	59,9
США	1906	22,2	79,5	60,2	61,9
Наталь	1905	4,9	68,7	67,5	5,9
Болгария	1905	15,8	52,9	200,2	11,5
Швеция	1905	10,5	48,2	20,3	15,7
Швейцария	1906	3,9	42,9	6,0	15,7
Люксембург	1904	7,8	38,9	3,7	50,8
Мексика	1902	6,3	37,8	25,1	4,5
Сербия	1905	6,4	35,4	114,0	32,9
Австрия	1905	6,5	36,4	10,0	25,3
Франция	1905	8,1	36,4	45,2	19,2
Германия	1907	7,0	33,0	12,3	35,5
Голландия	1904	5,4	30,7	11,0	15,6
Венгрия	1907	8,6	28,6	36,3	23,4
Евр. Россия	1905	19,3	28,4	38,5	10,5

Источник: Отчет по ветеринарной части в России за 1904–1906 гг. СПб., 1910. С.10.

Уже в начале 1880-х гг. было установлено, что примерно 98% скота находилась в уездах и лишь около 2% — в городах. По данным 1883 г., у горожан было 0,7% овец, 1,8% голов крупного рогатого скота, 2,8% — свиней и 2,8% лошадей⁴³². В 1899 г. ЦСК начал собирать сведения о распределении скота в уездах. Через год они были опубликованы: табл. 3.15.

⁴³² Скотоводство и коневодство в Европейской России, 1883 год // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 8. Сборник сведений по России за 1883 г. СПб., 1886. С. 134–136.

Таблица 3.15

Распределение скота Европейской России в 1900 г. (млн. голов)

Виды скота	Крестьяне		Частновладельцы		Всего	
	Абс.	%%	Абс.	%%	Абс.	%%
Овцы	40,2	80,9	9,5	19,1	49,7	100,0
Рогатый скот	26,9	81,8	6,0	18,2	32,9	100,0
Свиньи	9,5	83,3	1,9	16,7	11,4	100,0
Лошади	16,7	84,8	3,0	15,2	19,7	100,0
Всего	93,3	82,1	20,4	17,9	113,7	100,0
В переводе	56,3	82,6	11,9	17,4	68,2	100,0

Источник: Временник ЦСК. № 50. Сведения о количестве скота в 1900 г. СПб., 1901. С. 5.

Данные ЦСК показывают, что в 1900 г. у крестьян было сосредоточено 81% овец, 82% крупного рогатого скота, 83% свиней, 85% лошадей. На самом деле, если учесть, что многие мелкие частные владельцы ничем не отличались от крестьян, роль последних в животноводстве была еще более значительной.

В этом отношении выгодно отличалась перепись 1916 г., которая положила в основу разделения хозяйств на две группы такой критерий, как использование труда: собственного, семейного труда или же наемного. Материалы переписи показывают, что крестьянских хозяйств было сосредоточено примерно 94% всего скота, у частных владельцев — менее 6%: табл. 3.16.

Таблица 3.16

Распределение скота Европейской России в 1916 г. (тыс. гол.)

Виды скота	Крестьяне		Частновладельцы		Всего	
	Абс.	в %%	Абс.	в %%	Абс.	в %%
Лошади	21563	93,8	1444	6,2	23007	100
КРС	35350	94,2	2213	5,8	37563	100
Овцы	56550	94,4	3401	5,6	59951	100
Свиньи	15464	94,8	835	5,2	16299	100
Всего	128927	94,2	7893	5,8	136820	100
В переводе	75955	94,1	4755	5,9	80710	100

Источник: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916. С. 624–636 (без Ставропольской губернии и Уральской области).

Всего в границах 48 губерний в 1888–1891 гг. было зарегистрировано 10,1 млн. крестьянских хозяйств. Из них 2,8 млн. были безлошадными, 2,9 млн. имели по

одной лошади, 3,3 млн. располагали двумя-тремя лошадьми, 0,8 млн. принадлежали к владельцам четырех-пяти лошадей, наконец, немногим более 0,3 млн. хозяйств концентрировали в своих руках шесть и более лошадей. Многолошадные хозяйства концентрировали в своих руках 16,7% общего поголовья лошадей, зажиточные — 20,7%, средние — 45,5%, полупролетарские — 17,1%. В результате 62,6% лошадей было сосредоточено у крестьян двух последних групп

На рубеже XIX-XX вв. (1888–1891, 1899–1901, 1912 гг.) имело место увеличение численности и доли пролетарских, полупролетарских и средних хозяйств и сокращение численности и доли хозяйств зажиточных и многолошадных. Одновременно происходило перераспределение имевшихся у них лошадей (однолошадные — 2,9 млн., 3,4 млн. 4,2 млн. голов, с двумя-тремя лошадьми — 7,7 млн., 8 млн., 8,8 млн. голов), так и их доли в общем поголовье: однолошадные — 17,1, 19,9, 23,9%; средние крестьянские хозяйства — 45,5, 47,6, 49,7%. Одновременно наблюдалось сокращение доли лошадей в зажиточных (3,5 млн., 3,1 млн., 2,7 млн., соответственно 20,7, 18,6, 15,2%) и в многолошадных хозяйствах (2,8 млн., 2,3 млн., 2,0 млн., соответственно 16,7, 13,9, 11,2%), что не могло не отражаться на содержании скота и уходе за ним.

Содержание скота

В содержании скота различают два периода: пастбишный и стойловый. В среднем по Европейской России продолжительность стойлового содержания составляла 195 дней в году, продолжительность содержания скота на подножном корме 170 дней. С Севера на Юг продолжительность стойлового содержания сокращалась, продолжительность пастбишного содержания увеличивалась: Север и Запад — соответственно 210 и 155, Центр — 195 и 170 дней, Юг — 165 и 200⁴³³.

По данным справочника Ф. А. Баталина, на одну голову крупного рогатого скота 25 пудов живого веса на пять месяцев (150 дней) пастбишного содержания требовалось: а) отличный выгон (более 200 пуд. сена с дес.) — 0,5 дес., б) хороший выгон (100–150 пуд.) — 0,75–1,0 дес., в) средний выгон (50–100 пуд.) — 1,25–1,5 дес., г) плохой выгон (менее 50 пуд.) — до 2,25 дес.⁴³⁴.

По данным ЦСК, в 1901–1913 гг. десятина сенокоса в среднем давала около 85 пудов⁴³⁵. А поскольку луга среднего и более высокого качества обычно использовались в качестве сенокосов, под выгонами находились луга худшего качества. «Так как *под выгоны отводятся самые плохие луга, на которых невыгодно косить траву на сено*, — писал Н.П. Чирвинский, — и так как средний урожай сена крестьянских лугов не достигает даже 50 пудов с десятины, то *нет никакого основания предполагать, что средний урожай пастбищной десятины превышает 40 пудов*»⁴³⁶.

⁴³³ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 76

⁴³⁴ Баталин Ф.А. Справочная книга русского сельского хозяина. СПб., 1896. С. 302–303.

⁴³⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. 1917. С. 86.

⁴³⁶ Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России. СПб., 1903. С. 13–14.

Этот показатель, вероятно, и следует взять для характеристики выгонов Европейской России конца XIX – начала XX в.

С учетом производительности лугов, продолжительности пастбищного периода и физических характеристик скота для крупного скота можно взять норму выгонов — 1,5 дес. на голову, для овец — 0,25 дес.⁴³⁷

В таком случае потребность животноводства в пастбищах на 1888 г. достигала не менее 70 млн. дес., а учитывая, что в 1896 г. данные о поголовье лошадей увеличились примерно на 10%, а данные о поголовье крупного рогатого скота и овец — примерно на 20%, потребность в выгонах следует увеличить до 81 млн. дес. А так как данные Ветеринарного управления и после 1896 г. неполно учитывали молодняк, даже максимальный показатель потребности в пастбищах (с поправкой на недоучет скота), тоже является заниженным.

Единственный источник по Европейской России, который содержит погубернские сведения о площади земельных угодий с выделением выгонов и сенокосов, это материалы земельной переписи 1887 г. по 46 губерниям (без Астраханской, Донской, Лифляндской и Пензенской), которые отражены в табл. 3.17.

Таблица 3.17

Структура земельных угодий в Европейской России. 1887 г. (тыс. дес.)

Угодья	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Удобные земли	124583,3	44985,6	95780,7	58874,4	324224,0
Лес	94413,4	12279,2	32410,2	9880,0	148982,8
Прочие удобные	30169,9	32706,4	63370,5	48994,4	175241,2
Усадьбы	469,7	478,7	1394,6	748,0	3091,0
Огороды	388,2	761,7	1023,8	356,7	2530,4
Сады	112,9	146,5	215,8	186,4	661,6
Всего	970,8	1386,9	2634,2	1291,1	6283,0
Пашня	15005,0	16971,7	44395,1	30882,5	107254,3
в т.ч. посев	8910,3	10825,1	28249,5	14981,4	62966,3
– пар	4413,3	4287,5	10640,9	3735,7	23077,4
– сенокос	569,8	631,5	1769,6	3585,2	6556,1
– залежь (выгоны)	1111,6	1227,6	3735,1	8580,2	14654,5
Луга	14194,1	14347,8	16341,2	16820,8	61703,9
в т.ч. сенокосы	8227,2	4804,0	6837,8	5027,4	24896,4
– выгоны	3324,6	2398,4	3005,0	9812,4	18540,3
– другие	2642,3	7145,4	6498,4	1981,0	18267,2

Источники: Островский А.В. *Зерновое производство Европейской России...* С. 350–351 (площадь удобных земель); Главнейшие данные поземельно статистики по обследованию 1887 г. Вып. 1–50. СПб., 1895–1901.

⁴³⁷ Островский А.В. *Животноводство европейской России...* С. 54.

Приведенные данные показывают, что в границах 46 губерний Европейской России площадь выгонов составляла всего 33,2 млн. дес. Даже если мы включим в выгоны прочие удобные земли, не находившиеся ни под пашней, ни под сенокосами, ни под лесом, этот показатель увеличится лишь до 51,5 млн. дес.

В первом случае (потребность в выгонах 70 млн. дес.) дефицит составит 27%. Если же сделать поправку на недоучет скота (потребность 81 млн. дес.), дефицит пастбищ увеличится до 37% (табл. 3.18).

Таблица 3.18

Обеспеченность животноводства Европейской России пастбищами (млн. дес.)

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Без поправки					
Потребность	13,1	13,7	26,7	16,4	69,9
Выгоны	7,0	10,7	13,2	20,4	51,3
Баланс	-6,1	-3,0	-13,5	+4,0	-18,6
%	-46,6	-21,9	-50,6	+24,4	-26,6
С поправкой					
Потребность	15,2	15,9	30,9	19,1	81,1
Выгоны	7,0	10,7	13,2	20,4	51,3
Баланс	-8,2	-5,2	-17,7	+1,3	-29,8
%	-53,9	-32,7	-57,3	+6,8	-36,7

Источники: таблица 3.17; Отчет Ветеринарного отделения за 1888 год. СПб., 1890. С. 54–56 (без Астраханской, Донской, Лифляндской и Пензенской губерний).

Как же население выходило из такого положения?

Прежде всего под выгоны использовались сенокосы. Как только завершалась уборка сена, скот пускали на скошенные луга, на отаву (так называется новая трава, выросшая после сенокоса). Как считали современники, «отава дает 7–15% от предварительно собранного сена»⁴³⁸. В таком случае 31,5 млн. десятин сенокоса могли компенсировать около 10,5 млн. дес. выгонов и позволяли сократить их дефицит до 12% в первом случае (потребность 70 млн. дес.) и до 24% — во втором случае (потребность 81 млн. дес.). По отдельным регионам эта картина выглядела следующим образом: табл. 3.19.

⁴³⁸ А.Я. Выгон // Энциклопедический словарь. Т. VIIа. СПб., 1892. С. 483.

Таблица 3.19

Обеспеченность животноводства Европейской России пастбищами и сенокосами

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Без поправки					
Дефицит	-6,1	-3,0	-13,5	+4,0	-18,6
Сенокос	8,9	5,4	8,6	8,6	31,5
Эквивалент	3,0	1,8	2,9	2,8	10,5
Баланс	-3,1	-1,2	-10,6	+6,8	-8,1
%	-23,7	-8,8	-39,7	+41,5	-11,6
С поправкой					
Дефицит	-8,2	-5,2	-17,7	+1,3	-29,8
Сенокос	8,9	5,4	8,6	8,6	31,5
Сенокос	3,0	1,8	2,9	2,8	10,5
Баланс	-5,2	-3,4	-14,8	+4,1	-19,3
%	-34,2	-21,4	-47,9	+21,5	-23,8

Источники: таблицы 3.17 и 3.18.

Оказывается, что даже при использовании сенокосов дефицит пастбищ в западных губерниях составлял от 8,8 до 21,4%, в северных — от 23,7 до 34,2%, в центральных — от 39,7 до 47,9%. В таких условиях на большей территории Европейской России крестьяне вынуждены были использовать под выгоны пар и жнивье. В 1887 г. под паром находилось 23,1 млн. дес. (см. выше — табл. 3.17). Десятина пара могла дать от 5 до 40 пудов сена, в среднем 22,5 пуда⁴³⁹, это значит, 23,1 млн. дес. пара были эквиваленты 13,0 млн. дес. выгонов (дающих до 40 пудов сена с десятины): табл. 3.20.

Таблица 3.20

Использование пара для выгонов Европейской России 1880-х гг.

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Без поправки					
Дефицит-1	-3,1	-1,2	-10,6	+6,8	-8,1
Пар	4,4	4,3	10,7	3,7	23,1
Эквивалент	2,5	2,4	6,0	2,1	13,0
Баланс	-0,6	+1,2	-4,6	+8,9	+4,9
%	-4,6	+8,8	-17,2	+54,3	+7,0
С поправкой					
Дефицит	-5,2	-3,4	-14,8	+4,1	-19,3
Эквивалент	2,5	2,4	6,0	2,1	13,0
Баланс	-2,7	-1,0	-8,8	+6,2	-6,3
%	-17,8	-6,3	-28,5	+32,5	-7,8

Источники: таблицы 3.17–3.19.

⁴³⁹ А.Я. Выгон... С. 483.

В целом по Европейской России пар позволял компенсировать нехватку выгонов. Однако в большинстве губерний даже за счет этого дефицит выгонов ликвидировать было невозможно. Если же учесть заниженный характер официальных данных о поголовье скота, в этом случае окажется, что пара вообще было недостаточно для ликвидации дефицита выгонов. Единственным регионом, где можно было обойтись без него, являлись южные губернии.

В любом случае на большей территории Европейской России к концу 1880-х гг. животноводство не могло существовать без использования для выгонов жнивья. Десятина жнивья после озимых могла дать «5–30 пуд. корма, равного по питательности сену, после яровых же — вдвое меньше»⁴⁴⁰, т.е. примерно 18 пудов в первом случае и 9 — во втором. В 1880-е гг. площадь озимых на территории 46 губерний Европейской России составляла 26,1 млн. дес., площадь яровых — 30,6 млн.⁴⁴¹, которые могли быть эквивалентны 18,6 млн. дес. выгона: табл. 3.21.

Таблица 3.21

Использования под выгоны жнивья в Европейской России 1880-х гг.

	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Без поправки					
Баланс-1	-0,6	+1,2	-4,6	+8,9	+4,9
Жнивье	8,8	10,7	27,1	14,9	61,5
Озимые	4,2	5,0	12,3	4,5	26,0
Эквивалент	1,9	2,3	5,5	2,0	11,7
Яровые	3,7	4,5	13,7	8,7	30,6
Эквивалент	0,8	1,0	3,1	2,0	6,9
Итого	2,7	3,3	8,6	4,0	18,6
Баланс	+2,1	+4,5	+4,0	+12,9	+23,5
%%	+16,0	+32,8	+15,0	+78,7	+31,3
С поправкой					
Дефицит	-2,7	-1,0	-8,8	+6,2	-6,3
Жнивье	2,7	3,3	8,6	4,0	18,6
Баланс	-0,0	+2,3	-0,2	+10,2	+12,3
%%	0,0	+14,5	-0,6	+53,4	+15,2

Источники: таблицы 3.17–3.20.

Таким образом, к концу 1880-х гг. в южных и западных губерниях еще был резерв для расширения выгонов, в северных и центральных губерниях даже этот резерв (пар и залежь) находился на пороге исчерпания. В таких условиях под пастбища начинают использовать земли, которые относились к числу неудобных угодий.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Главнейшие данные поземельно статистики по обследованию 1887 г. Вып. 1–50. СПб., 1895–1901 (без Астраханской, Донской, Лифляндской и Пензенской губерний).

«Обыкновенно, — писал Н.П. Чирвинский, — под пастбища отводят места, на которых уборка сена затруднительна или вследствие скудного роста травы, или по иным причинам. Так, например, в северной полосе России и в средних нечерноземных губерниях обыкновенно под постоянные пастбища отводятся овраги, лесные заросли, пустоши; кроме того, как в вышеназванных, так и в других местностях России пастбищами служат болота, кочкарники, а в степных губерниях пользуются с этой целью молодым и старым перелогом, а также целиной...»⁴⁴².

Когда-то домашний скот круглый год находился под открытым небом. К концу XIX — началу XX в. стойловое содержание скота являлось почти повсеместным и обычным явлением.

«Скот, — писал в 1917 г. чиновник Министерства земледелия Д.М. Бодиско, — в большинстве содержится у нас в самых неприглядных условиях: хозяин не заботится об устройстве для него *на зимнее время теплых помещений*»⁴⁴³. Под теплыми помещениями в данном случае, вероятнее всего, имелись в виду бревенчатые скотные дворы, стены которых были проконопачены мхом, дворы, которые имели не только с крыши, но и потолки.

«...Наши крестьяне, — отмечалось в середине XIX в. в одном из руководств по выращиванию скота, — не имеют порядочного помещения для своего скота. Дурно срубленный из кривого и тонкого леса чаще плетневый с большими щелями сарай или хлев, запирающийся огромными деревянными дырявыми дурно прилаженными воротами, не в состоянии порядочно приютить зимою бедного скота, особенно несовершенного, и доставить ему столько тепла, сколько его нужно, чтобы не страдать от холода, а что еще чаще, от сквозного ветра. Недостаток в хороших помещениях есть одна из главнейших причин, препятствующих нашим крестьянам улучшить свое скотоводство»⁴⁴⁴.

Можно утверждать, что в пореформенную эпоху на большей территории Европейской России скотный двор не обеспечивал содержание скота в соответствие с современными требованиями⁴⁴⁵. Между тем, чем хуже были эти условия зимнего содержания скота, тем больше требовалось кормов, так как часть калорий идет на поддержание температуры тела.

В среднем для содержания лошади на протяжении стойлового содержания требовалось не менее 50 пуд. сена, 20 пуд. соломы и 40 пуд. овса. Минимальную кормовую норму для крупного рогатого скота можно взять в пределах 15 пудов сена, 25 пудов соломы, 10 пудов хлеба и 40 пудов картофеля, что соответствует еще примерно 10 пудам хлеба. Для свиней во избежание завышения возьмем ту норму, которая была введена в 1917 г. Временным правительством — в 4 фунта в день, что даст около 20 пуд. на полгода, для овец — 4 пуд. сена, 6 пуд. соломы и в качестве прикормки к соломенной резке и пойлу около 0,5 пуда хлеба⁴⁴⁶.

⁴⁴² Чирвинский Н.П. Учебник скотоводства и скотоврачевания для низших сельскохозяйственных учебных заведений. Вып. 1. СПб., 1912. С. 147.

⁴⁴³ Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 9.

⁴⁴⁴ Лавров И.В. Полное руководство к уходу за рогатым скотом, примененное к хозяйственным отношениям средней полосы России. СПб., 1849. С. 13 (издание МГИ).

⁴⁴⁵ Подробнее см.: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 92–96.

⁴⁴⁶ Там же. С. 97–107.

О том, какова был обеспеченность животноводства кормовым зерном, свидетельствует табл. 3.22.

Таблица 3.22

Обеспеченность животноводства Европейской России
конца XIX – начала XX века кормовым зерном (млн. пуд.)

Годы	Кормовое зерно			Потребность в зерне	Дефицит	
	Овес	Прочее	Всего		абс.	в %
1896–1900	446	19	465	1343	–878	65,4%
1901–1905	506	236	742	1394	–652	46,5%
1906–1910	522	38	560	1395	–835	59,7%
1911–1915	568	204	772	1469	–697	47,4%

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 264.

Даже если бы на рубеже XIX–XX вв. все излишки продовольственного зерна были использованы для кормления скота, то и в таком случае потребности животноводства могли быть обеспечены менее, чем наполовину. При этом необходимо учитывать не только то, что для сделанных расчетов фуражные нормы были взяты по минимуму, но и то, что дореволюционная статистика занижала численность поголовья скота.

Другим важным видом кормов являлось сено. Несмотря на сокращение обеспеченности скота сеном, на рубеже XIX–XX вв. животноводство Европейской России по минимуму могло быть обеспечено этим видом кормов (табл. 3.23).

Таблица 3.23

Обеспеченность животноводства Европейской России
конца XIX – начала XX в. сеном

Годы	Сбор сена	Потребность в сене	Баланс
1896–1900	2010	1604	+406 25,3%
1901–1905	2106	1683	+423 25,1%
1906–1910	2000	1667	+333 20,0%
1911–1915	2025	1728	+297 17,2%

Источники: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 108, табл. 48; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 1. СПб., 1902. С. 213; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 86.

Чем же тогда объяснить широко распространенное в дореволюционной России мнение о недостатке сена? Ответ, по всей видимости, нужно искать не только в том, что в данном случае были взяты заниженные нормы потребления, но в том, что за приведен-

ными общими цифрами скрываются и территориальная неравномерность обеспечения скота сеном, и существенные различия в обеспеченности кормами отдельных хозяйств. Если в одних местах тратили на содержание скота сена гораздо больше взятых нами фуражных норм, то другие не могли обеспечить скот даже по минимальным нормам. Если помещичьи хозяйства и хозяйства богатых крестьян кормили свой скот досыта даже там, где сена не хватало, то деревенская беднота нередко держала его впроголодь.

Нехватка зерна и сена компенсировалась за счет расширения потребления соломы. В отличие от сена сборы соломы превосходили потребность скота в этом виде кормов, причем обеспеченность животноводства соломой повышалась (табл. 3.24).

Таблица 3.24

Обеспеченность животноводства Европейской России
конца XIX – начала XX века соломой (млн. пуд.)

Годы	Сбор соломы	Потребность в соломе	Избыток
1896–1900	3395	1427	1968 (138%)
1901–1905	4111	1477	2634 (178%)
1906–1910	4022	1423	2599 (183%)
1911–1915	4667	1461	3206 (219%)

Источники: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 109–110, табл. 50 и 51.

В 1896–1905 гг. степень обеспеченности скота соломой составляла 238%, в 1901–1905 гг. она увеличилась до 278%, в 1906–1910 гг. — до 283% и в 1911–1915 гг. — до 319%.

При этом необходимо учитывать, что солома использовалась не только в качестве корма, но и как подстилка для домашних животных. Среднегодовая потребность в подстилке составляла: 1896–1900 гг. — 2,4 млрд., 1901–1905 гг. — 2,5 млрд., 1906–1910 гг. — 2,4 млрд., 1911–1914 гг. — 2,5 млрд. пудов в год⁴⁴⁷.

Из этого явствует, что на подстилку требовалось около 75% всего избытка соломы. Между тем, солома использовалась также в качестве топлива и строительного материала. На большей территории дореволюционной России преобладала крестьянская изба с соломенной крышей. Поэтому лишней соломы не имелось. И крестьянин должен был выбирать, куда и как ее использовать.

Поскольку подстилка — это прежде всего гигиеническое средство, казалось бы, им можно было пренебречь. Между тем, одновременно она являлась средством защиты скота от холода и, что еще более важно, одним из важнейших компонентов навоза. А поскольку значение навоза как средства удобрения в рассматриваемое время возрастало, возрастал и спрос на солому для подстилки.

Расширение использования соломы в качестве корма делало невозможным полное удовлетворение потребностей животноводства в подстилке, а земледелия — в навозе, но расширение использования соломы в качестве подстилки вело к сокращению кормовой базы животноводства.

⁴⁴⁷ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 113.

При этом необходимо учитывать, что разные местности были обеспечены кормами неодинаково. Наряду с губерниями, в которых хватало и продовольственного, и фуражного зерна, существовали губернии, испытывавшие дефицит и того, и другого. Более того, потребление в производящих губерниях выше минимальных фуражных норм имело своим следствием усиление дефицита кормов в других губерниях.

Обострению этого дефицита способствовало и то, что даже в потребляющих губерниях помещики и зажиточные крестьяне тоже расходовали на содержание своего скота больше минимальных норм. В результате этого крестьянская беднота испытывала нехватку кормов даже в хорошо обеспеченных губерниях.

Неспособность полностью обеспечить скот кормами имела своим следствием не только замену сена соломой, а овса другими кормами⁴⁴⁸, но и использование различных кормовых суррогатов⁴⁴⁹. Один из крупнейших дореволюционных специалистов в области зоотехнии Е.А. Богданов издал специальную книгу, которая так и называлась «Некоторые суррогаты кормов для скота». В ней рассматривались питательные качества «древесных веток», «болотного сена», «сушеных листьев»⁴⁵⁰.

«В неурожайное время, а в некоторых районах страны и в обычное время приходится думать и об использовании стеблей и листьев древесной растительности», — писал возглавлявший накануне Первой мировой войны Бюро зоотехнии Департамента земледелия ГУЗЗ Е.Ф. Лискун.⁴⁵¹

Использование кормовых суррогатов вошло даже в справочную литературу. Так, «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» не только дифференцировала древесный корм по видам пород, но и указывала степень их питательности⁴⁵².

В некоторых местностях не хватало и суррогатов. Здесь скот еле дотягивал до весны. «Неудивительно, — читаем мы в материалах по Новгородской губернии, — поэтому, если ежегодно приходится подымать часть скота, в трудные годы — до трети всего скота. В Каменке весной около 30 коров (всего в деревне 100–130 коров) вывозят на дровнях на поле на первые зачатки зеленой травы»⁴⁵³.

О степени распространенности этого подобных фактов свидетельствует то, что за крестьянским скотом закрепилось ироническое название, данное ему современниками — «тасканская порода»⁴⁵⁴.

⁴⁴⁸ О подсобных кормах при недостатке сена. М., 1848; Богданов Е.А. Правила замена овса суррогатами. М., 1916; Он же. О замене овса другими кормами. М., 1919.

⁴⁴⁹ Самборский С.И. Дешевое и выгодное кормление домашних животных, особенно при неурожае кормов. СПб., 1893; Дмитриев М.А. Древесное сено и его употребление на корм скоту. СПб., 1897; Широких И.И. К вопросу о значении для питания травоядных животных целлюлозы и веществ, дающих фурфурол. Варшава, 1899.

⁴⁵⁰ Богданов Е.А. Некоторые суррогаты кормов для скота. СПб, 1903. С. 3–10 (древесные ветки), 10–14 (болотное сено), 14–21 (древесное сено – сушеные листья).

⁴⁵¹ Лискун Е.Ф. Лекции по общему животноводству (кормление и разведение). Пг., 1915. С. 125.

⁴⁵² Кизинков С. Кормовые средства // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. Т. IV. СПб., 1901. С. 633, 646.

⁴⁵³ Исследование современного состояния скотоводства. Рогатый скот. Вып. I. М., 1884. С. Д50.

⁴⁵⁴ Труды областного съезда по животноводству с 14-го по 24-е сентября 1903 г. в г. Харькове. Т. 1.

В таких условиях важную роль в решении фуражной проблемы играло максимально возможное расширение пастбищного периода, а значит, сокращение стойлового содержания скота. «Крестьянский скот, — читаем мы в материалах обследования скотоводства 1880-х гг., — выгоняется на подножный корм возможно раньше, едва успеет сойти снег, а осенью возможно поздно становится на дворы»⁴⁵⁵, «после наступления морозов и выпадения снега, когда пастьба делается совершенно невозможной»⁴⁵⁶.

Все это не могло не сказываться на состоянии скота и его продуктивности.

Основные отрасли животноводства

Коневодство. Среди домашних животных дореволюционной Европейской России особое место занимала лошадь. Кроме лошади, в качестве тяглового скота в дореволюционной России использовались также волы. Но поголовье последних сокращалось довольно быстрыми темпами⁴⁵⁷. По данным переписи 1916 г., на территории 47 губерний Европейской России поголовье рабочего скота достигало 21,4 млн. шт. Из них волов насчитывалось 2,6 млн. голов или же 12%. Причем почти две трети поголовья волов были сосредоточены в шести губерниях: Оренбургская — 103,8 тыс. голов, Бессарабская — 106,0 тыс., Полтавская — 143,6 тыс., Воронежская — 169,2 тыс., Харьковская — 200,8 тыс., Донская область — 899,7 тыс. голов.

Одна из причин сокращения поголовья волов была связана с узостью кормовой базы. И хотя лошадь требовало меньше кормов, чем пара волов, и хотя овес и сено шли в первую очередь на содержание лошадей, в некоторых местах не хватало корма и лошадям. Выступая в 1913 г. в Харькове на областном съезде по животноводству, князь Н.Б. Щербатов напоминал «всем, кто знает, в каком виде находится крестьянская кобыла весной, после бескормицы»⁴⁵⁸.

Нехватка кормов отражалась как на общем состоянии рабочего скота, так и на его воспроизводстве. Один жеребец при вольной случке мог обслужить 25–30 кобыл, при регулируемой «30–50»⁴⁵⁹. В 1882 г. на территории 48 обследованных губерний на одного жеребца приходилось 9 кобыл⁴⁶⁰. Это свидетельствует, что в подавляющем большинстве губерний существовал избыток жеребцов, являвшийся следствием преобладания в этой отрасли мелкого крестьянского хозяйства. В 1912 г. на одного жеребца приходилось 13,4 кобыл, что тоже свидетельствует о сохранении избытка жеребцов. Однако численность губерний с таким избытком со-

Харьков, 1905. С. 60; Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 8; Исследования современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. I. М., 1884. С. В40.

⁴⁵⁵ Там же. Вып. II. С. А70.

⁴⁵⁶ Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России... С. 14.

⁴⁵⁷ Свамицкие З.М. и Н.А. Земские подворные переписи. 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926. С. 57, 342.

⁴⁵⁸ Труды областного съезда по животноводству с 14-го по 24-е сентября 1913 г. в г. Харькове. Т. I. Харьков. 1905. С. 193.

⁴⁵⁹ Баталин. Ф.А. Справочная книга русского сельского хозяина.... С. 337.

⁴⁶⁰ Конская перепись 1882 г. СПб., 1884.

кратилась почти в полтора раза: с 42 до 26⁴⁶¹. Это свидетельствует о зарождение процесса нарушения воспроизводства рабочего скота в крестьянских хозяйствах. Оставив «домашнее конеразведение», констатировал один из современников, «крестьяне перешли к покупке лошадей на ярмарках и базарах»⁴⁶².

Нарушение воспроизводства рабочего скота было связано еще с одним очень важным явлением. «Обыкновенная ежегодная прибыль, — читаем мы в справочнике Ф.А. Баталина, — полагается (то есть сколько получается приплода, если принять в счет случаи яловости, скидышей и смерти молодых животных в течение первого года жизни) на 100 кобыл — 50 жеребят»⁴⁶³. Следовательно, в 1912 г., на 7,2 млн. кобыл должно было приходиться 3,6 млн. жеребят. Однако военно-конская перепись зарегистрировала их только 1,2 млн.⁴⁶⁴ Если весь недоучет лошадей на основании материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г. отнести на долю жеребят, этот показатель можно увеличить вдвое⁴⁶⁵, что даст на 100 кобыл 30 жеребят. Это значит, что холощенными могло быть около 40% кобыл.

Использование имевшегося в этом отношении потенциала прежде всего сдерживала узость кормовой базы. В то же время нельзя не учитывать, что беременность на несколько месяцев делала невозможным сначала использования лошади на полную силу, а затем и вообще. Между тем в Европейской России преобладали однолошадные и двухлошадные крестьянские хозяйства, в которых было сосредоточено около половины всех лошадей⁴⁶⁶, а жеребение обычно приходилось на время начала полевых работ. Поэтому считая «жеребость матки» «помехой»⁴⁶⁷, крестьяне смотрели «на своих жеребьевых кобыл, как на зло»⁴⁶⁸.

По данным военно-конской переписи 1888–1891 гг., на территории 48 губерний Европейской России насчитывалось 14,5 млн. лошадей в рабочем возрасте, из них 7,8 млн. лошадей являлись маломерными, 6,7 млн. полномерными, соответственно 54 и 46%. Следовательно, *в конце XIX в. более половины рабочего скота принадлежало к низкорослым породам лошадей, которые, по мнению современников, являлись «совершенно негодными с точки зрения правильного хозяйства»*⁴⁶⁹.

В результате этого в России на 100 дес. посева требовалось больше лошадей, чем в Западной Европе. По этой же причине, констатировал современник,

⁴⁶¹ Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914. С. 2.

⁴⁶² Дневник Всероссийского съезда коннозаводчиков и Всероссийская конская выставка. 1910. № 13. 29 августа. С. 4 (выступление П.Н. Лодыгина).

⁴⁶³ Баталин Ф.А. Справочная книга русского сельского хозяина... С. 347.

⁴⁶⁴ Военно-конская перепись 1912 г... С. 2.

⁴⁶⁵ И действительно, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. на территории 47 губерний Европейской России было зарегистрировано 2,3 млн. жеребят до года (Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Пг., 1916. С. 634).

⁴⁶⁶ Военно-конская перепись 1912 г... С. 2, 148.

⁴⁶⁷ Урусов С.П. Крестьянское коневодство, его современное состояние и пути улучшения // Труды Первого Всероссийского съезда коннозаводчиков в 1910 г. Т. 2. Доклады и материалы. М., 1910. С. 267–268.

⁴⁶⁸ Труды областного съезда по животноводству... С. 55–56.

⁴⁶⁹ Витмер Б.А. Заметки по коневодству в России // Ежегодник ГУЗЗ по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. СПб., 1908. С. 235.

«в России в заграничные орудия и машины приходится впрягать большее число лошадей, чем показано в прейскурантах»⁴⁷⁰. Недостаток животной тяги не только сдерживал процесс механизации земледельческого производства, но и не позволял обрабатывать землю в соответствии с существовавшими агротехническими требованиями.

Характеризуя упадок российского коневодства, С.П. Урусов писал в 1909 г. что «битюки» исчезли, «погибла и отошла в область предания вятка», «совершенно то же» следует сказать «об обвинке», «слава эстонского клеппера пережила его самого», выродилась «жмудка». «Можно было бы приблизительно то же сказать и о других туземных породах: великорусской, малороссийской, крымской, донской, калмыцкой, черноморской, кабардинской, карабахской, башкирской, киргизской, тувимской и других, но это завело бы нас чересчур далеко; достаточно и сказанного, чтобы констатировать несомненное исчезновение пород, украшенных сединою веков и составляющих гордость отечественного конезаводства»⁴⁷¹.

Однако этот процесс имел более сложный, противоречивый характер, чем казалось многим современникам. С одной стороны, материалы военно-конских переписей 1888–1891 и 1912 гг. свидетельствуют о сокращении численности маломерного скота: с 7,8 млн. голов она уменьшилась до 5,0 млн., с 54 до 32%, с другой стороны. происходило увеличение браковки полномерных лошадей: с 53 до 69%⁴⁷².

Крупный рогатый скот. Второе после лошадей по значению место в животноводстве дореволюционной России занимал крупный рогатый скот. В России существовали следующие основные породы местного скота: великорусская (чернобелая), западно-славянская (красная), серая степная, калмыцкая и киргизская⁴⁷³.

«Южно-русский скот, — говорится в материалах «валуевской комиссии» 1873 г., — весит в туше (убойный вес) от 16 до 20 пудов, холмогорский до 17 пудов, калмыцкий от 13 до 15 пудов, ливонский (западнорусский) — от 10 до 12 пудов, русский — от 6 до 7 пудов»⁴⁷⁴. Получается, что живой вес колебался от 12 до 40 пудов. Издание Министерства государственных имуществ «Сельское и лесное хозяйство России» определяло в 1893 г. убойный вес степного скота в 17,6 пуд., великорусского — в 7 пуд.⁴⁷⁵, что соответствовало 35 и 14 пудам живого веса⁴⁷⁶.

⁴⁷⁰ Придорогин М.И. Улучшение русской лошади. Современное состояние коневодства в России. Меры и средства его улучшения // Там же. С. 378.

⁴⁷¹ Урусов С.П. Краткий очерк положения коневодства в России // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ и Лесному департаменту. 1908 г. СПб., 1909. С. 587–589.

⁴⁷² Предварительные данные военно-конской переписи 1888. Б.м., б.д.; Предварительные данные военно-конской переписи 1891. СПб., 1892; Предварительные данные военно-конской переписи, произведенной в 1912 г. в 78 губерниях Империи. СПб., 1913.

⁴⁷³ Саковский К.К. Крупный рогатый скот в России в начале 20-го столетия под влиянием экономических и зоотехнических факторов. СПб., 1907. С. 20–41.

⁴⁷⁴ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Доклад. Журналы Комиссии. СПб., 1873. С. 1.

⁴⁷⁵ Кулешов П.Н. Животноводство и молочное хозяйство // Сельское и лесное хозяйство в России. СПб., 1893. С. 273.

⁴⁷⁶ Лохтин П. Указ. соч. С. 276.

По всей видимости, эти сведения были основаны главным образом на измерении южного скота на столичных бойнях. Основная масса скота имела более скромные показатели.

Так, организаторы подворной переписи 1880-х гг. по Курской губернии, включенной К.К. Саковским в ареал распространения серого степного скота, констатировали, что здесь «убойный вес коров обыкновенно колеблется между 6–8 пуд., 9–10 пудов уже довольно редкий и причисляется к крупному»⁴⁷⁷. Это значит, что в Курской губернии средний живой вес серого степного скота колебался между 12 и 16 пудами и в среднем составлял около 14 пудов, а экземпляры с живым весом 18–20 пудов, причислявшиеся к крупному скоту, представляли собой редкость.

«Где его (скот — А.О.) кормят лучше, — констатировал Н.П. Чирвинский в начале 900-х гг., — убойный вес коров поднимается до 8 пудов, живой вес до 18 пудов, но с ухудшением питания убойный вес падает до 6 и даже 4,5–5 пудов, что, по-видимому, и составляет уже низший предел, до которого может опуститься убойный вес взрослого крупного рогатого скота»⁴⁷⁸.

Однако в некоторых губерниях встречался крупный рогатый скот в семь, шесть, пять и даже четыре пуда живого веса⁴⁷⁹. Справочник Ф.А. Баталина определял *средний вес великорусской коровы в 15 пудов, за границей он составлял от 20 до 48 пудов*⁴⁸⁰.

Специального изучения требует вопрос и об удоях российских коров. По мнению А.А. Калантар средний удой крестьянских коров около 680 литров или же 56,8 ведра, а средний удой помещичьего скота — «не выше 875 литров», т.е. 73 ведра в год⁴⁸¹. А поскольку помещикам принадлежала незначительная часть коров, в среднем можно взять 60 ведер. В 60 ведер определял надой молока от средней великорусской коровы «справочник» Ф.А. Баталина⁴⁸². А.А. Радциг использовал более высокий показатель — 72 ведра⁴⁸³.

Для сравнения. В конце XIX в. удои коров в Австро-Венгрии и Франции составляли около 100 ведер, в Италии — 113, в Норвегии — 120, в Швеции — 126, в США — 142, в Англии, Германии и Канаде — 145, в Бельгии и Дании — 150, в Швейцарии — 170, в Голландии — 175⁴⁸⁴.

Еще до отмены крепостного права появились сведения о снижении продуктивности крупного рогатого скота. «Скотоводство в южной России, видимо, приходит в упадок, — констатировал один из современников в 1844 г. — День ото дня мельчает порода тамошнего скота и племя тех знаменитых украинских быков, которые

⁴⁷⁷ Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. II... С. А20.

⁴⁷⁸ Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России... С. 14.

⁴⁷⁹ Кулешов П.Н. Скотоводство севера и юга России. СПб., 1900. С. 11; Соловьев. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. С. 371; Отчет Чирвинского // Исследования современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. 1... С. В40.

⁴⁸⁰ Лохтин П. Указ. соч. С. 276.

⁴⁸¹ Калантар А. Животноводство // Россия в конце XIX в. СПб., 1900. С. 183.

⁴⁸² Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 353.

⁴⁸³ Там же. С. 38–39.

⁴⁸⁴ Радциг А.А. Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах. СПб., 1899. С. 67.

лет за 50 тому назад славились во всей Европе своим ростом и силой — почти исчезло... У крестьян скот особенно мелок»⁴⁸⁵.

На этот счет мы имеем многочисленные свидетельства современников: «валуевская комиссия»⁴⁸⁶, П.А. Пахомов⁴⁸⁷, Е.А. Богданов и И.В. Синицын⁴⁸⁸, П.Н. Кулешов⁴⁸⁹, Н.П. Чирвинский⁴⁹⁰, А.Г. Щербатов⁴⁹¹.

Если в 1893 г. П.Н. Кулешов констатировал: убойный вес степного скота равняется 17 пудам 25 фунтам, великорусского — 7 пудам⁴⁹², то в 1900 г. «на петербургской бойне туша черкасского скота весила около 15 пуд, русского 7 пуд.», в среднем — «10,54 пуда»⁴⁹³. «До 1882 г. — отмечали Е.А. Богданов и И.В. Синицын, — средний вес туши степного скота был в Москве около 17–18 пудов, причем сало весило 2–2,5 пуда. В 1889–1890 гг. такая туша имела вес немногим более 15 пудов, причем сала получалось от 1 пуда 39 фунтов до 2 пудов 2 фунтов. Для 1902 г. П.Н. Андреевым указывается средний вес туши 14 пудов 34 фунта, а сало при этом весит 1 пуд 29 фунтов». Снижение убойного веса крупного рогатого скота продолжалось и в начале XX в.: 1903 — 14 пудов 15 фунтов, 1904 — 14 пудов 22 фунта, 1905 — 14 пудов 01 фунта, 1906 — 13 пудов 36 фунтов, 1907 — 13 пудов 35 фунтов⁴⁹⁴.

Овцеводство. Считается, что до конца XVII в. России разводили только «овец простых пород», т.е. грубошерстных. Тонкорунных овец привезли из Испании и Пруссии лишь при Петре I⁴⁹⁵. С 1808 г. по 1861 г. их поголовье увеличилось примерно с 0,8 млн.⁴⁹⁶ почти до 12,0 млн.⁴⁹⁷. На этом уровне оно колебалась до начала 1880-х гг.: табл. 3.25.

⁴⁸⁵ Лошакарев С. Путевые заметки о сельском хозяйстве южной России // Труды ВЭО. 1844. Треть последняя. С. 733.

⁴⁸⁶ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение II. СПб., 1873. С. 6; Там же. Приложение VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в Комиссию. СПб., 1873. С. 28–29 (выступление П.Д. Селецкого, Киевская губерния).

⁴⁸⁷ Пахомов П.А. Очерки по русскому скотоводству // Ежегодник ГУЗЗ по Департаменту земледелия. Год третий. СПб., 1910. С. 428, 439.

⁴⁸⁸ Богданов Е.А., Синицын И.В. Мясной вопрос в России и современное положение ското- и мясопромышленности в России. М., 1912. С. 6, 9.

⁴⁸⁹ Кулешов П.Н. Сельскохозяйственный кризис и мясное скотоводство. М., 1895. С. 4.

⁴⁹⁰ Чирвинский Н.П. Учебник скотоводства и скотоврачевания для низших сельскохозяйственных учебных заведений. Вып. 2. СПб., 1912. С. 95, 116.

⁴⁹¹ Петров Н. К вопросу о массовом улучшении скотоводства в России // Сельское хозяйство и лесоводство. 1902. № 2. С. 284.

⁴⁹² Кулешов П.Н. Животноводство и молочное хозяйство // Сельское и лесное хозяйство в России. СПб., 1893. С. 273.

⁴⁹³ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. С. 10–11.

⁴⁹⁴ Богданов Е.А., Синицын И.В. Указ. соч. С. 9.

⁴⁹⁵ Чернопьятов И. Исторический очерк развитие тонкошерстного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его. М., 1873. С. 3–10.

⁴⁹⁶ Правохенский Р.Р. Овцеводство в России // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ. Год третий. СПб., 1910. С. 466.

⁴⁹⁷ Сборник сведений по Департаменту земледелия. Вып. 2. СПб., 1880. С. 52–68.

Таблица 3.25

Динамика овцеводства во второй половине XIX – начале XX в.

Год	Всего	Грубошерстные	Тонкорунные	в %%
1851	37,5	29,5	8,0	21,3
1856	40,7	32,1	8,6	21,1
1861	42,4	30,6	11,8	27,8
1866	44,7	33,5	11,3	25,3
1871	44,2	34,1	10,1	22,8
1876	44,9	34,8	10,1	22,5
1882	45,3	33,3	12,0	26,5

Источники: Сборник сведений по Департаменту земледелия. Вып. 2. СПб., 1880. С. 52–68; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 240.

Хотя к началу 1880-х гг. тонкорунное овцеводство существовало в 34 губерниях Европейской России, однако 55% его поголовья было сосредоточено всего в трех губерниях: Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Если принять во внимание еще шесть губерний (Харьковскую, Полтавскую, Саратовскую, Донскую, Воронежскую, Бессарабскую) этот показатель поднимется до 86%, а если к ним добавить еще три губернии (Тамбовскую, Пензенскую, Волынскую) — до 92%. Это значит, что почти все поголовье тонкорунных овец были сосредоточены в 12 губерниях.

Несмотря на то, что первая половина XIX в. характеризовалась стремительным развитием тонкорунного овцеводства, наиболее распространенным видом все-таки оставалась грубошерстная овца⁴⁹⁸.

Очерчивая границы распространения грубошерстной овцы, Я.Я. Полферов писал: «В районах Северном, Северо-восточном, Верхневолжском и Промышленном, охватывающих в общем 23 губернии, а именно: Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Архангельскую, Вологодскую, Пермскую, Вятскую, Олонецкую, Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Владимирскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, Смоленскую, Могилевскую, Минскую и Витебскую, разводится... исключительно простая грубошерстная овца с преимущественным использованием ее для собственного продовольствия»⁴⁹⁹.

За пределами указанных выше двух регионов находилось еще 15 губерний, в которых одновременно разводили и мериносовых, и грубошерстных овец, но главную роль играли последние.

Пореформенное овцеводство было единственной отраслью животноводства Европейской России, поголовье которой сокращалось. Сокращение поголовья овец

⁴⁹⁸ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 240–241.

⁴⁹⁹ Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства. Экономическая монография. СПб., 1915. С. 34.

происходило главным образом за счет сокращения численность тонкорунных овец. При этом происходило перемещение тонкорунного овцеводства из Европейской России на окраины, в частности на Северный Кавказ⁵⁰⁰.

С 1882 по 1912 г. доля мериносовых овец в общем поголовье сократилась более чем в пять раз и опустилось ниже уровня 1851 г.

Таблица 3.26

Динамика овцеводства во второй половине XIX – начале XX в.

Год	Всего	Грубошерстные	Тонкорунные	% тонкорунных овец
1882	45,3	33,3	12,0	26,5
1896	46,3	41,0	5,3	11,4
1902	47,8	43,0	4,8	10,0
1912	39,6	37,5	2,1	5,3

Источники: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России. Экономическая монография. Пг., 1915. С.5. Млн. голов.

В 1882 г. тонкорунные овцы составляли 26% всего поголовья овец, через 30 лет, в 1912 г., немногим более 5%.

Мериносовые овцы давали примерно в полтора раза больше шерсти на одну голову, причем шерсти более высокого качества, чем грубошерстные овцы. Превосходили они грубошерстных овец и по весу. По утверждению П.Н. Кулешова, в середине 1890-х гг. средний убойный вес мериносного валуха достигал 2 пуда 20 фунтов, а короткохвостой северной овцы — лишь 1 пуд 10 фунтов⁵⁰¹. В чем же тогда заключались причины кризиса этой отрасли овцеводства?

С одной стороны, это изменения на мировом рынке, куда хлынула дешевая овечья шерсть из Австралии и Америки. «Конкуренция со стороны дешевой шерсти, доставляемой из Австралии и Южной Америки, — писал Н.П. Кулешов, — была и будет одной из самых важных причин уменьшения [нашего] овцеводства и его медленного улучшения в качественном отношении»⁵⁰².

Другая причина заключалась в распашке земель и в связанном с этим сокращении пастбищ и сенокосов на юге Европейской России. «Быстрое развитие зернового хозяйства в России и как следствие этого уменьшение количества пастбищных угодий, а также повышение арендных цен на землю, — писал П.Н. Кулешов, — были главными причинами сокращения овцеводства во многих губерниях и особенно в южных»⁵⁰³.

⁵⁰⁰ Шацкий П.А. Перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию Предкавказья // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев. 1966. С. 640–650.

⁵⁰¹ Кулешов П.Н. Животноводство и молочное хозяйство... С. 273.

⁵⁰² Кулешов П.Н. Овцеводство. Пг., 1916. С. 7; Кулешов П.Н. Скотоводство на севере и юге России... С. 13.

⁵⁰³ Кулешов П.Н. Овцеводство... С. 4. См. также: Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России... С. 45.

Но происходило не только изменение структуры поголовья овец. «Главная масса овец (почти 9/10), содержащихся в крестьянских хозяйствах, — констатировал П.Н. Кулешов, — питается крайне скудно и летом, и зимой... Летом овцы пасутся только по скудным парам и жнивьям, а зимой их кормят соломою, хоботьями и в редких случаях дают немного сена. При таких условиях не может быть и речи о высокой производительности шерсти и развитии мясных качеств. Овцы неизбежно вырождаются и мельчают»⁵⁰⁴.

В 1900 г. такой крупный специалист в области животноводства, как П.Н. Кулешов писал: «Из простой овцы получается в среднем около 2 пудов мяса, правда, не особенно вкусного, но о качестве мяса никто не заботится, крестьянин не требователен»⁵⁰⁵. А в 1916 г. он же отмечал: «Даже взрослые овцы в большинстве крестьянских хозяйств Европейской России дают от 30 до 50 фунтов мяса и бараны — от 1,5 до 2 пуд., ягнята-годовики — от 20 до 30 фунтов»⁵⁰⁶.

Одновременно имело место сокращение настрига шерсти. В 1896–1900 гг. П.Н. Кулешов определял выход шерсти грубошерстных овец в 5 фунтов. В 1916 г. он писал: «При двукратной стрижке получают от барана 4-5 фунтов шерсти и от маток 3–4 фунта шерсти»⁵⁰⁷. Накануне Первой мировой войны даже с учетом тонкорунного овцеводства средний выход шерсти достигал лишь 4,5 фунта.

Таким образом, в рассматриваемое время происходило не только сокращение численности овец, не только изменение структуры его поголовья (падение роли тонкорунных пород и возрастание роли грубошерстных пород), но и снижение их продуктивности. Это касалось и снижения выхода шерсти, и ухудшения ее качества, и сокращении живого и убойного веса. Налицо все признаки деградации данной отрасли.

Свиноводство. В 1896 г., по данным Ветеринарного управления, в Европейской России насчитывалось 13255616 свиней, из них 981611 было сосредоточено в Минской губернии, 875529 — в Черниговской, 596209 — в Киевской, 582291 — в Волынской, 566722 — в области войска Донского, 581215 — в Подольской, 497881 — в Могилевской, 411220 — в Орловской, 406759 — в Полтавской, 393648 — в Харьковской, 391375 — во Владимирской, 385618 — в Бессарабской, 391375 — в Виленской, 344298 — в Гродненской и 342629 — в Херсонской, итого в 15 губерниях — 7748380 голов, или же 58%⁵⁰⁸.

На территории Европейской России широко были распространены два вида свиней: длинноухие и короткоухие. Первую породу в литературе называли европейской или чухонской⁵⁰⁹, вторую — простой русской.

«В Привисленском крае, — писал И.А. Каширский, — северо-западных и северных губерниях Европейской России (и на Кавказе) преобладает длинноухая по-

⁵⁰⁴ Кулешов П.Н. Овцеводство России (1916) // Избранные труды. М., 1949. С. 203; см. также: Там же. С. 75, 77.

⁵⁰⁵ Кулешов П.Н. Скотоводство на севере и юге России... С. 12.

⁵⁰⁶ Кулешов П.Н. Овцеводство России... С. 204.

⁵⁰⁷ Именно такое количество шерсти (3,7–4,0 фунта в год) давала архангельская овца (Анисимов П.Н. Современное состояние овцеводства в Архангельской губернии // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912. Т. 1. М., 1913. С. 8).

⁵⁰⁸ Отчет Ветеринарного управления МВД за 1896 г. СПб., 1899. С. 10–15.

⁵⁰⁹ Там же. С. 202–203.

рода свиней, известная здесь по названию чухонской, на остальном же пространстве Европейской России и Сибири распространен тип короткоухой свиньи, называемой простой русской породой»⁵¹⁰.

Между длинноухой и короткоухой свиньями было много общего. И самое главное заключалось в их медленном развитии. Поэтому, констатировал современник: «разведение мелких короткоухих свиней в чистом виде так же малоодоходно, как и разведение длинноухих»⁵¹¹.

В отличие от лошади и коровы для свиньи характерна особая плодовитость. Свинья, писал А. Советов, «в плодовитости из всех домашних животных уступает только кролику»⁵¹². Однако несмотря на то, что свиноматка могла приносить зараз до 10–20 поросят⁵¹³, И.И. Калугин писал, что у «русской простой свиньи» «плодовитость маток» была «невелика (5–6 поросят)»⁵¹⁴.

Между тем, проблема заключается не только в том, чтобы родить, но и в том, чтобы выходить. Справочник Ф.А. Баталина определял гибель поросят до года в 24%, а после года в 3–8%, т.е. примерно в 5,5%⁵¹⁵. По свидетельству Л.Н. Мордовина «смертность *весьма часто* достигала «30–50% *наличного состава стада*»⁵¹⁶. В. Бертенсон писал, что в Бессарабской губернии «средний ежегодный процент смертности от sporadических болезней» был «равен 2–4%, а от заразных 22–75%», что в среднем составляет 51,5%⁵¹⁷. «Небрежный уход, — констатировал известный зоотехник профессор М.Ф. Иванов, — приносит огромные убытки. Что пользы в том, если свинья приносит 12–14 поросят, выращивают из них 3–4 штуки!»⁵¹⁸. Потери — 65–80%.

По всей видимости, а) чем больше рождалось поросят, тем больше их гибло и б) чем более культурнее была порода, тем болезненнее она реагировала на низкую температуру в помещении, плохой уход и заразные болезни.

Интенсивный рост свиньи продолжается до 6 месяцев. К этому времени она может достигнуть 4–5 пудов живого веса⁵¹⁹, после чего происходит замедление ро-

⁵¹⁰ Каширский И.А. Свиноводство. Практическое руководство для русских сельских хозяев. СПб., 1904. С. 16–17.

⁵¹¹ Юргенсон И.И. Свиноводство. Ревель, 1906. С. 9.

⁵¹² Советов А. Свинья // Энциклопедический словарь Т. XXIX. СПб., 1900. С. 147.

⁵¹³ Придорогин М.И. Краткий курс свиноводства. СПб., 1898. С. 21; Кулешов П.Н. Свиноводство. СПб., 1911. С. 85; Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 340.

Нейштубе С.Т. Практическое свиноводство. Рациональные способы содержания и кормления свиней при условии дешевизны и выгодности их в связи с требованиями иностранных рынков. СПб., 1891. С. 12; Аликаев В.А. Выращивание поросят. М., 1940. С. 3; Советов А. Свинья // Энциклопедический справочник. Т. XXIX. СПб., 1900. С. 147; Бертенсон В. Состояние свиноводства в Бессарабской губернии и меры к его развитию. СПб., 1900. С. 9.

⁵¹⁴ Калугин И. Свинья и ее породы // ПЭРСХ. Т. VIII. СПб., 1903. С. 870.

⁵¹⁵ Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 348.

⁵¹⁶ Мордовкин Л.Н. Свиноводство и мероприятия ДЗ по улучшению этой отрасли животноводства // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ и ЛД. 1908. С. 262.

⁵¹⁷ Бертенсон В. Указ. соч. С. 9.

⁵¹⁸ Иванов М.Ф. Избранные сочинения. Т.2. М., 1949. С. 419.

⁵¹⁹ Богданов Е.А. Спутник животновода по кормлению сельскохозяйственных животных. М., 1925. С. 220.

ста. Поэтому, как писал П.Н. Кулешов, убой основной массы свиней производился в период от 6 до 12 месяцев⁵²⁰. «Откорм, — констатировал один из современников, — обычно заканчивается к 9–10 месяцам»⁵²¹.

О том, в каком возрасте забивали свиней, свидетельствует следующий факт. Когда Департамент земледелия приступил к публикации цен на свиней, он начал с цен откормленных свиней (1883–1894 гг.), однако затем (с 1895 г.) отказался от этого и перешел к публикации цен на неоткормленных свиней⁵²². Это дает основание утверждать, что неоткормленные свиньи на рынке преобладали и основную массу поросят забивали до года.

«Так как свиней разводят на убой, то можно предположить, что они через каждые два года заменяются новыми», — писал в свое время Л.В. Тенгоборский⁵²³. Авторы «Опыта исчисления народного дохода» тоже исходили из того, что ежегодно забивается примерно половина свиней⁵²⁴.

При этом необходимо иметь в виду, что срок беременности свиньи составляет около 120 дней⁵²⁵. Это значит, что в течение года возможны два опороса. В таких условиях поголовье свиней имело возможность увеличиваться во много раз быстрее, чем поголовье других видов скота. Однако летом 1916 г. насчитывалось только 11,7 млн. поросят, причем 7,6 млн. до четырех месяцев (т.е. рожденных феврале–мае) и 4,1 млн. от четырех месяцев до года (т.е. рожденных не ранее июля 1915 — не позднее февраля 1916 г.).

В таком случае надо признать, что в общем на одну свиноматку приходился в год только один опорос. Следовательно, и здесь, как и в других рассмотренных отраслях животноводства мы видим ту же самую картину — неполное использование потенциальных возможностей для воспроизводства скота.

Длинноухая свинья достигала к году 6 пудов живого веса, к двум — 10 пудов⁵²⁶, в три — нередко «15–18 пуд.»⁵²⁷. К этому времени до 14 пуд. можно было выкормить и короткоухую свинью⁵²⁸. Однако, как отмечалось на страницах «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства», «обыкновенный вес» свиньи составлял на рубеже XIX–XX вв. «6–10 пуд.»⁵²⁹.

⁵²⁰ Кулешов П.Н. Свиноводство... С. 90–91.

⁵²¹ Васильев В. Свиноводство в крестьянском хозяйстве. Екатеринослав, 1916. С. 9.

⁵²² [1883–1914] год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1884–1915.

⁵²³ Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Ч. 1. М., 1854. С. 266.

⁵²⁴ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний... С. 40.

⁵²⁵ Там же. С. 339.

⁵²⁶ Кулешов П.Н. Животноводство и молочное хозяйство... 1893. С. 291.

⁵²⁷ Чирвинский Н.П. Учебник скотоводства и скотоврачевания для младших сельскохозяйственных школ. Вып. II... С. 202–203.

⁵²⁸ Каширский И.А. Указ. соч. С. 17.

⁵²⁹ Советов А. Указ. соч. С. 149; Крюков Н.А. Мясо и мясные животные // Ежегодник ГУЗЗ. Год шестой. 1912 г. СПб., 1913. С. 268; Кулешов П.Н. Животноводство и молочное хозяйство... С. 273.

Другие отрасли. Другой отраслью животноводства, которая играла заметную роль в дореволюционной деревне, являлось птицеводство⁵³⁰. Ориентировочное поголовье кур составляло около 210 млн. штук, гусей и уток — по 50 млн., итого 310 млн.⁵³¹

«Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» определяла расход зерна для курицы в 2–3 фунт 15 золотников или же 64 г в день, для кур весом до 10 фунтов 30 золотников, 128 г, что дает соответственно 11,5 и 23,0 кг на полгода. На практике домашняя птица получала в два раза меньше⁵³². В связи с этим С.П. Урусов констатировал, что крестьянское птицеводство «находится в крайне плачевном состоянии»⁵³³.

Один из крупнейших до революции специалистов в этой области И.И. Абозин (1846–1908) указывал, что простая курица весит от 3 до 6 фунтов, И.П. Попов утверждал, что простая деревенская курица весила «не более 5 фунтов»⁵³⁴, С.П. Урусов писал о «ничтожном живом весе» простой деревенской курицы «в 1½, 2½ и реже 3 фунта»⁵³⁵. В справочнике Ф.А. Баталина яйценоскость кур указывается в пределах от 70 до 180 яиц, но для беспородной русской курицы был характерен самый низкий из этих показателей. Утки несли в год от 40 до 50 яиц, гуси около 10⁵³⁶.

Из других отраслей следует назвать козоводство. Почти 70% поголовья коз было сосредоточено в 8 губерниях: Уфимская — 164,9 тыс., Донская — 93,9 тыс., Саратовская — 56,9 тыс., Самарская — 55,8 тыс., Астраханская — 48,5 тыс., Казанская — 33,9 тыс. и Бессарабская — 29,5 тыс. голов⁵³⁷.

Главное, из-за чего разводили коз — это молоко⁵³⁸. Некоторые современники называли козу «коровой бедняка»⁵³⁹. По одним данным коза могла давать в год до 45 ведер молока⁵⁴⁰, по другим около 50 ведер⁵⁴¹, по мнению третьих, «у русской некультур-

⁵³⁰ Гончаров В.П. Современное состояние птицеводства // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ и ЛД. СПб., 1908. С. 266–314.

⁵³¹ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 242.

⁵³² Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 15.

⁵³³ Урусов С.П. Птицеводство наше. Его современное состояние и пути улучшения // Областной съезд по животноводству. Харьков, 1903. С. 8.

⁵³⁴ Попов И.П. Вопросы русского скотоводства // Избранные статьи по некоторым вопросам отечественной скотопромышленности. СПб., 1912. С. 169.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 413–416.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Гомилевский В.И. Козоводство: молочное и шерстное. СПб., [1909]; Лайминг В.Н. Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка. Орел, 1911; Бойков В.И. Молочная коза. Краткие общедоступные сведения о молочных козах, их производительности, содержании, кормлении, разведении и перевозке. М., 1918; Он же. Коза молочная и шерстная. Пг., 1922; Платон И.Г. Коза как молочное животное. Орел, 1924.

⁵³⁹ Попов И.П. Вопросы русского животноводства. СПб., 1912. С. 189; Саковский К.К. Коза — корова бедняка. М., 1906; Урусов С.П. Коза, ее разведение, содержание и хозяйственное значение. СПб., 1912. С. 20; Коновал И.Е., Коза (корова бедняков). Чернигов, 1910; Бойков В.И. Коза - корова бедняка. М.-Л., 1926.

⁵⁴⁰ Русанов М. Русское овцеводство и козоводство. М., 1900. С. 28.

⁵⁴¹ Гомилевский В. Козоводство молочное и шерстное. СПб., 1909. С. 50.

ной козы удой» колебался «от 30 до 50 ведер», но его можно было «довести до производительности в 60–70 ведер, т.е. почти до количества, и даже больше можно получаемо от заурядной деревенской коровы»⁵⁴².

На севере Европейской России (главным образом в Архангельской губернии) разводили оленей, а на юге (главным образом в Астраханской губернии) — верблюдов. Кроме того, в большинстве губерний занимались пчеловодством. Однако значение этих отраслей было достаточно скромным.

В заключение необходимо отметить, что определенную роль в жизни крестьян Европейской России продолжали играть рыболовство и охота.

«Однако еще в середине XIX в. был поднят вопрос о сокращении рыбных запасов⁵⁴³ и о необходимости борьбы с их хищническим истреблением. Проведенное в 1900 г. обследование показало, что к началу XX века этот процесс продолжался, распространяясь на новые и новые территории. «В настоящее время, — писал в 1912 г. В.В. Кистяковский, — внутренние воды обезрыблены, а побережное и озерное рыболовство дает в полтора раза меньший улов, чем 15–20 лет назад», т.е. в 1891–1896 гг.⁵⁴⁴

Признавая, что «в пореформенное время слышались жалобы на то, что улов сокращался», Б.Н. Миронов утверждает, что «в действительности улов рыбы значительно возрос». «Жалобы на сокращение лова, — пишет он, — объяснялись перемещением промысла рыбы с верховьев рек в низовья, затем в устья, наконец, в море»⁵⁴⁵. Между тем, если 1893 г. улов рыбы в Европейской России составлял 68 млн. пудов⁵⁴⁶, то в 1910 г. — 56,3 млн.⁵⁴⁷

Подобная же картина наблюдалась с охотой, которая была распространена главным образом на Пермскую, Вятскую, Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Новгородскую и часть Уфимской, Казанской, Ярославской, Тверской губерний. Однако и здесь расцвет этого промысла уже был в прошлом. Материалы проведенного здесь обследования установили «всюду» «упадок охотничьего промысла»⁵⁴⁸, в результате чего охотничий промысел все больше перемещался за Урал.

⁵⁴² Коренева Е.Ф. Необходимость возможно точно определить пригодность русских коз белой масти как кормилиц // Труды II Всероссийского съезда птицеводов. Ч.2. М., 1910. С. 18.

⁵⁴³ Grimm O.A. Об уменьшении количества красной рыбы в бассейне реки Волги. СПб., [1870]; Он же. Об уменьшении количества белорыбицы и сельди в Каспийско-Волжском бассейне и мерах противодействия сему. СПб., [1898]; Он же. Отчего в прудах караси перевелись. СПб., 1902.

⁵⁴⁴ Кистяковский В.В. Учебник экономической географии: Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.-Киев, 1912. С. 121.

⁵⁴⁵ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 296.

⁵⁴⁶ Grimm O.A. Рыболовство // Сельское и лесное хозяйство России. СПб., 1893. С. 539–544.

⁵⁴⁷ Борисов П.Г. Рыболовство в России. М., 1916. С. 5. О состоянии рыболовства накануне Первой мировой войны см.: Рыбный промысел (1909–1913 гг.) // Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год восьмой... С. 260–306.

⁵⁴⁸ Полферов Я.Я. Продукты охотничьего промысла в предстоящем пересмотре торговых договоров. Вып. V. Пг., 1915. С. 8, 10, 12.

Доход от животноводства

До революции было сделано «около двух десятков различных исчислений и оценок народного дохода и совокупного продукта дореволюционной России, большинство которых, — как считал А.Л. Вайнштейн, — по-видимому, осталось малоизвестным широкому кругу экономистов и статистиков»⁵⁴⁹. Наибольшую известность среди них получил расчет, опубликованный в 1918 г. под названием «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг.»⁵⁵⁰. Однако авторы «Опыта» ставили перед собой задачу определить национальный, а не валовой доход, что не позволяет воспользоваться их данными для характеристики производительности животноводства Европейской России в начале XX в. и делает необходимым новое обращение к данной проблеме⁵⁵¹.

Начнем с коневодства.

Если суммировать стоимость воспроизводства поголовья лошадей, а также стоимость продуктов коневодства (мясо, шкуры, хвосты и гривы, навоз), мы получим на 1909–1913 гг. 282,9 млн. руб.: табл. 3.27.

Таблица 3.27
Стоимость продуктов коневодства в Европейской России. 1909–1913 гг.

Продукция	Количество	Цена (коп.)	Стоимость (млн. руб.)
Воспроизводство (млн. голов)	1,2	68	81,6
Мясо (млн. пуд.)	10,8	2,40	25,9
Шкуры (млн. шт.)	1,2	6,00	7,2
Хвосты (тыс. пуд.)	30,0	25,86	0,8
Гривы (тыс. пуд.)	15,0	11,09	0,2
Навоз (млрд. пуд.)	12,1	1,4	169,4
Итого	—	—	285,1

Источник: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 276.

Однако при этом, необходимо учитывать, что главная цель коневодства заключалась в выращивании и содержании скота для выполнения тягловых работ. Следовательно, в его доход входили не только воспроизводство рабочего скота как живого двигательного механизма, но и выполнение им тягловых работ, предполагающее расход постоянно возобновляемой коневодством энергии.

⁵⁴⁹ Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 30.

⁵⁵⁰ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918.

⁵⁵¹ В 1954 г. Е.С. Карнаухова были приведены данные о валовом доходе животноводства России на 1910 г. (общий объем — 2013 млн. руб., крупный рогатый скот — 1518 млн. руб., овцеводство — 173 млн. руб., коневодство — 170 млн. руб., свиноводство — 155 млн. руб.), однако происхождение этих расчетов указано не было (Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. 1860–1914 гг. М., 1951. С. 135).

Признавая необходимость учета этого показателя, авторы «Опыта исчисления народного дохода» то же время писали: «Наиболее спорным является вопрос о доходности коневодства. Очевидно, в этот доход не может быть поставлена работа лошади по обработке земли, она уже учтена в стоимости хлебов и торгово-промышленных растений. Работа лошади в извозе должна быть отнесена в доход извозного промысла»⁵⁵².

С точки зрения определения национального дохода, создаваемого всем народным хозяйством страны, эта логика не вызывает возражений, но с нею нельзя согласиться ни при определении национального дохода создаваемого в животноводстве, ни тем более при определении создаваемого здесь валового внутреннего продукта.

Как тягловая сила, лошадь, прежде всего, использовалась в земледелии. На рубеже XIX–XX вв. в среднем по Европейской России на десятину посева затрачивалось 13,6 конных дней. Общая площадь посева зерновых достигала 72,8 млн. дес.⁵⁵³, следовательно, расход времени в зерновом производстве составлял 990 млн. конных рабочих дней. Кроме того, еще 5 млн. дес. находились под другими культурами⁵⁵⁴. Это еще минимум 68 млн. конных рабочих дней, что дает в итоге не менее 1058 млн. рабочих дней.

Кроме того, лошади использовались для местных перевозок. К сожалению, объем этих перевозок нам неизвестен. Поэтому ограничимся только двумя показателями. Прежде всего — это перевозка сена, сбор которого накануне Первой мировой войны составлял примерно 2000 млн. пуд. Еще более важную роль играли грузы, доставляемые к железнодорожным станциям, речным и морским пристаням. В 1913 г. по железным дорогам было перевезено 7980 млн. пуд (без Финляндии)⁵⁵⁵. Из них на Европейскую Россию (пропорционально населению — 74%⁵⁵⁶) приходилось около 6000 млн. пуд. Итого не менее 9000 млн. пуд. Средняя грузоемкость повозки составляла 15 пудов⁵⁵⁷. Следовательно, для транспортировки указанного объема требовалось не менее 600 млн. поездов. Если взять среднее расстояние перевозок в 3 версты, это даст 5 поездов в день⁵⁵⁸, или же 120 млн. рабочих дней. Суммируем и получаем 1178, или округленно 1180 млн. рабочих дней.

В 1909–1913 гг. средняя заработная плата конного рабочего составляла 172 коп., средняя заработная плата пешего рабочего — 82 коп.⁵⁵⁹, следовательно, «труд» лошади оценивался примерно в 90 коп. 0,9 руб. в день на 1178 рабочих дней — это около 1060 млн. руб.

1060 млн. плюс 285 млн. получается 1353 млн. руб. Таким образом, исключив из своих расчетов стоимость выполняемых лошадьми работ, авторы «Опыта» су-

⁵⁵² Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода // Труды ВЭО. 1906. № 6. С. 22.

⁵⁵³ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 205.

⁵⁵⁴ Там же. С. 203–205.

⁵⁵⁵ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. 1913 г. Общие итоги перевозок. Б.м., б. г. С. 8.

⁵⁵⁶ Россия. 1913 год. Статистико-экономический справочник. СПб., 1995. С. 16.

⁵⁵⁷ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 119.

⁵⁵⁸ Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 43–44.

⁵⁵⁹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 532–533. Поденная плата на своих харчах, в коп.

щественно исказили роль коневодства и в самом животноводстве, и в сельском хозяйстве дореволюционной России.

Доход от крупного рогатого скота включал в себя воспроизводство его поголовья, стоимость молока, мяса, шкур и навоза: табл. 3.28.

Таблица 3.28

Доход Европейской России начала XX в. от крупного рогатого скота

Продукция	Количество	Цена (руб.)	Стоимость (млн. руб.)
Воспроизводство (млн. голов)	2,6	—	68,9
Мясо и жир (млн. пуд.)	68,5	4,43	303,5
Субпродукты (млн. пуд.)	6,8	2,22	15,1
Молоко (млн. ведер)	1098	0,60	658,8
Кожа (млн. шт.)	12,1	—	65,8
Использование волов	2,6	—	71,0
Навоз (млрд. пуд.)	10,9	1,4	152,6
Всего	—	—	1335,7

Источник: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 282.

Таким образом, доход от крупного рогатого скота достигал 1,4 млрд. руб. и был сопоставим с доходом от коневодства.

Главная цель овцеводства — получение шерсти. В то же время овцеводство давало мясо и овчины, молоко и навоз: табл. 3.29.

Таблица 3.29

Доход от овцеводства Европейской России в начале XX в.

Виды продуктов	Продукты	Цены (руб.)	Стоимость (млн. руб.)
Обновление (млн. голов)	7,5	5,58	42,2
Шерсть (млн. пуд.)	41,6	—	73,7
Мясо (млн. пуд.)	31,0	4,18	130,8
Сало (млн. пуд.)	3,0	6,18	18,5
Овчина (млн. шт.)	24,8	2,0	49,6
Навоз (млрд. пуд.)	1,4	1,4	19,6
Всего	—	—	334,4

Источник: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 285.

Итак, доход от овцеводства составлял около 334 млн. руб. И хотя овец держали главным образом ради шерсти и овчин, они давали только 123 млн. руб. в то время, как мясо и сало — 149 млн. руб.

Главное назначение свиноводства заключается в производстве мяса и сала: табл. 3.30.

Таблица 3.30

Продукция свиноводства в Европейской России накануне Первой мировой войны

Продукция	Вес	Цена	Стоимость
Воспроизводство (млн. голов)	2,5	15,02	38,0
Мясо(млн. пуд.)	36,6	5,06	194,3
Сало(млн. пуд.)	36,6	8,21	301,2
Щетина (тыс. пуд.)	330	56,6	18,7
Навоз (млрд. пуд)	970	1,4	13,6
Всего	—	—	565,8

Источник: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 288.

Сделанный расчет показывает, что накануне Первой мировой войны доход от свиноводства составлял около 566 млн. руб.

Как уже отмечалось, авторы «Опыта исчисления» оставили в стороне доходы от птицеводства. Между тем воспроизводство поголовья домашней птицы составляло около 38,1 млн. руб., производство яиц — 67,9 млн. руб., птичьего мяса — 98,4 млн. руб., пуха и перьев — 19,4 млн. руб., всего 223,8 млн. руб.⁵⁶⁰

Если взять в качестве главного показателя производительности козоводства — стоимость молока, то ее можно определить примерно в 27,3 млн. руб. Если к этому добавить стоимость шкур (1,7 млн. руб.), пуха (1,6 млн. руб.) и навоза (0,1 млн. руб.), это составит 30,7 млн. руб.⁵⁶¹

2–5 млн. ульев могли дать 875 тыс. пудов меда, 262,5 тыс. пудов воска. При цене 7 руб. за пуд меда и 18 руб. за пуд воска, это даст около 15 млн. руб.⁵⁶²

Доход от оленеводства составлял не менее 0,5 млн. руб., от верблюдоводства — не менее 0,5 млн. руб.⁵⁶³

«Ежегодный улов рыбы во всех морях, реках и озерах России, констатировал П.Г. Борисов, — определяется в 70 млн. пуд ценностью свыше 150 млн. руб.»⁵⁶⁴. Из них 56,3 млн. пудов приходились на Европейскую Россию и 12,7 млн. пудов — на Азиатскую. А поскольку средняя цена пуда рыбы составляла 2,15 руб. (150 млн. руб.: 70 млн. пуд.), то стоимость 56,32 млн. пудов можно определить не менее чем в 120 млн. руб.

Если суммировать все данные, получается, что в начале XX в. стоимость животноводческой продукции составляла около 4,0 млрд. руб.: табл. 3.31.

⁵⁶⁰ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 294.

⁵⁶¹ Там же. С. 296.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Борисов П.Г. Указ. соч. С. 5. См. также: Кевдин В.А. Современное рыболовство в России. М., 1915. С. 45.

Таблица 3.31

Стоимость продуктов животноводства в Европейской России
начала XX в. (млн. руб.)

Отрасль	«Опыт исчисления»		Наш расчет	
	Абс.	%	Абс.	%
Круп. рог. скот	1092	63,1	1336	34,6
Коневодство	21	1,2	1345	34,9
Свиноводство	258	14,9	566	14,7
Овцеводство	284	16,4	334	8,8
Птицеводство	—	—	224	5,8
Другие отрасли	—	—	47	1,2
Кож	75	4,4	—	—
Итого	1730	100,0	3852	100,0
Рыболовство	—	—	120	—
Всего	1730	—	3972	—

Источник: Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 298.

Сделанный расчет свидетельствует, что роль животноводства в сельском хозяйстве дореволюционной России была значительно большей, чем это до сих пор представлялось. Это значит, что намного выше, чем это считается, была в экономике России и доля сельского хозяйства.

К этому можно добавить, что авторы «Опыта расчета» не только занизили роль животноводства в сельском хозяйстве Европейской России начала XX в., но и исказили существовавшее соотношение между отдельными его отраслями. Прежде всего это касается коневодства, которое имело в деревне почти такое же значение, как и разведение крупного рогатого скота. Более важную роль, чем считали некоторые современники, играло и свиноводство, особенно на фоне переживавшего кризис овцеводства. Весьма заметной была и роль птицеводства, которое авторами «Опыта» вообще было исключено из расчетов.

Опираясь на полученные данные, попробуем получить хотя бы ориентировочное представление о степени обеспеченности населения продуктами животноводства. Подобные расчеты делались ЦСУ СССР, однако их источники и методика остаются пока неизвестными.

Теперь посмотрим, какие виды продукции и в каком объеме давали отдельные отрасли животноводства. Начнем с мяса: таблица 3.32.

Приведенные данные свидетельствуют, что производство мяса давало более четверти всех доходов животноводства — 28%. Столько же — 28% — стоило использованию лошадей и волов как тягловой силы.

Главную роль в обеспечении населения Европейской России мясом играл крупный рогатый скот — 36,2%. Второе место принадлежало свиноводству — 34,0%, третье — овцеводство — 15,8%, затем шли птицеводство — 9,0% и, наконец, коневодство — 5,0%.

Таблица 3.32

Производство мяса в Европейской России начала XX в.⁵⁶⁵

Отрасли	Вес (млн. пуд.)	Стоимость (млн. руб.)
Коневодство	10,8	25,9
Крупный рогатый скот	75,8	318,6
Свиноводство	73,2	499,5
Овцеводство	34,0	149,1
Птицеводство	19,5	98,4
Итого	212,8	1091,1

Источники: таблицы 3.27–3.30.

За пределами этого расчета остались оленеводство, верблюдоводство, козоводство, кролиководство. Однако, как уже отмечалось, козлиное и верблюжье мясо использовалось в пищу еще реже, чем конина, оленеводство было развито только в северо-восточных уездах Архангельской губернии, а о масштабах распространения кролиководства вообще нет никаких данных.

Разделим 215,4 млн. пуд. на 118 млн. чел. и получим 1,825 пуда на человека. Это 29,9 кг. Если же сделать поправку на конину, которая употреблялась в очень ограниченном количестве (1,5 кг на душу населения), останется 28,4 кг. Примерно такой же показатель потребления мяса с учетом сала и субпродуктов (29 кг) давало на 1913 г. ЦСУ СССР⁵⁶⁶. Без сала. Если же исключить свиное сало, останется 23,3 кг мяса и субпродуктов.

По бюджетным данным потребление мяса составляло: Астраханская губерния — 3,50 пуда, Олонецкая — 3,08, Херсонская — 2,09, Полтавская — 1,82, Калужская — 1,69, Пензенская — 1,69, Воронежская — 1,48, Московская — 1,44, Харьковская — 1,35, Тульская — 1,29, Вологодская — 1,21, Смоленская — 1,18, Тамбовская — 1,17, Ярославская — 0,94, Вятская — 0,85, Новгородская — 0,68, Костромская — 0,57, Симбирская — 0,56, в среднем 1,48 пуда или 24,2 кг⁵⁶⁷.

Между тем существовавшие в Советском Союзе физиологические нормы предполагали потребление мяса в количестве 95–100 кг в год⁵⁶⁸. Это означает, что накануне революции население Европейской России потребляло всего лишь 25% необходимо количества мяса.

Незначительная роль мяса в потреблении дореволюционного крестьянства отмечалась многими современниками. А поскольку пореформенная эпоха в целом характеризовалась снижением обеспеченности населения скотом и поскольку про-

⁵⁶⁵ В 1909–1913 гг. экспортная цена живой домашней птицы, в основном кур составляла 55 коп., цена живых гусей — 1,06 руб. Соответственно пуд битой домашней птицы — 7,23 руб., пуд битых гусей — 6,35 руб. (Сборник статистико-экономических сведений... Год десятый... С. 334–335).

⁵⁶⁶ Народное хозяйство СССР в 1974 г. Статистический сборник. М., 1975. С. 603.

⁵⁶⁷ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. I. Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований. / под ред. А.В.Чаянова. М., 1916. С. 84–87.

⁵⁶⁸ Губарева О.Е. Источники роста народного благосостояния в СССР. М., 1968. С. 150.

дуктивность скота не увеличивалась, а по некоторым данным даже сокращалась. Это означает, что одновременно происходило снижение обеспеченности населения не только скотом, но и продуктами животноводства, в том числе мясом.

Причем поскольку в начале XX века на душу населения приходилось около 24 кг мяса, а за пореформенную эпоху обеспеченность населения скотом сократилась, как минимум, в 1,7 раза, можно предполагать, что в середине XIX в. обеспеченность составляла не менее 41 кг. Иначе говоря, во время работы «валуевской комиссии» потребление мяса могло составлять около 40% физиологической нормы. через сорок лет — около 25%.

Сокращение потребления мяса можно было бы компенсировать за счет расширения потребления рыбы и рыбопродуктов. Однако, как мы видели, в рассматриваемое время рыболовство переживало кризис: в 1893 г. улов рыбы составлял 68,0 млн. пудов, в 1910 г. — 56,3 млн. В результате этого если в 1893 г. на душу населения приходилось 12,6 кг рыбы в год, в 1910 г. — 7,9 кг⁵⁶⁹.

Учитывая, что физиологическая норма предполагает потребление рыбы и рыбопродуктов в объеме 16,2 кг на душу населения⁵⁷⁰, можно констатировать, что в начале 1890-х гг. рыболовство обеспечивало потребление рыбы на уровне 78% нормы, а в 1910 г. — менее 50%.

Следующей важной статьёй дохода было производство молока. Согласно сделанному расчету, коровы давали около 1098 млн. ведер молока. Кроме того, потреблялось верблюжье, кобылье, козье, овечье, оленьё молоко, но пока удалось примерно определить лишь производство козьего молока, которое составляло около 30 млн. ведер, или же примерно 3% по отношению к коровьему молоку, что дает в сумме 1128 млн. ведер. И хотя, доля всех остальных видов молока, по всей видимости, была еще меньше, во избежание недоучета округлим полученный показатель до 1200 млн. ведер, что даст на 1909–1913 гг. около 100 литров на человека.

По бюджетным данным, потребление молока выглядело следующим образом: Смоленская губерния — 19,10 пуд. на душу населения, Тамбовская — 12,40, Олонецкая — 10,86, Вятская — 10,95, Вологодская — 8,08, Тульская — 7,17, Костромская — 7,09, Пензенская — 7,03, Полтавская — 6,42, Московская — 5,16, Астраханская — 4,30, Харьковская — 2,60 пуд., в среднем 8,36 пудов или же около 100 л⁵⁷¹.

Между тем, по существовавшим в СССР физиологическим нормам, на душу населения требовалось 480 л⁵⁷². Это значит, что потребление молока в дореволюционной России составляло около 20% физиологической нормы.

Не соответствовало этим нормам и производство яиц, позволявшее обеспечить только около 10% потребности в них⁵⁷³.

Попробуем теперь посмотреть, насколько животноводство Европейской России могло обеспечить сырьем домашнее производство и легкую промышленность. Прежде всего это касается одежды и обуви.

⁵⁶⁹ Рашин А.Г. Население России за сто лет. Статистические очерки. М., 1956. С. 46–47.

⁵⁷⁰ Губарева О.Е. Указ. соч. С. 150.

⁵⁷¹ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия... С. 84–87.

⁵⁷² Губарева О.Е. Указ. соч. С. 150.

⁵⁷³ Островский А. В. Животноводство Европейской России... С. 291.

Несмотря на то, что дореволюционное животноводство давало три вида шерсти (овечью, козью и верблюжью), в деревне и в городе доминировала овечья шерсть, из которой ткали сукно и шили кафтаны, а также валяли валенки. Всего на верхнюю одежду и зимнюю обувь требовалось 5,82 млн. пудов шерсти в год.

Если учесть, что в конце XIX в. выход шерсти с грубошерстной овцы составлял 5 фунтов, а с мериносовой — 8 фунтов и распространить этот показатель на 1860-е гг., а также учесть, что к этому времени мериносовые овцы составляли около 30% всех овец, средний выход шерсти можно взять в пределах 6 фунтов с овцы. В таком случае в 1861 г. 42,4 млн. овец могли дать штук, 254,4 млн. фунтов шерсти. Из них около 50,6 млн. фунтов Россия экспортировала, 3,6 млн. — импортировала. Следовательно, на внутреннее потребление могло пойти 207,4 млн. фунтов (5,185 млн. пудов), что составляло 89% от потребного количества. Если же сделать 20% поправку на заниженный характер официальных данных о поголовье овец, можно утверждать, что в середине XIX в Россия могла удовлетворять свои потребности в зимней одежде и обуви.

Через полвека население увеличилась в два раза и достигло 120 млн.⁵⁷⁴ Следовательно в два раза (11,5 млн. пуд.) увеличился спрос на овечью шерсть для зимней одежды и обуви. Если при этом учесть снижение выхода шерсти до 4,5 фунтов с овцы, для этого требовалось не менее 100 млн. овец. Однако по данным Ветеринарного управления, в 1911–1915 гг. поголовье овец составляло 40 млн., а по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. с поправкой на оккупированные губернии — не более 62 млн. В первом случае дефицит шерсти составлял 60%, во втором — почти 40%.

При этом необходимо учитывать, что первый показатель является завышенным, так как Ветеринарное управление неполно учитывала поголовье овец, а второй — заниженным, так как не учитывает смертности овец и экспорта шерсти. В результате этого накануне Первой мировой войны переживавшее кризис овцеводство могло обеспечивать внутренние потребности в шерсти примерно наполовину. Неудивительно, что пореформенная эпоха характеризовалась расширением ввоза шерсти из-за границы.

По данным И. Вилькинса, на полушубок требовалось 7–8 овчин, на тулуп — 10–11⁵⁷⁵. Возьмем для детей половину этой нормы, т.е. около 3,75 овчин и будем считать, что тулупы носили только мужчины. Средняя продолжительность ношения полушубка составляла у мужчин 3 года, у женщин и детей — до 5 лет, тулупа у мужчин — до 10 лет⁵⁷⁶, что дает на год 0,75 овчины для детей, 1,5 — для женщин и 3,5 для мужчин.

В 1860-е гг. численность населения составляла около 60 млн. человек, из них 23 млн. — дети, 19 млн. — женщины и 18 млн. — мужчины. Следовательно, требовалось 17,25 млн. овчин для детей, 28,5 млн. — для женщин и 63,0 млн. для мужчин, итого 108,8 млн. Между тем в 1861–1866 гг. общее поголовье овец составляло

⁵⁷⁴ Рашин А.Г. Указ. соч. С. 46–47.

⁵⁷⁵ Вилькинс И. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М., 1843. С. 58–59.

⁵⁷⁶ Там же.

всего 43,5 млн. Если мы допустим, что зимой забивали почти всех баранов и одну пятую овец, это даст максимум 26 млн. овчин.

20%-ная поправка на несопоставимость данных до и с 1896 г., этот показатель позволяет увеличить до 31 млн. Но даже если внести на основании материалов переписи 1916 г. 69%-ную поправку на недоучет ягнят, мы получим только 45 млн. овчин, т.е. менее 50% необходимого количества. Это означает, что уже в середине XIX в. овцеводство не могло обеспечить население страны полушубками и тулупами в соответствии с указанными выше нормами.

Частично выход из этого положения лежал на пути удлинения срока носки зимней одежды, что можно было достигнуть как за счет более частого использования кафтанов и более редкого использования полушубков, так и за счет ношения чиненной одежды, что, вероятно, позволяло увеличить степень обеспеченности этим видом одежды в полтора раз, максимум до 75%.

За полвека после отмены крепостного права население выросло в два раза, на поголовье овец не только не увеличилась, а, наоборот, стало сокращаться. В результате этого в начале XX века полушубок из повседневной одежды превратился в редкость. Характеризуя состояние российской деревни начала XX века, С.С. Бехтеев писал: «...о прежних домашних войлоках и перинных подкладках нет уже и помин, так же как и о тулупах, лишь один полушубок и валенки имеются в избе на всех ее обитателей»⁵⁷⁷.

Кроме овчин, животноводство давало еще около 12 млн. шкур: 1,2 млн. конских шкур и 10,9 млн. шкур крупного рогатого скота, которые использовались как в шорном производстве, так и в производстве обуви.

В 1909–1913 гг. средняя численность населения Европейской России составляла 118 млн. человек. Если взять на человека две пары кожаной обуви: одну зимнюю, другую — летнюю, потребность в кожаной обуви составит 236 млн. пар. Сейчас срок использования сапог в качестве спецодежды 12 месяцев, т.е. год⁵⁷⁸. Закон о правах потребителей гарантирует использование сапог в течение 2 лет⁵⁷⁹. Если взять последний показатель средняя ежегодная потребность в обуви составит 118 млн. пар.

Между тем в 1913 г. производство кожаной обуви достигало лишь 68 млн. пар⁵⁸⁰, из которых немногим более 8 млн. было изготовлено обувными фабриками⁵⁸¹, остальные — кустарями. Это означает, что обувная промышленность могла обеспечить потребность в кожаной обуви примерно на уровне 58%.

Как же население выходило из этого положения? Один способ — использование чиненной обуви, второй — использование лаптей или же других видов обуви

⁵⁷⁷ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. Т. 1. СПб., 1902. С. 183–184.

⁵⁷⁸ Учет специальных приспособлений, специального оборудования и специальной одежды в организациях машиностроения и металлообработки — <http://www.audit-it.ru/articles/account/assets/al1/43508.html>

⁵⁷⁹ Защита прав потребителей — <http://otvet.mail.ru/question/70327208>

⁵⁸⁰ Мурванидзе Д.С. Кожевенно-обувная промышленность // БСЭ. Т.12. М., 1973. С. 381–382.

⁵⁸¹ Мурванидзе Д.С. Основные направления развития обувной промышленности, М., 1962. С. 3.

домашнего производства⁵⁸². Представление о дореволюционной России как соломенной и лапотной, является общепринятым. По некоторым данным, до революции лапти носило около 35% населения страны⁵⁸³. Эта цифра вполне согласуется со сделанным расчетом. При этом необходимо иметь в виду, что лапти в основном носили жители лесных, северных губерний.

Когда-то за счет домашнего производства крестьяне удовлетворяли почти все свои потребности в одежде, обуви, утвари. *Исчерпание возможностей экстенсивного развития сельского хозяйства, зарождение и обострение диспропорции между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель имело своим следствием сокращение площади сенокосов и выгонов, что начало сдерживать развитие животноводства и повело к разрушению сырьевой базы домашней промышленности. Невозможность удовлетворения прежних потребностей за счет домашнего хозяйства повела к росту цен на промышленные изделия, стимулировала расширение кустарного и ремесленного производства, к складыванию рынка одежды, обуви, домашней утвари.*

«В дореформенное время, — писал один из современников, — крестьяне земледельческих областей облекались с головы до ног в самодельщину; даже в домашней утвари и орудиях не имели почти ничего, кроме собственных изделий. После громадного экономического переворота, произведенного крестьянской реформой, самодельщина в крестьянском быту постепенно вытеснилась и вытесняется».

В заключение следует отметить, что одной из важнейших статей дохода животноводства являлся навоз, ценность которого возрастала по мере перехода от переложно-залежной системы к трехполью, а от трехполья — к многополью. Имевшееся поголовье скота в 1896–1900 гг. давало около 23,8 млрд. пуд. навоза, а в 1911–1914 гг. — около 25,4 млрд. пудов. При цене 1,4 коп. за пуд общая стоимость навоза накануне Первой мировой войны составляла не менее 355,6 млн. руб. Нельзя не отметить, что стоимость навоза превосходила стоимость дохода от такой отрасли сельского хозяйства, как овцеводство.

Таким образом, на основании рассмотренного материала можно констатировать, что достигнутый уровень развития животноводства позволял к началу XX века обеспечивать потребности населения в кожаной обуви примерно на 60%, в шерсти для производства сукна и валенок — наполовину, в рыбе — на 50%, в мясе — на 25%, в молоке — примерно на 20%, в яйцах — на 10%. Причем, поскольку на протяжении всей пореформенной эпохи обеспеченность населения скотом сокращалась, а продуктивность скота снижалась, удовлетворение потребностей населения в продуктах животноводства тоже имело тенденцию к снижению.

⁵⁸² Г.К. Лапти // Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 349; Вахрос И.С. Наименование обуви в русском языке. Ч. 1. Хельсинки, 1959; Головкин Б.Н. По дедовским рецептам. М., 1990; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Редичев С. История с лаптями // Наука и жизнь. 2000, № 6.

⁵⁸³ Степанов В. Курские исторические миниатюры. Курск, 2009.

Глава 4. ТОВАРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Экспорт хлеба

Самые ранние сведения о вывозе хлеба из русских земель относятся к XIII в. Однако, по мнению специалистов, не только до XVI в.⁵⁸⁴, но и «в XVI–XVII вв. хлеб экспортировался из России sporadически». Лишь с XVIII в. его вывоз стал постоянным⁵⁸⁵. Причем первоначально роль хлеба во внешнеторговом обороте страны была невелика. Так, в 1821–1825 гг. он составлял около 8% всего экспорта⁵⁸⁶. В последующие годы произошло расширение вывоза хлеба. В 1870 г. он впервые превысил 50% общей стоимости экспорта и во второй половине 1870-х гг. установился на этом уровне: табл. 4.1.

Между тем в 80-е годы XIX в. разразился так называемый сельскохозяйственный кризис, и мировые цены на хлеб поползли вниз⁵⁸⁷. Вместе с ними поползли вниз и внутренние цены.

На сегодняшний день наиболее значительным исследованием, посвященным истории хлебных цен, является книга Б.Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия. XVIII–XIX вв.», изданная в 1985 г. Однако и в вопросе об уровне экспортных и внутренних (закупочных, оптовых, розничных) цен, и в их динамике, и в механизме ценообразования еще много неясного.

По расчетам Б.Н. Миронова, с 1821 по 1880 г. цены выросли на 87%⁵⁸⁸. С 1881 по 1890 г. осенние цены на овес, пшеницу и ячмень снизились примерно на 20%, на рожь — почти 40% (табл. 4.2).

⁵⁸⁴ Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 156–157.

⁵⁸⁵ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 114; Он же. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 149–188. См. также: Пийримяэ Х.А. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661–1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере Нарвы // Скандинавский сборник. Вып. V. Таллин, 1962. С. 78–87; Козинцева Р.И. Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. IX. М., 1980. С. 234–254.

⁵⁸⁶ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I. СПб., 1902. С. 3.

⁵⁸⁷ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX в. в России. М., 1959. С. 83–86.

⁵⁸⁸ Миронов Б.Н. Хлебные цены... С. 46–47.

Таблица 4.1

Превращение хлеба в главный предмет российского экспорта.
1841–1880 гг. (млн. руб.)

Годы	Весь экспорт	Экспорт хлеба	в %
1841–1845	88,4	14,5	16,4
1846–1850	106,9	33,3	31,1
1851–1855	92,9	27,6	29,7
1856–1860	165,6	58,1	35,1
1861–1865	181,6	60,3	33,2
1866–1870	243,7	104,8	43,0
1871–1875	374,9	179,9	48,0
1876–1880	534,7	291,1	54,4

Источники: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I. СПб., 1902; Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за [1899–1913] год. СПб., 1901–1915; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века, вып. II. СПб., 1903; Финн-Енатовский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911.

Таблица 4.2

Динамика осенних цен на хлеб в Европейской России. 1881–1890 гг. (коп. за пуд)

Год	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень
1881	98	—	62	—
1882	80	—	57	—
1883	82	97	57	68
1884	74	75	56	69
1885	63	71	60	63
1886	57	82	48	56
1887	49	75	38	46
1888	53	80	45	54
1889	62	80	51	58
1890	59	81	48	56

Источник: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 2. СПб., 1903. С. 24–41.

Неурожай 1891 г. и вызванный им во многих губерниях голод привели к резко-му скачку хлебных цен. Однако уже на следующий год они снова стали снижаться, упав к 1894 г. до рекордно низкого уровня. С середины 90-х гг. наметился новый подъем цен, но к 1900 г. они так и не достигли докризисного уровня (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Динамика осенних цен на хлеб в Европейской России. 1891–1900 гг. (коп. за пуд)

Год	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень
1891	121	124	72	88
1892	85	92	63	71
1893	58	64	49	55
1894	41	49	35	41
1895	44	56	38	43
1896	45	65	44	48
1897	61	85	56	59
1898	70	87	65	65
1899	65	82	51	62
1900	59	81	50	60

Источник: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 2. СПб., 1903. С. 24–41.

Этот уровень был превзойден только в начале XX в. Причем если, по данным Б.Н. Миронова, новый рост цен продолжался до начала Первой мировой войны⁵⁸⁹, то по данным П.И. Лященко, уже в 1907–1913 гг. цены снова поползли вниз и за шесть предвоенных лет снизились: овес — на 15%, ячмень — на 21%, пшеница — на 26%, рожь — на 30% (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Динамика осенних цен на хлеб в Европейской России. 1901–1913 гг. (коп. за пуд.)

Год	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1901	65	86	68	67
1902	66	80	62	56
1903	61	79	62	57
1904	64	79	59	52
1905	78	87	67	60
1906	84	97	77	72
1907	112	132	95	81
1908	98	120	83	69
1909	86	104	73	61
1910	69	91	66	57
1911	98	118	87	78
1912	85	105	86	79
1913	78	98	75	69

Источник: Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 123.

⁵⁸⁹ Там же. С. 69–71.

Кто из двух названных авторов прав и в чем причина подобного расхождения, требуется выяснить. Не ставя перед собой такой задачи, обратимся к данным Департамента земледелия за 1881–1913 гг. (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Динамика средних пятилетних осенних цен на хлеб в Европейской России.
1881–1913 гг. (коп. за пуд)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1881–1885	79	81	68	58
1886–1890	56	77	54	46
1891–1895	70	77	60	51
1896–1900	60	80	59	53
1901–1905	61	82	62	62
1906–1910	90	108	77	69
1911–1913	87	106	83	75

Источники: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 2. СПб., 1903. С. 24–41 (1881–1900 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 467–477 (1901–1913 гг.).

Из приведенных данных явствует, что осенние цены на ячмень и овес продолжали расти вплоть до 1911–1913 гг., цены на рожь и пшеницу в предвоенные годы немного снизились.

Несмотря на то, что вплоть до начала войны вывоз хлеба за границу продолжал расти и сохранять в российском экспорте главную роль, со второй половины 1880-х гг. его значение начало падать (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Роль хлеба в российском экспорте 1876–1913 гг. (млн. руб.)

Годы	Весь экспорт	Экспорт хлеба	в %
1876–1880	534,7	291,1	54,4
1881–1885	578,5	308,6	53,3
1886–1890	665,7	342,6	51,5
1891–1895	628,0	306,3	48,8
1896–1900	698,9	322,8	46,2
1901–1905	941,4	464,9	49,4
1906–1910	1204,6	556,5	46,2
1911–1913	1543,4	628,6	40,7

Источники: См. источники к таблице 4.1.

Посмотрим теперь на динамику хлебного экспорта в натуральном выражении. Долгое время главным экспортным хлебом являлась пшеница. На ее долю приходилось более 30% всего вывозимого из России хлеба. Второе место первоначально занимала озимая рожь, но уже в 90-е годы она уступила это место ячменю, который в последние предвоенные годы потеснил даже пшеницу, достигнув 33% всего вывозимого Россией хлеба. В начале XX века на эти две культуры приходилось почти две трети российского хлебного экспорта (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Вывоз из России важнейших зерновых культур в 1886–1915 гг. (млн. пуд.)

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Прочее	Всего
1886–1890	162,8	82,5	61,2	61,6	52,9	421,0
1891–1895	171,2	56,9	56,9	92,5	63,7	441,2
1896–1900	166,9	74,7	49,0	81,1	72,5	444,2
1901–1905	230,8	76,6	76,8	123,4	100,2	607,8
1906–1910	227,9	42,3	56,7	181,3	104,5	612,7
1911–1913	201,6	41,3	57,8	223,7	150,6	675,0

Источник: См. источники к таблице 4.1.

Поскольку экспортная статистика не показывает, где производился вывозимый хлеб, о том, какую именно роль в хлебном экспорте играли отдельные регионы, в том числе 50 рассматриваемых губерний Европейской России, можно судить только ориентировочно.

Единственный источник, который позволяет определить роль Европейской России в экспорте хлеба более или менее близко к действительности, — это транспортная статистика. Однако приходится констатировать, что ее обработка является настолько трудоемкой, что на сегодняшний день она проделана лишь частично⁵⁹⁰.

В связи с этим используем для решения данной проблемы следующий прием: определим объем хлебного экспорта из губерний Европейской России, допустив, что ее доля в экспорте страны была примерно равна доле в общем зерновом производстве.

В 1909–1913 гг. на территории Европейской России собиралось 76% всех хлебов, в том числе 75% продовольственных культур и 80% овса⁵⁹¹. На основании этого объема вывозимого за границу из Европейской России хлеба за те же годы ориентировочно можно принять в пределах 550 млн. пуд. (55 млн. — овес, 495 млн. пуд. — продовольственные культуры) (табл. 4.8).

Если из общероссийских данных исключить сведения о вывозе хлеба через азиатские таможни, а также из Финляндии, хлебный экспорт по европейским границам составит 644,0 млн. пуд. (табл. 4.8).

⁵⁹⁰ Материалы по продовольственному плану. Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909–1913 г. Вып. 1–2. Пг., 1916–1917; Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России...; Он же. Всероссийский рынок...

⁵⁹¹ Сборник статистико-экономических сведений... Год десятый... С. 34–35, 60–61.

Таблица 4.8

Экспорт хлеба из России в 1909–1913 гг.
по европейским и азиатским границам (тыс. пуд.)

Границы	Всего	Овес	Продов.
Все	727425,6	66428,5	660997,1
Азиатская	67443,6	1574,8	65868,8
Европейская	659982,0	64853,7	595128,3
– финляндская	15950,4	1180,5	14769,9
– без Финляндии	644031,6	63673,2	580358,4
– беломорская	3463,7	809,4	2654,3
– балтийская	94370,0	50899,7	43470,3
– прусская	68852,8	5043,2	63809,6
– австрийская	15564,0	317,3	15246,7
– румынская	4830,6	32,1	4798,5
– черноморская	254728,9	6189,6	248539,3
– азовская	202221,6	381,9	201839,7

Источники: Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за [1909–1913] год. СПб., 1911–1915.

В полученные данные необходимо внести поправку на хлеб Северного Кавказа, который шел за границу в основном через Новороссийск, Ейск, Ахтарск, Темрюк и Анапу (90 млн. пуд.)⁵⁹². С учетом этого общий вывоз хлеба из Европейской России следует сократить до 554 млн. пуд.

Исходя из этого, можно считать, что до тех пор, пока объем хлебного экспорта из Европейской России не будет установлен с максимально возможной точностью, использованный прием его определения представляется допустимым.

Посмотрим теперь, как хлебный экспорт сказывался на продовольственном обеспечении Европейской России.

В 1909–1913 гг. среднегодовой чистый сбор продовольственных культур составлял 2486 млн. пуд., продовольственные потребности достигали 2171 млн. пуд. Имея излишки продовольственного зерна в размере 315 млн. пуд., Европейская Россия вывозила около 495 млн. пуд, в результате чего дефицит составлял не менее 180 млн. пуд.

Вывод о том, что Россия экспортировала необходимый ей самой хлеб, был сделан еще до революции: см., например, работы А.А. Кауфмана⁵⁹³, П. Лохтина⁵⁹⁴, П.И. Лященко⁵⁹⁵. Разделяют его и современные авторы⁵⁹⁶.

⁵⁹² Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за [1909–1913] год. Ч. 2. СПб. (Пг.), 1911–1915.

⁵⁹³ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России... С. 51–53.

⁵⁹⁴ Лохтин П. Указ. соч. С. 252.

⁵⁹⁵ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. .. С. 385, 404.

⁵⁹⁶ Китанина Т.В. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л.,

Хлебофуражный баланс

Чтобы получить на этот счет более полное и точное представление, попробуем, используя изложенную выше методику, определить динамику хлебного экспорта применительно ко всему рассматриваемому периоду (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Реконструкция хлебного экспорта Европейской России в 1896–1913 гг. (млн. пуд.)

Экспорт	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1913
Российская империя				
Весь экспорт	444	608	613	676
– продовольственные хлеба	393	531	556	618
Европейская Россия				
Весь экспорт	338	463	467	515
– продовольственные хлеба	296	399	418	465

Источники: Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за 1900 г. СПб., 1902. С. 9 (1896–1900); ...за 1903 г. СПб., 1905. С. 10 (1901–1903); ...за 1913 г. Пг., 1916. С. 7 (1903–1913).

Как мы уже знаем, в конце XIX – начале XX вв. Европейская Россия имела возможность обеспечить свои продовольственные потребности. Однако если сделать поправку на экспорт, оказывается, что она вывозила за границу не только все свои небольшие продовольственные излишки, но и часть необходимого ей продовольственного зерна. В 1896–1900 гг. продовольственный дефицит составлял 16%, в 1901–1905 гг. — 9%, 1906–1910 гг. — 18%, 1911–1913 гг. — 12%, в среднем за весь рассматриваемый период — около 14% (табл. 4.10).

Таблица 4.10

Продовольственный баланс Европейской России в 1896–1913 гг. (млн. пуд.)

Показатели	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1913
Чистый сбор	1730	2104	2088	2459
Потребность	1712	1867	2050	2255
Баланс	18	237	38	204
Экспорт	296	399	418	465
Дефицит	–278	–162	–380	–261
В %	16,2	8,7	18,5	11,6
Остаток	1434	1705	1670	1994
На 1 человека	15,1	16,4	14,7	15,9

Источники: таблицы 2.35, 4.9.

1978. С. 6; Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 66.

Среднегодовой чистый сбор продовольственного зерна за 1896–1913 гг. достигал 2055 млн. пуд., среднегодовая потребность — 1939 млн. пуд., избыток — 116 млн. пуд., или 6%. Между тем среднегодовой экспорт достигал 387 млн. пуд. Это означает, что 271 млн. пуд., 70% вывозимого продовольственного зерна составлял хлеб, необходимый для обеспечения продовольственных потребностей самой Европейской России. *Следовательно на две трети вывоз российского хлеба за рубеж представлял собою «голодный экспорт».*

Полученные данные вполне подтверждают существующее представление о том, что дореволюционный хлебный экспорт Европейской России развивался под лозунгом: «Не доедим, но вывезем».

Дефицит продовольственного зерна имел своим следствием расширение производства картофеля⁵⁹⁷. «Недостаток в хлебе, — писал Л.Н. Маресс, — обыкновенно пополняется теми или иными суррогатами. Чаще всего в этом случае крестьяне обращаются к картофелю»⁵⁹⁸.

Картофель был завезен в Россию еще при Петре I, стал распространяться во второй половине XVIII в.⁵⁹⁹ и получил более или заметное употребление в пищу в первой половине XIX в.⁶⁰⁰. В 1841 г. его сборы составили 18,5 млн. четвертей, в 1895 г. — 98,3 млн.⁶⁰¹. Если принять четверть картофеля в 9,2 пуд⁶⁰², это даст 170 млн. пуд. в первом случае и 904 млн. — во втором. За полвека производство увеличилось более, чем в 5 раз. Расширение посевов картофеля продолжалось и на рубеже XIX–XX вв. В 1896–1900 гг. среднегодовой сбор составил 1034,4 млн. пуд. (чистый сбор — 821,5), в 1901–1905 гг. — соответственно 1115,6 и 876,4 млн., в 1906–1910 гг. — 1219,8 и 963,0 млн., в 1911–1914 гг. — 1471,4 и 1172,9 млн. пуд. (табл. 4.11).

Таблица 4.11

Производство картофеля в Европейской России. 1896–1914 гг.

Годы	Площадь	Сбор	Семена	Чистый сбор
1896–1900	2399441	1034412,4	212902,1	821510,3
1901–1905	2690033	1115625,8	239265,4	876360,4
1906–1910	2827624	1219835,6	256840,4	962995,2
1911–1914	3130220	1471419,9	298540,4	1172879,5

Источник: Урожай [1896–1914] года в Европейской и Азиатской России. СПб. (Пг.), 1896–1915. Площадь посева — дес., сбор, семена и чистый сбор — тыс. пуд.

⁵⁹⁷ Пришвин М. Картофель в полевой и огородной культуре. СПб., 1908.

⁵⁹⁸ Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 67.

⁵⁹⁹ Лехнович В.С. К истории культуры картофеля в России // Материалы по истории земледелия в СССР. Сб. 2. М.-Л., 1956. С. 258–400.

⁶⁰⁰ Улащик Н.Н. Изменения в хозяйстве крепостной Литвы и Западной Белоруссии в связи с введением новых культур (картофель) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. V. М., 1962. С. 308–337.

⁶⁰¹ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. VII. Возделывание картофеля в Европейской России. СПб., 1897. С. 27.

⁶⁰² Урожай 1900 г. Т. II. Яровые хлеба, картофель, лен и конопля. СПб., 1901. С. XXIX.

Б.Н. Миронов считает, что до революции при переводе картофеля в хлеб «общепризнанным» был коэффициент 3 к 1⁶⁰³. Такой коэффициент действительно существовал. Его, например, использовал Департамент окладных сборов при подготовке материалов для так называемой «Комиссии центра»⁶⁰⁴. Однако существовал и коэффициент 4 к 1⁶⁰⁵, и коэффициент 5 к 1⁶⁰⁶. Нет единства в этом вопросе и в современной литературе⁶⁰⁷.

Кто же прав?

Ответ, на мой взгляд, дает «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства», в которой, по всей видимости, содержится и объяснение происхождения названных коэффициентов. По мнению специалистов того времени, пуд пшеницы по своим питательным свойствам был эквивалентен 3,0 пуда картофеля, пуд овса — 4,2 пуда, пуд ржи — 5,2 пуда⁶⁰⁸.

Если воспользоваться усредненным коэффициентом 4 к 1, мы получим следующий результат: 1896–1900 гг. чистый сбор картофеля был эквивалентен 205,4 млн. пуд. хлеба, в 1901–1905 гг. — 219,1 млн., в 1906–1910 гг. — 240,8 млн. и в 1911–1914 гг. — 293,2 млн., в среднем за весь рассматриваемый период — 239,6 млн. пуд. Это означает, что картофель позволял сводить концы с концами и почти компенсировал нехватку продовольственного зерна (271 – 240 = 31 млн. пуд., или же 1,6%).

Полученный результат во многом совпадает с данными ЦСУ, согласно которым накануне Первой мировой войны потребление основных видов продовольствия в России выглядело следующим образом: хлеб в переводе на зерно — 16,3 пуд., картофель — 7,0 пуд. Если перевести картофель в хлеб по указанной норме, мы получим 1,8 пуда, что дает в итоге 18,1 пуда⁶⁰⁹.

Однако, при этом необходимо учитывать, что средние данные позволяют получить лишь ориентировочное представление. Если рассматривать эту же проблему в хронологическом плане, придется констатировать, что почти половину рассматриваемого периода даже картофель не позволял ликвидировать продовольственный дефицит. Особенно это касается таких неурожайных лет, как 1897, 1901, 1906, 1911 гг.

Но и в урожайные годы существовали значительные различия в продовольственном обеспечении между отдельными местностями. Нельзя сбрасывать со счета и социальные различия. Наконец, нужно учесть, что часть зерна шла на пивоварение и винокурение, хлеб и картофель использовали также для кормления скота.

Показателем хлебного дефицита является не только расширение посевов картофеля, но и использование крестьянами в пищу овса, о чем шла речь ранее. «Как

⁶⁰³ Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив... С. 124.

⁶⁰⁴ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Ч. 1. С. 177.

⁶⁰⁵ Лохтин П. Указ. соч. С. 156; Урожай хлебов в России в 1917 г. / под ред. А.Е. Лосицкого. Пг., 1918. С. 22.

⁶⁰⁶ Там же; Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 13.

⁶⁰⁷ См., например: О причинах русской революции. М., 2010. С. 36 (С.А. Нефедов: 5 к 1), 124 (Б.Н. Миронов: 3 к 1), 180 (С.В. Цирель: 3,85–4,05 к 1 — по калорийности, 3,5–6 к 1 — по содержанию белка), 248 (М.А. Давыдов: 2,1–2,5 к 1).

⁶⁰⁸ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства. Т. IV. СПб., 1901. С. 635, 638.

⁶⁰⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1987. С. 470.

суррогат хлеба, — отмечал Л.Н. Маресс, — очень большое значение имеет у нас еще и другой продукт — ячмень»⁶¹⁰. Вопрос о той роли, которую играла эта зерновая культура в продовольственном балансе дореволюционной России, заслуживает специального рассмотрения. В данном случае ограничимся только постановкой проблемы.

По некоторым данным, «ячменный хлеб», хотя и «подкрепляет силы, но менее сытен, чем пшеничный или ржаной»⁶¹¹. «В обыкновенном потреблении, — писал современник, — ячменный хлеб годен только в тот день, когда испечен, и превращается на другой день в сухой, твердый и невкусный комок, который и нож не берет»⁶¹².

Если для кормления лошадей лучшим хлебом считался овес, ячмень считался лучшим кормом для свиней. «Из зерновых кормов для свиней у нас в России первое место занимает ячмень», — писал известный русский животновод М.Ф. Иванов⁶¹³. Возрастание роли соломы в рационе овец имело своим следствием использование в качестве «посыпки» к ней «размола ячменя»⁶¹⁴. В некоторых местах ячмень вообще рассматривался как основной вид фуражного зерна. «Зерновой корм, употребляемый в крестьянских хозяйствах Херсонского уезда, — читаем мы в одном из исследований того времени, — состоит почти исключительно из ячменя»⁶¹⁵. К этому следует добавить его использование в пивоварении. В связи с этим некоторые авторы исключали ячмень, как и овес, из числа продовольственных культур⁶¹⁶.

Дефицит хлеба компенсировался не только за счет потребления картофеля, овса и ячменя. «Из других суррогатов, — писал Л.Н. Маресс, — часто употребляются еще отруби, лебеда, жмыхи, березка, костер и пр.»⁶¹⁷. К прочим суррогатам хлеба Л.Н. Маресс относил «мякину», «древесные листья», «солому» и «сорные травы»⁶¹⁸.

Как еще совсем недавно писал Б.Н. Миронов, в неурожайные годы «ели головки клевера, лебеду, крапиву, белый болотный мох, вместо хлеба пекли головки полевого хвоща, льна, употребляли даже березовые опилки»⁶¹⁹. Применительно к продовольственным суррогатам до революции существовало специальное понятие «голодный хлеб». В одном из изданий ЦСУ 1920-х гг. на основании существовавшей к тому времени литературы не только перечислено около 15 видов «голодного хлеба» (в том числе «соломенный хлеб» и «хлеб из коры»), но и указаны их питательность и полезность⁶²⁰.

⁶¹⁰ Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 67.

⁶¹¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 87.

⁶¹² Максимов С.В. Куль хлеба. Л., 1989. С. 483.

⁶¹³ Иванов М.Ф. Свиноводство. М., 1922. С. 75.

⁶¹⁴ Баталин Ф.А. Указ. соч. С. 311.

⁶¹⁵ Арнольд В.Ф. Общие черты агротехнической техники и сельскохозяйственной экономики крестьянских хозяйств Херсонского уезда. Херсон, 1902. С. 25.

⁶¹⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 89.

⁶¹⁷ Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 67.

⁶¹⁸ Там же. С. 68.

⁶¹⁹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 453.

⁶²⁰ Нормальный состав и пищевое значение... С. 24.

В некоторых губерниях суррогаты достигали «30, 40 и 50%» потребляемого хлеба⁶²¹. Этот факт признавал когда-то и Б.Н. Мионов, находившийся тогда под влиянием, если пользоваться его языком, «марксистской парадигмы». «Потребление хлеба в неурожайные годы в среде русского крестьянства в конце XIX в., — писал он в 1985 г., — сокращалось на 50% и более за счет суррогатов из отрубей, лебеды, жмыхов, костера и пр.»⁶²².

В начале 1890-х гг. «Комиссия Плеве», созданная для выяснения причин падения хлебных цен, констатировала, что вывоз хлеба из России достиг размеров, «не соответствующих ни увеличению площади посевов, ни усилению производительности земли», т.е. не соответствующих уровню развития зернового производства⁶²³.

В таких условиях еще большую остроту приобретала проблема фуражного зерна. Между тем, Россия вывозила за границу не только продовольственные хлеба, но и овес. Кроме того, она экспортировала отруби и жмыхи⁶²⁴, что еще более усиливало фуражный дефицит и во многих местах делало неизбежным использование различных кормовых суррогатов.

В связи с этим представляются странными имеющие место в литературе утверждения о «мифологическом» характере «голодного экспорта» хлеба из России⁶²⁵. Что же касается попытки М.А. Давыдова опровергнуть этот миф⁶²⁶, то несмотря на утверждение Б.Н. Миронова, будто ему удалось это сделать⁶²⁷, в работе названного автора отсутствует главное: хлебофуражный баланс, а хлебофуражный баланс Б.Н. Миронова на 1861–1913 гг. представляется по меньшей мере неудачным⁶²⁸.

Объявляя мнение о «голодном экспорте» мифом, М.А. Давыдов заявляет: «Как можно анализировать питание населения России, прежде всего крестьян, умалчивая о *сотнях миллионов рублей, которые пропивали крестьяне даже в голодные годы*»⁶²⁹.

Между тем доказательства, приводимые названным автором в обоснование массового пьянства в российской деревне, трудно признать убедительными. Во-первых, почти все они имеют выборочный характер. Во-вторых, если обратиться к источникам, даже эти, выборочные факты не выдерживают критики (особенно это

⁶²¹ Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве... С. 68.

⁶²² Мионов Б.Н. Хлебные цены... С. 136.

⁶²³ Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1888 гг. СПб., 1892. С. 34.

⁶²⁴ Сборник статистико-экономических сведений о сельском хозяйстве России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 350–351.

⁶²⁵ Давыдов М.А. Уровень потребления в дореволюционной России... С. 226.

⁶²⁶ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 181–235; Он же. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. ... С. 254–309.

⁶²⁷ Мионов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 643.

⁶²⁸ Там же. С. 284, 293; Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 125–129.; Он же. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. 2011. № 6. 136–138; Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 157–136.

⁶²⁹ Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. С. 170; Он же. Уровень потребления в дореволюционной России... С. 253.

касается примера с Велейской волостью). В третьих, продовольственную помощь могли получать одни крестьяне, а пропивать «сотни миллионов» — другие. Иное нужно доказывать. Наконец, автор вольно или невольно подводит читателей к мысли, будто бы в дореволюционной России пили главным образом крестьяне, что не соответствует действительности⁶³⁰.

Товарность зернового производства

Долгое время довольно часто повторявшиеся в разных местностях неурожаи имели своим следствием голод. Развернувшаяся во второй половине XIX в. революция на транспорте открыла возможность для переброски хлеба из одних губерний в другие. Это вело к ускорению товарооборота и формированию внутреннего хлебного рынка⁶³¹, который давно является объектом внимания исследователей⁶³².

Существует мнение, будто бы главным фактором расширения товарности зернового производства Европейской России являлся экспорт. «Внешний рынок, — пишет Б.Н. Миронов, — потреблял все возрастающую долю товарного хлеба: на рубеже XVII–XVIII вв. — 0%, в 1801–1810 гг. — 25%, на рубеже XIX–XX вв. — 54%»⁶³³. Примерно такую же картину для второй половины XIX в. рисовал А.С. Нифонтов. Согласно его расчетам, в 1850-е гг. экспорт составлял 24% товарного хлеба, в 1860-е гг. — 30%, в 1870-е гг. — 48%, в 1880-е гг. — 54%, в 1890-е гг. — 54%⁶³⁴. В 1909–1913 гг., по данным Б.Н.Миронова, этот показатель достиг 60%⁶³⁵.

Посмотрим, насколько эти представления соответствуют действительности применительно к концу XIX – началу XX в. Так как экспорт хлеба (и в денежном, и натуральном выражении) известен, необходимо определить ту часть товарного хлеба, которая потреблялась внутри страны.

В первую очередь спрос на него предъявляло городское население, численность которого в 1912 г. составляла 16,2 млн. чел. Если взять в качестве продовольственной нормы 18 пуд. зерна, спрос городского населения на товарный хлеб можно определить в объеме 292 млн. пуд.

Один из недостатков почти всех хлебофуражных балансов, рассчитывавшихся о сих пор, заключается в том, что они не учитывали потребление товарного хлеба за

⁶³⁰ Подробнее см.: Островский А.В. «Пьяная деревня»: домислы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 140–158.

⁶³¹ Миронов Б.Н. О критерии единого национального рынка // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л., 1972. С. 180–188; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок...

⁶³² Чаславский В. Хлебная торговля в центральном районе России. Ч. 1–2. СПб., 1873; Ляшенко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912; Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960; Китанина Т.М. Хлебная торговля России...; Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в...

⁶³³ Миронов Б.Н. Хлебные цены... С. 114.

⁶³⁴ Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 214, 310.

⁶³⁵ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 293.

пределами города. Чтобы понять степень этого просчета, необходимо отметить, что численность сельского несельскохозяйственного населения уже к 1897 г. сравнялась с численностью городского населения⁶³⁶, а к 1912 г. значительно его превзошла. Поскольку сельское несельскохозяйственное население могло иметь огороды, возьмем для них более низкую продовольственную норму — 15 пуд. — и получим предъявляемый ими спрос на товарный хлеб в пределах 372 млн. пуд.

Как явствует из земских обследований, к приобретению хлеба на рынке прибегали и крестьяне. Так, в Острогожском уезде Воронежской губернии безземельные крестьяне покупали 37% хлеба по отношению к принятой 18-пудовой норме, хозяйства, имевшие до 5 десятин — 19%, от 5 до 15 дес. — 16%, от 15 до 25 дес. — 9% и имевшие более 25 дес. — 6%⁶³⁷.

Однако, сколько именно они потребляли товарного хлеба, мы пока не знаем. Поэтому подведем итог, сознавая, что он приуменьшает объем товарного хлеба: городское население — 292 млн. пуд., сельское несельскохозяйственное население — 372 млн., промышленность (винокурение и пивоварение) — 22 млн. пуд, армия — 50 млн.⁶³⁸, всего 736 млн. пуд.

Кроме того, следует иметь в виду поступающий на внутренний рынок овес — не менее 120 млн. пуд.⁶³⁹ Следовательно, накануне Первой мировой войны внутренний спрос Европейской России на товарный хлеб достигал 856 млн. пуд. А поскольку хлебный экспорт Европейской России в 1909–1913 гг. составлял 550 млн. пуд., получается, что накануне Первой мировой войны главную роль в развитии товарного зернового производства играл не внешний, а внутренний рынок (соответственно 40 и 60%).

Суммируя внутреннее потребление и экспорт, общую товарную массу следует определить не менее чем в 1406 млн. пуд. Это почти совпадает с объемом товарного хлеба (1300 млн. пуд.), который, не указывая, правда, источников и не раскрывая методики своих расчетов, определял В.С. Немчинов.

Чтобы проверить полученный результат на точность, обратимся к статистике перевозок. Согласно этим данным, в 1909–1913 гг. ежегодно по Российской империи перевозилось 1570 млн. пудов хлеба и различных хлебных грузов⁶⁴⁰.

Между тем, статистика перевозок не отличалась точностью⁶⁴¹. Весь вопрос только в том, насколько велика эта погрешность. К сожалению, до сих пор этот во-

⁶³⁶ Островский А.В. Сельскохозяйственное население Европейской России в конце XIX – начале XX в. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 1984. С. 113–116.

⁶³⁷ Ляшенко П.И. Очерки аграрной эволюции России... С. 392.

⁶³⁸ Попов П. Хлебобуражный баланс. 1840–1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 19.

⁶³⁹ В 1910–1912 гг. среднегодовые перевозки овса по железным дорогам составляли около 160 млн. пуд. Если исходить из того, что на Европейскую Россию приходилось примерно 75% всех посевных площадей и допустить, что такой же была ее доля и в перевозках хлеба, мы получим 120 млн. пуд. овса (Сводная статистика перевозок по железным дорогам. 1912 г. Все товары. СПб., 1914. С. 33–34).

⁶⁴⁰ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование... С. 101.

⁶⁴¹ Наиболее полно этот вопрос рассмотрен М.А. Давыдовым (Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 32–61).

прос остается открытым. П.И. Лященко считал, что железнодорожная статистика учитывала лишь 80–90% перевозимых грузов⁶⁴².

Не менее, если не более велика была погрешность статистики водных перевозок. Министерство путей сообщения признавало, что на внутренних водных путях регистрировалось лишь около 75% перевозимого хлеба⁶⁴³.

Наконец, текущая статистика грузоперевозок не учитывала гужевого транспорта. В связи с этим представляют интерес данные о перевозках хлеба в 1890 г. В этом году общий объем перевозок шести главных культур составил 640 млн. пуд., из них 368 млн., 57%, было перевезено по железным дорогам, 156 млн., 26% — водным путем и 116 млн., 18% — гужевым транспортом. Причем последние перевозки были учтены «только в пункты вывоза за границу»⁶⁴⁴.

В связи с этим, наверное, не будет большой ошибки, если для всех грузоперевозок взять коэффициент точности 85%. Тогда объем перевозки хлеба следует увеличить до 1850 млн. пудов. Используя тот же прием, который был использован для определения хлебного экспорта, перевозки хлеба и хлебных грузов на территории Европейской России можно определить в пределах 1400 млн. пудов.

Б.Н. Миронов считает, что «товарность хлебопашества в Европейской России с начала XIX по начало XX в. выросла с 10–15 до 26–31% от валового сбора хлебов»⁶⁴⁵. И.Д. Ковальченко определял товарность зернового производства в середине XIX в. в 20%⁶⁴⁶. А П.И. Лященко считал, что уже в то время на рынок поступало около 25% хлеба⁶⁴⁷. По расчетам А.С. Нифонтова, товарность зернового производства во второй половине XIX в. изменялась следующим образом: 1850-е гг. — 16%, 1860-е гг. — 18%, 1870-е гг. — 23%, 1880-е гг. — 27%, 1890-е гг. — 26%⁶⁴⁸.

Насколько удалось установить, последний коэффициент (26%) как показатель товарности зернового производства России в начале XX в. уже в 1925 г. использовал тогдашний руководитель ЦСУ СССР П.И. Попов⁶⁴⁹. Видимо, от него этот показатель заимствовал В.С. Немчинов, а после того, как работу В.С. Немчинова освятил своим авторитетом И.В. Сталин⁶⁵⁰, она приобрела хрестоматийный характер и прочно вошла в литературу⁶⁵¹.

Между тем, вводя в обращение названный коэффициент товарности зернового производства, П.И. Попов специально отмечал, что он не учитывает потребления

⁶⁴² Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России... С. 292–293.

⁶⁴³ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России... С. 37.

⁶⁴⁴ Дополнение к Статистическому сборнику Министерства путей сообщения. Вып. 6. Сведения о перевозках хлеба железными и внутренними водными путями Европейской России (без Финляндии и Закавказья) и гужевым (только в пункты вывоза за границу) в связи с урожаем, ценами и вывозом за границу в 1890 г. СПб., 1893. С. 7–8.

⁶⁴⁵ Миронов Б.Н. Хлебные цены... С. 166.

⁶⁴⁶ Ковальченко И.Д. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 481.

⁶⁴⁷ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России... С. 192.

⁶⁴⁸ Нифонтов А.С. Зерновое производство России... С. 214, 310.

⁶⁴⁹ Попов П.И. Указ. соч. С. 19–20.

⁶⁵⁰ Сталин И.В. На хлебном фронте // Собр. соч. Т. 11. М., 1949. С. 85.

⁶⁵¹ См., например: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 30; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 293.

товарного хлеба деревней и, делая поправку на это, считал необходимым увеличить товарность зернового производства до 32%⁶⁵².

В данном случае П.И. Попов фактически поддерживал мнение Н.Д. Кондратьева, который на основании данных ЦСК и статистики перевозок определял товарность зернового производства России начала XX около 33%⁶⁵³.

А поскольку Н.Д. Кондратьев признавал, что «статистика перевозок учитывает далеко не все количество товарного хлеба»⁶⁵⁴, полученный им коэффициент товарности следует рассматривать как минимальный. И действительно, если исходить из приведенной оценки товарной массы (1400 млн. пуд.) и общего сбора зерновых в 1909–1913 гг. (3700 млн. пуд.), товарность повысится до 38% общего сбора зерна.

Между тем, как уже отмечалось, зерновое производство относится к числу тех отраслей, которые не могут полностью работать на рынок, так как часть производимой продукции потребляется ими в процессе производства. Речь идет о семенах. Поэтому для характеристики товарного зернового производства более показательным является то, какая часть чистого сбора хлебов поступает на рынок. С поправкой на это товарность зернового производства Европейской России начала XX века может быть определена примерно в 45%. Такой же результат (47% чистого сбора) на 1901–1905 гг. в 1908 г. был получен П.И. Лященко⁶⁵⁵.

Это означает, что на рынок поступало около половины всего чистого остатка хлебов. Причем если в одних, потребляющих губерниях товарность зернового производства была значительно ниже среднего уровня, то в других губерниях, имеющих хлебные излишки, она поднималась выше 50%-го уровня⁶⁵⁶. Иначе говоря, на рубеже XIX–XX вв. в России были губернии, зерновое производство которых уже имело товарный характер.

Кто же играл на хлебном рынке главную роль?

Роль крестьянских хозяйств на хлебном рынке

То, что в основе зернового производства дореволюционной России лежало крестьянское хозяйство, не отрицает никто. Однако публиковавшиеся до революции материалы текущей статистики не позволяли провести четкую грань между крестьянским и частновладельческим хозяйствами. Дело в том, что официальная статистика относилась к крестьянским только хозяйства, основанные на надельном землевладении. Между тем, крестьяне не только арендовали, но и покупали частновладельческие земли. Кроме того, многие частновладельческие хозяйства по своим размерам и характеру ничем не отличались от крестьянских.

По этой причине вопрос о действительном соотношении крестьянского и частновладельческого хозяйств в зерновом производстве и его динамике долгое время

⁶⁵² Попов П.И. Указ. соч. С. 19.

⁶⁵³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование... С. 101.

⁶⁵⁴ Там же. С. 97.

⁶⁵⁵ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции... С. 408–409.

⁶⁵⁶ Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 12, 111.

оставался открытым. Возможность для решения данного вопроса открыла только сельскохозяйственная перепись 1916 г.

В отличие от ЦСК организаторы переписи отнесли «к хозяйствам крестьянского типа независимо от их размера, площади посева и количества скота в них» «все хозяйства», которые велись «исключительно или же частью трудом хозяина и его семьи», а «к хозяйствам владельческого типа также независимо от их размера» — «все хозяйства», которые велись «наемным трудом»⁶⁵⁷.

Обработав данные о соотношении крестьянских и помещичьих хозяйств накануне отмены крепостного права и используя материалы переписи 1916 г., И.Д. Ковальченко показал, что за пореформенный период доля помещичьих посевов в Европейской России сократилась с 22 до 11%⁶⁵⁸.

Если же использовать данные о распределении крестьянских и частновладельческих лошадей, как косвенный показатель распределения посевных площадей, то однолошадные хозяйства могли убирать 21,4% посевов, средние — 44,6%, зажиточные — 14,5%, предпринимательские — максимум 19,5%⁶⁵⁹. И хотя более 60% частновладельческих лошадей было сосредоточено в предпринимательских хозяйствах, ведущую роль здесь уже играли не частные владельцы (45%), а крестьяне (55%). Поэтому доля посевов, которые помещики могли обрабатывать с помощью своего рабочего скота, была менее 9%, а если принять во внимание, что у частных владельцев было только 6% пахотных орудий⁶⁶⁰, можно утверждать, что почти половина барской запашки обрабатывалась с использованием отработок первого типа, т.е. с помощью крестьянского рабочего скота и инвентаря.

Общепризнано, что долгое время главным производителем товарного хлеба были помещичьи хозяйства и только затем их начинает теснить крестьянство⁶⁶¹. П.И. Лященко считал, что поворотное значение в этом отношении имело железнодорожное строительство⁶⁶². По расчетам И.Д. Ковальченко, уже в 1850-е гг. на долю крестьян приходилось 47%, а на долю помещиков — 53% товарного хлеба⁶⁶³. А.С. Нифонтов утверждал, что к 1880-е гг. это соотношение стало прямо противоположным: помещики — 46% товарного хлеба, крестьяне — 54%⁶⁶⁴. По мнению Н.П. Огановского, накануне Первой мировой войны крестьяне давали на рынок

⁶⁵⁷ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. XXI.

⁶⁵⁸ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 171–194.

⁶⁵⁹ Островский А.В. Зерновое хозяйство Европейской России... С. 134.

⁶⁶⁰ Там же. С. 133.

⁶⁶¹ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции... С. 256–257; Огановский Н.П. Закономерности аграрной эволюции. Т.2. Очерки по истории земельных отношений и землевладения в России. Саратов, 1911. С. 467.

⁶⁶² См. также: Попов П.И. Хлебофуражный баланс... С. 12.

⁶⁶³ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции... С. 256.

⁶⁶⁴ Ковальченко И.Д. О товарности земледелия... С. 483. См. также: Ковальченко И.Д.: Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 338.

⁶⁶⁵ Нифонтов А.С. Зерновое производство России... С. 303.

67% хлеба, помещики — 33%⁶⁶⁵. Н.Д. Кондратьев на те же годы определял это соотношение как 78 и 22%⁶⁶⁶. После того, как подобные показатели (79% и 21%) были использованы В.С. Немчиновым, а затем И.В. Сталиным⁶⁶⁷, они получили в советской литературе широкое распространение⁶⁶⁸.

Поскольку помещичьи хозяйства производили около 10% хлеба, это составляло в 1909–1913 гг. максимум 370 млн. пуд. всего и 310 млн. пуд. чистого сбора. Даже если бы весь этот хлеб поступал на рынок, его доля лишь незначительная могла превысить 20% товарного хлеба. Между тем часть продовольственного и фуражного зерна потреблялась в самих помещичьих хозяйствах, часть использовалась в пивоварении и винокурении. Насколько велико было это потребление, можно судить лишь ориентировочно.

По мнению Б.Н. Митрофанова, на рубеже XVIII–XIX вв. товарность крестьянского зернового производства составляла 10%, помещичьего — более 50%⁶⁶⁹. Примерно такой же некоторые авторы считают товарность помещичьего хозяйства в начале XX в.⁶⁷⁰ По мнению П.И. Попова, в начале XX в. на рынок поступало около 70% помещичьего хлеба⁶⁷¹. Но даже если согласиться с А.С. Нифонтовым и вслед за ним принять товарность помещичьего хозяйства конца XIX – начала XX в. в пределах 75%⁶⁷², объем помещичьего товарного хлеба мог составить максимум 230 млн. пуд., примерно 16% всей товарной массы.

Сложнее обстоит дело с вопросом о том, какую роль играли на хлебном рынке отдельные группы крестьянских хозяйств и насколько обоснованно распространенное мнение об особой роли сельской буржуазии – «кулаков»?

Если признать, что в существующей литературе товарность зернового производства занижена в полтора-два раза, возникает вопрос: не привело ли это к сужению круга тех хозяйств, которые поставляли товарный хлеб. На материалах Калужской и Тамбовской губернии А.М. Анфимовым была высказана мысль о том, что существующее представление о господстве помещиков и кулаков на хлебном рынке нельзя распространять на всю территорию Европейской России⁶⁷³.

Для ориентировочного решения данного вопроса представляется возможным воспользоваться следующим приемом. Используя материалы бюджетных обследований, определим то количество хлеба (в расчете на двор), которое реализовали на рынке отдельные группы крестьянских хозяйств, а затем, опираясь на мате-

⁶⁶⁵ Огановский Н.П. Закономерности аграрной эволюции... С. 467–468.

⁶⁶⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование... С. 99.

⁶⁶⁷ Сталин И.В. На хлебном фронте // Собр. соч. Т.11. М., 1949. С. 85; Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С. 34.

⁶⁶⁸ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств... С. 190.

⁶⁶⁹ Митрофанов Б.Н. Хлебные цены... С. 185.

⁶⁷⁰ См., например, ставшую хрестоматийной таблицу В.С. Немчинова (Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств... С. 190).

⁶⁷¹ Попов П.И. Хлебофуражный баланс... С. 19.

⁶⁷² Нифонтов А.С. Зерновое производство России... С. 304.

⁶⁷³ Анфимов А.М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 141–155.

риалы общих подворных обследований или военно-конских переписей, позволяющие сгруппировать крестьянские хозяйства, попробуем рассчитать, сколько товарного хлеба могла давать каждая из этих групп крестьянских хозяйств, если бы они в среднем на хозяйство продавали столько же хлеба, как подобные же хозяйства, бывшие объектом бюджетных обследований.

При этом, как уже отмечалось, следует иметь в виду, что средние «бюджетные данные почти всегда характеризуют хозяйства, стоящие выше среднего типа, т.е. изображают действительность в лучшем свете, чем она есть»⁶⁷⁴. Поэтому в данном случае абсолютные показатели о количестве продаваемого отдельными группами крестьян хлеба представляют интерес только для определения соотношения (доли) реализуемого этими группами крестьян товарного хлеба.

Бюджетные данные есть почти по всем губерниям Европейской России⁶⁷⁵. Однако не все из них могут быть использованы. Во-первых, сразу же следует отказаться от единичных бюджетов. В дальнейшем при характеристике положения дел на уровне отдельных уездов будем использовать только те материалы, которые содержат информацию не менее чем о 25 хозяйствах на уезд и не менее 50 хозяйств на губернию. Во-вторых, далеко не все имеющиеся бюджеты содержат данные по интересующему нас вопросу. В-третьих, в целом ряде опубликованных материалов отсутствует группировка крестьянских хозяйств, и содержатся только средние показатели. В-четвертых, по некоторым губерниям сделанная обработка бюджетов не позволяет скомбинировать их ни с материалами подворных, ни с материалами военно-конских переписей из-за различия критериев группировки хозяйств. В связи с этим приходится ограничиться данными только по 14 губерниям Европейской России.

Поскольку имеющиеся в нашем распоряжении материалы крестьянских бюджетов относятся к меньшей части губерний, возникает вопрос об их репрезентативности. Данный вопрос прежде всего связан с тем, что разные губернии играли на хлебном рынке разную роль. Одно дело губернии потребляющие, страдавшие хроническим хлебным дефицитом, и совершенно другое дело губернии, имевшие хлебные избытки. Учитывая важность этого обстоятельства, распределим все губернии Европейской России на три группы в зависимости от степени их обеспеченности хлебом и посмотрим, как распределяются между ними имеющиеся в нашем распоряжении материалы крестьянских бюджетов.

К первой группе губерний отнесем те из них, которые имели избытки чистых сборов продовольственных хлебов на душу населения (Бессарабскую, Воронежскую, Донскую, Екатеринославскую, Киевскую, Курскую, Оренбургскую, Пермскую, Подольскую, Полтавскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Таврическую, Тамбовскую, Уфимскую, Харьковскую и Херсонскую губернии), ко второй группе — губернии, которые хотя не имели излишков продовольственного зерна, зато располагали значительным избытком кормового зерна (Волынскую, Вятскую, Казанскую, Ковенскую, Курляндскую, Орловскую, Пензенскую, Рязанскую, Тульскую губернии), к третьей группе — губернии, имевшие дефицит не только продо-

⁶⁷⁴ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 141.

⁶⁷⁵ Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929; Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств России. М., 1954.

вольственного, но и кормового зерна (Архангельскую, Астраханскую, Виленскую, Витебскую, Владимирскую, Вологодскую, Гродненскую, Калужскую, Костромскую, Лифляндскую, Минскую, Могилевскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Олонецкую, Псковскую, Санкт-Петербургскую, Смоленскую, Тверскую, Эстляндскую и Ярославскую).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы бюджетных обследований относятся ко всем трем группам губерний. Представление о положении дел в первой из них, игравшей на хлебном рынке решающую роль (18 губерний), дают материалы бюджетных обследований по Воронежской, Полтавской, Симбирской, Харьковской и Херсонской губерниям, о положении дел во второй группе, тоже занимавших важное место на хлебном рынке (9 губерний), свидетельствуют данные по Вятской, Ковенской, Пензенской и Тульской губерниям. Что же касается остальных 23 губерний, то о них мы можем судить на основании бюджетных обследований по Вологодской, Калужской, Костромской, Новгородской и Тверской губерниям.

К этому следует добавить, что на территории 14 названных выше губерний в 1911–1915 гг. собиралось около 1,0 млрд. пуд. зерна, или почти 30% всего сбора в Европейской России, причем 9 из 14 имеющихся в нашем распоряжении бюджетных обследований относятся к тем губерниям, из которых на рынок поступала основная масса товарного хлеба.

Поэтому, несмотря на неполноту охвата губерний, имеющиеся в нашем распоряжении бюджетные данные представляют собою достаточно солидную выборку, позволяющую хотя бы ориентировочно судить о роли отдельных категорий крестьянских хозяйств на хлебном рынке Европейской России начала XX века.

Представление о положении дел на хлебном рынке губерний, имевших постоянный дефицит, можно получить на основании данных по Калужской губернии.

Интересное бюджетное обследование было проведено в 90-е годы XIX века на территории трех уездов Калужской губернии: в Козельском, Лихвинском и Перемышльском. Это одно из самых массовых бюджетных обследований в дореволюционной России. Все крестьянские хозяйства были сгруппированы по количеству посева. Учитывая, что на одной лошади за лето можно было обработать до 5 дес. посева, отнесем беспосевных крестьян к пролетарским хозяйствам, с посевом до 3 дес. — к полупролетарским, от 3 до 9 дес. — к середняцким, от 9 до 12 — к зажиточным и более 12 дес. — к предпринимательским, что, правда, будет означать завышение роли двух последних типов хозяйства на хлебном рынке.

Комбинируя данные бюджетного обследования с данными параллельного подворного обследования крестьянского хозяйства этих трех уездов, можно получить представление о роли выделенных групп на хлебном рынке (табл. 4.12).

Приведенные данные показывают, что деревенская беднота Калужской губернии давала на рынок 8,4% товарного хлеба, средние хозяйства — 53,4%, зажиточные — 17,9%, предпринимательские — не более 20,3%. Иными словами, около 80% поступавшего на рынок крестьянского хлеба приходилось на хозяйства, не использовавшие наемного труда.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что основными производителями товарного хлеба в первой группе губерний были не зажиточные, а полупролетарские и средние хозяйства.

Таблица 4.12

Крестьянские хозяйства Калужской губернии на хлебном рынке в начале XX в.

Группы хозяйств	Обследовано хозяйств	Продано на 1 хоз.	Всего хозяйств	Всего продано хлеба	
				абс.-руб.	%
До 3 дес.	475	0,7	9736	6815	8,4
3–6 дес.	989	1,6	14637	23419	28,9
6–9 дес.	543	3,0	6605	19815	24,5
9–12 дес.	183	6,1	2370	14457	17,9
Более 12 дес.	139	10,2	1613	16453	20,3
Всего	2329	—	34961	80959	100,0

Источники: Статистическое описание Калужской губернии, т. 1. Козельский уезд. Вып. I. Основные таблицы. Калуга, 1897. С. 317–360; т. 2. Лихвинский уезд. Вып. I. Основные таблицы. Калуга, 1898. С. 239–283; т. 3. Перемышльский уезд. Вып. I. Основные таблицы. Калуга, 1899. С. 255–301. Меры переведены в пуды на основании: Свод урожайных сведений за 1883–1915 гг. Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях. М., 1928. С. 58–59.

Положение дел в губерниях, не имевших излишков продовольственного зерна, но являвшихся производителями на рынок овса, рассмотрим на примере Пензенской губернии.

По Пензенской губернии мы располагаем материалами бюджетного обследования 260 крестьянского хозяйства, проведенного в 1913 г. Собранные материалы были опубликованы в 1923 г. в списочном порядке. Учитывая, что примерно к этому же времени (1912 г.) относятся материалы военно-конской переписи, возьмем за основу группировку обследованных крестьянских хозяйств такой признак, как обеспеченность лошадьми (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Крестьянские хозяйства Пензенской губернии на хлебном рынке в начале XX в.

Категории хозяйств	Обследовано хозяйств	Ими продано, руб.	Продано на 1 хоз.	Всего хоз-в	Всего продано	
					абс.-руб.	в %
Безлошадные	44	1073	24,4	81661	1992528	11,5
Однолошадные	113	5661	50,1	92508	4634651	26,6
Двухлошадные	57	5421	95,0	50441	4791895	27,5
Трехлошадные	32	3923	122,6	20834	2554248	14,7
4 и более	14	3996	285,4	12008	3427083	19,7
Всего	260	20074	—	257452	17400405	100,0

Источник: Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии. 1909–1913 гг. / Под общей редакцией В.Г. Громана. Серия III. Исследование земельных имуществ. Ч. II. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Отд.3. Итоги погубернской разработки материалов сплошной и выборочной

подворной переписи. Вып. 12. Итоговые и комбинационные таблицы. Пенза, 1923; Ч. III. Бюджетное исследование крестьянских хозяйств, разработанное под непосредственным руководством Г.А. Кривченко. Вып. 1. Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923. С. 5, 11, 25, 31, 45, 51, 65, 71, 85, 91, 105, 111.

Приведенные данные показывают, что в Пензенской губернии начала XX века пролетарские и полупролетарские хозяйства (безлошадные и однолошадные) реализовали на рынке до 38% товарного хлеба. 42% приходилось на средние хозяйства (двух-трехлошадные) и максимум 20% — на деревенские верхи. Таким образом, и в Пензенской губернии, имевшей накануне Первой мировой войны излишки хлеба (преимущественно овса), главную роль на хлебном рынке играли не зажиточные, а беднейшие и средние крестьянские хозяйства.

Таким образом, и во второй группе губерний главную роль на рынке играли средние и полупролетарские хозяйства. Особенность этого региона заключалась, правда, в том, что здесь роль зажиточных хозяйств была выше, чем в первой группе губерний.

Обратимся теперь к тем губерниям, которые имели излишки продовольственного зерна.

Значительными хлебными излишками располагала Полтавская губерния, собиравшая накануне Первой мировой войны около 140 млн. пуд. хлеба. Излишки только продовольственного зерна достигали здесь 36 млн. пуд., или же более 30% его общего сбора.

В 1902–1903 гг. на территории Полтавской губернии было проведено специальное обследование крестьянских бюджетов. Оно охватило 100 хозяйств, которые в зависимости от размера посева были подразделены на пять групп: до 3 дес., от 3 до 6 дес., от 6 до 9 дес., от 9 до 15 дес. и более 15 дес. Отнесем к беднейшим хозяйства с посевом до 3 дес., к средним или же мелкотоварным — с посевом от 3 до 9 дес., к зажиточным — с посевом от 9 до 15 дес. и к предпринимательским — с посевом более 15 десятин. Чтобы получить представление о той роли, которую они играли на хлебном рынке, скомбинируем данные бюджетного обследования с данными подворной переписи 1900 года (табл. 4.14).

Таблица 4.14
Крестьянские хозяйства Полтавской губернии на хлебном рынке в начале XX в.

Группы хозяйств	Бюджеты	Продано на 1 хоз.	Всего хозяйств	Весь товарооборот	
				абс.- руб.	%
1–3 дес.	5	17,9	104769	1875365	7,2
3–6 дес.	23	29,5	111935	3302082	12,7
6–9 дес.	21	127,0	47686	6056122	23,2
9–15 дес.	32	197,4	30066	5835028	22,4
15–50 дес.	19	611,5	14735	9010452	34,5
Всего	100	-	309190	26079049	100,0

Источник: Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1907 год. Полтава, 1907. Отд. II. С. 95, 119.

Приведенные выше расчетные данные показывают, что беднейшее и среднее крестьянство играло на хлебном рынке довольно важную роль. На них приходилось 43% товарного хлеба. Зажиточные хозяйства давали 22%, предпринимательские — почти 35%. Это означает, что здесь доминировало мелкотоварное производство.

Одной из самых хлебных губерний Европейской России начала XX в. была Херсонская губерния. В 1911–1915 гг. общее производство зерна достигало здесь 183 млн. пуд., производство продовольственных культур — 172 млн. пуд., в связи с чем чистый сбор всех хлебов составлял 43,2 пуд. на душу населения, чистый сбор продовольственных хлебов — 40,5 пуд. Избыток продовольственного зерна превышал 82 млн. пуд., что в расчете на душу населения дает 22,5 пуд. Иными словами, Херсонская губерния производила продовольственного зерна в 2,3 раза больше того количества, которое необходимо было для обеспечения ее собственных продовольственных потребностей.

Какую же роль играли отдельные категории крестьянских хозяйств на хлебном рынке Херсонской губернии начала XX в.?

Для ответа на этот вопрос обратимся к материалам бюджетного обследования 124 крестьянских хозяйств 1896–1899 гг., опубликованным в списочном порядке. Располагая данными военно-конской переписи 1896 г., представляется возможным сгруппировать крестьянские хозяйства, ставшие объектом бюджетного обследования, по их обеспеченности лошадьми. Причем поскольку и здесь преобладали черноземные почвы, то среднее крестьянское хозяйство должно было иметь в своем распоряжении по крайней мере 2–3 лошади. Безлошадные и однолошадные хозяйства следует отнести к деревенской бедноте, хозяйства, имевшие 4–5 лошадей, — к числу зажиточных, 6 и более — к предпринимательским: табл. 4.15.

Таблица 4.15

Крестьянские хозяйства Херсонской губернии на хлебном рынке в конце XIX в.

Группы хозяйств	Обследовано хозяйств	Продано на 1 хоз.	Всего хозяйств	Доход от продажи	
				абс.-руб.	относ.-%
Безлошадные	14	3,8	95463	362759	1,3
1-лошадные	2	10,0	14769	147690	0,5
2-лошадные	45	72,5	78793	5712492	20,5
3-лошадные	11	133,6	27994	3739998	13,4
4-лошадные	21	213,4	21914	4676448	16,8
5-лошадные	12	212,9	10153	2161574	7,7
6 и более	19	679,9	16340	11109566	39,8
Всего	124	—	265426	27910527	100,0

Источники: Арнольд В.Ф. Общие черты агротехнической техники и сельскохозяйственной экономии крестьянских хозяйств Херсонского уезда. Херсон, 1902. С. 92–299; Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898.

В соответствии со сделанными расчетами, пролетарские и полупролетарские крестьянские хозяйства играли на рынке Херсонской губернии меньшую роль, чем в Полтавской губернии. На их долю приходилось менее 2% товарного хлеба. Средние крестьянские хозяйства, имевшие 2–3 лошадей, давали почти 34%. На долю зажиточных хозяйств приходилось 24% и почти 40% — на долю предпринимательских хозяйств.

Рассмотренные данные показывают, что самые хлебные губернии можно разделить на две группы: в первой из них (Полтавская, Симбирская, Харьковская), как и во всех других рассмотренных губерниях, основная масса хлеба шла из средних и полупролетарских хозяйств, во второй группе (Воронежская, Херсонская) большую часть товарного зерна давали зажиточные и предпринимательские крестьянские хозяйства. Однако если учесть, что зажиточные хозяйства использовали главным образом семейный труд и лишь частично прибегали к найму, даже в этих губерниях капиталистическое производство не играло главной роли.

Полученные результаты свидетельствуют, что к началу XX в. капиталистическая перестройка зернового производства была далека от своего завершения. В его основе продолжало лежать мелкотоварное хозяйство, основанное не на наемной силе, а на труде членов собственной семьи. А поскольку ведущей фигурой на рынке являлись беднейшие и средние крестьянские хозяйства, многие из которых не имели хлебных излишков, товарность этих хозяйств в значительной степени являлась вынужденной.

Как было показано еще до революции, *деревенская беднота по дешевке продавала часть своего хлеба осенью, чтобы уплатить налоги и рассчитаться с кредиторами, а весной прибегала к покупке уже более дорогого хлеба, недостающего ей, чтобы дотянуть до нового урожая*⁶⁷⁶.

Характеризуя роль отдельных групп крестьянского хозяйства на хлебном рынке, правомерно поставить вопрос о том, изменялась ли она в рассматриваемый период и если да, то в каком направлении?

Некоторое представление на этот счет дают материалы земских переписей по Воронежской губернии 1887 и 1900 гг. (табл. 4.16).

Таблица 4.16

Связь с рынком крестьянских хозяйств
Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в 1887 и 1900 гг.

Категории хозяйств	1887			1900			Изменение	
	всего	торгующих	%	всего	торгующих	%	абс.	%
До 15 дес.	4835	3027	63	5523	4009	73	+982	32
15–25 дес.	1351	1132	84	1412	1228	87	+96	8
Более 25 дес.	620	555	90	396	370	93	–184	33
Всего	6806	4714	69	7331	5607	76	+893	19

Источник: Материалы повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии 1900 г. Т. II. Нижнедевицкий уезд. Воронеж, 1903. С. 98–129.

⁶⁷⁶ См., например: Ляшенко П.И. Очерки аграрной истории России... С. 389–398.

Приведенные данные показывают, что в конце 80-х годов XIX века почти 69% всех крестьянских хозяйств Нижнедевицкого уезда реализовали часть производимой ими продукции на рынке и, следовательно, являлись товаропроизводителями. Наиболее широкие связи с рынком имели деревенские верхи — 90%, однако и деревенская беднота более чем наполовину тоже выступала в качестве товаропроизводителей. Причем в силу численного преобладания беднейшие хозяйства составляли 64% всех торгующих крестьянских хозяйств.

За 13 лет с 1887 по 1900 г. в данном вопросе не произошло существенных изменений, но некоторые тенденции развития отметить все-таки можно. Прежде всего увеличилось число торгующих крестьянских хозяйств и их доля в общей массе хозяйств (с 69 до 76%). Доля торгующих хозяйств выросла во всех трех выделенных группах, причем наиболее значительным было ее возрастание среди беднейших хозяйств (с 64 до 71%).

Таким образом, в конце XIX века расширение численности товаропроизводящих хозяйств в Нижнедевицком уезде осуществлялось главным образом за счет втягивания в рыночные отношения деревенских низов. Правда, разоренное или же разоряющееся крестьянское хозяйство значительно уступало зажиточному хозяйству по размерам реализуемого на рынке хлеба. Но поскольку численность торгующей деревенской бедноты значительно превосходила численность деревенских верхов, это не могло не отразиться и на их роли в торговле хлебом: табл. 4.17.

Таблица 4.17

Изменение роли отдельных категорий крестьянских хозяйств Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии на хлебном рынке в 1887–1900 гг.

Категории хозяйств	1887		1900		Изменение	
	продано –пуд.	в %	продано-пуд.	в %	абс.-пуд.	в %
До 15 дес.	83969	40	138717	49	54748	71,0
15–25 дес.	66650	32	88860	31	22210	28,5
Более 25 дес.	58285	28	58667	20	382	0,5
Всего	208904	100	286244	100	77340	100,0

Источник: Материалы повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии 1900 г. Т. II. Нижнедевицкий уезд. Воронеж, 1903. С. 98–129.

В 1887 г. торговые обороты одного зажиточного хозяйства превосходили торговые обороты одного бедняцкого хозяйства почти в четыре раза. К 1900 г. этот разрыв увеличился, но поскольку количество зажиточных крестьянских хозяйств было невелико, да и оно сокращалось, роль деревенской бедноты в реализации хлеба возросла, а роль деревенских верхов сократилась. В 1887 г. беднейшие хозяйства давали около 40% всего реализуемого на рынке хлеба, 32% составлял хлеб середняцких хозяйств и 28% — деревенских верхов. В 1900 г. беднота выбросила на рынок уже 49% товарного хлеба, средние хозяйства — примерно 31%, деревенские верхи — 20%.

Следовательно, в рассматриваемый период происходило не только увеличение доли деревенской бедноты среди товаропроизводящих крестьянских хозяйств, но и возрастание их значения на хлебном рынке.

В связи с этим существенно изменилась структура прироста товарного хлеба. За 1887–1900 гг. стоимость реализуемого на рынке хлеба увеличилась на 77340 руб., из них 382 руб. составлял прирост товарной массы деревенских верхов — 0,5%, 22210 руб. — прирост товарной массы средних хозяйств — 28,5% и 54748 руб. или 71,0% приходились на беднейшие крестьянские хозяйства. Соответственно стоимость реализованного на рынке хлеба у деревенских верхов увеличилась на 0,7%, у средних хозяйств — на 33,3% и у деревенской бедноты — на 65,1%. Это свидетельствует, что хлебный рынок Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии рассматриваемого периода расширялся почти исключительно за счет деревенской бедноты и средних крестьянских хозяйств.

Можно ли распространять этот вывод на всю Европейскую Россию конца XIX – начала XX века? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо учесть, что *одним из важнейших факторов снижения роли зажиточных крестьянских хозяйств Нижнедевицкого уезда было сокращение их численности*. Обращение к материалам военно-конских переписей за 1888–1912 гг. обнаруживает подобное явление в границах всей Европейской России.

Поэтому есть основания думать, что в материалах Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии как в капле воды отразился процесс, который в общем был характерен для всей Европейской России.

Это значит, что в конце XIX – начале XX века вынужденный характер товарности зернового производства не только сохранялся, но и усиливался, что должно было отразиться как на механизме формирования цен, так и на доходности этой отрасли земледельческого производства.

Доходность зернового производства

Рассматривая доходность зернового производства Европейской России начала XX века, исследователи используют материалы обследования, проведенного накануне Первой мировой войны Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Департамента земледелия. Между тем данные этого обследования вызывают сомнения. В ходе этого обследования, объектом которого были корреспонденты Департамента земледелия, были завышены доходы (стоимость зерна и соломы) и занижены расходы.

Это дает основание думать, что главная причина расхождения заключается в том, что в ходе правительственного обследования в связи с его более ограниченными масштабами объектом обследования являлись более рациональные по своему агротехническому уровню крестьянские и частновладельческие хозяйства: хозяйства с более высокими урожаями, имеющие возможность реализовать хлеб по более высоким ценам.

Чтобы получить на этот счет более полное представление, рассмотрим отдельно доход и производственные издержки.

Начнем с дохода.

Таблица 4.18

Доход основных зерновых культур с десятины посева
в Европейской России 1909–1913 гг. (руб. на дес.)

Основные показатели	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Рожь					
Зерно	47,71	50,27	41,46	32,80	44,46
Солома	9,63	15,18	6,92	5,18	8,85
Всего	57,34	65,45	48,38	37,98	53,31
Пшеница					
Зерно	55,08	51,36	50,43	40,09	45,43
Солома	8,91	13,42	7,14	4,91	6,48
Всего	63,99	64,78	57,57	45,00	51,91
Ячмень					
Зерно	51,05	51,49	41,75	42,05	48,08
Солома	10,27	16,02	7,61	5,20	8,75
Всего	61,32	67,51	49,36	47,25	56,83
Овес					
Зерно	40,27	48,48	36,07	33,45	40,66
Солома	11,16	16,02	8,11	5,86	10,03
Всего	51,43	64,50	44,18	39,31	50,69

Источники: Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. I. Пг. 1915. С. 368–431. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, год восьмой. Пг., 1915. С. 32–33, 81, 468–469. Сбор в пудах, цены в копейках, стоимость в рублях.

Сопоставление полученных данных с данными обследования 1912 г. показывает, что в материалах обследования валовой доход от производства овса был завышен, как минимум, на 11,1 руб., т.е. на 22%, ячменя — на 14,3 руб., на 25%, озимой ржи — на 22,6 руб., на 42%, яровой пшеницы — на 24,5 руб., на 47%⁶⁷⁷.

Если сделать поправку только на это, доходность производства ячменя опустится с 27,0 до 12,7 руб., с 61 до 29%, овса — с 19,7 до 8,6 руб., с 47 до 20%, яровой пшеницы — с 32,0 до 7,5 руб., с 72 до 17%, озимой ржи — с 24,4 до 1,8 руб., т.е. с 47 до 3,5%, в среднем — с 25,8 до 7,7 руб., с 57 до 17%⁶⁷⁸. Между тем для зернового производства использовались не только собственные, но и арендованные земли⁶⁷⁹. По данным обследования 1912 г., аренда десятины посева под овес составляла 11,51 руб., под ячмень — 12,91 руб., под пшеницу — 13,10 руб. и под

⁶⁷⁷ Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. I. Пг., 1915. С. 368–375 (рожь), 384–391 (овес), 408–415 (пшеница), 424–431 (ячмень).

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961.

рожь — 13,38 руб., в среднем — 12,73 руб.⁶⁸⁰ Следовательно, производство хлеба на арендованной земле имело кабальный характер⁶⁸¹.

Посмотрим теперь, насколько точно Департаментом земледелия были учтены производственные издержки: расход на оплату рабочей силы, стоимость удобрения, семян, топлива для сушки хлеба, а также амортизация и содержание основных средств производства.

В среднем по Европейской России расходы на начальной стадии производства (вывоз удобрения, обработка, посев и заделка) составляли 17,72 руб.: 15,59 — яровые (Север — 21,63 руб., Запад — 21,27 руб., Центр — 11,81 руб., Юг — 10,69 руб.), 19,84 — озимые (Север — 24,59 руб., Запад — 25,94 руб., Центр — 15,36 руб., Юг — 14,32 руб.) (табл. 4.19).

Таблица 4.19

Стоимость работ на начальном этапе зернового производства
в Европейской России начала XX в. (руб. на дес.)

Виды работ	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Озимые					
Удобрение	6,99	5,63	3,28	0,62	3,65
Обработка	15,18	16,91	9,94	11,47	13,80
Посев и заделка	2,77	2,80	1,99	2,23	2,39
Уход за посевами	0,89	0,87	0,86	1,12	0,93
Итого	25,83	26,21	16,07	15,44	20,77
Яровые					
Удобрение	6,99	5,63	3,28	0,2	3,65
Обработка	11,39	12,77	6,94	8,32	9,92
Посев и заделка	2,60	2,27	1,44	1,75	2,02
Уход за посевами	0,89	0,87	0,86	1,12	0,93
Итого	21,87	21,54	12,52	11,81	16,52

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... Таблицы 208–211.

Между посевом и уборкой в зерновом производстве возникала своеобразная пауза, во время которой все усилия крестьянина сводились только к уходу за посевами. В материалах обследования 1889 г. этот вид работы не нашел отражения. Согласно бюджетным данным середины 1920-х гг., он требовал около одного дня на десятину. Если взять летнюю заработную плату пешего работника, мы получим в среднем 93 коп.: Север — 89 коп., Запад — 87 коп., Центр — 86 коп., Юг — 112 коп.

Суммирование расходов по оплате труда на заключительной стадии зернового производства дает на десятину посева 21,38 руб.: озимые — 22,92 руб., яровые — 19,85 руб., т.е. почти столько же, сколько требовалось затратить на подготовку пашни к посеву, сам посев и его заделку (табл. 4.20).

⁶⁸⁰ Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. I. С. 308–431.

⁶⁸¹ Сравните: Анфимов А.М. Земельная аренда в России... С. 149–176; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С. 112–116.

Таблица 4.20

Стоимость работ на завершающем этапе зернового производства
в Европейской России начала XX в. (руб. на дес.)

Виды работ	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Озимые					
Уборка	7,01	7,04	4,02	4,22	5,81
Перевозка	5,19	4,99	5,46	5,95	5,45
Заготовка топлива	1,42	1,07	1,04	1,53	1,23
Молотьба	11,84	10,27	8,30	7,91	10,39
Всего	25,46	23,37	18,82	19,61	22,88
Яровые					
Уборка	6,03	5,51	3,24	4,13	4,40
Перевозка	4,84	4,61	4,97	5,95	5,08
Заготовка топлива	1,42	1,07	1,04	1,63	1,26
Молотьба	10,76	8,79	7,47	7,58	9,14
Всего	23,05	19,98	16,72	19,29	19,88

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... Таблицы 213–216.

В целом общий расход на рабочую силу в зерновом производстве Европейской России начала XX в. достигал 40,0 руб. В северных губерниях он поднимался до 47,6 руб., в западных составлял 45,7 руб., в южных опускался до 33,0 руб., в центральных — до 32,2 руб. Это показывает, что наиболее высокие расходы, связанные с оплатой труда, были в губерниях раннего освоения, наиболее низкие — в губерниях позднего освоения (табл. 4.21).

Таблица 4.21

Общий расход на рабочую силу в зерновом производстве
Европейской России начала XX в. (руб. на дес.)

Виды работ	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Озимые					
Подготовка	25,83	26,21	16,07	15,44	20,77
Уборка	25,46	23,37	18,82	19,61	22,88
Всего	51,29	49,58	34,89	35,05	43,65
Яровые					
Подготовка	21,87	21,54	12,52	11,81	16,52
Уборка	23,05	19,98	16,72	19,29	19,88
Всего	44,92	41,52	29,24	31,10	36,40

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... Таблицы 212 и 217.

Если сопоставить полученный результат с данными правительственного обследования 1912 г., обнаруживается расхождение в 14 руб., или в 35%. Одна из его причин заключается в том, что в материалах Департамента земледелия отсутствуют данные о расходе на заготовку топлива (1,25 руб.). И хотя расходы по данной статье постепенно сокращались, сбрасывать их со счета нельзя. Если же сделать поправку на них, расхождение между двумя расчетами сократится с 14,02 до 12,77 руб., или же до 32%.

Это расхождение связано главным образом с четырьмя операциями (вывоз удобрения — 1,12 руб., обработка пашни — 4,41 руб., перевозка — 2,54 руб. и молотья — 4,40 руб., итого 12,47 руб.).

Таблица 4.22

Сравнительные данные о расходе на рабочую силу
в зерновом производстве Европейской России начала XX в.

Статьи расхода	Данные (руб. на дес.)		Расхождение	
	Департамент земледелия	Наш расчет	абс.	в %
Вывоз удобрения	2,53	3,65	-1,12	30,7
Обработка	7,45	11,86	-4,41	37,2
Посев и заделка	2,15	2,20	-0,05	2,2
Уход за посевами	0,35	0,93	-0,58	62,4
Уборка	5,44	5,11	+0,33	6,5
Перевозка	2,72	5,26	-2,54	48,3
Заготовка топлива	—	1,25	-1,25	—
Молотья	5,36	9,76	-4,40	45,1
Всего	26,00	40,02	-14,02	35,5

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... Таблицы 208–211, 213–216; Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. 1. Пг. 1915.

Объяснение различий в оценке труда при вывозе удобрения, обработке пашни и перевозке убранных хлеба прежде всего заключается в том, что пашня помещиков и наиболее зажиточных крестьян, которые являлись главным объектом правительственного обследования 1912 г., как правило, располагалась компактно, в то время как крестьяне, бывшие главным объектом обследования 1889 г., владели пашней чересполосно, что требовало много времени на переезды.

Особенностями двух разных групп хозяйств, бывших предметом обследования в 1889 и 1912 гг., во многом объясняется и расхождение и в оценке стоимости молотья хлеба: процесс механизации в первую очередь затронул частновладельческие хозяйства и хозяйства наиболее состоятельных крестьян, в то время как основная масса крестьян продолжала молотить хлеб вручную.

К этому следует добавить, что в основу проделанных выше расчетов были положены сведения о поденной заработной плате, которую с известной долей услов-

ности можно рассматривать как показатель более или менее свободного найма. На практике же чаще всего использовались другие виды оплаты труда, в разной степени снижающие ее уровень. Это касается «зимней наемки», которая представляла собой отработку различных форм кредита, а также сезонного и погодового найма, предоставление работникам хозяйских харчей.

Производственные издержки включали в себя не только расход на рабочую силу, но и так называемые «прочие расходы», которые прежде всего включали в себя стоимость семян (табл. 4.23).

Таблица 4.23

Стоимость семян в зерновом производстве
Европейской России начала XX в. (на дес. посева)

	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Рожь					
Семена	41385	42728	101452	25932	211497
Площадь посева	3909	4418	11374	4007	23708
Норма высева	10,6	9,7	8,9	6,5	8,9
Цена	97	84	74	72	82
Стоимость	10,28	8,15	6,59	4,68	7,30
Пшеница					
Семена	1490	1561	30678	75535	107264
Площадь посева	134	166	3797	11268	15365
Норма высева	11,1	9,4	8,1	6,7	7,0
Цена	135	105	108	109	113
Стоимость	14,99	9,87	8,75	7,30	7,91
Ячмень					
Семена	5555	14037	14927	35355	69874
Площадь посева	494	1412	1641	5000	8547
Норма высева	11,2	9,9	9,1	7,1	8,2
Цена	104	87	78	79	88
Стоимость	11,65	8,61	7,10	5,61	7,21
Овес					
Семена	32598	28772	79244	16681	157295
Площадь посева	2344	2608	7115	2014	14081
Норма высева	13,9	11,0	11,1	8,3	11,2
Цена	81	85	69	79	78
Стоимость	11,26	9,35	7,66	6,56	8,74

Источники: Урожай [1896–1915] года в Европейской и Азиатской России. СПб., 1896–1916; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 482–483. Цена — коп. за пуд, семена — тыс. пуд., стоимость семян — тыс. руб., стоимость семян на 1 дес. посева — руб.

Стоимость семян позволяют определить данные о нормах высева и ценах на хлеб (осенних для озимой ржи и летних — для яровых культур): ячмень — 7,13 руб., озимая рожь — 7,30 руб., яровая пшеница — 7,98 руб., овес — 8,74 руб.

Следующая статья расходов — стоимость удобрения.

Для определения этого показателя воспользуемся данными о степени обеспеченности посевов навозом и ценами на навоз, которые были собраны Департаментом земледелия при обследовании доходности производства картофеля. Сделанный расчет показывает, что в среднем на десятину посева приходилось 4,35 коп. В северных губерниях этот показатель поднимался до 8,96 руб., в южных опускался до 0,91 руб. (табл. 4.24).

Таблица 4.24

Стоимость навозного удобрения в зерновом производстве
Европейской России начала XX в.

Показатели	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
На 1 дес.	640	450	320	70	290
Цена	1,4	1,9	1,2	1,3	1,5
Стоимость	8,96	8,55	3,84	0,91	4,35

Источники: Таблица 2.7; Картофель. Современное положение культуры картофеля и стоимость его производства. Ч. 1–2. СПб., 1912–1914. Расход навоза — пуд., цена — коп., стоимость — руб.

В рассматриваемое время наряду с навозом в практику постепенно входило использование минеральных удобрений⁶⁸². В 1909–1913 гг. их среднегодовое потребление составляло не менее 30 млн. пуд. на сумму 18,2 млн. руб.⁶⁸³ Учитывая, что в Европейской России начала XX в. было сосредоточено около 75% всех посевов, возьмем 12 млн. руб. Это дает на десятину посева примерно 17 коп. Следовательно, общий расход на удобрение составлял 4,52 коп.

Для сравнения: в материалах обследования 1912 г. стоимость удобрения на десятину озимой ржи была определена в 9,61 руб., на десятину ячменя — 5,28, яровой пшеницы — 5,14, овса — 4,92 руб., в среднем на десятину яровых — 5,11 руб., на десятину всех посевов — 7,36 коп.⁶⁸⁴ Объяснение этого, по всей видимости, заключается в том, что объектом правительственного обследования были хозяйства с более высоким агрокультурным уровнем.

Не имея в своем распоряжении данных о стоимости топлива применительно к началу XX в., воспользуемся теми сведениями на этот счет, которые были опубликованы в 1889 г. Они показывают, что в северных губерниях расход топлива на де-

⁶⁸² Маркович П.П. Распространение и применение минеральных удобрений в России // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. СПб., 1908. С. 106–130.

⁶⁸³ Рашкович С.Л. Удобрительная промышленность в России. Пг., 1920. С. 6, 39–66. Не учтены некоторые другие виды удобрения, например: фосфоритная мука — ок. 500 тыс. пуд., о которых не удалось обнаружить подобные же сведения. Сведения о калийных удобрениях за 1908–1912 гг.

⁶⁸⁴ Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. 1... С. 368–431.

сятину посева оценивался примерно в 1,25 руб., в центральных — в 0,77 руб., в южных и западных — в 0,74 руб., в среднем по Европейской России — в 0,80 руб.⁶⁸⁵.

Последняя статья — это так называемые «косвенные расходы», которые прежде всего включали в себя содержание и амортизацию используемых в земледелии средств производства. Коэффициенты амортизации отдельных видов средств производства можно найти в дореволюционной справочной литературе⁶⁸⁶, однако более обоснованными представляются те коэффициенты, которые были выведены в конце 20-х годов ЦСУ на основании данных крестьянских бюджетов: постройки — 3,0%, сельскохозяйственные машины — 5,5% (сеялки — 5,5%, жатки — 5,8%, молотилки — 5,1%, веялки — 5,3%), транспортные средства — 9,5%, упряжь — 12,5%⁶⁸⁷.

Как констатировалось в литературе конца XIX в., «лошадь достигает в среднем возраста 20–25 лет»⁶⁸⁸. А поскольку по мере старения она начинала утрачивать физическую силу, на практике этот срок редко превышал 15 лет⁶⁸⁹. Поэтому коэффициент амортизации рабочего скота можно взять в пределах 6,5%⁶⁹⁰.

Учитывая стоимость сельскохозяйственных орудий и машин, транспортных средств и упряжи, жилых и производственных построек, а также рабочего скота и принимая во внимание названные коэффициенты амортизации, можно определить производственные расходы по данной статье.

Правда, если амортизация сельскохозяйственных машин и орудий можно полностью входила в производственные издержки зернового производства, то амортизация других средств производства — лишь частично, поскольку они использовались как в других отраслях земледелия, так и в животноводстве.

В связи с этим распределим стоимость этих средств производства между земледелием и животноводством пропорционально площади пашни и лугов, а для определения доли амортизации средств, связанных с земледелием и приходящихся на зерновое производство, — на основании соотношения площади посева зерновых к общей площади посева земледельческих культур.

Полученный результат (1,69 руб. на дес. посева: Север — 2,68 руб., Запад — 2,10 руб., Центр — 1,59 руб., Юг — 1,19 руб.) почти в четыре раза меньше «косвенных расходов», учтенных правительственным обследованием 1912 г. Одна из причин этого заключается в том, что, кроме амортизации, в состав косвенных расходов входил уход за производственными постройками, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем, транспортными средствами. Под уходом в данном случае имеется в виду не только содержание их в надлежащем состоянии, но и своевременный ремонт.

⁶⁸⁵ Временник ЦСК МВД. № 10. Материалы по вопросу о стоимости обработки земли в Европейской России. СПб., 1889.

⁶⁸⁶ Баталин Ф.А. Справочная книга русского сельского хозяина... С. 25–26.

⁶⁸⁷ Амортизация крестьянских построек и сельскохозяйственного инвентаря. М., 1929. С. 238–239.

⁶⁸⁸ Книпович Н. Лошадь // Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 45.

⁶⁸⁹ Именно такой предел был установлен для использования лошадей в армии. См.: Наставление для определения годности лошадей и разделение их по сортам при поставке в войска в случае войны. 3 февраля 1910 г. // Собрание узаконений и распоряжений Сената. 1910. № 93. 17 июня. С. 1988.

⁶⁹⁰ В справочной литературе можно встретить более высокий коэффициент — 10% (Баталин Ф.А. Справочная книга русского сельского хозяина... С. 318).

Едва ли не единственная попытка учесть расходы крестьянского хозяйства, связанные с уходом за средствами производства, и определить их долю в издержках производства в расчете на десятину посева была сделана в 1929 г. на основании бюджетных обследований 1922–1925 гг.⁶⁹¹ Однако по ряду причин воспользоваться результатами этих исчислений не представляется возможным.

В связи с этим используем следующий прием: возьмем расходы по ремонту названных средств производства в размере их амортизации, т.е. в объеме их ежегодного износа, а расходы по содержанию — в пределах 10% от этого показателя. В итоге это даст 3,55 руб. на десятину посева, что в полтора раза меньше соответствующего показателя правительственного обследования.

Объяснение этого, по всей видимости, следует искать в том, что, принадлежа к наиболее благополучным, обследованные хозяйства имели более дорогие постройки, рабочий скот, инвентарь, транспорт, а также в том, что Департамент земледелия включил в состав косвенных расходов налоги и некоторые другие платежи.

Общее представление о «прочих расходах» дает таблица 4.25.

Таблица 4.25

«Прочие расходы» в зерновом производстве
Европейской России начала XX в. (руб. на дес.)

Расходы	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Озимая рожь					
Семена	10,28	8,15	6,59	4,68	7,30
Удобрение	8,96	8,55	3,84	0,91	4,35
Косвенные расходы	5,63	4,41	3,34	2,48	3,55
Всего	24,87	21,11	13,77	8,07	15,20
Яровая пшеница					
Семена	14,99	9,87	8,75	7,30	7,91
Удобрение	8,96	8,55	3,84	0,91	4,35
Косвенные расходы	5,63	4,41	3,34	2,48	3,55
Всего	29,58	22,83	15,93	10,69	15,81
Ячмень					
Семена	11,65	8,61	7,10	5,61	7,21
Удобрение	8,96	8,55	3,84	0,91	4,35
Косвенные расходы	5,58	4,41	3,34	2,48	3,55
Всего	26,19	21,57	14,28	9,00	15,11
Овес					
Семена	11,26	9,35	7,66	6,56	8,74
Удобрение	8,96	8,55	3,84	0,91	4,35
Косвенные расходы	5,58	4,41	3,34	2,48	3,55
Всего	25,80	22,31	14,84	9,95	16,64

⁶⁹¹ Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве. Вып. 1. География себестоимости. М., 1929. С. 50.

Источники: таблицы 4.23, 4.24; Временник ЦСК МВД. № 10. Материалы по вопросу о стоимости обработки земли в Европейской России. СПб., 1889.

Сделанный расчет показывает, что «прочие расходы» на десятину посева (без учета топлива и минеральных удобрений) составлял 15,69 руб.: овес — 16,64 руб., яровая пшеница — 15,81 руб., озимая рожь — 15,20 и ячмень — 15,11 руб. Это значительно меньше, чем по материалам обследования 1912 г., согласно которым, «прочие расходы» в среднем достигали 20,50 рубля на десятину посева: и овес — 19,16 руб., ячмень — 19,38 руб., яровая пшеница — 19,94, озимая рожь — 23,53 руб. По отдельным статьям это расхождение выглядит следующим образом (табл. 4.26).

Таблица 4.26

«Прочие расходы» в зерновом производстве
Европейской России начала XX в. по расчетам 1912 и 2012 гг.

Статьи расходов	Данные		Расхождение	
	Департамент земледелия	Наш расчет	абс.	в %
Озимые				
Семена	7,60	7,30	0,30	4
Удобрения	9,61	4,35	5,26	121
Косвенные расходы	6,32	3,55	2,77	78
Всего	23,53	15,20	8,33	55
Яровые				
Семена	8,91	7,95	0,96	12
Удобрения	4,56	4,35	0,21	0,5
Косвенные расходы	6,02	3,55	2,47	70
Всего	19,49	15,85	3,64	23

Источники: Таблица 4.25; Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. 1. Пг., 1915.

Если суммировать расходы, получается, что производство озимой ржи требовало 60,1 руб. на десятину посева, овса — 54,2 руб., яровой пшеницы — 53,4 руб., ячменя — 52,6 руб. Наиболее дорогостоящим являлось производство ржи в северных губерниях — 77,7 руб., наименьших расходов требовало производство ячменя в южных губерниях — 31,0 руб. (табл. 4.27).

Предпринятая попытка проверить репрезентативность данных обследования 1912 г. о производственных издержках показывает, что они были занижены по меньшей мере на 10–15%. Если сделать поправку на это, *производство озимой ржи окажется убыточным, а доходность производства яровых культур опуститься почти до нуля* (табл. 4.28).

Таблица 4.27

Производственные издержки в зерновом производстве Европейской России начала XX в. (руб. на десятину посева)

	Север	Запад	Центр	Юг	В среднем
Озимая рожь					
Рабочая сила	51,29	49,95	35,00	35,05	43,69
Прочие расходы	24,87	21,11	13,77	8,07	15,20
Всего	76,16	71,06	48,77	43,12	58,89
Яровая пшеница					
Рабочая сила	43,84	41,52	29,35	31,00	36,37
Прочие расходы	29,58	22,83	15,93	10,69	15,81
Всего	73,42	63,33	45,28	41,69	52,18
Ячмень					
Рабочая сила	43,84	41,52	29,35	31,00	36,37
Прочие расходы	26,19	21,57	14,28	9,00	15,11
Всего	70,03	63,09	43,63	40,00	51,48
Овес					
Рабочая сила	43,84	41,52	29,35	31,00	36,37
Прочие расходы	25,80	22,31	15,84	9,95	16,64
Всего	69,64	63,83	45,19	40,95	52,01

Источники: Таблицы 4.21 и 4.25.

Не абсолютизируя полученных данных и понимая их ориентировочный характер, можно сделать вывод о том, что материалы обследования 1912 г. позволяют судить о доходности только наиболее образцовых частновладельческих и крестьянских хозяйств. Что же касается общей доходности зернового производства Европейской России начала XX в., то она требует специального исследования.

Предварительная, экспертная оценка, основанная на результатах проделанного расчета, дает основания считать, что в общем накануне Первой мировой войны зерновое производство Европейской России являлось убыточным. «Невыгодность зернового хозяйства» на рубеже XIX–XX вв. признавалась и современниками⁶⁹².

При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, речь идет только к той части зерна, которая поступала на рынок. Во-вторых, необходимо учитывать разницу, которая существовала между мелким и крупным производством.

⁶⁹² Россия в конце XIX в. СПб., 1900. С. 186; Бирюкович В.В. Сельскохозяйственная техника. СПб., 1903. С. 23.

Таблица 4.28

Доходность зернового производства Европейской России
начала XX века (сравнительный анализ)

Элементы доходности	Озимые	Яровые	В среднем
Стоимость урожая			
Департамент земледелия	75,9	69,8	72,8
Наш расчет	53,3	53,1	53,2
Расхождение: абс. в %	22,6 42%	16,7 31%	19,6 37%
Издержки			
Департамент земледелия	51,5	43,5	47,5
Наш расчет	58,9	51,9	55,4
Расхождение: абс. в %	7,4 13%	8,4 16%	7,9 14%
Прибыль			
Департамент земледелия	+24,4	+26,3	+25,3
Наш расчет	-5,6	+1,2	-2,2

Источники: Таблицы 4.22–4.27. Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. I. Пг., 1915. С. 368–431.

Если для крестьян, выступающих одновременно и в качестве хозяев средств производства, и в качестве работников, «часть продукта, соответствующая заработной плате, — подчеркивал К.Маркс, — представляет их доход», то «для капиталистов она является авансированием капитала», т.е. входит в состав производственных издержек. «Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие производства продукта труда, который прежде всего и имеется в виду». Что же касается прибавочного продукта, то «он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил». А поэтому хотя мелкий производитель «стремится продавать как можно дороже», «но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью ипотеками и т.д.»⁶⁹³.

Иными словами, мелкое производство может продавать свою продукцию, даже теряя при этом весь прибавочный продукт, в то время, как необходимым условием крупного капиталистического производства является получение прибавочной стоимости.

«Здесь, — писал К.Маркс, — одна из причин того, что в странах с преобладанием parcelлярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром...»⁶⁹⁴

⁶⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1961. С. 245.

⁶⁹⁴ Там же. С. 371.

А поскольку в Европейской России главным производителем товарного зерна было беднейшее и среднее крестьянство и *поскольку товарность его хозяйства во многом имела вынужденный характер, данное обстоятельство заставляло его реализовать свою продукцию на рынке по ценам ниже ее реальной стоимости, а нередко даже ниже ее себестоимости.*

В таких условиях товарное капиталистическое производство могло быть рентабельным при трех условиях: а) там, где существовала возможность получения дифференциальной земельной ренты, б) на основе кабальной эксплуатации наемных рабочих и в) на основе подобной же кабальной аренды.

Рассматривая бюджет крестьянского хозяйства Дорогобужского уезда Смоленской губернии, Д.И. Будаев обнаружил, что здесь с точки зрения капитализма убыточным было не только земледелие, а все крестьянское хозяйство⁶⁹⁵. Придавая особое значение этому частному факту, А.М. Анфимов писал: «Важно отметить полученный результат — превышение расходов над доходами. С этим фактом сталкивались многие статистики, когда рассчитывали рабочую силу и продукты, использованные в хозяйстве, по местным ценам, так как закон от 12 июня 1893 г. требовал при оценочных расчетах пользоваться местными ценами на труд и продукцию сельского хозяйства. В результате получалась сумма расхода, не покрываемая фактическими доходами от хозяйства»⁶⁹⁶.

Об «убыточности» крестьянского хозяйства без доходов от промыслов писали и другие авторы⁶⁹⁷.

Несмотря на то, что зерновое производство Европейской России начала XX века с точки зрения капиталистического хозяйства в целом являлось убыточным, крестьяне продолжали арендовать землю. По данным «Комиссии центра», к концу XIX в. средняя арендная плата не превышала 6,5 руб.⁶⁹⁸ Накануне Первой мировой войны аренда пашни достигала 12,8 руб.⁶⁹⁹

Крестьяне не только арендовали землю, но и платили налоги: мирские, земские, казенные. По подсчетам А.Л. Вайнштейна, накануне Первой мировой войны крестьяне 50 губерний Европейской России уплачивали различного рода податей на сумму 1,1 млрд. руб.⁷⁰⁰ Если учесть, что в это время общая площадь сельскохозяйственных угодий составляла около 142 млн. дес., получится, что на одну десятину приходилось 7,7 руб.

Подчеркивая, что в условиях капитализма цена на землю представляет собою капитализированную ренту и что по этой причине она изменяется в соответствии с изменением общей доходности земли, К. Маркс вместе с тем обращал внимание на то, что

⁶⁹⁵ Будаев Д.И. Смоленская губерния в конце XIX – начале XX в. К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972. С. 354.

⁶⁹⁶ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьянства Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 166.

⁶⁹⁷ Рындзюнский П.Г. Экономический строй крестьянского надельного хозяйства в пореформенное время // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 43.

⁶⁹⁸ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. С. 134–135.

⁶⁹⁹ Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. 1... С. 375 (рожь), 391 (овес), 415 (пшеница), 431 (ячмень).

⁷⁰⁰ Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. С. 47–48.

подобная закономерность не действует в странах с преобладанием парцеллярного хозяйства. «В том случае, — писал он, — где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена на земли повышается независимо от ставки процента, а часто вместе с ней в силу превышения спроса на земельную собственность над предложением»⁷⁰¹.

В связи с этим в условиях острого малоземелья земельные цены могли достигнуть такого уровня, когда помещение капитала в землевладение с целью получения капиталистической прибыли становилось невозможно, так как получаемая в этой сфере экономики капиталистическая рента была значительно ниже обычного банковского процента.

«Поэтому цена земли, — писал К. Маркс, — этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигнуть здесь такой высоты, что производство становится невозможным»⁷⁰².

В связи с этим возникает вопрос о том, какова была динамика земельных цен и как она согласовывалась с доходностью земледелия? Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем следующий расчет. В 60-е гг. XIX в. одна десятина посева давала примерно около 30 пуд. хлеба, в это время средняя цена одного пуда хлеба составляла 55 коп., следовательно весь урожай стоил 16,5 руб. Между тем одна десятина земли в те же годы в оценивалась в 18,0 руб. Отсюда широкое развитие спекулятивных земельных сделок, стремительный рост земельных цен. В 70-е годы десятина земли стоила уже 21 руб., в 80-е годы — 36 руб., в 90-е гг. — 56 руб. и в 900-е гг. — 103 руб. За полвека цены на землю увеличились в 5,7 раза. Эти темпы значительно превосходили и темпы роста урожаев, и темпы роста хлебных цен. Урожай за тот же период увеличились максимум в 1,5 раза, цены после падения 80–90-х гг. превзошли уровень 60-х гг. лишь на 10% и оставались примерно на уровне 70-х гг. В результате стоимость урожая с одной десятины посева поднялась только на 68%. Поэтому если в 60-е годы она достигала 92% по отношению к цене одной десятины земли, то в 900-е гг. сократилась до 27% (табл. 4.29).

Таблица 4.29

Изменение доходности зернового производства
Европейской России (1861–1911 гг.) (руб.)

Дата	Земельные цены		Средний урожай		Хлебные цены		Стоимость урожая		Показатель доходности
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1861–1870	18	100	30	100	55	100	16,5	100	92
1871–1880	21	117	33	110	60	109	19,8	120	94
1881–1890	36	200	36	120	51	93	18,4	112	51
1891–1900	56	311	42	140	50	91	21,0	127	34
1901–1910	103	572	46	153	60	109	27,6	168	27

⁷⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1961. С. 376.

⁷⁰² Там же.

Источники: Миронов Б.Н. Движение хлебных цен в России в 1801–1914 гг. // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 47; Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. СПб., 1907 (1861–1905 гг.); Вып. XXIV. Пг., 1915. С. XXIII (1906–1910 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, год десятый. Пг., 1917.; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии ... Вып. I. СПб., 1903.

Если бы товарное зерновое производство являлось доходным, приведенные цифры можно было бы рассматривать как превращение цены земли в капитализированную ренту. Но поскольку производство хлеба на продажу в целом являлось убыточным, *опережающий рост цен на землю был связан не с капиталистической перестройкой земледельческого производства, а с обострением проблемы малоземелья в крестьянском хозяйстве* и, свидетельствуя о падении доходности землевладения, являлся фактором, способствующим разрушению крестьянского хозяйства.

Другим фактором, сдерживавшим развитие крестьянского хозяйства, являлся неэквивалентный обмен между городом и деревней. Он заключался в искусственном завышении цен на промышленные товары и занижении цен на сельскохозяйственные продукты (так называемые «ножницы цен»). Косвенным отражением этого может служить динамика цен на хлеб и железо.

Правда, в пореформенные годы «ножницы цен» постепенно сокращались. В 1846–1850 гг. пуд железа в Одессе стоил в 7,5 раз дороже, чем пуд ржи, а в 1881–1890 гг. — лишь в 2,3 раза. В 90-е годы этот разрыв снова стал увеличиваться (табл. 4.30).

Таблица 4.30

Соотношение цен на рожь и железо в Одессе с 1846 по 1896 г.

Дата	Железо	Рожь	Расхождение	
			абс., руб.	отн., %
1846–1850	3,17	0,42	2,75	660
1851–1860	2,92	0,58	2,34	400
1861–1870	2,39	0,58	1,81	310
1871–1880	1,86	0,61	1,25	200
1881–1890	1,78	0,77	1,01	130
1891–1896	1,83	0,47	1,36	300

Источник: Свод товарных цен на главных рынках России в 1890–1896 гг. СПб., 1897. Сведения о ценах за пуд. Железо листовое, рожь озимая. Четверти переведены в пуды. Цены — в металлических рублях.

О ненормальности подобного соотношения цен свидетельствуют данные о ценах на хлеб и металл в Англии. В конце XIX в. пуд пшеницы в Англии стоил в 1,5–2,0 раза дороже, чем пуд железа, а следовательно, промышленные товары были в несколько раз доступнее для деревни, чем в России. В то же время в России, цены на железо были почти в 3 раза выше, чем в Англии, а цены на хлеб наоборот ниже (табл. 4.31).

Таблица 4.31

Соотношение цен на железо и пшеницу в Англии с 1874–1890 гг.

Дата	Железо	Пшеница	Расхождение	
			абс., руб.	отн., %
1874–1878	0,94	1,78	0,84	80
1879–1884	0,72	1,52	0,80	110
1885–1887	0,58	1,15	0,67	115
1888–1892	0,67	1,14	0,47	70
1894–1896	0,62	0,97	0,35	55

Источники: Радциг А.А. Железодельательная промышленность всего света. Производство, потребление цены. СПб., 1897. С. 6; Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 135. Цены — в руб. за пуд.

Разрыв в ценах на хлеб между российским и мировым рынком являлся одним из важнейших факторов, стимулировавших развитие экспорта хлеба из России и тем самым поддерживавших внутренние хлебные цены на более высоком уровне, чем тот уровень, на котором они находились бы только под влиянием внутреннего спроса. Однако на протяжении XVIII–XIX вв. разрыв в ценах на мировом и внутри-российском рынках постепенно сокращался.

Согласно расчетам Б.Н. Миронова, в первой половине XVIII в. мировые цены (Западная Европа) превосходили российские цены в 4,6 раза, во второй половине этого же века — в 2,9 раза, в первой половине XIX в. — в 2,2 раза, на рубеже XIX–XX в. — только в 1,3 раза (табл. 4.32).

Таблица 4.32

Соотношение хлебных цен на российском и мировом рынке (Россия — 100%)

Зерновые культуры	1700–1749	1750–1799	1800–1849	1896–1913
Рожь	507	316	248	127
Овес	482	308	237	130
Пшеница	357	225	170	120
Ячмень	511	304	234	126
В среднем	464	288	222	126

Источник: Миронов Б.Н. Движение хлебных цен в России в 1801–1914 гг. // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 54.

На самом деле к началу XX века разрыв в ценах был более значительным, особенно на уровне отдельных стран⁷⁰³, но в целом приведенные данные рисуют реальную картину.

⁷⁰³ Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 124, 133.

Существование «ножниц цен» на мировом и российском рынках имело своим следствием то, что Россия переплачивала другим странам на импорте промышленной продукции и теряла часть своей стоимости на сельскохозяйственных продуктах. Некоторое представление на этот счет дают сведения за 1906–1908 гг. Среднегодовой экспорт России оценивался российскими таможами в 1050 млн. руб., зарубежными — в 1580 млн., соответственно импорт — в 855 и 735 млн. (табл. 4.33).

Таблица 4.33

«Ножницы цен» на мировом и российском рынках
в 1906–1908 гг. (млн. руб. в среднем за год)

Оценка товаров	Экспорт	Импорт	Баланс	в %
В России	1050	855	195	18,6
За рубежом	1580	735	845	53,5
Разница	–530	+120	650	–
В %	33	16	77	–

Источник: Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границам за 1906 г. СПб., 1908. С. 111–112; То же за 1907 г. СПб., 1909. С. 6–7; То же за 1908 г. СПб., 1910. С. 5–7.

Приведенные данные свидетельствуют, что в начале XX века Россия переплачивала другим странам не менее 16% на импорте промышленных товаров и теряла не менее 33% на экспорте сельскохозяйственных продуктов. Разница составляла торговую прибыль, которая поступала главным образом в руки иностранных фирм. В результате, вывоза на 1580 млн. руб., Россия ввозила в действительности лишь на 735 млн. и таким образом теряла 845 млн. или 56% стоимости своего экспорта в мировых ценах.

По самым скромным подсчетам, за полвека после отмены крепостного права иностранный торговый капитал выкачал из России, как минимум, 27 млрд. руб., в то время все иностранные инвестиции в экономику России (в том числе займы) составляли к 1913 г. лишь 7,6 млрд. руб.⁷⁰⁴

Между тем на протяжении XVIII–XIX вв. цены на российском и мировом хлебных рынках постепенно выравнивались, что происходило не столько за счет роста российских, сколько за счет падения международных цен.

Признавая объективный характер снижения мировых цен на хлеб, В.И. Гурко отмечал, что в таких условиях «исчезает всякая надежда» на возможность их «возвращения к прежнему уровню»⁷⁰⁵. «Раз цена твердо установлена на низком уровне, — констатировала “комиссия Плеве”, — для экономической политики представляется одна задача — приспособить к этой цене отечественное земледелие», «согласовать интересы отечественного земледелия с положением международно-

⁷⁰⁴ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 67.

⁷⁰⁵ Гурко В.И. Устой народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С. 44.

го рынка»⁷⁰⁶. Такая политика сдерживала рост внутренних хлебных цен и вела к сокращению возможностей для капитализации зернового производства⁷⁰⁷.

В таких условиях и перед помещиками, и перед правительством, и перед торговым капиталом (как внутренним, так и иностранным) открывались два пути приспособления к новым условиям на мировом хлебном рынке, два пути сохранения прежней прибыли: а) механизация земледельческого производства и б) *усиление эксплуатации крестьянства*⁷⁰⁸.

Проблема товарности животноводства

Долгое время в условиях натурального хозяйства торговля скотом и продуктами животноводства имела ограниченный характер. «Для Руси XIV–XV и даже XVI вв. характерен ничтожно малый рынок сбыта молочных продуктов и мяса», — писал А.Л. Шапиро⁷⁰⁹. Ситуация начинает меняться, когда зарождается кризис экстенсивного сельского хозяйства, одним из проявлений которого стало сокращение обеспеченности населения скотом и продуктами животноводства.

В местах зарождения этого кризиса происходило разрушение натурального хозяйства, отделение промышленности от сельского хозяйства, рост численности городов, а также городского и сельского несельскохозяйственного населения, что вело к расширению товарного спроса на скот и продукцию животноводства.

Разрушение натурального хозяйства означало также разрушение домашней крестьянской промышленности, поэтому стимулировало рост спроса на одежду и обувь, развитие шерстяной и кожевенной промышленности. Рост спроса на товарную продукцию стимулировал рост цен и развитие торговли.

Еще раньше кризис экстенсивного сельского хозяйства возник в Западной Европе и еще раньше там возник спрос на товарную продукцию животноводства, который к рассматриваемому времени приобрел более масштабный характер и возрос в гораздо более быстрыми темпами. Однако долгое время Россия была лишена возможности экспортировать туда скот и те продукты животноводства, которые относятся к числу скоропортящихся. Зато уже в XVII в. за рубежом были известны русские кожи (юфть). «Во времена де Родса (1650-е годы), — писал М.Н. Покровский, — она (юфть — *А.О.*) занимала первое место в русском экспорте»⁷¹⁰.

Одним из важнейших факторов роста российского экспорта были «ножницы цен», существовавшие на внутрироссийском и западноевропейском рынках, расхождение между которыми достигло к середине 1870-х гг. достаточно значительных размеров. К этому времени венские цены превосходили петербургские примерно в 1,5 раза, парижские в 1,8 раза, берлинские в 2,0 раза и лондонские в 2,4 раза: табл. 4.34.

⁷⁰⁶ Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1888 гг. СПб., 1892. С. 32.

⁷⁰⁷ Шестаков А.В. («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства в России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924. С. 7.

⁷⁰⁸ Там же. С. 8.

⁷⁰⁹ Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 77.

⁷¹⁰ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. Т. 1. М., 1966. С. 523.

Таблица 4.34

Ножницы цен на скот в России и на мировом рынке. 1841–1875 гг. (%)

Дата	Петербург	Вена	Париж	Берлин	Лондон
1841–1850	100	117	143	137	148
1851–1860	100	197	165	189	219
1861–1870	100	132	165	199	246
1871–1875	100	149	184	205	243

Источник: Блюх И.С. Исследование по вопросам, относящимся к торговле и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границу. СПб., 1876. С.168.

Итак, втягивание животноводства Европейской России в рыночные отношения вызывалось двумя факторами: внутренним и внешним. Какой из них играл более важную роль, предстоит выяснить.

Первоначально скот и продукты животноводства сбывались на местных рынках. По мере того, как росли города, предъявлявшие все больший и больший спрос на скот и мясо (в том числе для вывоза за границу), а ближайшие уезды оказывались неспособными удовлетворять его в полной мере, стали зарождаться торговые связи с другими губерниями.

Поскольку мясо относится к числу скоропортящихся продуктов, а холодильных установок тогда еще не было, по мере удаления мест закупки от места потребления и возрастания времени на транспортировку складывались два способа доставки мяса к потребителю: первый — доставка его с наступлением холодов в замороженном виде, второй — пригон живого скота в любое время и убой его на месте продажи.

Первый способ практиковался главным образом на ближние расстояния, второй не только на ближние, но и на дальние, в результате чего постепенно складывается целая система скотопрогонных трактов, которые замыкались на крупные города, прежде всего на Москву и Петербург.

«Теперь, — писал современник в 1861 г., — половина России покрыта сетью скотопрогонных дорог, начинающихся в Новороссийском и Заволжском краях, в Ставропольской губернии и в Сибири и оканчивающихся Петербургом. Общее пространство их составляет около 10 тысяч верст. До 30 губерний прорезываются этими путями, почти повсеместно сливающимися с линиями почтовых и больших дорог»⁷¹¹.

«До 1882 г. — писал в 1913 г. Н.А. Крюков, — рогатый скот не передвигался, а перегонялся на собственных ногах по так называемым скотопрогонным трактам; эти тракты имели главное направление в Москву и Петербург; ширина их было от 30 до 100 саженей, а в отдаленных степях даже до 500 саженей. Скот, покусавшись прасолами на ярмарках, перегонялся по этим трактам к центрам потребления, причем животные питались подножным кормом как на самих трактах, так и на прилегающих к этим трактам пустых пространствах, арендуемых с этой целью прасола-

⁷¹¹ Там же. С. 225–226.

ми у местных землевладельцев. Скот двигался обычно неторопливо, проходя в сутки около 10 верст, успевал наесться и приходил к месту назначения, как говорили, “в теле”, а иногда даже в лучшем виде, чем когда он был куплен на ярмарке»⁷¹²

«Однако, — читаем мы у Н.А. Крюкова далее, — такой способ передвижения рогатого скота имел крупный недостаток в том отношении, что при этом разносилась чума, этот страшный азиатский бич скотоводства; постоянно вдоль скотопрогонных трактов то там, то сям вспыхивала чумная эпизоотия, поражавшая целые уезды и даже губернии, при этом масса скота гибла у земледельческого населения и не было возможности бороться с этим бедствием. Тогда решено было закрыть скотопромышленные тракты, и введена была обязательная перевозка скота по железным дорогам с обязательством ветеринарного осмотра в известных пунктах»⁷¹³

Обязательная перевозка скота по железным дорогам была введена в 1882 г., в связи с чем роль скотопрогонных трактов стала падать и, наоборот, стала возрастать роль железных дорог. На рубеже XIX–XX вв. пригон скота сохранился только в местной торговле. В 1896 г. в Петербург было доставлено 238,0 тыс. голов крупного скота, в том числе 210,4 тыс. — 88,4% — по железной дороге и 27,6 тыс. голов — 11,6% — гоном из ближайших уездов⁷¹⁴ В том же году в Москву было доставлено 196,7 тыс. голов крупного скота, в том числе 191,4 тыс. по железной дороге — 97,3% и 5,3 тыс. — 2,7% — гоном⁷¹⁵

Представление о динамике перевозок дает сводная статистика железных дорог. Согласно ее данным, с 1893 по 1913 г. перевозка скота по железным дорогам увеличилась с 1,5 млн. голов до 4,1 млн., т.е. в 2,7 раза. Было бы неверно думать, что в 2,7 раза выросла и товарная масса. Однако бесспорно, что товарность росла и росла довольно быстрыми темпами, которые, по всей видимости, превышали темпы роста численности населения: табл. 4.35.

Таблица 4.35

Перевозка скота по железным дорогам (тыс. гол.)

Дата	К. р. с.	Свиньи	Овцы	Лошади	Другие	Всего
1893	701,8	477,0	59,3	102,4	—	—
1898	1000,2	688,8	108,0	184,1	144,7	2125,7
1903	1145,3	767,7	327,7	189,8	221,2	2643,3
1908	1174,4	687,0	412,8	243,4	253,9	2771,5
1913	1494,0	1405,4	537,9	352,3	345,0	4122,0

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. 1903 год. Общие итоги. СПб., 1906. С. 28–29;...1913 г. Общие итоги перевозок. Б.м., Б.Д. С. 37.

⁷¹² Крюков Н.А. Мясо и мясное животноводство // Ежегодник ГУЗЗ. Год шестой. СПб., 1913. С. 250.

⁷¹³ Там же. С. 250.

⁷¹⁴ Отчет ветеринарного отделения МВД за 1896 г. СПб., 1899. С. 513.

⁷¹⁵ Там же. С. 507.

Оценивая приведенные данные, необходимо учитывать, что долгое время на дальнее расстояние перегоняли только крупный рогатый скот. Мелкий скот (овцы и свиньи) продавался на местных рынках, емкость которых сдерживала реализацию этих видов скота на рынке. Строительство железных дорог открыло возможность переброски на дальние расстояния любых видов скота, стимулируя скупку его там, где цены были наиболее низкими, и транспортировку его туда, где цены были наиболее высокими. За 20 лет транспортировка крупного рогатого скота на дальние расстояния увеличилась в 2,1 раза, свиней — в 2,9 раза, лошадей в 3,5 раза, овец — 9,1 раза.

Первоначально продукты животноводства в своей массе сбывались только на местных рынках. На дальние расстояния и за границу уходили главным образом шерсть и кожи. С развитием железнодорожного транспорта происходят перемены и в этом вопросе: табл. 4.36.

Таблица 4.36

Перевозка продуктов животноводства по железным дорогам (млн. пуд.)

Дата	Мясо	Яйца	Шерсть	Кожи	Птица живая	Молоч. скопы
1893	6,6	4,0	8,8	8,7	1,9	—
1898	9,5	9,0	8,4	11,6	4,0	5,7
1903	13,8	12,3	9,7	14,8	4,9	10,8
1908	16,0	12,2	8,2	17,7	2,7	12,9
1913	20,6	17,2	10,8	25,4	2,4	27,2

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. 1903 г. Общие итоги перевозок. СПб., 1906. С. 5–6;...1913 г. Общие итоги перевозок. Б.м., Б.д. С. 9–10.

Если перевозка на дальние расстояния шерсти и живой птицы колебалась примерно на одном уровне с небольшой тенденцией к росту, то перевозка мяса и кож увеличилась за 20 лет почти в три раза, яиц более чем в четыре раза, молочных продуктов в семь раз.

Таким образом, в пореформенной России действовали два противоположно направленных процесса: с одной стороны имело место сокращение обеспеченности крестьянского населения скотом и продуктами животноводства, с другой стороны, происходило расширение товарности этой отрасли сельского хозяйства, возрастание количества скота и продуктов животноводства, вывозимых за пределы деревни. А это значит, что обеспеченность крестьянства скотом и продуктами животноводства сокращалась еще в большей степени.

Если до начала 1860-х гг. экспорт скота и продуктов животноводства рос не только абсолютно, но и относительно, достигнув почти четверти стоимости всего российского экспорта и опережая в этом отношении хлебный экспорт, то затем рост стоимости экспорта продуктов животноводства почти прекратился, а затем начал сокращаться. В 1856–1860 гг. он составлял 23,8% стоимости всего экспорта, в 1861–1865 гг. уже 22,4%, в 1866–1870 гг. — 15,7%, в 1871–1874 гг. — 10,1% (табл. 4.37).

Таблица 4.37

Динамика экспорта продуктов животноводства в 1852–1874 гг. (млн. руб.)

Дата	Всего	Продукты животноводства	в %%
1852–1855	335,2	73,5	21,9
1856–1860	751,3	178,6	23,8
1861–1865	804,0	180,3	22,4
1866–1870	1201,9	189,3	15,8
1871–1874	1421,4	143,3	10,1

Источник: Блюх И.С. Исследования по вопросам, относящимся к торговле и передвижению скота и скотских продуктов в России и заграницею. СПб., 1876. С. 148.

К 1890 г. роль животноводства в экспорте России сократилась до 7%⁷¹⁶.

Падение роли животноводства в российском экспорте было результатом действия нескольких факторов. Одним из них было сокращение вывоза продуктивного скота. Экспорт крупного рогатого скота и свиней рос до конца 1870 – начала 1880-х гг., экспорт овец — до середины 1880-х гг., затем он начал снижаться. К 1902–1906 гг. экспорт крупного рогатого скота и свиней упал к уровню 1877–1881 гг. примерно в 9 раз, экспорт овец к уровню 1882–1886 гг. — в 15 раз: табл. 4.38.

Таблица 4.38

Экспорт продуктивного скота из России (тыс. голов, тыс. руб.)

Дата	Крупный рогатый скот		Свиньи		Овцы	
	Тыс. гол.	Тыс. руб.	Тыс. гол.	Тыс. руб.	Тыс. гол.	Тыс.руб.
1872–1876	41	2248	545	7056	151	672
1877–1881	46	2129	672	9675	364	2333
1882–1886	30	2098	319	5678	369	2107
1887–1891	19	1566	48	1668	193	1021
1892–1896	9	614	70	2709	90	409
1897–1901	7	507	67	2843	61	268
1902–1906	5	291	76	3212	24	104

Источник: Отчет по ветеринарной части в России за 1904–1906 гг. СПб., 1910. С.173. В среднем в год.

Единственным видом скота, экспорт которого продолжал увеличиваться, были лошади: за период с 1866 по 1913 г. их вывоз увеличился с 11,8 до 106,8 тыс. голов⁷¹⁷.

Одновременно с сокращением экспорта происходил рост импорта. «Переходя... к рассмотрению ввоза продуктов животноводства, — констатировал в 1903 г.

⁷¹⁶ Постика Е.Е. Критический очерк современного состояния внешней торговли России скотом и животными продуктами. СПб., 1890. С. 50.

⁷¹⁷ Полферов Я.Я. Русское скотоводческое хозяйство в связи с пересмотром торговых договоров. Вып. IV. Пг., 1915. С. 175–177.

С.П. Урусов, — мы натываемся на печальный факт, что почти по каждой отдельной отрасли их ввозится к нам на сумму большую, чем вывозится и в общем ввоз этот простирается на сумму почти в 40 млн. руб.»⁷¹⁸.

Через десять лет, к началу Первой мировой войны этот дисбаланс стал еще более не пользу России. В результате, если первоначально вывоз преобладал над ввозом, к началу XX в. картина принципиально изменилась: ввоз стал преобладать над вывозом. Из экспортера животноводческой продукции на рубеже XIX–XX вв. Россия превратилась в ее импортера.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в рассматриваемое время большая часть товарной продукции животноводства потреблялась внутри страны и лишь частично она вывозилась за границу. Причем роль внутреннего спроса имела тенденцию к увеличению, роль экспорта (за небольшим исключением) — к сокращению.

Втягивание в рыночные отношения отдельных отраслей животноводства происходило по-разному.

Отраслевые особенности

Коневодство. В условиях натурального хозяйства крестьяне сами выращивали необходимый им скот. Нарушение воспроизводства крестьянского хозяйства имело своим следствием то, что все больше и больше крестьян становилось неспособно выращивать в своих хозяйствах рабочий скот и вынуждено было прибегать к рынку. В этом заключалась одна из причин роста цен на рабочих лошадей (табл. 4.39).

Таблица 4.39

Цены на рабочих лошадях в Европейской России 1882–1913 гг. (руб.)

Дата	Цена рабочей лошади		
	Весна	Осень	В среднем
1882–1885	53	38	46
1886–1890	44	33	38
1891–1895	(47)	(36)	(42)
1896–1900	50	42	46
1901–1905	55	47	51
1906–1910	62	55	58
1911–1913	77	69	73

Источники: [1883–1914] год в сельскохозяйственном отношении, по материалам, полученным отхо-зяев. СПб., 1883–1914; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству Рос-сии и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С.456–459; Год десятый. Пг., 1917. С. 502–505.

⁷¹⁸ Урусов С.П. Птицеводство наше. Его современное состояние и пути улучшения // Областной съезд по животноводству. Харьков, 1903. С. 4.

С 1882 по 1913 г. весенние цены на рабочих лошадей увеличились в полтора раза, осенние в два раза. Этот процесс развивался волнообразно. Если до середины 1880-х гг. цены росли, затем произошло их снижение. Прежний уровень был восстановлен только к концу 1890-х гг. Поэтому почти весь указанный прирост цен произошел главным образом в 1900-е гг. Осенние цены росли быстрее, чем весенние: в 1882–1885 гг. весенние цены превосходили осенние на 39,5%, в 1911–1913 гг. — на 11,6%. Причина этого, по всей видимости, заключалась в том, что торговля лошадьми в течение года становится более частой.

Рассмотрев колебания цен на лошадей, Д.И. Ковальченко установил, что уже к началу 1880-х гг. они определялись не местными, региональными, а всероссийскими факторами, и на основании этого сделал вывод, что к этому времени в Европейской России сложился единый рынок на рабочих лошадях⁷¹⁹.

Одним из показателей развития торговли лошадьми является динамика численности и размещения конских ярмарок.

Более или менее полные сведения на этот счет были собраны в 1882 г. во время проведения первой всероссийской конской переписи⁷²⁰. Согласно этим данным, на территории 48 губерний Европейской России насчитывалось 531 ярмарочных пункта торговли лошадьми. Чтобы оценить приведенные данные необходимо учесть, что тогда на этой территории насчитывалось около 500 уездов⁷²¹. Следовательно, на уезд приходилось примерно два базарных и один ярмарочный пункт торговли лошадьми.

В 1912 г. в ходе военно-конской переписи были собраны новые сведения о торговле лошадьми. Из ее материалов явствует, что накануне Первой мировой войны в Европейской России насчитывалось 2582 ярмарочных пункта, в результате чего на один уезд приходилось в среднем 5 ярмарочных пунктов⁷²². Даже если допустить неполноту данных 1882 г., можно утверждать, что за истекшие с того времени 30 лет в торговле лошадьми произошли значительные изменения. Масштабы оптовой торговли лошадьми увеличились в пять раз.

Сделанная попытка определить количество продаваемых и покупаемых лошадей показала, что накануне Первой мировой войны ежегодно на рынок поступало примерно 2% всех лошадей и 3% рабочих⁷²³. А поскольку до революции средний срок использования лошадей составлял около 15 лет, а рабочий возраст начинался с 5 лет, то в простом воспроизводстве необходимо было задействовать 1/15 всего поголовья и 1/10 поголовья рабочего скота (это 1,5 млн. голов в первом случае и 1,0 млн. во втором). Если сделать поправку на это, товарность воспроизводства коневодства увеличится до 30–50%.

В связи с этим необходимо учесть, что в 1912 г. количество приобретенных на рынке рабочих лошадей достигало 7,5 млн. голов⁷²⁴. Это 34% всех и 46,5% рабо-

⁷¹⁹ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок... С. 283–317.

⁷²⁰ Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. С. 156–168.

⁷²¹ Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 212.

⁷²² Заводское коневодство и пункты торговли лошадьми в 78 губерниях Империи. По данным военно-конской переписи 1912 года. СПб, 1914. Россия. Энциклопедический словарь... С. 212.

⁷²³ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 321.

⁷²⁴ Там же. С. 322.

чих лошадей. Следовательно, к началу войны общее поголовье лошадей обновлялось за счет рынка примерно на одну треть, а поголовье рабочих лошадей почти на половину.

Пореформенная эпоха характеризовалась ростом численности однолошадных и двухлошадных крестьян, возрастанием численности армии, увеличением спроса на рабочий скот со стороны торговых и промышленных предприятий, иначе говоря, ростом товарного спроса на лошадей. Между тем, как было показано в третьей главе, скот для себя и на продажу могли выращивать главным образом владельцы трех и более лошадей, количество которых сокращалось и сокращалось количество имевшихся у них лошадей.

В результате развивались два взаимоисключающих процесса: рост товарного спроса на лошадей и сужение круга хозяйств, способных к их расширенному воспроизводству.

Крупный рогатый скот. Постепенно выращивание крупного рогатого скота тоже втягивалась в рыночные отношения. Поступавший на рынок крупный рогатый скот делился на три категории: а) рабочий скот, б) дойные коровы и в) скот на убой, т.е. на мясо. Некоторое представление о росте спроса на них дает динамика цен: табл. 4.40.

Таблица 4.40

Цены на крупный рогатый скот в Европейской России 1881–1914 гг. (руб.)

Дата	Пара рабочих волов			Вол на убой			Корова дойная		
	В	О	С	В	О	С	В	О	С
1882–1885	102	75	88	52	40	46	(34)	27	30
1886–1890	70	69	70	40	35	38	27	22	24
1891–1895	(90)	(85)	92	46	40	38	(30)	(23)	26
1896–1900	96	86	91	50	43	46	31	27	29
1901–1905	105	99	102	60	51	56	37	33	35
1906–1910	139	132	136	70	64	67	47	43	45
1911–1913	166	156	161	80	73	76	56	51	54

Источники: [1883–1914] год в сельскохозяйственном отношении, по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1883–1914; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С. 456–459; Год десятый. Пг., 1917. С.502–505. В — весенние цены, О — осенние, С — среднее.

Нетрудно заметить, что цены на коров и волов точно так же, как цены на лошадей, во второй половине 1880-х гг. снизились, а в первой половине 1890-х гг. начали восстанавливаться. Осенние цены тоже росли быстрее весенних, поэтому разрыв между ними сокращался: пара волов — разрыв в ценах с 1882–1885 по 1911–1913 гг. сократился с 36 до 6%, вол на убой — с 30 до 16%, корова — с 26 до 11%.

Сводная статистика железнодорожных перевозок свидетельствует, что на протяжении 1883–1913 гг. перевозки крупного рогатого скота росли достаточно бы-

стрыми темпами, а это значит, увеличивалась и товарность мясного направления. Однако определить на основании этого степень товарности не представляется возможным, так как в нашем распоряжении нет обработанных данных о торговле скотом и мясом на местных рынках.

Можно, правда, отметить, что, по мнению современников, специальное выращивание крупного рогатого скота на мясо имело в дореволюционной России очаговый характер⁷²⁵. Чаще всего на убой продавались отбраковываемые по возрасту или же состоянию волы и коровы⁷²⁶. Причем, как отмечал П.Н. Кулешов, если мелкие экземпляры отбраковываемого скота могли идти на собственное потребление, то «крупный рогатый скот, дающий тушу в 10–20 пудов, в редких случаях убивается в хозяйствах для местных потребностей; чаще всего деревенские жители пользуются мясом овец, свиньи и домашней птицы»⁷²⁷.

Сокращение обеспеченности населения крупным рогатым скотом, с одной стороны, рост городского и сельского несельскохозяйственного населения, с другой стороны, имели своим следствием возникновение и расширение дисбаланса между спросом на мясо и его предложением. Следствием этого было расширение количества губерний, в которых ввоз скота и животноводческой продукции превышал их вывоз⁷²⁸.

Еще в первые пореформенные годы в некоторых губерниях начался «переход от навозного скотоводства к скотоводству молочному». Однако первоначально он захватил в основном помещичьи хозяйства⁷²⁹. На основании изучения этого явления в конце 1870-х гг. было выделено 16 губерний «с преобладающим значением скотоводства», или, «что тоже», «молочного хозяйства»: 6 западных губерний (Виленская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Могилевская, Эстляндская) и 10 северных (Владимирская, Вологодская, Калужская, Московская, Новгородская, Псковская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Ярославская)⁷³⁰.

Когда через тридцать лет положение дел в этих губерниях было рассмотрено снова⁷³¹, выяснилось, что превращение животноводства в ведущую отрасль здесь так и не завершилось⁷³². Только в трех прибалтийских губерниях разведение крупного рогатого скота приобрело товарный или же «промышленный» характер⁷³³. На остальной же территории торговое скотоводство продолжало сохранять очаговый характер.

⁷²⁵ Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства и торговле его продуктами в России. СПб., 1903. С. 71.

⁷²⁶ Кулешов П.Н. Скотоводство на севере и юге России... С. 112.

⁷²⁷ Кулешов П.Н. Овцеводство... С. 7.

⁷²⁸ Челинцев А.Н. Избытки и недостатки главнейших сельскохозяйственных продуктов в 7 юго-западных губерниях [Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Бессарабской и Херсонской]. Вып. 1. Киев, 1914; Он же. Русское сельское хозяйство перед революцией. Л. 1928.

⁷²⁹ Ковалевский В.И., Левитский И.О. Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средней полосах Европейской России. СПб., 1879. С. 2.

⁷³⁰ Там же. С. 2–3.

⁷³¹ Мордовин Л.Н. Краткий очерк современного положения скотоводства в России (крупный рогатый скот) // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1908. С. 188–218.

⁷³² Там же. С. 188.

⁷³³ Там же. С. 198.

Одна из причин этого заключалась в том, что одновременно с ростом спроса на товарную продукцию этой отрасли животноводства (мясо и молоко) происходило сокращение обеспеченности ими самого крестьянства. И если оно продавало ее, то в значительной степени под давлением необходимости

«Нужно признать, — писал П.Н. Кулешов, — что за последнее десятилетие потребление сыра и масла в наших столичных, губернских и даже уездных городах увеличилось во много раз и в то же время приходится констатировать очень печальный факт — *ничтожное, почти полное непотребление в пищу продуктов животноводства главной массой русских потребителей — крестьянства*»⁷³⁴.

Овцеводство. В дореформенный период рост товарности овцеводства был связан не только с развитием суконной промышленности⁷³⁵, но и вывозом шерсти за границу. Россия начала экспортировать шерсть не позднее XVII в.⁷³⁶ Ввезя в Россию тонкорунных овец и заложив основу тонкорунного овцеводства, Петр I тем самым содействовал развитию товарного помещичьего хозяйства на юге страны⁷³⁷. В 1800–1814 гг. среднегодовой экспорт шерсти составлял 19,8 тыс. пуд., 1814–1819 гг. — 38,8 тыс., 1819–1824 гг. — 33,5 тыс., 1824–1829 гг. — 68,2 тыс., 1829–1834 гг. — 156,5 тыс., 1834–1839 гг. — 320,4 тыс., 1839–1844 гг. — 460,8 тыс., 1844–1847 гг. — 721,0 тыс. пуд.⁷³⁸ За полвека вывоз увеличился примерно в 36 раз.

Учитывая, что тонкорунное овцеводство почти полностью работало на рынок, можно утверждать, что только за счет этой отрасли товарность овцеводства к середине века увеличилась, как минимум, до 28%. Если учесть, что часть грубой шерсти тоже вывозилась за границу, можно утверждать, что к середине XIX в. экспорт шерсти составлял не менее 30% ее общего объема.

А поскольку тонкорунное овцеводство было сосредоточено главным образом на юге, здесь товарность овцеводства превышала 50%. Иначе говоря, к середине XIX в. овцеводство южных губерний уже было ориентировано преимущественно на рынок. Результатом этого был рост цен: табл. 4.41.

Между тем, в середине века в развитии тонкорунного овцеводства наметилась стабилизация, а в последней четверти века начался его затяжной кризис. На рубеже веков кризис переживало и грубошерстное овцеводство.

Главная причина этого заключалась в том, что российское овцеводство столкнулось с растущей конкуренцией на мировом рынке. Одновременно уже во второй половине XIX в. отечественное овцеводство перестало удовлетворять внутренние потребности, в связи с чем произошло замедление вывоза шерсти за границу и расширение его ввоза: табл. 4.42⁷³⁹.

⁷³⁴ Труды областного съезда по животноводству с 14-го по 24-е сентября 1903 г. в г. Харькове. Т. 2. Харьков, 1904. С. 151.

⁷³⁵ Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955.

⁷³⁶ Чернопятав И.Н. Исторический очерк развития тонкорунного овцеводства.... С. 3–4.

⁷³⁷ Там же. С. 5.

⁷³⁸ Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 2. СПб., 1850. С. 59.

⁷³⁹ См. также: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли. Под ред. В.И. Покровского. Т.1. СПб. 1902. С. 291–293.

Таблица 4.41

Цены на овец, шерсть и баранину в Европейской России 1882–1914 гг.

Дата	Овца простая	Баранина	Шерсть		
			простая	мериносовая	в среднем
1882–1885	3,14	–	–	–	–
1886–1890	2,63	2,01	7,67	8,97	8,32
1891–1895	(2,98)	[234]	[7,21]	[9,80]	[8,50]
1896–1900	3,19	2,38	8,75	10,43	9,59
1901–1905	3,79	2,87	9,35	11,12	10,24
1906–1910	4,90	3,75	11,77	13,26	12,52
1911–1913	5,53	4,42	13,37	15,60	14,48

Источники: [1883–1914] год в сельскохозяйственном отношении, по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1883–1914; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С. 456–459; Год десятый. Пг., 1917. С. 502–505.. 1891–1895 гг. без 1893 г. Руб. за пуд.

Таблица 4.42

Экспорт и импорт шерсти в 1861–1910 гг.

Дата	Экспорт		Импорт		Баланс	
	Тыс. пуд.	Тыс. руб.	Тыс. пуд.	Тыс. руб.	Тыс. пуд.	Тыс. руб.
1861–1865	1265	16971	91	420	+1174	+16551
1866–1870	1072	11340	134	1290	+938	+10050
1871–1875	1210	11867	262	4552	+948	+7315
1876–1880	1425	16081	431	7731	+994	+8350
1881–1885	1769	16083	379	8062	+1390	+8021
1886–1890	2065	19034	371	5722	+1694	+13312
1891–1895	1187	9215	846	12166	+341	–2951
1896–1900	970	7229	1011	13851	–41	–6622
1901–1905	837	5752	1589	19779	–752	–14027
1906–1910	769	5842	2351	37372	–1582	–31530

Источник: Воронов Л.Н. Задачи овцеводства в России // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 г. Т. 1. М., 1913. Отд. II. С. 467.

В результате этого если первоначально экспорт российской шерсти превышал ее импорт, затем импорт шерсти стал превышать ее экспорт.

«Уже в 1898 г. ввоз заграничной шерсти, пряжи, ленты и шерстяных изделий достиг 42465000 руб., а вывоз составил всего 5736000 руб., так что ввоз превзошел вывоз на 35729000 руб.»⁷⁴⁰. Это значит, что к концу 1890-х гг. ввоз шерсти и шерстяных товаров превзошел вывоз шерсти более чем в 6 раз.

⁷⁴⁰ Там же. С. 8.

Поскольку кризис этой отрасли животноводства характеризовался прежде всего сокращением поголовья мериносовых овец, а мериносовое овцеводство с самого начала возникло в России как товарное, его уничтожение свидетельствовало о ликвидации одного из секторов товарного производства в животноводстве.

Как уже отмечалось, тонкорунное овцеводство было сосредоточено главным образом в 12 губерниях. Поэтому процесс декапитализации в основном затронул именно их. Что же касается большей части Европейской России, то здесь связь овцеводства с рынком и до, и после отмены крепостного права были невелики⁷⁴¹.

Как показал Я.Я. Полферов, в губерниях центрально-черноземной полосы овцеводство почти полностью было сосредоточено в крестьянских хозяйствах и ориентировано главным образом на удовлетворение его собственных потребностей, в качестве примера можно привести земские данные по Тульской губернии: табл. 4.43.

Таблица 4.43

Цель разведения овец в Тульской губернии начала XX в. (%)

Цель производства	Шерсть	Овчина	Сало	Мясо
Потребление	78,8	78,9	66,5	57,7
Продажа	4,8	6,1	13,3	16,2
Потребление и продажа	16,4	15,0	20,2	26,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России... С. 37.

Если производство для собственного употребления и на продажу разделить пополам, мы получим следующую картину: товарность производства мяса — 29,2%, сала — 23,4%, овчин — 13,6%, шерсти — 13,0%. Такая же картина наблюдалась и по другим губерниям, из числа которых выделялись только нижеволжские и новороссийские губернии с более высокой товарностью⁷⁴².

Имеющиеся данные свидетельствуют о существовании двух тенденций: расширении товаризации в одних местах и сокращении в других.

По имеющимся данным, во Владимирской губернии с 1880 по 1913 г. товарность производства овчины сократилась в 2 раза, производства шерсти в 3 раза, сала и мяса в 3,8 раза⁷⁴³.

Свиноводство. Когда-то все крестьяне должны были иметь не менее двух взрослых свиней (хрюка и свиноматку), так как сами осуществляли воспроизводство их поголовья.

Если пролетаризация крестьянства и рост численности несельскохозяйственного, в том числе городского, населения имели своим следствием рост товарного

⁷⁴¹ О торговле шерстью см.: Торговля шерстью в России. Доклад Совета общества суконных фабрикантов // Труды I всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 г. Т. I. Отд. II. С. 101–115.

⁷⁴² Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России... С. 63–64.

⁷⁴³ Там же. С. 37 (исправлены опечатки).

спроса на сало и мясо, а значит, и расширение связей свиноводства с рынком, то сокращение размеров крестьянского хозяйства и, как следствие этого, нарушение его воспроизводства, в том числе воспроизводства свиней, породили товарный спрос на поросят, что стимулировало крестьян, способных к простому или расширенному воспроизводству, держать свиноматок для производства поросят с целью реализации их на рынке.

Отмечая «весьма существенные различия в целях содержания свиней, т.е. в форме свиноводства между мелкими хозяйствами, имеющими до 4 десятин на двор и крупными выше 4–6 десятин», наблюдавшиеся в Подольской губернии, В.П. Устьянцев писал: «малоземельные домохозяева не занимаются разведением свиней, не держат маток и, следовательно, не имеют и не выращивают своих поросят. Они приобретают поросят со стороны, обычно в возрасте 2–4 месяцев, выращивают их до 8–12 месяцев и затем откармливают их» для собственного потребления, но «главным образом на продажу». «Многоземельные домохозяева, наоборот, стремятся держать свиноматок, занимаются разведением свиней и полученных поросят продают»⁷⁴⁴.

Так возник и получил развитие рынок поросят⁷⁴⁵. По данным Подольской губернии, хотя в ней и встречались селения, в которых «до 2/3 всех домохозяев» имели свиноматок и занимались выращиванием поросят, в целом этот показатель составлял «не более 5–10% общего числа домохозяев»⁷⁴⁶. Следовательно, 90–95% крестьян использовали для откорма поросят, приобретенных на рынке.

Сведения по Подольской губернии (а она принадлежала к числу губерний с наиболее развитым свиноводством) дают основания предполагать, что на рынке приобреталось более половины выращиваемых и откармливаемых поросят. А это значит, что к началу XX в. производство поросят имело преимущественно товарный характер.

Сводная статистика перевозок по железным дорогам показывает, что с 1893 по 1913 г. количество перевозимых свиней увеличилось с 477 до 1405 тыс. голов в год, т.е. почти в три раза.

Первоначально, с 1883 г., Департамент земледелия публиковал цены на откормленных свиней, т.е. свиней, предназначенных на убой или продажу на мясо. Эти данные, как и данные о других видах скота, свидетельствуют, что на протяжении 1883–1892 гг. цены на свиней имели тенденцию к снижению. С 1886 г. стали публиковаться сведения о ценах на свинину, этот показатель на протяжении второй половины 1880-х гг. колебался примерно на одном уровне, а цены на сало имели тенденцию к понижению: табл. 4.44.

⁷⁴⁴ Устьянцев В.П. Основные черты крестьянского свиноводства в Подольской губернии // Совещание при Экономическом отделе Главного комитета Всероссийского земского союза 21–22 июля, 26–27 сентября и 16–18 ноября 1916 г. по вопросам развития свиноводства и ветеринарной помощи. М., 1917. С. 52.

⁷⁴⁵ Там же. С. 54.

⁷⁴⁶ Там же. С. 53.

Таблица 4.44

Цены на свиней, свиное мясо и сало
в Европейской России. 1882–1892 гг. (руб./пуд.)

Дата	Свинья откормленная			Мясо	Сало
	Весенняя	Осенняя	Средняя		
1883	21,98	21,30	21,64	—	—
1884	21,73	20,21	20,97	—	—
1885	18,57	15,81	17,19	—	—
1886	17,28	15,41	16,34	2,87	—
1887	16,85	17,51	17,18	3,07	—
1888	18,23	18,21	18,22	3,18	5,37
1889	18,32	15,71	17,02	2,85	5,25
1890	16,63	15,61	16,12	2,77	4,59
1891	18,00	17,00	17,50	2,92	5,53
1892	19,00	20,00	19,50	3,86	7,01

Источник: [1883–1914] год в сельскохозяйственном отношении, по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1883–1914; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С. 456–459; Год десятый. Пг., 1917. С. 502–505 (1906–1914 гг.). Мясо и сало — цены осенние.

Это свидетельствует о том, что в рассматриваемое время условия для товаризации этой отрасли животноводства складывались неблагоприятно.

Ситуация начинает меняться в 1890-е гг. Правда, с середины 90-х гг. Департамент земледелия перестал публиковать цены на откормленных свиней, но начал публиковать цены на «свиней некормленных», а также продолжил публикацию сведений о ценах свинину и на свиное сало: табл. 4.45.

Таблица 4.45

Цены на свиней, свиное мясо и сало
в Европейской России. 1894–1913 гг. (руб./пуд.)

Дата	Свинья не откормленная			Мясо	Сало
	Весенняя	Осенняя	Средняя		
1896–1900	8,99	9,13	9,06	(3,43)	(5,73)
1901–1905	10,36	11,03	10,70	4,26	6,45
1906–1910	13,87	14,10	13,99	5,33	7,96
1911–1913	15,87	15,19	15,53	5,42	7,61

Источники: см. источники к табл. 4.4. Цены на мясо и сало — осенние.

Эти данные показывают, что со второй половины 1890-х гг. начинают расти цены и на свиней, и на свинину, и на свиное сало, что должно было стимулировать расширение товарности этой отрасли животноводства.

Однако выращивание свиней было ориентировано главным образом на удовлетворение собственных потребностей. Так, по данным обследования Оханского уезда Пермской губернии, только 16% забитых свиней были проданы на рынке, остальные 84% пошли на потребление самих крестьян⁷⁴⁷.

Анализируя данные статистики перевозок, А.Н. Челинцев обнаружил, что накануне Первой мировой войны только в 13 губерниях Европейской России вывоз свиней превышал ввоз⁷⁴⁸. Из этих 13 губерний, 7 (Подольская, Бессарабская, Воронежская, Курская, Волынская, Киевская и Орловская) играли главную роль в экспорте свиней и свинины из России. На них приходилось 90% всего экспорта свиней (607,4 из 674,7 тыс. голов)⁷⁴⁹.

Птицеводство. «Промысловое птицеводство, — писал Я.Я. Полферов, — как новая сельскохозяйственная ценность, стало упрочиваться сравнительно недавно — с 80-х годов минувшего столетия, когда появился со стороны иностранных рынков спрос на продукты русского птицеводства. Первые попытки нашего экспорта дали положительные результаты, и с этого момента русское птицеводство стало выделять промысловые районы, в которых эта отрасль успешно отвоевала себе положение серьезной в экономическом отношении сельскохозяйственной ценности. «Колыбелью русского промыслового птицеводства» считались Воронежская, Тамбовская и Харьковская губернии⁷⁵⁰.

В последующем оно получило распространение в южной и центральной части Европейской России, в Поволжье и на Урале. «Сюда, — писал Я.Я. Полферов, — входят районы: Новороссийский, Малороссийский, Юго-Западный. Центральнo-земледельческий, частью Промышленный, Среднево́лжский и частью Приуральский. В остальных частях Империи мы находим местами лишь отдельные хозяйства с значительным развитием промыслового птицеводства при общем низком уровне последнего»⁷⁵¹.

Одним из показателей развития этой отрасли является рост перевозок домашней птицы и продуктов птицеводства по железным дорогам: в 1893 г. они составляли 6,4 млн. пуд., в 1898 г. — 14,2 млн., в 1903 г. — 18,6 млн., в 1908 г. — 16,3 млн., в 1913 г. — 19,9 млн. пуд⁷⁵². За 20 лет перевозки домашней птицы и продуктов птицеводства по железным дорогам увеличились в три раза.

Конец XIX и начало XX в. характеризовались не только ростом железнодорожных перевозок, но и расширением экспорта домашней птицы и продукции птицеводства⁷⁵³. Если в 1866–1870 гг. среднегодовой экспорт домашней

⁷⁴⁷ Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1880–1891 гг. Вып. I. Пермь, 1896.

⁷⁴⁸ Челинцев А.Н. Производство свинины в Европейской России // Совещание при Экономическом отделе Главного комитета Всероссийского земского союза 21–22 июля, 26–27 сентября и 16–18 ноября 1916 г. по вопросам развития свиноводства и ветеринарной помощи. М., 1917. С. 18.

⁷⁴⁹ Кишкель И.Я. Русский экспорт свинины в Германию. СПб., 1913. С. 14–15.

⁷⁵⁰ Полферов Я.Я. Русское промысловое птицеводство в предстоящем пересмотре торговых договоров. Пг., 1915. С. 7.

⁷⁵¹ Там же. С. 9.

⁷⁵² Там же. С. 67.

⁷⁵³ Нейштубе С.Т. Торговля домашнею птицею и дичью в России. СПб., 1895; Гулишамбаров С. Международная торговля птицей и птицепродуктами. Птица (живая и битая), перо, пух, гуано. СПб., 1899; Полферов Я.Я. Русское промышленное птицеводство...

птицы составлял 150 тыс. штук, то в 1871–1875 гг. — 456 тыс., в 1876–1880 гг. — 822 тыс., в 1881–1885 гг. — 1241 тыс., в 1886–1890 гг. — 3043 тыс., в 1891–1895 гг. — 4974 тыс.⁷⁵⁴. В дальнейшем экспорт домашней птицы продолжал расти.

Но главной статьёй экспорта российского птицеводства были куриные яйца. В 1912 г. за пределы губерний Европейской России было вывезено яиц на 14140 тыс. руб. Из них более половины всего вывоза — 8443 тыс. руб. — дали 10 губерний: Ярославская, Воронежская, Подольская, Курская, Тамбовская, Казанская, Киевская, Харьковская, Херсонская, Бессарабская⁷⁵⁵. За исключением Ярославской губернии это были черноземные губернии.

Это означает, что промысловое птицеводство получило распространение почти исключительно в губерниях позднего освоения, там, где лучше всего обстояло дело с хлебом, а, значит, и с кормами.

Еще более резко это было выражено с производством битой птицы. В 1912 г. за пределы губерний было вывезено 1057 тыс. пуд. битой птицы. Половину этого вывоза дали две губернии: Тамбовская губерния — 314 тыс. и Воронежская — 295 тыс. Далее шли Донская, Курская, Саратовская, Харьковская, Орловская, Рязанская, Казанская (еще 347 тыс.)⁷⁵⁶. Таким образом, на девять губерний приходилось 956 тыс. пуд., или же 90% вывоза битой птицы.

В связи с этим представляется необходимым сопоставить динамику экспорта яиц и масла: табл. 4.46.

Таблица 4.46

Экспорт сливочного масла и продуктов птицеводства

Дата	Яйца		Масло	
	Млн. шт.	Тыс. руб.	Тыс. пуд	Тыс. руб.
1872–1876	37,3	490	152	1306
1877–1881	107,2	1230	181	1669
1882–1886	205,3	2967	242	2511
1887–1891	693,7	10854	365	3828
1892–1896	1065,3	16435	288	2945
1897–1901	1777,6	29997	891	10679
1902–1906	2670,9	51629	2513	32518

Источник: Отчет по ветеринарной части России за 1904–1906 гг. СПб., 1910. С. 173–174. В среднем в год.

Это сопоставление обнаруживает, что маслоделие значительно опережало птицеводство только до 1880-х гг. (и то без учета вывезенной птицы, а также пера и пуха), затем вывоз продуктов птицеводства, прежде всего яиц отодвигает экспорт масла на второе место. За 34 года вывоз масла вырос в 16 раз, птицы — в 50 раз.

⁷⁵⁴ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1... С. 162.

⁷⁵⁵ Полферов Я.Я. Русское промысловое птицеводство... Приложение 2.

⁷⁵⁶ Там же. Приложение 3.

яиц — в 72 раза. Только стоимость экспорта яиц более чем в полтора раза превосходила стоимость экспорта сливочного масла. В результате имело место возрастание роли птицеводства и общем российском экспорте продукции животноводства. Если в 1891–1895 гг. оно давало немногим более 30% этого экспорта, то накануне Первой мировой войны более 40%⁷⁵⁷.

«По своим размерам в отношении вывоза, — констатировал уже в конце XIX в. С. Гулишамбаров, — птицеводство уступает только одной хлебной торговле, да еще немногим промыслам, занимая в списке главнейших предметов вывоза пятое место»⁷⁵⁸. К этому нужно добавить, что русское птицеводство играло заметную роль и на мировом рынке. Россия давала примерно 20% мирового экспорта продукции птицеводства⁷⁵⁹.

В заключение следует отметить, что в рассматриваемое время все больше и больше втягивалось в рыночное отношение и рыболовство. Сокращение его масштабов в центральных уездах, где оно во многом играло потребительский характер, и перемещение его на окраины имело своим следствием, что здесь оно приобретало уже преимущественно промысловый, а значит, и товарный характер.

Однако, несмотря на то, что в начале XX века Россия по улову рыбы уступала в Европе только Англии и то незначительно⁷⁶⁰, отечественное рыболовство не удовлетворяло существовавшие потребности в рыбе. Об этом свидетельствует соотношение ее экспорта и импорта. В 1906 г. Россия экспортировала 2075 тыс. пуд. рыбы и рыбных продуктов на 8,5 млн. руб., а импортировала 13337 тыс. на 23,9 млн. руб. Это значит, что Россия ввозила в 6,5 раза больше, чем вывозила, причем вывозила она более ценные рыбопродукты, а ввозила более дешевые⁷⁶¹. Если экспорт рыбы в России составлял менее 5% ее улова, то импорт — более 20%.

Изменения в торговле

Определить общее количество скота и продуктов животноводства, поступавших на рынок, а значит, и товарность этой отрасли сельского хозяйства очень сложно. Решение этой задачи требует специального исследования. В данном случае приходится ограничиться только некоторыми предварительными выводами.

Во-первых, можно утверждать, что, несмотря на снижение обеспеченности населения скотом и продуктами животноводства, товарность этой отрасли имела тенденцию к росту.

Во-вторых, обеднение крестьянства и связанный с этим рост численности хозяйств, имевших по одной голове скота, свидетельствовали об увеличении хозяйств, неспособных к воспроизводству скота и вынужденных приобретать его на

⁷⁵⁷ Там же. С. 10.

⁷⁵⁸ Там же. С. 4.

⁷⁵⁹ Гулишамбаров С. Указ. соч. С. 163.

⁷⁶⁰ Борисов П.Г. Указ. соч. С. 30.

⁷⁶¹ Кузнецов И.Д. Современное положение рыболовства в России. С. 30 (оттиск из Ежегодника ГУЗЗ за 1907 г.).

рынке. В результате этого к началу XX в. воспроизводство молодняка в свиноводстве уже приобрело товарный характер, а в коневодстве составляло не менее 33%; причем были регионы, в которых на рынке приобреталась уже большая часть лошадей, и границы этих регионов постепенно расширились.

В-третьих, есть основания думать, что в целом животноводство продолжало сохранять потребительский характер, а в некоторых отраслях и в некоторых регионах имел место даже процесс декапитализации (например, овцеводство).

Как констатировали современники, на рубеже XIX–XX вв. в торговле скотом произошли важные изменения. Прежде всего они были связаны с изменением способов его доставки. Поворотное значение в этом отношении имел 1882 г., когда была введена обязательная доставка скота на дальние расстояния по железным дорогам.

«Чума прекратилась, — отмечал Н.А. Крюков, — но для торговли скотом создались новые условия, к которым надо было привыкать; эти новые условия вносили в торговое дело настолько серьезные изменения, что еще до сих пор оно к ним совсем не приспособилось»⁷⁶².

Если время доставки скота к месту его продажи сократилось в несколько раз, то расходы на транспортировку значительно возросли. Но дело заключалось не только в возрастании расходов на саму транспортировку. Если при прогоне скот находился в естественных условиях, причем в дороге имел возможность кормиться и даже набирать вес, то при перевозке скота по железным дорогам он терял вес⁷⁶³. По некоторым расчетам, потери составляли в расчете на 1000 верст «в среднем 2–2,5 пуда», что было равнозначно «уменьшению в мясе около 1,5 пуда или по стоимости около 10 рублей на голову»⁷⁶⁴.

В начале XX в. железнодорожники утверждали, что за сутки товарные вагоны со скотом преодолевали не менее 200 верст, по другим данным, всего лишь около 150 верст⁷⁶⁵. В таком случае для доставки скота из Новочеркасска в Москву (расстояние около 1000 км) требовалось 5–7 дней. Очевидно, что в дороге скот необходимо было кормить. Значит, вместе с ним должны были идти вагоны с сеном. Это требовало дополнительных расходов: «стоимость содержания быка в дороге со всеми расходами обходится около 1 руб. на голову в сутки», — отмечал Н.А. Крюков⁷⁶⁶.

В результате этого и некоторых других причин «...расходы по прогону скота, например, за 1000 верст обходились в среднем на голову рубля 3–4, а при перевозке его по железной дороге за то же расстояние взимается 10 рублей с головы»⁷⁶⁷.

Современники довольно единодушно отмечали, что переход к новой системе доставки скота повлек за собой разрушению прежней крупной оптовой торговли и раздроблению ее между множеством мелких скупщиков (шибаев). Мелкие

⁷⁶² Крюков Н.А. Мясо и мясное животноводство... С. 250.

⁷⁶³ Там же. С. 251.

⁷⁶⁴ Там же. С. 250–251.

⁷⁶⁵ Там же.

⁷⁶⁶ Там же. С. 251.

⁷⁶⁷ Там же. С. 250.

скупщики были и раньше, но для перегона скота на дальнее расстояние требовалась скупка скота большими партиями: в сотни и тысячи голов. Железнодорожное строительство открыло возможность пригона к железнодорожным станциям небольших партий скота и отправки их далее в вагонах по несколько десятков голов.

В таких условиях во многих местах, бывших центрами оптовой торговли, произошло сокращение торговых оборотов.

Говоря о «наличности кризиса в нашем скотоводстве» (автор имел в виду главным образом крупный рогатый скот), Д.М. Бодиско писал: «Последствием этого явилось ежегодное, систематическое *уменьшение* предложения мясного скота на местных рынках, так что в последние, еще до войны, годы местные ярмарки, особенно *на юго-западе* совершенно оскудели скотом при одновременно возросшем на него спросе, как со стороны промышленников для целей откорма, так и со стороны крупных землевладельцев, нуждающихся в скоте для работы»⁷⁶⁸.

«В Екатеринославской губернии, — констатировал Н.П. Ашешов, — падение скотоводства также вызвало падение торговли скотом. До 1890 г. Екатеринославская губерния занимала одно из первых мест по доставке убитого скота на столичные рынки; теперь же набрать гурт хорошо откормленного рабочего скота или купить партию порядочных рабочих лошадей уже затруднительно. Вывоз скота на ярмарки настолько сократился, что промышленники предпочитают в течение целого года разезжать по губернии и скупать на дому у крестьян откормленные экземпляры скота, которые и отправляются небольшими партиями в центры наибольшего потребления мяса»⁷⁶⁹.

Описывая положение дел в области войска Донского, Н.П. Ашешов отмечал: «Скот не отдыхает от ярма. Не нагуливается и торопливо сбывается на ярмарках. На последних процент нагульных гуртов в 80-х годах колебался между 50 и 60%, а в последние годы между 10 и 15%. На скотских ярмарках 70-х и 80-х годов бывало скота от 20 до 40 тыс. голов, а теперь 12–15 тысяч»⁷⁷⁰.

Таким образом, в рассматриваемый период в животноводстве действовали две взаимоисключающие тенденции: если в одних местах имело место расширение товарности, то в других — ее сокращение.

Для характеристики рынка животноводческой продукции следует отметить, что из 2701378 голов забитого в 1898 г. скота, 1812500, или же почти 67% приходились на внутругубернский спрос и только 888878 голов, около 33% были вывезены за пределы губерний. В центральных губерниях этот показатель достигал 43%, в южных — 40%, в северных — 19% и в западных — 8%⁷⁷¹. На самом деле роль местного потребления и местного товарооборота были еще выше, так как значительная часть скота забивалась, продавалась и потреблялась на местах, минуя скотобойни.

⁷⁶⁸ Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 6.

⁷⁶⁹ Там же. С. 71.

⁷⁷⁰ Там же. С. 67–68.

⁷⁷¹ Там же.

Характер рыночных отношений

Исходя из того, что натуральное хозяйство превращается в товарное, а товарное — в капиталистическое, И.Д. Ковальченко выдвинул плодотворную идею о том, что сначала формируется единый мелкотоварный рынок, затем — капиталистический⁷⁷².

Главная особенность мелкотоварного рынка — преобладание мелких хозяйств, основанных на использовании семейного труда, главная особенность капиталистического рынка — преобладание хозяйств, основанных на наемном труде.

Когда-то, по всей видимости, точно также, как и в зерновом производстве, главную роль на рынке играли помещичьи хозяйства. Во всяком случае, тонкорунное овцеводство было распространено главным образом, а в некоторых губерниях исключительно в помещичьих хозяйствах.

Отмена крепостного права, исчерпание резервов свободных земель, изменение конъюнктуры на мировом рынке, сокращение помещичьего землевладения, втягивание в рыночные отношения крестьянских хозяйств, все это должно было иметь своим следствием снижение роли помещиков на рынке скота и продуктов животноводства и усилением роли крестьян.

Конкретное представление на этот счет в литературе отсутствует. Однако не следует забывать, что в 1916 г. у частных владельцев было всего лишь 5% скота. Это дает основание утверждать, что *в начале XX в. и скот и животноводческая продукция поступали на рынок почти исключительно из крестьянских хозяйств*.

Какие же группы крестьян преобладали на рынке? По данным подворной переписи 1887 г. в Воронежской губернии 49% всего скота было продано хозяйствами до 15 дес. земли, 27% — хозяйствами от 15 до 25 дес., 24% — хозяйствами, имевшими более 25 дес. на двор. Если учесть, что в Воронежской губернии к этому времени было распахано 67% всех земель, пашня эксплуатировалась преимущественно в трехпольном севообороте и под посевом находилось около 40% земель⁷⁷³, то первую группу составляли хозяйства, имевшие до 6 дес. посева, вторую — от 6 до 10 дес. и третью — более 10 дес. А поскольку на одной лошади можно было обработать 4–5 дес. посева⁷⁷⁴, то первую группу составляли в основном однолошадные крестьяне, вторую — двухлошадные, третью — владельцы трех и более лошадей. Это значит, что главными продавцами скота были средние и беднейшие крестьянские хозяйства. Картина, характерная и для хлебного рынка⁷⁷⁵.

Овец и свиней крестьяне забивали главным образом для собственного потребления, а коров и телят на продажу: табл. 4.47.

⁷⁷² Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя... С. 41–74. См. также: Ковальченко И.Д., Милов Л.А. Всероссийский аграрный рынок... С. 283–317

⁷⁷³ Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. СПб., 1884. С. 30; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый.... С. 4–5.

⁷⁷⁴ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 302.

⁷⁷⁵ Там же. С. 302, 306–307.

Таблица 4.47.

Реализация скота крестьянскими хозяйствами
Оханского уезда Пермской губернии в конце XIX в.

Виды скота	Всего		Забито для семьи		Продано	
	головы	рубли	головы	рубли	головы	рубли
Коровы	6848	82920	1743	15571	5105	67349
Телята	1885	7361	740	2417	1145	4944
Овцы	15499	31617	15367	31343	132	274
Ягнята	5861	9454	5861	9454	—	—
Свиньи	4714	9177	3977	6135	737	3042
Поросята	4712	5341	4683	5270	29	71

Источник: Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1880–1891 гг. Вып. I. Пермь, 1896. С. 189–209.

Что стимулировало товарность крестьянских хозяйств?

Интересные данные в этом отношении содержат материалы подворной переписи Вятской губернии. Для иллюстрации возьмем сведения 1898–1899 гг. по Орловскому уезду. В ходе переписи была зафиксирована реализация на рынке 14458 голов крупного рогатого скота, из которых 10798 (почти 75%) были проданы из нужды и только 3660 (около 25%) — по другим причинам, в том числе с предпринимательской целью. Показательно, что продавали из нужды не только беднейшие, но и средние хозяйства и только владельцы четырех и более лошадей продавали крупный рогатый скот преимущественно не из нужды: табл. 4.48.

Таблица 4.48

Характер торговли крупным рогатым скотом
в Орловском уезде Вятской губернии 1898–1899 гг.

Хозяйства	Из нужды		Без нужды		Всего	
	Абс.	%%	Абс.	%%	Абс.	%%
Без лош.	971	99,4	6	0,6	977	100
1 лош.	4435	95,2	225	4,8	4660	100
2 лош.	3593	73,1	1323	26,9	4916	100
3 лош.	1262	54,4	1056	45,6	2318	100
4 и более	537	33,8	1050	66,2	1587	100
Всего	10798	74,7	3660	25,3	14458	100

Источник: Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка. 1901. С. 499.

Таким образом, есть основания думать, что товарность животноводческого производства имела *вынужденный* характер.

Такой же характер крестьянская торговля имела и в других губерниях. «В Калужской губернии торговля скотом, отмечал Н.П. Ашешов, — представляет собой, с одной стороны, простую местную мобилизацию собственности, с другой — один из многих примеров разорения земледельца — крестьянина, который в данном случае для покупки недостающего хлеба продает весной скот, чтобы осенью купить его иногда вдвое дороже у барышника»⁷⁷⁶.

«Мясное дело, как и хлебное попадает в руки банков и местных спекулянтов. Пользуясь затруднениями крестьян в осенних платежах, они будут скупать за бесценок скот»⁷⁷⁷.

В этих условиях, как отмечали современники, на местах самое широкое распространение получила деятельность мелких скупщиков, именуемых «шибаями», которые в отличие от «прасолов», занимающихся оптовыми операциями, занимались розничной скупкой и перепродажей. «В связи с изменением характера скотоводства изменилась и торговля, — отмечал Н.П. Ашешов, рассматривая положение дел в Области войска Донского, — крупные торговцы уступили поле действия мелким «шибаям», стремящимся к понижению цен и довольствующимся иногда весьма небольшими прибылями»⁷⁷⁸.

А вот характеристика П.Н. Кулешова: «Прасолы и нагулышки стеснены... обязательная перевозка и другие противочумные меры бросили откармливание скота на винокуренных заводах и пастбищах и вся скотопромышленность перешла в руки мелких шибаяев, скупщиков, доставляющих на рынок полуоткормленный тощий простой скот»⁷⁷⁹.

Приводившиеся в дореволюционной печати сведения показывают, что доход от скупки и перепродажи крупного рогатого скота достигал 100%⁷⁸⁰. Иначе говоря, нередко крестьяне получали лишь около половины рыночной цены продаваемого ими скота.

Некоторые приемы такой скупки овец характеризуют материалы по Ярославской губернии.

«Мясников, скупающих баранов, в каждом уезде имеется несколько человек; в Романовском уезде их насчитывается более десяти, каждый из них бьет по несколько сот овец в год, Крупные мясники живут преимущественно в городах». Они бьют в год от 1000 до 5000 овец⁷⁸¹.

В одних случаях мясники сами занимались скупкой скота, в других у крестьян его приобретали специальные скупщики. Во многих случаях скупщики выдавали «задаток», т.е. кредит, под еще не родившийся молодняк. Характеризуя состояние племенного романовского овцеводства в 1907 г., Л.А. Пиотрашко писал, что продажа овец фактически совершается заочно под задаток. «Главная операция по покуп-

⁷⁷⁶ Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства... С. 74–75.

⁷⁷⁷ Майстрах В. Свинья. М., 1913. С. 13.

⁷⁷⁸ Ашешов Н.П. Сведения о положении скотоводства... С. 70.

⁷⁷⁹ Кулешов П.Н. Сельскохозяйственный кризис и мясное скотоводство... С. 5.

⁷⁸⁰ Пржиборовский А. Ростовщичество в скотопромышленности // Вестник общественной ветеринарии. 1899. №18. С. 785–786

⁷⁸¹ Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. I. СПб., 1882. С. 53

ке овец происходит в декабре, когда будущий товар находится еще в брюхе; в это время выдают задатки, а чаще и полную условленную цену, причем продавец обязан сдать молодых овец и баранов в конце сентября – в октябре, так как в это время можно производить убой, не опасаясь порчи мяса»⁷⁸².

Об этом же писал и П.Н. Кулешов: «При существующих условиях сбыта молодняка, самая большая прибыль получается тогда, когда овца дает четверников. Ягнята продаются еще в начале лета, а то и раньше мясникам, которые раздают задатки; ягнята же остаются у крестьян до снега и тогда только собираются мясником...»⁷⁸³.

Данный факт нашел отражение и в материалах обследования овцеводства 1880-х гг.: «Торговля овцами не имеет определенных пунктов, она разбросана по всем деревням, где более или менее развито овцеводство. Скупщики овец, преимущественно мясники, начиная с весны и до осени ездят по деревням и скупают приплод, яловых маток и баранов. Купленные овцы до времени боя оставляются в деревне для прокорма на крестьянских пастбищах и выгонах, за что крестьяне не получают никакой приплаты. Купленных овец мясники берут по мере надобности»⁷⁸⁴.

Нетрудно понять, что такая скупка овец имела грабительский характер, так как скупщик «экономил» на летнем содержании овец и получал бесплатно нагулянное за это время мясо (плюс овчина и шерсть).

Такая же картина наблюдалась и в молочном хозяйстве. С одной стороны, развитие промышленного маслоделия и сыроварения открывали перед крестьянами возможность реализовать на рынке молоко и получать дополнительные денежные поступления. С другой стороны, складывавшиеся в этой сфере товарные отношения имели целый ряд особенностей.

Главный враг крестьянина в маслодельных районах, констатировал в начале 1880-х гг. Н.П. Чирвинский, это — кулачество⁷⁸⁵, опутывающее крестьян кабальными долгами⁷⁸⁶.

Но дело заключалось не только в долгах. «Расчеты с крестьянами за молоко, — констатировал современник, — совершаются два или три раза в год, или же в конце каждого месяца»⁷⁸⁷. Чтобы понять значение этого факта, необходимо учитывать, что 80% крестьян были неграмотными, а те кто имел грамотность, не всегда имел возможность вести хозяйственные записи, что открывало перед скупщиками молока полный простор для манипуляций.

Другой особенностью был расчет за сданное молока не деньгами, а товарами, цены на которые устанавливались скупщиками молока.

«Некоторые из маслоделов, — констатировалось в ходе обследования скотоводства начала 1880-х гг. — нашли для себя крайне выгодным совместное содержание с

⁷⁸² Пиотрашко Л.А. Романовская овца // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. 1907 г. СПб.. 1908. С. 249.

⁷⁸³ Кулешов П.Н. Овцеводство... С. 76.

⁷⁸⁴ Исследование современного состояния овцеводства в России... С. 53.

⁷⁸⁵ Корнеев В.В. Феномен кулачества в дореволюционной России. Опыт историко-художественной реконструкции понятия. М., 2013.

⁷⁸⁶ Чирвинский Н.П. Положение скотоводства в России... С. 22–26.

⁷⁸⁷ Исследование современного состоянии скотоводства... С. 163.

маслоделием еще мелочной лавки, трактира или кабака; товар из последних отпускается крестьянам без денег за счет молока и вносится в книжки молочной записи, имеющиеся у крестьян»⁷⁸⁸.

«Несомненное же и прямое зло бывает там, — отмечалось на страницах «Вестника русского сельского хозяйства», — где маслоделие (а это весьма часто) соединяется с мелочной торговлей и продажей вина. Вторгаются в деревню худшие враги ее, кулаки-кабатчики, под прикрытием сепаратора и маслобойки. Эти господа платят за молоко чрезвычайно высокую цену, так что маслоделу чистого типа, не целовальнику, конкурировать с ними тяжело — но излишек в цене они вырывают втрое с своих поставщиков на дорогом и плохом товаре, а главное вине»⁷⁸⁹.

В результате этого крестьяне теряли значительную часть стоимости молока по сравнению с его рыночной реализацией.

Подобную же роль торговый капитал играл и в свиноводстве.

«До сих пор вся торговля свиньями и их продуктами находится в руках перекупщиков, — писал в 1916 г. один из современников, — которые устраивают между собой тайные соглашения (стачки), дают цены по своему усмотрению и тем понижают качество товара, а производство его удорожают»⁷⁹⁰.

Скупщики играли также главную роль в закупке птиц и продуктов птицеводства. Так, в Рязанской губернии только 25,2% яиц крестьяне продавали сами на базарах, 22,8% у них приобретали местные лавочники, 52,0% специально ездившие по деревням скупщики. Примерно такая же картина наблюдалась со сбытом птицы: 8,5% ее продавали местным жителям, 24,3% отвозили на базар, 67,2% приобретали скупщики⁷⁹¹. «Губернии, где скупкой продуктов (птицеводства) занимаются главным образом скупщик, — писал Я.Я. Полферов, — составляют 88% общего числа»⁷⁹².

Пользуясь нуждой крестьян, скупщики покупали товар по максимально возможным низким ценам. К сожалению, вопрос о ценах на домашнюю птицу и продукты птицеводства совершенно не изучен. Пока можно привести только отдельные экспертные оценки современников и данные локальных исследований. По свидетельству одного из специалистов в области птицеводства П.Н. Елагина, в начале 1890-х гг. в деревне курица стоила 20–25 коп., в столице от 0,5 до 1,0 руб., утка в деревне 15–30 коп., в столице — от 0,5 до 1,0 руб., гусь соответственно 50–70 коп. и 1,0–1,5 рубля, индейка 60–80 коп. и 1,5–3,0 руб., десяток яиц 6–10 коп. и 16–20 коп. Цыпленок в деревне стоил 5–15 коп.⁷⁹³. Между тем, как отмечалось в 1912 г. на специальном совещании по птицеводству, «еще живо в памяти нас то время, когда в деревне платили по 5–6 копеек за десяток яиц и по 15 копеек за пару цыплят»⁷⁹⁴.

⁷⁸⁸ Там же.

⁷⁸⁹ Смирнов В. Истинные враги молочного хозяйства в северных губерниях России // Вестник русского сельского хозяйства. 1894. № 15. С. 242.

⁷⁹⁰ Васильев В. Свиноводство в крестьянском хозяйстве... С. 2.

⁷⁹¹ Птицеводство в Рязанской губернии. Вып. II. Рязань, 1914. С. 48, 58.

⁷⁹² Полферов Я.Я. Русское промысловое птицеводство... С. 33.

⁷⁹³ Елагин П.Н. Птицеводство // Сельское и лесное хозяйство. СПб., 1890. С. 306.

⁷⁹⁴ Труды Первого совещания специалистов по птицеводству, созванного Департаментом земледелия в январе 1912 г. СПб., 1912. С. 29.

Подобные же «ножницы цен» существовали и на другие товары.

Так, в середине 1890-х гг. у киргизов, живших в восточных уездах Астраханской губернии, конская кожа приобреталась за 2,0–2,5 руб. (в среднем — 2,25), а в столице продавалась за 3,40–6,00 руб. (в среднем — 4,70)⁷⁹⁵, т.е. в два с лишним раза дороже. А вот данные по Архангельской губернии. Цена оленьей шкуры на реке Усса была в 2 раза дешевле, чем в Мезени⁷⁹⁶.

Отмечая подобный факт, необходимо учитывать, что такие же «ножницы цен» существовал и между отдельными губерниями. И хотя использование железных дорог открывало возможность нивелирования цен по всей стране, разрыв между отдельными губерниями сохранялся. В 1883 г. разрыв ценах на дойную корову составлял 221%, на рабочую лошадь — 238%, на простую овцу — 316%⁷⁹⁷.

Возникает вопрос: происходило ли в это время изживание отмеченных явлений или же нет?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

С одной стороны, свою роль в данном случае играли как изменения на мировом рынке, так и совершенствование транспортной системы внутри России. Создание разветвленной железнодорожной системы открыло возможность для нивелирования цен внутри страны. Разрыв цен на рабочую лошадь с 1883 по 1913 г. сократился с 275 до 238%, на простую овцу с 316 до 177% на дойную корову с 221 до 173%⁷⁹⁸.

С другой стороны, положение дел на внутреннем рынке во многом зависело от состояния товаропроизводителей, в качестве которых выступали крестьяне. Как же изменялось на рынке соотношение основных его групп?

Одно дело если продолжали преобладать средние и беднейшие хозяйства, другое дело если торговля постепенно переходила к руки зажиточных крестьян или же сельскохозяйственной буржуазии. В качестве иллюстрации можно использовать данные по Нижнедевицкому уезду Воронежской губернии за 1887 и 1900 г.: табл. 4.49.

Таблица 4.49

Изменение роли отдельных хозяйств
Воронежской губернии в торговле скотом (1887–1900 гг.)

Хозяйства	1887				1900			
	дворы	%	рубли	%	дворы	%	рубли	%
До 15 дес.	4320	63,2	64207	49,4	2712	69,8	107878	54,6
15–25 дес.	981	24,1	34850	26,8	876	22,6	56140	28,4
Более 25 дес.	615	12,7	30965	23,8	297	7,6	33471	17,0
всего	4076	100,0	130022	100,0	3885	100,0	197489	100,0

Источник: Материалы повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии 1900 г. Воронеж, 1903. С. 109, 125.

⁷⁹⁵ Савваитов Н.П. Кониная, пищевое значение ее и статистика потребления в Петербурге с очерком организации скотобойного промысла в санитарном отношении). СПб., 1895. С. 60, 62.

⁷⁹⁶ Иевлев Д.Д. Оленеводство в Архангельской губернии. Архангельск, 1918. С. 10–11.

⁷⁹⁷ Островский А.В. Животноводство в Европейской России... С. 353.

⁷⁹⁸ Там же. С. 354.

В 1887 г. продавали скот 4076 дворов, в 1900 г. — 3885; в 1887 г. 49,4% всего скота было продано владельцами менее 15 дес. земли, в 1900 г. ими было продано 54,6%. Немного увеличилась и доля скота, проданного средними крестьянами: с 26,8 до 28,4%. Зато доля верхней, зажиточной группы снизилась с 23,8 до 17,0%.

Это означает, что на рынке скота роль беднейших хозяйств возрастала, а роль наиболее зажиточных — сокращалась. Следовательно, есть основания думать, что *одновременно с этим усиливался и вынужденный характер торговли* большей части крестьянских хозяйств.

И в этом не было ничего удивительного, так как в рассматриваемое время и численность, и удельный вес зажиточных и предпринимательских крестьянских хозяйств продолжали сокращаться. Причем этот процесс имел не локальный, а всеобщий характер.

Поэтому есть основания думать, что в материалах Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии как в капле воды отразился процесс, который в общем был характерен для всей Европейской России.

Это значит, что в конце XIX — начале XX века вынужденный характер товарности животноводства не только сохранялся, но и усиливался, что должно было отразиться как на механизме формирования цен, так и на доходности этой отрасли сельского хозяйства.

Доходность животноводства

Несмотря на то, что проблема доходности дореволюционного животноводства затрагивалась многими современниками, имеющийся на этот счет материал имеет только локальный характер. Рассмотрим доходность различных отраслей животноводства.

Коневодство. В вопросе о доходности коневодства необходимо различать три аспекта: воспроизводство лошадей, содержание их как тягловой силы и получение навозного удобрения.

Для определения рентабельности воспроизводства лошади необходимо учитывать, что ее рост продолжается до 5 лет. По этой причине она может использоваться для работ на полную силу только с этого возраста. В связи с этим именно пятилетний возраст был установлен военным ведомством для использования лошадей в армии. Однако крестьяне почти повсеместно использовали лошадей для работы на полную силу уже с четырех лет⁷⁹⁹.

Следовательно, воспроизводство лошадей предполагало их выращивание на протяжении четырех-пяти лет. Чтобы определить, насколько оно было доходно, рассчитаем расход на содержание лошади до четырех-пяти лет и сопоставим его с ценой рабочей лошади.

Выращивание рабочей лошади до четырех лет требовало не менее 193 руб., до пяти лет — не менее 248 руб.⁸⁰⁰ За это время лошадь могла принести доход в виде

⁷⁹⁹ Военно-конская перепись 1888 года СПб., 1891. С. VII.

⁸⁰⁰ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 357. Подобный же результат был получен в начале 1900-х гг. на материалах Винницкого уезда Подольской губернии, где выращивание рабочей лошади до четырех лет требовало 250 руб. (Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. С. 334–335).

навоза и одного жеребенка. Выход навоза у взрослой лошади составлял 550 пудов⁸⁰¹, цена пуда была около 1,5 коп.⁸⁰² Итого 8,25 руб. в год. За четыре года лошадь могла дать навоза на 28,87 руб. (4,12 + 8,25 + 8,25 + 8,25 руб.), за пять — 37,12 руб. (4,12 + 8,25 + 8,25 + 8,25 + 8,25 руб.). Если взять цену жеребенка в одну треть от цены взрослой лошади, мы получим 22 руб.

Таким образом, за четыре года лошадь могла принести доход в 51,9 руб., за пять — 59,1 руб. Делаем поправку к расходам на содержание и получаем в первом случае 141 руб. (193 – 52 руб.), во втором 187 (248 – 59 руб.). Между тем накануне Первой мировой войны рабочая лошадь стоила 66 руб.⁸⁰³. Это значит, что выращивание ее до четырех лет приносило убыток, как минимум, 75 руб., 53%, во втором случае — 121 руб., 64%.

Следовательно, воспроизводство рабочего скота в Европейской России начала XX века с точки зрения рыночного хозяйства было нерентабельным. Этот факт отмечали многие современники, например, известный специалист в этой области князь Н.Б. Щербатов⁸⁰⁴, П.Н. Кулешов⁸⁰⁵.

Неудивительно поэтому, что треть крестьян вообще не имела лошадей. Но не только потому, что не могла их выращивать, не только потому, что не имела денег для их приобретения, но и потому, что содержание их для обработки имевшегося у них маленького надела являлось убыточным.

Содержания лошади могло окупиться при обработке примерно 4–5 дес. посева. При трехпольной системе севооборота это не менее 7,5 дес. пашни. А поскольку во многих южных губерниях даже в начале XX века еще широко использовалась переложно-залежная система земледелия, можно с полной уверенностью утверждать, что рациональное использование лошади в крестьянском хозяйстве в среднем по Европейской России требовало не менее 8 дес. пашни.

Накануне Первой мировой войны площадь пашни в Европейской России составляла 120 млн. дес. пашни⁸⁰⁶. Следовательно, для ее обработки требовалось максимум 15 млн. голов рабочего скота. Принимая в расчет 2,6 млн. волов⁸⁰⁷, что было эквивалентно 1,3 млн. лошадиных упряжек, этот показатель можно сократить до 13,7 млн. рабочих лошадей. Между тем, в 1916 г. на территории 47 губерний Европейской России насчитывалось 16,8 млн. лошадей четырех лет и старше⁸⁰⁸. Сделаем поправку на губернии, захваченные неприятелем (3%), и получим около 17,3 млн. голов. Это значит, что не менее 3,6 млн. рабочих лошадей, 21%, были лишними, а следовательно,

⁸⁰¹ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, Т. IV. СПб., 1901. С. 949.

⁸⁰² Картофель. Современное положение культуры картофеля и стоимость его производства. Ч. 1. СПб., 1912. С. 284.

⁸⁰³ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 503.

⁸⁰⁴ Щербатов А.Г. Современное положение коневодства в России // Труды Первого Всероссийского съезда коннозаводчиков в 1910 г. Т. 2. Доклады и материалы. М., 1910. С. 295–296.

⁸⁰⁵ Кулешов П.Н. Наше сельскохозяйственное коневодство и его улучшение // Там же. С. 235.

⁸⁰⁶ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 69–70.

⁸⁰⁷ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. I... С. 472–634.

⁸⁰⁸ Там же.

содержание рабочих лошадей в целом являлось нерентабельным. Прежде всего, а может быть, и главным образом это касалось однолошадных крестьян, которых в Европейской России начала XX века насчитывалось более 4 млн.⁸⁰⁹

Убыточность содержания лошади в однолошадных и малоземельных хозяйства была установлена земскими обследованиями⁸¹⁰.

Крупный рогатый скот. Другим важным видом скота, на котором держалось дореволюционное сельское хозяйство России, был крупный рогатый скот. В ряде губерний, как это было показано, в качестве тяглового скота широко использовались волы.

В 1915 г. была опубликована работа П.М. Лэмпицкого, специально посвященная проблеме доходности скотоводства. Он предпринял попытку выяснения доходности выращивания волов на материалах Курской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний: табл. 4.50.

Таблица 4.50

Стоимость выращивания волов в начале XX в. (руб.)

Доходы и расходы	Губернии				В среднем
	Курская	Полтавская	Харьковская	Черниговская	
1-й год	31,34	48,27	73,78	23,74	44,28
2-й год	26,63	30,26	54,72	24,18	33,95
3-й год	26,23	35,75	58,87	26,23	36,77
Всего	84,20	114,28	187,37	74,15	115,00
Теленок	8,15	9,80	9,86	9,50	9,33
Итого	92,35	124,08	197,23	83,65	124,33
Цена вола	95,35	107,15	98,25	93,75	98,62
Разница	+3,00	-16,93	-98,98	+10,10	-24,69
В год	+1,00	-5,64	-32,99	+3,38	-8,23

Источник: Лэмпицкий П.М. К вопросу о выяснении себестоимости выращивания и откорма крупного рогатого скота и свиней. Харьков, 1915. С. 11–14; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 480–481 (цена вола в среднем за 1909–1913 гг.).

Полученные П.М. Лэмпицким результаты свидетельствуют, что в Полтавской и Харьковской губерниях выращивание волов являлось убыточным. Но даже и в Курской, и Черниговской губерниях, где мы видим небольшое превышение дохода над расходами, на самом деле картина была иной, так как в издержки производства была включена только стоимость кормов.

Если же сделать поправку на стоимость выгона и амортизацию скотного двора, а также принять во внимание расход на рабочую силу (которые в сумме несомнен-

⁸⁰⁹ Военно-конская перепись 1912 г... С. 148.

⁸¹⁰ Костров Н. Характеристика крестьянского хозяйства Шиповатовской волости Волчанского уезда Харьковской губернии. Волчанск, 1912. С. 55.

но превышали 1,00–3,38 руб. в год), окажется, что и здесь выращивание волов являлось убыточным.

Между тем приведенные цены на волов существенно отличаются от тех цен, по которым их продавали крестьяне. Так в Полтавской губернии волы третьего года (третьяки) в 1908–1912 гг. покупались примерно за 40 руб., т.е. в 2,5 раза дешевле. В Харьковской губернии в 1907–1912 гг. продажная цена молодняка составляла 32 руб.⁸¹¹

«Выращивание рогатого скота в частновладельческих хозяйствах, — констатировал П.М. Лэмпицкий, — обходится значительно дороже, в виду чего эти хозяйства *предпочитают закупать даже рогатый скот со стороны*»⁸¹².

Убыточным было не только воспроизводство волов, но и коров. Обычно случка коров производится на третьем году, поэтому до двух лет корова считается телкой. Беременность коровы продолжается 9,5 месяцев или же 285 дней. Только после отела она начинает давать молоко. Следовательно, продолжительность выращивания коровы — три года.

Возьмем минимальную кормовую норму (для коровы с живым весом около 12 пудов): 15 пудов сена, 25 пудов соломы, 10 пудов хлеба и 40 пудов картофеля, а также 50 пудов соломы для подстилки. Накануне Первой мировой войны (1909–1913 гг.) пуд сена стоил около 33 коп.⁸¹³, пуд соломы — 12 коп.⁸¹⁴, пуд ячменя — 0,83 руб.⁸¹⁵, пуд картофеля — 0,25 рубля⁸¹⁶. В результате на содержание дойной коровы требовалось не менее 38,75 руб. (сено — 4,95 руб., солома — 3 руб., хлеб — 8,3 руб., картофель — 10 руб. = 26,25 руб. + подстилка за 12,5 руб.). Если взять содержание теленка на первом году в пределах половины от этого показателя, мы получим 58,12 руб. для выращивания телки до двух лет и 97 руб. для выращивания дойной коровы.

Между тем накануне Первой мировой войны (1909–1913 гг.) дойная корова стоила около 54 руб.⁸¹⁷, что дает убыток 4 руб. в первом случае и 43 руб. — во втором. Этот показатель будет еще более значительным, если принять во внимание другие статьи расходов — содержание скота на пастбище и уход за ним.

«Вот почему, — отмечалось в материалах Винницкого уезда Подольской губернии, — у нас в крае хозяйство мелко-крестьянское не имеет ни хороших коров, ни волов, ни лошадей»⁸¹⁸.

Таким образом, можно считать, что воспроизводство не только волов, но и дойных коров являлось убыточным. В связи с этим многие крестьяне и частновладель-

⁸¹¹ Лэмпицкий П.М. К вопросу о выяснении себестоимости выращивания и откорма крупного рогатого скота и свиней. Харьков, 1915. С. 18.

⁸¹² Там же. С. 16.

⁸¹³ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 485.

⁸¹⁴ Стоимость производства главнейших хлебов, Вып. I... С. 368–431.

⁸¹⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год восьмой.... С. 483.

⁸¹⁶ Там же. С. 487.

⁸¹⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 505.

⁸¹⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. С. 334–335.

цы предпочитали вместо разведения собственного скота приобретать его на рынке. «В виду *бездоходности* этой отрасли», писал Д.М. Бодиско, даже помещики перестают «разводить для этой цели скот в собственных хозяйствах»⁸¹⁹

Может быть, рентабельным было содержание продуктивного скота для получения молока или же выращивании его на мясо?

На материалах Европейского Севера нами было показано, что здесь нерентабельным было и производства молока, и производство мяса⁸²⁰. Посмотрим, как обстояло дело с этим вопросом в других регионах, и отражала ли картина, характерная для Европейского Севера, специфику этого региона, или же она была типична для всей Европейской России?

Накануне Первой мировой войны только расход на корма для выращивания одной головы крупного рогатого скота до четырех лет составлял, как минимум, 77 руб. Между тем, цена вола на убой не превышала 76 руб. Если же принять во внимание расход по уходу за скотом, а также его содержание на пастбище, убыточность выращивания мясного крупного рогатого скота станет еще более очевидной.

При этом необходимо иметь в виду два следующие факта.

Во-первых, исчерпание резерва свободных земель и как следствие этого не только сокращение, но и вздорожание пастбищ, что имело своим следствием повышение издержек производства и сокращение его рентабельности. «Так например, по расчетам для Воронежско-Донского района выпас скота в течение лета обходился в 70-х годах по 1,5–2 руб. с головы, в 80-е годы — 3,5 руб., в 1903 г. — по 8–10 руб., а в 1908–1911 г. по 11–12 руб. с головы»⁸²¹. «Чтобы охарактеризовать прежнюю и современную стоимость выгонов, укажем, что, по данным Я. Полферова, касающихся Воронежско-Донского района, в 70-х годах выпас головы в течение лета (с 20 июля по 1–15 сентября) обходилось гуртовщику в 1,5–2 руб., в 80-х годах эти цифры поднимаются до 3,5–4 рублей, в 1903 г. трехмесячный нагул обходится уже в 8–10 руб., а в 1908–1911 гг. — в 11–12 руб.»⁸²².

Таким образом, за 30–40 лет арендная плата выросла примерно в шесть раз, а цены на скот и мясо в лучшем случае в 2–3 раза.

Во-вторых, запрещение прогона скота и введение обязательной его транспортировки по железной дороге тоже привело к вздорожанию расходов и к сокращению торговой прибыли. «Прежде все расходы по прогону скота, например, за 1000 верст, — писал специально исследовавший этот вопрос Н.А. Крюков, — обходились в среднем на голову рубля 3–4, а при перевозке его по железной дороге за то же расстояние взимается 10 рублей с головы... Между тем железнодорожная перевозка вредно действует на быков, и они теряют в весе; эти потери на 1000 верст составляют в среднем 2–2,5 пуда, что соответствует уменьшению в мясе около 1,5 пуда или по стоимости около 10 рублей на голову»⁸²³

⁸¹⁹ Бодиско Д.М. Что надо сделать для подъема скотоводства? Пг., 1917. С. 6.

⁸²⁰ Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России... С. 151–158.

⁸²¹ Крюков Н.А. Мясо и мясное животноводство... С. 253.

⁸²² Богданов Е.А., Синицын И.В. Мясной вопрос в России и современное положение ското- и мясопромышленности в России. М., 1912. С. 10.

⁸²³ Крюков Н.А. Мясо и мясное животноводство... С. 250–251.

К этому следует добавить вырождение мясного скота, следствием чего было сокращение его живого и убойного веса. Все это вместе взятое имело своим следствием сокращение доходности производства говядины.

Если мясное направление в этой отрасли животноводства до революции так и не получило развития, то молочное направление постепенно приобретало товарный характер.

В 1874 г. А.П. Перепелкин совершил поездку по шести губерниям: Вологодской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Тверской и Ярославской. Один из вопросов, который интересовал его, — это вопрос о доходности молочного хозяйства. С этой целью им было обследовано 6 селений. В пяти из них молочное хозяйство без учета стоимости навоза являлось убыточным, в одном доходность составляла лишь 7%⁸²⁴.

В ходе обследования скотоводства 1880-х гг. был сделан расчет доходности содержания коровы в Козельском уезде Калужской губернии. В результате доход был определен в 12,00, расход — 17,50, убыток — 5,50 руб.⁸²⁵

Обследовав в 1910 г. 25 крестьянских хозяйств Волоколамского уезда (а среди них не было ни одного безлошадного хозяйства), А.В. Чаянов установил, что скотоводство приносило доход в среднем 460,8 руб. в год, а издержки составляли 545,4 руб., что в итоге давало убыток 84,6 руб. на хозяйство, 15,5%⁸²⁶

В начале 1900-х гг. были опубликованы материалы обследования доходности 9 частновладельческих хозяйств Поневежского уезда Ковенской губернии, имевших 646 коров, себестоимость молока в которых колебалась от 34 до 57 коп. за ведро, что в среднем дает около 45 коп.⁸²⁷ Между тем, по данным, которыми оперировали авторы «Опыта исчисления», в среднем по Европейской России ведро молока стоило в 1900 г. 41 коп., а в прибалтийских губерниях — 50 коп.⁸²⁸

К такому же выводу пришли и организаторы названного обследования скотоводства 1880-х гг. «В самых счастливых случаях большинство землевладельческих хозяйств едва-едва сводит концы с концами и не дает никакого дохода»⁸²⁹.

И если торговый капитал получал здесь прибыль, то только за счет сверхэксплуатации основной массы разоряющегося крестьянства.

Овцеводство. Как мы уже знаем, быстрое развитие овцеводства накануне отмены крепостного права в значительной степени было связано с распространением тонкорунного овцеводства, которое было ориентировано не только на внутренний, но и на внешний рынок. Стабилизация в развитии этой отрасли, а затем и ее кризис, продолжавшийся вплоть до начала XX в. были связаны как с распашкой паст-

⁸²⁴ Перепелкин А.П. Поездка в Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Вологодскую губернии с целью изучения скотоводства и его экономического положения // Русское сельское хозяйство. 1875. № 1. С. 2–17.

⁸²⁵ Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. II... А49–50.

⁸²⁶ Чаянов А. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Т. 1. Вып. I. Волоколамский уезд. М., 1912. С. 94–95.

⁸²⁷ Грузевский И.Э. Сравнение стоимости производства молока в разных фермах. [Поневеж, 1902]. С. [13].

⁸²⁸ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний... С. 10.

⁸²⁹ Исследование современного состояния скотоводства в России. Вып. I... Д. 20.

бищ на юге России, так и с изменением мировых цен на шерсть, в результате чего тонкорунное овцеводство стало приобретать убыточный характер.

Кризис этой отрасли начался еще в 1880-е гг. и частично нашел свое отражения в материалах обследования овцеводства, проведенного в эти годы. Тогда этот поворот от рентабельности к убыточности еще только намечался, а поэтому, подводя итоги обследования, его организаторы не решились сформулировать этот вывод с необходимой четкостью. Было отмечено лишь снижение доходности⁸³⁰.

Однако уже в начале XX века современники констатировали убыточность тонкорунного овцеводства. В 1912 г. на Первый Всероссийский съезд по овцеводству был представлен специальный доклад «Убыточность овцеводства в Новороссии»⁸³¹. Напомним: Новороссия — это Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии, а также область Войска Донского.

Тонкорунное овцеводство, констатировал современник в 1913 г., «при настоящих ценах на землю и требовательности этой овцы к корму является для большей части губерний Европейской России малодоходным или даже убыточным»⁸³².

В дореволюционной литературе можно встретить противопоставление грубошерстного и тонкорунного овцеводства. Так, характеризуя положение дел в Новороссийском крае, Я.Я. Полферов писал: «Гораздо устойчивее держится крестьянское и казачье грубошерстное овцеводство. Овца — необходимое животное в крестьянском хозяйстве, наравне с коровой, удовлетворяющее нужды населения и шерстью, и мясом, и овчиной. Кроме того, содержание неприхотливой простой овцы обходится в крестьянском хозяйстве дешевле, чем в экономии; отсюда ее доходность там, где крупное овцеводство уже убыточно»⁸³³.

В большинстве губерний, где разводили простых грубошерстных овец, картина была совершенно иной. «Доходность овцы невелика», — констатировал тот же Я.Я. Полферов о положении дел в средневолжском районе⁸³⁴. А вот как он характеризовал положение дел в Юго-Западном районе (Подольская губерния): «В частновладельческих хозяйствах овцеводство ликвидируется или сокращается, благодаря своей малодоходности»⁸³⁵. Подобная же картина наблюдалась и в Приуральском районе: «...при изменившихся экономических условиях (высокие цены на корма) разведение мелкой короткохвостой овцы становится невыгодным»⁸³⁶.

По мнению П.Н. Кулешова, доходность содержания грубошерстных овец, во многом зависела от их производительности. «Овцы, дающие 7 фунтов (шерсти — А.О.), — писал он, — абсолютно помещику убыточны, дающие 9 фунтов — иногда убыточны, иногда дают маленький доход и только овца, дающая 10 фун-

⁸³⁰ Общий заключительный обзор современного состояния овцеводства в России // Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. VII... С. 136–138.

⁸³¹ Бурлюк Д.Ф. Убыточность овцеводства в Новороссии // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 г. Т. I. М., 1913. Отд. II. С. 450–453.

⁸³² Кулешов П.Н. Овцеводство... С. 12.

⁸³³ Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России... С. 22.

⁸³⁴ Там же. С. 18.

⁸³⁵ Там же. С. 21.

⁸³⁶ Там же С. 11.

тов покрывает все расходы. А большинство крестьянских овец дает именно около 5 фунтов»⁸³⁷. Следовательно, содержание большинства грубошерстных овец являлось нерентабельным.

«Исходя из принятого для овцы 5-летнего срока ее хозяйственного возраста»⁸³⁸, Я.Я. Полферов сделал общий расчет доходности овцеводства и получил следующий результат: табл. 4.51.

Таблица 4.51

Доход от овцеводства

Виды дохода	Доход	Цена (руб.)	Стоимость (руб.)
Приплод, ягнят	5	2,00	10,00
Шерсть, фунт.	14	0,26	3,64
Мясо, фунт.	35	0,06	2,10
Овчина, шт.	1	0,60	0,60
Навоз, пуд.	300	0,006	1,80
Всего	—	—	18,14

Источник: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводств в России... С. 39.

В по расчету Я.Я. Полферова, общий доход от содержания овцы на протяжении шести лет составлял 18,14 руб. Между тем только корма требовали 33 руб.: табл. 4.52.

Таблица 4.52

Расход на овцеводство

Виды кормов	Корма (пуд.)	Цена (руб.)	Стоимость (руб.)	За 5 лет (руб.)
Сено	30	0,18	5,40	27,00
Подстилка	12	0,10	1,20	6,00
Всего	—	—	6,40	33,00

Источник: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводств в России... Пг., 1915. С. 39.

«В среднем, — писал Я.Я. Полферов, — овца потребляет сена до 30 пудов в год, подстилка 12 пудов, средняя цена сена в последние 5 лет определяется в 18 коп., соломы — 10 коп., таким образом ежегодный расход исчисляется в 7 руб.⁸³⁹ Прибавим сюда расход на пастуха, на подкорм ягненка и др., что в среднем составит около 30 коп. на голову, получится убыток в 3 рубля 65 копеек с каждой овцы»⁸⁴⁰.

⁸³⁷ Кулешов П.Н. Скотоводство на севере и юге России... С. 125.

⁸³⁸ Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России... С. 39.

⁸³⁹ Здесь допущена ошибка или опечатка. 18 коп. на 30 пудов = 5,4 руб., 10 коп. на 12 пуд. = 1,2 руб., следовательно, итог не 7,00, а 6,60 руб.

⁸⁴⁰ Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводств в России... С. 39.

Расчет Я.Я. Полферова следует назвать экспертной оценкой, которая нуждается в уточнении. Во-первых, необходимо отметить, что 30 пудов сена на год, по всей видимости, включает не только стойловое, но и пастбищное содержание, что дает примерно 3,3 фунта в день; в-третьих, есть основания утверждать, что автор несколько занизил доход от овцеводства и не учел некоторые статьи расхода (например, амортизация скотного двора) и занизил цены на сено.

Вместе с тем можно констатировать, что овцеводство действительно являлось убыточным и если имело товарный характер, то только за счет сверхэксплуатации крестьянства.

Какова же была динамика этого явления?

Сокращение площади пастбищ сопровождалось их удорожанием. В качестве примера можно привести данные по южному району за 1881–1911 гг.: табл. 4.53.

Таблица 4.53

Обеспеченность овец выпасами в южном районе (на одну голову)

	1881	1911
Выпас (дес.)	1,5	0,3
Аренда десятины (руб.)	0,90–1,50	8,00–9,00
Стоимость выпаса (руб.)	0,75–1,00	3,00–4,00

Источник: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства в России... С. 124.

Из приведенных данных явствует, что за 30 лет стоимость выпаса в расчете на одну овцу в среднем увеличилась с 0,88 до 3,50 рубля, т.е. более чем в 4 раза, что не компенсировалось ни повышением продуктивности овцеводства, ни ростом цен на его продукцию. А это значит, происходило удорожание издержек производства и, значит, сокращение доходности или же рост убыточности этой отрасли.

Подобная же картина была обнаружена Я.Я. Полферовым в Курской и Харьковской губерниях: табл. 4.54.

Таблица 4.54

Арендная плата за пастбища в Курской и Харьковской губерниях

Показатели	1881	1911	Разница	
			Абс.	в %%
Выпас	1,5	0,3	1,2	80
Аренда	1,2	8,5	7,3	600
Расход	0,8	3,5	2,7	335

Источник: Полферов Я.Я. Современное состояние овцеводства... С.124. Выпас — дес. на одну мериную овцу, арендная плата — руб. за дес., расход — руб. на одну овцу.

Приведенные данные показывают, что с 1881 по 1913 г. обеспеченность меринских овец луговыми пастбищами в Курской и Харьковской губерниях сократилась на 80% или же в 5 раз, а поскольку за это же время арендные цены выросли на 600% или же в 7 раз, то расход за выпас в расчете на одну овцу за этот сократившийся в пять раз выпас увеличился более чем в 3 раза.

В связи с этим несомненный интерес представляют взгляды на проблему доходности овцеводства такого крупного специалиста в этой области, каким был П.Н. Кулешов,

«Наше малопродуктивное — вследствие низкой производительности и низкой цены на мясо и шерсть — овцеводство, — констатировал П.Н. Кулешов, — успешно развивается только при дешевых пастбищах, обильном дешевом сене и соломе. Такие условия сохранились еще в Средней Азии, в Сибири, в горной части Кавказа, по степным пространствам юго-восточной окраины»⁸⁴¹

«На всем остальном пространстве Европейской России содержание или убыточно, или едва оплачивает корм, только самые производительные породы, например, меринские в крупных хозяйствах, ярославские овчинники, а также многостерстные овцы Воронежского и Донецкого районов, овца циглинская в Бессарабии, обильномолочная и хорошая в мясном отношении крымская и кавказская овцы, а также отродья смушковой овцы и особенно помеси от каракулевых и маличек дают хороший чистый доход от 1 до 4 рублей на голову»⁸⁴².

Свиноводство. В свиноводстве Европейской России начала XX в. существовало два направления: выращивание на продажу поросят и выращивание свиней на мясо и сало.

Как мы знаем, подавляющее большинство крестьян не занималось воспроизводством поголовья свиней и приобретало поросят и подсвинков на рынке. Поэтому прежде всего возникает вопрос, насколько рентабельно было их производство?

Расчет кормов на выращивание поросенка до двух месяцев дает 6,0 руб. Как явствует из вятских бюджетов, стоимость поросенка составляла 25% стоимости взрослой свиньи⁸⁴³. Средняя цена неоткормленной свиньи накануне Первой мировой войны составляла 15,5 руб. Это позволяет определить цену поросенка в 3,88 рубля.

Следовательно, выращивание поросят на продажу являлось столь же убыточным, как и выращивание других видов скота, о чем говорилось ранее.

Расход на корма для свиньи в течение года требовал 25,8 руб. Если же принять во внимание стоимость свиноматки и боровца, уход за животными, стоимость скотного двора и т.д., этот показатель превысит 26 руб. Между тем обычная неоткормленная свинья продавалась накануне войны по цене 15,5 руб. Таким образом, выращивание свиней на продажу тоже было нерентабельным⁸⁴⁴.

В уже упоминавшейся книге П.М. Лэмпицкого была сделана попытка определить доходность выращивания не только крупного рогатого скота, но и свиней, при-

⁸⁴¹ Кулешов П.Н. Овцеводство России (1916) // Избранные труды. М., 1949. С. 202.

⁸⁴² Там же. С. 203.

⁸⁴³ Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Т. III. Слободской уезд. Вып. 3. Основные таблицы. Вятка, 1905. С. 431.

⁸⁴⁴ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 375.

чем с расчетом продажи, как самих свиней, так и получаемых от них продуктов (на материалах Полтавской и Харьковской губерний).

Сведя сделанные им расчеты в таблицу, он писал: «Приведенные в таблице выводы о стоимости производства пуда *живого веса* свиньей, обнимающие такую стоимость при их выращивании и откорме, показывают, что производство одного пуда живого веса в мелких хозяйствах колебалось по типу хозяйств от 3 руб. 31 коп. до 3 руб. 80 коп., обходится с выращиванием, откормом и уходом около 3 руб. 53 коп. и в частновладельческих хозяйствах 3 руб. 98 коп.»⁸⁴⁵, в среднем 3,70 руб. Если взять *убойный вес* в пределах 80% от живого веса⁸⁴⁶, мы получим стоимость пуда свинины около 4,60 руб.

Между тем в 1909–1913 гг. пуд свинины в Полтавской губернии стоил 4,47 руб., в Харьковской — 4,79 руб.⁸⁴⁷, в среднем — 4,63 руб. Разница 3 коп. (4,63–4,60 руб.), 0,6%. А поскольку производственные издержки П.М. Лэмпицкий в основном ограничивал только стоимостью кормов, можно утверждать, что в среднем производство свинины в двух названных губерниях являлось убыточным.

Тем районом, где свиноводство получило в дореволюционной России наибольшее развитие, были так называемые привислиньские губернии. Отсюда накануне Первой мировой войны поставлялось на экспорт более половины всей свинины⁸⁴⁸.

Однако, когда было проведено обследование свиноводства этих губерний, то общий вывод сводился к следующему: «Приведенные расчеты с очевидностью говорят за то, что при существующих низких ценах на свинину и высоких ценах на корма, свиноводство не может дать дохода за исключением племенного направления. но не того вида, какой является наиболее распространенным в помещичьих хозяйствах края, т.е. получение сравнительно дешевого продукта для сбыта крестьянам, а высокопородного товара, сбываемого богатым любителям по высокой цене»⁸⁴⁹

К таким же результатам И.И. Калугин пришел и на материалах о свиноводстве Волынской и Подольской губерний⁸⁵⁰.

Подобная картина была тем более характерна и для других губерний России. Правда, А.Н. Челинцев обратил внимание на следующее важное обстоятельство: «Бухгалтерский анализ, — писал он, — обнаруживает убыточность свиноводства при зерновом откорме и, наоборот, — плюс, хотя и небольшой, при картофельном рационе»⁸⁵¹.

Поэтому в рассматриваемое время существовали и свиноводческие хозяйства, которые специализировались на продаже свинины и свиного сала. Именно здесь велась племенная работа, именно здесь русская порода свиней заменялась иностран-

⁸⁴⁵ Лэмпицкий П.М. К вопросу о выяснении себестоимости... С. 35 (вып. 12).

⁸⁴⁶ Иванов М.Ф. Разведение и породы свиней. М., 1917. С. 19.

⁸⁴⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 507.

⁸⁴⁸ Кишкель И.Я. Русский экспорт свинины в Германию. СПб., 1913. С. 14–15.

⁸⁴⁹ Калугин И. Исследование современного состояния свиноводства в губерниях Привислиньского края. Варшава, 1904. С. 35. Расчет доходности: С. 24–34.

⁸⁵⁰ Калугин И.И. Исследование современного состояния свиноводства в губерниях Волынской и Подольской. Варшава, 1905. С. 7–17.

⁸⁵¹ Челинцев А.Н. Производство свинины в Европейской России. Пг., 1916. С. 21.

ными породами. Именно здесь наблюдались успехи. Однако это были островки в море убыточного крестьянского хозяйства.

Однако в начале XX века свиноводство могло быть рентабельным не только при картофельном, но и при ячменном корме.

К концу первого года живой вес мог достигнуть 8 пудов, убойный 6 пудов. Если взять половину убойного веса на мяса, половину на сало, а также принять во внимание, что в 1909–1913 гг. пуд свинины стоил 5,31, пуд сала — 8,23 руб., мы получим 40,62 руб. (мясо — 15,93, сало — 25,69 руб.) при расходе около 25 руб. Таким образом, если выращивание свиней для продажи являлось убыточным, то производство мяса и сала могло быть рентабельным.

Почему же в дореволюционной России свиноводство находилось в таком незавидном положении? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, следует искать в том, что для откорма свиней требовался хлеб, которого в большинстве хозяйств не хватало. Кроме того, для реализации свинины ее нужно было везти в город и там продавать на рынке, что мог сделать не каждый крестьянин, даже имеющий хлеб. Поэтому подавляющее большинство из них продавали свиней скупщикам, которые опускали закупочные цены значительно ниже розничных и всю прибыль клали себе в карман. В таких условиях, как считали современники, была неизбежна «убыточность скотоводства вообще и свиноводства в частности»⁸⁵²

Птицеводство. «Наш крестьянин, — писал П.Н. Кулешов, — продает для экспорта курицу за 15–16 копеек на месте, тогда как ему самому стоит эта курица, наверное, около 40 копеек. Существование такого экспорта объясняется исключительно нашей бедностью: крестьянину нужны деньги, для чего он и продает за бесценок все, что только он производит»⁸⁵³.

Получается, что в 1900 г. крестьянин терял на каждой курице не менее 24 коп., или же 60% ее стоимости. Если же принять во внимание не закупочную, а розничную цену, то окажется, что ущерб мог быть еще больше. Однако здесь не принята во внимание еще одна статья дохода — яйца: табл. 4.55

Таблица 4.55

Цены на продукты птицеводства в Поволжье в конце в. XIX в. (коп.)

Губернии	Курицы	100 штук яиц	
		Колебания	В среднем
Нижегородская	15–35	70–150	90
Казанская	17–30	60–120	75
Симбирская	15–30	70–140	80
Самарская	15–40	50–100	70
Саратовская	15–30	50–120	85
В среднем	25	60–125	80

Источник: Урусов С.П. Птицеводство в районе Поволжья. СПб., 1897. С. 3.

⁸⁵² Попов И.П. Вопросы русского скотоводства... С. 163.

⁸⁵³ Кулешов П.Н. Скотоводство на севере и юге России... С. 125.

Приведенные данные рисуют парадоксальную картину. Если принять среднюю производительность курицы-несушки в 70 яиц, окажется, что в конце XIX в. в пяти указанных губерниях стоимость этих яиц (56 коп.) в два с лишним раза превосходила стоимость самой курицы.

Отмечая, что цены на баранину, говядину и свинину за последние 15 лет выросли во много раз, один из современников констатировал: «Средостение же из посредников, несмотря на громадную конкуренцию, сумело удержать цены на яйца в 12–18 коп. за десяток, допустив повышение цен лишь в 2–3 раза, тогда как на рынках потребления средняя цена достигает 30–35 коп., т.е. она увеличилась в 6–7 раз. Следовательно, четырехкратное увеличение первоначальной стоимости яиц ($5 \times 4 = 20$ коп. с десятка) или половина стоимости, поступает в доход спекулянтов-посредников»⁸⁵⁴. Из этого делался вывод, что «на одних только вывозимых за границу яйцах русское крестьянство теряет около 40 миллионов рублей ежегодно»⁸⁵⁵.

Как уже отмечалось, летом куры, гуси и утки в основном находились на подножном корме и лишь частично получали подкорм. С наступлением холодов они переводились на стойловое содержание и с этого момента расход на корм увеличивался.

Именно в это время производился массовый забой птицы. Прежде всего под нож пускались петухи. Оставлялось только небольшое количество производителей. Теоретически можно было оставлять одного петуха на 50 несушек⁸⁵⁶, а поскольку такое количество кур было у немногих и одного петуха оставляли при любом, гораздо меньшем количестве несушек, то их доля была значительно выше нормы. Осуществлялась также отбраковка самок, а также забой птиц, получивших летом различного рода увечья.

Сами крестьяне смотрели на продажу подросших цыплят как реализацию совершенно дармовой птицы и по этой причине готовы были продавать их по самой низкой цене.

Однако это было неверно: во-первых, в стоимость птицы входила стоимость яйца, из которого она вылупилась, во-вторых, часть стоимости курицы, когда она вынашивала яйцо и высиживала цыплят, в-третьих, корм, который курица получала при высиживании цыплят, в-четвертых, амортизацию построек, в-пятых, труд при-сматривавшего за ними крестьянина.

Подсчитать все эти расходы очень трудно. Не претендуя на абсолютную точность, попробуем сделать ориентировочный расчет, исходя из содержания курицы в течение полугода. Как отмечалось ранее, в современной литературе расход зерна на год определяется в 36,6 кг. «Полная энциклопедия» определяла этот показатель в 23,0 кг. На практике в Воронежской губернии тратилось примерно 5,7 кг. Если взять в качестве корма ячмень и среднюю для 1909–1913 г. цену в ячмень в размере 83 коп., мы получим в первом случае 185 коп., 117 коп. — во втором и 29 коп. — в третьем⁸⁵⁷.

⁸⁵⁴ Труды Первого Совещания специалистов по птицеводству, созванное при Департаменте земледелия в январе 1912 г. СПб., 1912. С. 30.

⁸⁵⁵ Там же.

⁸⁵⁶ Абозин И.И. Справочная книга для птицеводов. СПб., 1898. С. 100.

⁸⁵⁷ Островский А.В. Животноводство Европейской России... С. 380.

Поскольку рост курицы продолжался примерно полгода, после чего, если специально не занимались ее откормом, далее она фактически не росла. Следовательно, получаемый ею корм использовался главным образом для поддержания жизнедеятельности и несения яиц. А поскольку несение яиц у кур простой породы продолжалось примерно полгода, то полученные показатели следует сократить в два раза, соответственно до 92, 59 и 15 коп.

За год простая деревенская курица приносила 70 яиц, которые в самом лучшем случае стоили 56 коп. Следовательно, производство яиц могло быть доходным только в том случае, если бы курицу держали впроголодь. Но тогда было бы трудно рассчитывать на получение 70 яиц в год, да и цена на них была бы значительно ниже, так как полуголодная курица не могла нести крупные яйца.

* * *

Таким образом, *рассмотренный материал свидетельствует, что главную роль на рынке сельскохозяйственной продукции на рубеже XIX–XX вв. в Европейской России играли средние и беднейшие хозяйства, которые лишь условно можно отнести к мелкотоварным, так как их товарность имела вынужденный характер.* В таких условиях, как считали современники, была неизбежна «убыточность скотоводства»⁸⁵⁸

Вопрос об убыточности или же бездоходности российского животноводства привлек к себе внимание еще в середине XIX в. «Во всех западных губерниях, — констатировал в 1847 г. Б. Михельсон, — с немногими исключениями, на скотоводство смотрят как неизбежное зло, которое необходимо в сельском хозяйстве для получения хотя бы за дорогую цену нужного удобрения, без которого здешняя малоплодородная земля не была бы в состоянии постоянно давать урожаи, вознаграждая труд земледельца»⁸⁵⁹. Об убыточности скотоводства в 1876 г. писал И.С. Блюх⁸⁶⁰. В 1898 г. теперь уже А.А. Калантар отмечал: «Давно установилось мнение, что скотоводство у нас есть неизбежное зло, т.е. оно невыгодно, что оно убыточно. Многие хозяева мечтают о том, чтобы получать даром удобрение, это чуть ли не идеал их, и они вполне убеждены, что скотоводство не может быть доходно»⁸⁶¹. Считая последнее убеждение ошибочным, названный автор все-таки признавал: «С другой стороны, не подлежит сомнению и то, что в громадном большинстве случаев наше скотоводство бездоходно»⁸⁶².

Рассматривая вопрос о доходности животноводства, необходимо различать два вида цен: закупочные (розничные и оптовые) и продажные (оптовые и розничные). Если проблема цен в зерновом производстве уже привлекла к себе внимание, хотя и не может быть признана окончательно решенной, то проблема цен на скот и животноводческую продукцию еще ждет своего исследователя.

⁸⁵⁸ Попов И.П. Вопросы русского скотоводства. СПб., 1912. С. 163.

⁸⁵⁹ Михельсон Б. О причинах неудовлетворительного состоянии скотоводства в западных губерниях средней полосы России и о мерах его улучшения. СПб., 1847. С. 5.

⁸⁶⁰ Блюх И.С. Мелиоративный кредит и состояние сельского хозяйства в России и иностранных государствах. СПб., 1896. С. 272.

⁸⁶¹ Калантар А.А. Меры к поднятию молочного хозяйства и скотоводства. СПб., 1898. С. 3.

⁸⁶² Там же.

Однако и сейчас можно отметить, что используемые данные Департамента земледелия о ценах на скот и продукцию животноводства не дают точного представления о реальных закупочных ценах, так как сообщались помещиками и наиболее состоятельными крестьянами. А значит, что использование этих цен ведет к завышению доходности или же к занижению убыточности животноводства.

В этих условиях особое значение приобретали «ножницы цен» на скот и продукты животноводства, которые существовали на внутреннем и на мировом рынках. Некоторое представление на этот счет дает работа чиновника министерства финансов В.И. Покровского, в которой была предпринята сопоставить экспорт и импорт скота и продуктов животноводства в тех ценах, которые существовали в России и в тех, которые существовали за рубежом. В результате им была получена следующая картина: табл. 4.56.

Таблица 4.56

«Ножницы цен» на скот и продукты животноводства
на мировом рынке (1889–1894 гг.) (млн. руб.)

Оценка	В России	За рубежом	Разница	В %
Экспорт	584,9	783,5	198,6	34%
Импорт	399,2	236,9	162,3	69%
Баланс	185,7	546,6	360,9	66%
%	32%	70%	–	–

Источник: К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли. СПб., б.г. С. V.

Приведенные данные свидетельствуют, что на рубеже 1880–1890-х гг. Россия теряла на экспорте скота и животноводческой продукции 198,6 млн. руб. (34%) и переплачивала на их импорте 162,3 млн. руб. (69%), итого 360,9 млн. руб. В результате, вывозя по мировым ценам на 783,5 млн. рублей и ввозя на 236,9 млн., Россия имела внешнеторговый баланс не 546,6, как, могло быть, а 185,7 млн. руб., т.е. только треть от указанной суммы, а две трети положительного сальдо ее внешнеторгового оборота входили в торговую прибыль иностранного капитала.

А поскольку иностранный капитал во многом контролировал всю внешнюю торговлю России (особенно это касается вывоза масла), в действительности его доля в прибыли этого сектора внешней торговли России была еще выше.

По этой причине товарность этих хозяйств, была вынужденной, а доходность убыточной.

«Наше мясное скотоводство в последние 25 лет совершенно приостановилось в своем развитии и даже по сравнению с ростом населения пошло на убыль только потому, что ведение этой отрасли сельской промышленности было *убыточно*», — констатировал Д.М. Бодиско⁸⁶³.

Отмечая убыточность земледелия, В.В. Бирюкович писал: «В таком же положении находятся и затраты на содержании скота, коль скоро он содержится исключи-

⁸⁶³ Бодиско Д.М. Указ. соч. С. 9 (раздел «убыточность русского способа выращивания скота», С. 9–14).

концу первого двадцатипятилетия после реформы помещики в основной своей массе ориентировались на эксплуатацию труда крестьянина, вооруженного его собственными примитивными орудиями производства»⁸⁹⁵. «Ростовщичество так глубоко вошло в самое основание экономической структуры помещичьего хозяйства, что получило значение одной из главных определяющих его черт»⁸⁹⁶.

В 1982 г. под руководством И.Д. Ковальченко была издана специальная работа, посвященная помещичьему хозяйству России накануне революции 1917 г., в которой был сделан вывод, что к этому времени капиталистический сектор стал основой помещичьего хозяйства.

«Накануне Октябрьской социалистической революции, — писали ее авторы — во внутреннем социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствовали капиталистические отношения... Отработочная система помещичьего хозяйства как самостоятельная форма его организации полностью себя изжила. В конце капиталистической эпохи и, видимо, в течение всего периода империализма в России организация производства в помещичьем хозяйстве фактически была невозможна без наличия собственной производственно-технической базы и применения наемного труда»⁸⁹⁷.

Однако несмотря на авторитет И.Д. Ковальченко, этот вывод не получил среди советских историков полного признания. Поэтому в первые годы перестройки был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего и более глубокого изучения помещичьего хозяйства⁸⁹⁸.

В последние годы изучения помещичьего хозяйства продолжается на локальном уровне. Однако обобщающая обоснованная картина его развития до сих пор отсутствует. Не претендуя на решение этой задачи, попробуем подвести хотя бы некоторые итоги его изучения.

Статистические материалы о помещичьем хозяйстве

Одна из отличительных особенностей феодально-крепостнической экономики заключалась в том, что господствующий класс концентрировал в своих руках два основных элемента производительных сил: людей и землю, а остальные средства производства (орудия труда, транспорт, производственные постройки, рабочий и продуктивный скот) были сосредоточены главным образом в крестьянских хозяйствах

Поэтому, когда в середине XIX века в России было отменено крепостное право, помещики потеряли (правда, за выкуп) не только даровые рабочие руки (за них они теперь должны были платить), но и возможность прежнего, дарового использования крестьянских средств производства (которые теперь нужно было приобретать

⁸⁹⁵ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России... С. 144.

⁸⁹⁶ Там же. С. 150.

⁸⁹⁷ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства... С. 217.

⁸⁹⁸ Файнштейн В.М. Становление капитализма как разрешение противоречий товарного феодального производства. Ч. 1. О методологии исследования механизма буржуазного преобразования помещичьего хозяйства. Таллин, 1987.

тельно для получения удобрения, в целях усиления производительности почвы. Со стороны хозяев действительно постоянно раздаются жалобы на то, что *скот проедаст чуть ли не весь доход от хозяйства*⁸⁶⁴.

«Оно было *убыточно*, — отмечал Д.М. Бодиско, — как потому, что рост цен на мясо всегда отставал от рост цен на факторы его производства, так и потому, что наше скотоводство в громадном большинстве хозяйств ведется по старому шаблону, как вели его отцы и деды»⁸⁶⁵.

Таким образом в скотоводстве мы видим ту же самую картину, как и в зерновом производстве⁸⁶⁶. Но если в земледелии повышение рентабельности было возможно на пути дальнейшего развития механизации, то в животноводстве дореволюционной России такие возможности были весьма ограничены. Из тех механизмов, которые в пореформенную эпоху начинали внедряться, можно назвать только сенокосилку и соломорезку. Однако для большинства крестьян даже они были малодоступны: в 1914 г. соломорезка стоила 30 руб., сенокосилка — 87 руб.⁸⁶⁷

⁸⁶⁴ Бирюкович В.В. Сельскохозяйственная техника... С. 7.

⁸⁶⁵ Бодиско Д.М. Указ. соч. С. 9.

⁸⁶⁶ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России.... С. 339–341.

⁸⁶⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... Год десятый... С. 643, 646.

Глава 5. Помещичье хозяйство

Вопрос о способах ведения помещичьего хозяйства

Начало изучения помещичьего хозяйства следует отнести к первым пореформенным десятилетиям. Уже в 1867 г. вопрос о способах его ведения был вынесен на сельскохозяйственный съезд в Харькове⁸⁶⁸, а в 1873 г. подвергнут специальному рассмотрению в стенах «валуевской комиссии». Однако первые специальные публикации на эту тему появились только тогда, когда к изучению этих хозяйств обратились земские статистики⁸⁶⁹. Важным событием в этом отношении стало издание книг Н.А. Карышева⁸⁷⁰ и С.А. Короленко⁸⁷¹. Впервые материалы Короленко использовал Н.Ф. Анненский⁸⁷², а затем на основе материалов статьи Анненского В.И. Лениным была составлена таблица, которая должна была проиллюстрировать соотношение способов ведения помещичьего хозяйства⁸⁷³.

Несмотря на то, что после издания книги В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» к характеристике помещичьего хозяйства обращались многие дореволюционные авторы (С.С. Бехтеев⁸⁷⁴, П.П. Маслов⁸⁷⁵, В.А. Косинский⁸⁷⁶, А.А. Ка-

⁸⁶⁸ Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. Вып.2. СПб., 1880. С. 222.

⁸⁶⁹ Первый земско-статистический сборник появился в 1876 г., второй 1877–1878, третий — 1879, четвертый — 1880 г. И только с 1881 г. их количество начинает быстро расти; Головин К.Ф. Крупное землевладение в Западной Европе и в России // Русский вестник. 1887. № 2, 4, 5.

⁸⁷⁰ Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892.

⁸⁷¹ Короленко С.А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистически-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892.

⁸⁷² Анненский Н.Ф. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 157–235.

⁸⁷³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 188.

⁸⁷⁴ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги...

⁸⁷⁵ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России...

⁸⁷⁶ Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Крестьянское и помещичье хозяйство. Одесса, 1906.

уфман⁸⁷⁷, П.И. Лященко⁸⁷⁸, В.В. Святловский⁸⁷⁹, Н.П. Огановский⁸⁸⁰), никто из них не только не привел никаких аргументов в опровержение упомянутой таблицы, но и не попытался дать на этот вопрос новый ответ. Поэтому к 1917 г. он фактически остался открытым.

И хотя в марксистской литературе было распространено мнение, что после отмены крепостного права в целом помещичье хозяйство приобрело капиталистические черты, преобладающим среди немарксистских экономистов был мнение о том, что помещикам не удалось перевести свое хозяйство на капиталистические рельсы. Так, А.А. Кауфман вслед за Ю.А. Янсоном считал: «Все сельское хозяйство в помещичьих имениях за редким исключением ведется по системе издельной или испольной»⁸⁸¹.

После 1917 г. интерес к помещичьему хозяйству стал затухать. Об этом свидетельствует не только исчезновение специальных работ, посвященных этой теме, но и сокращение внимания к ней в общих работах по аграрной истории предреволюционной России. И только после смерти И.В. Сталина интерес начал возрождаться (А.М. Анфимов⁸⁸², Л.П. Минарик⁸⁸³, П.Г. Рындзюнский⁸⁸⁴, И.Д. Ковальченко⁸⁸⁵, Н.А. Проскурякова⁸⁸⁶, Н.В. Елисеева⁸⁸⁷, Н.Б. Селунская⁸⁸⁸, М.С. Симонова⁸⁸⁹

⁸⁷⁷ Маслов П.П. Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903.

⁸⁷⁸ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции...

⁸⁷⁹ Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.

⁸⁸⁰ Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1–3. Саратов, 1909–1914.

⁸⁸¹ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России... С. 9.

⁸⁸² Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // Вопросы истории. 1965. № 7; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство...

⁸⁸³ Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971.

⁸⁸⁴ Рындзюнский П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (К вопросу взаимоотношения укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972; Он же. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. С. 115–151.

⁸⁸⁵ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства...

⁸⁸⁶ Проскурякова Н.А. Дворянское землевладение по материалам земельных переписей 1877 и 1905 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

⁸⁸⁷ Елисеева Н.В. Статистические публикации Дворянского банка как источник для изучения помещичьего хозяйства России конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

⁸⁸⁸ Селунская Н.Б. Методы социальной структуры изучения помещичьего хозяйства России в конце XIX – начале XX в. По описаниям земельного дворянского банка. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

⁸⁸⁹ Симонова М.С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862–1914) // Проблемы исторической географии. Вып. II. Формирование экономических районов. М., 1982. С. 144–170.

А.П. Корелин⁸⁹⁰), причем не только на общероссийском, но и на локальном материале⁸⁹¹.

Особенно много в этом отношении сделал А.М. Анфимов, считавший первоначально, что в деревне господствовали полукрепостнические отношения. В своей монографии, посвященной помещичьему хозяйству, он уклонился от определенного вывода⁸⁹², а затем под давлением отказался от мнения о господстве полукрепостнических отношений⁸⁹³, что потом, когда это стало возможно, признал своим научным грехом.

По мнению П.Г. Рындзюнского, «за 60-е – начало 80-х годов сложился тот общий строй социальных отношений в деревне, который был характерен для нее на протяжении всей капиталистической формации»⁸⁹⁴. Что же это был за строй? «К

⁸⁹⁰ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 140.

⁸⁹¹ Козин М.И. Как эволюционировали помещичьи хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 261–273; Будаев Д.И. К вопросу о влиянии отрезков на развитие крестьянского и помещичьего хозяйств Смоленской губернии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 464–474; Шабуня К.И. О развитии капитализма в помещичьем хозяйстве Белоруссии в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 435–447; Строд Г.П. К вопросу о времени победы капиталистического способа производства в сельском хозяйстве Латвии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 535–549; Гуменюк Е.Н. Магнатское поместье в Галиции в период капитализма. 1871–1910 (по материалам архива Потоцких) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 690–705; Савицкий Э.М. Помещичье землевладение и землепользование в Белоруссии в начале XX в. (1905–1917 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 723–730; Балевица Л.Я. О структуре и доходности дворянских имений Лифляндской губернии накануне Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971. С. 444–453; Гуменюк Е.Н. Шляхетские фольварки как сельскохозяйственные предприятия в начале 1870-х гг. в Галиции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971. С. 435–443; Минарик Л.П. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX – начала XX в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 615–626; Будаев Д.И. Соотношение капиталистической и отработочной систем в земледельческом хозяйстве помещика Барышникова Дорогобужского уезда Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 627–639; Емельянов И.Н. К вопросу о характере аграрного капитализма в помещичьем хозяйстве Орловской губернии в период империализма // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977. С. 174–185; Пронин В.И. Доходность помещичьего земледельческого хозяйства Калужской губернии на рубеже XIX–XX вв. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977. С. 197–207; Островский М.М. Помещичье хозяйство Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. (По материалам зем. статистики и гос. Дворян. земельн. банка). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1980; Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии в пореформенный период, 1861–1905 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1983; Архипова Л.М. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Ярославской и Нижегородской губерний в период империализма (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.). Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1988; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство юго-востока Европейской России в период империализма (1900–1917). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989.

⁸⁹² Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство... С. 20.

⁸⁹³ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 7.

⁸⁹⁴ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России... С. 115.

концу первого двадцатипятилетия после реформы помещики в основной своей массе ориентировались на эксплуатацию труда крестьянина, вооруженного его собственными примитивными орудиями производства»⁸⁹⁵. «Ростовщичество так глубоко вошло в самое основание экономической структуры помещичьего хозяйства, что получило значение одной из главных определяющих его черт»⁸⁹⁶.

В 1982 г. под руководством И.Д. Ковальченко была издана специальная работа, посвященная помещичьему хозяйству России накануне революции 1917 г., в которой был сделан вывод, что к этому времени капиталистический сектор стал основой помещичьего хозяйства.

«Накануне Октябрьской социалистической революции, — писали ее авторы — во внутреннем социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствовали капиталистические отношения... Отработочная система помещичьего хозяйства как самостоятельная форма его организации полностью себя изжила. В конце капиталистической эпохи и, видимо, в течение всего периода империализма в России организация производства в помещичьем хозяйстве фактически была невозможна без наличия собственной производственно-технической базы и применения наемного труда»⁸⁹⁷.

Однако несмотря на авторитет И.Д. Ковальченко, этот вывод не получил среди советских историков полного признания. Поэтому в первые годы перестройки был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего и более глубокого изучения помещичьего хозяйства⁸⁹⁸.

В последние годы изучения помещичьего хозяйства продолжается на локальном уровне. Однако обобщающая обоснованная картина его развития до сих пор отсутствует. Не претендуя на решение этой задачи, попробуем подвести хотя бы некоторые итоги его изучения.

Статистические материалы о помещичьем хозяйстве

Одна из отличительных особенностей феодально-крепостнической экономики заключалась в том, что господствующий класс концентрировал в своих руках два основных элемента производительных сил: людей и землю, а остальные средства производства (орудия труда, транспорт, производственные постройки, рабочий и продуктивный скот) были сосредоточены главным образом в крестьянских хозяйствах

Поэтому, когда в середине XIX века в России было отменено крепостное право, помещики потеряли (правда, за выкуп) не только даровые рабочие руки (за них они теперь должны были платить), но и возможность прежнего, дарового использования крестьянских средств производства (которые теперь нужно было приобретать

⁸⁹⁵ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России... С. 144.

⁸⁹⁶ Там же. С. 150.

⁸⁹⁷ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства... С. 217.

⁸⁹⁸ Файнштейн В.М. Становление капитализма как разрешение противоречий товарного феодального производства. Ч. 1. О методологии исследования механизма буржуазного преобразования помещичьего хозяйства. Таллин, 1987.

самим). Между тем к 1861 г. большинство помещиков находилось в долгах, поэтому значительная часть получаемых ими от государства денег за выкупаемую крестьянами землю была вычтена в счет погашения долгов.

В результате капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства была поставлена в зависимость, с одной стороны, от развития процесса первоначального накопления в деревне (отделение определенной части крестьян от средств производства и формирование армии сельскохозяйственных наемных рабочих), с другой стороны, от создания и расширения собственной материально-технической базы (замена крестьянского инвентаря помещичьим).

И хотя некоторые помещики, имевшие средства и вдохновленные опытом западноевропейских стран, а также отечественными публикациями, в которых доказывалась выгодность вольнонаемного труда в России⁸⁹⁹, попытались сразу же по переводу крестьян на выкуп организовать у себя «рациональное хозяйство» (с использованием наемных рабочих и даже сельскохозяйственных машин), подобные эксперименты оказались не только немногочисленными, но и, самое главное, неудачными⁹⁰⁰.

По мнению Б.Н. Миронова, помещичьи крестьяне жили и работали лучше, чем государственные, а среди помещичьих крестьян лучше жили барщинные, чем оброчные. Объяснение этого он видит в том, что барщинные крестьяне находились под давлением помещиков, а оброчные и государственные крестьяне были предоставлены сами себе. Отсюда он делал вывод, что принудительный труд был производительнее свободного⁹⁰¹. Из этого вытекало, что освобождение крестьян должно было привести не к повышению, а к понижению производительности крестьянского труда. Однако приводимые Мироновым на этот счет доказательства трудно назвать убедительными, так как ни методика расчетов, ни использованные источники указаны им не были.

После освобождения крепостных перед помещиками встала задача перехода к новой хозяйственной системе. Но подобный переход к совершенно иной системе не мог произойти сразу. Единственно возможной системой хозяйства была переходная система, соединяющая в себе черты барщинной и капиталистической систем. Подобная переходная система ведения помещичьего хозяйства получила в литературе название «отрабочной». Наиболее раннее употребление понятия «отработки» удалось обнаружить в описании харьковского съезда сельских хозяев 1867 г.⁹⁰² На

⁸⁹⁹ Кисловский П. Очерки доходности сельского хозяйства при свободном труде. М., 1858; Бажанов А. Опыты земледелия вольнонаемным трудом. СПб., 1861; Бекетов А.Н. Несколько данных для определения стоимости обработки земель вольнонаемным трудом. Симбирск, 1864.

⁹⁰⁰ См., например: Терпигоров С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. Т.1. М., 1882. С. 43–97; Дружинин М.Н. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. по данным Валуевской комиссии 1872–1873 гг. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 187–230.

⁹⁰¹ Миронов Б.Н. Влияние крепостного права на отношение русского крестьянства к труду // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 119–127.

⁹⁰² Сельскохозяйственные съезды в России // Сборник сведений Департамента земледелия и сельскохозяйственной промышленности. Вып. 2. СПб., 1880. С. 222.

рубеже 1870–1880-х гг. отработки стали объектом изучения земских статистиков⁹⁰³. И в 1880-е гг. о них писали, как о хорошо известном явлении⁹⁰⁴.

Главное содержание отработок заключалось в том, что разоряющийся крестьянин, не переставая вести собственного хозяйства, под давлением нужды вынужден был прибегать к различного рода финансовым и натуральным ссудам со стороны помещика (в том числе к аренде части его земель), а расплачивался за это собственным трудом. Существовало два вида отработок: с использованием рабочего скота и инвентаря крестьян (*отработки первого вида*) и с использованием барского рабочего скота и инвентаря (*отработки второго вида*).

Давая такую классификацию отработок, В.И. Ленин писал: «Очевидно, как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства отработки первого и второго вида имеют противоположное значение, и что последние отработки составляют прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов. Обыкновенно в нашей литературе говорят об отработках вообще, не делая этого различия. Между тем в процессе вытеснения отработок капитализмом перенесения центра тяжести с отработок первого вида на отработки второго вида имеет громадное значение»⁹⁰⁵.

Следовательно, переход от барщины к отработкам являлся переходом от крепостнических форм ведения помещичьего хозяйства к раннекапиталистическим, а говоря о капиталистической перестройке этого хозяйства мы будем иметь в виду переход от раннекапиталистических форм его ведения к зрелым или же сложившимся капиталистическим формам, основанным на свободном найме рабочей силы. В таком случае вопрос о соотношении различных видов отработок, а также о соотношении отработок и чисто капиталистических форм ведения помещичьего хозяйства — это вопрос о соотношении различных уровней развития капитализма в помещичьем хозяйстве, о его зрелости.

Данный вопрос был поставлен еще в дореволюционной литературе, но подчеркивая принципиальную важность его решения, В.И. Ленин вынужден был констатировать, что «точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях»⁹⁰⁶. И все-таки, несмотря на отсутствие точных и полных данных по интересующему нас вопросу, некоторое приблизительное представление в этом вопросе мы все-таки можем получить.

Интерес к данному вопросу возник сразу же после отмены крепостного права. И одна из первых, если не самая первая попытка обследования помещичьего хозяйства была сделана в начале 70-х годов известной валуевской комиссией. Однако со-

⁹⁰³ Отработки были описаны уже в 1878 г.: Сборник статистических сведений по Московской губернии, Т. II. М., 1878.

⁹⁰⁴ См., например: Щепотьев С. Очерки крестьянской аренды в черноземной полосе // Юридический вестник. 1884. № 10. С. 268.

⁹⁰⁵ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1967. С. 199–200.

⁹⁰⁶ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 188.

бранные ею материалы имели выборочный характер и ограничивались немногими хозяйствами⁹⁰⁷.

Начало массовому и сплошному обследованию было положено земскими учреждениями. По имеющимся подсчетам, к началу XX века объектом земских переписей стали частновладельческие хозяйства 143 уездов 26 губерний Европейской России⁹⁰⁸. По богатству собранного материала, методике обследования и некоторым другим показателям материалы земской статистики являются хотя и неполным, но весьма ценным источником по истории помещичьего хозяйства капиталистической России. Но они охватывают не всю Европейскую Россию и даже по 143 уездам не позволяют нарисовать единой обобщающей картины, так как собирались в разное время и обрабатывались не всегда по одинаковой методике⁹⁰⁹.

Следующей важной группой источников, содержащих информацию о способах ведения помещичьего хозяйства, являются материалы специальных оценочных описей имений, закладывавшихся в Дворянский банк (открыт в 1886 г.)⁹¹⁰. В имеющейся литературе убедительно показано, что программа описания этих имений во многом совпадала с программой земских переписей частновладельческого хозяйства⁹¹¹.

Банковские описи имели выборочный характер, зато в отличие от материалов земской статистики они охватывают территорию всей Европейской России и по всей этой территории могут быть сопоставлены за разное время. И все-таки, несмотря на эти достоинства, несмотря на то, что описанию было подвергнуто около 20 тыс. дворянских имений, нельзя согласиться с мнением, что эти описания можно приравнивать «к данным хорошего, почти сплошного похозяйственного обследования помещичьего хозяйства»⁹¹².

Прежде всего ни по одной губернии не было полного стопроцентного описания, кроме того там, где в залоге находилось более половины всех дворянских имений, такая картина сложилась далеко не сразу. Поэтому претендовать на полную характеристику помещичьего хозяйства эти материалы ни в коем случае не могут. Они были и остаются материалами выборочного характера. И вот тут вполне естественно возникает вопрос, насколько репрезентативной является эта выборка? Насколько закладывавшиеся в Дворянский банк помещичьи имения могут служить для характеристики всего помещичьего хозяйства? До тех пор пока данный вопрос не будет решен положительно, материалы банковской оценки дворянских имений не могут рассматриваться как безупречный в этом отношении источник и следовательно, делаемые на их основе выводы не могут оцениваться как бесспорные.

И материалы земских переписей, и материалы банковской оценки не имели пред

⁹⁰⁷ Единственной попыткой обработки этих материалов является статья: Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (по данным Валуевской комиссии 1872–1873 гг. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 187–230.

⁹⁰⁸ Островский М.М. Земская статистика помещичьего хозяйства как исторический источник. Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л., 1978.

⁹⁰⁹ Там же; Селунская Н.Б. Источники по истории помещичьего хозяйства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 321–323.

⁹¹⁰ Там же. С. 323–330.

⁹¹¹ Островский М.М. Земская статистика помещичьего хозяйства... С. 294–295.

⁹¹² Минарик Л.П. Указ. соч. С. 620.

собой специальной цели охарактеризовать способы ведения помещичьего хозяйства, хотя такой вопрос и нашел в них свое отражение. Единственным специальным обследованием, посвященным этому вопросу, была анкета, проведенная Департаментом земледелия в 80-е гг. XIX века через сеть так называемых добровольных корреспондентов департамента. Собранные таким образом материалы были подвергнуты разработке под руководством С.А. Короленко и опубликованы в 1892 г.⁹¹³

К сожалению, черновые материалы пока неизвестны и, возможно, что они не сохранились. Поэтому о них мы можем судить только на основании упомянутой разработки и небольшого предисловия, предпосланного названной выше публикации. Обследование носило выборочный характер, но охватывало все губернии Европейской России и все уезды этих губерний. Причем всего было получено около 20 тыс. ответов. Следовательно, по охвату территории и по количеству показаний это обследование выгодно отличалось от земских переписей и имело много общего с материалами банковских описаний. Разница заключалась только в том, что эти 20 тыс. показаний были получены в сравнительно ограниченный промежуток времени, а кроме того в данном обследовании принимали участие хозяева не только земельных, но и не имеющих задолженности дворянских имений.

Правда, как уже отмечалось, корреспондентами Департамента земледелия, судя по всему, являлись более образцовые хозяйства. Но нам остается неизвестным, давали ли они показания только о своих собственных хозяйствах или же от них собирались сведения о способах ведения помещичьего хозяйства в их местности вообще. В первом случае они могли дать некоторое завышение уровня развития капитализма в помещичьем хозяйстве, во втором случае можно было бы рассчитывать на более близкую к действительности картину.

Вот тот круг источников по вопросу о способах ведения помещичьего хозяйства, который имеется в распоряжении исследователей⁹¹⁴. Раньше всего их внимание привлекли материалы земских переписей и на их основе уже в конце 1870 – начале 1880-х гг. делаются первые попытки региональной характеристики помещичьего хозяйства, как на уровне отдельных уездов⁹¹⁵, так и губерний⁹¹⁶.

⁹¹³ Короленко С.А. Указ. соч.

⁹¹⁴ Ковалев С.Н. Отечественная историография помещичьего хозяйства России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1998.

⁹¹⁵ Очерки помещичьего хозяйства в уездах Гадяцком и Лубенском / сост. В.М. Греченко, М.А. Ольховский. Полтава, 1886; Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земель по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887 (Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2. Вып. 3); Очерки помещичьего хозяйства в уездах Золотоношеском и Кременчугском / сост. В.М. Греченко, М.А. Ольховский. Полтава, 1889; Греченко В.М. Очерк помещичьего хозяйства в Миргородском уезде. Полтава, 1890; Очерк помещичьего хозяйства в Переяславском уезде. Полтава, 1890; Ионов В.А. Доклад о частновладельческом хозяйстве в Саратовской губернии // Труды ВЭО. 1898. Кн. II. С. 79–116; Стенбок-Фермор И.В. О настоящем положении и задачах крупного владельческого хозяйства в степной полосе южной России // Труды ВЭО. 1898. Кн. 6. С. 278–299; Описание Суражского уезда, Черниговской губернии / сост. Г.Н. Есимонтовский. Ч. 2. Чернигов, 1846; Петров Х. Помещики. М., 1906. По Петербургской и Псковской губернии имеются поездные выпуски «Частновладельческое хозяйство...» разных лет издания.

⁹¹⁶ Хованский Н.Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Саратов, 1911; Жаринов Д.А. К истории помещичьего хозяйства в Тульской губернии. М., 1913; Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915; Миловзоров А.Ф. Крестьянское и частновладельческое хозяйство Саратовской губ. после года войны. Саратов, 1916.

К этому времени относятся и первые попытки дать характеристику состояния помещичьего хозяйства в границах всей Европейской России⁹¹⁷. А в 1897 г. в известном двухтомном исследовании «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», делается первая попытка характеристики помещичьего хозяйства по способам его ведения в границах всей Европейской России: это были статья Н.Ф. Анненского «Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах»⁹¹⁸ и статья П.А. Каблукова «Значение хлебных цен для частного землевладения Европейской России»⁹¹⁹. Н.Ф. Анненским были использованы данные Департамента земледелия, П.А. Каблуковым — данные оценок Дворянского земельного банка.

Как только названный выше двухтомник появился в печати, он сразу же привлек к себе внимание В.И. Ленина. Сохранившиеся подготовительные материалы к его работе «Развитие капитализма в России» показывают, что он внимательно проштудировал весь двухтомник,⁹²⁰ в том числе статью Н.А. Каблукова⁹²¹ и статью Н.Ф. Анненского⁹²². Однако, несмотря на то, что обе статьи содержали характеристику губерний по господствовавшему в них способу ведения помещичьего хозяйства, причем приложение к статье Н.А. Каблукова отличалось даже большей конкретностью, В.И. Ленин отдал предпочтение статье Н.Ф. Анненского.

Опираясь на статью Н.Ф. Анненского, В.И. Ленин сделал первую попытку определить соотношение капиталистической и отработочной систем ведения помещичьего хозяйства, в результате чего на свет появилась таблица, из которой явствовало, что к концу XIX в. в 19 губерниях преобладала капиталистическая система, в 17 — отработочная, в 7 — смешанная⁹²³.

Однако нельзя не обратить внимание на то, что судить о соотношении выделенных им систем только по количеству губерний не совсем правильно, так как губернии губернии рознь. Поэтому можно утверждать, что указанная таблица давала лишь ориентировочный ответ на поставленный вопрос.

Сопоставление таблицы с картограммой в статье Н.Ф. Анненского показывает, что В.И. Ленин точно воспроизвел группировку губерний по преобладающему способу ведения помещичьего хозяйства, отраженную в этой картограмме. Что же касается картограммы, то ее содержание в целом вполне отражает содержание самой статьи, к которой она была приложена.

⁹¹⁷ Терпигоров С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881; Воронцов В.П. Что делается в крупном хозяйстве? //Северный вестник. 1886. № 2. С. 26–56; Георгиевский Д.И. Помещичьи нужды. СПб., 1887; Логашев П. Крупное частновладельческое хозяйство и влияние его на экономический быт населения. СПб., 1890; Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.

⁹¹⁸ Анненский Н.Ф. Указ. соч. С. 157–235.

⁹¹⁹ Каблуков П.А. Значение хлебных цен для частного землевладения Европейской России // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 97–144.

⁹²⁰ Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». М., 1970. С. 161–203.

⁹²¹ Там же. С. 166–169.

⁹²² Там же. С. 170–178.

⁹²³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 188.

Однако вместе с тем между ними имеются и некоторые расхождения, касающиеся пяти губерний: Владимирской, Казанской, Самарской, Саратовской и Уфимской. Наиболее значительное расхождение между картограммой и содержанием статьи наблюдается в отношении Владимирской губернии. На картограмме она значится в числе губерний, в которых частновладельческие хозяйства велись в основном крестьянским инвентарем, а в статье относится к числу губерний с преобладанием смешанной системы. «Промежуточное место между областями преимущественного распространения владельческого и крестьянского инвентаря при обработке частновладельческой пашни — говорится в статье — занимают в черноземной полосе губернии среднечерноземные (Харьковская, Воронежская, Полтавская), а в нечерноземной: губернии Витебская и Могилевская — северо-западной (белорусской) группы и губернии Смоленская, Калужская и Владимирская — группы промышленной»⁹²⁴.

Менее значительными являются расхождения, касающиеся других четырех губерний. Положение в этих губерниях освещается в статье следующим образом: «Приволжский район в своих юго-восточных частях, реже населенных и принимающих постепенно характер степных местностей, по условиям хозяйствования подходит, как уже было сказано выше к южному степному району (т.е. характеризуется преобладанием капиталистической системы — *А.О.*). Что касается среднего Поволжья (губернии: Нижегородская, Казанская, Симбирская, северные уезды Самарской и Саратовской и прилегающие к Казанской части Уфимской губернии), то это местность густо населенная и земледельческая имеет более сходства с центрально-земледельческою полосой. Здесь владельческие хозяйства лишь отчасти ведутся годовыми и сроковыми рабочими»⁹²⁵.

Если теперь от статьи обратиться к картограмме, то на ней мы увидим несколько иную картину: в Саратовской губернии к отработочным отнесены не северные, а западные уезды, причем, если из статьи остается совершенно неясным, какая же система являлась в этой губернии преобладающей, то на картограмме большая ее часть показана как характеризующаяся преобладанием капиталистической системы; на территории Самарской губернии, господствующая система которой в статье тоже указана, вообще не выделено уездов с иной, кроме отработочной, системами; в Уфимской губернии именно уезды, прилегающие к Казанской губернии, показаны как капиталистические, часть уездов отнесена к отработочным, а остальная часть губернии вообще оказалась вне картограммы; наконец, Казанская губерния, целиком отнесенная в статье к отработочным, на картограмме расчленена на три зоны, соответствующие трем типам ведения частновладельческого хозяйства⁹²⁶.

Если с учетом этого подвергнуть картограмму исправлению, то оно не даст принципиальных изменений. Вместо 19 губерний первого типа мы получим 18, вместо 17 губерний второго типа — 14, зато увеличится число губерний смешанного типа с 7 до 8 и две губернии придется отнести к губерниям с неизвестной си-

⁹²⁴ Короленко С.А. Указ. соч.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Там же.

стемой⁹²⁷. Следовательно, в целом картограмма отражала содержание статьи, но в то же время проделанное сопоставление показывает, что работа Н.Ф. Анненского не отличалась достаточной тщательностью. Это еще более становится очевидным, если подвергнуть сравнительному анализу содержание его статьи и использованную им публикацию материалов Департамента земледелия, разработанных под руководством С.А. Короленко.

Обращение к самому изданию Департамента земледелия, которым пользовался при написании своей статьи Н.Ф. Анненский прежде всего позволяет разобраться в вопросе о расхождении между содержанием статьи и приложенной к ней картограммой в отношении Владимирской, Самарской и Саратовской губерний. Оказывается, в материалах Департамента земледелия по всем этим трем губерниям содержится одна и та же почти стереотипная формулировка: «Хозяйства владельческие ведутся крайне разнообразно» (Владимирская губ.)⁹²⁸, «хозяйства владельческие в Самарской губернии ведутся крайне разнообразно»⁹²⁹, «хозяйства владельческие ведутся в губернии самыми разнообразными способами» (Саратовская губ.)⁹³⁰. Никаких других более определенных характеристик по этим губерниям в материалах Департамента земледелия нет. Отсутствуют конкретные количественные показатели и при описании помещичьего хозяйства отдельных уездов этих трех губерний. Поэтому они должны быть отнесены или к смешанному типу или же к числу губерний с неопределенной системой ведения помещичьего хозяйства. Подобным же образом обстоит дело еще с двумя губерниями: Виленской и Харьковской. Первая была отнесена Н.Ф. Анненским к первой группе губерний. Однако, использованные им материалы никаких оснований для этого не дают. Так положение помещичьего хозяйства Виленской губернии характеризуется в них следующим образом: «Условия ведения хозяйств владельческих далеко не благоприятны. Постоянно ощущается значительный недостаток рабочих; вследствие сего хотя значительное количество хозяйств и ведется батрачным трудом и собственным инвентарем, причем недостаток в местных рабочих пополняется отчасти пришлыми из других губерний, тем не менее значительное количество земель, а иногда и целые хозяйства ведутся исключительно испольно — с ½ урожая, причем не содержат ни инвентаря, ни рабочих». Отсутствует четкая формулировка и по Харьковской губернии.

На неопределенность способов ведения помещичьего хозяйства указывалось также по Симбирской губернии. «Хозяйства ведутся всевозможными способами, в большинстве местностей, по словам корреспондентов, «встречаются сочетания всех способов ведения хозяйства»⁹³¹. Подобная же характеристика была дана и частновладельческим хозяйствам Орловской губернии: «Способы ведения хозяйств землевладельцев в губернии отличаются чрезвычайным разнообразием, так что на безусловное преобладание какого-либо из них указать трудно», «по большей части хозяйства ведутся смешанно»⁹³².

⁹²⁷ Анненский Н.Ф. Указ. соч. С. 157–235 (картограмма 1).

⁹²⁸ Короленко С. А. Указ. соч. С. 300.

⁹²⁹ Там же. С. 225.

⁹³⁰ Там же. С. 213.

⁹³¹ Там же. С. 202.

⁹³² Там же. С. 202.

И, наконец, последняя губерния, способ ведения хозяйства которой тоже был смешанным — Екатеринославская: «Преобладающий способ ведения частновладельцев (хозяйств) определить трудно: во всех уездах есть хозяйства, ведущиеся преимущественно наемными годовыми, сроковыми, месячными и поденными рабочими; многие хозяйничают исключительно испольно — из 1/3 урожая в пользу владельца земли; большинство же хозяйств ведется смешанно, т.е. часть земли обрабатывается наемными рабочими и собственным инвентарем, часть сдается для испольной обработки крестьянам из доли урожая, а часть за деньги»⁹³³.

В заключение следует отметить совершенно неверную характеристику в статье Н.Ф. Анненского Уфимской губернии как отработочной. В материалах Департамента земледелия она характеризуется иначе: «Что касается способов ведения отдельных хозяйств, то наиболее распространенным из них является ведение хозяйства собственным инвентарем годовыми и сроковыми рабочими, причем лишь часть уборки и других работ производится издельно»⁹³⁴.

Таблица 5.1

Губернии по преобладающему способу ведения помещичьего хозяйства
в 80-е гг. XIX века

Системы	Короленко	Анненский-1	Анненский-2	Ленин
Капиталистическая	17	18	19	19
Отработочная	12	14	17	17
Смешанная	9	8	7	7
Неопределенная	5	3	—	—
Всего	43	43	43	43

Источники: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 188; Анненский Н.Ф. Указ. соч. С. 169–175; Короленко С.А. Указ. соч.

Сравнительное сопоставление материалов Департамента земледелия и статьи Н.Ф. Анненского (табл. 5.1) показывает, что «небрежность», обнаруженная нами при сопоставлении содержания статьи с картограммой, была еще более значительной. Причем главная трудность, с которой столкнулся Н.Ф. Анненский, заключалась в отсутствии определенности в способах ведения помещичьего хозяйства по очень многим губерниям, однако данное обстоятельство не отвечало целям его статьи — выяснению доходности определенных систем ведения помещичьего хозяйства. Поэтому без достаточного обоснования целый ряд губерний с преобладанием «смешанной» системы ведения хозяйства был отнесен им к отработочным. В результате чего им не только были завышены масштабы распространения отработочной системы, но и явно преувеличена степень кристаллизации капиталистической и отработочной систем ведения помещичьего хозяйства.

⁹³³ Там же. С. 21.

⁹³⁴ Там же. С. 235.

Однако, несмотря на эти недостатки, картограмма Н.Ф. Анненского в целом совершенно правильно отмечала отразившийся в материалах Департамента земледелия факт более широкого распространения капиталистической системы ведения помещичьего хозяйства по сравнению с другими.

Но при этом необходимо иметь в виду следующее очень важное, но как правило не учитываемое обстоятельство, обстоятельство, специально и неоднократно подчеркнутое в статье Н.Ф. Анненского: рисуемая им картина характеризует не просто распределение губерний по способу ведения помещичьего хозяйства, а по «применению различных способов и форм обработки частновладельческой пашни (не сдаваемой в аренду)».⁹³⁵ Иными словами, *картограмма Н.Ф. Анненского характеризовала положение дел только в сфере земледельческого производства и только на так называемой экономической запашке.*

Первой на это обратила внимание Л.М. Минарик в статье «Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России в конце XIX – начале XX века»⁹³⁶. По мнению Л.П. Минарик, С.А. Короленко при характеристике ведения помещичьего хозяйства «сбрасывал со счета те земли, которые не составляли собственного хозяйства, а сдавались в аренду». Проведя на основании подобной методики обработку материалов оценки имений, заложенных в Дворянском банке, Л.М. Минарик пришла к заключению, что «применение к подсчетам о соотношении систем помещичьего хозяйства методики С.А. Короленко ведет к явному завышению доли именно капиталистической системы хозяйства».

Проблема аренды

Несмотря на то, что изучение аренды и арендных отношений велось как до 1917 г.⁹³⁷, так и в советской литературе⁹³⁸, некоторые вопросы остаются открытыми или же дискуссионными.

Прежде всего это касается масштабов и динамики аренды.

⁹³⁵ Анненский Н.Ф. Указ. соч. С. 169.

⁹³⁶ Минарик Л.П. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX – начала XX в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 615–626.

⁹³⁷ Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892; Он же. Крестьянские внеадельные аренды в зависимости от колебания хлебных цен и урожаев // Влияние урожая и в хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. С. 277–349; Флексор Д.С. Аренда. СПб., 1903; Он же. Аренда казенных земель. Б.м., [1903]; Каминка А.И. Аренда // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 2. СПб., 1904. С. 233–284; Мануйлов А.А. Аренда земли в России в экономическом отношении // Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. 2. М., 1905. С. 72–203; Он же. Арендный вопрос перед Особым совещанием // Там же. С. 204–223; Дядиченко А., Чермак Л. Арендные отношения // Политическая энциклопедия. Т. 1. СПб., 1906. С. 173–188; Бажаев В.Г. Крестьянская аренда в России. М., 1910; Гиммер М (Суханов Н.) Крестьянская аренда в России // Современник. 1912. № 2. С. 223–240; № 3. С. 209–238.

⁹³⁸ Анфимов А.М. К вопросу об аренде земли и земельной ренте в Европейской России в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 286–307; Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; Ковальченко И.Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976 С. 44–60.

Поэтому приходится констатировать, что вопрос о площади аренды в Европейской России остается открытым.

Какие же источники для его решения имеются в нашем распоряжении?

В 1881 г. ЦСК впервые собрал подобные сведения по 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики). Опубликованы они были в 1884 г. По этим данным, в начале 1880-х гг. в аренде находилось 11,5 млн. дес.: 6,0 дес. пашни и 5,5 дес. выгонов и сенокосов (см. табл. 5.2.).

Таблица 5.2

Аренда частновладельческих земель в 1881 г. (тыс. дес.)

Виды угодий	Всего	Аренда	%
Озимый посев	6596,5	2527,2	38,3
Яровой посев	7903,7	3505,6	44,4
Итого	14500,2	6032,8	41,6
Выгоны	—	2517,5	—
Сенокосы	—	3007,1	—
Итого	12406,8	5524,6	44,5
Всего	26907,0	11557,5	43,0

Источник: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. СПб., 1884. С. 85, 170. 388–389.

Из приведенных данных явствует, что частновладельцы сдавали в аренду не менее 43% сельскохозяйственных угодий. В действительности, арендный фонд был гораздо больше. Как отмечали сами организаторы обследования, во-первых, вне поля их зрения могла оказаться аренда мелких земельных участков; во-вторых, «сведения о казенных и удельных землях оказались настолько неудовлетворительными, что по необходимости пришлось их совсем исключить»⁹⁴⁷.

В 1883 г. удельное ведомство сдавало в аренду, как минимум, 1676090 дес.⁹⁴⁸ Если сделать поправку на это, получается 13,4 млн. дес. Используя данные о площади казенных оброчных статей за 1901 г. (3,8 млн. дес.), получаем 17,2 млн. дес.

В 1887 г. ЦСК провел новое обследование земельных угодий, материалы которого были опубликованы по 46 губерниям. Оно учло около 15 млн. дес. арендованной земли⁹⁴⁹.

На первый взгляд итоговая цифра сравнительно невелика — около 15,0 млн. дес. по 43 губерниям Европейской России. К общей площади дворянского землевладения на территории этих губерний (90,6 млн. дес.) это составляло всего лишь 16,5%. Однако необходимо учитывать, что арендовались, как правило, пахотные, сенокосные и выгонные угодья.

⁹⁴⁷ Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. СПб., 1884. С. X.

⁹⁴⁸ История Уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.1. Управление Удлами и удельное хозяйство. СПб., 1902. С. 300.

⁹⁴⁹ Главнейшие данные поземельно статистики по обследованию 1887 г...

Таблица 5.3

Аренда дворянских земель в Европейской России по данным обследования 1887 г.

Губернии	С/х угодья	Из них в аренде	
		абс. (тыс. дес.)	отн. (в %)
Архангельская	0,09	0,06	68,1
Виленская	662,3	457,8	69,1
Витебская	473,8	402,9	85,0
Владимирская	220,6	163,5	73,4
Вологодская	195,0	48,9	25,1
Волынская	1041,4	702,1	67,4
Воронежская	1130,0	506,0	44,8
Вятская	63,2	11,3	17,9
Гродненская	554,0	352,9	63,7
Екатеринославская	1729,4	630,3	36,4
Казанская	377,9	78,3	20,7
Калужская	245,0	105,3	43,0
Киевская	1146,4	592,4	51,7
Ковенская	866,6	470,6	54,3
Костромская	158,7	118,3	74,4
Курляндская	411,8	187,0	45,3
Курская	908,6	270,2	30,0
Минская	943,7	927,2	98,3
Могилевская	506,5	380,4	75,7
Московская	198,0	150,6	76,3
Нижегородская	402,1	266,1	66,3
Новгородская	278,1	174,5	62,8
Олонецкая	5,1	6,2	100,0
Орловская	762,6	296,2	38,8
Пермская	2304,3	698,4	30,4
Подольская	1122,9	532,6	47,4
Полтавская	1383,0	499,5	36,1
Псковская	380,6	236,3	62,2
Рязанская	659,8	222,1	33,7
Самарская	1113,5	446,3	40,1
С.-Петербургская	339,9	291,7	85,6
Саратовская	1480,3	709,3	47,9
Симбирская	589,4	233,9	40,0
Смоленская	519,6	257,0	49,4
Таврическая	1059,2	425,7	40,2
Тамбовская	1156,3	488,9	42,3
Тверская	336,9	222,3	66,0

Таблица 5.3 (окончание)

Тульская	818,5	311,0	38,0
Харьковская	991,9	320,6	32,3
Херсонская	2040,0	1059,4	51,9
Черниговская	781,5	375,3	48,2
Эстляндская	414,2	201,5	48,7
Ярославская	219,5	134,6	61,4
Всего	30993,3	14965,5	48,3

Источник: Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. ...

Если принять во внимание это обстоятельство и исключить из сопоставления лесные и неудобные земли, картина окажется совершенно иной. Площадь используемых удобных земель составляла всего лишь 31,0 млн. дес. Следовательно, из этого количества земли в аренде находилось более 48% земельных угодий или же почти половина.

Это вполне согласуется с данными Дворянского банка о заложенных имениях, в которых экономическая запашка составляла примерно 47,3%⁹⁵⁰.

Какие бы мы пропорции ни принимали, ясно одно — капиталистический сектор мог существовать лишь на меньшей части (используемых) удобных дворянских земель.

Кто же сдавал землю в аренду прежде всего? Логично предположить, что это были мелкие владельцы, неспособные вести хозяйство самостоятельно.

Следующее обследование было проведено в 1901 г. «Комиссией центра». «Комиссия Центра, — писал А.М. Анфимов, — насчитала по данным волостных правлений на 1901 г. 19570300 дес. земли внеадельной аренды, но полагала, что это количество не составляет даже половины ее действительной величины»⁹⁵¹. В доказательство этого он ссылаясь на следующие слова из материалов названной комиссии: «Таким образом, количественная сторона аренд представлена в волостном материале вообще весьма слабо, далеко не обнимая даже половины всей арендованной крестьянами внеадельной земли»⁹⁵².

Исходя из этого, А.М. Анфимов писал: «Приведенные данные включали в себя лишь арендные сделки, которые были занесены в 1901 г. в волостные книги сделок и договоров. По-видимому, наиболее массовые сделки мелкой, особенно испольной, погодной аренды оказались неучтенными волостными правлениями. Но если мы даже примем указанную Комиссией цифру за половину арендованной земли, то и тогда площадь земель внеадельной аренды составит 39 млн. дес. — величину весьма внушительную»⁹⁵³.

Однако обращение к материалам «Комиссии центра» показывает, что в 1901 г. волостными правлениями были представлены сведения об аренде только 6,8 млн. дес.

⁹⁵⁰ Каблуков Н.А. Значение хлебных цен... С. 153.

⁹⁵¹ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. С. 13.

⁹⁵² Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. III. С. 76.

⁹⁵³ Анфимов А.М. Земельная аренда в России... С. 13–14.

частновладельческих земель⁹⁵⁴. Именно к этим данным и относятся приведенные выше слова из комментариев Департамента окладных сборов⁹⁵⁵. В материалах «Комиссии центра» содержатся также сведения о площади оброчных статей казны (3,8 млн. дес.)⁹⁵⁶ и удела (1,8 млн. дес.)⁹⁵⁷ и «дополнение IV», содержащее сведения об общей площади внеадельной аренды — 19,6 млн. дес.⁹⁵⁸. Причем в комментариях на этот счет специально отмечено: «...что же касается дополнения IV, то надо сказать, что оно является лишь попыткой дать, хотя бы приблизительно, общее количество внеадельной земли, находившееся в аренде у крестьян в 1901 г.»⁹⁵⁹.

Это свидетельствует о том, что А.М. Анфимов не только неправильно истолковал цифру 19,6 млн. дес. и на основании этого сделал ошибочное заключение о возможной общей площади внеадельной аренды в размере 39 млн. дес.

Это дает основание думать, что масштабы аренды были завышены не только Н.А. Карышевым, но и А. Дядиченко и Л. Чермаком, а вслед за последними и А.М. Анфимовым. Однако и цифра 19,6 млн. дес. представляется весьма значительной, особенно если учесть, что она относится только к сельскохозяйственным угодьям.

По характеру расчета аренда подразделялась на два вида: натуральную и денежную. В первом случае крестьяне расплачивались частью урожая, во второй деньгами. По этой причине первая форма аренды именовалась издольщиной. К издольщине чаще всего прибегала деревенская беднота, не имевшая денег. Видимо, по этой же причине издольщина во многих случаях была связана с отработками⁹⁶⁰.

На первых порах нередко, а как считал Н.А. Карышев, «может быть, повсеместно», существовал «обычай выдачи сдатчиком съемщику семян»⁹⁶¹. Семена по сути дела представляли собой кредит, который крестьянин затем должен был вернуть, а за его предоставление тем или иным способом рассчитаться. Но во всех случаях аренда нередко сопровождалась еще двумя условиями: первое получило название «отработок» или «панщины», второе — «гостинцы».

Характеризуя натуральную аренду, А.А. Кауфман отмечал, что в конце XIX в. степень эксплуатации крестьян-издольщиков возрастала: «Еще в 1895 г. около четверти всех такого рода аренд (23%) оплачивались одной третью продукта, в 1900 г. уже только одна десятая (10%); исполу в 1895 г. снималось менее трех четвертей (72%), в 1900 г. — уже почти шесть седьмых (86%) всей натуральной аренды; да притом за этот короткий период значительно чаще стали случаи доплат: в 1895 г. таких доплат производилась только в одной трети (32%), в 1900 г. уже почти в половине (45%) случаев»⁹⁶².

⁹⁵⁴ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. I. С. 113–135.

⁹⁵⁵ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Ч. III. С. 75–76.

⁹⁵⁶ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Ч. I. С. 144.

⁹⁵⁷ Там же. С. 146–147.

⁹⁵⁸ Там же. С. 148–149.

⁹⁵⁹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Ч. III. С. 81.

⁹⁶⁰ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Ч. I... С. 106.

⁹⁶¹ Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды в зависимости от колебания хлебных цен.... С. 292.

⁹⁶² Кауфман А.А. Указ. соч.. С. 105–106.

Взяв землю в аренду, крестьяне брали на себя обязательство, кроме натуральной или денежной оплаты, отработки на помещика определенного количества дней. В советской литературе вслед за В.И. Лениным было широко распространено мнение, будто бы отработки касались только зернового производства.

Однако вот что писал на этот счет современник: «Формы отработок отличаются значительным разнообразием: они обнимают весь цикл работ деревенского обихода. Посредством отработок производятся все сельскохозяйственные работы по обработке и уборке урожая, *заготавливаются дровами, перевозят различные грузы по назначению и тому подобное*»⁹⁶³.

По сути дела это была возрожденная барщина, приобретающая ростовщическую форму.

Отработки практиковались не только в связи с арендой, но и в связи с любым кредитом. Причем по своему характеру подобная форма расплаты может быть подразделена на два основных вида: а) отработки, которые может исполнять только крестьянин, имеющий рабочий скот и инвентарь и б) отработки, которые может исполнить и сельский пролетарий, не имеющий никакого инвентаря. В советской литературе обычно главное внимание обращалось на то, что разделяло два вида отработок. Между тем, не менее, а, может быть, даже более важное значение имеет то, что объединяло их. А объединяло их не только то, что в их основе лежала кредитная сделка, и работа по найму фактически представляла собою оплату или же возвращение кредита (независимо от того, в каком виде он был получен), но и то, что эта кредитная операция представляла собою *самую обыкновенную ростовщическую сделку*, так как при отработках обоих видов цены на рабочие руки регулировались не столько спросом и предложением на них, сколько нуждой крестьянина в земле, деньгах или же в продуктах, заранее получаемых от помещика.

В результате этого труд крестьянина на барском поле представлял собою не свободно обращавшийся на рынке вид товара, а компенсацию и притом с ростовщическим процентом той ссуды, которая была получена. В связи с этим труд отработочного крестьянина ценился или же оплачивался значительно ниже, чем свободный наемный труд. На это обстоятельство было обращено внимание еще современниками⁹⁶⁴.

Однако, поскольку при отработках крестьянин выступал все-таки в качестве продавца своей рабочей силы и поскольку в такой роли он выступал под давлением экономической необходимости, а не внеэкономического принуждения, поэтому отработочная эксплуатация во всех ее видах представляла собою не пережиток феодализма, как считали многие авторы, изобретя для этого понятие «полукрепостнических отношений», а одну из форм раннекапиталистической эксплуатации. Данное обстоятельство долгое время почему-то оставалось вне поля зрения исследова-

⁹⁶³ Щепотьев С. Очерки крестьянской аренды в черноземной полосе // Юридический вестник. 1884. № 10. С. 268.

⁹⁶⁴ Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. СПб., 1902.

телей. И только благодаря работам П.Г. Рындзюнского⁹⁶⁵ и И.Д. Ковальченко⁹⁶⁶ данная оценка отработочной эксплуатации получила признание советских исследователей.

«Кроме того, — писал современник, — существует особый вид доплат по названию «гостинец», имеющий характер полуобязательных подарков, которые даются за право брать землю вообще. Приношения эти заключаются в виде известного количества кур, гусей, муки, масла, словом, всякой домашней провизии. Особенно широко практикуется взимание подобных гостинцев крупными арендаторами чужих имений или малопоместными владельцами, которые иначе и не сдают свою землю в аренду»⁹⁶⁷.

По сути дела сдача земли в аренду, независимо от того, имела ли она натуральный или денежный характер, сопровождалась возрождением, правда, на иной экономической основе, отмененных барщины и оброка. Причем если отработки получили широкую известность, то «гостинцы» не привлекли внимание даже сторонников сохранения в пореформенной деревне полуфеодалных отношений.

Если в первые пореформенные годы, судя по всему, преобладала натуральная аренда, затем ее постепенно оттеснила на второй план аренда денежная. Когда именно это произошло, еще требует выяснения. Но к концу XIX — началу XX в. денежная аренда уже преобладала.

В литературе долгое время имело место противопоставление натуральной и денежной аренды. Однако П.Г. Рындзюнский совершенно справедливо обратил внимание на то, что это противопоставление имеет чисто формальный характер. «Существенного различия между экономической природой денежной и натуральной форм арендной платы быть не могло прежде всего по той причине, что после падения крепостничества труд крестьянина на полях помещика, перестав быть обязательным на крепостнической основе, начал оцениваться по нормам оплаты труда, складывавшимся на общенациональном рынке»⁹⁶⁸.

«Формально — отмечалось в одном из дореволюционных изданий — наем (земли — А.О.) бывает денежный — каждой десятине назначается известная цена: на самом же деле крестьяне не располагая деньгами, расплачиваются работой», и далее: «Что в действительности означает погодная съемка земли крестьянами, заносимая условно в статистическую регистрацию как денежная, показывают записи, из которых видно, что всю означенную сумму арендной платы крестьяне часто обязуются отработать на полях»⁹⁶⁹.

Поэтому рисуемая земскими статистическими изданиями картина полного преобладания денежной аренды не является показателем ее капиталистического характера.

⁹⁶⁵ Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России... С. 48–70; Он же. Утверждение капитализма в России...

⁹⁶⁶ Ковальченко И.Д. В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 30–51.

⁹⁶⁷ Щепотьев С. Очерки крестьянской аренды в черноземной полосе // Юридический вестник. 1884. № 10. С. 268.

⁹⁶⁸ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России... С. 141.

⁹⁶⁹ Липский. Цены на рабочие руки... С. 105–107.

Если ростовщический характер натуральной аренды (так называемой издольщины или испольщины) не вызывает сомнения, то с денежной арендой дело обстоит намного сложнее. Приходится констатировать, что в этом вопросе до сих пор не только отсутствует единство мнений среди исследователей, но и нет достаточно разработанных критериев для оценки денежной аренды и выделения ее основных разновидностей. Обычно при характеристике аренды дифференциация основных ее видов делается на основании целевого назначения аренды как разновидности кредита.

Исходя из этого, еще дореволюционные исследователи выделяли два вида аренды: продовольственную и предпринимательскую, т.е. аренду из нужды, аренду для удовлетворения продовольственных потребностей крестьянского хозяйства и аренду предпринимательскую, с целью расширения производства, с целью накопления⁹⁷⁰.

Подобное деление имеет смысл. Однако не всякая предпринимательская аренда является капиталистической. Обратив внимание на этот факт, А.М. Анфимов совершенно обоснованно поставил вопрос о необходимости разделения предпринимательской аренды в зависимости от характера использования труда на два вида: мелкотоварную (основанную на семейном труде) и капиталистическую (основанную на наемном труде)⁹⁷¹.

При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, и аренда земли, обрабатываемой семейным трудом, может иметь своей целью и удовлетворение продовольственных потребностей, и расширенное воспроизводство, т.е. получение прибыли. Во-вторых, хозяйство, основанное на наемном труде, может быть и рентабельным, и убыточным.

Поэтому для характеристики денежной аренды необходимо принимать во внимание два обстоятельства: условия, на которых земля сдается в аренду и рыночная конъюнктура, которые или позволяют арендатору сохранить в своих руках часть прибавочной стоимости, или же делают это невозможным. В первом случае аренда будет иметь предпринимательский характер независимо от характера используемого труда, во втором случае она будет иметь кабальный характер тоже независимо от использования или неиспользования наемного труда.

Именно с этих позиций и необходимо подойти к денежной аренде, которая широко использовалась помещиками в пореформенную эпоху.

В денежной аренде существовала еще одна очень важная деталь, которая тоже прошла мимо внимания советских историков. Это механизм расчета. Как было установлено еще в 1880-е гг., сдаче земли в аренду предшествовала предоплата. Если у крестьянина к этому времени не было денег, он или брал их у местных богатеев, естественно под высокий процент, или же причитающаяся сумма зачислялась ему в долг, а это значит, он возвращал ее осенью тоже с процентом⁹⁷².

Но дело заключалось не только в этом. *После того, как хлеб с арендованной земли убирался, он свозился на барское гумно или же засыпался в барский амбар. И*

⁹⁷⁰ Карышев Н.А. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт, 1892.

⁹⁷¹ Анфимов А.М. Аренда земли в России... С. 92–115.

⁹⁷² Щепотьев С. Очерки крестьянской аренды... С. 265.

*крестьян мог его получить только тогда, когда вносил причитающуюся с него сумму. А поскольку лишних денег у него не было, то он или срочно и по любой цене продавал хлеб с надельной земли и, внося арендную плату, получал возможность забрать собранный с арендованной земли хлеб, или же барин разрешал ему продать одну часть собранного им с арендованной земли хлеба, чтобы получить возможность забрать другую. Таким образом, денежная аренда тоже приобретала кабальный, ростовщический характер*⁹⁷³.

В конце XIX в. исследователи констатировали, что вся пореформенная эпоха по крайней мере до середины 1880-х гг. характеризовалась ростом арендных платежей. В качестве примера Н.А. Карышев приводил их динамику в Сычевском уезде Смоленской губернии: 1861–1865 гг. — 100%, 1866–1870 гг. — 109%, 1871–1875 гг. — 137,7%, 1876–1880 гг. — 169,7%, 1881–1885 гг. — 250,1%⁹⁷⁴.

Посмотрим теперь, как же развивалось помещичье хозяйство после отмены крепостного права.

Помещичье хозяйство в первые пореформенные годы

В нашем распоряжении имеются многочисленные свидетельства современников, заслуживающие специального рассмотрения, но до сих пор, правда, не привлечшие внимание исследователей, согласно которым первые пореформенные годы были временем массового оскудения поместного дворянства.

Ответственность за это консервативная печать возлагала прежде всего на правительство⁹⁷⁵. Самое крупное обвинение, которое предъявлялось правительству, заключалось в том, что, отменив в 1861 г. крепостное право, оно лишило помещиков права собственности на крепостных крестьян, а это значит, на даровой труд. По мнению А. Поленова, поскольку численность крепостных крестьян накануне 1861 г. составляла 10,7 млн. ревизских душ, а Государственный заемный банк выдавал ссуды из расчета 40 руб. за душу, что составляло 60% от стоимости залога, то средняя цена ревизской души была 66,7 руб.⁹⁷⁶, а 10,7 млн. душ — стоили 713 млн. руб.⁹⁷⁷

Другой счет, который позднее предъявили помещики правительству, заключался в том, что передав крестьянам 31,3 млн. дес. земли, которая при цене 28 руб. за десяти-

⁹⁷³ Там же. С. 265–266.

⁹⁷⁴ Карышев Н.А. Крестьянские вненадельные аренды в зависимости от колебания хлебных цен... С. 279, 282.

⁹⁷⁵ Этой проблеме был посвящена специальная «Записка о первоначальных причинах, породивших затруднительное положение дворян-землевладельцев», которая была представлена правительству в 1896 г. 27 губернскими предводителями дворянства и породила «Замечания министра финансов С.Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». См.: Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880–1890-х гг. // Исторический архив. 1957. № 4. С. 122–155.

⁹⁷⁶ В.В. Морозан утверждает, что за одну ревизскую душу давали 75 руб. (Морозан В.В. История банковского дела в России. Вторая половина XVIII – первая половина XIX СПб., 2001. С. 181), И.Ф. Гиндин называл более высокую цену — 125 руб. (Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968. С. 328).

⁹⁷⁷ Поленов А. // Петербургские ведомости. 1897. 15 Мая.

ну стоила 904 млн. руб., помещики получили за нее на 150–170 млн. меньше. В результате общий убыток, понесенный помещным дворянством был «около 900 млн. руб.»⁹⁷⁸

В-третьих, отпустив крестьян на волю, правительство тем самым поставило помещиков перед необходимостью срочно изыскивать средства для капиталистической организации хозяйства, но с 1859 г. прекратило выдавать ипотечные ссуды и заставило помещиков брать частные кредиты под 12 и даже 18%⁹⁷⁹.

В-четвертых, пообещав помещикам выдачу на руки стоимости выкупаемой крестьянами земли, оно в одностороннем порядке использовало часть этих денег для погашения прежних долгов, а остальную сумму выдало на руки процентными обязательствами, т.е. по сути дела облигациями, которые были выброшены на фондовый рынок и обесценились примерно на 20%⁹⁸⁰.

Выдвигались и другие претензии⁹⁸¹. Насколько же они были обоснованы?

Прежде всего возникает вопрос: почему дворянство заговорило об этом только несколько десятилетий спустя после отмены крепостного права и не проявило никакого возмущения в момент подготовки отмены крепостного права? А ведь подготовка шла не только в столице, но на местах, для чего были созданные специальные губернские Редакционные комиссии.

В связи с этим следует напомнить, что к 1859 г. 7,1 из 10,7 млн. ревизских душ были заложены в банках, поэтому уже не являлись собственностью помещиков в полном смысле этого слова, так как распоряжаться ими по своему смотрению они уже не могли. Причем если первоначальная их стоимость составляла 474 млн., а залоговая — 284 млн. руб., то лежащий на них долг вместе с непогашенными процентами к 1859 г. достиг 425,1 млн. руб. Было очевидно, что вернуть его помещики не могут, а значит до истечения срока залога им оставалось только одно — продолжать платить по долгам проценты, которые при 5% кредите составляло более 20 млн. руб. ежегодно.

Поэтому, пойдя на отмену крепостного права и принудительное досрочное погашение долга за счет выкупных платежей, правительство нарушило права лишь мелкопоместных дворян, у которых было 3,6 млн. ревизских душ и ни копейки долга, но тем самым не только избавило другую часть помещиков от необходимости платить по процентам, но и фактически под видом выкупа переложило их долг на крепостных крестьян.

Если отмена крепостного права представляла собою одномоментный акт, то перевод помещичьих крестьян на выкуп в 1863 г. лишь начался, а продолжался до 1906 г.⁹⁸² «От владельцев имений, — писал Н.М. Дружинин, — зависело избрать

⁹⁷⁸ Там же.

⁹⁷⁹ Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит... С. 7–8.

⁹⁸⁰ Там же. С. 8.

⁹⁸¹ Записка губернских предводителей дворянства... министру внутренних дел в Собрание о нуждах дворянского землевладения. 1896 г. // РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 351; Записка П.А. Кривского о причинах, разоривших дворянство и мерах к поддержке дворянского землевладения // ГАРФ. Ф. 576. Оп. 1. Д. 138. Л. 23–34.

⁹⁸² Вильсон И. Выкупные за землю платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих. 1862–1876. Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян. 1871–1876. СПб., 1878; Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877; Богушевич Ю.М. О крестьянском малоземелии в связи с помещичьим хозяйством. (По поводу кн. проф. Янсона: «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах»). СПб., 1881; Ходский Л.В.

один из четырех путей, задуманных преобразователями: или продолжить взыскание барщины и оброка, т.е. сохранить феодальную эксплуатацию, нормированную законом, или ликвидировать феодальные отношения путем добровольного соглашения с крестьянами о выкупе наделов, или обязать крестьян при содействии правительства выкупать свои наделы без их согласия, или договориться с бывшими крестьянами о предоставлении им “сиротского”, “нищенского” надела в полную собственность даром без выкупа»⁹⁸³.

Дарственников оказалось немного. По материалам специального обследования 1907 г., подобные наделы получили только 461,2 тыс. ревизских душ (менее 5% всех крепостных крестьян) 32 губерний, у которых в начале XX в. было только 1,2 млн. дес. надельной земли⁹⁸⁴.

Во всех остальных случаях перевод крестьян на выкуп производился только по желанию помещиков. К этому их никто не принуждал и не мог принудить. Другое дело, что они сами сравнительно быстро предпочли ликвидировать феодальные отношения.

Одновременно с переводом крестьян на выкуп государство в одностороннем порядке приняло решение о принудительном погашении помещиками их долгов. Понять правительство несложно. С одной стороны, ему требовались деньги на выплату причитающейся помещикам суммы выкупаемых крестьянами земель, с другой стороны, необходимых денег в казне не было, зато на помещиках висел огромный долг перед государством. И хотя у многих из них до окончательного срока погашения взятых займов еще было много времени, правительство постановило производить взаимозачет обязательств. В результате чего у многих помещиков произошло или списание долгов или их сокращение, но на руки они не получили ни копейки.

«Самое принудительное погашение долгов было ничем иным, как односторонним и насильственным нарушением гражданского договора, каким является залог, — писал К. Головин. — Если бы подобная мера была бы принята по отношению к торговому сословию... в результате оказался бы ряд банкротств; а по отношению к бывшим помещикам эта мера была принята как раз в такую минуту, когда они всего более нуждались в оборотных средствах»⁹⁸⁵.

Возникли трудности и «при продаже выкупных свидетельств». «Получая ссуды, — отмечал К. Головин, — помещик капитализировал 9 рублевый оброк, т.е. получение 6% с ценности крестьянского надела, из 7,2%, так как вместо 150 руб. ему выдавали 120 руб. да и те приносили уже не 6%, а только 5%. А если припомнить, что за первые 10 лет после реформы курс выкупных свидетельств колебался между 69% и 85%, приходилось капитализировать уже не из 7,2%, а из 10% или 11%,

Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. Т. 1–2. СПб., 1891; Мигулин П.П. Русский государственный кредит. 1769–1899. Т. 1. Харьков, 1891; Мигулин П.П. Выкупные платежи. К вопросу о их понижении. Харьков, 1904; Петлин Н.С. Выкуп у помещиков крестьянских наделов и его последствия. СПб., 1894; Лосицкий А.Е. Выкупная операция. СПб., 1906; Ляшенко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. II. СПб., 1913; Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения. Выкупная операция 1861–1907 гг. Киев, 1914.

⁹⁸³ Дружинин Н.М. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862–1882) // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 4

⁹⁸⁴ Дарственное надельное землевладение крестьян. По обследованию 1907 года. СПб., 1908. С. 54–55.

⁹⁸⁵ Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. 90.

что почти равнялось займу у ростовщика. Вот почему по истечении первого десятилетия было куплено немногим более 50% всех крестьянских наделов и в это число входили *принудительно выкупленные надель крестьян 9 западных губерний*⁹⁸⁶ (в 9 западных губерниях было сосредоточено 25% всех помещичьих крестьян).

Посмотрим теперь имели ли помещики необходимые средства для перевода своего хозяйства на новые рельсы. Да, с 1859 г. казна перестала давать дворянам ипотечные кредиты, и до середины 1860-х гг., пока не возникло Общества взаимного поземельного кредита, дворяне могли занимать деньги только у частных лиц. Однако с 1861 г. они перестали платить государству по лежащим на них долгам, а с 1863 г. получили возможность использовать выкупные платежи. Может быть, все они ушли на погашение прежних долгов? Ничего подобного: табл. 5.4.

Таблица 5.4

Поступление выкупных платежей

Дата	Выкупные сделки	Всего	Погашение	Остаток
		Кредитные рубли		
1862	959	17626953	9055827	8571126
1863	4095	69986994	34921160	35065834
1864	7343	101548952	50194291	51354661
1865	7143	72504605	32007363	40497242
1866	6319	67903820	30203627	37700193
1862–1866	25859	329571324	156382268	173189056
1867	5052	55978883	25707729	30271154
1868	5282	54702593	27505218	27197375
1869	4677	53500359	22039274	31461085
1870	4246	48795557	16869019	31926538
1871	4077	44815043	14308795	30506248
1867–1871	23334	257792435	106430035	151362400
1872	3451	34197376	10642147	23555229
1873	2464	25922913	6802777	19120136
1874	1754	16973126	4267973	12705153
1875	1391	15260805	3841047	11419758
1876	1329	13225867	3043218	10182649
1872–1876	10389	105580087	28597162	76982925
1877	1528	16614770	4934966	11679804
1878	1256	13599234	2625381	10973853
1879	1231	12200186	2280473	9919713
1880	1234	12771606	2565793	10205813
1881	1679	15932484	2468973	13463511
1877–1881	6928	71118280	14875586	56242694
Итого	66510	764062126	306285051	457777075

⁹⁸⁶ Там же. С. 90–91.

Источник: Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. Опыт статистического выяснения состояния землевладения в зависимости от его задолженности СПб., 1911. С. 133.

Приведенные данные свидетельствуют, что за 20 лет после отмены крепостного права поместное дворянство за счет выкупных платежей не только погасило 306,3 млн. руб., 72% своего дореформенного долга, но и сверх этого получило 457,8 млн. руб.

В 1865 г. было учреждено Общество взаимного поземельного кредита, а в начале 1870-х гг. появляются частные земельные банки. Деятельность частных земельных банков привлекла к себе внимание еще до революции, но только в последние годы были подготовлены специальные работы на эту тему⁹⁸⁷. В результате деятельности частных банков с середины 1860-х гг. и особенно в 1870-е гг. в землевладение потекли ипотечные кредиты. К 1881 г. новый долг помещиков достиг 535 млн. руб.

Таблица 5.5

Задолженность частного землевладения в 1867–1881 гг.

Дата	Долг	Дата	Долг	Дата	Долг
1867	100,0	1872	201,9	1877	475,0
1868	108,1	1873	241,2	1878	494,0
1869	116,7	1874	334,8	1879	511,5
1870	131,4	1875	387,6	1880	522,7
1871	160,1	1876	437,6	1881	535,6

Источник: Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 2. Ч. 1. Киев, 1917. С. 429.

Это значит, что в течение 20 лет после отмены крепостного права помещики получили около одного миллиарда. Это в два лишним раза больше того, что ими было взято в долг у государство за сто предшествующих лет. Поэтому к началу 1880-х гг., когда на выкуп было переведено около 75% всех крестьян, *в распоряжении помещиков имелось достаточно средств для организации своего хозяйства на новых, капиталистических началах*, по крайней мере для приобретения рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря.

В середине 1860-х гг. вопрос о состоянии помещичьего хозяйства был вынесен на съезды сельских хозяев. А в 1873 г. «валуевской комиссией» был сделан первый опыт экспертной оценки этого состояния⁹⁸⁸. Единственная попытка обработки материалов названной комиссии была сделана Н.М. Дружининым⁹⁸⁹. Подво-

⁹⁸⁷ Райский Ю.Л. Акционерные земельные банки в России во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л. 1983; Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.

⁹⁸⁸ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.

⁹⁸⁹ Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы... С. 187–230.

для итоги этой обработки, он подразделил все губернии на четыре группы: а) «губернии нечерноземной полосы», для которой была характерна «тенденция свертывания и даже упадка помещичьего хозяйства с очень слабыми ростками капиталистических отношений, с перевесом феодальных и полуфеодальных способов хозяйствования — неотмененных барщины и оброка, испольщины, “денежного изделия”, отработков за снятые угодья, кабальные аренды»; б) «центральный черноземный район с прилегающими украинскими и поволжскими губерниями», который «несмотря на влияние феодальных и полуфеодальных отношений, быстрее, чем промышленные губернии, шел навстречу аграрному капитализму»; в) «западная зона», «в одних районах эти прогрессивные элементы сочетались с остатками феодальных отношений, в других носили ясно выраженные черты прусского пути аграрно-капиталистического развития»; г) «юго-степная зона», где «быстро развивалось предпринимательское капиталистическое хозяйство»⁹⁹⁰.

Это означает, что а) пореформенная эпоха не характеризовалась всеобщим крахом помещичьих хозяйств, б) что переход помещичьих хозяйств к новым способам его ведения имел более сложный, противоречивый характер. Однако материалы валуевской комиссии имеют лишь описательный характер и не позволяют получить количественное представление о происходивших изменениях. Поэтому для их характеристики нужно привлечение других источников.

Известно, что после отмены крепостного права дворянское землевладение начало сокращаться. В дореволюционной литературе пореформенного времени можно встретить утверждения, будто после отмены крепостного права помещичьи имения чуть ли не в массовом порядке и повсеместно пошли с молотка. Однако это упрощенное представление. Прежде всего возникает вопрос о динамике площади помещичьих земель. Существует мнение, что в 1859 г. дворянское землевладение составляло 78,7 млн. дес. и еще 12,3 млн. дес. принадлежали частным владельцам⁹⁹¹, итого — 91,0 млн. дес. По другим данным, в 1862 г. дворянам принадлежало 87,2 млн. дес.⁹⁹² Кроме того, имеются сведения, что в 1863 г., когда началась выкупная операция, дворянское землевладение составляло 85,1 млн. дес.⁹⁹³ В первом случае расхождение — 8,5 млн. дес, 11%, во втором — 4,4 млн. дес., или же более 5%. Никаких оснований думать, что в 1859–1862 гг. дворяне смогли приобрести 8,5 млн. дес., нет. В 1854–1858 гг. средняя цена десятины стоила 16,9 руб., в 1863–1872 гг. — 20,1 руб.⁹⁹⁴ Если взять цену десятины в 18 руб., это требовало более 150 млн. руб. Сумма для поместного дворянства того времени, совершенно неподъемная. Это весь их годовой доход. Поэтому вероятнее всего, данные 1859 г. являются не совсем полными, а данные 1863 г. уже свидетельствуют о начавшейся мобилизации дворянских земель⁹⁹⁵.

⁹⁹⁰ Там же. С. 223.

⁹⁹¹ Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. С. 142–143.

⁹⁹² Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 24. Пг., 1915. С. 66–67; Симонова М.С. К изучению процесса формирования... С. 144–170.

⁹⁹³ Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 87.

⁹⁹⁴ Лосицкий А.Е. Выкупные платежи. СПб., 1906. С. 16.

⁹⁹⁵ Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911; Симонова М.С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности... С. 144–170.

В ходе земельной переписи 1876–1877 гг. общий частновладельческий земельный фонд был определен в 93,4 млн. дес., из которых 73,0 млн. дес. принадлежали дворянам. Если учесть, что к этому времени, на выкуп было переведено 26,0 млн. дес., получается, что к 1862 г. дворяне имели не менее 99,0 млн. дес.

Знакомство с материалами статистики показывает, что с 1862 по 1872 г. в северных губерниях дворянское землевладение сократилось на 12%, в южных губерниях примерно на 10%, в центральных — на 6%, в западных осталось без изменения, а в целом по европейской России сократилось всего на 2%⁹⁹⁶. Это означает, что в первое десятилетие после отмены крепостного права заметных изменений не произошло.

Ситуация начинает меняться в 1870-е гг. С 1872 по 1882 г. дворянское землевладение сократилось с 98 до 82% к уровню 1862 г.: Запад — 98%, Центр — 85%, Юг — 80%, Север — 70%⁹⁹⁷. С 1863 по 1883 г. дворянское землевладение сократилось на 15,9 млн. дес., или же на 18,7%.

Таблица 5.6

Темпы дворянского «оскудения» Европейской России (1863–1883 гг.)

Дата	Европейская Россия			Черноземная полоса			Нечерноземная полоса		
	Всего	Сокращение		Всего	Сокращение		Всего	Сокращение	
		Абс.	%		Абс.	%		Абс.	%
1863	85,1	—	—	40,7	—	—	44,4	—	—
1873	78,6	6,5	7,6	37,7	3,0	7,4	40,9	3,5	7,9
1883	69,2	9,4	12,0	34,0	3,7	9,8	35,2	5,7	13,9

Источник: Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России... С. 87. Сведения относятся к 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики). Абсолютные данные в млн. дес., относительные — в процентах.

Из 15,9 млн. дес., проданных дворянских земель, 6,7 млн. приходилось на черноземные и 9,2 млн. дес. — на нечерноземные губернии, соответственно 42 и 58%. Это значит, что процесс мобилизации дворянских земель захватил прежде всего нечерноземные губернии. Здесь масштабы сокращения составляли 20,7%, в то время как в черноземных губерниях — 16,5%.

Сокращение дворянского землевладения означало, что помещиками за их счет тоже были получены определенные средства (цены на землю в 1860-1870-е гг.: от 15 до 25 руб. Даже если взять 20 руб., это еще около 300 млн. руб.).

При рассмотрении этих данных необходимо учитывать, что до середины 1880-х гг. цены на хлеб росли⁹⁹⁸ и рос его экспорт⁹⁹⁹; это свидетельствовало о расширении товарного хозяйства помещиков. И в таких более или менее благоприятных услови-

⁹⁹⁶ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 20. СПб, 1911. С. XXV.

⁹⁹⁷ Там же.

⁹⁹⁸ Миронов Б.Н. Хлебные цены...

⁹⁹⁹ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 365–366.

ях и при наличии крупных денежных средств, помещичье хозяйство оказалось перед лицом кризиса: процесс обезземеливания поместного дворянства продолжает развиваться.

Согласно материалам десятой ревизии, в Европейской России было 103,2 тыс. дворянских поместных владений с крепостными крестьянами¹⁰⁰⁰. А.П. Корелин на основании обнаруженных им архивных документов считает, что эта цифра является заниженной. По его расчетам, к началу 1861 г. в Европейской России насчитывалось около 150 тыс. дворянских семей, из которых землю имело примерно 128,5 тыс., т.е. 80–85%¹⁰⁰¹. С. Беккер считает, что к 1861 г. земель владели 78–81%¹⁰⁰². Исходя из этого, можно утверждать, что к 1861 г. безземельное дворянство составляло около 15–20%.

А.А. Корелин считает, что в конце 1870-х гг. из 210 тыс. дворянских семей землю имели только 117,6 тыс. т.е. 56%, следовательно, доля безземельных дворян достигла 44%¹⁰⁰³. Однако увеличение доли безземельных дворян за 15–20 лет в два-три раза при тех темпах мобилизации дворянских земель, которые существовали в первые пореформенные годы, представляются маловероятными. Поэтому более правдоподобными кажутся расчеты С. Беккера, по мнению которого к 1877 г. доля безземельных дворян увеличилась до 26–31%¹⁰⁰⁴.

Таблица 5.7

Структура дворянского землевладения по размеру владений. 1877 г. (млн. дес.)

Размер имения	Число имений		В них земли (дес.)		Средний размер имения (дес.)
	Абс.	%	Абс.	%	
До 10 дес.	13797	12,0	72231	0,1	5,2
10–100 дес.	42754	37,3	1852135	2,5	43,3
100–500	33784	29,4	8437081	11,5	249,7
500–1000	11043	9,6	7827657	10,7	708,8
1000–5000	11328	9,9	23171011	31,7	2045,5
Более 5000	2010	1,8	31803596	43,5	15822,7
Всего	114716	100,0	73163744	100,0	637,8

Источник: Статистика Российской империи. Серия III. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России. 1877–78 гг. СПб., 1886. С. 34–35.

Очевидно, что для ведения собственного хозяйства помещики прежде всего должны были иметь усадьбы, в которых находились как жилые, так и производствен-

¹⁰⁰⁰ Тройницкий А.Г. Крепостное население России в 10-й переписи. СПб., 1861. С. 45.

¹⁰⁰¹ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 140; Он же. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 60–61.

¹⁰⁰² Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2004. С. 298–299.

¹⁰⁰³ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 67.

¹⁰⁰⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 298–299.

ные постройки. К сожалению, прямых данных на этот счет у нас нет, но о степени обеспеченности постройками помещичьих хозяйств можно судить на основании некоторых косвенных показателей. С этой целью мы обратимся к материалам «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России», содержащим собранные в 1877 г. сведения о количестве дворянских имений и количестве частновладельческих усадеб. Очевидно, что в имениях, не имеющих жилых строений, не существовало и производственных построек (например, скотных дворов, которые требовали постоянного обслуживающего персонала). Правда, сама усадьба могла ограничиваться только жилыми строениями и не иметь производственных построек. Вместе с тем среди владельческих усадеб могли быть и недворянские. Поэтому разница между количеством имений и количеством усадеб даст нам явно заниженные показатели о числе имений, не имеющих производственных построек.

Обработанные под этим углом зрения данные обследования 1877 г. (табл. 5.8) показывают, что к концу 70-х годов в Европейской России (без области войска Донского) насчитывалось 114480 дворянских имений, между тем количество частновладельческих усадеб достигало всего лишь 48302, т.е. *более 66178 дворянских имений не имели усадеб и не располагали необходимыми производственными постройками, а это составляло почти 60% их общего числа.*

Таблица 5.8

Владельческие усадьбы в Европейской России (по данным 1877)

Губернии	Дворянские имения	Усадьбы	Имения без усадеб	
Архангельская	4	—	4	100,0
Астраханская	103	14	89	86,4
Бессарабская	876	715	161	18,4
Виленская	5141	2504	2637	51,3
Витебская	2201	1565	636	28,9
Владимирская	2036	925	1111	54,6
Вологодская	826	524	302	36,6
Воынская	2810	1494	1316	46,8
Воронежская	2092	734	1358	64,9
Вятская	147	44	103	70,1
Гродненская	2607	663	1944	74,6
Екатеринославская	1983	1131	852	43,0
Казанская	769	418	351	45,6
Калужская	1803	864	939	52,1
Киевская	1609	1492	117	13,5
Ковенская	5333	2417	2916	54,7
Костромская	3103	886	2217	39,2
Курляндская	344	63	281	81,7
Курская	5712	1943	3769	66,0

Таблица 5.8 (окончание)

Лифляндская	519	890	2	0,0
Минская	3970	1997	1973	49,7
Могилевская	3167	1853	1314	41,5
Московская	1945	1358	587	30,2
Нижегородская	1164	452	712	61,2
Новгородская	2392	1321	1071	44,8
Олонецкая	214	38	176	82,2
Оренбургская	163	39	124	76,1
Орловская	3076	1554	1522	49,5
Пензенская	1639	729	910	55,5
Пермская	61	60	1	1,6
Подольская	2090	1322	768	36,7
Полтавская	10187	1682	8505	83,5
Псковская	2190	1129	1061	48,4
Рязанская	4385	1475	2910	86,4
Самарская	1082	488	594	54,9
С.-Петербургская	1462	56	1406	96,2
Саратовская	1783	955	828	46,4
Симбирская	1335	704	631	47,3
Смоленская	5192	2225	2967	57,1
Таврическая	1231	378	853	69,3
Тамбовская	2737	1054	1683	61,5
Тверская	2733	1458	1275	46,6
Тульская	3302	1669	1633	49,5
Уфимская	988	280	708	71,6
Харьковская	3403	1492	1911	59,1
Херсонская	2647	1271	1376	52,0
Черниговская	7202	632	6570	91,2
Эстляндская	349	528	-	0,0
Ярославская	2375	804	1568	66,0
Всего	114482	48302	66740	57,8

Источник: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I–VIII. СПб., 1880–1885.

Наиболее высоким удельный вес подобных имений был в центральных губерниях, здесь он поднимался до 68%, в северных губерниях он равнялся 60%, в южных колебался около 52% и составлял в западных губерниях 44%. Причем, если на Западе в ряде губерний почти все имения располагали усадьбами, то в Центре были губернии, где имения без усадеб составляли до 90% их общего числа. По мнению К.Ф. Головина, усадеб не имели мелкопоместные дворяне и земельная аристократия (прежде всего это касалось владений, состоявших из нескольких имений).

Однако было бы неверно думать, что наличие усадьбы — это показатель наличия и производственных построек и необходимого инвентаря. В действительности во многих усадьбах не было ни того, ни другого, а во многих необходимые средства производства были лишь частично. Поэтому на самом деле степень необеспеченности помещичьих хозяйств средствами производства была еще выше.

Именно это и было причиной того, почему самое широкое распространение получила сдача земли в аренду. Причем, по мнению одних современников, первые пореформенные годы характеризовались ростом барской запашки, но по свидетельству других современников к началу 1880-х гг. произошло заметное сокращение барской запашки и расширение сдачи помещичьих земель в аренду. Характеризуя положение дел в Юрьевском уезде Владимирской губернии, В.С. Пругавин писал в 1884 г.: «...здешние помещики приходят к заключению о невозможности выгодным образом вести крупное самостоятельное хозяйство и предпочитают вместо самостоятельной эксплуатации земель сдавать их крестьянам в арендное содержание. *Существовавшие прежде в Юрьевском уезде громадные на десятки верст тянувшиеся помещичьи запашки в настоящее время все более и более сокращаются.* Во всем Юрьевском уезде можно насчитать теперь не более десятка крупных помещичьих экономий, удачно устроенных, имеющих собственную запашку и выгодным образом ведущие свое хозяйство. Да положение и этих экономий далеко нельзя назвать прочным и установившимся»¹⁰⁰⁵. По всей видимости, в разных губерниях действовали разные процессы, но обобщающих статистических сведений на этот счет в нашем распоряжении нет. Что же касается способов обработки барской запашки, т.е. остальных, не сдаваемых в аренду земель, то первые локальные статистические данные на этот счет появились только во второй половине 1870-х гг.

Помещичье хозяйство в 1880-е гг.

Середина 1880-х г. было самым выгодным временем, когда хлебные цены достигли максимума. Однако, несмотря на это, помещики сдавали в аренду не менее половины своих сельскохозяйственных угодий и лишь на второй половине пытались вести собственное хозяйство. Что же оно представляло собой?

Сама констатация факта роста задолженности и сокращение площади дворянского землевладения не раскрывает еще его связи с характером тех изменений, которые происходили в рамках помещичьего хозяйства. Не следует забывать, что рост задолженности мог быть связан с переходом отработочных хозяйств к капиталистической системе, с созданием или же расширением его материально-технической основы и возникающей из этого потребностью в деньгах. Кроме того, говоря о сокращении дворянского землевладения, необходимо иметь представление о том, за счет каких именно видов земельных угодий (леса, пашня, сенокосы, выгоны, малоподобные земли) происходило это сокращение.

С этой целью мы подвергнем сопоставлению данные двух поземельных обследований: 1877 и 1887 гг. И в первом, и во втором случае были собраны сведения не

¹⁰⁰⁵ Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884. С. 77.

только об общей площади землевладения, но и о площади пашни. И хотя эти два обследования разделяют всего лишь 10 лет, они позволяют по крайней мере поставить вопрос о перестройке самой структуры земельных угодий, концентрировавшихся в руках дворянства. Оба обследования дают в наше распоряжение сопоставимый материал по 46 губерниям Европейской России (нет таких данных по Астраханской, Донской, Лифляндской и Пензенской губерниям).

Сопоставление этих данных показывает, что с 1877 по 1887 г. дворянское землевладение на территории 46 губерний сократилось с 69,9 до 65,3 млн. дес. В то же время площадь пашни не только не сократилась, а даже наоборот увеличилась с 18,1 до 21,0 млн. дес., т.е. на 2,0 млн. дес., или же примерно на 16%. Одновременно с этим произошло увеличение удельного веса площади пашни в общей массе дворянских земель с 25,8 до 32,1%.

Таблица 5.9

Распаханность дворянских земель в 1877 и 1887 гг.

Губернии	1877		1887	
	всего	пашня	всего	пашня
Архангельская	0,1	0,0	0,2	0,0
Бессарабская	945,1	454,4	1014,5	580,0
Виленская	1440,9	412,6	1503,1	468,0
Витебская	1606,4	196,0	1679,1	219,9
Владимирская	809,8	123,5	707,5	100,2
Вологодская	774,3	56,8	640,3	10,3
Волынская	2424,1	649,2	2503,9	716,8
Воронежская	1378,9	687,7	1291,8	863,7
Вятская	491,2	10,7	417,1	14,6
Гродненская	1043,8	314,9	1112,0	343,6
Екатеринославская	2464,8	782,7	1929,3	1217,9
Казанская	590,5	281,3	595,1	269,4
Калужская	756,9	137,3	588,0	130,3
Киевская	1833,9	921,3	1741,5	1000,7
Ковенская	1490,0	389,7	1625,3	425,1
Костромская	2003,1	48,2	1770,7	38,2
Курляндская	914,7	179,5	936,9	188,8
Курская	1165,4	806,4	1091,8	754,2
Минская	3983,7	559,6	4225,2	556,0
Могилевская	1976,4	217,7	1881,6	241,7
Московская	737,9	50,7	574,8	62,7
Нижегородская	1168,8	291,2	1087,8	281,7
Новгородская	2455,3	55,3	1853,6	83,8
Олонецкая	133,5	3,4	79,8	1,8
Оренбургская	861,4	43,8	994,3	395,3

Таблица 5.9 (окончание)

Орловская	1231,1	697,6	112286,8	602,6
Пермская	6692,4	169,4	7148,4	50,2
Подольская	1565,5	869,8	1481,5	983,8
Полтавская	1726,8	999,0	1561,3	1184,3
Псковская	1217,6	90,4	1016,3	83,6
Рязанская	1053,5	548,9	927,8	500,9
Самарская	2033,1	678,1	1500,8	573,3
С.-Петербургская	1418,4	43,2	1196,6	47,9
Саратовская	2259,6	1191,8	1944,4	1161,7
Симбирская	1173,1	555,0	1073,7	477,0
Смоленская	1915,5	155,3	1627,4	211,2
Таврическая	1585,8	249,3	1241,8	730,7
Тамбовская	1593,4	936,7	1549,3	944,4
Тверская	1255,7	71,1	977,5	107,7
Тульская	1026,9	694,6	979,0	698,4
Уфимская	1851,1	211,4	1934,8	354,0
Харьковская	1345,0	630,0	1205,4	860,0
Херсонская	2549,2	851,2	2157,7	1682,1
Черниговская	1351,9	585,9	1288,8	594,4
Эстляндская	852,1	124,3	875,1	132,1
Ярославская	785,8	39,0	646,3	39,4
Итого	69912,7	18078,0	65301,9	20976,4

Эти данные показывают, что в 1877–1887 гг. дворянство реализовало на рынке главным образом необрабатываемые земли. По утверждению К.Ф. Головина и некоторых других современников, прежде всего это был лес¹⁰⁰⁶. Что же касается пахотных угодий, то они поступали в продажу только в самых исключительных случаях.

Таблица 5.10

Динамика площади посевов

Дата	Крестьяне		Частновладельцы		Всего Млн. дес.
	Млн. дес.	%	Млн. дес.	%	
1860-е гг.	44,7	78,3	12,4	21,7	57,1
1870-е гг.	44,7	75,9	14,2	24,1	58,9
1880-е гг.	44,8	72,8	16,7	26,2	61,5
1890-е гг.	46,0	73,4	18,7	26,6	62,7

Источник: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. СПб., 1903. С. 176.

¹⁰⁰⁶ Ренненкампф Н.К. Какие меры должны быть приняты, чтобы остановить воровское истребление лесов. Киев, 1885; Яковицкий С.П. Беседы о засухах. Казань, 1899.

Это дает основание думать, что до конца 80-х годов база земледельческого хозяйства помещного дворянства не претерпела значительных изменений. Зато имело место существенное изменение самой структуры земельных угодий в этом секторе экономики, а именно, происходило абсолютное и относительное сокращение площади необрабатываемых земель. Причем, если сокращение площади лесов не имело принципиального значения, то сокращение площади лугов вело к сужению базы помещичьего животноводства.

Итак, хотя большая часть помещичьих хозяйств не имела усадеб, *на рубеже 1870–1880-х гг. площадь дворянской пашни не сокращалась, а увеличивалась. Это дает основание думать, что в рассматриваемое время происходило не разрушение, а перестройка помещичьего хозяйства.* Каковы были итоги этой перестройки?

В 80-е годы XIX века с ликвидацией временно-обязанного состояния и переводом всех крестьян на выкуп были ликвидированы остатки феодальной эксплуатации крестьянства со стороны помещиков. Какой же характер приобрела к этому времени помещичья система хозяйства?

Как уже отмечалось выше, на этот счет в нашей литературе нет единства мнений. А приводимые в качестве их обоснования фактические данные не представляются убедительными. Поэтому поставленный вопрос нуждается в дальнейшем изучении. И прежде всего нуждается в выяснении вопроса о том, насколько к началу 80-х годов помещики сумели создать материально-производственную базу для ведения самостоятельного, капиталистического хозяйства.

Имеющиеся в нашем распоряжении и относящиеся как раз к этому времени источники позволяют дать на этот вопрос более или менее определенный ответ. С этой целью попытаемся рассмотреть степень обеспеченности помещичьих хозяйств рабочим скотом, производственными постройками, мертвым инвентарем, широту распространения аренды и отработок первого вида. Прежде всего мы начнем с вопроса о материально-производственной базе помещичьего хозяйства.

В связи с этим представляется интересным сопоставить данные военноконских переписей 1888 и 1891 гг. о численности дворян-коневладельцев с данными земельного обследования 1887 г. о количестве дворянских имений.

Таблица 5.11

Обеспеченность частновладельцев лошадьми. 1887–1891 гг.

Губернии	Землевладельцы	Коневладельцы	Расхождение	%
Бессарабская	1097	674	423	38,6
Виленская	5988	5624	364	6,1
Витебская	2853	2706	147	5,2
Владимирская	1550	410	1140	73,5
Вологодская	584	170	414	70,9
Волынская	3012	3120	108	3,6
Воронежская	1933	1015	918	47,5
Вятская	232	128	104	44,8
Гродненская	2590	1664	926	35,8
Екатеринославск	1432	748	684	47,8

Таблица 5.11 (окончание)

Казанская	784	435	349	44,5
Калужская	1306	745	561	43
Киевская	1746	2297	551	31,6
Ковенская	5617	7651	2034	36,2
Костромская	1886	652	1234	65,4
Курляндская	436	891	459	105,3
Курская	5679	2402	3277	57,7
Минская	4766	5674	908	19,1
Могилевская	2897	2718	179	6,2
Московская	1499	928	571	38,1
Нижегородская	1180	479	701	59,4
Новгородская	2245	943	1302	58,0
Олонецкая	236	110	126	53,4
Оренбургская	878	101	777	88,5
Орловская	2515	1469	1046	41,6
Пермская	138	176	38	27,5
Подольская	2036	2796	760	37,3
Полтавская	9314	4156	5158	55,4
Псковская	2149	766	1383	64,4
Рязанская	3768	2007	1761	46,7
Самарская	973	634	339	34,8
С.-Петербургская	1026	745	281	27,4
Саратовская	1708	883	825	48,3
Симбирская	1217	596	621	51,0
Смоленская	4553	2774	1779	39,1
Таврическая	1105	582	523	47,3
Тамбовская	2695	1329	1366	50,7
Тверская	2475	1068	1407	56,8
Тульская	3198	1920	1278	40,0
Уфимская	1052	824	228	21,7
Харьковская	3446	1515	1931	56,0
Херсонская	2588	1237	1351	52,2
Черниговская	8108	3074	5034	62,1
Эстляндская	495	507	12	2,4
Ярославская	2029	466	1553	76,5
Всего	109014	71809	37205	34,1

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г... Данные относятся к 45 губерниям Европейской России, исключая Архангельскую, Астраханскую, в которых дворянское землевладение почти отсутствовало, а также Лифляндскую, Пензенскую и Область войска Донского, по которым сведения за 1887 г. не были опубликованы.

Правда, при этом необходимо считаться с тем, что определенная часть дворян могла иметь лошадей для разъездов и не располагать земельной собственностью. Но поправка на данное обстоятельство будет означать, что полученная в результате сопоставления количества дворян-коневладельцев и дворян-землевладельцев картина даст заниженное представление и численности дворянских имений, не обеспеченных рабочим скотом. Результаты подобного сопоставления по четырем выделенным нами районам приводятся ниже:

Таблица 5.12

Обеспеченность поместного дворянства рабочим скотом в 1887–1891 гг.

Регионы	Землевладельцы	Коневладельцы	Безлошадные	% безлошадных
Север	22718	10256	12462	54,9
Запад	32436	35648	+3212	9,9
Центр	44735	21105	23630	53,0
Юг	9125	4800	4325	47,0
Всего	109014	71809	37205	37,0

Источники: таблица 5.12.

Как показывает приведенная выше таблица, в конце 80-х – начале 90-х годов XIX века на территории Европейской России более 37% дворян не имели лошадей. По отдельным губерниям положение было еще хуже. Так, во Владимирской, Вологодской, Оренбургской и Ярославской губерниях удельный вес необеспеченных рабочим скотом имений превышал 70%. Наименее обеспеченными были дворянские имения северного региона, здесь без лошадей находилось не менее 55% земельных имений, подобная же картина была в Центре — 53%, весьма значительным был удельный вес подобных имений на Юге — 47%, хотя здесь необходимо иметь в виду довольно широкое использование в качестве рабочего скота волов. И лишь в одном регионе — на Западе количество дворян-коневладельцев превосходило количество дворянских земельных владений, что дает основание думать, что в данном регионе почти все дворянские хозяйства были обеспечены рабочим скотом.

Сами по себе эти цифры уже говорят о многом. Однако не следует забывать, что для характеристики обеспеченности помещичьего хозяйства рабочим скотом их недостаточно. Дело в том, что среди тех, кто имел лошадей, существовали хозяйства, в которых лошади использовались не столько в производстве, сколько для разъездов. Кроме того, не во всех имениях количество лошадей соответствовало потребностям самого хозяйства. Иными словами, среди 63% дворянских имений, которые мы отнесли к обеспеченным рабочим скотом существовала определенная часть малообеспеченных хозяйств.

Обращая внимание на этот вопрос, П.Г. Рындзюнский пишет: «Было бы весьма важно выявить, в какой мере в разных районах страны землевладельцы располагали собственным инвентарем, чтобы можно было не пользоваться жалким инвентарем крестьян и их слабосильными лошадьми». Стремясь найти ответ на дан-

ный вопрос, им была сделана попытка сопоставить данные военно-конских переписей 1882 и 1888 гг. о количестве частновладельческих лошадей с данными поземельного обследования 1881 г., содержащими сведения о площади частновладельческой пашни. В результате им были получены показатели: от 1,8 дес. до 19,0 дес. пашни на одну частновладельческую лошадь. Взяв минимальные данные по прибалтийским губерниям «в качестве мерил», П.Г. Рындзюнский пришел к выводу, что «к концу первого двадцатилетия после реформы помещики в основной своей массе ориентировались на эксплуатацию труда крестьянина, вооруженного его собственными примитивными орудиями производства»¹⁰⁰⁷.

Не касаясь пока самого этого вывода, приходится отметить, что сделанные автором расчеты представляются не очень совершенными. Прежде всего П.Г. Рындзюнским не было учтено, что значительная часть частновладельческого рабочего скота концентрировалась не в помещичьем хозяйстве, а в руках частных владельцев из числа крестьян, мещан, купечества и т.д. По данным военно-конской переписи из 2,6 млн. частновладельческих лошадей поместное дворянство сосредотачивало в своих имениях менее 1,0 млн. голов. Вторым недостатком расчетов П.Г. Рындзюнского является то, что им не были приняты во внимание существовавшие в дореволюционной литературе агрономические наблюдения о производительности рабочего скота, в результате чего показатели, взятые им в «качестве мерил», оказались явно заниженными.

Отмеченные недостатки расчетов П.Г. Рындзюнского показывают, что сформулированный им вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Для этого мы обратимся к материалам поземельного обследования 1887 г., содержащим сведения о площади дворянской пашни и данным военно-конских переписей 1888–1891 гг. о количестве имевшихся у дворян лошадей. Обработанные под этим углом сведения приводятся ниже: табл. 5.13.

Таблица 5.13

Степень обеспечения дворянской пашни рабочим скотом
в Европейской России в 1887 г.

Губернии	Пашня	Лошади	Пашни на лошадь
Бессарабская	5800	13,8	42,0
Виленская	468,0	23,9	19,6
Витебская	215,9	16,1	13,4
Владимирская	100,2	3,6	27,6
Вологодская	10,3	,9	11,3
Волынская	716,8	48,8	14,7
Воронежская	863,7	22,8	38,0
Вятская	14,6	,6	23,0
Гродненская	343,6	14,6	23,6
Екатеринославская	1217,9	15,5	78,5

¹⁰⁰⁷ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма... С. 144.

Таблица 5.13 (окончание)

Казанская	269,4	8,3	32,5
Калужская	130,2	9,5	13,8
Киевская	1000,6	55,9	17,9
Ковенская	425,1	49,6	8,6
Костромская	38,2	3,6	10,5
Курляндская	188,8	17,2	11,0
Курская	754,2	37,7	20,0
Минская	552,0	27,4	20,2
Могилевская	241,7	19,3	12,6
Московская	62,7	7,9	7,9
Нижегородская	271,7	10,0	28,2
Новгородская	83,8	5,3	15,7
Олонецкая	1,8	,2	9,0
Оренбургская	395,3	2,0	197,6
Орловская	602,6	43,8	13,8
Пермская	50,2	,8	63,7
Подольская	983,8	59,5	16,5
Полтавская	1184,3	37,1	31,9
Псковская	83,6	5,7	14,6
Рязанская	500,9	35,3	14,2
Самарская	573,3	15,2	37,9
С.-Петербургская	47,9	4,4	11,0
Саратовская	1161,7	21,7	53,6
Симбирская	477,0	15,6	30,6
Смоленская	211,2	22,4	9,4
Таврическая	730,,7	8,3	88,5
Тамбовская	944,4	34,8	21,7
Тверская	107,7	9,2	11,7
Тульская	698,4	45,8	15,3
Уфимская	354,0	10,,5	33,7
Харьковская	860,0	21,2	40,6
Херсонская	1682,1	27,0	62,3
Черниговская	594,4	18,6	32,0
Эстляндская	132,1	11,7	11,3
Ярославская	39,4	3,4	11,5
Всего	20976,4	866,4	24,2

Источник: Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г... Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894. Пашня в тыс. дес., рабочий скот в тыс. голов.

Анализ содержащихся в таблице данных показывает, что обеспеченность дворянской пашни рабочим скотом была еще меньшей, чем та, которая была получена П.Г. Рындзюнским в соответствии с его расчетами. Оказывается, что наибольшей она была в Московской губернии, но и здесь на одну лошадь приходилось 7,9 дес. пашни. Зато в Оренбургской губернии на одну дворянскую лошадь приходилось 197,6 дес. Из 45 губерний, вошедших в наш расчет, только в 4 губерниях степень обеспеченности дворянской пашни рабочим скотом была ниже 10 дес. на лошадь, в 19 губерниях она колебалась от 10 до 20 дес., в 7 губерниях она колебалась от 20 до 30 дес., в 6 губерниях — от 30 до 40 дес., а в 7 губерниях превышала даже 40 дес. По отдельным выделенным нами регионам дело обстояло следующим образом: Север — 13,9 дес. дворянской пашни на лошадь, Запад — 14,2 дес., Центр — 26,1 дес. и Юг — 75,5 дес. В целом же по 45 губерниям Европейской России на одну лошадь приходилось примерно 24,2 дес.

Много это или мало? Для ответа на данный вопрос необходимо знать производительность рабочего скота, сведения о которой мы позаимствуем из такого авторитетного издания как «Календарь и справочная книга русского сельского хозяйства», издававшийся до революции Ф.А. Баталиным. По данным этого издания одна рабочая лошадь требовалась на 5–6 дес. посева, а принимая во внимание трехпольный характер дореволюционного земледелия, эту норму для пашни следует увеличить до 7–9 дес.

В таком случае имевшимся в распоряжении дворянства рабочим скотом можно было обработать всего лишь около 37,5% всей дворянской пашни, а остальные 62,5% пашни должны были быть сданы в аренду или же обработаны крестьянским инвентарем и крестьянским рабочим скотом.

Таким образом, к концу 1880-х годов помещичье хозяйство не смогло перестроиться на капиталистические рельсы, а во второй половине этого десятилетия начался так называемый сельскохозяйственный кризис, цены на сельскохозяйственные продукты поползли вниз.

Помещичье хозяйство Европейской России в 90-е годы XIX века

Вторая половина 1880-х гг. характеризовались так называемым сельскохозяйственным кризисом, который был связан с падением цен как на продукты земледелия, так и на продукты животноводства. Кроме того, в 1891 г. страна оказалась перед лицом страшного неурожая, последствия которого удалось преодолеть только во второй половине 1890-х гг. Это имело следствием падение доходности помещичьего хозяйства и ускорение процесса его разорения¹⁰⁰⁸.

В 1894 г., когда цены на хлеб достигли своего минимума, Министерство финансов предложило группе экономистов проанализировать сложившееся положение и с учетом этого не только охарактеризовать состояние как крестьянского, так и помещичьего хозяйства, но и оценить их будущее. Этот вопрос был вынесен на

¹⁰⁰⁸ Стоимость производства главнейших хлебов. СПб. 1890.

заседания Вольного экономического общества¹⁰⁰⁹. Так на свет появился двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»¹⁰¹⁰.

В условиях кризиса дворянство начинает бомбардировать верховную власть ходатайствами о восстановление государственного земельного кредита. В 1886 г. был создан Дворянский земельный банк, в котором можно было получить ссуду под 5%. Общество взаимного поземельного кредита было ликвидировано, а всего активы переданы Дворянскому земельному банку, где для погашения кредитов был создан Особый отдел. На 1 января 1889 г. за ним числилось 8110 заложенных земельных владений, которыми было заложено 7,3 млн. дес. (примерно 900 дес. на владение) и долг — 196,2 млн. руб., из которых на 1 января 1913 г. числилось 4306 имений, 1,6 млн. дес., 56,6 млн. долга¹⁰¹¹.

На 1 января 1889 г. в частных банках было заложено 18803 владения, 13,5 млн. дес. (720 дес. на владение), за которые было получено 294,8 млн. руб. Если на основании переписи 1887 г. определить % дворянских земель, можно ориентировочно определить площадь заложенных дворянами земель. Есть основания думать, что их было заложено больше, чем в Обществе взаимного поземельного кредита.

Частные банки хотя и принимали землю в залог в любом количестве, но выдавали ссуды под сравнительно высокий процент: 7% и выше. В этих условиях снова начинает расти задолженность частного землевладения: за 1881–1887 гг. она возросла с 536,6 до 797,2 млн. руб.¹⁰¹²

Это вело к дальнейшему обезземеливанию поместного дворянства. По расчетам А.П. Корелина, в 1895 г. из 305 тыс. дворянских семей землю имело только 120,7 тыс., т.е. около 40%¹⁰¹³. Это значит, что процесс обезземеливания дворянства прошел свой пик между 1877 и 1895 гг. По расчетам С. Беккера, в 1895 г. землю имело еще 55% дворянских семей¹⁰¹⁴.

Таким образом, после отмены крепостного права понадобилось всего три десятилетия, чтобы дворянство из земельного сословия превратилось в безземельное. Однако оно продолжало еще сохранять в своих руках большую часть частновладельческих земель.

Что представляли собою те хозяйства, которые сохраняли в своих руках земли?

Сохранившиеся мелкие имения, как правило, не имели усадеб, рабочего скота и инвентаря. Однако это же касалось и определенной части помещичьих латифундий. Примером могут служить данные Дворянского банка.

¹⁰⁰⁹ Влияние урожаев и хлебных цен на разные стороны экономической жизни. Доклад проф. А.И. Чупрова и прения в III отделении Императорского Вольного экономического общества 1 и 2 марта 1897 г. Стенографический отчет // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1897. № 4. С. 1–95.

¹⁰¹⁰ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1–2. СПб., 1897. См. также: Дякин В.С. С.Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в. Л., 1987. С. 106–127.

¹⁰¹¹ Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 2. Киев, 1917. С. 72.

¹⁰¹² Там же. С. 429.

¹⁰¹³ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг... С. 67.

¹⁰¹⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 298–299.

Разумеется, материалы Дворянского банка не могут дать полного представления о материально-производственной базе помещичьих хозяйств, так как они охватывают далеко не все хозяйства, а лишь те, которые испытывали наиболее острую нужду в деньгах. И все-таки было бы неверным игнорировать этот источник: прежде всего, весьма важным является то, что заемщиками дворянского банка, как правило, были наиболее крупные помещичьи хозяйства (средний их размер превышал 500 дес.), а кроме того, поскольку сведения об этих имениях собирались на протяжении почти тридцати лет, они могут быть использованы в качестве одного из источников, косвенно отражающих эволюцию крупного помещичьего землевладения.

За первые годы деятельности Дворянского банка (1886–1893 гг.) сведения о его заемщиках были обработаны Д.И. Рихтером и опубликованы в книге «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» в приложении к статье Н.А. Каблукова «Значение хлебных цен для частного землевладения в Европейской России». Опубликованные данные характеризуют положение дел почти в 12 тыс. дворянских имений, заложенных в Дворянском банке. Если учесть, что количество имений размером более 500 дес. составляло около 30 тыс., то получившаяся выборка может быть признана довольно представительной. Что же она нам дает?

На этот вопрос отвечает прилагаемая ниже табл. 5.15. Содержащиеся в таблице данные показывают, что на рубеже 80–90-х годов среди заложенных в Дворянском банке имений 33% их общего числа не имело никаких построек, т.е. была без усадеб, 41% имений не располагал мертвым инвентарем и 43% владений не имели никакого скота. Если же учесть, что среди 67% имений с постройками безусловно определенная их часть располагала только жилыми постройками, что среди 59% имений с инвентарем у какого-то количества имений этого инвентаря могло быть менее необходимой для ведения хозяйства нормы, а среди 57% имений со скотом некоторая их часть располагала только продуктивным скотом, то вряд ли будет преувеличением, если сказать, что половина заложенных имений не могла полностью обеспечить самостоятельного ведения хозяйства.

Таблица 5.15

Помещичьи имения по данным Дворянского банка (1886–1893 гг.)

Губернии	Без скота	Без инвентаря	Без построек	Без удобрения
Бессарабская	63,6	63,8	44,9	46,7
Виленская	47,7	50,0	11,7	46,7
Витебская	29,7	37,8	7,5	38,6
Владимирская	38,0	53,2	36,8	47,8
Вологодская	11,1	28,0	3,8	53,9
Волынская	19,3	28,6	7,1	26,3
Воронежская	64,2	64,8	50,6	36,5
Вятская	—	33,4	16,7	100,0
Гродненская	27,7	19,0	-	3,0
Екатеринославская	49,0	51,7	31,2	19,1

Таблица 5.15 (окончание)

Казанская	31,2	40,5	25,5	27,2
Калужская	28,5	36,7	27,7	15,1
Киевская	50,0	45,3	13,0	33,9
Ковенская	23,4	30,4	6,1	41,5
Костромская	15,1	32,8	20,0	6,8
Курская	49,2	59,2	47,7	2,4
Минская	22,7	4,3	9,5	34,0
Могилевская	25,2	50,0	25,5	37,8
Московская	25,0	29,2	14,8	33,4
Нижегородская	32,9	28,2	24,9	2,4
Новгородская	20,5	22,8	12,4	36,3
Оренбургская	14,3	37,5	30,0	60,0
Орловская	340	343	27,1	9,1
Пензенская	41,3	48,2	47,2	52,5
Пермская	33,4	-	33,4	-
Подольская	43,5	44,0	20,9	45,9
Полтавская	59,3	63,8	52,2	60,0
Псковская	20,2	28,6	11,7	5,4
Рязанская	56,0	-	17,1	37,6
Самарская	42,9	51,6	41,6	55,1
С.-Петербургская	31,1	37,7	43,8	18,9
Саратовская	38,5	46,8	28,5	38,1
Симбирская	55,9	59,7	50,6	53,8
Смоленская	1,5	21,5	8,7	16,9
Таврическая	48,5	-	-	7,7
Тамбовская	50,0	55,8	37,8	15,4
Тверская	25,3	37,5	16,8	52,3
Тульская	39,5	26,1	39,5	39,3
Уфимская	46,8	58,7	26,2	28,8
Харьковская	50,4	55,9	36,8	34,2
Херсонская	47,3	51,2	24,3	85,2
Черниговская	49,4	57,8	26,0	13,6
Ярославская	25,4	38,8	31,4	44,3
В среднем	43,0	40,8	32,6	35,7

Источник: Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 152–155. Все показатели в процентах.

В таких условиях те негативные тенденции, которые имели место в предшествующие годы получили дальнейшее и еще большее развитие. Харьковское губернское земство, к примеру, отмечало, что «в настоящее время 9/10 землевладельцев сдали свои имения в аренду только по невозможности вести хозяйство при су-

ществующей постановке рабочего вопроса»¹⁰¹⁵. Некоторое представление на этот счет дают сведения о заложенных имения, так как при выдаче кредита учитывались способы ведения закладываемых имений (см. табл. 5.16).

Таблица 5.16

Способы ведения помещичьего хозяйства в 1886–1900 гг.

	Самостоятельно	Аренда	Смешанно	Всего
Имения:				
1886–1890	3498	3389	1799	8686
1891–1895	1946	2186	1056	5188
1896–1900	1526	2736	1095	5357
Всего	6970	8311	4553	19834
Земля:				
1886–1890	2406200	2366900	2721700	7494800
1891–1895	1426600	1595800	1792700	4815100
1896–1900	1093300	2397800	1599000	5090100
Всего	4926100	6360500	6113400	17400000
На имение:				
1886–1890	688	698	1512	863
1891–1895	733	730	1698	928
1896–1900	716	876	1460	950
На имение	707	765	1343	877

Источник: Материалы высочайше учрежденной 18 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. СПб., 1903. С. 306.

Всего за 1886–1900 гг. было заложено 19,8 тыс. имений площадью 17,4 млн. дес., в среднем 877 дес. на одно имение. Обращение к статистике землевладения 1905 г. показывает, что всего имений более 500 дес. насчитывалось 28 тыс.¹⁰¹⁶ Это значит, что заложено было не менее 70% всех латифундий. Правда, доля заложенных земель (17,4 из 65,6 млн. дес.) немного превышала 25%¹⁰¹⁷. Это дает основание рассматривать приведенные данные как достаточно репрезентативные. Из них явствует, что в конце XIX в. 35,1% имений велись собственными силами, 41,9% сдавались в аренду, 23,0% велись смешанно. На первую группу имени приходилось 28,3% заложенных земель, на вторую — 36,6%, на третью — 35,1%. А поскольку своими силами помещики могли вести и капиталистическое хозяйство и хозяйство отработочное (отработки второго вида), можно с полным основанием утверждать, что в 1886–1900 гг. *капиталистически организованное помещичье хозяйство представляло собою лишь островок, причем и количество таких хозяйств, и находящаяся в их распоряжении земля имели тенденцию к сокращению*: табл. 5.17.

¹⁰¹⁵ Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. СПб., 1902. С. 112.

¹⁰¹⁶ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

¹⁰¹⁷ Там же.

Таблица 5.17

Способы ведения помещичьего хозяйства в 1886–1900 гг.

Годы	Самостоятельно	Аренда	Смешанно	Всего
Имения				
1886–1890	40,3	39,0	20,7	100,0
1891–1895	37,5	42,1	20,4	100,0
1896–1900	28,5	51,1	20,4	100,0
Земля				
1886–1890	32,1	31,6	36,3	100,0
1891–1895	29,6	33,1	37,2	100,0
1896–1900	21,5	47,1	31,4	100,0

Источник: Материалы высочайше учрежденной 18 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. СПб., 1903. С. 306.

А это значит, что в целом под влиянием сельскохозяйственного кризиса происходил процесс декапитализации помещичьего хозяйства. Особенно это проявилось в тонкорунном овцеводстве, которое в основном было ориентировано на рынок и которое с начала 1880-х гг. стало быстро исчезать в самом буквальном смысле этого слова.

Было бы неверно думать, что среди помещичьих хозяйств не было таких, которые успешно перестраивались в соответствии с новыми условиями. Об этом свидетельствует, например, статистика сельскохозяйственных машин и химических удобрений. В нашем распоряжении имеются и описания таких образцовых хозяйств¹⁰¹⁸.

Однако их было немного. И если сравнить крестьянские хозяйства, имевшие 6 и более лошадей, с такими же частновладельческими хозяйствами, то окажется, что к 1912 г. первые уже имели больше лошадей, чем вторые: табл. 5.18.

Таблица 5.18

Распределение лошадей между крестьянами и частновладельцами
в 1912 г. (тыс. голов)

Группировка	Крестьяне		Частновладельцы		Всего	
Хозяйств	абс.	%	абс.	%	Абс.	%
1 лошадь	4276	94,8	233	5,2	4509	100,0
2 лошади	5902	93,9	386	6,1	6288	100,0
3 лошади	2896	92,9	222	7,1	3118	100,0
4 лошади	1789	91,1	175	8,9	1964	100,0
5 лошадей	967	89,2	117	10,8	1084	100,0
6 и более	2243	54,6	1863	45,4	4106	100,0
Итого	18073	85,8	2996	14,2	210696	100,0

Источник: Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914. С. 16, 35, 148.

¹⁰¹⁸ Описание отдельных русских хозяйств. Вып. 1–13. СПб., 1897–1898; Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1–3. СПб., 1897–1898; Указатель русской литературы по описанию отдельных русских частновладельческих хозяйств. 1762–1902 / сост. П.М. Богданов. СПб., 1904.

Однако и те немногие помещичьи хозяйства, которые имели рабочий скот и были основаны на использовании наемного труда, использовали главным образом отработки.

Помещичье хозяйство в начале XX в.

Примерно с середины 1890-х гг. Россия начала выходить из так называемого сельскохозяйственного кризиса. Цены на хлеб, скот и продукты животноводства снова стали расти. Это открыло возможность для повышения рентабельности помещичьих хозяйств. Сумели ли они воспользоваться этими переменами?

Ответить на этот вопрос в 1966 г. попытался А.М. Анфимов в своей докторской диссертации «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.)»¹⁰¹⁹, которая затем была издана в качестве монографии¹⁰²⁰. Однако, собрав большой фактический материал, автор ограничился лишь констатацией, что данный процесс имел противоречивый характер¹⁰²¹.

Однако на это было обращено внимание еще до революции. Если первоначально было распространено мнение, что после отмены крепостного права помещичье хозяйство переживало период перманентного кризиса и подсчитывалось только время, через которое оно вообще исчезнет, то затем было обращено внимание на то, что на этом фоне в помещичьем хозяйстве имеют место и прогрессивные тенденции¹⁰²².

А затем были сформулированы две очень важные идеи: а) одновременно с разрушением и гибелью одних помещичьих хозяйств идет успешная капиталистическая перестройка других и роль капиталистического сектора в помещичьем хозяйстве возрастает и б) в результате этого процесс оскудения поместного дворянства замедляется и если процесс будет развиваться таким же образом и далее, то капиталистическая тенденция должна будет со временем взять верх¹⁰²³.

Существование двух названных тенденций представляется бесспорным. Более того, необходимо считаться с тем, что рядом с поместным дворянством после отмены крепостного права складывался новый тип помещиков из «чумазных ленд-лордов». Поэтому при рассмотрении вопроса об эволюции помещичьего хозяйства было бы неверным ограничиваться только дворянскими имениями. Особенно это касается начала XX века, когда поместное дворянство вынуждено было распродать более половины всех своих земель.

¹⁰¹⁹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1966.

¹⁰²⁰ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1966.

¹⁰²¹ Там же.

¹⁰²² Распопин В. Частновладельческое хозяйство в России. По земским статистическим данным // Юридический вестник. 1887. № 11. С. 460–486; № 12. С. 629–647.

¹⁰²³ Ионов В. Факты и иллюзии в вопросе о движении частной земельной собственности // Жизнь 1900. № 4; Яснопольский М. Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир божий. 1903. № 12. С. 212–228.

Широко распространено мне, что после завершения сельскохозяйственного кризиса помещичье хозяйство стало выходить из кризиса и расширять свой капиталистический сектор. Однако это мнение еще до революции вызвало возражения.

Как убедительно показал И.Д. Ковальченко пореформенная эпоха характеризовалась сокращением барской запашки и падением ее роли в зерновом производстве России в два раза¹⁰²⁴. Правда, если учесть, что до 1887 г. площадь помещичьей пашни росла, получается, что ее сокращение в два раза произошло после 1887 г. Но когда и как — до сих пор не выяснено.

Сопоставив данные ЦСК за 1900 г. с данными сельскохозяйственной переписи 1916 г., И.Д. Ковальченко одновременно констатировал «падение роли помещичьего скотоводства» (с 17,9 до 5,7%, т.е. более, чем в три раза)¹⁰²⁵. Однако И.Д. Ковальченко ограничился только относительными данными и не привел в своей статье абсолютных показателей, характеризующих динамику поголовья частновладельческого скота и его место в общем поголовье. В то же время представляется рискованным сопоставлять между собою данные ЦСК и данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. И не только потому, что эта перепись проводилась в необычных условиях, условиях войны, но и потому, что ЦСК и организаторы переписи пользовались неодинаковыми критериями для выделения в особую группу частновладельческих хозяйств. По этой, а также и по некоторым другим причинам данные этих двух источников трудно сопоставимы между собою.

В связи с этим была сделана попытка разыскать данные ЦСК за другие годы, в результате чего удалось обнаружить сведения о поголовье скота — с выделением частновладельческого — за 1904–1916 гг. по 34 губерниям¹⁰²⁶. Правда, не за все годы и не по всем этим губерниям обнаруженные сведения сохранились полностью, однако они все-таки позволяют сделать единый хронологический срез на 1909 г. по 28 губерниям¹⁰²⁷, а скомбинировав эти данные с данными еще по трем губерниям за 1912–1913 гг. мы можем проследить изменения поголовья частновладельческого скота примерно за 9–13 лет. Полученные результаты приводятся в табл. 5.19.

Приведенные данные показывают, что за 9 лет на территории 34 губерний поголовье крупного рогатого скота в частновладельческих хозяйствах сократилось на 9,3 млн. голов или же на 27,5%.

¹⁰²⁴ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

¹⁰²⁵ Там же. С. 187.

¹⁰²⁶ Частично эти материалы опубликованы: Островский А.В. Неопубликованные данные Центрального статистического комитета по аграрной истории капиталистической России. // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России и Коми АССР. Сыктывкар, 1982. С. 104–116.

¹⁰²⁷ Фактически по 27 губерниям, т.к. данные по Архангельской губернии оказались дефектными (прим. ред.).

Таблица 5.19

Изменение поголовья крупного рогатого скота
у частновладельцев Европейской России (1900–1909 гг.)

Губерния	1900	1909	Прирост (+) или уменьшение (–)	В %
Виленская	227174	147439	–79735	–35,1
Вологодская	34158	31333	–2825	–8,3
Воронежская	92922	62988	–29934	–32,2
Вятская	12791	16591	3800	29,7
Гродненская	131197	91638	–39559	–30,2
Донская	400660	274259	–126401	–31,5
Екатеринославская	237328	100833	–136495	–57,5
Казанская	29634	29630	–4	0,0
Ковенская	197352	178748	–18604	–9,4
Костромская	28485	22524	–5961	–20,9
Курская	88829	55581	–33248	–37,4
Нижегородская	35508	22808	–12700	–35,8
Новгородская	59174	43538	–15636	–26,4
Олонецкая	3429	4062	633	18,5
Оренбургская	85326	210293	124967	146,5
Орловская	111013	57795	–53218	–47,9
Пензенская	48640	46119	–2521	–5,2
Пермская	43831	33407	–10424	–23,8
Полтавская	196970	119755	–77215	–39,2
Псковская	151698	90252	–61446	–40,5
Самарская	255600	180791	–74809	–29,3
С.-Петербургская	39680	28900	–10780	–27,2
Саратовская	125388	67348	–58040	–46,3
Симбирская	46630	27418	–19212	–41,2
Таврическая	241578	116830	–124748	–51,6
Тамбовская	124946	72403	–52543	–42,1
Уфимская	60507	150072	89565	148,0
Харьковская	153312	84058	–69254	–45,2
Черниговская	84016	66852	–17164	–20,4
Ярославская	26139	23061	–3078	–11,8
Всего	3390709	2459035	–931674	–27,5

Источники: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб., 1903. С. 5; ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, д. 120 (Сведения о площади посевов зерновых, лугов и о количестве домашних животных по губерниям). Данные по Пензенской губернии относятся к 1912, а по Донской и Екатеринославской — к 1913 г.)

Еще более быстрыми темпами сокращалось поголовье овец: табл. 5.20.

Таблица 5.20

Изменение поголовья овец у частновладельцев Европейской России (1900–1909 гг.)

Губернии	1900	1909	Прирост (+) или уменьшение (–)	В %
Виленская	127748	60119	–67629	–52,9
Вологодская	16779	8696	–8083	–48,2
Воронежская	351030	142276	–208754	–59,5
Вятская	19790	23875	4085	20,6
Гродненская	113986	49912	–64074	–56,2
Донская	904215	357854	–546361	–60,4
Екатеринославская	740864	153967	–586897	–79,2
Казанская	38794	53456	14662	37,8
Ковенская	114420	83213	–31207	–27,3
Костромская	26583	12076	–14507	–54,6
Курская	97244	40853	–56391	–58,0
Нижегородская	17473	11998	–5475	–31,3
Новгородская	20213	12142	–8071	–39,9
Олонецкая	1543	1448	–95	–6,2
Оренбургская	124776	265208	140432	112,5
Орловская	113339	57716	–55623	–49,1
Пензенская	230419	111067	–119352	–51,8
Пермская	34113	31935	–2178	–6,4
Полтавская	291705	91864	–199841	–68,5
Псковская	100688	49189	–51499	–51,1
Самарская	377839	149096	–228743	–60,5
С.-Петербургская	15324	12323	–3001	–19,6
Саратовская	678260	234089	–444171	–65,5
Симбирская	92740	44342	–48398	–52,2
Таврическая	1105447	523446	–582001	–52,6
Тамбовская	318695	132297	–186398	–58,5

Таблица 5.20 (окончание)

Уфимская	144824	448992	304168	210,0
Харьковская	273144	77979	-195165	-71,5
Черниговская	61185	22812	-38373	-62,7
Ярославская	11496	6169	-5327	-46,3
Всего	6549791	3281093	-3268698	-49,9

Источники: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России... С. 5; ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, д. 120 (Сведения о площади посевов зерновых, лугов и о количестве домашних животных по губерниям). Данные по пензенской губернии относятся к 1912, а по Донской и Екатеринославской — к 1913 г.

За те же 9 лет оно уменьшилось с 6,5 до 3,3 млн. голов, на 3,2 млн. голов или же на 50%.

Имело место и сокращения поголовья свиней: табл. 5.21

Таблица 5.21

Изменение поголовья свиней у частновладельцев Европейской России (1900–1909 гг.)

Губерния	1900	1909	Прирост (+) или уменьшение (–)	В %
Вологодская	1772	1705	-67	-3,8
Воронежская	47791	24538	-23253	-48,7
Вятская	3337	4210	873	26,2
Гродненская	33519	20365	-13154	-39,2
Донская	79572	51551	-28021	-35,2
Екатеринославская	64518	42051	-22467	-34,8
Казанская	11027	11127	100	0,9
Ковенская	63948	51337	-12611	-19,7
Костромская	3238	2488	-750	-23,2
Курская	41101	22721	-18380	-44,7
Нижегородская	5697	6060	363	6,4
Новгородская	4949	3437	-1512	-30,6
Олонецкая	94	126	32	34,0
Оренбургская	6145	24688	18543	301,8
Орловская	47609	22680	-24929	-52,4
Пензенская	19422	18414	-1008	-5,2
Пермская	5581	5731	150	2,7

Таблица 5.21 (окончание)

Полтавская	91871	48837	-43034	-46,8
Псковская	32066	17283	-14783	-46,1
Самарская	20378	17301	-3077	-15,1
С.-Петербургская	9693	8203	-1490	-15,4
Саратовская	27722	12949	-14773	-53,3
Симбирская	11480	5682	-5798	-50,5
Таврическая	39131	25335	-13796	-35,3
Тамбовская	47063	26321	-20742	-44,1
Уфимская	14228	64893	50665	356,1
Харьковская	47013	50907	3894	8,3
Черниговская	34342	22401	-11941	-34,8
Ярославская	1679	2068	389	23,2
Всего	915403	669117	-246286	-26,9

Источники: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России... С. 5; ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, д. 120 (Сведения о площади посевов зерновых, лугов и о количестве домашних животных по губерниям). Данные по пензенской губернии относятся к 1912 г., а по Донской и Екатеринославской — к 1913 г.

За 1900–1909 гг. поголовье свиней сократилось с 9,2 до 6,7 млн. голов, на 2,5 млн. или же на 27%.

Сделанное заключение распространяется и на рабочий скот, поголовье которого с 1888–1891 по 1912 г. тоже сократилось, но обеспеченность частных владельцев по существу осталась без изменения (табл. 5.22).

Таким образом, есть основания утверждать, что в начале XX века помещичье животноводство переживало состояние кризиса. А поскольку общее поголовье скота за исключением поголовья овец хотя и медленно, но увеличивалось, можно согласиться с мнением И.Д. Ковальченко о «падении роли помещичьего скотоводства», хотя темпы этого падения были намного ниже тех, которые указаны И.Д. Ковальченко.

За 9 лет поголовье крупного рогатого скота в 27 губерниях Европейской России сократилось примерно на 5%; у крестьян этот показатель составил около 2%, у частновладельцев — почти 20%. В результате доля крестьянского скота увеличилась с 84,8 до 87,2%, доля частновладельческого скота сократилась с 15,2 до 12,8%¹⁰²⁸. Это означает, что в начале XX века роль частновладельческих хозяйств в животноводческом производстве действительно сокращалась. Однако темпы этого сокращения были намного более скромными, чем это следует из сопоставления данных 1900 и 1916 гг.

¹⁰²⁸ Такую же картину рисуют и другие источники. См. например: Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. II. М., 1885. С. А59–60 (Курская губерния), с. В40–41 (Орловская губерния).

Таблица 5.22

Обеспеченность дворян-землевладельцев лошадьми в 1887–1891 и 1912 гг.

Губернии	1888–1891			1912		
	Землевла- дельцы	Лошади	Лошадей на одно имение	Землевла- дельцы	Лошади	Лошадей на одно имение
Архангельская	3	3	1,0	3	3	1,0
Астраханская	41	424	10,3	27	71	2,6
Бессарабская	674	13814	20,5	1420	18416	13,0
Виленская	5624	23936	4,3	4841	23339	4,8
Витебская	2706	16063	5,9	2315	14266	6,2
Владимирская	410	3624	8,8	254	1899	7,5
Вологодская	170	907	5,3	138	567	4,1
Волынская	3120	48804	15,6	2525	51999	20,6
Воронежская	1015	22752	22,4	662	15172	22,9
Вятская	128	637	5,0	109	537	4,9
Гродненская	1664	14591	8,8	1488	17982	12,1
Донская	–	–	–	299	4762	15,9
Екатеринославск	748	15521	20,8	535	13303	24,9
Казанская	435	8291	19,1	334	8978	26,9
Калужская	745	9467	12,7	539	5925	11,0
Киевская	2297	55904	24,3	1909	65988	34,6
Ковенская	7651	49569	6,5	4836	35017	7,2
Костромская	652	3643	5,6	449	1889	4,2
Курляндская	891	17226	19,3	556	14219	25,6
Курская	2402	37743	15,7	2192	26609	12,1
Лифляндская	1000	16094	16,1	707	16952	24,0
Минская	5674	27373	4,8	7427	36477	4,9
Могилевская	2718	19288	7,1	2378	17175	7,2
Московская	928	7924	8,5	878	6172	7,0
Нижегородская	479	10030	20,9	444	6519	14,7
Новгородская	943	5333	5,7	958	4106	4,3
Олонецкая	110	180	1,6	142	221	1,6
Оренбургская	101	1978	19,6	100	2462	24,6
Орловская	1469	43768	29,8	1047	26508	25,3
Пензенская	799	18522	23,2	625	16083	25,7

Таблица 5.22 (окончание)

Пермская	176	789	4,5	305	1499	4,9
Подольская	2796	59510	21,3	2081	66705	32,1
Полтавская	4156	37127	8,9	3159	33692	10,7
Псковская	766	5722	7,5	540	3714	6,9
Рязанская	2007	35333	17,6	1426	16810	11,8
Самарская	634	15174	23,9	462	11596	25,1
С.-Петербургская	745	4367	5,9	540	3825	7,1
Саратовская	883	21656	24,5	534	14685	27,5
Симбирская	596	15577	26,1	431	12464	28,9
Смоленская	2774	22418	8,1	2311	13483	5,8
Таврическая	582	8259	14,2	1191	8687	7,3
Тамбовская	1329	34798	26,2	989	27184	27,5
Тверская	1068	9181	8,6	733	4961	6,8
Тульская	1920	45761	23,8	1370	32096	23,4
Уфимская	824	10499	12,7	547	9215	16,8
Харьковская	1515	21166	14,0	985	13840	14,1
Херсонская	1237	27013	21,8	1402	38998	27,8
Черниговская	3074	18566	6,0	1855	13843	7,5
Эстляндская	507	11716	23,1	454	16442	36,2
Ярославская	466	3417	7,3	308	1823	5,9
Всего	73652	901458	12,2	61759	799184	12,9

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891: Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894; Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Один из недостатков официальной статистики заключался в том, что она относилась к частным владельцам всех, кто не имел наделной земли. Поэтому она занижала количество крестьянских и завышала количество помещичьих хозяйств.

В этом отношении выгодно отличалась перепись 1916 г., которая положила в основу разделения хозяйств на две группы такой критерий, как использование труда: собственного, семейного труда или же наемного. В результате было зарегистрировано следующее распределение скота между крестьянскими и частновладельческими хозяйствами: табл. 5.23.

Материалы переписи 1916 г. показывают, что крестьяне играли в животноводческом производстве еще более важную роль: в их руках было сосредоточено примерно 94% всего скота, у частных владельцев — менее 6%.

Таблица 5.23

Распределение скота Европейской России в 1916 г. (тыс. гол.)

Виды скота	Крестьяне		Частновладельцы		Всего	
	Абс.	в %	Абс.	в %%	Абс.	в %
Лошади	21563	93,8	1444	6,2	23007	100
КРС	35350	94,2	2213	5,8	37563	100
Овцы	56550	94,4	3401	5,6	59951	100
Свины	15464	94,8	835	5,2	16299	100
Всего	128927	94,2	7893	5,8	136820	100
В переводе	75955	94,1	4755	5,9	80710	100

Источник: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г... С. 624–636 (без Ставропольской губернии и Уральской области).

Одним из показателей капиталистической перестройки помещичьего хозяйства безусловно является динамика дворянского землевладения. Ей посвящена обширная литература, которая свидетельствует, что пореформенная эпоха характеризовалась резким сокращением того земельного фонда, который оставили помещики в своих руках после 1861 г. Так, если взять 47 губерний Европейской России (без Прибалтики), то здесь общая площадь дворянских имений в 1863 г. составляла 85,1 млн. дес., а в 1913 г. уже только 40,6 млн. дес.

За полвека земельный фонд сократился на 44,2 млн. дес. или же почти на 52%. Причем, что особенно важно и показательно на протяжении всего этого пятидесятилетия процесс дворянского обезземеливания развивался по нарастающей линии: в 1863–1872 гг. дворянство потеряло 6,5 млн. дес., в 1873–1882 гг. — около 9,4 млн. дес., в 1883–1892 гг. — примерно 8,4 млн. дес., в 1893–1902 гг. — почти 9,7 млн. дес. и в 1902–1913 гг. — уже 10,5 млн. дес. Окончание сельскохозяйственного кризиса не означало замедление темпов данного процесса: в 60-е годы убыль дворянских земель составляла 7,6%, в 70-е — 11,9%, в 80-е — 12,1%, в 90-е — 16% и в 900-е — более 20%. Подробнее об этом свидетельствует прилагаемая ниже табл. 5.24.

Приведенные в таблице сведения о динамике дворянского землевладения показывают, что на протяжении всей пореформенной эпохи процесс сокращения дворянского земельного фонда развивался по нарастающей линии. Особенно быстро этот процесс развивался в черноземных губерниях. Имея ту же самую тенденцию ускорения, темпы сокращения дворянского земельного фонда возросли здесь с 7,3% в 1863–1873 гг. до 28,6% в 1903–1913 гг. Что же касается нечерноземных губерний, то здесь уже в 80-е годы произошло замедление данного процесса, а некоторое ускорение, наблюдавшееся в 90-е гг., в начале 900-х годов снова сменилось спадом. В результате этого в 1903–1913 гг. убыль дворянского землевладения составляла в этом регионе всего 12,7%.

Таблица 5.24

Темпы дворянского «оскудения» в Европейской России (1863–1913 гг.)

Дата	Европейская Россия			Черноземная полоса			Нечерноземная полоса		
	Всего	Сокращение с предыдущей даты		Всего	Сокращение с предыдущей даты		Всего	Сокращение с предыдущей даты	
		Абс.	%		Абс.	%		Абс.	%
1863	85,1	—	—	40,7	—	—	44,4	—	—
1873	78,6	6,5	7,6	37,7	3,0	7,4	40,9	3,5	7,9
1883	69,2	9,4	12,0	34,0	3,7	9,8	35,2	5,7	13,9
1893	60,8	8,4	12,1	30,1	3,9	11,5	30,7	4,5	12,7
1903	51,1	9,7	16,0	25,1	5,0	16,6	26,0	4,7	15,3
1913	40,6	10,5	20,5	17,9	7,2	28,6	22,7	3,3	12,7
Всего		44,5	52,3	—	22,8	56,0	—	21,7	48,8

Источник: Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 87. Сведения относятся к 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики). Абсолютные данные в млн. дес., относительные — в процентах.

Таблица 5.25

Изменение дворянского землевладения в 45 губерниях
Европейской России с 1862 по 1914 г. (тыс. дес.)

Губернии	1862	1914	Продано	В %
Бессарабская	1199	695	504	42,0
Виленская	1517	1021	496	32,7
Витебская	1907	1105	802	42,1
Владимирская	1426	461	965	76,7
Вологодская	1168	419	749	64,1
Волынская	2675	1857	818	30,6
Воронежская	1580	644	936	59,2
Вятская	1192	2	1190	99,8
Гродненская	1032	753	279	27,0
Донская	2335	770	1565	67,0
Екатеринославская	2706	1070	1636	60,5
Казанская	695	366	329	47,3
Калужская	941	345	596	63,3
Киевская	1945	1329	616	31,7
Ковенская	1596	1364	232	14,5
Костромская	2825	1083	1742	61,7
Курская	1299	744	555	42,7
Минская	4879	3719	1160	23,8

Таблица 5.25 (окончание)

Могилевская	2079	1155	924	44,4
Московская	806	418	388	48,1
Нижегородская	1387	493	894	64,5
Новгородская	3732	1050	2682	71,9
Олонецкая	208	57	151	72,6
Оренбургская	1152	364	788	56,7
Орловская	1389	611	778	56,0
Пензенская	1251	497	764	60,3
Пермская	9089	5655	3434	37,8
Подольская	1560	1129	431	27,6
Полтавская	1903	918	985	51,8
Псковская	1668	426	1182	70,9
Рязанская	1336	491	845	63,2
Самарская	2612	624	1988	76,1
С.-Петербургская	1798	718	1080	60,1
Саратовская	2528	693	1835	72,6
Симбирская	1259	521	738	58,6
Смоленская	2399	763	1636	68,2
Таврическая	1889	743	1146	60,7
Тамбовская	1870	874	996	53,3
Тверская	1805	497	1308	72,5
Тульская	1191	624	567	47,6
Уфимская	1987	539	1448	72,9
Харьковская	1538	610	928	60,3
Херсонская	3102	1256	1847	59,5
Черниговская	1659	792	867	52,3
Ярославская	1067	366	701	65,7
Всего	87181	40676	46505	53,3

Источник: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 24. Пг., 1915. С. 66–67; Симонова М.С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862–1914 гг.) // Проблемы исторической географии России. Вып. II. М., 1982. С. 161–164. Без Архангельской, Астраханской и трех прибалтийских губерний.

Процесс дворянского обезземеливания был всеобщим, однако, в разных регионах он развивался по-разному. Наиболее быстро он развивался в северных губерниях. С 1862 по 1914 г. дворянские имения сократили здесь свою площадь с 21,2 млн. дес. до 7,1 млн. дес., т. е. на 14,1 млн. дес., или почти на 67%. Довольно значительными были масштабы и темпы обезземеливания дворянства в южных губерниях (сокращение с 17,0 млн. дес. до 6,1 млн., почти на 10,9 млн. дес. или же на 64%), а также в губерниях Центра: с 29,8 млн. дес. до 14,0 млн. дес., т. е. на 15,7 млн. дес. или же на 53%. Иную картину представляли западные губернии, где поместное дворянство пустило в

Таблица 5.24

Темпы дворянского «оскудения» в Европейской России (1863–1913 гг.)

Дата	Европейская Россия			Черноземная полоса			Нечерноземная полоса		
	Всего	Сокращение с предыдущей даты		Всего	Сокращение с предыдущей даты		Всего	Сокращение с предыдущей даты	
		Абс.	%		Абс.	%		Абс.	%
1863	85,1	—	—	40,7	—	—	44,4	—	—
1873	78,6	6,5	7,6	37,7	3,0	7,4	40,9	3,5	7,9
1883	69,2	9,4	12,0	34,0	3,7	9,8	35,2	5,7	13,9
1893	60,8	8,4	12,1	30,1	3,9	11,5	30,7	4,5	12,7
1903	51,1	9,7	16,0	25,1	5,0	16,6	26,0	4,7	15,3
1913	40,6	10,5	20,5	17,9	7,2	28,6	22,7	3,3	12,7
Всего		44,5	52,3	—	22,8	56,0	—	21,7	48,8

Источник: Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 87. Сведения относятся к 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики). Абсолютные данные в млн. дес., относительные — в процентах.

Таблица 5.25

Изменение дворянского землевладения в 45 губерниях
Европейской России с 1862 по 1914 г. (тыс. дес.)

Губернии	1862	1914	Продано	В %
Бессарабская	1199	695	504	42,0
Виленская	1517	1021	496	32,7
Витебская	1907	1105	802	42,1
Владимирская	1426	461	965	76,7
Вологодская	1168	419	749	64,1
Волынская	2675	1857	818	30,6
Воронежская	1580	644	936	59,2
Вятская	1192	2	1190	99,8
Гродненская	1032	753	279	27,0
Донская	2335	770	1565	67,0
Екатеринославская	2706	1070	1636	60,5
Казанская	695	366	329	47,3
Калужская	941	345	596	63,3
Киевская	1945	1329	616	31,7
Ковенская	1596	1364	232	14,5
Костромская	2825	1083	1742	61,7
Курская	1299	744	555	42,7
Минская	4879	3719	1160	23,8

Таблица 5.25 (окончание)

Могилевская	2079	1155	924	44,4
Московская	806	418	388	48,1
Нижегородская	1387	493	894	64,5
Новгородская	3732	1050	2682	71,9
Олонецкая	208	57	151	72,6
Оренбургская	1152	364	788	56,7
Орловская	1389	611	778	56,0
Пензенская	1251	497	764	60,3
Пермская	9089	5655	3434	37,8
Подольская	1560	1129	431	27,6
Полтавская	1903	918	985	51,8
Псковская	1668	426	1182	70,9
Рязанская	1336	491	845	63,2
Самарская	2612	624	1988	76,1
С.-Петербургская	1798	718	1080	60,1
Саратовская	2528	693	1835	72,6
Симбирская	1259	521	738	58,6
Смоленская	2399	763	1636	68,2
Таврическая	1889	743	1146	60,7
Тамбовская	1870	874	996	53,3
Тверская	1805	497	1308	72,5
Тульская	1191	624	567	47,6
Уфимская	1987	539	1448	72,9
Харьковская	1538	610	928	60,3
Херсонская	3102	1256	1847	59,5
Черниговская	1659	792	867	52,3
Ярославская	1067	366	701	65,7
Всего	87181	40676	46505	53,3

Источник: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 24. Пг., 1915. С. 66–67; Симонова М.С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862–1914 гг.) // Проблемы исторической географии России. Вып. II. М., 1982. С. 161–164. Без Архангельской, Астраханской и трех прибалтийских губерний.

Процесс дворянского обезземеливания был всеобщим, однако, в разных регионах он развивался по-разному. Наиболее быстро он развивался в северных губерниях. С 1862 по 1914 г. дворянские имения сократили здесь свою площадь с 21,2 млн. дес. до 7,1 млн. дес., т. е. на 14,1 млн. дес., или почти на 67%. Довольно значительными были масштабы и темпы обезземеливания дворянства в южных губерниях (сокращение с 17,0 млн. дес. до 6,1 млн., почти на 10,9 млн. дес. или же на 64%), а также в губерниях Центра: с 29,8 млн. дес. до 14,0 млн. дес., т. е. на 15,7 млн. дес. или же на 53%. Иную картину представляли западные губернии, где помещное дворянство пустило в

продажу всего лишь 5,8 млн. дес. из 19,2 млн., т.е. только 30% их общего количества: табл. 5.26.

Таблица 5.26

Региональные различия в динамике дворянского землевладения
Европейской России. 1862–1914 гг. (тыс. дес.)

Регионы	1862	1914	Продано	
			Абс.	%
Север	21230	7096	14134	66,6
Запад	19190	13432	5758	30,0
Центр	29779	14042	15737	52,8
Юг	16982	6061	10921	64,3
Всего	87181	40676	46505	53,3

Источник: Таблица 5.25.

Приведенные данные свидетельствуют, что единственным регионом, где помещичье дворянство более или менее успешно приспособлялось к новым условиям, были только западные губернии, к которым следует присоединить и губернии Прибалтики.

Таким образом, *имеющийся в нашем распоряжении материал не дает никаких оснований утверждать, что в начале XX века удалось переломить те негативные тенденции, которые существовали в помещичьем секторе аграрной экономики дореволюционной России до этого*. В результате продолжалось сокращение количества помещичьих хозяйств. Формально с 1877 по 1905 г. оно уменьшилось с 114,7 до 107,2 тыс. или же всего на 6,5%. Однако если учесть, что одновременно происходило дробление хозяйств и исключить хозяйства до 10 дес., получится, что количество дворянских хозяйств более 10 дес. за это же время сократилось с 100,9 до 84,6 тыс., т.е. на 16,3 тыс., или 16,2%. Количество хозяйств от 500 до 1000 десятин уменьшилось на 20,6%, от 1000 до 5000 — на 29,2%, а более 5000 — на 34,4%: табл. 5.27.

Таблица 5.27

Динамика дворянских имений по размеру землевладения. 1877–1905 гг.

Размер	1877		1905		Изменения	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
До 10 дес.	13797	12,0	22604	21,1	8807	63,8
10–100 дес.	42754	37,3	38306	35,7	–4448	–10,4
100–500 дес.	33784	29,5	28235	26,3	–5549	–16,4
500–1000	11043	9,6	8768	8,2	–2275	–20,6
1000–5000	11328	9,9	8015	7,5	–3313	–29,2
Более 5000	2010	1,8	1319	1,2	–691	–34,4
Всего	114716	100	107247	100	–7469	–6,5

Источники: Статистика Российской империи. Серия III. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России. 1877–78 гг. СПб., 1886. С. 34–35; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 78.

Одновременно изменилось и распределение земель внутри поместного дворянства. Из 20,0 млн. дес., на которые с 1877 по 1905 г. сократилось дворянское землевладение, 16,7 млн. дес., 83,4% приходилось на владения, составлявшие до 1877 г. более 1000 дес. Это означает, что в первую очередь сходил со сцены крупные и крупнейшие земельные владения: табл. 5.28.

Таблица 5.28

Динамика дворянского землевладения по размеру владений.
1877–1905 гг. (млн. дес.)

Размер имения	1877		1905		Изменения	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
До 10 дес.	72231	0,1	100835	0,2	28064	39,6
10–100 дес.	1852135	2,5	1561742	2,9	290393	15,7
100–500	8437081	11,5	7034437	13,2	1402644	16,6
500–1000	7827657	10,7	6181041	11,6	1646616	21
1000–5000	23171011	31,7	15924275	30,0	7246736	31,3
Более 5000	31803596	43,5	22366678	42,1	9436918	29,7
Всего	73163744	100,0	53169008	100,0	19994736	27,3

Источники: те же..

Может быть, сходили со сцены отсталые, но укрепляли свои позиции передовые помещичьи хозяйства?

Если проделать сопоставление материалов статистики земледелия 1905 года и военно-конских переписей 1901–1906 гг., то мы можем проследить динамику процесса перестройки материальной базы помещичьего хозяйства. За время, прошедшее после переписи 1887 г., количество земельных владений у дворян на территории Европейской России (45 губерний) сократилось с 109,0 тыс. до 102,2 тыс. Одновременно с этим произошло сокращение численности и дворян-коневладельцев: с 71,8 тыс. до 63,5 тыс. Однако нетрудно заметить, что сокращение численности землевладельцев происходило более быстро, чем сокращение численности земельных владений. Поэтому соответственно происходило и увеличение дворянских имений, необеспеченных лошадьми.

Таблица 5.29

Обеспеченность дворянских имений лошадьми в 1905 г.

Губернии	Землевладельцы	Коневладельцы	Расхождение	%
Бессарабская	1427	822	605	42
Виленская	4503	4493	10	0
Витебская	2125	2314	189	9
Владимирская	966	301	665	69
Вологодская	466	138	328	70
Волынская	2587	2537	50	2
Воронежская	1679	941	738	44
Вятская	115	61	54	47
Гродненская	3017	1992	1095	36
Екатеринославская	1584	1043	541	34
Казанская	705	481	224	32
Калужская	1056	534	522	49
Киевская	2837	2153	684	24
Ковенская	5224	4625	599	11
Костромская	1714	554	1160	68
Курляндская	352	861	509	145
Курская	4533	2122	2411	53
Минская	6964	6435	529	8
Могилевская	3347	2621	726	22
Московская	1842	683	1159	63
Нижегородская	886	351	535	60
Новгородская	2230	1043	1187	53
Олонецкая	197	136	61	31
Оренбургская	476	104	372	78
Орловская	2189	1410	779	36
Пермская	99	232	133	134
Подольская	2589	2152	437	17
Полтавская	9718	3531	6187	64
Псковская	1394	552	842	60
Рязанская	3626	1713	1913	53
Самарская	810	550	260	32
С.-Петербургская	1754	753	1001	57
Саратовская	1275	711	564	44
Симбирская	1046	564	482	46
Смоленская	4175	2441	1734	42
Таврическая	1464	616	848	58
Тамбовская	2267	1262	1005	44
Тверская	1873	654	1219	65

Таблица 5.29 (окончание)

Тульская	2764	1701	1063	38
Уфимская	974	965	9	1
Харьковская	2202	1441	761	35
Херсонская	1725	1477	248	14
Черниговская	7789	2543	5246	67
Эстляндская	413	573	160	39
Ярославская	1248	413	835	67
Всего	102224	63529	38695	38

Правда, темпы этого увеличения были сравнительно незначительны: с 34 до 38% (см. табл. 5.11 и 5.29). Однако как отражение общей тенденции их сбрасывать со счета все-таки нельзя. Особенно показательно появление необеспеченности в западных губерниях. В то же время, если необеспеченность увеличилась в районах старого заселения, то она несколько сократилась в районах позднего заселения. Прежде всего это касается южных губерний. Следовательно, данный процесс развивался далеко неоднородно в разных регионах. И наряду с обезлошадением имело место увеличение концентрации рабочего скота. Последнее особенно становится очевидным, если принять во внимание не только сокращение земельных владений, но и размеров дворянского землевладения. В таком случае окажется, что темпы дворянского обезземеливания намного опережали темпы сокращения численности рабочего скота у дворян. В результате этого наряду с увеличением численности и удельного веса безлошадных дворян-землевладельцев имело место увеличение поголовья рабочего скота, приходящегося на единицу дворянской земли. Следовательно те дворяне, которые имели рабочий скот, увеличивали его концентрацию и следовательно, увеличивали степень обеспеченности помещичьего хозяйства рабочим скотом. Но имеющиеся данные показывают, что темпы этого процесса тоже были невероятно низкими. Поэтому они вряд ли могли дать к началу XX века какие-либо ощутимые результаты (табл. 5.30).

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в конце XIX-начале XX века происходило не только сокращение дворянского землевладения, но и уменьшение численности имевшегося в помещичьем хозяйстве рабочего скота. Однако темпы этих изменений были не совсем одинаковы: первый процесс явно отставал от последнего. В результате этого обеспеченность рабочим скотом помещичьих имений не росла, а даже немного сокращалась. Следовательно, *укрепление позиций капиталистически организованного сектора во помещичьем хозяйстве не происходило.*

Таблица 5.3⁶

Степень обеспеченности помещичьих имений лошадьми

Регионы	Землевладельцы	Коневладельцы	%
1887			
Север	22718	10256	45
Запад	32436	35648	110
Центр	44735	21405	48
Юг	9125	4800	53
Всего	109014	71809	66
1905			
Север	19801	8554	43
Запад	33958	30685	90
Центр	40007	19713	49
Юг	8460	5577	66
Всего	102226	63529	62

Источники: Таблицы 5.11 и 5.29.

Итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства

Как отмечалось выше, в 1982 г. под руководством И.Д. Ковальченко была издана специальная монография, посвященная помещичьему хозяйству России, в которой была сделана попытка подвести итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства к 1917 г. «Накануне Октябрьской социалистической революции, — писали ее авторы — во внутреннем социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствовали капиталистические отношения...»¹⁰²⁹.

В основу монографии были положены материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Опираясь на них, ее авторы пришли к выводу, что около 25% земли помещики сдавали в аренду, на незначительной части земель использовали крестьянский скот, а 68% остальных земель «обрабатывали свои скотом»¹⁰³⁰, что дает примерно 51% всей пашни.

Однако, видимо, сознавая шаткость нарисованной ими картины, И.Д. Ковальченко и его ученики ограничились только относительными, процентными и средними показателями, хотя и они позволяют усомниться в обоснованности приведенных показателей.

Прежде всего это касается размеров аренды. Если «сопоставить долю помещичьих хозяйств в земледелии с долей принадлежащих им пашенных угодий», говорится, в рассматриваемой книге, то обнаружится, что «повсеместно помещики воз-

¹⁰²⁹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства... С. 217.

¹⁰³⁰ Там же. С. 120, 123.

делывали значительно меньшую часть пашни, чем все земледельцы. Так, по 34 губерниям помещичьи посевы занимали 39,8% пашни помещиков, тогда как посевы землевладельцев всех категорий занимали 64,3% всей пашни. Помещики как бы «недовозделывали» на 100 дес. пашни 24,5 дес.». Объяснение этого авторы рассматриваемой книги видели в том, что «это были именно те земли, которые арендовали и обрабатывали крестьяне». «Исходя из приведенных данных», писали они, — размер сдаваемой в аренду пашни «можно оценить приблизительно в 25% площади помещичьей пашни»¹⁰³¹.

Однако при этом авторами была допущена ошибка: утверждая, что на 100 дес. пашни приходилось 24,5 дес., сдаваемых в аренду, они сопоставляли несопоставимые величины: в первом случае площадь пашни, во втором — площадь посева. Если исправить эту ошибку, удельный вес аренды пашни повысится с 25 до 38%.

Если же обратиться к опубликованным материалам переписи, то из них четко явствует, что частновладельцы имели 9,6 млн. дес. пашни, а использовали только 6,1, следовательно сдавали в аренду 3,5 млн. дес. или же 37%¹⁰³². Если же взять 68% от 6,1 млн. дес., то получится, что помещики обрабатывали своим скотом 4,1 млн. дес., а 2,0 млн. дес. эксплуатировались с помощью отработок. В таком случае получается, что в аренде находилось 37%, под отработками первого вида — 21%, обрабатывались своим скотом — 42%.

Уже одной этой поправки достаточно для того, чтобы поставить под сомнение общий вывод монографии о превращении капиталистического способа ведения помещичьего хозяйства в преобладающий.

Но дело не только в этом. Вызывает удивление, что авторы скрыли от читателей, что все обследованные хозяйства были подразделены не на две группы, как это делалось обычно (крестьянские и частновладельческие), а на три: кроме двух названных, была выделена еще одна — «хозяйства некрестьянского типа»¹⁰³³. К крестьянским были отнесены хозяйства, использовавшие наделенную землю, к частновладельческим — хозяйства имеющие более 50 дес. удобной земли (в разных губерниях в зависимости от их особенностей допускалось или понижать этот уровень до 20 дес., или поднимать его до 100). Остальные хозяйства попадали в разряд «хозяйств некрестьянского типа»¹⁰³⁴.

Это означает, что все хозяйства, которые велись на вненаделенной земле и обычно относились официальной статистикой к частновладельческим, были подразделены на две группы. К хозяйствам «некрестьянского типа» могли принадлежать частновладельческие хозяйства, принципиально не отличавшиеся от крестьянских. Однако, если обратиться к материалам переписи, то окажется, что в среднем на одно

¹⁰³¹ Там же. С. 120.

¹⁰³² Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I. Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. М., 1921. С. 46.

¹⁰³³ Сравните: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Указ. соч. С. 47-48; Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I...

¹⁰³⁴ Инструкция по производству всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Пг., 1917; Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I... Терещенко Л.С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук., М., 1968.

Таблица 5.36

Степень обеспеченности помещичьих имений лошадьми

Регионы	Землевладельцы	Коневладельцы	%
1887			
Север	22718	10256	45
Запад	32436	35648	110
Центр	44735	21405	48
Юг	9125	4800	53
Всего	109014	71809	66
1905			
Север	19801	8554	43
Запад	33958	30685	90
Центр	40007	19713	49
Юг	8460	5577	66
Всего	102226	63529	62

Источники: Таблицы 5.11 и 5.29.

Итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства

Как отмечалось выше, в 1982 г. под руководством И.Д. Ковальченко была издана специальная монография, посвященная помещичьему хозяйству России, в которой была сделана попытка подвести итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства к 1917 г. «Накануне Октябрьской социалистической революции, — писали ее авторы — во внутреннем социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствовали капиталистические отношения...»¹⁰²⁹.

В основу монографии были положены материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Опираясь на них, ее авторы пришли к выводу, что около 25% земли помещики сдавали в аренду, на незначительной части земель использовали крестьянский скот, а 68% остальных земель «обрабатывали свои скотом»¹⁰³⁰, что дает примерно 51% всей пашни.

Однако, видимо, сознавая шаткость нарисованной ими картины, И.Д. Ковальченко и его ученики ограничились только относительными, процентными и средними показателями, хотя и они позволяют усомниться в обоснованности приведенных показателей.

Прежде всего это касается размеров аренды. Если «сопоставить долю помещичьих хозяйств в земледелии с долей принадлежащих им пашенных угодий», говорится, в рассматриваемой книге, то обнаружится, что «повсеместно помещики воз-

¹⁰²⁹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства... С. 217.

¹⁰³⁰ Там же. С. 120, 123.

делывали значительно меньшую часть пашни, чем все земледельцы. Так, по 34 губерниям помещичьи посевы занимали 39,8% пашни помещиков, тогда как посевы землевладельцев всех категорий занимали 64,3% всей пашни. Помещики как бы «недовозделывали» на 100 дес. пашни 24,5 дес.». Объяснение этого авторы рассматриваемой книги видели в том, что «это были именно те земли, которые арендовали и обрабатывали крестьяне». «Исходя из приведенных данных», писали они, — размер сдаваемой в аренду пашни «можно оценить приблизительно в 25% площади помещичьей пашни»¹⁰³¹.

Однако при этом авторами была допущена ошибка: утверждая, что на 100 дес. пашни приходилось 24,5 дес., сдаваемых в аренду, они сопоставляли несопоставимые величины: в первом случае площадь пашни, во втором — площадь посева. Если исправить эту ошибку, удельный вес аренды пашни повысится с 25 до 38%.

Если же обратиться к опубликованным материалам переписи, то из них четко явствует, что частновладельцы имели 9,6 млн. дес. пашни, а использовали только 6,1, следовательно сдавали в аренду 3,5 млн. дес. или же 37%¹⁰³². Если же взять 68% от 6,1 млн. дес., то получится, что помещики обрабатывали своим скотом 4,1 млн. дес., а 2,0 млн. дес. эксплуатировались с помощью отработок. В таком случае получается, что в аренде находилось 37%, под отработками первого вида — 21%, обрабатывались своим скотом — 42%.

Уже одной этой поправки достаточно для того, чтобы поставить под сомнение общий вывод монографии о превращении капиталистического способа ведения помещичьего хозяйства в преобладающий.

Но дело не только в этом. Вызывает удивление, что авторы скрыли от читателей, что все обследованные хозяйства были подразделены не на две группы, как это делалось обычно (крестьянские и частновладельческие), а на три: кроме двух названных, была выделена еще одна — «хозяйства некрестьянского типа»¹⁰³³. К крестьянским были отнесены хозяйства, использовавшие надельную землю, к частновладельческим — хозяйства имеющие более 50 дес. удобной земли (в разных губерниях в зависимости от их особенностей допускалось или понижать этот уровень до 20 дес., или поднимать его до 100). Остальные хозяйства попадали в разряд «хозяйств некрестьянского типа»¹⁰³⁴.

Это означает, что все хозяйства, которые велись на вненадельной земле и обычно относились официальной статистикой к частновладельческим, были подразделены на две группы. К хозяйствам «некрестьянского типа» могли принадлежать частновладельческие хозяйства, принципиально не отличавшиеся от крестьянских. Однако, если обратиться к материалам переписи, то окажется, что в среднем на одно

¹⁰³¹ Там же. С. 120.

¹⁰³² Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I. Губернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. М., 1921. С. 46.

¹⁰³³ Сравните: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Указ. соч. С. 47-48; Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I...

¹⁰³⁴ Инструкция по производству всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Пг., 1917; Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I... Терещенко Л.С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук., М., 1968.

такое хозяйство приходилось 132 дес. земли¹⁰³⁵. Однако большая часть этих владений была занята лесами и неудобными землями. Что же касается пашни, площадь которой составляла 1,0 млн. дес., то половина ее сдавалась в аренду, а другая, видимо, обрабатывалась членами семей¹⁰³⁶.

Если сделать поправку на это, то доля пашни, обрабатываемая с помощью наемных рабочих и собственного рабочего скота уменьшится до 38%.

Между тем, как известно, с помощью своего скота и инвентаря помещики могли не только вести капиталистически организованное хозяйство, но и использовать отработки второго вида.

Чтобы понять, какой из этих способов преобладал, необходимо обратить внимание на следующий факт. На 6075 тыс. дес. пашни приходилось всего 476,3 тыс. рабочих, что дает 12,8 дес. пашни на человека¹⁰³⁷. А так как при трехполье один работник мог обработать 6–7 десятин пашни¹⁰³⁸, получается, что с помощью наемных рабочих частновладельцы могли обработать максимум половину пашни.

Между тем более половины всех используемых частновладельцами рабочих были не в рабочем возрасте ($280,4 + 195,9 = 476,3$) и следовательно играли вспомогательную роль, вероятнее всего, при вывозке удобрения и уборке урожая. Если сделать поправку на это, на одного взрослого рабочего получится 31,0 дес. пашни. А это значит, что они могли обрабатывать не более 20–25% пашни.

А.И. Чупров охарактеризовал эту ситуацию в следующих словах: *«Из приведенных разнообразных данных мы видим, что культурные помещичьи хозяйства, богатые капиталами и знаниями, составляют у нас редкие оазисы, исчезающие в массе заурядных и беспризорных имений, основанных лишь на сдаче земель крестьянам и выколачивании арендной платы»*¹⁰³⁹.

«Владельческие хозяйства, — писал в 1911 г. А.А. Кауфман, — имеющие серьезное культурно-хозяйственное значение, обнимают ничтожную часть общей площади владельческой земли — миллионы десятин против десятков миллионов “крепостнического” или “феодального” землевладения и кабально-арендного или отработочного хозяйства»¹⁰⁴⁰. Об этом же он писал и в 1917 г.¹⁰⁴¹

Независимо от того, как оценивались итоги капиталистической перестройки помещичьего хозяйства, до недавнего времени сам факт «оскудения» поместного дворянства ни у кого не вызывал сомнения. Однако в последнее время в книге американского историка С. Беккера это точка зрения была поставлена под сомнение¹⁰⁴².

У С. Беккера нашлись сторонники и в нашей литературе, Признавая, что «в результате отмены крепостного права» «благосостояние значительной части поместного дворянства» «понижилось», Б.Н. Миронов пишет: «Однако вряд ли можно го-

¹⁰³⁵ Труды ЦСУ. Т. V. Вып. I... С. 42–46.

¹⁰³⁶ Там же. С. 46.

¹⁰³⁷ Там же.

¹⁰³⁸ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России...

¹⁰³⁹ Чупров А.И. // Русские ведомости. 1906. 16 марта.

¹⁰⁴⁰ Современное народничество и аграрная эволюция // Русская мысль. 1911. № 5. С. 5–6.

¹⁰⁴¹ Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. I. Пг., 1917. С. 8.

¹⁰⁴² Беккер С. Миф о русском дворянстве....

ворить о всеобщей деградации... поместного дворянства. С. Беккер приводит убедительные аргументы в пользу того, что тезис об упадке дворянства — миф»¹⁰⁴³.

На чем же тогда основано утверждение, будто бы «оскудение дворянства» — это миф? Оказывается на том, что хотя после отмены крепостного права более половины дворян стали безземельными, а дворянский земельный фонд сократился в два раза, стоимость дворянских земель не сократилась, а выросла почти в 6 раз¹⁰⁴⁴, следовательно стоимость дворянских земель выросла в 3 раза.

Однако при этом не учитывается, не только обесценивание рубля, который только к 1898 г. похудел в 2,5 раза¹⁰⁴⁵, но и то, что доход поместного дворянства зависел не от стоимости земли, а от ее реальных размеров, сокращение которых означало сокращение и сельскохозяйственных угодий, и дохода с них.

К этому следует добавить, что хотя в ходе реформы 1861 г. с помещиков были списаны прежние долги, к 1917 г. дворянские земли снова оказались заложенными и перезаложенными в банках.

С 1886 по 1914 г. в Дворянском банке было заложено 28,7 тыс. дворянских имений, под которые ими было получено 910 млн. руб. кредита. За то же время 16,7 тыс. имени, т.е. более половины, были перезаложены, в результате чего их владельцы получили еще 1086 млн. руб. В результате в 1914 г. общая задолженность помещичьих имений достигла двух млрд. руб.: табл. 5.31.

Таблица 5.31

Движение ссуд Дворянского банка в 1886–1914 гг.

Дата	Первоначальные ссуды		Перезалог		Весь долг
	ссуды	кредит	ссуды	кредит	
1886–1890	9030	259,9	827	12,0	271,9
1891–1895	5596	147,8	2157	104,0	251,8
1896–1900	7594	231,1	3939	224,2	455,3
1901–1905	3335	98,6	3904	232,7	331,3
1906–1910	1224	49,0	2233	178,2	227,2
1911–1914	1925	123,6	3633	334,9	458,5
Итого	28694	910,0	16693	1086,0	1996,0

Источник: Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. Отд. XII . С.42–43. Ссуды — штук, кредит — млн. руб.

На первый взгляд, пик был пройден в годы аграрного кризиса. Если в 1886–1895 гг. было выдано 14,6 тыс. ссуд, в 1896–1905 гг. — 10,9 тыс. в 1906–1914 гг. — 3,1 тыс., соответственно происходило и сокращение выдаваемых кредитов: 408 млн., 230 млн. и 173 млн. Однако если количество и сумма первоначальных ссуд сокращалось, то одновременно расширялся перезалог уже заложенных имений: 1886–1895 гг. — 3,0 тыс. ссуд,

¹⁰⁴³ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 670.

¹⁰⁴⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве...

¹⁰⁴⁵ Хрулев С.С. Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 6–7.

7,8 тыс., 5,9 тыс., 116 млн. руб., 457 млн., 513 млн. В итоге долг растет следующим образом: 524 млн., 787 млн., 686 млн. Это показывает, что прирост задолженности замедлился только накануне Первой мировой войны.

К этому следует добавить, что дворянство закладывало свои земли и в частных банках, в которых брали ссуды и другие частновладельцы¹⁰⁴⁶. В результате «...на 1 января 1914 г. во всех земельных банках было заложено 58,2 млн. десятин земли всех сословий, оценивавшейся в 5,1 млрд. руб., под которую было выдано 3,4 млрд. руб. ссуд»¹⁰⁴⁷.

Если исходя из этого, определить долю ссуд Дворянского банка, мы получим 59%. Это дает основание утверждать, что не менее 60%, т.е. 35 млн. дес. заложённых земель принадлежали дворянам. Это более 85% всех земель, которые оставались в руках дворянства к началу Первой мировой войны. Таким образом, задолженность имела еще более масштабный характер, чем накануне 1861 г.

Наконец, как бы ни дорожала дворянская земля, это касалось все меньшей и меньшей части дворянства. Происходил интенсивный процесс обезземеливания дворянства.

Чтобы понять, являлся ли «упадок дворянства» мифом, следует напомнить, что в конце XVIII в. понятие «помещик» и «дворянин» были почти синонимами, так как по Жалованной грамоте 1785 г. владеть населенными имениями разрешалось только дворянам. К 1861 г. земли не имели 15–20% дворян, к 1876 г. — 44%, к 1890 г. — 60%, к 1905 г. — 70%¹⁰⁴⁸. По расчетам С. Беккера на 1912 г. земельное дворянство составляло 36–37%¹⁰⁴⁹. В любом случае это означает, что к началу Первой мировой войны землю имело только около трети дворянских семей, у которых осталась только половина тех земель, которыми они располагали к 1861 г.

Это значит, что после отмены крепостного права характер дворянского сословия принципиально изменился. Больше половины дворянских семей, имевших землю до отмены крепостного права, после 1861 г. ее потеряли. В результате из земельного сословия дворянство превратилось в безземельное.

Подойдя к 1861 г. с огромным долгом в 650 млн. руб., поместное дворянство получило возможность погасить этот долг за счет выкупных платежей, а за полвека после отмены крепостного права получить еще сотни миллионов рублей. Попробуем хотя бы приблизительно подвести итог.

Только за 1862–1891 г. помещики получили 575 млн. руб. в счет выкупа наделных земель. За 1863–1914 гг. ими было продано земли на 3,0 млрд. руб., на 1,4 млрд. руб. оно получило кредитов от Дворянского банка. Итого, около 5 млрд. руб. Если же принять во внимание частные земельные банки, можно утверждать, за полвека после отмены крепостного права ими было получено только по этим трем статьям не менее 5,5 млрд. руб.

Если же принять во внимание арендные платежи, которые составляли в начале XX века более 200 млн. ежегодно и сделать поправку на рост арендных платежей параллельно росту цен на землю, что даст еще не менее 5 млрд. руб., получается, что после отмены крепостного права поместное дворянство аккумулировало не менее 10 млрд. руб.

¹⁰⁴⁶ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX – начале XX вв.. Статистика долгосрочного кредита в России / сост. Н.А. Проскурякова. М., 1980; Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.

¹⁰⁴⁷ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Указ. соч. С. 116.

¹⁰⁴⁸ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. ... С. 61.

¹⁰⁴⁹ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 46.

Это в полтора раза больше стоимости всей российской промышленности к началу Первой мировой войны. За эти деньги помещики теоретически имели возможность создать в деревне сильный аграрный сектор. Однако вместо этого они продолжали вести хозяйство так как вели его и раньше. Это означает, что поместное дворянство представляло собой паразитический слой, который только брал и ничего не отдавал.

Возникает вопрос, в чем же причина того, что поместное дворянство оказалось неспособным перестроить свое хозяйство на капиталистические рельсы и даже более того, не сумело сохранить своих прежних позиций в землевладении? Данный вопрос давно поставлен в литературе, однако существующие его объяснения по меньшей мере представляются недостаточными.

Трудно согласиться с мнением, будто бы причину дворянского оскудения следует искать в природной несовместимости унаследованных этим классом от веков крепостничества традиций потребительски-паразитических отношений с требованиями капиталистического хозяйствования, основывающегося на коммерческом расчете, на постоянном росте вложений для расширения воспроизводства.

Вызывает сомнение и та точка зрения, в соответствии с которой «переход к новой капиталистической системе хозяйства оказался для основной массы дворянства невозможным», так как «для этого не хватало ни умения, ни средств»?¹⁰⁵⁰

Однако, если бы все дело заключалось только в средствах и предприимчивости, то дворянские земли должны были бы переходить в руки тех, кто обладал и первым, и вторым, т.е. и умением, и средствами. Место бесхозяйственного Обломова в частном секторе землевладения должен был занять энергичный и предприимчивый Штольц. И действительно, пореформенная эпоха характеризовалась значительным увеличением купеческого землевладения. Данное обстоятельство подчеркивается во многих работах, но само по себе оно изучено очень слабо. Но и те отдельные исследования, которые имеются в этом вопросе показывают, что простая констатация расширения купеческого землевладения еще ничего не объясняет. Если же рассмотреть это явление в динамике, то оказывается, что роль купечества в разные периоды пореформенной эпохи была неодинаковой (табл. 5.32).

Таблица 5.32

Роль купечества и крестьянства в мобилизации частновладельческих земель
(1863–1902 гг.) (млн. дес.)

Дата	Всего продано	Куплено купцами		Куплено крестьянами	
		Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1863–1872	7,1	4,4	63%	1,3	18%
1873–1882	10,3	4,5	44%	3,3	32%
1883–1892	8,7	2,2	25%	5,0	57%
1893–1902	10,2	1,1	11%	6,5	64%
1863–1902	36,2	12,2	34%	16,1	44%

Источник: Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.

¹⁰⁵⁰ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России... С. 296.

Как явствует таблица, если в первые пореформенные годы основным покупателем дворянских земель являлось купечество, то к началу XX века и масштабы и удельный вес его земельных операций резко падают и ведущая роль переходит к крестьянству. Отмечая это обстоятельство, В.В. Святловский, из книги которого заимствована и приведенная выше таблица, писал: «Роли купечества и крестьянства были в течение сорокалетия совершенно противоположными. В то время, когда сумма приобретений у купцов все падает, она очень быстро возрастает у крестьян»¹⁰⁵¹.

По сути дела в начале века купечество перестает быть не только главным, но и вообще сколько-нибудь крупным приобретателем выбрасываемых на рынок земель. Иначе говоря, *купеческий капитал постепенно утрачивает интерес к земле*.

Более того, есть основания утверждать, что по крайней мере в начале XX века он начинает отливать из сферы землевладения. Если в 1863–1872 гг. купечество перепродавало около 20% приобретаемых им земель, если в 1873–1882 гг. доля этих земель поднялась до 25%, то в 1883–1892 гг. она превысила 50%, в 1893–1902 гг. превзошла 75%, а в начале XX века количество продаваемых купечеством земель стало превышать количество покупаемых земель, в результате началось *сокращение купеческого земельного фонда*¹⁰⁵².

Это порождает необходимость поиска каких-то иных решений данного вопроса. Не претендуя на абсолютную точность и вполне допуская влияние других факторов, мне кажется, что ответ на поставленный вопрос прежде всего следует искать в сфере производства. Если с этой целью обратиться к «Материалам по статистике движения землевладения в России», содержащих данные о масштабах мобилизации дворянских земель к 1910 г. в 45 губерниях Европейской России, и разделить все губернии по степени сокращения дворянского землевладения на две группы (I зона — губернии, в которых дворяне сохранили в своих руках более 50% земель, и II зона — губернии, в которых дворяне потеряли более 50% своих земель), то окажется, что в первую группу входило 19 губерний, а во вторую — 26.

Очевидно, что в губерниях первой группы действие факторов, обуславливавших дворянское «оскудение» должно было проявляться менее заметно, а в губерниях второй группы более резко. Учитывая это, представляется необходимым сравнить две группы губерний по таким важным производственным показателям как валовая доходность и производственные издержки. Правда, имеющиеся источники не позволяют сделать этого с достаточной точностью и полнотой, однако они дают все-таки исследователю возможность получить по двум этим показателям хотя бы некоторое приблизительное представление.

Поскольку ведущей отраслью сельскохозяйственного производства было земледелие, а в земледелии преобладающую роль играло зерновое производство, то в качестве косвенного показателя валового дохода вполне можно взять имеющиеся данные об урожайности основных зерновых культур (ржи и пшеницы). Что же касается показателей, характеризующих производственные издержки, то здесь следует иметь в виду, что более половины всех расходов приходилось на содержание рабочей силы.

¹⁰⁵¹ Святловский В.В. Указ. соч.

¹⁰⁵² Там же.

Исходя из этого и учитывая, что наиболее значительным спрос на рабочие руки был летом, мы ограничимся сведениями о поденной заработной плате сельскохозяйственных рабочих в летний период и на своих харчах. Причем и данные об урожаях, и данные о заработной плате представляется необходимым взять за последнее десятилетие, к которому относятся конечные данные об итогах мобилизации дворянского землевладения, т.е. за 1901–1910 гг. Как же обстояло дело с урожаями и заработной платой в двух выделенных выше группах губерний? Представление об этом дает приводимая ниже табл. 5.32).

Таблица 5.32

Зависимость оскудения поместного дворянства от сборов хлеба
и цен на рабочие руки

	Урожай				Рабочие руки		
	Рожь	Пшен.	Ячм.	Овес	Кон. Р.	Пеш. Р.	Работница
I зона	64	54	60	61	139	79	52
II зона	59	49	55	56	155	86	55
В среднем	61	51	57	58	149	79	52

Рассмотрим сначала данные об урожайности, в среднем по 45 губерниям урожай ржи с 1 дес. составлял в 1901–1910 гг. около 60 пуд., а урожай пшеницы — около 51 пуд. Обращаясь теперь к погубернским показателям, можно отметить, что урожай ржи в 23 губерниях из 45 был ниже среднего, а в 22 губерниях — выше среднего. Причем, в I зоне насчитывалось только 7 из 19 губерний с бедными урожаями ржи, а во II зоне 16 из 26. Иными словами в I зону входили главным образом губернии с высокими урожаями ржи, а во II зону — главным образом губернии с низкими урожаями. В результате, средняя урожайность ржи в губерниях I зоны составляла 64 пуда с дес., а в губерниях II зоны — 57 пуд. Подобная же картина получается и при рассмотрении данных об урожайности пшеницы. Это показывает, что в губерниях с более значительным сокращением дворянского землевладения была более низкая валовая доходность зернового производства, а в губерниях с незначительным сокращением дворянского землевладения наблюдалась более высокая валовая доходность зернового производства.

Обращаясь к вопросу об уровне поденной заработной платы сельскохозяйственным рабочим, рассмотрим сначала данные о заработной плате поденных рабочих, а затем уже поденных работниц. Средняя заработная плата первых за 1901–1910 гг. составляла на территории рассматриваемых 45 губерний около 75 коп. В подавляющем большинстве губерний (26) она была ниже этого уровня и лишь в 19 — поднималась выше его. Причем 14 из 26 губерний с низкой заработной платой приходились на губернии первой зоны, а 14 губерний из 19 с высокой заработной платой на губернии второй зоны. Поэтому средний уровень заработной платы поденным рабочим на своих харчах в первой группе губерний был ниже среднего и составлял всего лишь 67 коп., а в губерниях второй группы поднимался до 80 коп.

Менее четко выраженная, но по существу такая же картина наблюдается и с заработной платой поденным работникам.

Следовательно, что для района с наименьшим сокращением дворянского землевладения (менее 50%), была характерна более высокая урожайность и более низкие цены на рабочие руки, а для губерний с наибольшим сокращением земельного дворянского фонда — наиболее низкие урожаи и наиболее высокие цены на рабочие руки.

Таким образом, причину дворянского оскудения необходимо искать не в особых качествах русского дворянства и не в отсутствии капиталов, а в доходности земледельческого (а может быть и вообще сельскохозяйственного) производства¹⁰⁵³. Очевидно, были какие-то причины, мешавшие дворянству реализовать монополизм частной земельной собственности на рельсах капиталистически организованного хозяйства, а именно рыночная конъюнктура и низкий уровень с/х производства.

В связи с этим следует обратить внимание по меньшей мере на два факта. Во-первых, на так называемый сельскохозяйственный кризис, который именно в конце XIX в. затронул не только зерновое, но и животноводческое производство. Во-вторых, на то обстоятельство, что даже в начале XX в. обе эти отрасли с капиталистической точки зрения являлись убыточными и степень их убыточности вероятнее всего возрастала.

Поэтому рентабельным крупное производство могло быть только в трех случаях: а) там, где было возможно получение дифференциальной ренты, б) на основе кабальной аренды и в) на основе использования кабального наемного труда. Рассмотренный материал дает основания утверждать, что к началу XX в. роль кабальной аренды имела тенденцию к возрастанию.

¹⁰⁵³ Бар Ф.Ф. О причинах малопродуктивности и упадке сельского хозяйственного производства и необходимости рациональной организации имений. Киев, 1877.

Глава 6. Крестьянское хозяйство

Структура крестьянского хозяйства и ее изменение

Еще более сложный характер имела происходившая после отмены крепостного права эволюция крестьянского хозяйства.

Крестьянское хозяйство — это относительно замкнутый производственный коллектив, занимающийся как сельскохозяйственной, так и промышленной деятельностью, основанный на использовании семейного труда и ориентированный на удовлетворение собственных потребностей. Совокупность подобных хозяйств составляла *патриархальный уклад*, для которого была характерна общинная самоорганизация.

Патриархальный уклад возник вместе с производящим хозяйством и на протяжении долгого времени занимал в деревне господствующее положение, причем по мере складывания феодального способа производства стал одним из составных его элементов. Истощение возможностей экстенсивного развития сельскохозяйственного производства и связанное с этим нарушение воспроизводства крестьянского хозяйства вело к возникновению и развитию кризиса патриархального уклада, его разрушению.

Чтобы понять, как протекал этот процесс, необходимо учитывать, что крестьянское хозяйство представляло собою производственную систему, которая включала в себя не только землю, но и целый комплекс жилых и производственных построек, рабочий и продуктивный скот, транспортные средства и сельскохозяйственный инвентарь, орудия труда домашней промышленности и т.д., взаимодействие которых между собой обуславливало функционирование крестьянского хозяйства как производственного организма.

Причем самостоятельное — с производственной точки зрения — крестьянское хозяйство могло существовать только при наличии всех этих элементов производства и при том условии, чтобы все они находились между собою в строго определенном соотношении. А данное соотношение зависело не только от профиля самого хозяйства и его агро- или же зоотехнического уровня, не только от естественно-географических условий его существования, но и от той социальной среды, в которой оно функционировало, от того социального облика, который в результате этого приобрело.

В существующей литературе распространено мнение, что разрушение этой системы происходило под влиянием втягивания крестьянства в рыночные отношения. Не отрицая влияния этого фактора, в то же время следует иметь в виду, что *разрушение натурального хозяйства прежде всего было результатом зарождения и развития диспропорции между темпами роста численности населения и освоением новых земель.*

Поскольку кризис экстенсивного сельского хозяйства прежде всего был связан с исчерпанием резерва свободных земель и возникновением диспропорции между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель, то нарушение воспроизводства крестьянского хозяйства характеризовалось не только появлением избыточных рабочих рук (*аграрное перенаселение*), но и изменением соотношения между земельной основой хозяйства и концентрировавшимися в нем средствами производства.

Обычно при характеристике крестьянского хозяйства основное, а очень часто и исключительное внимание концентрируется на одном только элементе производительных сил: земле. И это вполне понятно: для ведения хозяйства крестьянская семья должна была располагать необходимым количеством земельных угодий — пашней, сенокосом, выгоном, лесом.

Однако этого было недостаточно. Крестьянское хозяйство должно было иметь определенное количество рабочего и продуктивного скота, соответствующие орудия труда (пахотные орудия, бороны, орудия для молотбы, серпы, косы, грабли и т.д.), транспортные средства (телега, сани), лошадиную или воловью упряжь, целый комплекс жилых и производственных построек (изба, хлев, сарай, амбар, рига, баня и т.д.) и, наконец, рабочие руки.

В зависимости от названных выше условий все эти производственные элементы должны были находиться между собою в строго определенном соотношении, которое не могло, разумеется, быть одинаковым в разных хозяйствах и в различных регионах. Однако, если отвлечься от частных и, взяв количественные показатели площади крестьянских земель, данные о поголовье крестьянского скота, сведения о количестве орудий труда и транспортных средств, материалы страховой статистики о ценности крестьянских построек и перевести все эти показатели на деньги, то вполне можно определить, какую роль в структуре крестьянского хозяйства играли отдельные элементы производства.

Сделанные с этой целью расчеты показывают, что самым важным элементом крестьянского хозяйства, действительно, являлась земля. Ее стоимость в начале XX века составляла почти половину стоимости всех производственных элементов крестьянского хозяйства. Следующее место по ценности занимали жилые и производственные постройки: на них приходилось около 20% всей стоимости. Далее шел рабочий и продуктивный скот: примерно 15%, затем транспорт и упряжь — 4% и самое последнее место занимали орудия труда — около 1%¹⁰⁵⁴.

Причем если сопоставить рост цен на землю, скот и лес, нетрудно заметить, что в пореформенную эпоху происходила заметная перестройка ценностной структуры крестьянского хозяйства: резко возрастало значение и роль земли. Если от-

¹⁰⁵⁴ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России... С. 127–133.

влечься от стоимости земли, наибольшую сложность в процессе воспроизводства крестьянского хозяйства представляло воспроизводство производственных и жилых построек, а также рабочего и продуктивного скота. Быстрее и проще всего было возможно накопление капитала в виде транспортных средств и орудий труда.

Если же рассматривать крестьянское хозяйство с точки зрения его функционирования, то основных расходов здесь требовало содержание рабочей силы: крестьянские бюджеты показывают, что на личные расходы уходила большая часть всех получаемых крестьянской семьей доходов, далее шло содержание скота, затем — производственные и жилые постройки и, наконец, мертвый инвентарь: табл. 6.1.

Таблица 6.1

Стоимость основных средств производства в земледелии Европейского Севера начала XX в. (млн. руб.)

Средства производства	Север	Запад	Центр	Юг	Европейская Россия
Постройки: всего	926,9	520,1	1113,8	389,4	2950,2
На 1 дес. посева	108,7	41,6	37,7	15,8	39,6
Рабочий скот: всего	175,6	272,0	383,3	283,8	1114,7
На 1 дес. посева	20,6	21,8	13,3	11,5	15,0
Транспорт, упряжь	124,3	142,4	243,0	217,0	726,7
На 1 дес. посева	14,6	11,4	8,4	8,8	9,8
Сельскохозяй. машины	16,7	42,3	69,7	126,8	255,5
На 1 дес. посева	2,0	3,4	2,4	5,1	3,4
Всего	1243,5	976,8	1809,8	1017,0	5047,1
На 1 дес. посева	145,8	78,2	62,8	41,3	67,8

Источники: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 132.

В условиях экстенсивного хозяйства воспроизводство земельной базы крестьянского хозяйства не представляло труда и осуществлялось за счет распашки новых земель. *Возникновение и развитие диспропорции между темпами роста населения и темпами освоения новых земель сделало невозможным подобное воспроизводство.* Причем чем шире развивалась эта диспропорция, тем более массовый характер приобретала невозможность прежнего воспроизводства земельной базы, а сокращение земельной обеспеченности требовало повышения производительности земли, что могло быть достигнуто только двумя путями: улучшением обработки почвы и усилением удобрения земли. А это означало увеличение капиталовложений.

Иначе говоря, сокращение земельной базы крестьянского хозяйства порождало увеличение производственных расходов на единицу земельной площади, что даже при сохранении прежнего уровня эксплуатации могло быть достигнуто только за счет сокращения личного потребления и за счет получения средств за пределами самого хозяйства.

Характеризуя реформу у помещичьих, удельных и государственных крестьян, Б.Н. Мировов пишет: «отрезка земли составляла у первых около 18%, у вторых — 1,7%, а последние сохраняли всю землю». «За государственными крестьянами (48,86%) были закреплены все земли находившиеся в их пользовании». «В результате были созданы условия для развития самообеспечивающегося крестьянского семейного хозяйства, хорошо описанного в трудах А.В. Чаянова и его школы. Условия проведения реформы способствовали тому, что большинство крестьян взяли наделы, которые *обеспечивали их стабильное существование*»¹⁰⁵⁵.

Однако, как было показано в первой главе, планируя отмену крепостного права помещное дворянство находилось в довольно сложном положении: «освободить» крестьян без земли оно боялось, а наделить его землей в необходимом количестве и не хотело, и не могло.

Приводя данные о наделении крестьян землей, Б.Н. Мировов дает ссылку на «Историю народного хозяйства СССР» 1952 г. издания. Однако впоследствии было установлено, что отрезки земель не избежали и государственные крестьяне¹⁰⁵⁶. Таким образом, в ходе крестьянской реформы земельная база крестьянского хозяйства сократилась, а следовательно сократилась и возможность его воспроизводства в прежних масштабах.

Однако было бы недостаточным ограничиться констатацией только этого общего и хорошо известного факта. Не менее важен другой вопрос, насколько обеспечены были крестьяне землею в ходе реформы, в том числе отдельными видами угодий.

Распространено мнение, будто бы впервые идея о несоответствии наделного землевладения крестьянским платежам была сформулирована Ю.Э. Янсоном в конце 1870-х гг. Первоначально книга Ю.Э. Янсона не вызвала возражений. Более того, в 1881 г. она была переиздана¹⁰⁵⁷. «В 1877 г., — пишет Б.Н. Мировов, — Ю.Э. Янсон создал концепцию о несоответствии земельных наделов крестьянским платежам, которая была ничем иным, как более мягкой интерпретацией реформы как грабежа»¹⁰⁵⁸. Выводы Янсона оказались несостоятельными, так как он строил свои расчеты на сведениях, не всегда отличавшиеся точностью и достоверностью. В частности важное место в его выкладках занимала урожайность на крестьянских землях, данные о которой были существенно (примерно на 10%) занижены. Через 14 лет Л.В. Ходский доказал *ошибочность его расчетов*¹⁰⁵⁹, и А.А. Кауфман поддержал Л.В. Ходского¹⁰⁶⁰. По их мнению, недостаточные наделы получили 28% всех крестьян, среди которых преобладали помещичьи»¹⁰⁶¹.

¹⁰⁵⁵ Мировов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 319.

¹⁰⁵⁶ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России...

¹⁰⁵⁷ Янсон Э.Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2 изд. СПб., 1881.

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 123–125.

¹⁰⁵⁹ Ходский Л.В. Земля и землевладелец. Экономическое и статистическое исследование. Т.2. СПб., 1891. С. 243.

¹⁰⁶⁰ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Ч. 1... С. 53.

¹⁰⁶¹ Мировов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 31.

К сожалению, Б.Н. Миронов обошел стороной вопрос о том, как именно Л.В. Ходский опроверг Э.Ю. Янсона. Между тем обращение к книге Л.В. Ходского показывает, что он считал использовавшиеся для него приемы решения проблемы достаточности наделов (трудовой и потребительский), не обеспеченными надежными источниками, поэтому в качестве критерия достаточности взял нормы обеспечения земель государственных крестьян и на основании этого получил приведенную выше цифру 28%.

Однако при этом он допустил один очень существенный просчет: надел государственных крестьян не включал в себя лесные угодья, а надел помещичьих крестьян — включал. Достаточно сделать поправку только на это, и картина получится уже несколько иной, особенно в тех губерниях, где было много леса. В то же время далеко не везде надел, полученный государственными крестьянами, позволял им обеспечить необходимые потребности.

Однако на самом деле к выводу о недостаточности крестьянских наделов «валуевская комиссия» пришла еще в 1873 г.¹⁰⁶² И для этого у нее были все основания.

Как явствует из данных по 29 губерниям Европейской России, по которым удалось обнаружить сопоставимые данные, в 1850-е гг. площадь посева у помещичьих крестьян составляла 35,3 млн. четвертей, в 1860-е гг. 37,2 млн., т.е. на 1,9 млн., или же на 5,5% больше¹⁰⁶³. Было бы неверно абсолютизировать эти данные, но они дают основание думать, что отрезка земель не коснулась пашни. Правда, при этом необходимо иметь в виду, что «основная масса помещичьих крестьян в 40–50-х годах XIX в. уже не осуществляла даже простого воспроизводства условий хозяйства и средств существования»¹⁰⁶⁴. Следовательно, в этом отношении реформа 1861 г. оставило все, как было.

Общая площадь посева зерновых всех крестьян в 60-е годы XIX века составляла около 44,0 млн. дес. В то же время общая численность сельского населения достигала 54,2 млн. Следовательно, на одного человека приходилось 0,8 дес. Если учесть, что валовые сборы хлеба на наделных землях сразу же после отмены крепостного права равнялись 29,1 пуд., а чистые сборы — 20,5 пуд., окажется, что на душу населения с наделных земель приходилось 23,7 пуд. валового сбора и 16,7 пуд. чистого сбора хлебов: табл. 6.2.

В западных губерниях этот показатель опускался до 11,8 пуда, в северных губерниях — до 13,3 пуд., в Центре он составлял 18,9 пуд. и на Юге — 21,4 пуд. А поскольку около 20% составляли сборы овса, сборы продовольственных культур опустятся до 13,4 пуда, что составляет около 75% 18-пудовой продовольственной нормы.

¹⁰⁶² Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.

¹⁰⁶³ Нифонтов А.С. Зерновое производство России... С. 162.

¹⁰⁶⁴ Ковальченко И.Д. К вопросу о состоянии хозяйства и положения помещичьих крестьян в 40–50-х годах XIX в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 2. С. 93.

Таблица 6.2.

Степень обеспеченности крестьянского населения
Европейской России 60-х гг. XIX века хлебом за счет наделных земель

Районы	Площадь посева	Валовой сбор	Чистый сбор	Сбор на 1 чел.		Сельское население
				валовой	чистый	
Север	7,3	243,1	157,0	20,6	13,3	11,8
Запад	5,7	172,3	124,3	16,3	11,8	10,6
Центр	20,8	631,5	447,9	26,6	18,9	23,7
Юг	10,2	235,0	172,7	29,2	21,4	8,1
Всего	44,0	1281,9	901,8	23,7	16,7	54,2

Источник: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1.. С. 176.

То, что данные губернаторских отчетов о посеве и сборах хлебов давали заниженное представление на этот счет, сомнений не вызывает. Однако вопрос о степени этого отклонения до сих пор остается открытым. На примере ржи А.Ф. Фортунатов определил это отклонение в 7%¹⁰⁶⁵. Но даже если мы вслед за Б.Н. Мироновым увеличим этот коэффициент до 10%¹⁰⁶⁶, общий результат от этого принципиально не изменится. Надельные земли не могли полностью обеспечить крестьян зерном. Причем со временем этот дефицит только увеличивался.

Из приведенных данных явствует, если площадь частновладельческих посевов за сорок лет увеличилась примерно в полтора раза, то площадь крестьянских наделных посевов практически почти не изменилась. В результате если в 1860-е гг. на душу сельского населения приходилось 0,82 дес., то в 1890-е гг. 0,55, т.е. на одну треть меньше: табл. 6.3.

Таблица 6.3

Динамика площади посевов в Европейской России. 1861–1900 гг.

Дата	Площадь посева (тыс. дес.)			
	Всего	Владельцы	Крестьяне	Наделных посевов на душу (дес)
1860-е гг.	57119	12447	44672	0, 82
1870-е гг.	58891	14184	44707	0,72
1880-е гг.	61483	16690	44793	0,62
1890-е гг.	64698	18682	46016	0,55

Источник: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. С. 176.

¹⁰⁶⁵ Фортунатов А.В. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.

¹⁰⁶⁶ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 285, 292.

Но дело заключалось не только в продовольствии, но и в дефиците фуража, который имел еще более значительный характер. Таким образом, наделная пашня не позволяла крестьянину не только уплачивать налоги, о чем писал Э.Ю. Янсон, не только обеспечивать его продовольственным и фуражным зерном, но и обеспечить полное функционирование крестьянского хозяйства.

Таким образом, *освобожденный крестьянин сразу же был поставлен перед необходимостью или арендовать помещичьи земли, или же нести на рынок свои рабочие руки и удовлетворять потребность в продуктах питания за счет рынка.*

Это показывает, что оставив в результате реформы в распоряжении крестьян их прежние пахотные угодья, помещики оставили их *на голодном минимуме*. Этот минимум можно было бы ликвидировать, если бы оставались свободные земли. Однако освобождая крестьян, помещики не только наложили руку на имевшиеся земельные резервы, но и пошли на сокращение площади сенокосов, лугов и лесов, которыми крестьяне располагали до реформы.

Именно после этого сложилось и получило распространение представление о том, что в результате реформы крестьяне были оттеснены на болота и песочек. То, что помещики постарались сохранить в своих руках лучшие земли, это бесспорно, но провести это стремление в жизнь полностью они не могли. На это прежде всего указывают материалы земельного обследования 1881 г., из которых видно, что помещичье землевладение более, чем на половину состояло из лесов и болот, а на наделных землях леса и болота не превышали одной трети. Поэтому дело обстояло намного сложнее.

Посмотрим, какова же была степень обеспеченности отдельными видами земель в середине XIX века, т.е. сразу же после 1861 г. (табл. 6.3)

Таблица 6.3

Распределение земельных угодий между
крестьянами, частновладельцами и государством (1881 г.)

Виды угодий	Всего	Крестьяне	Частновладельцы	Государство
Пашня:				
а) абс.	106,7	74,3	29,7	2,7
б) %	100%	69,7%	27,8%	2,5%
Луга:				
а) абс.	64,8	36,8	25,4	2,6
б) %	100%	56,8%	39,2%	4,0%
Лес:				
а) абс.	157,6	14,0	41,0	102,6
б) %	100%	8,9%	26,0%	65,1%
Неудобные:				
а) абс.	77,8	13,2	13,0	51,6
б) %	100%	17,0%	16,7%	66,3%
Всего:				
а) абс.	406,9	138,3	109,1	159,5
б) %	100%	34,0%	26,8%	39,2%

Источник: Статистический временник Российской империи. Вып. III. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. СПб., 1884. Абсолютные данные в млн. дес. Не распределены земли под кочевьем в Астраханской губернии.

О том, насколько крестьяне были обеспечены различными видами земельных угодий могут свидетельствовать данные земельного обследования 1881 г. В соответствии с этими данными общая площадь наделных лугов-сенокосов и выгонов — составляла около 36,8 млн. дес. Принимая в качестве нормы 1,5 дес. на одну голову крупного скота — норма явно заниженная — мы можем определить количество крестьянского скота, которое позволяли обеспечить кормами наделные луга, в размере 24,5 млн. голов. Между тем по данным 1880 г., общая численность крестьянского скота была определена Комиссией Центра в количестве 37,6 млн. гол. (лошадей и крупного рогатого скота) без овец и свиней.

Следовательно, наделные луга могли обеспечить полное содержание две трети всего крестьянского скота. Остальной скот можно было содержать или на соломе, или же прибегая к аренде частновладельческих сенокосов и выгонов, или же тем и другим способом одновременно, или за счет пара и жнивья.

Явно не хватало крестьянам и оставленных в их распоряжение наделных лесов. Подтверждением этого могут служить данные земельного обследования 1881 г. В соответствии с этими данными общая площадь лесов в Европейской России составляла около 158 млн. дес. Из них 103 млн. дес. принадлежали казне, 41 млн. дес. — частновладельцам и только 14 млн. или же примерно 9% крестьянам. Если же учесть, что более половины всех наделных лесов сосредотачивалось буквально в шести губерниях (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Вятская, Пермская), то станет очевидно, что освобожденное крестьянство было лишено двух важнейших условий, необходимых для функционирования и воспроизводства крестьянского хозяйства: топливной и строительной базы.

Общая площадь строительного леса, которым располагало крестьянство, по данным 1887 г., составляло всего лишь 1,9 млн. дес., из них 1,5 млн. дес. приходилось на Вологодскую, Вятскую, Олонецкую, Пермскую и Уфимскую губернии, а на остальные губернии немногим более 0,4 млн. дес. В этих условиях нехватку собственного топлива, а также нехватку строительного материала ощущали даже крестьяне лесной полосы.

Как показывают материалы земского подворного обследования 1898-1900 гг., проведенного на территории Московской губернии, из 5692 общин подвергнутых переписи, в 1344 общинах — 23,6% их общего количества — все крестьяне жили на покупном топливе, в 1736 общинах — 30,6% — к покупке топлива прибегали более 75% всех крестьян, в 594 общинах — 10,4% — топливо приобрели от 50 до 75%, в 654 общинах — 11,4% — топливо покупало менее половины всех крестьян и только в 1195 общинах — 21,0% — обходились за счет наделных лесов. По 169 общинам — 3,0% — сведений собрать не удалось¹⁰⁶⁷.

Таким образом, даже в Московской губернии основная масса крестьян (почти 65% общин) вынуждена была покупать дрова. Причем расходы на топливо составлял

¹⁰⁶⁷ Московская губерния по местному обследованию 1898-1900 гг. Т. IV. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьян. Вып. I. Земледельческое хозяйство. М., 1907. С. 123.

от 5,2 до 16,2 руб. на двор¹⁰⁶⁸, а общая сумма этих расходов достигала 1147108 руб.¹⁰⁶⁹. Чтобы понять значение этого показателя, достаточно отметить, что это почти столько же, сколько составляла плата за аренду помещичьих земель (1140625 руб.)¹⁰⁷⁰.

Исходя из этого, мы можем с полным основанием утверждать, что крестьянская реформа ставила функционирование крестьянского хозяйства и его воспроизводство в двух этих вопросах — обеспечение топливом и строительными материалами — в полную почти зависимость от рынка, и прежде всего от помещика и государства.

Таким образом, *крестьянские реформы 60-х годов еще более обостряли в деревне действие диспропорции между темпами роста населения и освоением новых земель*. Более того, знакомство с приведенными выше данными показывает, что сами эти реформы не только еще более суживали возможность воспроизводства крестьянского хозяйства, но и по сути дела не оставляли для крестьянского хозяйства — за исключением юга — сколько-нибудь существенных возможностей для прежнего экстенсивного развития, так как не оставляли в руках крестьян земельных резервов.

По этой причине реформы способствовали ускорению процесса разрушения крестьянских хозяйств.

Проблема платежей

Судьба крестьян зависела не только от земельной обеспеченности, но и от степени их эксплуатации. В советской литературе широкое распространение имело представление, в соответствии с которым вся эпоха феодализма характеризовалась ростом феодальной эксплуатации.

Однако, как совершенно верно заметил А.Л. Шапиро, степень эксплуатации должна была находиться в определенной зависимости от уровня производительности крестьянского хозяйства, в противном случае рост эксплуатации ведет к нарушению его воспроизводства. А поскольку это нарушение возникает лишь на стадии кризиса феодального общества, история этого общества должна была характеризоваться волнообразной динамикой эксплуатации¹⁰⁷¹.

Как уже отмечалось, И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов попытались определить динамику эксплуатации помещичьих и государственных крестьян накануне отмены крепостного права и пришли к выводу о ее росте¹⁰⁷². Сравнительно недавно Б.Н. Миронов поставил их вывод под сомнение и сделал попытку показать, что на

¹⁰⁶⁸ Там же. С. 125.

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 229.

¹⁰⁷⁰ Там же.

¹⁰⁷¹ Шапиро А.Л. Выступление в прениях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. Таллин, 1959. С. 221; Он же. Об опасности модернизации истории русского крестьянства XVII – первой половины XVIII в. // Там же. 1959. М., 1961. С. 221; Он же. Проблемы социально-экономической истории Руси в XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 189.

¹⁰⁷² Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVII – первой половины XIX в. // История СССР. 1966. № 4.

самом деле динамика эксплуатации была не отрицательной, а положительной¹⁰⁷³. Однако его расчеты представляются несовершенными¹⁰⁷⁴.

Сложнее обстоит дело с пореформенным периодом. Как это ни удивительно, но в советской литературе эксплуатация пореформенного крестьянства чаще всего сводилась только к его эксплуатации помещиками. Хотя даже в этом узком диапазоне вопрос о динамике этой эксплуатации никем не рассматривался. Само собой предполагалось ее возрастание. Между тем, кроме помещичьих крестьян, были крестьяне удельные и государственные.

Кроме того, все крестьяне несли определенные платежи в пользу государства (как прямые, так и косвенные). Определенная часть прибавочного продукта перераспределялась за пределы деревни с помощью неэквивалентного обмена («ножницы цен») как в пользу города, так и в пользу иностранного капитала. Наконец, следует иметь в виду, что крестьяне были объектом эксплуатации ростовщического капитала.

Показательно, что Б.Н. Мировов вообще оставил помещичье хозяйство в стороне и главным показателем предложил рассматривать эксплуатацию крестьян государством. Причем отметив падение роли прямых налогов, он сделал вывод, что эксплуатация крестьян после отмены крепостного права не увеличивалась, а сокращалась¹⁰⁷⁵.

На неправомерность такого подхода уже было обращено внимание, поскольку пореформенная эпоха характеризовалась сокращением роли прямых налогов и возрастанием роли косвенных налогов. Признавая этот факт, Б.Н. Мировов склонен считать, что косвенные налоги тоже снижались, так как их несли и другие слои населения¹⁰⁷⁶. Однако привести на этот счет убедительные доказательства ему не удалось¹⁰⁷⁷.

Наиболее полные расчеты на этот счет были сделаны А.М. Анфимовым. По его расчетам, прямые и косвенные налоги, уплачиваемые крестьянами, составляли 372,7 млн. руб. в 1901 г. и 497,0 млн. в 1912 г. Другие казенные платежи составляли в 1901 г. 25,8 млн. и в 1912 г. — 74,1 млн. Итого, в первом случае 398,5 млн. и 571,1 млн. во втором. В результате с 1901 по 1912 г. косвенные налоги на душу сельского населения увеличились с 2,17 до 3,10 руб., а все платежи — с 8,7 до 10,18 руб. Однако с поправкой на инфляцию они немного сократились¹⁰⁷⁸.

Однако эти расчеты не учитывают, что по мере развития товарно-денежных отношений крестьянство становилось объектом эксплуатации как торгового, так и ростовщического капитала. Одним из инструментов этой эксплуатации были так

¹⁰⁷³ Мировов Б.Н. *Благосостояние населения и революции...* С. 304–312.

¹⁰⁷⁴ Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Мировова // *Вопросы истории*. 2010. № 10. С. 119–142; Он же. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. 2011. № 6. С. 129–144.

¹⁰⁷⁵ Мировов Б.Н. *Благосостояние населения и революции...* С. 324–330.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 324–330.

¹⁰⁷⁷ Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Мировова...; Он же. К итогам спора об уровне жизни...

¹⁰⁷⁸ Анфимов А.М. *Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901–1912 гг.)* // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1962 г. Минск, 1964. С. 502.

называемые ножницы цен. По расчетам А.А. Барсова, в 1913 г. товарная продукция сельского хозяйства достигала 5,5 млрд. руб. (Европейская Россия — 4,1 млрд.), в то время, как деревня получала несельскохозяйственных товаров на 1,7 млрд. руб. (1,3 млрд.). Разница составляла 3,8 млрд. (2,8 млрд.) руб.¹⁰⁷⁹

А.А. Барсов оценивал эту разницу как показатель неэквивалентности обмена. Однако здесь необходимо учесть, что из этой суммы деревня: а) платила за аренду (338,0 млн. руб.), б) вносила прямые налоги (152,7 млн.), в) частично рассчитывалась с кредиторами (107,2 млн.), прочие платежи составляли 165,6 млн., всего 763,5 млн. руб. Вычитая эту сумму из 5,5 млрд., получим 4,7 млрд. руб. (для Европейской России — 3,5). Если сделать поправку только на это, «ножницы цен» сократятся (минус 1,3 млн.) до 2,2 млрд. руб.

В третьей главе было показано, что «ножницы цен» существовали и на мировом рынке и внутри России. В 1906–1908 гг. они составляли около 650 млн. руб. Если же учитывать только сельскохозяйственные товары, мы получим 500 млн., из которых на Европейскую Россию приходится 380 млн. В итоге, эксплуатацию сельхозпроизводителей Европейской России посредством неэквивалентного обмена можно оценить в 2,6 млрд. руб. Не претендуя на абсолютную точность этой цифры, можно констатировать, что *эксплуатация крестьянства торговым капиталом намного превосходила величину налогов и арендной платы.*

К этому следует добавить эксплуатацию деревни ростовщическим капиталом¹⁰⁸⁰. В качестве примера можно привести данные по Воронежской губернии (табл. 6.4). Из них явствует, что в 1900 г. долги имели почти 40% всех крестьянских хозяйств. Причем за 10–15 лет средний долг увеличился с 19 до 24 руб. на хозяйство, т.е. примерно на четверть. Основной прирост задолженности приходился на хозяйства, имевшие более 15 дес. земли. В 1880-е гг. на хозяйства до 15 дес. приходилось 60% всего долга, а в 1900 г. 60% долга приходилось на хозяйства более 15 дес. Это дает основание думать, что ростовщический капитал подчинял себе не только средние, но и зажиточные хозяйства.

Поэтому если применительно к началу XX века можно говорить о господстве капитала, то речь должна идти прежде всего о торгово-ростовщическом капитале, который проникал во все поры патриархального уклада и подчинял его своему влиянию, как до этого было с феодальным способом производства. Более того, в этих условиях даже монополистический капитализм широко использовал различные формы торгово-ростовщической эксплуатации, причем не только в деревне, но и в городе.

¹⁰⁷⁹ Барсов А.А. НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 96.

¹⁰⁸⁰ Соболев М.Н. Сельский ростовщический кредит по данным земско-статистической литературы // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893; Обнинский П.Н. Ростовщичество и грабеж в народных воззрениях и законодательной норме // Русская мысль. Год 14-й. Кн. X. Отд. 2. С. 131–149.

Таблица 6.4

Задолженность крестьянских хозяйств Воронежской губернии
по данным середины 80-х и 1900 гг.

Группировка хозяйств	Всего хозяйств	Имеют долг		Размер долга		
		Абс.	%	Абс.	На хоз-во	%
1885–1887 гг.						
Без земли	1331	185	13,9%	4533	3,4	0,6%
До 5 дес.	8044	3655	45,4%	103967	12,9	13,6%
5–15 дес.	21811	10260	47,4%	347378	15,9	46,3%
15-25 дес.	6960	3651	52,5%	164085	23,6	21,4%
25–50 дес.	2339	1290	55,2%	81201	34,7	10,6%
Более 50	146	84	57,5%	66043	462,3	8,6%
Всего	40631	19125	47,1%	767207	18,9	100,0%
1900 г.						
Без земли	1176	270	23,0%	9185	7,8	0,8%
До 5 дес.	10576	3736	35,3%	106425	10,1	9,7%
5–15 дес.	24901	10029	40,3%	328746	13,2	30,1%
15–25 дес.	7100	3081	43,4%	183548	25,9	16,8%
25–50 дес.	1913	823	43,0%	84348	44,1	7,7%
Более 50 дес.	164	69	42,1%	380286	2318,8	34,8%
Всего	45830	18008	39,3%	1092538	23,8	100,0%

Источник: Материалы повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии 1900 г. Воронеж, 1903. Размер долга в рублях: всего и в расчете на одно хозяйство.

Из этого явствует, что главным эксплуататором деревни был не помещик, как это обычно считается, а торгово-ростовщический капитал. И даже помещичья эксплуатация во многом имела ростовщический характер. Поэтому крестьянство боролось не только против помещиков, не только против государства, но и против торгово-ростовщического капитала за пересмотр цен. Эта борьба напоминала борьбу колоний против метрополий.

Можно лишь отметить, что поскольку на рубеже XIX–XX в. происходило дальнейшее втягивание крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения и поскольку главную роль на рынке играли средние и беднейшие хозяйства, то, вероятнее всего, происходило расширение сферы неэквивалентной торговли, сферы ростовщической эксплуатации, о чем свидетельствуют, например, приведенные материалы по Воронежской губернии.

Косвенным отражением состояния неплатежеспособности является такой показатель как недоимки. В 1871–1875 гг. только недоимки по казенным платежам составляли 29,1 млн. руб., или же 22% к окладу, в 1876–1880 гг. соответственно 37,7 млн. руб., и 27%, в 1881–1885 гг. — 48,3 млн. и 36%, в 1886–1890 гг. — 51,1 млн., 49%, в 1891–1895 гг. — 101,6 млн., 98%, в 1896–1900 гг. — 118,7 млн. и 119%¹⁰⁸¹.

¹⁰⁸¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Ч. 1. С. 290–291.

Приведенные данные свидетельствуют, что за 30 лет размер недоимок увеличился в четыре раза и превысил уровень необходимых ежегодных платежей. Отмечая, что «эти данные использовались экономистами, публицистами и чиновниками как доказательство «надорванной платежеспособности», обеднения и кризиса деревни», Б.Н. Миронов полагает, что на самом деле: «Недоимки — это своеобразная защита, это оружие, эффективно использовавшееся крестьянами, как впрочем, и мещанами) в борьбе *против увеличения* налогов и повинностей»¹⁰⁸².

Оставляя в стороне объяснение роста недоимок как «защитную реакцию», следует отметить, что даже Б.Н. Миронов признает, что это косвенное отражение роста эксплуатации деревни.

Оказавшись в тисках между растущей необеспеченностью земель и растущей эксплуатацией, крестьянское хозяйство начало деформироваться и разрушаться.

Деформация и разрушение крестьянского хозяйства

Вопрос о капиталистической трансформации крестьянства как бывшего класса-сословия феодального общества давно разрабатывается в нашей литературе, разрабатывается исследователями и проблема расслоения крестьянства и формирования в результате этого элементов двух совершенно иных классов: сельского пролетариата и сельской буржуазии.

И.Д. Ковальченко связывал первый этап расслоения крестьянства с переходом от натурального хозяйства к мелкотоварному, второй с развитием самого мелкотоварного хозяйства и третий с превращением мелкотоварного хозяйства в капиталистическое¹⁰⁸³.

Признавая более обоснованной схему расслоения, предложенную И.Д. Ковальченко, вместе с тем представляется необходимым отметить, что механизм расслоения крестьянства и характер отношений, складывавшихся на каждом из этих этапов расслоения изучены пока недостаточно.

В первую очередь это касается проблемы нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства. Данный вопрос поставлен и разрабатывается в нашей литературе давно, однако поскольку при этом само крестьянское хозяйство не рассматривается как определенная социально-экономическая микросистема, поэтому освещение вопроса о нарушении воспроизводства этой микросистемы имеет фрагментарный, а нередко и случайный характер. В связи с этим не только не изучается механизм возникновения и развития данного явления, но и отсутствует представление о его динамике, основных направлениях и закономерностях. Сознвая сложность и трудоемкость разработки проблемы нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства под этим углом зрения, приходится ограничиться только некоторыми самыми общими аспектами данной проблемы.

Прежде всего необходимо наметить основные этапы или же стадии возникновения и развития процесса нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства.

¹⁰⁸² Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 331, 334.

¹⁰⁸³ Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России // История СССР. 1962. № 6. С. 70.

По всей видимости, можно выделить три такие стадии: 1) нарушение необходимого соотношения между основными элементами крестьянского хозяйства как производственной единицы, 2) невозможность воспроизводства отдельных элементов производства, начало разрушения самой структуры крестьянского хозяйства и 3) ликвидация крестьянского хозяйства как такового или же утрата им самостоятельного характера и превращение в придаток хозяйства рабочего.

Сокращение земельной обеспеченности крестьянского хозяйства прежде всего вело к нарушению необходимого соотношения между отдельными элементами производства, к деформации самой структуры крестьянского хозяйства. В первую очередь это касалось соотношения таких ее элементов как земля и рабочие руки.

При характеристике процесса социальной дифференциации крестьянства обычно обращается внимание на то, что по мере сокращения земельной обеспеченности крестьянского хозяйства имело место сокращение и размеров его семьи. В результате *пореформенная эпоха характеризовалась не только ростом численности населения, но и распадом большой крестьянской семьи*¹⁰⁸⁴.

Так, в 1880-е гг. в 11 уездах Воронежской губернии было зарегистрировано 292299 крестьянских дворов, из них 129031, т.е. 44,1%, возникли более 20 лет назад, т.е. до и сразу же после отмены крепостного права, 65039 (22,3%) — 10–20 лет назад, 50762 (17,4%) — 5–10 лет назад, остальные 47467, (16,2%) — за последние 5 лет¹⁰⁸⁵. Это означает, что примерно за 20 лет количество дворов увеличилось как минимум на 133%. Между тем численность населения за это же время выросла в лучшем случае на треть. Следовательно, рост численности дворов был связан не столько с ростом численности населения, сколько с распадом большой крестьянской семьи.

По данным 46 уездов 11 губерний, в 1850-е гг. на двор приходилось 8,6 человека, по материалам 22 земских губерний, в 1880-е гг. — 6,0 чел.¹⁰⁸⁶, по сведениям переписи 1897 г. — средняя семья составляла 5,8 чел.¹⁰⁸⁷ Это дает основание думать, что распад большой крестьянской семьи в основном завершился в первые пореформенные десятилетия.

Об этом же свидетельствует и сопоставление динамики численности населения и крестьянских дворов за 1871–1912 гг. (табл. 6.5).

¹⁰⁸⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 221.

¹⁰⁸⁵ Щербина Ф.А. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 34–37.

¹⁰⁸⁶ Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. I. Крестьянское хозяйство. М., 1893. С. 126, 247.

¹⁰⁸⁷ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. т. 1. СПб., 1905. С. 2, 16.

Таблица 6.5

Динамика крестьянских дворов в Европейской России. 1871–1912 гг.

Год	Население		Крестьянские дворы	
	абс.	в %	абс.	в %
1871	65,5	100	6868,5	100
1877	71,2	109	8450,8	123
1893	88,1	135	10968,9	160
1905	107,4	164	12019,3	175
1912	119,8	183	13542,9	197

Источники: Военно-статистический сборник. Т. IV. Россия. СПб., 1871. С.136; Временник ЦСК МВД. № 33. Население сельских обществ и количество у них пахотной земли. По обследованию 1893 г. сельских обществ 46 губерний Европейской России. СПб., 1894. С. 2 (без Прибалтики и Дона); Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. XXIV–XXVI, XXXVI (данные за 1877 и 1905 гг.); Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1913. С. 16; Население за 1871 и 1877 гг. // Рашин А.Г. Население России за сто лет (1811–1914 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 46–47.

В литературе уже давно поставлен вопрос об *аграрном перенаселении*¹⁰⁸⁸. То, что аграрное перенаселение возникло еще до отмены крепостного права, не вызывает сомнения¹⁰⁸⁹. Однако его динамика и масштабы в пореформенную эпоху до сих пор изучены недостаточно. Первая попытка определить размеры аграрного перенаселения была сделана Департаментом земледелия в 1892 г., в результате чего оно было отмечено в подавляющем большинстве губерний Европейской России¹⁰⁹⁰. Через два года подобный же расчет был сделан Комитетом Сибирской железной дороги, который не только обнаружил подобную же картину, но и определил избыток населения в 12,7%¹⁰⁹¹. В 1903 г. так называемая «Комиссия Центра» обнародовала новый расчет, согласно которому аграрное перенаселение Европейской России достигало 52%¹⁰⁹². В советской литературе вокруг этих расчетов возникла дискуссия. Если одни авторы (А.М. Анфимов¹⁰⁹³) относились к расчетам «Комиссии центра» с полным доверием, то у других авторов они вызывали сомнения. По моим расчетам, опубликованным в 1982 г., в конце 1890-х гг. аграрное перенаселение составляло 25–33%¹⁰⁹⁴, согласно расчету П.Г. Рандзюнского около 22%. В современной литера-

¹⁰⁸⁸ См. работы А.М. Анфимова, Б.Н. Миронова. А.В. Островского, П.Г. Рандзюнского, В.Г. Тюкавкина.

¹⁰⁸⁹ Маслов П. Перенаселение русской деревни. М.-Л., 1930.

¹⁰⁹⁰ Короленко С.А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1892. С. 74–78.

¹⁰⁹¹ Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения. СПб., 1894. С. VI–XI, 12–21.

¹⁰⁹² Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии... Ч. 1. С. 248–249.

¹⁰⁹³ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство в Европейской России... С. 371.

¹⁰⁹⁴ Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической

туре (Б.Н. Миронов¹⁰⁹⁵, В.В. Волков¹⁰⁹⁶, С.А. Нефедов¹⁰⁹⁷) расчеты «Комиссии центра» оцениваются как наиболее предпочтительные.

Однако обычно вопрос об аграрном перенаселении рассматривается абстрактно. Между тем немаловажно установить, как возникало аграрное перенаселение и какие слои крестьянства захватывало. Процесс сокращения земельной обеспеченности крестьянского хозяйства обгонял процесс сокращения размеров самой крестьянской семьи, а следовательно, количество рабочих рук и едоков в расчете на одну десятину — а не на одно хозяйство — не только не сокращалось, а даже увеличивалось. Поэтому сокращение земельной обеспеченности, с одной стороны, вело к складыванию избытка рабочих рук в малообеспеченных хозяйствах, а с другой стороны, делало их все менее и менее способными обеспечить себя за счет собственного хозяйства. Примером могут служить данные по Красноуфимскому уезду Пермской губернии конца XIX века (табл. 6.6).

Таблица 6.6

Степень обеспеченности крестьянских хозяйств
Красноуфимского уезда Пермской губернии рабочей силой

Группировка	Посев на двор	Население		Рабочая сила	
		на двор	на 1 дес.	на двор	на 1 дес.
До 5 дес.	1,7	4,50	1,64	1,00	0,59
5–10 дес.	4,7	5,44	1,16	1,20	0,26
10–20 дес.	9,0	6,67	0,74	1,50	0,17
20–50 дес.	17,8	7,86	0,44	1,70	0,10
Более 50 дес.	37,3	9,25	0,25	2,00	0,06
В среднем	5,8	5,49	0,95	1,20	0,21

Источник: Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 97–99.

Подобным же образом обстояло дело и с другими элементами производства, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица 6.7.

Содержащиеся в таблице данные обнаруживают ту же самую закономерность как и в отношении рабочей силы: по мере сокращения земельной обеспеченности крестьянского хозяйства происходило абсолютное сокращение стоимости основных средств производства на одно хозяйство, но одновременно с этим наблюдалось увеличение количества средств производства в расчете на одну десятину пашни.

России // Проблемы исторической географии России. Вып. II. М., 1982. С. 171–187.

¹⁰⁹⁵ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 385.

¹⁰⁹⁶ Волков В.В. Модернизация и аграрное перенаселение в Европейской России в конце XIX – начале XX в. // Центр и регионы: проблемы взаимоотношения столицы и провинций в истории России. СПб., 2012. С. 11–112.

¹⁰⁹⁷ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 422–424.

Таблица 6.7

Степень обеспеченности крестьянских хозяйств
Костромской губернии основными средствами производства

Хозяйства	На 1 хозяйство			На 1 десятину		
	Постройки	Инвентарь	Скот	Постройки	Инвентарь	Скот
До 3 дес.	601	59	95	90	20	49
3–6 дес.	686	64	146	61	14	34
6–9 дес.	785	112	212	41	12	29
Более 9 дес.	897	153	309	30	10	26
В среднем	666	92	176	48	13	32

Источник: Крестьянские бюджеты Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1924. С. 29–31.

И увеличение количества рабочих рук, и увеличение количества средств производства в расчете на одну десятину обрабатываемых земель означало одно: удорожание производства, возрастание производственных расходов на единицу производимой продукции; а следовательно, на этой стадии нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства — изменение соотношения между основными элементами его структуры — имело место сокращение рентабельности крестьянского хозяйства и возникновение его нерентабельности, т.е. неконкурентоспособности.

Итак, деформация структуры крестьянского хозяйства, происходившая в результате сокращения земельной обеспеченности, вела к увеличению себестоимости производимой продукции, к сокращению производимого прибавочного продукта и к сужению возможности воспроизводства отдельных элементов крестьянского хозяйства.

Первоначально это выражалось в невозможности их воспроизводства внутри самого хозяйства и в расширении связей с рынком, а затем и в невозможности их воспроизводства с помощью рынка. В первом случае происходило подчинение процесса воспроизводства крестьянского хозяйства рынку, во втором случае начиналось разрушение его структуры. Невозможность воспроизводства даже некоторых ее элементов в рамках самого крестьянского хозяйства имела своим следствием подчинение крестьянского хозяйства не только торговому, но и ростовщическому капиталу. И на этом пути для крестьянина наибольшие трудности возникали в вопросе о воспроизводстве рабочего и продуктивного скота.

Чтобы убедиться в этом, мы можем обратиться к материалам земских подворных переписей, которые показывают, что в конце XIX – начале XX века более половины крестьянских хозяйств не располагали собственными ригами и овинами, около 35% крестьянских хозяйств не имело рабочего скота и до 25% хозяйств было лишено мертвого инвентаря, прежде всего транспорта. Подобным же образом обстоит дело и с постройками (табл. 6.8).

Таблица 6.8

Обеспеченность крестьянских хозяйств Вятской губернии постройками

Хозяйства	Дворы	Хлева	Амбары, клетки	Овины	Бани
Без посева	118	54	64	5	22
До 5 дес.	3840	5303	3871	1137	1992
5–10 дес.	2118	4083	3411	1128	1233
10–20 дес.	711	1843	1784	515	560
Более 20 дес.	35	113	89	32	32
Всего	6822	11395	8819	2817	3837

Источник: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии, т. 1. Вятский уезд. Вып. 1. Основные таблицы, Вятка, 1904. С. 300–309 (Очень многие показатели о постройках даны с дробями. Это показывает, что многие постройки находились в совместном пользовании).

Если хлевами, амбарами и клетями крестьяне Вятского уезда были обеспечены, то овины и бани имели далеко не все. Это проявлялось еще более четко, если рассматривать обеспеченность хозяйств постройками в зависимости от обеспеченности земель: табл. 6.9.

Таблица 6.9

Обеспеченность отдельных групп крестьян постройками в Вяткой губернии начала XX в. (на одно хозяйство)

	Хлева	Амбары, клетки	Овины	Бани
Без посева	0,46	0,54	0,04	0,19
До 5 дес.	1,38	1,01	0,30	0,52
5–10 дес.	1,93	1,61	0,53	0,58
10–20 дес.	2,59	2,51	0,72	0,77
Более 20 дес.	3,23	2,57	0,91	0,91
Всего	1,67	1,29	0,41	0,56

Источник: таблица 6.8.

Приведенная выше таблица показывает связь между обеспеченностью посевами и обеспеченностью производственными постройками. Половина беспосевных крестьян не имела ни скотных дворов, ни амбаров, ни клетей, только каждое пятое беспосевное хозяйство имело баню и лишь единицы — уже не нужные им овины. Типичное хозяйство с посевом до 5 десятин имело хлев и амбар (или клеть), половина из них имела бани и только одна треть — собственные овины. Половина хозяйств с посевом от 5 до 10 десятин имела овины и бани, и большинство — амбары и клетки и по два хлева (видимо, для крупного и мелкого скота). Большая часть хозяйств с посевом от 10 до 20 десятин имела овины и бани, видимо, не только ам-

бары и клетки, но и сарай, а также по два–три хлева, почти все хозяйства с посевом более 20 десятин имели собственные овины и бани, не менее трех хлевов и два–три амбара (клетки, сарая).

Если проанализировать данные таблиц, можно сделать вывод, что разрушение структуры крестьянского хозяйства начиналось с невозможности воспроизводства отдельных производственных построек, затем шла невозможность воспроизводства рабочего и продуктивного скота и последнее место в этом ряду занимал мертвый инвентарь. Только после этого наступала полная ликвидация крестьянского хозяйства, что выражалось или в сдаче земли в аренду, или же вообще в забрасывании ее. В лучшем случае такой разорившийся крестьянин мог оставить в своих руках приусадебный участок, однако такой участок уже не требовал прежних средств производства и являлся придатком к совершенно иной микро-социальной системе.

Причины нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства в пореформенной России понятны. Сложнее обстоит дело с вопросом о расширенном воспроизводстве и накоплении капитала. Выше уже говорилось, что процесс расширенного воспроизводства зависел по крайней мере от следующих причин или факторов: земельной обеспеченности, благоприятной рыночной конъюнктуры, от возможностей использовать эту конъюнктуру, от способа распределения, от умения перестроить и рационально организовать собственное хозяйство в соответствии с требованиями рынка. Последний фактор не являлся определяющим. Только он способен объяснить, почему при прочих равных условиях выдвигалось вперед то или иное хозяйство.

Расширенное воспроизводство прежде всего означало расширение материально-производственной базы прежнего крестьянского хозяйства, т.е. расширение его основных фондов. Как мы уже видели, наиболее простым и дешевым было накопление в крестьянском хозяйстве орудий труда, затем транспортных средств, далее — скота, построек и самое последнее, самое сложное — земли.

Приобретение этих элементов производства одновременно в необходимых пропорциях было невозможно, следовательно, развитие процесса расширенного воспроизводства тоже вело к деформации прежней структуры крестьянского хозяйства и складыванию несоответствия между ее отдельными элементами. Выйдя за рамки максимально возможных размеров крестьянского хозяйства этот процесс прежде всего вел к нарушению соотношения между имевшимися в хозяйстве рабочими руками и накапливаемыми средствами производства.

Причем, поскольку в процессе сельскохозяйственных работ спрос на рабочие руки различен в разное время, то раньше всего этот дефицит рабочей силы проявляется в те периоды, когда требовалось максимальное напряжение рабочих рук. Таким временем был период уборки. По приблизительным расчетам Ф.А. Баталина соотношение между постоянными и сезонными рабочими составляло пропорцию 1 к 2¹⁰⁹⁸. В результате аграрное перенаселение во многом имело сезонный характер, и спрос на рабочие руки зимой и летом существенно различался.

Понятно, что капиталистическое хозяйство прежде всего росло за счет использования поденных, затем сроковых и только в самую последнюю очередь постоян-

¹⁰⁹⁸ Баталин Ф.А. Указ. соч.

ных рабочих. Развитие процесса накопления в деревне вело поэтому прежде всего к росту цен на рабочие руки летом. Неслучайно, процесс механизации охватывает ранее всего именно уборочные работы.

Арендные отношения в деревне

Одним из самых распространенных способов компенсации деформации структуры хозяйства являлась аренда необходимых средств производства. Сокращение обеспеченности земель прежде всего ставили крестьянина перед необходимостью ее аренды¹⁰⁹⁹.

В дореволюционной литературе эта проблема рассматривалась многими авторами, из числа которых прежде всего следует назвать Н.А. Карышева (1855–1905)¹¹⁰⁰. В советское время ей было посвящена специальная монография А.М. Анфимова¹¹⁰¹.

По его подсчетам Н.А. Карышева, основанным на материалах земских обследований 140 уездов (более 25% их общего числа), внеадельная аренда крестьян достигала 49,8 млн. дес. В качестве арендаторов выступало 42,5% крестьянских хозяйств, арендная плата достигала 25 руб. со двора¹¹⁰². Кроме того, в Европейской России казна сдавала в аренду 4,5 млн. дес., 1,8 млн. сдавал в аренду удел, итого 6,3 млн. дес.¹¹⁰³

Первоначально почти аксиомой считалось, что к аренде земли прибегают главным образом наименее обеспеченные землей крестьяне, а поэтому аренда в основном носит продовольственный характер¹¹⁰⁴. Затем стал накапливаться материал, свидетельствующий, что арендуют землю и многоземельные крестьяне. Поэтому появилось понятие предпринимательской или капиталистической аренды. В 1892 г. Н.А. Карышев высказал утверждение, что главными арендаторами земли являются как раз не самые малообеспеченные, а наоборот наиболее обеспеченные крестьяне¹¹⁰⁵. Из этого следовал вывод, что преобладает не продовольственная, а предпринимательская аренда.

А.М. Анфимовым были обработаны данные по 66 уездам 15 губерний Европейской России, характеризующие арендные отношения у 1,8 млн. крестьянских хозяйств. Все эти хозяйства были разбиты А.М. Анфимовым на три группы: к первой отнесены хозяйства, прибегающие к аренде земли из нужды, ко второй группе — хозяйства, арендующие землю ради получения прибыли, но не использующие наемного труда, и к третьей группе — хозяйства, в которых аренда земли сочеталась с наймом рабочих рук. Исходя из этого, А.М. Анфимов подразделил аренду земли на три вида: продовольственную, простую товарную и капиталистиче-

¹⁰⁹⁹ Каминка А.И. Указ. соч. С. 233–284.

¹¹⁰⁰ Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892.

¹¹⁰¹ Анфимов А.М. Земельная аренда в России...

¹¹⁰² Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды... С. VII–VIII.

¹¹⁰³ Бехтеев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 15.

¹¹⁰⁴ Воронцов В.П. Что делается в крупном хозяйстве? // Северный вестник. 1886, № 2. С. 26–56.

¹¹⁰⁵ Карышев Н.А. Крестьянские внеадельные аренды...

скую. Обработав под этим углом зрения названные выше данные, он пришел к следующим результатам. Оказывается в границах обследованных 66 уездов из 1795 тыс. арендованных крестьянами земель 961 тыс. дес. приходилась на первую группу хозяйств, 556 тыс. дес. на вторую группу и 278 тыс. на третью. Основываясь на этом, А.М. Анфимов пришел к выводу, что в Европейской России начала XX века преобладала аренда земли из нужды. Не возражая по существу самих этих расчетов, представляется уместным задать вопрос, можно ли результаты относящиеся к 66 уездам распространять на всю Европейскую Россию?

Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо посмотреть, какие именно регионы представлены в расчетах А.М. Анфимова и как распределялись по территории Европейской России арендуемые крестьянами частновладельческие земли. Если обратиться под этим углом зрения к данным, использованным А.М. Анфимовым, нетрудно заметить, что почти 60% всех обследованных в границах названных выше 66 уездов арендованных земель концентрировались в центральных губерниях, а если обратиться к данным о площади арендованных земель по данным Комиссии центра, то окажется, что на центральные губернии приходилось менее 30% всех арендованных земель, зато почти половина приходилась на южные губернии.

Какой же вид аренды преобладал в этих двух регионах по данным, использованным А.М. Анфимовым?

Выясняется, что в центральных губерниях действительно преобладала продовольственная аренда, зато в южных губерниях на долю крестьянских хозяйств, арендующих из нужды, приходилось всего лишь около 9% всех арендованных в этом регионе земель. Следовательно, неравномерное распределение использованных А.М. Анфимовым данных по территории Европейской России и довольно существенные различия в характере аренды в различных регионах имели своим следствием завышение продовольственной аренды.

В связи с этим представляется необходимым продолжить начатую А.М. Анфимовым работу с учетом отмеченного недостатка сделанных им расчетов. Один из путей этого — расширение круга используемых источников, прежде всего за счет данных по южным губерниям. Вместе с тем представляется возможным использование полученных А.М. Анфимовым коэффициентов, характеризующих соотношение различных видов аренды в отдельных регионах и перерасчет на этой основе более полных данных о площади арендуемых земель. Опыт подобного расчета приводится ниже (табл. 6.9).

Из приведенных данных явствует, что продовольственная аренда распространялась примерно на 39% земель, простая товарная — на 33% и капиталистическая — на 28%. Причем если в северных губерниях продовольственная аренда полностью преобладала, если в западных и центральных губерниях на ее долю приходилось более 50% земель, то в южных губерниях около 50% арендовались в предпринимательскими целями и с использованием наемного труда. Причем на эти губернии приходилось 82% всей капиталистической аренды и 53% простой товарной.

Таблица 6.9

Соотношение различных видов крестьянской аренды
в Европейской России начала XX века (тыс. дес.)

Район	Всего земли	Капиталистическая аренда		Товарная аренда		Продовольственная аренда	
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Север	3976,3	150,7	4,9	479,9	15,6	2445,7	79,5
Запад	1831,8	284,0	15,5	567,8	31,0	980,0	53,5
Центр	4648,8	437,0	9,4	1589,9	30,2	2621,9	56,4
Юг	7903,7	4007,2	50,7	3169,4	40,1	727,1	9,2
Всего	17470,6	4878,9	27,9	5807,0	33,3	6784,7	38,8

Источник: Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961. С. 111–114.

Несмотря на повсеместное распространение сдачи наделной земли в аренду, данная разновидность земельной аренды была распространена в весьма скромных размерах. По сведениям волостных правлений, в 1900 г. общая площадь находящихся в аренде наделных земель составляла всего лишь около 1564970 дес.¹¹⁰⁶ Эта цифра, несомненно, является заниженной, но даже и в том случае, если мы допустим, что она была занижена вдвое и примем площадь сдаваемых в аренду наделных земель в размере 3,0 млн. дес., все равно это составит лишь около 2,5% всех наделных земель и немногим более 3,0% наделной пашни.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на тот факт, что основная масса сдаваемых в аренду наделных земель концентрировалась буквально в 10 губерниях: Уфимская — 308 тыс. дес., Оренбургская — 212 тыс., Самарская — 200 тыс., Воронежская — 70 тыс., Екатеринославская — 88 тыс., Таврическая — 52 тыс., Донская — 42 тыс., Саратовская — 41 тыс., Тамбовская — 46 тыс., Бессарабская — 39 тыс.¹¹⁰⁷ В этих 10 губерниях было сосредоточено около 1,1 млн. дес. всего арендного наделного фонда или же почти 70% его общей площади.

Нетрудно заметить, что в эту десятку входили губернии, которые в целом не страдали от малоземелья и где нередко в аренду сдавались как раз те земли, которые не входили в подворную разверстку. Это дает основание утверждать, что к забрасыванию и к сдаче наделной земли крестьянин прибегал только в самом крайнем случае. Он продолжал держаться за землю даже в тех случаях, когда лишался рабочего скота и необходимого мертвого инвентаря для ее обработки.

Долгое время в советской литературе все арендные отношения в деревне сводились только к аренде земли. Между тем существовали и другие виды аренды.

Еще до революции было обращено внимание на так называемый «вынужденный найм», т.е. на такое явление, когда в качестве нанимателя выступало разоряю-

¹¹⁰⁶ Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Т. 1.

¹¹⁰⁷ Там же. Обращает на себя внимание тот факт, что наделные земли сдавались в аренду невероятно дешево, почти на 40% дешевле частновладельческих земель и лишь на 1,2–1,9 руб. дороже приходящихся на эту землю поземельных платежей.

щееся хозяйства, а в качестве наемного рабочего средний крестьянин: «Так родилась в России знаменитая, неизвестная в других странах Европы, управка душ»¹¹⁰⁸.

Яркое описание такого хозяйства содержат материалы земского обследования 1882 г. по Курской губернии. «Положение безлошадных домохозяев в Курской губернии, — читаем мы здесь, — крайне безотраднo и всегда характеризуется крайним упадком хозяйства; безлошадные домохозяева либо сдают свой надел, либо до поры до времени перебиваются, нанимая соседей для обработки своего поля. Обыкновенно за такую услугу уплачивается около 4 руб. с дес., что составляет при урожае в 5 четвертей и при средней цене 5 руб. за четверть ржи одну восьмую всего валового сбора. Иногда соглашение это принимает и такую форму: договоренный сосед пашет полосы безлошадного домохозяина и засеивает их своими семенами; затем собственник земли со своими семейными работниками косит хлеб и по свозке его соседям на гумно, обмолачивает его, а полученный урожай делится на три части, из которых одну берет себе сосед, а две остающиеся — в пользу собственника земли. Иногда соседу приходится отдавать две пятых, даже половину урожая»¹¹⁰⁹.

Связь между степенью обеспеченности или же необеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом и инвентарем и охарактеризованным способом ведения хозяйства хорошо иллюстрируют материалы подворного обследования крестьянского хозяйства Грязовецкого уезда Вологодской губернии 1899–1900 гг. (табл. 6.10).

Таблица 6.10

Способы обработки земли в Грязовецком уезде Вологодской губернии
конца XIX – начала XX века

Хозяйства	Всего	Безлош.	Безинвент.	Способ обработки		
				сами	найм	смешанно
Без посева	1333	1322	1302	—	—	—
До 2 дес.	7895	5242	4375	2685	5983	124
2–3 дес.	6985	1263	660	4822	1114	146
3–6 дес.	5748	432	127	5118	420	198
Более 6 дес.	347	4	3	322	3	22
Всего	21408	8173	6467	12947	6629	490

Источник: Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. I. Грязовецкий уезд. Вып. I. Крестьянское хозяйство. М., 1903.

Всего на территории данного уезда было обследовано 21408 хозяйств, из которых посевными являлись 20075 хозяйств. Подавляющее большинство хозяйств, а именно, 12947 или же около 65%, обрабатывали землю собственными силами, а около 7 тыс. хозяйств (35%) полностью или же частично прибегали к найму. При чем именно такую же цифру составляли здесь и безлошадные посевные хозяйства.

¹¹⁰⁸ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 136.

¹¹⁰⁹ Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 146.

Еще большая зависимость между этими фактами обнаруживается при рассмотрении количества безлошадных и безинвентарных и прибегающих к найму по отдельным категориям хозяйств. Так, среди засевающих до 2 дес. без рабочего скота было 66,4% хозяйств, а с наймом — 66,0%, среди засевающих 2–3 дес. соответственно 20,8 и 20,7%, среди засевающих 3–6 дес. соответственно 5,9 и 10,9% и в последней группе — 1,2 и 7,2%. В связи с этим в первой группе хозяйств было 76,9% всех безлошадных крестьянских хозяйств, имевших посев, и 73,1% всех хозяйств, прибегавших к найму.

Эти данные обнаруживают несомненную связь между отсутствием рабочего скота и инвентаря, с одной стороны, и использованием наемного труда, с другой. Это значит, что в данном случае вынужденный наем рабочей силы тоже представлял собою скрытую аренду средств производства. Причем в качестве эксплуатируемой стороны выступали не нанимаемые, а наниматели. Причем и здесь аренда имела ростовщические черты, поскольку она регулировалась не ценами на рабочие руки и средства производства, а нуждой крестьянской семьи как в рабочих руках, так и в средствах производства.

В советское время к этому достаточно хорошо известному до революции, но позднее забытому явлению снова привлек внимание А.М. Анфимов, который привел подобные данные по Владимирской, Нижегородской, Орловской и Рязанской губерниям¹¹¹⁰.

А.М. Анфимов склонен был считать, что это было уникальное явление, характерное лишь для нечерноземных губерний¹¹¹¹. Между тем в известном справочнике Сваницких приведены данные о подобном найме по 23 земским губерниям, в том числе и черноземным¹¹¹².

Насколько же были распространены охарактеризованные способы обработки земли? Если подвергнуть сопоставлению данные «Статистики землевладения 1905 г.» и военно-конских переписей 1912 г., то оказывается, что на 12,4 млн. земельных крестьянских хозяйств приходилось только 8,4 млн. хозяйств с рабочими лошадьми¹¹¹³. Следовательно, почти 4,0 млн. хозяйств имели землю, но не располагали рабочим скотом (32,3%). Значит, они должны были или сдавать землю в аренду, или же прибегать к аренде скота. Если же учесть, что более 3,0 млн. хозяйств имели лишь по одной лошади и что в центральных и южных губерниях, где преобладала плужная обработка земли, требовалась как минимум пара голов рабочего скота, то вероятно не будет большей ошибкой предположение, что *самостоятельно могли вести земледельческое хозяйство лишь около половины всех крестьянских дворов*, а остальные должны были или прибегать к супруге, или арендовать чужой скот, или сдавать землю в аренду, или же вообще забрасывать ее.

Чтобы получить на этот счет более конкретное представление, обратимся к материалам земских подворных переписей. Частично сводка земских материалов по

¹¹¹⁰ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 136–146.

¹¹¹¹ Там же. С. 137.

¹¹¹² Сваницкая З.М., Сваницкий Н.А. Земские подворные переписи. 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926.

¹¹¹³ Статистика землевладения 1905 г. Свод по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907; Военно-конская перепись 1912. СПб., 1914.

данному вопросу была сделана в известном издании Благовещенского, в «Своде» Комитета Министров и в публикации Савицких. Правда, эти сводки не отличаются полнотою, различна методика их составления, но и они пока еще не привлекли к себе специального внимания. Опираясь на эти источники, а также дополняя их данными из других публикаций, мною составлена прилагаемая ниже таблица, которая характеризует способы эксплуатации крестьянской пашни по отдельным губерниям и уездам. Собранные данные носят выборочный характер, однако выборка является довольно представительной. Недостатком материалов является их разновременность, но и этот недостаток нельзя считать принципиальным, поскольку таблица претендует на характеристику положения дел в конце XIX – начале XX века (табл. 6.11).

Таблица 6.11

Способы обработки земли в Европейской России конца XIX-начала XX века

Губернии	Дата	Всего	Способы обработки			
			Сами	Найм	Супруга	Смешано
Астраханская	1902–4	56765	34627	18218	6244	5677
Владимирская	1898–99	37514	18120	530	–	12256
Вологодская	1899–00	21408	12947	6629	–	490
Воронежская	1884–88	226820	170765	36505	–	–
Вятская	1884–87	211788	175373	26454	–	–
Екатеринославская	1885	16630	1923	3986	7067	–
Новгородская	1886–87	25592	19157	1490	–	–
Московская	1881	19311	12446	1624	–	–
Курская	1882–85	294833	216525	40250	–	–
Орловская	1901	17419	9668	5874	–	1080
Пермская	1885–87	59709	38293	2603	–	–
Полтавская	1882–87	292881	45854	41370	120023	–
Рязанская	1881–87	241174	160126	51911	–	–
Самарская	1882	346134	236517	22528	–	26672
С.-Петербургская	1882	71501	49022	3989	–	–
Саратовская	1882–87	295724	195912	26729	8073	–
Смоленская	1884–87	97776	75375	–	–	–
Таврическая	1884–87	119090	38767	10841	45014	–
Тамбовская	1882–84	317051	272392	–	–	–
Харьковская	1905	31011	8564	44258	7502	2140
Херсонская	1883–87	141715	27165	43463	95302	–
Черниговская	1881–83	89668	67260	11926	–	–
Ярославская	1897	15531	9790	2421	–	3000
Всего	1881–05	3047045	1896588	363599	289255	51315
В %%	–	100	62,2	11,9	9,5	1,6

Приведенные данные свидетельствуют, что своим скотом землю обрабатывало 62,2% крестьянских хозяйств. 11,9% хозяйств прибегали к вынужденному найму, 9,5% хозяйств практиковали супругу, 1,6% — использовали разные способы. И только в самом крайнем случае крестьянин отказывался от наделной земли или же сдавал ее в аренду (не более 14,8%).

Более того, есть основания думать, что ареал распространения вынужденного найма был значительно шире. Основание для этого дает декрет о комбедах 11 июня 1918 г. В этом декрете специально отмечалось, что «избирать и быть избираемыми в комитеты деревенской бедноты» могут крестьяне «пользующиеся наемным трудом», правда, далее шло уточнение: «для ведения хозяйства, не превышающего потребительские нормы»¹¹¹⁴.

Таким образом, мы имеем дело не с уникальным, а массовым явлением. Факт, который не сумел понять и оценить должным образом даже А.М. Анфимов.

В свое время А.М. Анфимов обратил внимание на такое «оригинальное явление» как аренда продуктивного скота, в данном случае — коров. Описывая обнаруженные им факты, А.М. Анфимов склонен был считать, что подобная разновидность аренды была характерна только для ярославского животноводства¹¹¹⁵.

Однако с подобным заключением нельзя согласиться, так как, с одной стороны, самим автором в его пользу не было приведено никаких доказательств, а с другой стороны, потому что в имеющейся литературе вопрос о способах ведения животноводческого хозяйства вообще до сих пор не подвергался специальному изучению. Между тем знакомство с некоторыми материалами характеризующими состояние животноводства в других регионах, показывает, что аренда скота не являлась только ярославским явлением. Удалось обнаружить сведения об аренде скота в Вологодской, Костромской, Курской, Новгородской, Тверской губерниях³⁶. Это дает основание думать, что подобная аренда имела гораздо более широкий ареал распространения, чем это казалось А.М. Анфимову. И если мы о ней пока располагаем только фрагментарными сведениями, то это объясняется прежде всего тем, что до сих пор она не была предметом специального исследования.

В «Исследовании современного состояния скотоводства в России» содержится любопытная характеристика аренды скота в нескольких волостях Демьянского уезда Новгородской губернии. «В Филиппогорской и соседних волостях (отчасти в Полновской и Велильской) издавна практикуется способ арендования скота крестьянами, состоящий в том, что много крестьян, лишившихся почему-либо своих коров и не имеющих денег покупать новых, берут у зажиточных соседей одну, две коровы (иногда три) в аренду, ставят их на свой зимний корм, получают навоз, необходимый для земледелия и возвращают коров хозяевам с соблюдением условия, заключающегося в том, чтобы хозяин коровы получил половину прихода, выкормленного до двух лет на счет съемщика коровы»¹¹¹⁶.

Подобная же картина имела место и с рабочим скотом. Описывая это явление, организаторы земской подворной переписи в Курской губернии сообщали, что рабочий

¹¹¹⁴ Аграрная политика Советской власти. 1917–1918 гг. Документы и материалы. М., 1954. С. 177.

¹¹¹⁵ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 218–220.

¹¹¹⁶ Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Ч. 2. М., 1885. С. Д.67.

скот тоже приобретался, главным образом, на лето. Причем «при обыкновенной цене крестьянской лошади 20–40 руб... домохозяева, приобретающие лошадь только на лето, весною платят за старую лошадь 7–10 руб., а осенью продают ее за 5 руб.»¹¹¹⁷ Расходу, таким образом, на лошадь всего лишь 2–5 руб.: содержалась она на общественном лугу и поэтому не требовала особых дополнительных расходов. Крестьяне, не имеющие возможность содержать и рационально использовать лошадь в течение всего года, выходили таким образом из сложившегося положения и продолжали вести хозяйство.

Учитывая, что крестьяне имели право пользоваться общественным выгоном, содержание коровы и лошади на протяжении лета им ничего не стоило. Единственным, что требовало денег — это временное приобретение скота. Если же вычесть из этой суммы цену, по которой скот продавался осенью, после его использования, мы получим арендную плату за его использование на протяжении примерно полугода. Получается, что в Курской губернии она составляла от 2 до 5 рублей за лошадь. А так как средняя цена крестьянской лошади составляла 20–40 руб., то принимая в расчет 10-летний срок ее использования, мы получим амортизационный коэффициент в размере 2–4 руб. в год. Между тем крестьянин уплачивал эту сумму за «аренду» лошади на протяжении полугода. Следовательно «арендная плата» превышала реальную рыночную стоимость лошади более чем в два раза.

И здесь мы видим по сути дела ростовщическую сделку, которая хотя и открывала для крестьянина возможность вести хозяйство в условиях уже начавшегося его распада, в то же время делала его объектом сверхэксплуатации.

Прибегая к найму скота у своих соседей, такой «коровный» или же «лошадный» крестьянин был им, как правило, всего лишь около пяти-шести месяцев в году, а остальную часть года он был «бескоровным» и «безлошадным». Данное обстоятельство, по всей видимости, объясняет, почему нередко при двух параллельных обследованиях в рамках одного и того же года, полученные данные довольно существенно расходились между собою: вероятно, здесь играло свою роль то, в какое время года собирались эти данные. А поскольку чаще всего для этого выбиралось летнее время, то мы можем с полным основанием утверждать, что *имеющиеся статистические источники имеют тенденцию к занижению степени пролетаризации крестьянства.*

Не имея возможности обеспечить свое существование за счет собственного хозяйства, крестьянин вынужден был прибегать к продаже своих рабочих рук. Однако те отношения продажи и найма рабочей силы, которые складывались в деревне в результате разорения одной части крестьянских хозяйств и обогащения другой, далеко не сразу приобретали чисто капиталистический характер. Долгое время они представляли собою ничто иное, как превращенную форму отношений ростовщического характера.

Это было связано с тем, что в основе найма лежал тот или иной вид кредита. Очень часто в таком виде выступала сдача земли в аренду. «Формально наем (земли — А.О.), — писал современник, — бывает денежный — каждой десятине назначается известная цена: на самом же деле крестьяне, не располагая деньгами, расплачиваются работой»¹¹¹⁸.

¹¹¹⁷ Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 147.

¹¹¹⁸ Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. СПб., 1902. С. 105–107.

«Что в действительности означает погодная съемка земли крестьянами, заносимая условно в статистическую регистрацию как денежная, показывают записи, из которых видно, что всю означенную в них сумму арендной платы крестьяне часто обязуются отработать на полях»¹¹¹⁹. То есть в данном случае мы имеем дело лишь с денежной оценкой аренды, которая могла оплачиваться совершенно разными способами, в том числе и путем отработок. А это значит, что имеющиеся источники на этот счет завышают степень распространения капиталистической аренды.

Ростовщический характер имел и так называемый «заблаговременный найм», когда нуждавшийся в деньгах крестьянин получал от своего нанимателя заработную плату вперед. В таком случае заработная плата выступала в качестве одной из разновидностей кредита, который погашался затем работой на кредитора. Причем ростовщический характер подобной операции заключался не только и даже не столько в этом, сколько в том, что при такой операции размер заработной платы или же, правильнее, размер кредита определялся не количеством затраченного труда и не стоимостью рабочих рук на рынке труда, а нуждой крестьянина в деньгах, земле, хлебе и некоторых других средствах. При таком заблаговременном найме крестьянин по сути дела не только отрабатывал кредитованную ему сумму капитала — в какой бы форме он не существовал — но и погашал еще довольно значительный ростовщический процент.

Интересные данные по этому вопросу были собраны в 80-е годы при обследовании крестьянского хозяйства Хотинского уезда Бессарабской губернии. Обработав нотариальные акты, оформлявшиеся при заблаговременном найме крестьян «на фильчи» (на сенокос), организаторы этого обследования смогли непосредственно проследить зависимость между временем найма и размером получаемой заработной платы, выдаваемой вперед. Конкретное представление об этом дает прилагаемая ниже табл. 6.12.

Таблица 6.12

Зависимость размера заработной платы сельскохозяйственного рабочего от времени найма

Время найма	Договоры	Рабочие	Выдано денег		Расхождение		%
			всего	на чел.	абс.	в %	
До 3 мес.	7	114	3788	33,2	—	100	0,0
3–6 мес.	20	464	12691	27,3	5,0	82	21,6
7–12 мес.	91	2190	48643	22,2	11,0	67	49,5
бол. 12 мес.	47	1014	16279	16,0	17,2	48	107,5

Источник: Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии. М., 1886. Данные относятся к 1882 г. Деньги в рублях.

Приведенные выше данные прежде всего еще раз подтверждают, что основная масса крестьян нанималась на заработки заблаговременно: за полгода, год и более

¹¹¹⁹ Маслов П. Аграрный вопрос в России. Т. 1. Условия развития крестьянского хозяйства в России. СПб., 1908. С. 265.

чем за год. И заблаговременно им выплачивалась заработная плата. Причем, чем раньше осуществлялась сделка, тем меньше была получаемая крестьянином в виде заработной платы денежная ссуда. Если крестьянин нанимался в последние три месяца перед сенокосом, он получал около 33 руб., а если найм был произведен более, чем за год, то эта сумма составляла всего лишь 16 руб. Если принять размер заработной платы, выдаваемой накануне сенокоса за норму, то беря ссуду за 4–6 месяцев до этого, крестьянин по существу доплачивал за нее 21,6%, если сделка заключалась за 7–12 месяцев ростовщический процент достигал 49,5%, а если ссуда выдавалась более чем за год до сенокоса, то этот процент превышал уже 100%.

В 1902 г. Липский предпринял едва ли не первую попытку получить конкретное представление о характере заблаговременного найма и обработал данные по шести губерниям: табл. 6.13.

Таблица 6.13

Цены на рабочие руки при заблаговременном найме (руб.)

Губернии	Найм		Разница	
	заблаговременный	свободный	Абс.	%
Казанская	4,50	8,50	4,00	89
Тульская	4,75	9,50	4,75	100
Орловская	4,75	9,50	4,75	100
Тамбовская	5,13	9,99	4,86	95
Курская	5,30	10,50	5,20	98
Рязанская	5,75	9,75	4,00	70
В среднем	5,03	9,62	4,59	91

Источник: Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. СПб., 1902. С. 141.

Было бы очень полезно, если бы, наконец, имеющийся по данной разновидности найма — а она являлась преобладающей — огромный материал стал бы, наконец, предметом специального анализа. Мы же ограничимся приведенными фактами и отметим, что между временем заблаговременного найма и размером ростовщического процента существовала очень жесткая связь.

Приведенные выше сведения об использовании чужого скота и инвентаря не дают полного представления о масштабах использования наемного труда в крестьянском хозяйстве. Так по 6 волостям Оханского уезда Пермской губернии (данные 1890–1891 гг.) только 6% крестьянских хозяйств использовали наемный труд для обработки пашни, во время сенокоса удельный вес этих хозяйств поднимается до 26%, а во время уборки до 37% (молотьба) – 44% (жатва).¹¹²⁰ Иными словами, размах колебания между использованием наемного труда для обработки пашни и во время уборки составлял 630%.

¹¹²⁰ Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. Вып. I. Пермь, 1896. С. 209.

Приведенные данные следует сопоставить с данными о числе хозяйств, продающих свою рабочую силу. По 9 волостям Оханского уезда их удельный вес достигал 45%¹¹²¹. Причем в эти отношения продажи и найма рабочей силы были втянуты около 89% всех крестьянских хозяйств. Весьма показательно, что из 3475 хозяйств, работавших по найму, 1500 вынуждены были работать в счет долгов ($\approx 43\%$).

Простейшие виды производственной кооперации

Характеризуя процесс нарушения воспроизводства крестьянского хозяйства, мы выделили три стадии в развитии этого процесса: а) невозможность воспроизводства основных элементов крестьянского хозяйства в прежнем и необходимом для самостоятельного функционирования соотношении, б) невозможность воспроизводства отдельных элементов хозяйства вообще и в) разрушение всей структуры крестьянского хозяйства и, как завершение этого, его ликвидация.

Очевидно, для каждой из этих стадий были характерны и свои особенности ведения хозяйства, и те отношения, которые складывались между этими разрушающимися хозяйствами и остальным миром. Если рассматривать первую стадию разложения, то здесь перед крестьянином открывались две перспективы: или использование недостающих у него средств производства посредством их аренды, или же использование их на основе различных видов взаимопомощи¹¹²².

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что подобная производственная кооперация полупатриархального типа была распространена довольно широко и связана с выполнением различных производственных операций.

Одной из первых операций являлось удобрение пашни. Эта операция требовала не только больших затрат человеческого труда, но и довольно интенсивного использования рабочего скота и транспорта, а имеющимся во многих крестьянских хозяйствах скотом и транспортом эта операция не могла быть выполнена своевременно. Чем чаще вносилось удобрение (обычно навоз), чем больше его вывозилось на десятину пашни, тем значительнее становился расход рабочей и конной силы на выполнение этой операции, тем больше времени она отнимала у отдельной семьи. В результате некоторые семьи оказывались неспособными оперативно вывозить и запахивать навоз, вследствие чего, подолгу оставаясь незапаханным, он вымывался дождями и выгорал на солнце.

Это обстоятельство вызвало к жизни такое явление, как толоку, или помочи, когда несколько крестьянских семей объединялись для того, чтобы возможно быстрее вывозить удобрение на поля и получить возможность запахать его с наименьшими потерями. Причем в этих случаях крестьяне работали бесплатно. Единственно, что входило в обычай, — это угощение.

Нередко эти же хозяйства сообща производили и запашку удобрения.

«Заслуживает внимания — отмечалось, например, в одном из сельскохозяйственных обзоров Департамента земледелия, — следующее, не вошедшее в обзор по

¹¹²¹ Там же. С. 188–200.

¹¹²² Межов В.И. Библиографический указатель книг и статей, относящихся до обществ, основанных на началах взаимности, артелей, положения рабочих и мелкой кустарной промышленности в России. СПб., 1872.

губернии Вятской сообщение из уезда Котельнического: крестьяне некоторых местностей, во избежание бесполезной потери питательных веществ навоза, запахивают его сообща, тотчас по вывозке, сперва у одного хозяина, затем у другого и т.д.». ¹¹²³

В начале XX в. подобный обычай был обнаружен у зырян Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: «Помочи для вывоза навоза, — писал современник, — местами составляют у зырян, можно сказать, правило» ¹¹²⁴.

Подобные сведения о помочах или толоке при удобрении пашни имеются и по другим губерниям. Касаясь вывоза удобрения, Псковский комитет при выработке рекомендаций по отмене крепостного права отмечал: «Признано необходимым сохранить издавна и повсеместно существующий в губернии обычай производить его толокою, т.е. всеми наличными рабочими имения вместе» ¹¹²⁵.

Этот обычай я застал в великолукской деревне еще в 1950-е гг.

Подобная же кооперация складывалась при обработке земли, когда отдельные хозяйства оказывались неспособными собственными силами выполнить данную операцию. Это прежде всего касалось черноземных губерний, где для вспашки недостаточно было сил одной лошади. В подобных условиях несколько однолошадных хозяйств объединялись между собою. Такая форма кооперации получила название «супруги». Ее описание мы можем позаимствовать из «Памятной книжки Таврической губернии за 1889 г.»: «Так называемая “супруга”, — читаем мы здесь, — есть явление, свойственное исключительно Новороссии и Малороссии и неизвестное в средних и северных губерниях, где земля пашется сохою; вызывается она тем обстоятельством, что при господствующей на юге обработке земли плугом у мелких хозяев бывает недостаток своего скота для самостоятельной пахоты плугом, особенно, если принять в соображение то обстоятельство, что почвы южной России отличаются большей плотностью, чем почвы центральной России, тем более это справедливо по отношению к целине и старым перелогам. “Супруга” состоит в том, что несколько домохозяев сходятся вместе и общим скотом обрабатывают по очереди свои поля. В случае поломок плуг чинится на общий счет» ¹¹²⁶.

Одно из самых обстоятельных описаний супруги в свое время было сделано известным либеральным народником А.Ф. Щербиной в его книге «Южнорусские земледельческие артели» ¹¹²⁷.

Для ответа на вопрос, кто же именно прежде всего прибегал к такому виду кооперации, обратимся к данным по той же самой Таврической губернии: из числа крестьянских хозяйств, имеющих посев до 5 дес., к супруге прибегали 51,4% хозяйств, т.е. около половины; среди хозяйств с посевом от 5 до 10 дес. удельный вес спрягавшихся поднимается до 67,8%, а далее он начинает сокращаться до 49,0%

¹¹²³ 1883 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяйств. Вып. III. СПб., 1884. С. 121.

¹¹²⁴ В-аго П.Ф. Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда // Народное хозяйство. 1903. Кн. V. С. 127.

¹¹²⁵ Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. 3. Бонн-на-Рейне, 1865/66. С. 236.

¹¹²⁶ Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Т. IX. Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Отд. IV. С. 60.

¹¹²⁷ Щербина Ф.А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881.

среди хозяйств с посевом от 10 до 25 дес., 6,3% среди хозяйств с посевом от 25 до 50 дес. и 0,7% среди прочих зажиточных крестьянских хозяйств. Приведенные цифры показывают, что к супряге прежде всего прибегали средние и бедные крестьянские хозяйства.

К некоторым простейшим видам кооперации прибегали крестьянские хозяйства при сооружении и использовании некоторых производственных построек. Выше уже отмечалось такое явление, как слабая обеспеченность хозяйств ригами и овинами. Получается, что во многих губерниях почти половина крестьянских хозяйств не могла иметь собственных риг и овинов. В южных губерниях их отсутствие можно объяснить происходившей здесь механизацией обмолота, которая открыла возможность выполнения данной операции летом под открытым небом. Между тем в северных, западных и некоторых центральных губерниях без сушки хлеба обойтись было невозможно. Как же в таких условиях велось хозяйство? Ответ на этот вопрос мы находим в материалах земских подворных обследований.

Так, в материалах подворного обследования крестьянских хозяйств Оханского уезда Пермской губернии за 1890–1891 гг. на территории 9 волостей было зарегистрировано 7954 крестьянских двора, из которых без земли и без посева было только 176 хозяйств. Следовательно, остальные хозяйства занимались земледелием. Между тем на этой же территории было учтено только 4042 овина, т.е. по 0,5 овина на одно земледельческое хозяйство. Казалось бы почти половина хозяйств не могла иметь овинов, однако такое заключение было бы поспешным. Оказывается, многие овины находились в совместном пользовании нескольких крестьянских хозяйств, в результате если всего овинов было 4042, то паев было более 8 тысяч. Один овин, как правило, находился в пользовании 2–3 крестьянских семей, а не менее, чем 699 крестьянских хозяйств располагали несколькими паями¹¹²⁸.

Такое совместное пользование овинами зарегистрировано и в других губерниях. Причем само по себе оно предполагало не только общность пользования, но и совместность сооружения овинов. Описывая это явление в Олонецкой губернии, один из авторов Олонецких губернских ведомостей сообщал: «В Вытегорском уезде Олонецкой губернии беднейшие крестьянские хозяйства совместно сооружают риги и молотят хлеб поочередно»¹¹²⁹.

Однако и помочи, и супряга, и совместное пользование производственными постройками были характерны, главным образом, для тех средних крестьянских хозяйств, которые еще только вступали в стадию разложения, что же касается более бедных хозяйств, то им были не под силу ни помочи, ни супряга, ни совместное сооружение производственных построек, так как для этого не было ни необходимого количества рабочего скота, ни соответствующего инвентаря, ни хотя бы минимальных денежных средств.

Как уже отмечалось, ежегодно в общинах производилась разверстка сенокосов. Но чем меньше становилось свободных лугов, чем острее стояла проблема кормов, тем труднее было осуществить разверстку. И вот тогда возникает такая форма кооперации, как совместное сенокосение, после которого производился раздел заго-

¹¹²⁸ Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда... С. 189–200.

¹¹²⁹ Цит. по: Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 94.

товленного сена, что можно было сделать с достаточной точностью, с точностью до копны и даже менее.

«Известно также, — отмечалось в 1870-е гг. на страницах “Трудов Вольного экономического общества”, — что крестьяне средних губерний в большинстве случаев убирают свои сенокосы, а равно и снимают у других землевладельцев артельно, так что делят уже готовое сено, а не луг»¹¹³⁰. Г.И. Куликовский отмечал существование мирских сенокосов и на Севере¹¹³¹. «Помочи для жатвы и косьбы» в начале XX в. существовали в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии у зырян¹¹³².

Во многих деревнях существовала кооперация в обработке отдельных участков пашни. В большинстве случаев урожай с т.н. «общественных запасшек» служил для пополнения учреждаемых по официальным распоряжениям «хлебных магазинов». Эти «магазины» были предназначены для хранения общинного запаса хлеба на случай неурожая и голода. «Применение общественных запасшек с специальною целью образования или пополнения хлебных запасов практиковалось в дореформенное время в довольно широких размерах. В селениях государственных крестьян общественные запашки учреждались на основании ст. 51–55 Устава о народном продовольствии, либо по собственному желанию сельских обществ, либо обязательно в случае неисправности их во взносе хлеба для составления запасов или в исполнении других повинностей»¹¹³³.

Высшим проявлением кооперации в сельском хозяйстве было возникновение земледельческих артелей, когда несколько крестьянских хозяйств объединялись не только для обработки земли, но и для других операций и в итоге, как при совместном сенокосении, производили раздел собранного урожая¹¹³⁴.

Возникновение таких артелей не означало упразднения крестьянских хозяйств, но сводило их самостоятельность к минимуму, так как заключив подобный договор с односельчанами, крестьянин вынужден был исполнять его до завершения всего производственного цикла.

Таким образом, кризис патриархального крестьянского хозяйства вел не только к расколу крестьянства на два класса, но и порождал внутри него две противоположные тенденции: одну — капиталистическую, другую кооперативную. Первая заключалась в эксплуатации слабого сильным, вторая в трансформации патриархального уклада. Первая была ведущей, вторая — временно сопутствующей. Спецификой России было то, что в силу ряда причин в эпоху рождения капитализма вторая тенденция получила более широкое распространение.

¹¹³⁰ Никольский А.П. Проект земледельческой артели // Труды ВЭО. 1876. Т. 2. Вып. 3. С. 403.

¹¹³¹ Куликовский Г.И. Артельные и мирские запашки, сенокосы и здания в Обонежье // Русская мысль. 1890. Т. V. Отд. II. С. 29–31.

¹¹³² В[есел]аго П.Ф. Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда // Народное хозяйство. 1903. Кн. V. С. 126.

¹¹³³ Положение об обеспечении продовольствия государственных крестьян 16 марта 1842 г. // Историческое обозрение 50-летней деятельности министерства государственных имуществ. Ч. II. СПб, 1888. С. 86.

¹¹³⁴ Куликовский Г.И. Указ. соч. С. 28–31; Модестов А.П. Как надо устраивать крестьянское хозяйство, чтобы не было нужды и голода. Беседы об устройстве, значении и пользе артельного крестьянского хозяйства. М., 1908; Список учреждений по ГУЗЗ сельскохозяйственных товариществ, артелей и кооперативных организаций на 1 января 1914 г. Пг., 1915.

Разложение крестьянского хозяйства первоначально вело к трансформации патриархального уклада, характеризовавшейся складыванием и распространением в деревне различных форм простой кооперации.

Кооперативные тенденции стимулировало: а) неспособность разоряющейся части крестьян самостоятельно вести свое хозяйство, б) неспособность части среднего и даже зажиточного крестьянства самостоятельно использовать технические достижения из-за их дороговизны, в) необходимость борьбы в ростовщичеством.

Проблема общины

Однако самым массовым и самым распространенным видом простой кооперации в деревне была община.

Истории российской поземельной общины вообще, и в том числе поземельной общине периода капитализма, посвящена огромная литература¹¹³⁵. «В течение XIX в. и до 1917 г., — писал П.Н. Зырянов об общине, — о ней было написано около 3 тысяч книг и статей, а в последующий период (в условиях многократного увеличения общего потока информации) — всего около двух–трех десятков»¹¹³⁶.

На страницы печати вопрос о поземельной общине в России был вынесен еще до отмены крепостного права¹¹³⁷. Особое внимание он привлек к себе, когда в 1856 г. возникла полемика о происхождении общины. Одни авторы связывали ее происхождение и развитие с правительственной политикой¹¹³⁸, другие склонны были считать, что поземельная община возникла и развивалась самопроизвольно¹¹³⁹.

Первоначально в поле зрения исследователей была главным образом история общины¹¹⁴⁰, и лишь постепенно их внимание переключилось на изучение совре-

¹¹³⁵ Межов В.И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранном, напечатанных в России и за границей. 1764–1864. СПб., 1865; Гаврилов Н.В. Указатель книг и статей о сельской поземельной общине. СПб., 1880; Дубровский С.М. Российская община в литературе XIX и начала XX в. (библиографический обзор) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 328–361; Никулин В.Н. Русская крестьянская община второй половины XIX в. в советской историографии // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 61–67.

¹¹³⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. М., 1992. С. 4.

¹¹³⁷ Дружинин Н.М. Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968 г. М., 1969.

¹¹³⁸ Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Т. 1. С. 373–396, 579–602.

¹¹³⁹ Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России (сочинение Б. Чичерина) // Русская Беседа. 1856. Т. I. Отд. II. С. 101–147; Он же. Еще о сельской общине (ответ г. Чичерину) // Там же. Т. II. Отд. II. С. 114–141.

¹¹⁴⁰ Кавелин К.Д. Поземельная общин в древней и новой России // Вестник Европы. 1877. №5. С. 200–233; Куплевский Н.О. Состояние сельской общины в XVII в. на дворцовых землях и землях духовных и светских феодалов. Историко-юридический очерк. Киев, 1877; Соколовский П.А. Очерки истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; Лучицкий И.В. Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII в. Полтава, 1883; Сборник материалов по истории общины и общественных земель в левобережной Украине XVIII в. (Полтавская губерния). Полтава, 1884; Мерцалов А. Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от составления писцовой книги (1628 г. письма и меры Федора Вельяминова-Воронцова да дьяка Савина Завесина) до

менной им общины. Важную роль в этом отношении сыграл сельскохозяйственный съезд 1865 г., на который специально был вынесен вопрос о состоянии крестьянской общины¹¹⁴¹. В 1870-е гг. интерес к этой проблеме стимулировали РГО¹¹⁴², ВЭО¹¹⁴³, ЦСК¹¹⁴⁴ и земства¹¹⁴⁵. В результате этого на рубеже XIX–XX вв. появилась целая серия публикаций, посвященная характеристике общины¹¹⁴⁶. Особую известность получили работы В.П. Воронцова¹¹⁴⁷, Н. Каблукова¹¹⁴⁸, Н. Карышева¹¹⁴⁹, А.А. Кауфмана¹¹⁵⁰, А.А. Мануйлова¹¹⁵¹, В.С. Пругавина¹¹⁵², А.А. Риттиха¹¹⁵³.

В советское время проблема общины отошла на второй план, однако было бы неверно говорить ее забвении. Единственно, что следует отметить: община фео-

настоящего времени (1638–1883) // Вологодский сборник. Т. IV. Вологда, 1885. С. 271–289; Миславский Н. Поземельная община в России. Опыт историко-критического очерка взглядов на происхождение, развитие и типы русской поземельной общины. М., 1912.

¹¹⁴¹ Сельскохозяйственные съезды в России // Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. Вып. II. СПб., 1880. С. 220–221; Бушен А.Б. Общинное владение в отношении к экономическому развитию производительных сил России. СПб., 1866.

¹¹⁴² Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при ИРГО. СПб., 1878.

¹¹⁴³ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880.

¹¹⁴⁴ Сельская поземельная община в Архангельской губернии, по описаниям, представленным в Статистический комитет. Вып. 1–4. Архангельск, 1882–1889.

¹¹⁴⁵ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I. М., 1892.

¹¹⁴⁶ Триогов В.Г. Община и податъ. Собрание исследований. СПб., 1882; Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887; Чупров А.И. Итоги общинного землевладения // Русская мысль. 1893. Год 14-й. Кн. IX. Отд. 2. С. 67–85; Знаменский И.Ф. Сельские поземельные общины в Пинежском уезде. Архангельск, 1895; Никольский А.П. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб., 1902; Чупров А.А. Общинное землевладение // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 2. СПб., 1904. С. 116–232. Шлихтер А.Г. К характеристике современной общины. Ч. 1. Киев, 1904; Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917; Вениаминов П. Крестьянская община. Б.м., 1917; Пятницкий П.В. От крестьянской общины к социалистической коммуне. Пг., 1918.

¹¹⁴⁷ Воронцов В. К истории общины в России. М., 1902.

¹¹⁴⁸ Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. Очерки по экономике землевладения и земледелия. М., 1908. С. 159–204.

¹¹⁴⁹ Карышев Н. Подворное и общинное хозяйство // Русское богатство. 1894. № 1; № 6.

¹¹⁵⁰ Кауфман А.А. Документы и живая история русской общины. Историко-критический очерк. СПб., 1904; Он же. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907.

¹¹⁵¹ Очерки по крестьянскому вопросу / под ред. А.А. Мануйлова. Вып. 1–2. М., 1904.

¹¹⁵² Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884; Он же. Сельская поземельная община в Поволжском крае. По личным наблюдениям и по данным губернского по крестьянским делам присутствия. М., 1885; Он же. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888.

¹¹⁵³ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903; Он же. Крестьянское землепользование. СПб., 1903; Он же. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904.

дальной эпохи пользовалась большим вниманием¹¹⁵⁴, чем пореформенная община¹¹⁵⁵. И только в последние 20–30 лет интерес к ней снова стал возрождаться¹¹⁵⁶.

В данном случае остановимся только на некоторых сторонах общинных отношений, а именно, тех из них, которые позволяют лучше и глубже понять характер и состояние процесса капиталистической перестройки российской деревни периода капитализма. Оставляя в стороне до сих пор во многом неизученный вопрос о происхождении поземельной крестьянской общины, возьмем за основу то положение специалистов по истории общины, в соответствии с которым эволюция общины и общинных отношений была самым непосредственным образом связана с процессом роста населения и освоением новых земель, в результате чего на ранних стадиях в условиях многоземелья община выступала главным образом в качестве верховного земельного собственника или же владельца в границах определенной тер-

¹¹⁵⁴ Александров В.А. Сельская община в России (XVIII – начало XIX в.). М., 1976; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере (конец XVII – начало XVIII в.). Л., 1976; Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. На материалах вотчин Шереметьева. Л., 1980; Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVI – II в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1987; Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. 1988.

¹¹⁵⁵ Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 106. М., 1981; Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1978; Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4; Документы по истории крестьянской общины. 1861–1880 гг. Вып. 1. М., 1983; Никитина Г.А. Соседская община удмуртов в пореформенный период (1861–1900). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Шаров В.Д. Сельская община крестьян Марийского края в середине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины во России во второй половине XIX в. (по материалам Тверской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

¹¹⁵⁶ Никитина Г.А. Сельская община — буксель — в пореформенный период. 1861–1900. Ижевск, 1993; Еферица Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995; Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1995; Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900. Саратов, 2008; Бирюкова А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999; Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1861–1906). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1999; Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симбирск, 2002; Биккузина А.Х. Башкирская община на Южном Урале во второй половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004; Мирошкин В.В. Мордовская крестьянская община в первой трети XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. М., 1997; Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; Воробьева Л.В. Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен (1861–1905): историко-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; Сопин В.С. Эволюция российской крестьянской общины как экономического института в пореформенный период. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004. Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьба России. М., 2010.

ритории и гаранта выполнения связанных с этим поземельных повинностей, а поэтому имела административно-податный характер.

И лишь по мере складывания земельной тесноты подобная форма общины заменяется так называемой передельческой общиной, осуществлявшей периодическое распределение и перераспределение земли в рамках общины. Наконец, в условиях аграрного перенаселения и широкого развития несельскохозяйственных занятий крестьянского населения механизм переделов начинает замирать и складывается подворная форма землевладения, сначала только в отношении пахотных земель, а затем и всех земельных угодий, в результате чего община перестает существовать.

Как было установлено, перестройка земельных отношений и складывание поземельной общины происходили в условиях кризиса экстенсивного земледелия, зарождения и распространения трехполья¹¹⁵⁷. А поскольку в одних регионах Европейской России трехполье уже переживало кризис, а в других только утверждалось, подобной же пестротой отличалась и сельская община.

Долгое время считалось, что на Руси переход к трехполью завершился к XVI в.¹¹⁵⁸ К этому времени относилось и складывание поземельной общины¹¹⁵⁹. Между тем, нами показано, что переход России к трехполью растянулся на несколько столетий и вплоть до начала XX в. завершен не был¹¹⁶⁰.

В таком случае требует пересмотра и вопрос о хронологии складывания уравнильно-передельческой общины.

Для передельческой общины было характерно периодическое коренное перераспределение всех обрабатываемых земель и ежегодная переверстка других видов угодий. Причем складывавшаяся в результате этого чересполосица порождала такое явление как принудительный севооборот. В связи с этим сельский сход превращался в орган до известной степени регулирующий производственный процесс в рамках общины: сход решал, где, что и когда сеять, когда и что убирать, сход организовывал содержание скота на общинном пастбище, сход решал вопросы, где, кому и сколько косить сена.

Причем поскольку выполнение повинностей обеспечивалось круговой порукой, то сход имел право контролировать ведение хозяйства отдельными крестьянскими семьями и даже лишать некоторые из них земельного надела. Община не могла, конечно, ни избавить крестьян от пролетаризации, ни предотвратить формирование сельской буржуазии, однако тормозящую роль в этом процессе она безусловно играла. И прежде всего община сдерживала процесс концентрации капитала. Поэтому на определенном этапе она становилась тормозом дальнейшего развития капиталистического сельского хозяйства.

Перед общиной было два пути: или распадение, или же превращение ее в производственное целое — в сельскохозяйственную артель. Естественный процесс вел развитие общины по первому пути. Однако при устранении действия капиталистического рынка могла получить развитие и вторая тенденция.

¹¹⁵⁷ Пушкирев С. Г. Происхождение крестьянской передельческой общины в России. В 2 т. Прага. 1939, 1940.

¹¹⁵⁸ История крестьянства СССР. Досоветский период. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990.

¹¹⁵⁹ Александров В. А. Сельская община в России (XVIII – начало XIX в.). М., 1976.

¹¹⁶⁰ Островский А. В. Зерновое производство Европейской России...

Возникает вопрос: на какой же стадии своей эволюции находилась крестьянская поземельная община Европейской России в рассматриваемый период? В дореволюционной литературе на этот счет не существовало единства.

По мнению одних авторов община переживала кризис и была близка к разложению. «Едва ли можно отрицать, — утверждал Д. Пестржецкий, — что в значительной части, если не в большинстве общин в империи, общинные порядки, — а именно переделы, находятся в периоде вымирания»¹¹⁶¹.

Особенно активно эта точка зрения развивалась сторонниками столыпинской аграрной реформы¹¹⁶². Наоборот, среди народников было распространено убеждение, что община в России еще далека от самоликвидации и является вполне жизнеспособной¹¹⁶³. В советской исторической литературе этот вопрос чаще всего обходился стороной, между тем он представляет огромное принципиальное значение для понимания тех процессов, которые происходили в пореформенной российской деревне. Поэтому решение данного вопроса в том или ином смысле представляется принципиально важным.

«Общераспространенное мнение, — писал в 1992 г. П.Н. Зырянов, — состоит в том, что в конце XIX — начале XX в. крестьянская община в России была пережитком. В принципе это верно. Но парадокс русской истории состоял в том, что этот “пережиток” был связан с жизнью широких народных масс»¹¹⁶⁴.

О том, что после отмены крепостного права происходило изживание общины пишут и другие авторы¹¹⁶⁵. Однако К.Р. Качаровский в 1900 г. констатировал: «Мы находим три основные формы, точнее фазы общины: 1) община слагающаяся, 2) действующая, 3) разлагающаяся». И далее: «Если провести линию от Восточной Сибири до западных губерний Европейской России, то она в общей последовательности пройдет от общины слагающейся к общине сложившейся, а затем разлагающейся, т.е. как бы получается такая картина, что на Западе России община уже в прошлом, в центре — в настоящем и на востоке — в будущем. Географическое расположение общинных форм совпадает с историческим»¹¹⁶⁶.

Примерно такую же картину мы получим и в том случае, если проследим три этих вида общины с юга на север или же с севера на юг, иными словами из районов давнего проживания в районы позднего освоения.

Поэтому вопрос о состоянии общины на рубеже XIX–XX вв. является открытым.

В литературе давно обращено внимание на то, что переход от переложно-залежной системы земледелия к трехполью сопровождался трансформацией административно-податной крестьянской общины в поземельную общину с уравнительными переделами.

¹¹⁶¹ Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги минувшего 45-летия. Т. II. СПб., 1906. С. 186.

¹¹⁶² Чернышев И.В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. К вопросу об общине. СПб., 1911. С. IV; Лосицкий А.Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепление наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба. М., 1916. С. 35.

¹¹⁶³ Воронцов В.П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

¹¹⁶⁴ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России... С. 3.

¹¹⁶⁵ Анфимов А.М. Неоконченный спор // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 46.

¹¹⁶⁶ Качаровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? Т. 1. СПб., 1900. С. 88, 89.

Самые ранние сведения о переделах земли относятся к началу XVI в. «Первые уравнивания земельных отношений, — отмечал И.В. Чернышев, — встречаются на землях крупных владельцев и монастырей в XVI в.»¹¹⁶⁷ В доказательство этого он приводил распоряжение митрополита Самсона 1511 г. переверстать крестьян Константиновского монастыря и наделить всех земель поровну, по 5 дес. в поле, т.е. по 15 десятин¹¹⁶⁸. О том, что в XVI в. переделы существовали, пишут и другие авторы. Однако до сих пор никто не привел доказательства того, что к середине XVI в. они стали обычным и повсеместным явлением. Между тем во второй половине этого столетия начался экономический кризис и центр запустел. Можно предполагать, что в этих условиях переделы исчезли даже там, где практиковались до этого. А поскольку центр восстановил прежний уровень только к концу XVII в., по всей видимости, с этого времени происходит возрождение переделов, причем сначала они получают распространение в центре, затем распространяется на другие уезды. Однако до сих пор этот процесс, к сожалению, остается неизученным.

«В XVIII в. — утверждал И.В. Чернышев, — уравнительные порядки у крепостных крестьян наблюдаются почти повсеместно»¹¹⁶⁹. Поэтому для помещичьей деревни XVIII в. он считал их нормой¹¹⁷⁰. Но никаких доказательств в обоснование этого им приведено не было. Между тем есть основания думать, что на окраинах, где еще полностью господствовала переложно-залежная система, переделов не существовало. О том, что к середине XVIII в. переделы еще не стали обычным явлением в помещичьей деревне свидетельствует тот факт, что, по сведениям В.И. Семевского, крестьяне требовали введения переделов от Уложенной комиссии¹¹⁷¹.

В 1766 г. началось генеральное межевание, в ходе которого произошел первый известный нам передел земель казенных крестьян¹¹⁷². В.И. Семевский обработал наказы в Уложенную комиссию, из которых явствовало, что «с 60-х гг. XVIII в. малоземельные крестьяне северной России добивались переделов земли и что правительственные меры были лишь ответом на настоятельные требования крестьян»¹¹⁷³.

В 1764 г. Екатерина II секуляризировала церковные земли и передала их в распоряжение Экономической коллегии, в связи с чем эти государственные крестьяне стала называться экономическими. В 1777 г. была утверждена инструкция которой предписывалось экономическим крестьянам производить переделы своевременно¹¹⁷⁴. Известны также переделы у государственных крестьян: Олонецкая губерния — 1784 г., Архангельская губерния — 1785 г., Вологодская — позднее¹¹⁷⁵.

¹¹⁶⁷ Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М., 1918. С. VII.

¹¹⁶⁸ Там же. С. 33.

¹¹⁶⁹ Там же. С. VII.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 6–30.

¹¹⁷¹ Цит. по: Кауфман А.А. Русская община в процессе... С. 426.

¹¹⁷² Кауфман А.А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 61.

¹¹⁷³ Там же. С. 62.

¹¹⁷⁴ Чернышев И.В. Указ. соч. С. 36.

¹¹⁷⁵ Там же. С. 62.

Введение переделов в удельной деревне Архангельской и Вологодской губерний на рубеже XVIII–XIX вв. было рассмотрено В.П. Воронцовым¹¹⁷⁶. «Практика уравнительных переделов, — писал Н.М. Дружинин, — была санкционирована общегосударственным законом 1797 г.»¹¹⁷⁷ «В начале 30-х годов XIX столетия правительство еще вело жестокую борьбу с «неуравнительным» землепользованием черносошных крестьян на Севере»¹¹⁷⁸. Положение 1838 г. (ревизия Киселева) разрешило переделывать землю после каждой ревизии¹¹⁷⁹.

29 февраля 1812 г. был издан циркуляр об уравнивании наделов удельных крестьян¹¹⁸⁰. В 1812 г. Департамент уделов издал циркуляр об уравнивании наделов по данным VI ревизии населения¹¹⁸¹. «Введение принудительного уравнительного землепользования у удельных крестьян закончилось только накануне Крестьянской реформы 1861 г.»¹¹⁸²

Из этого явствует, что первые переделы в казенной и удельной деревне появились только во второй половине XVIII в., т.е. тогда, когда начался кризис экстенсивного сельского хозяйства, повлекший за собой кризис всего феодального общества. А поскольку к середине XIX в. в казенной и удельной деревне проживало около 53% всех крестьян и эти крестьяне были обеспечены землей лучше, чем помещичьи, можно утверждать, что на большей части эксплуатируемых земель переделы являлись новым явлением и переделческая община только-только появилась на свет, в значительной степени благодаря усилиям сверху.

Однако было бы неверно думать, что к середине XIX в. община была давним явлением и в помещичьей деревне. Дело в том, что переделов не было и не могло быть в условиях земельного простора, а значит, в условиях переложно-залежной системы земледелия. А поскольку даже в середине XIX в. эта система продолжала господствовать в 9 южных губерниях и имела широкое распространение в центрально-черноземных губерниях, можно утверждать, что здесь переделов или не было или же они только входили в употребление.

Это значит, что пореформенная эпоха была временем, когда пределы распространялись на новые и новые территории, т.е. временем утверждения переделческой общины и превращением ее в преобладающий тип поземельной общины. Временем, когда переделческие тенденции не отмирали, а наоборот, продолжали набирать силу.

Это дает основание утверждать, что более или менее повсеместным явлением переделы стали к середине XIX в. Причем это не касалось губерний с переложно-залежной системой, где переделы появляются и распространяются только во второй половине этого столетия.

¹¹⁷⁶ ВВ. Начало переделов на Севере России // Русская мысль. 1897. № 11 и 12; В.В. К истории общины в России. Материалы по истории общинного землевладения. М., 1902. С. 5–60.

¹¹⁷⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы. М.-Л., 1946. С. 95.

¹¹⁷⁸ Чернышев И.В. Указ. соч. С. 64.

¹¹⁷⁹ Там же. С. 68.

¹¹⁸⁰ История уделов. Т. 2. Ч. 2. С. 14; Кауфман А.А. К вопросу о происхождении... С. 63.

¹¹⁸¹ Кауфман А.А. Русская община... С. 426.

¹¹⁸² Чернышев И.В. Указ. соч. С. 42.

В свое время А.И. Скребницкий привел данные о переделах в 22 губерниях Европейской России на середину XIX в. И хотя они относятся менее чем к половине губерний Европейской России, эту выборку можно считать достаточно представительной, тем более, что она охватывает почти все регионы (исключая 12 западных губерний).

Из этих данных явствует, что накануне отмены крепостного права переделы земли существовали в 12 губерниях: во Владимирской, Воронежской, Костромской, Московской, Полтавской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Казанской, Олонецкой и Смоленской. В 5 губерниях (Вятской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Черниговской) они были распространены, но не повсеместно, в двух (Пермской и Самарской) представляли собой еще редкое явление. В двух (Астраханской и Екатеринославской) губерниях, а также в области войска Донского переделов не было вообще¹¹⁸³.

Из этого явствует, что переделы были правилом в северных губерниях, в центральных губерниях они еще не получили повсеместного распространения, а южных губерниях представляли собой исключение.

Как было показано ранее, после отмены крепостного права трехполье начало теснить переложно-залежную систему в центральных губерниях, а затем стало распространяться и на губернии Юга. Этот процесс характеризовался складыванием здесь уравнильно-передельческой общины. «С конца 70-х гг... — писал К. Головин, — *весь чернозем охватило стремление к мирским переделам*»¹¹⁸⁴. И хотя в этих словах была определенная доля преувеличения, названный автор, как его современник, совершенно справедливо констатировал развитие этого процесса.

Одной из таких многоземельных губерний, которые только в XIX в. перешли от переложно-залежной системы земледелия к трехполью, была Саратовская губерния. Здесь мы очень четко видим, как одновременно со сменой системы земледелия завершился процесс переход к уравнильно-передельческой общине (табл. 6.14).

Таблица 6.14

Эволюция крестьянской общины Саратовской губернии в конце XIX в.

Дата	Без переделов		С переделами	
	Абс.	%%	Абс.	%%
1870	1543	60,1	939	36,5
1880	1472	53,4	1108	43,0
1890	965	37,6	1519	59,0
1900	722	28,1	1771	68,8

Источник: Кочаровский К. Крестьянская община в Саратовской губернии // Русское богатство. 1901. № 1. С.122.

Приведенные данные показывают, что в многоземельной Саратовской губернии передельческая община становится преобладающей только в 80-е годы. Причем даже в начале XX в. четверть общин оставались еще беспередельческими.

¹¹⁸³ Скребницкий А.И. Указ. соч. Т.3. С. 1193–1199.

¹¹⁸⁴ Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. 77.

По данным В. Воронцова, в 161 обследованной общине трех материковых уездов Таврической губернии первые переделы появились только в двух общинах в 1820-е гг., в 1830-е гг. переделывать землю стали еще 4 общины, в 1840-е гг. — 19 общин, в 1850-е гг. — 44, в 1860-е гг. — 78, в 1870-е гг. — 10 и в 1880-е гг. — 4. Таким образом здесь процесс складывания уравнительно-передельческой общины завершился примерно в 1850–1860-е гг., когда к переделам перешли 122 общины или же примерно 75% их общего числа¹¹⁸⁵.

Получается, что здесь передельческая община складывается еще на стадии переложного земледелия. По всей видимости, тогда, когда посев достигает половины пашни и складывается упорядоченный перелог.

В конце 1870-х гг. по распоряжению Министерства государственных имуществ были собраны данные о переделах в 26 губерниях Европейской России (тоже без учета 12 западных губерний). Эти данные полностью подтверждают ту картину, которая была получена Редакционными комиссиями и нашла отражение в книге А.И. Скребицкого¹¹⁸⁶.

В 1897–1902 г. К.Р. Качаровский собрал данные о переделах в 190 уездах 35 губерний Европейской России, из которых явствовало, что число общин с переделами колебалось по отдельным уездам от 51 до 83%¹¹⁸⁷. Качаровский привел таблицу с данными, на основе которых им был сделан приведенный вывод¹¹⁸⁸.

В противоположность этому, в начале XX в. были приведены данные, согласно которым, к этому времени передельческая община уже уходила в прошлое. «По собранным в 1904 г. Министерством внутренних дел сведениям, писал в 1906 г. С.С. Бехтеев, — около 50% всех крестьянских общин в России уже свыше 25 лет не производили переделов мирских земель и даже не практиковали скидку и накидку тяглов»¹¹⁸⁹. «Таким образом, — подводил он итог, — эти 50% фактически упразднили у себя общину, не производя только разверстки земель на отрубные участки»¹¹⁹⁰. В доказательство этого были приведены следующие данные 28 губерниям: а) всего сельских обществ — 71930, без переделов — 35528, переделов не было больше 15 лет — 9808, менее 15 лет — 26594¹¹⁹¹. Позднее этими же данными оперировали другие авторы¹¹⁹².

Однако знакомство с этими данными показывает, что С.С. Бехтеев сравнивал не совсем сравнимые вещи: общины и сельские общества. В одних случаях грани-

¹¹⁸⁵ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1. В[ороноцов] В. Крестьянская община. М., 1892. С. 13.

¹¹⁸⁶ Материалы для изучения современного положения земледелия и сельского хозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. Вып. 1. Сведения о земл. И некоторых условиях крестьянского хозяйства. М., 1880. Приложение. С. 59–69.

¹¹⁸⁷ Цит. по: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 191.

¹¹⁸⁸ Качаровский К.Р. Русская община... С. 83–86.

¹¹⁸⁹ Бехтеев С.С. Указ. соч. С. 182.

¹¹⁹⁰ Там же. С. 183.

¹¹⁹¹ Там же. С. 183.

¹¹⁹² См., например: Крестовников Г.А. Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после выкупной операции? М., 1908.

цы общин совпадали с границами сельских обществ, в других нет. Это видно и из приводимых названным автором данных. Так, в Вологодской, Псковской, Ярославской и некоторых других губерниях количество общин превосходило количество сельских обществ¹¹⁹³. Это дает основание поставить опубликованные данные МВД под сомнение.

В 1980 г. А.М. Анфимов ввел в научный оборот данные Земского отдела МВД о так называемых непеределъческих общинах. Согласно этим данным, в 40 губерниях Европейской России из 9,2 млн. общинных дворов переделы не производили 3,7 млн., или же 40%¹¹⁹⁴. В 1995 г. эти данные были опубликованы в справочнике «Россия. 1913 г.»¹¹⁹⁵ (таблица «Сведения об обществах, в которых не производилось переделов с самого наделения землей»). Из этой таблицы явствует, что таковые сельские общества составляли 58,5% всех сельских обществ. На первый взгляд эти данные производят впечатление, будто бы к началу XX в. разрушение уравнильно-переделъческой общины уже прошло свой пик. Именно такой вывод из них был сделан В.Г. Тюкавкиным, упрекнувшим А.М. Анфимова за непоследовательность¹¹⁹⁶.

Однако знакомство с данными этой таблицы показывает, что в этих 58,5% сельских обществах 40 губерний находилось лишь 3,7 млн. крестьянских хозяйств (не более 40% всех крестьян), которые имели 33,4 млн. дес. земли (около 33% общинной земли). Это означает, что переделами пользовались более 60% всех крестьян, в распоряжении которых находилось примерно 67% всей надельной земли.

Кроме того, необходимо различать: переделы прекратились или же они еще не начинались. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание территориальное размещение этих общин и господствующую в них систему земледелия.

Поэтому доказательства, на основании которых утверждалось и утверждается, что к началу XX века переделъческая община доживала свои последние дни, не выдерживает критики.

Более того, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что пореформенная эпоха была временем, когда переход от переложно-залежной системы земледелия к традиционному трехполью вступил в свою кульминационную стадию, временем, когда в подобную же кульминационную стадию, судя по всему, на значительной территории Европейской России вступило формирование уравнильно-переделъческой общины.

Следовательно, *пореформенная эпоха характеризовалась не кризисом переделъческой общины, а тем, что на значительной территории Европейской России она еще только набирала силу*. Причем если принимать во внимание территорию и численность населения, то можно утверждать, что на большей части Европейской России община еще не была затронута процессом разложения.

¹¹⁹³ Там же. С. 183.

¹¹⁹⁴ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 98.

¹¹⁹⁵ Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 67–68.

¹¹⁹⁶ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 173.

Характеристика общины

Как известно, в знаменитый столыпинский указ 14 июня 1910 г. объявлял перешедшими к подворному землевладению все общины, в которых переделы не производились в течение последних лет после наделения их землею, но не позднее 1887 г. Сторонники первой точки зрения, считавшие, что переделы не производились почти в половине крестьянских общин, уже ликовали по поводу уничтожения общины, однако, как оказалось на деле в соответствии с названной статьей указа 1910 г. к подворному землевладению перешло всего лишь около 0,5 млн. крестьянских хозяйств. Это еще не свидетельствует о жизнеспособности крестьянской общины, но несомненно означает, что существовавшие в дореволюционной литературе представления о разложении общины оказались явно преувеличенными. Насколько же?

Имеющиеся данные показывают, что община была близка к распадению, главным образом, в западных губерниях, кризисные черты имелись во многих северных и некоторых центральных губерниях. Зато во многих южных губерниях общинные тенденции развивались и крепили. А поскольку в южных и центральных губерниях крестьянское население численно преобладало и поскольку здесь концентрировалась большая часть сельскохозяйственного производства, поэтому можно сказать, что общинные тенденции в России были еще далеки от своего изживания.

В 1905 г. на территории Европейской России насчитывалось 12,3 млн. крестьянских хозяйств, имевших 136,9 млн. дес. наделной земли. Из них 63 тыс. хозяйств с 2,3 млн. дес. представляли собой хутора и находились в трех прибалтийских губерниях, 2,7 млн. хозяйств были подворными и 9,5 млн. — общинными, соответственно имевшими 20,4 млн. и 114,1 млн. дес.

Таблица 6.15.

Надельное землевладение в Европейской России. 1905 г.

Крестьяне	Общества	Дворы	Земля
Хуторяне	—	62384	2301813
Подворники	31858	2735039	20447189
Общинники	139234	9479912	114139235
Всего	171092	12277355	136887238

Источник: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 87, 129. Не распределено 1880349 дес.

Почти все крестьяне-подворники находились в 9 западных губерниях. Кроме этого, они занимали видное место в Бессарабской, Полтавской и Черниговской губерниях. На эти 12 губерний приходилось 1,9 млн. подворных хозяйств (71%) и 17,5 млн. дес. подворного землевладения (86%)¹¹⁹⁷.

¹¹⁹⁷ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 88–92, 100–112, 120–121.

В современной литературе, посвященной крестьянской общине, главное, если не исключительное внимание, уделяется проблеме переделов. В результате этого вне поля зрения остаются другие функции общины.

В данном случае представляется необходимым обратить внимание на то, что община брала на себя функции регулирования производственным процессом.

Прежде всего это касается общинного стада. Независимо от того, где оно содержалось с весны до осени, сельский сход решал вопрос о форме этого содержания. Их было две. Или устанавливалась очередность, в которой общинники должны были выступать в качестве пастухов, или за определенную плату на весь этот период община нанимала пастуха.

Вторая проблема, которая возникала здесь — это проблема выгона. Там, где это было возможно, существовал общинный выгон, там, где такой возможности не было, община сообща брала выгон в аренду у местного помещика. Там, где земли для выгона не хватало, после уборки урожая использовали оставляемое жнивьё, причем если отдельные крестьянские полосы были отгорожены, на это время ограждения снимались, и скот пасли на всем поле (общественный выгон).

Ежегодно община производила разверстку сенокосов. Там, где это было сделать затруднительно, в уборке сена принимали участие или все общинники, или же их часть, а затем разделу подвергалось накошенное сено. Вот как описывал этот процесс В.П. Воронцов: «Сенокосная земля, играя определенную роль в земледельческом производстве, в хозяйственном отношении составляет одно целое с пахотной землей и поэтому естественно, что права на нее отдельных членов общин будут определяться теми же условиями, от которых зависят и права их на участие в пахотном угодье. Поэтому почти всюду разверстка в том или другом виде сенокосов между членами общин совершается по тем же единицам, по каким разверстывается пашня (ревизская, наличная душа, работник, тягло и т.д.)»¹¹⁹⁸.

Чересполосица вела к тому, что на определенном этапе самостоятельная эксплуатация отдельных полос становилась невозможна, тогда вводился так называемый «принудительный севооборот». Несмотря на то, что он довольно часто упоминается в литературе, с большим трудом удалось найти несколько его описаний, данных современниками.

Для того, чтобы исключить возможность вытаптывания пашни и посевов, сход определял порядок и график обработки своей пашни отдельными хозяевами, а также порядок и график посева. Во избежание вытаптывания созревшего хлеба сход устанавливал также очередность и график уборки хлеба с отдельных полос. Однако для того, чтобы такой график мог действовать, требовалось, что каждое поле, независимо от числа полос, на которые оно разбивалось, было засеяно одной культурой. Следовательно, вопрос о том, что и где сеять тоже решал не сам крестьянин, а сельский сход. «Пастьба на пашне и связанная с нею принудительная обработка в великорусских селениях — констатировал К. Головин в 1887 г., — общее правило»¹¹⁹⁹.

Как показал в свое время А.С. Посников, принудительный севооборот и общественный выгон на пару (система открытых полей) долгое время сохранялись в За-

¹¹⁹⁸ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1. В.В. Крестьянская община. М., 1892. С. 460–461.

¹¹⁹⁹ Головин К. Сельская община в литературе и в действительности. СПб., 1887. С. 184.

падной Европе даже там, где община уже прекратила существование, и все земли были закреплены в личную собственность. Однако земельная теснота и чересполосица заставляли даже крестьян-собственников сохранять эти две архаические, унаследованные от общины, формы сотрудничества¹²⁰⁰.

Таким образом, сельский сход регулировал не только животноводство, но и сельскохозяйственное производство.

В связи с этим следует обратить внимание на совершенно необоснованное противопоставление подворного землевладения общинному. Для того, чтобы понять, насколько обосновано такое противопоставление, прежде всего посмотрим, что такое сельское общество.

«Сельское общество, — констатировал закон, — составляется из крестьян, во дворенных на земле одного помещика: оно может состоять либо из малого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, или из нескольких мелких, но по возможности смежных и, во всяком случае, ближайших между собой поселков (как-то: выселков, починков, хуторов, застенков, односельий или отдельных дворов и т.п.), *пользующихся всеми угодьями или некоторыми из них сообща или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды*»¹²⁰¹.

Между тем совместное пользование «всеми угодьями или некоторыми из них» — это один из признаков поземельной общины. Из Местного положения 1861 г. для губерний Великороссийских, Новороссийских и Белорусских: «Общинным называется то обычное пользование, при котором земли по приговору мира переделываются или распределяются между крестьянами: по душам, тяглам или иным способом, а повинности отбываются круговую порукой» (ст. 113).

Эти два признака (совместное пользование землей и круговая порука) были характерны и для подворного владения землей: «Каждое сельское общество, как при общинном, так и при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею отвечает круговую порукою за каждого из своих членов в исправном отбывании казенных, земских и мирских повинностей» (ст. 187).

К этому следует добавить, что крестьяне-подворники тоже были приписаны к сельским обществам, что они тоже выкупали землю в составе этих обществ, что на них распространялся волостной суд и круговая порука. В их личном владении находилась главным образом пахотная земля, а остальными земельными угодьями они пользовались сообща. На основе сообщения губернских совещаний, созданных в связи с работой «комиссии Стишинского», Ф.Г. Тернер заключал: «Во многих местностях крестьяне, владеющие землею на основании подворно-наследственной формы, в действительности пользуются ею сообща, имея такие же общинные поля, как и общинники»¹²⁰².

А вот характеристика подворного землевладения, данная бывшим начальником Земского отдела Министерства внутренних дел В.И. Гурко: «Как при общинной, так и подворной форме землепользования крестьянин не имеет права вполне свободно использовать в хозяйственном отношении состоящие в его владении по-

¹²⁰⁰ Посников А.С. Общинное землевладение. Т. 1–2. Одесса, 1878.

¹²⁰¹ ПСЗ-2. Т. XXXVI. Отд. СПб., 1863. С. 146.

¹²⁰² Вопросы, возникающие по предмету улучшения быта крестьян: Извлечения из данных, представленных губернскими совещаниями Министерству внутренних дел / сост. Ф.Г. Тернер. СПб., 1902. С. 13; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 107.

левые участки земли. В обоих случаях ему не принадлежит право огораживания этих участков, так как при подворном владении они точно также не сведены к одному месту и представляют отдельные, часто весьма узкие полосы, расположенные в разных полях, из которых каждое в своей совокупности заключает земли всех членов общины и превращается при состоянии земли под паром, а также по снятию урожая в общее пастбище, на котором пасется скот всего селения»¹²⁰³.

«Обстоятельство это стесняет владельцев подворных участков в деле свободного использования ими своих полевых земель не в меньшей степени, нежели общинников. Обе эти категории крестьян вынуждены потому одинаково следовать принятому общиной севообороту, т.е. одновременно оставлять свои участки под паром и возделывать однородные хлебные злаки, т.е. такие, которые созревают приблизительно к одному сроку, чтобы не задерживать времени поступления всего поля по снятию с него урожая под пастбище»¹²⁰⁴.

В этом не было ничего специфического. Как давно уже установлено исследователями, у истоков и у финала поземельной общины находилась так называемая община — марка, в которой часть земель было собственностью отдельных крестьянских семей (аллод), другая — собственностью общины (альменда). Для этой общины были характерны система открытых полей и принудительный севооборот¹²⁰⁵. Затем аллодиальная собственность растворилась в общинной, чтобы затем воскреснуть, когда община окажется перед лицом кризиса¹²⁰⁶.

Есть основания предполагать, что в некоторых многоземельных губерниях (Бессарабская, Курская, Полтавская, Таврическая, Черниговская) подворное землевладение представляло собою не рудимент передельческой общины, а один из этапов ее становления. *Зачислив передельческую общину в отмирающий пережиток прошлого, советские историки принципиально исказили реальную картину происходившего.*

После крестьянских реформ 1861–1866 гг. роль общины в деревне не только не ослабела, а даже увеличилась, а значит, возросла и зависимость крестьян от общины. К общине перешел вотчинный суд. Община теперь давала разрешение крестьянам на отход. Община отвечала за уплату налогов круговой порукой. Община получила право продавать имущество крестьян за долги. Таким образом, роль общины не сокращалась, а возрастала.

Разрушение прежнего натурального крестьянского хозяйства имело своим следствием не столько формирование на его обломках нового, фермерского хозяйства (этот процесс имел очаговый характер), сколько распространение в деревне различных форм ростовщичества и простейшей кооперации, главным видом которой являлась уравнительно-передельческая община.

Причем, чем больше крестьянство разрушал ростовщический капитал, тем большую роль играли различные формы простой кооперации. А поскольку на рубеже XIX–XX вв. возможности дальнейшего экстенсивного развития сельского хо-

¹²⁰³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 165.

¹²⁰⁴ Там же.

¹²⁰⁵ См., например: Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964. С. 45–149.

¹²⁰⁶ Посников А.С. Указ. соч.

зяйства были исчерпаны, а сложившаяся на мировом рынке ситуация имела долговременный характер, община и другие формы простейшей кооперации приобретали возрастающее значение.

Динамика социального расслоения крестьянства

Разрушение крестьянского хозяйства сопровождалось прогрессирующим социальным расслоением крестьянства. Среди историков получило широкое распространение мнение, в соответствии с которым развитие данного процесса мыслилось как постепенное разрушение средних крестьянских хозяйств и численный рост за счет этого двух крайних полюсов в деревне с нарастающим во времени отрывом от земли деревенской бедноты и усиливающейся концентрацией средств производства в руках сельской буржуазии. Таким образом, *социальное расслоение мыслилось как следствие развития в деревне капиталистических отношений.*

Констатируя социальный характер неоднородности пореформенного российского крестьянства, реконструируя систему складывавшихся на этой почве в деревне социальных отношений, представляется необходимым обращение к вопросу о динамике социального расслоения крестьянства Европейской России эпохи капитализма.

«К крайнему сожалению, — писал А.В. Пешехонов, — насколько хорошо констатирована неоднородность крестьянской массы в ее статике, настолько же плохо она изучена еще в динамике. Мы не имеем достаточных фактических данных, чтобы утверждать, что в области земледельческого производства разорению массы сопутствует накопление капиталов и обогащение хотя бы немногих. Мы не имеем права утверждать даже, что “хозяйственный мужичок” — группа многоземельных и многолошадных — представляет из себя явление новое в экономической жизни. Вполне вероятно другое, противоположение»¹²⁰⁷.

Интерес к вопросу о динамике расслоения крестьянства привел к тому, что уже в 80-е годы появляются первые попытки дать характеристику дифференциации крестьянства не на одну, а на две хронологические точки. Насколько удалось установить, первый подобный опыт был сделан в 1887 г. Черниговским земством, подвергнувшим сопоставление материалов подворной переписи крестьянского хозяйства 1883 г. по 33 селениям Кролевецкого уезда с подобными же материалами так называемой Румянцевской описи 1765–1769 гг.¹²⁰⁸

Приблизительно к тому же времени относится и проведение первых повторных земских переписей, позволяющих охарактеризовать те социальные изменения, которые произошли на обследуемой территории между двумя переписями. Однако эти материалы имели локально ограниченный характер; кроме того, они терялись в местных изданиях, и поэтому первоначально не привлекли к себе должного внимания. В связи с этим особую роль в изучении динамики социального расслоения крестьянства сыграли материалы повторных военно-конских переписей, относящиеся к середине 90-х годов прошлого века.

¹²⁰⁷ Пешехонов А.В. К вопросу о роли собирателей земли // Русское богатство. 1897. № 7. С. 36–37.

¹²⁰⁸ Материалы для оценки земель, собранные Черниговским статистическим отделением при губернской земской управе. Т. XV. Чернигов, 1887. С. 286–291.

Обращение к первым повторным военно-конским переписям прежде всего обнаружило сокращение численности многолошадных крестьянских хозяйств, а также сокращение численности имевшихся у них лошадей. Впервые на это обратил внимание П.А. Вихляев в своей статье «Перераспределение земельных хозяйств по рабочему скоту в России». И на основании этого им был сделан вывод об отсутствии в деревне процесса социальной дифференциации. «Изучение действительности, — подчеркивал он, — не обнаруживает типичного для процесса дифференциации двухстороннего развития крайних противоположных типов (крестьянского хозяйства — А.О.) за счет однородной середины. *Процесс идет в одну сторону хозяйственного упадка*»¹²⁰⁹.

Работа П.А. Вихляева вызвала живой отклик в народнической литературе, а нарисованная им картина «хозяйственного упадка» деревни была использована и для доказательства положения о всеобщем обнищании деревни, и для обоснования теории декапитализации сельского хозяйства, и для утверждений об относительной устойчивости среднего хозяйства по сравнению с крупным.

Некоторое представление о динамике социального разложения крестьянства дают материалы военно-конских переписей за период с 1888 по 1912 г. Они действительно свидетельствуют о «размывании» так называемого «среднего крестьянства» (табл. 6.16).

Таблица 6.16

Динамика социального расслоения крестьянства
Европейской России в 1888-1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Безлошадные:					
а) 1888–1891	477217	631785	1179797	477171	2765970
б) 1896–1901	631168	809825	1301453	500016	3242462
в) 1912	796165	1011927	1703096	639788	4150976
Однолошадные:					
а) 1888–1891	953527	406473	1254441	278751	2893192
б) 1896–1901	1076467	520587	1442692	322032	3361778
в) 1912	1289044	663171	1868298	405496	4226009
С 2–3 лошадьми:					
а) 1888–1891	693835	657102	1409257	550630	3310824
б) 1896–1901	649968	788447	1416123	640093	3494631
в) 1912	591246	867032	1601169	844041	3903488
С 4–5 лошадьми:					
а) 1888–1891	98072	157507	382470	172412	810461
б) 1896–1901	69859	143354	301785	211374	726372
в) 1912	44988	78274	284511	218912	626685
Многолошадные:					

¹²⁰⁹ Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной деятельности. Б.м., б.д. С. 107.

Таблица 6.16 (окончание)

а) 1888–1891	18567	48559	144625	133432	345183
б) 1896–1901	10318	34736	92252	149738	287044
в) 1912	5528	14475	78232	141011	239246
Всего:					
а) 1888–1891	2241218	1901426	4370590	1612396	10125630
б) 1896–1901	2437780	2296949	4554305	1823253	11112287
в) 1912	2726971	2634879	5535306	2249248	13146404

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Несмотря на то, что количество крестьянских хозяйств с двумя-тремя лошадьми с 1888 по 1912 г. увеличилось с 3,3 до 3,9 млн., если в 1888–1891 гг. они составляли 32,7% всех хозяйств, то в 1896–1901 гг. уже 31,5%, а в 1912 г. 29,7%.

Одновременно с этим происходило увеличение численности и удельного веса однолошадных крестьян. Если в 1888–1891 гг. безлошадных хозяйств насчитывалось всего лишь 2,8 млн., то в 1896–1901 гг. их было уже 3,2 млн., а в 1912 г. — 4,2 млн. Следовательно, примерно за 20 лет количество безлошадных крестьянских дворов увеличилось на 1,4 млн. или же на 50%. В соответствии с этим произошло увеличение и удельного веса этого типа хозяйств: 1888–1891 гг. — 27,3%, 1896–1901 гг. — 29,2% и 1912 г. — 31,6%.

Таблица 6.17

Региональные особенности динамики социального расслоения крестьянства Европейской России в 1888–1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Безлошадные:					
а) 1888–1891	21,3%	33,3%	21,1%	29,6%	27,3%
б) 1896–1901	25,9%	35,3%	28,6%	27,4%	29,2%
в) 1912	29,2%	38,4%	30,8%	28,5%	31,6%
Однолошадные:					
а) 1888–1891	42,5%	21,4%	28,7%	17,3%	28,6%
б) 1896–1901	44,1%	22,7%	31,7%	17,7%	30,3%
в) 1912	47,3%	25,2%	33,8%	18,0%	32,1%
С 2–3 лошадьми:					
а) 1888–1891	31,0%	34,5%	32,2%	34,1%	32,7%
б) 1896–1901	26,7%	34,3%	31,1%	35,1%	31,5%
в) 1912	21,7%	32,9%	28,9%	37,6%	29,7%
С 4–5 лошадьми:					

Таблица 6.17 (окончание)

а) 1888–1891	4,4%	8,3%	8,8%	10,7%	8,0%
б) 1896–1901	2,9%	6,2%	6,6%	11,6%	6,5%
в) 1912	1,6%	3,0%	5,1%	9,7%	4,8%
Многолошадные:					
а) 1888–1891	0,8%	2,6%	3,3%	8,3%	3,4%
б) 1896–1901	0,4%	1,5%	2,0%	8,2%	2,5%
в) 1912	0,2%	0,5%	1,4%	6,2%	1,8%
Всего:					
а) 1888–1891	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%
б) 1896–1901	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%
в) 1912	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., С. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Быстрее всего процесс пролетаризации развивался в западных и северных губерниях, медленнее в Центре и на Юге. Причем, если в трех первых регионах процесс пролетаризации обгонял темпы роста численности крестьянских хозяйств и поэтому наблюдался рост удельного веса безлошадных крестьянских хозяйств, то на Юге удельный вес безлошадных хозяйств не увеличивался. В целом же 1888–1912 гг. характеризовались небольшим смещением в распределении пролетарских хозяйств в сторону увеличения их количества и удельного веса в зоне раннего хозяйственного освоения: с 40,0 до 43,6%. Однако и в начале XX века большая часть безлошадных хозяйств продолжала концентрироваться в центральных и южных губерниях (табл. 6.16).

Таблица 6.18

Региональные особенности динамики социального расслоения крестьянства
Европейской России в 1888–1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Безлошадные:					
а) 1888–1891	17,2%	22,8%	42,7%	17,3%	100,0%
б) 1896–1901	19,5%	25,0%	40,1%	15,4%	100,0%
в) 1912	19,2%	24,4%	43,2%	15,4%	100,0%
Однолошадные:					
а) 1888–1891	33,0%	14,0%	43,4%	9,6%	100,0%
б) 1896–1901	32,0%	15,5%	42,9%	9,6%	100,0%
в) 1912	30,5%	15,6%	44,2%	9,6%	100,0%
С 2–3 лошадьми:					

Таблица 6.18 (окончание)

а) 1888–1891	21,0%	19,8%	42,6%	16,6%	100,0%
б) 1896–1901	18,6%	22,6%	40,5%	18,3%	100,0%
в) 1912	15,1%	22,2:	41,0%	21,6%	100,0%
С 4–5 лошадьми:					
а) 1888–1891	12,1%	19,4%	47,2%	21,3%	100,0%
б) 1896–1901	9,6%	19,7%	41,5%	29,1%	100,0%
в) 1912	7,2%	12,5%	45,4%	34,9%	100,0%
Многолошадные					
а) 1888–1891	5,4%	14,1%	41,9%	38,6%	100,0%
б) 1896–1901	3,6%	12,1%	32,1%	52,2%	100,0%
в) 1912	2,3%	6,1%	32,7%	58,9%	100,0%
Всего:					
а) 1888–1891	22,1	18,8%	43,2%	15,9%	100,0%
б) 1896–1901	21,9%	20,7%	41,0%	16,4%	100,0%
в) 1912	20,7%	20,0%	42,1%	17,1%	100,0%

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., С. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Одновременно с увеличением численности безлошадных хозяйств имело место и увеличение количества хозяйств, располагавших одной лошадью. На рубеже 80–90-х годов таких хозяйств было около 2,9 млн., в 1896–1901 гг. — 3,4 млн., а в 1912 г. уже 4,2 млн. В целом количеством однолошадных хозяйств увеличилось на 1,3 млн. или же более чем на 40%. Темпы этого роста опережали темпы увеличения общего количества крестьянских хозяйств, а поэтому удельный вес однолошадных дворов увеличивался: 28,6, 30,3 и 32,1%. В результате, если в 1888–1891 гг. пролетарские и полупролетарские хозяйства составляли 55,9% всех хозяйств, то в 1912 г. их удельный вес поднялся до 63,7%. Причем, если темпы роста численности безлошадных хозяйств были наибольшими в северных и западных губерниях, то темпы роста однолошадных хозяйств были наибольшими в центральных и южных губерниях. А в целом количество однолошадных хозяйств имело тенденцию к увеличению во всех регионах.

В результате в северных губерниях удельный вес пролетарских и полупролетарских хозяйств поднялся с 63,8 до 76,5%, в западных губерниях — с 54,6 до 63,6%, в центральных губерниях — с 55,7 до 64,6%. В общем и целом *приведенные данные свидетельствуют, что в рассматриваемый период процесс разрушения крестьянских хозяйств развивался довольно интенсивно.* И этим процессом была захвачена большая часть крестьянства.

Последней группой крестьянских хозяйств, численность которых увеличивалась, являлись хозяйства с двумя-тремя лошадьми. В 1888–1891 гг. их насчитывалось около 3,3 млн., в 1896–1901 гг. — 3,5 млн. и в 1912 г. — 3,9 млн. прирост составлял примерно 0,6 млн. хозяйств или же менее 20%. Сопоставляя этот показа-

тель с подобными же показателями, характеризующими рост безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, нетрудно заметить следующую закономерность — чем более высокое место занимала выделенная нами категория крестьянских хозяйств в их общей иерархии, тем темпы роста общей численности хозяйств становились более медленными. При этом как в западных, так и в центральных губерниях темпы роста численности средних хозяйств отставали от темпов роста общего числа крестьянских хозяйств. В результате этого сокращение удельного веса двух-трехлошадных крестьянских хозяйств происходило не только на Севере, но и в западных, и даже в центральных губерниях. На Севере удельный вес данной категории крестьянских хозяйств упал с 31,0 до 21,7%, на Западе — с 34,5 до 32,9% и в Центре — с 32,2 до 28,9%. Единственным регионом, где рост средней прослойки крестьянских хозяйств опережал темпы роста общей численности крестьянских хозяйств был Юг. Здесь удельный вес середняцких хозяйств увеличился с 34,1 до 37,6%. Вместе с тем произошло увеличение роли этих хозяйств в зоне позднего хозяйственного освоения: с 59,2 до 62,6%.

Если для крестьянских хозяйств трех выделенных нами нижних групп было характерно увеличение их количества, то уже среди крестьянских хозяйств с четырьмя-пятью лошадьми в рассматриваемый период существовало довольно четко выраженная тенденция сокращения их количества. В 1888–1891 гг. таких хозяйств насчитывалось 810,5 тыс., в 1896–1901 гг. — 726,4 тыс., в 1912 г. — 626,7 тыс. Количество хозяйств этой группы сократилось почти на 200 тыс. или же 25,0%. Сокращение имело место во всех регионах, за исключением южных губерний. Особенно резким оно было на Севере. В этом регионе количество зажиточных хозяйств сократилось более, чем на 50%, почти наполовину оно сократилось в западных губерниях. В Центре сокращение составило около 25%. И только на Юге количество зажиточных хозяйств имело тенденцию к росту: 172,4 тыс., 211,4 тыс. и 218,9 тыс. Прирост составлял около 45 тыс. крестьянских хозяйств или же примерно 25%.

Одновременно с этим происходило и изменение удельного веса этой группы крестьянских хозяйств: во всех регионах и по Европейской России в целом он сокращался. Отклонение от этого правила наблюдалось только в южных губерниях, где первоначально удельный вес зажиточных хозяйств несколько увеличился, и лишь затем тоже стал падать. В результате этого произошло заметное перераспределение зажиточных хозяйств между отдельными регионами. Если в 1888–1891 гг. в зоне раннего хозяйственного освоения концентрировалось около 31,5% всех зажиточных хозяйств, а в зоне позднего хозяйственного освоения 68,5%, то в 1912 г. соотношение это составляло уже соответственно 19,7 и 80,3%. Иными словами, центр крупного крестьянского хозяйства все более смещался в зону позднего хозяйственного освоения.

И последняя категория крестьянских хозяйств — хозяйства, владеющие шестью и более лошадьми и названные нами предпринимательскими. В 1888–1891 гг. их насчитывалось 345,2 тыс., в 1896–1901 гг. — 287,0 тыс. и в 1912 г. — 239,2 тыс. *За двадцать лет исчезло более 100 тыс. крестьянских хозяйств этого типа или же около 30% их количества.* Одновременно с этим произошло и сокращение их удельного веса с 3,4 до 1,8%. Сокращение численности хозяйств этой категории имело место во всех регионах, с той лишь разницей, что в южных губерниях в 90-е годы

численность предпринимательских хозяйств возрастала, а ее сокращение обнаружилось лишь в 900-е годы. Наиболее резко сокращалась численность предпринимательских хозяйств в северных и западных губерниях. На Севере их количество сократилось с 18,6 тыс. до 5,5 тыс., т.е. почти в три раза. Подобными же были темпы сокращения и в западных губерниях: с 48,6 тыс. до 24,5 тыс. В два раза сократилось количество предпринимательских хозяйств в центральных губерниях: с 144,6 тыс. до 78,2 тыс. Несколько иной была динамика этого процесса на Юга: 133,4 тыс., 149,7 тыс. и 141,0 тыс. Что же касается сокращения удельного веса, то это явление было характерно для всех регионов без исключений. Итогом этого процесса явилось сокращение удельного веса северных и западных губерний в общем распределении крестьянских хозяйств предпринимательского типа. В 1888–1891 гг. на долю этих губерний приходилось до 19,5% всех хозяйств этого типа, а в 1912 г. лишь 8,4%, а 92,6% кулацких хозяйств концентрировались в зоне позднего хозяйственного освоения. Причем, в 1912 г. 58,8% всех кулацких хозяйств сосредотачивались всего лишь в восьми южных губерниях. Следовательно, сюда перемещался центр не только крупного крестьянского, но и капиталистического крестьянского хозяйств. В результате чего процесс социальной дифференциации крестьянства приобретал ярко выраженный территориальный характер.

Одновременно с изменением социальной структуры крестьянства происходило и перераспределение рабочего скота. С одной стороны, имело место увеличение его поголовья в южных губерниях, а с другой стороны, происходило сокращение его поголовья в северных губерниях.

Таблица 6.19

Перераспределение рабочего скота внутри крестьянства
Европейской России в 1888–1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Однолошадные:					
а) 1888–1891	953527	496473	1254441	278751	2893192
б) 1896–1901	1076467	520587	1442692	322032	3361778
в) 1912	1289044	663171	1868298	495496	4226009
С 2–3 лошадьми:					
а) 1888–1891	1587941	1513774	3326906	1262869	7621490
б) 1896–1901	1469753	1788781	3296638	1481990	8037162
в) 1912	1311099	1891456	3677683	1907470	8787768
С 4–5 лошадьми:					
а) 1888–1891	417921	680211	1664962	752259	3505353
б) 1896–1901	296156	615507	1299707	921734	3133104
в) 1912	190282	332497	1221000	951348	2695127
Многолошадные:					
а) 1888–1891	133679	338225	1093650	1266378	2831932
б) 1896–1901	74964	239617	679223	1349595	2343399

Таблица 6.19 (окончание)

в) 1912	38725	99610	576003	1261028	1975366
Всего:					
а) 1888–1891	3093068	2938683	7329959	3560257	16921967
б) 1896–1901	2917340	3164492	6718260	4075351	16875443
в) 1912	2829150	2986734	7342984	4525342	17684210

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., С. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Соответственно этому удельный вес рабочего скота, концентрировавшегося в южных губерниях увеличился с 21,1 до 25,6%, а удельный вес рабочего скота, сосредотачивавшегося в северных губерниях, упал с 18,3 до 16,0%. В западных губерниях в 90-е годы происходило увеличение поголовья скота, а в 900-е годы началось его сокращение. Наоборот, в центральных губерниях сокращение общего поголовья рабочего скота наблюдалось в 90-е годы, а 900-е годы характеризовались его увеличением.

Таблица 6.20

Региональные особенности перераспределения рабочего скота
внутри крестьянства Европейской России в 1888–1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Однолошадные:					
а) 1888–1891	32,9%	14,0%	43,4%	9,6%	100,0%
б) 1896–1901	32,0%	15,5%	42,9%	9,6%	100,0%
в) 1912	30,5%	15,7%	44,2%	9,6%	100,0%
С 2–3 лошадьми:					
а) 1888–1891	20,6%	19,7%	43,2%	16,4%	100,0%
б) 1896–1901	18,3%	22,3%	41,0%	18,4%	100,0%
в) 1912	14,9%	21,5%	41,9%	21,7%	100,0%
С 4–5 лошадьми:					
а) 1888–1891	11,9%	19,4%	47,2%	21,5%	100,0%
б) 1896–1901	9,5%	19,6%	41,5%	29,4%	100,0%
в) 1912	7,1%	12,3%	45,3%	35,3%	100,0%
Многолошадные					
а) 1888–1891	4,7%	11,9%	38,6%	44,7%	100,0%
б) 1896–1901	3,2%	10,2%	29,0%	57,6%	100,0%
в) 1912	2,0%	5,0%	29,2%	63,8%	100,0%
Всего:					
а) 1888–1891	18,3%	17,4%	43,3%	21,1%	100,0%
б) 1896–1901	17,3%	18,8%	39,8%	24,1%	100,0%
в) 1912	16,0%	16,9%	41,5%	25,6%	100,0%

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., С. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Следующим важным моментом в процессе перераспределения рабочего скота было увеличение его концентрации в полупролетарских и средних крестьянских хозяйствах: однолошадные — 17,1, 19,9, 23,9%; средние крестьянские хозяйства — 45,5, 47,7, 50,0%. В связи с этим количество рабочего скота, концентрировавшегося в зажиточных и кулацких хозяйствах сократилось с 37,4% в 1888–1891 гг. до 26,4% в 1912 г. Отступление от этого представляли только южные губернии, где поголовье рабочего скота у зажиточных крестьянских хозяйств имело тенденцию к увеличению, а среди кулацких хозяйств подобная же тенденция действовала до начала XX века и только в 900-е годы сменилась общей тенденцией, тенденцией к сокращению поголовья рабочего скота даже среди многолошадных крестьянских хозяйств.

Таблица 6.21

Региональные особенности перераспределения рабочего скота
внутри крестьянства Европейской России в 1888–1912 гг.

Группировка хозяйств	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Однолошадные:					
а) 1888–1891	30,8%	13,8%	17,1%	7,8%	17,1%
б) 1896–1901	36,0%	16,5%	21,5%	7,9%	19,9%
в) 1912	45,6%	22,2%	25,4%	9,0%	23,9%
С 2–3 лошадьми:					
а) 1888–1891	51,3%	51,5%	45,4%	35,5%	19,6%
б) 1896–1901	50,4%	56,5%	49,1%	36,4%	20,7%
в) 1912	46,3%	63,3%	50,1%	42,2%	22,1%
С 4–5 лошадьми:					
а) 1888–1891	13,5%	23,1%	22,7%	21,1%	20,7%
б) 1896–1901	10,2%	19,5%	19,3%	22,6%	18,6%
в) 1912	6,7%	11,1%	16,6%	21,0%	15,2%
Многолошадные					
а) 1888–1891	4,3%	11,5%	14,9%	35,6%	16,7%
б) 1896–1901	2,6%	7,6%	10,1%	33,1%	13,9%
в) 1912	1,4%	3,3%	7,8%	27,9%	11,2%
Всего:					
а) 1888–1891	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%
б) 1896–1901	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%
в) 1912	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источники: Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., С. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914.

Причина этого заключалась в том, что главным производителем поступавшей на рынок сельскохозяйственной продукции являлись «средние» и беднейшие крестьянские хозяйства, товарность которых имела вынужденный характер. В результате цены на сельскохозяйственную продукцию в целом были ниже их «себестоимости». В таких условиях капиталистически организованное производство в деревне могло существовать только в виде исключения, только там, где возможно было получение так называемой «дифференциальной ренты». Поэтому «капиталисты» крестьяне предпочитали вкладывать свои средства не в сельскохозяйственное производство, а в торговлю и ростовщичество. Что же касается сокращения численности и удельного веса многолошадных крестьянских хозяйств, то оно свидетельствовало не о декапитализации сельского хозяйства, как считали до революции 1917 г. некоторые авторы, а прежде всего о разрушении крупных крестьянских хозяйств, основанных на семейной кооперации.

О том, что в глубине деревни действительно развивался смазываемый разрушением большинства крестьянских хозяйств процесс кристаллизации нового типа хозяйств, может свидетельствовать сопоставление материалов земельных переписей 1877 и 1905 гг. о купчем крестьянском землевладении.

Таблица 6.22

Купчие крестьянское землевладение Европейской России
по данным 1877 и 1905 гг.

Районы	До 10 дес.	10–100 дес.	100–500 дес.	500–1000 дес.	Более 1000
Север:					
а) 1877 г.	101324	51163	3393	211	102
б) 1905 г.	145275	77103	6935	548	232
Запад:					
а) 1877 г.	11601	7796	413	23	9
б) 1905 г.	27900	22468	2006	160	52
Центр:					
а) 1877 г.	63039	20636	1224	69	29
б) 1905 г.	129798	43742	3927	310	132
Юг:					
а) 1877 г.	8964	3012	740	133	100
б) 1905 г.	10361	10940	4352	784	552
Всего:					
а) 1877 г.	184028	82607	5770	434	240
б) 1905 г.	313334	154253	17220	1802	968

Источники: Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. СПб., 1886; Статистика землевладения 1905 г. Свод по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

Приведенные данные свидетельствуют, что в 1877–1905 гг. не только увеличилось число крестьян, владеющей землею на частном праве, но и увеличилось чис-

ло крупных землевладельцев из числа крестьян. Не все они являлись крестьянами в полном смысле этого слова. Но факт накопления крестьянских капиталов в сфере землевладения бесспорен.

Возникает вопрос, как же согласовать эти данные с данными военно-конских переписей? В данном случае прежде всего необходимо посмотреть на соотношение данных поземельных обследований и данных военно-конских переписей. Если оставить в стороне хозяйства с купчей землей в размере до 10 дес., то окажется, что за 1877–1905 гг. появилось около 85 тыс. новых хозяйств с купчей землей более 10 дес., а всего таких хозяйств в 1905 г. было около 175 тыс.¹²¹⁰ Если теперь соотнести эти показатели с показателями военно-конских переписей, то окажется, что эти 175 тыс. хозяйств приходились почти на 1,0 млн. зажиточных и кулацких хозяйств. Следовательно, *процесс концентрации собственности захватывал сравнительно небольшую часть этих хозяйств. А преобладающим был процесс дробления.*

Следовательно, *в рассматриваемый период ведущей тенденцией внутри крестьянства была тенденция, связанная с нарушением воспроизводства крестьянского хозяйства, тенденция массового его разорения. В связи с чем сельскохозяйственное производство все более и более сосредотачивалось в руках полупролетарских и средних крестьянских хозяйств, а роль зажиточных и многолошадных крестьянских хозяйств при этом имела тенденцию к сокращению.* Причем в начале XX века эта тенденция стала всеобщей, захватив и южные губернии. Однако разрушение многолошадных и зажиточных крестьянских хозяйств не означало отсутствие в деревне восходящих тенденций, в частности процесса расширения производства, процесса накопления. Основанием для такого заключения могут служить данные о мобилизации земли крестьянами.

Таким образом, мы видим разрушение не только средних, но и зажиточных и даже предпринимательских хозяйств. С одной стороны, это несомненно показатель того, что в условиях убыточности сельского хозяйства капиталистически организованное производство здесь не могло расти. С другой стороны, не следует забывать, что процесс социального расслоения это выделение не только хозяйств фермерского типа, но и формирование других элементов сельской буржуазии, торговых и ростовщических.

Процесс раскрестьянивания

Анализ крестьянских бюджетов обнаружил следующий очень важный факт: сопоставление расходов и доходов от сельского хозяйства обнаруживает отрицательный баланс. Однако если принять во внимание другие доходы, картина будет несколько иной.

Объяснение этого заключается в том, что теряя возможность осуществлять воспроизводство своей рабочей силы, разоряющиеся крестьяне превращались не только в пауперов, но и в наемных рабочих.

Во данных переписи 1897 г. в Европейской России насчитывалось 1,8 млн. постоянных сельскохозяйственных рабочих и примерно 5,4 млн. всех сельскохо-

¹²¹⁰ Размеры купчей земли в 10 дес. слишком малы для предпринимательских хозяйств, поэтому оценка численности успешных предпринимательских хозяйств в 175 тыс. представляется чрезвычайно завышенной (прим. редактора).

зяйственных рабочих (с учетом сроковых и поденных). Если исходить из того, что средняя крестьянская семья в это время составляла около 6 человек, из которых 3 были в рабочем возрасте, получается, что 2,8 млн. безлошадных крестьянских дворов имели 8,4 млн. работников.

В литературе уже давно поставлен вопрос о необходимости выделения двух процессов: пролетаризации и пауперизации крестьянства. Если бы процесс роста численности избыточного населения и связанного с этим разорения крестьянства сопровождался параллельным развитием капиталистического производства, мы имели бы дело только или преимущественно с пролетаризацией крестьянства, т.е. с превращением крестьян в наемных работников.

То, что процесс разорения крестьянства опережал процесс накопления в деревне, не вызывает сомнения, в результате чего избыточные рабочие руки не могли найти себе применения в сельском хозяйстве и устремлялись в другие отрасли экономики. Между тем *есть основания утверждать, что темпы развития капиталистической промышленности отставали от темпов разорения крестьянства, поэтому имело место увеличение аграрного перенаселения*, а значит, развитие не только процесса пролетаризации, но и пауперизации крестьянства.

Как определить соотношение этих двух процессов и установить: а) какой из них преобладал и б) как менялось соотношение между ними? Нами показано, что в начале XX в. имело место увеличение аграрного перенаселения¹²¹¹, а это значит, что происходило увеличение масштабов пауперизации, рост скрытой безработицы. Увеличение численности ненужных рабочих рук (т.е. едоков) имело своим следствием возрастание нерентабельности, убыточности крестьянских хозяйств.

Одна из особенностей крестьянского хозяйства заключалось в том, что оно представляло собою соединение сельскохозяйственного производства и домашней промышленности. Обычно нарушение простого воспроизводства крестьянского хозяйства сводят только к его неспособности осуществлять удовлетворение всех потребностей крестьянской семьи и в поисках заработка ее членами за пределами собственного хозяйства, т.е. к тому, что получило названия пролетаризации.

Однако в действительности данный процесс был гораздо сложнее. Если одни крестьяне действительно вынуждены были искать заработка за пределами своего хозяйства, то другие, не имея возможности в прежнем объеме осуществлять сельскохозяйственное производство, расширяли производство предметов домашней промышленности для реализации их на рынке и получения необходимых денежных средств таким образом. Так, в деревне зарождается кустарное производство.

Таким образом, процесс разрушения крестьянского хозяйства развивался не по одному, а по двум направлениям. Но если первое до сих пор привлекает к себе внимание исследователей, то судьба вопроса о развитии кустарного производства сложилась совсем иначе.

В оценке численности кустарей в дореволюционной литературе не существовало единства.

Один из первых расчетов численности кустарей был сделан в 1880-е гг. председателем Комиссии по исследованию кустарных промыслов Е.Н. Андреевым, кото-

¹²¹¹ Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения...

рый определил ее в пределах 7,5 млн. человек¹²¹². Тогда же В.П. Воронцов определял численность кустарей в 10–12 млн.¹²¹³ «Некоторые исследователи кустарных промыслов определяют численность кустарей в 10–12 миллионов человек. Надо думать, что эта цифра не только не преувеличена, а скорее, ниже действительности», — писал И.П. Ямпольский¹²¹⁴. В своем докладе на Втором съезде деятелей по кустарной промышленности в 1910 г. В.И. Гомилевский счел возможным увеличить этот показатель до 15 млн.¹²¹⁵ Такого же мнения на этот счет придерживался Я.Я. Полферов¹²¹⁶.

Однако накануне Первой мировой войны А.А. Рыбников поставил эти расчеты под сомнение и назвал приведенные цифры «большим недоразумением». По его мнению, к этому времени в России насчитывалось менее 2 млн. кустарей; в основу своих исчислений он положил материалы земских подворных переписей¹²¹⁷. Мнение А.А. Рыбникова получило поддержку со стороны Э.Э. Крузе (1976)¹²¹⁸ и К.Н. Тарновского (1995)¹²¹⁹.

Решение этого вопроса зависит от: а) определения понятия кустарное производство, б) использованных источников и в) от методики расчетов. Ни в одном из этих вопросов среди исследователей не было и нет единства.

На мой взгляд, удачнее всего было то определение, которое было дано в 1882 г. на торгово-промышленном съезде в Москве, когда были названы следующие критерии определения кустарной промышленности: а) связь с землей, б) использование семейного труда, в) производство на рынок¹²²⁰. Исходя из этого, можно утверждать, что с того момента, когда кустарь разрывал связь с землей или же когда она приобретала уже формальный характер, кустарная мастерская превращалась в промышленное предприятие и кустарь переходил в разряд мелких промышленников.

На протяжении столетий подавляющее большинство населения страны проживало в деревне и вело натуральное хозяйство. Затем началось перемещение крестьян из деревни в город.

Некоторое представление об итогах урбанизации нашей страны к концу XIX в. дает Первая всеобщая перепись населения 1897 г. В соответствии с ее данными, на территории Европейской России проживало 93,4 млн. чел., из них 12,1 млн. или

¹²¹² Андреев Е.Н. Кустарная промышленность в России. СПб., 1882; Он же. Кустарная промышленность в России по исследованиям «Комиссии для исследования кустарной промышленности в России» и другим источникам. СПб., 1885. С. 69.

¹²¹³ В.В. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.

¹²¹⁴ Ямпольский И.П. Кустарные промыслы в России // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ и Лесному департаменту. Год третий. СПб., 1910. С. 647. См. также: Труды 1-го съезда деятелей по кустарным промыслам. Т. I. Ч. II. СПб., 1910. С. 7.

¹²¹⁵ Труды 2-го съезда деятелей по кустарной промышленности. СПб., 1910. С. 270 (доклад В.И. Гомилевского).

¹²¹⁶ Полферов Я.Я. Кустарная промышленность в России. СПб., 1913. С. 1–2.

¹²¹⁷ Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913. С. 20.

¹²¹⁸ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976..

¹²¹⁹ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М., 1995. С. 23; Он же. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995.

¹²²⁰ Труды высочайше разрешенного Торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле, в Москве июле 1882 г. Т. I. СПб., 1883.

13,0% — в городах и 81,3 млн. — 87% — в уездах. Наиболее значительным удельный вес сельского населения был в Центре — 90,9%, на Западе этот показатель опустился до 87,7%, на Юге — до 86,3%, на Севере — до 80,1% (табл. 6.23).

Таблица 6.23

Итоги урбанизации Европейской России к 1897 г. (млн. чел.)

Население	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
Всего: абс.	19,1	22,0	34,0	18,3	93,4
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в городах: абс.	3,8	2,7	3,1	2,5	12,1
%	19,9	12,3	9,1	13,7	13,0
в уездах: абс.	15,3	19,3	30,9	15,8	81,3
%	80,1	87,7	90,9	86,3	87,0

Источник: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года, т. 1. СПб., 1905.

Однако эти цифры не позволяют судить о реальном соотношении аграрного и индустриального секторов экономики. Дело в том, что значительная часть фабрик, кустарных мастерских и торговых заведений концентрировалась в сельской местности. Этот факт был отмечен еще в дореволюционной литературе¹²²¹.

В связи с этим мною была сделана попытка выделить из состава сельского населения ту его часть, для которой сельское хозяйство не являлось главным источником существования¹²²². При этом была допущена ошибка. Все лица, занимавшиеся сельским хозяйством, были отнесены к сельскому населению. Между тем среди них имелись и горожане. С учетом этого в опубликованные данные следует внести некоторые коррективы.

Всего, по данным переписи 1897 г., сельское хозяйство являлось главным источником существования для 69,5 млн. чел.¹²²³ Из них в уездах проживало примерно 68,7 млн., 98,8%¹²²⁴. Это значит, что 12,6 млн. человек сельского населения (13,5%) жили главным образом за счет несельскохозяйственных занятий.

При этом необходимо учитывать, что часть сельскохозяйственного населения имела побочные промыслы. Таких лиц перепись 1897 г. зарегистрировала около 5 млн. (табл. 6.18).

А поскольку крестьяне с промыслами принадлежали к взрослой части сельского населения, необходимо хотя бы ориентировочно определить их долю среди трудоспособного населения.

¹²²¹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России... С. 523.

¹²²² Островский А.В. Сельскохозяйственное население Европейской России... С. 113–116; Он же. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 206–207.

¹²²³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. II. СПб., 1905. С. 372.

¹²²⁴ Там же. С. 265, 297.

Накануне отмены крепостного права в разных губерниях на этот счет существовали разные критерии. В одних к трудоспособному населению относили женщин в возрасте от 16 до 50, мужчин — от 17 до 55 лет, в других — женщин до 45, мужчин — до 50 лет¹²²⁵. При этом мужчин 55-летнего возраста материалы Редакционных комиссий характеризовали как «стариков»¹²²⁶. В этом нет ничего удивительного, так как накануне отмены крепостного права средняя продолжительность жизни составляла около 27 лет. К началу XX в. она увеличилась до 33 лет¹²²⁷. Поэтому, по всей видимости, не будет большой ошибки, если для 1897 г. взять рабочий возраст женщины от 16 до 55 лет, а рабочий возраст мужчины — от 16 до 60 лет¹²²⁸. В соответствии с этим критериями в 1897 г. численность трудоспособного сельскохозяйственного населения Европейской России составляла около 35 млн. чел. (табл. 6.24).

Таблица 6.24

Структура трудоспособного сельскохозяйственного населения
Европейской России. 1897 г. (млн. чел.)

Районы	Трудоспособные			С промыслами			Без промыслов		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Север	2,8	3,4	6,2	1,1	0,5	1,6	1,7	2,9	4,6
Запад	3,9	4,0	7,9	0,6	0,2	0,8	3,3	3,8	7,1
Центр	6,8	7,2	14,0	1,3	0,7	2,0	5,5	6,5	12,0
Юг	3,4	3,4	6,8	0,4	0,2	0,6	3,0	3,2	6,2
Всего	16,9	18,0	34,9	3,4	1,6	5,0	13,5	16,4	29,9

Источник: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года, т. 1–2. СПб., 1905.

Из приведенной таблицы явствует, что побочные промыслы имело 14% трудоспособного сельскохозяйственного населения. Поскольку 1,5% сельскохозяйственного населения приходилось на города, численность сельскохозяйственного населения с побочными промыслами в уездах следует сократить до 4,9 млн. чел.

Наряду с этим перепись 1897 г. зарегистрировала еще 1,8 млн. человек (Север — 246 тыс., Запад — 756 тыс., Центр — 469 тыс., Юг — 365 тыс.), которые являлись постоянными сельскохозяйственными рабочими¹²²⁹. Справочная литература того времени определяла соотношение между постоянными и сезонными рабочи-

¹²²⁵ Скребицкий А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 169, 242, 260, 311.

¹²²⁶ Там же. С. 311.

¹²²⁷ Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 61.

¹²²⁸ Со ссылкой на данные «г. Буняковского» и «академика Веселовского» Департамент земледелия определял рабочий возраст для мужчин в пределах от 18 до 60 лет, для женщин — от 16 до 55 (Короленко С.А. Указ. соч. С. X).

¹²²⁹ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1906. Приложение. С. 2–3.

ми как 1 к 2¹²³⁰. В таком случае общую численность сельскохозяйственного пролетариата можно определить в 5,4 млн. чел. Следовательно, из 35 млн. трудоспособного сельскохозяйственного населения различного рода промыслами занималось около 10,4 млн. чел.

Если распределить их пропорционально доле сельскохозяйственного населения в городах и уездах, на уезды придется 10,3 млн. Если же допустить, что все горожане, занимавшиеся сельским хозяйством, имели побочные промыслы, на сельское сельскохозяйственное население придется 9,7 млн. чел. Во избежание завышения численности сельского сельскохозяйственного населения, затронутого процессом пролетаризации и пауперизации, возьмем последний показатель. Сделанный расчет показывает, что к концу XIX в. процесс разрушения крестьянского хозяйства достиг значительных масштабов, но еще не прошел своего апогея (табл. 6.25).

А.Л. Вайнштейн считал (к сожалению, без указания источников и объяснения методики расчетов), что к 1912 г. доля сельского несельскохозяйственного населения достигла 20%¹²³¹.

К тому времени население Европейской России увеличилось до 122,6 млн. чел., при этом численность городского населения выросла с 12,0 до 16,2 млн., сельского — с 81,3 до 106,4 млн.

В нашем распоряжении нет сведений о численности сельскохозяйственного населения в 1912 г., но мы располагаем данными о численности крестьянских хозяйств. Такие сведения собирались при проведении военно-конских переписей. Так, в ходе военно-конской переписи 1896–1901 гг. на территории 48 губерний Европейской России (без Архангельской губернии и области Войска Донского) было учтено 11,1 млн. крестьянских дворов¹²³². Принимая в расчет численность сельскохозяйственного населения в этих губерниях на 1897 г., мы получим на один двор 6,0 чел.¹²³³, а, используя данные военно-конской переписи 1912 г. о количестве крестьянских дворов и выведенный выше показатель людности крестьянского двора, численность сельскохозяйственного населения на 1912 г. можно определить примерно в 81,6 млн. чел., 67,3% всего и 77,4% сельского населения Европейской России (табл. 6.19).

Следовательно, за истекшие с момента переписи 1897 г. 15 лет численность сельского несельскохозяйственного населения увеличилась до 24,8 млн. чел. или с 12,7 до 20,2%.

Представляется возможным приблизительно определить и численность той части сельскохозяйственного населения, которая не могла существовать без посторонних заработков. В конце XIX века она составляла около 28% сельскохозяйственного населения Европейской России. Это почти совпадает с долей безлошадных

¹²³⁰ Баталин Ф.А. Календарь и справочная книжка русского сельского хозяина на 1884 г. СПб., 1883. Ч. 2. С. 52.

¹²³¹ Вайнштейн А.Л. Обложения и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. М., 1924. С. 19.

¹²³² Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898; Военно-конская перепись 1899–1901 г. СПб., 1902.

¹²³³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года, т. II. СПб., 1905. С. 265, 302, 305.

крестьянских хозяйств в 1896–1901 гг. — 29%¹²³⁴. Следовательно, та часть сельскохозяйственного населения, которая сочетала ведение своего хозяйства с различного рода промыслами, примерно соответствовала численности безлошадных крестьянских хозяйств. А поскольку к 1912 г. их удельный вес поднялся до 31,6%¹²³⁵, численность крестьян с различного вида промыслами на эту дату можно определить в пределах 25,8 млн. чел. (табл. 6.25).

Таблица 6.25

Перестройка социально-демографической структуры населения
Европейской России в конце XIX – начале XX в. (млн. чел.)

Население	Показатели	1897	1912	Изменения
Всего	абс.	93,4	122,6	29,2
	в %	100,0	100,0	—
I. Городское	абс.	12,1	16,2	4,1
	в %	12,9	13,2	—
II. Сельское				
1. Всего	абс.	81,3	106,4	25,1
	в %	87,1	86,8	—
2. Несельскохоз.	абс.	12,6	24,8	12,2
	в %	13,5	20,2	—
3. Сельскохоз.				
— всего	абс.	68,7	81,6	12,9
	в %	73,6	66,6	—
— с промыслами	абс.	19,4	25,8	6,4
	в %	20,8	21,0	—
— без промыслов	абс.	49,3	55,8	6,5
	в %	52,8	45,6	—

Источники: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. 1–2. СПб., 1905; Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898; Военно-конская перепись 1899–1901 гг. СПб., 1902; Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914; Статистический ежегодник России на 1912 год. СПб., 1913.

В таком случае крестьянское население, не затронутое процессом пролетаризации и пауперизации, составляло около 56,8 млн. чел., 46% всего населения. Это значит, что на рубеже XIX–XX вв. процесс первоначального накопления и связанная с ним перестройка социально-демографической структуры населения Европейской России вступили в кульминационную стадию. Быстрее всего этот процесс развивался в зоне раннего освоения, особенно в северных губерниях, медленнее — в зоне позднего освоения.

¹²³⁴ Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX–начала XX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда. Октябрь 1992 г. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 69–85.

¹²³⁵ Там же.

Глава 7.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Обсуждение аграрного вопроса в правительстве в конце XIX века

Характеризуя положение, сложившееся в экономике к 1886 г., когда Россия оказалась перед лицом так называемого аграрного кризиса, министр финансов Н.Х. Бунге писал: «Упадок русских финансов особенно заметно стал обнаруживаться с 60-х годов, а с 1880 года он приобрел характер угрожающий». Перечислив проявление финансового кризиса, царский министр констатировал: «Все это при отсутствии даже намёка на какое либо улучшение готовит в недалеком будущем тяжелую развязку», под которой он имел в виду «государственное банкротство» и как следствие этого «государственный переворот»¹²³⁶.

Прогноз полностью подтвердился в 1917 г.

Однако, сделав его, Н.Х. Бунге подписал себе приговор. 1 января 1887 г. он был отправлен в отставку¹²³⁷. Ставший его преемником И.А. Вышнеградский¹²³⁸ представил царю записку с изложением мер, направленных на ликвидацию бюджетного дефицита¹²³⁹. Рассматривая в качестве одного из важнейших источников пополнения казны хлебный экспорт, он прославился словами «Не доедим, но вывезем»¹²⁴⁰.

Аграрный кризис 80-х годов¹²⁴¹ заставил правительство вернуться к вопросу о состоянии и перспективах развития деревни. С этой целью в 1888 г. была создана спе-

¹²³⁶ [Бунге Н.Х.] Замечания министра финансов на записку тайного советника Смирнова, озаглавленную «Современное состояние наших финансов причины упадка их и средства улучшения нашего государственного хозяйства». СПб., 1886. С. 2.

¹²³⁷ Шилов Д.Н. Государственные деятели российской империи. 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 100.

¹²³⁸ Там же. С. 151.

¹²³⁹ Записка И.А. Вышнеградского Александру III «Об изменении финансового управления». 21 декабря 1886 г. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 272–280.

¹²⁴⁰ Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб. 1901. С. 21. Оправдывая царского министра, Б.Н. Миров не только рассматривает эти слова как случайно вырвавшиеся, но и относит их к разряду «юмора» (Миров Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 644).

¹²⁴¹ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959.

циальная Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения. Ее возглавил бывший директор Департамента полиции сенатор В.К. фон Плеве¹²⁴².

Работа комиссии уже подходила к концу, когда летом 1891 г. произошел крупный неурожай, и в следующем году многие губернии оказались перед лицом голода¹²⁴³. В такой ситуации, в октябре 1892 г. В.К. Плеве подписал доклад, в котором давался ответ на вопрос о причинах кризиса и намечались пути выхода из него¹²⁴⁴.

В докладе говорилось: «Исследование положения нашего земледелия приводит к убеждению, что сельское хозяйство действительно переживает у нас в последнее время *затруднения* экономического характера, проистекающие из *несоответствия хозяйственного строя нашей деревни требованиям современного международного рынка*»¹²⁴⁵.

Отметив, что за истекшее столетие международный хлебный рынок вырос почти в 60 раз, комиссия констатировала: «Ни одна страна на всем земном шаре не имеет внутреннего хлебного рынка, который по своим оборотам мог бы соперничать с международным. Естественно, что международный рынок приобрел первенствующее значение в установлении хлебных цен и этими ценами страны, продающие хлеб, вынуждены руководствоваться не только в экспортных, но и во внутренних оборотах своего хлеба»¹²⁴⁶.

Далее Комиссия отмечала падение хлебных цен на мировом рынке и, проанализировав их причины, приходила к выводу, что это не случайное, а устойчивое и долговременное явление, с которым необходимо считаться¹²⁴⁷.

Намечая выход из сложившегося положения Комиссия предлагала: а) совершенствование сельскохозяйственной техники и сокращение за счет этого издержек производства, б) снижение затрат на транспортировку хлеба, в) создание элеваторной системы, которая могла бы открыть возможность для маневрирования на хлебном рынке, г) развитие дешевого кредита¹²⁴⁸.

16 ноября 1892 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново представил записку, в которой предложил принять некоторые меры, направленные на расширение хозяйственной самостоятельности крестьян, в частности ограничить переделы 12 годами¹²⁴⁹. 30 января 1893 г. министр императорского двора и уделов граф

¹²⁴² Об образовании Особого совещания для обсуждения вопросов, вытекающих из трудов Комиссии сенатора фон Плеве // РГИА. Ф. 395 (Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики). Оп. 1. Д. 128.

¹²⁴³ Robbins R. Famine in Russia, 1891–1892 // The imperial government responds to a crisis. Columbia University Press, 1975.; Wheatcroft S.G. The 1891–1892 famine in Russia: towards a more detailed analysis of its scale and demographic significance // Economy and society in Russia and the Soviet Union, 1860–1930. Essays for Olga Crisp. St. Martin's Press, 1992. P. 44–64.

¹²⁴⁴ Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1888 гг. СПб., 1892.

¹²⁴⁵ Там же. С. 14.

¹²⁴⁶ Там же. С. 17.

¹²⁴⁷ Там же. С. 17–32.

¹²⁴⁸ Там же. С. 89–129.

¹²⁴⁹ Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее министра внутренних дел И.Н. Дурново // Всемирный вестник. 1907. № 7. Отд. 2. С. 3–4.

И.И. Воронцов-Дашков направил записку, в которой пошел еще дальше и поставил вопрос о необходимости ликвидации общины¹²⁵⁰. Эта записка вызвала возражения И.Н. Дурново¹²⁵¹, в результате чего не только за закрытыми дверями правительственных учреждений¹²⁵², но и в печати развернулась полемика о судьбе общины. Одним из результатов обсуждения той проблемы стал закон 1893 г. о переделах, другим — закон 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских наделных земель¹²⁵³.

Когда в 1895 г. умер Н.Х. Бунге, занимавший до этого пост председателя Комитета министров¹²⁵⁴, среди его бумаг была обнаружена записка, которая получила название «Загробные заметки». В этой записке бывший царский сановник обращал внимание на необходимость изменения внутренней политики, в частности он предлагал переселение избыточного крестьянского населения из Европейской России на свободные земли и переход от общинного землевладения к частному¹²⁵⁵.

С 1 января 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗИГИ) во главе с А.С. Ермоловым¹²⁵⁶. В декабре 1895 г. в Москве состоялся всероссийский сельскохозяйственный съезд, который обратился в министерство с предложениями о необходимости серьезных перемен в деревне¹²⁵⁷. В связи с этим 5 февраля 1896 г. в МЗИГИ была создана «Особая сельскохозяйственная комиссия»¹²⁵⁸, которую возглавил товарищ министра земледелия и государственных имуществ А. Нарышкин. Комиссия уже 16 февраля приступила к работе¹²⁵⁹ и продолжала действовать по крайней мере до 12 января 1900 г.¹²⁶⁰ Среди тех вопросов, которые были рассмотрены ею, можно назвать записку «Сельскохозяйственный кризис, его причины и меры к его

¹²⁵⁰ Там же. С. 4–21.

¹²⁵¹ Там же. С. 22–27.

¹²⁵² Брусникин Е.М. Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции 80-х – начала 90-х годов XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Он же. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции 80-х – начала 90-х годов // Вопросы истории. 1970. № 2.

¹²⁵³ Брусникин Е.М. Подготовка закона 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских наделных земель // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 72. Т. 1 С. 345–374.

¹²⁵⁴ Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 99–100.

¹²⁵⁵ Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России... С. 253. См. также: Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге. 1881–1894. СПб., 1896.

¹²⁵⁶ Материалы по преобразованию Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ. СПб, 1893.

¹²⁵⁷ Записка председателя Особой сельскохозяйственной комиссии А. Нарышкина в МЗИГИ. 29 октября 1896 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. 1897. Д. 61. Л. 87–99.

¹²⁵⁸ Положение об Особой сельскохозяйственной комиссии. Утверждено 5 февраля 1896 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. 1897. Д. 61. Л. 21.

¹²⁵⁹ Протокол первого заседания Особой сельскохозяйственной комиссии. 16 февраля 1896 г. // Там же. Л. 46–47.

¹²⁶⁰ Протокол заседаний Особой сельскохозяйственной комиссии. 7, 8 и 12 января 1900 г. // Там же. Л. 237–242.

ослаблении»¹²⁶¹. Однако никаких радикальных мер в этом направлении МЗиГИ так и не выработало¹²⁶².

Министерство финансов, которое с 1892 г. возглавлял С.Ю. Витте, не менее, а может быть, даже более важным считало другой путь — расширение внутреннего рынка за счет развития отечественной промышленности. С одной стороны, промышленность должна была поглотить растущий в деревне избыток рабочей силы. с другой стороны, увеличить внутренний спрос на товарную продукцию сельского хозяйства и повысить покупательную способность населения¹²⁶³. В связи с этим одним из ближайших сподвижников С.Ю. Витте В.И. Ковалевским была составлена специальная программа ускоренного развития промышленности и торговли. Она была утверждена С.Ю. Витте 30 октября 1893 г.¹²⁶⁴

И меры, намеченные В.К. Плеве, и путь, указываемый С.Ю. Витте требовали денег. В.К. Плеве оставлял данный вопрос открытым, С.Ю. Витте предлагал для ускорения экономического развития промышленности использовать иностранные инвестиции¹²⁶⁵. Частично это задача была решена, и во второй половине 1890-х гг. в России начался промышленный подъем.

В то же время С.Ю. Витте понимал, что этого недостаточно. Поэтому он считал благом для экономики низкие цены на хлеб, полагая, что, с одной стороны, они позволяют перекачивать необходимые средства из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность, с другой стороны, ставя крестьянские и помещичьи хозяйства перед угрозой разорения, заставляют их повысить свою производительность, а значит, и рентабельность.

Для обоснования этой политики Министерство финансов инициировало в 1894 г. (год самых низких экспортных цен) подготовку специального сборника статей¹²⁶⁶, который под названием «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» увидел свет в 1896 г.¹²⁶⁷ В следующем, 1897 г.,

¹²⁶¹ Сельскохозяйственный кризис, его причины и меры к его ослаблению. [1897] // Там же. Л. 249–294. См. также: РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 588. Л. 121–145.

¹²⁶² См.: Протоколы заседаний Особой сельскохозяйственной комиссии» 1896–1897 гг.// РГИА. Ф. 381. Оп. 50. 1897. Д. 61.

¹²⁶³ Шепелев Л.Е. Промышленность или сельское хозяйство? Проблема смены курса политики правительства в начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 7–24.

¹²⁶⁴ Из жизни и печати. Торгово-промышленная программа Министерства финансов // Русский вестник. 1893. Т. XII. С. 331–334; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1981. С. 205.

¹²⁶⁵ Там же.

¹²⁶⁶ Дякин В. С. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» //Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в. Л., 1988.

¹²⁶⁷ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства. Т. 1–2. СПб., 1896.

было проведено обсуждение сборника в стенах Вольного экономического общества¹²⁶⁸. Книга вызвала отклики в печати¹²⁶⁹.

Тогда же Министерство финансов, вопреки фактам, в росписи доходов и расходов на 1897 г. выступило с утверждением, будто бы уже к концу XIX в. промышленность заняла в экономике России ведущую роль, а поэтому основные усилия правительства должны быть направлены не на спасение утратившего свое значение сельского хозяйства, а на дальнейшее развитие промышленности¹²⁷⁰.

Против провозглашенного С.Ю. Витте курса поднялось поместное дворянство. В конечном счете все сводилось к тому, какому сословию на помощь должно прийти государство¹²⁷¹.

Позднее С.Ю. Витте так охарактеризовал борьбу течений в правительственных кругах того времени: «Вступление императора Николая II на престол (1894 г.). Два течения между сановниками. Общая идея — необходимо заняться земельно-аграрным делом. Одни (министр финансов С.Ю. Витте) выдвигают на первый план крестьянский вопрос (или оскудение); другие (министр внутренних дел Дурново) — дворянский. Второе берет верх, объявляется об образовании дворянской комиссии»¹²⁷².

Такому решению предшествовала ожесточенная борьба в верхах¹²⁷³. 13 апреля 1897 г. Николай II подписал рескрипт о создании Особого совещания по дворянскому вопросу во главе с И.Н. Дурново¹²⁷⁴. Совещание работало до 1 января 1902 г.¹²⁷⁵ Его деятельность была рассмотрена Ю.Б. Соловьевым¹²⁷⁶.

В совещании столкнулись два лагеря. Один, который представлял В.К. Плеве, выступал за необходимость сохранения поместного дворянства, а поэтому за предоставление ему материальной поддержки. Другой, взгляды которого выражал С.Ю. Витте, считал, что поместное дворянство обречено на гибель и его поддержка — бесполезная трата денег¹²⁷⁷.

¹²⁶⁸ Влияние урожаев и хлебных цен на разные стороны экономической жизни. Доклад А.И. Чупрова и прения в III отделении ИВЭО. 1 и 2 марта 1897 г. Стенографический отчет // Труды ВЭО. 1897. № 4. С. 1–95.

¹²⁶⁹ Пихно Д.И. Значение для России хлебных цен. [По поводу книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»]. Киев, 1897; Ходский Л.В. По поводу книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» с приложением ответа профессору А.И. Чупрову [и отзывов крестьян о хлебных ценах]. СПб., 1897; Щербатов А.Г. По поводу книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». М., [1897]; Самарин Д.Ф. О низких ценах на хлеб. По поводу книги: «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». В 2 т. СПб. 1897. М., 1902.

¹²⁷⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 50. 1897. Д. 61. Л. 147–150; Сельскохозяйственный кризис, его причины и меры к его ослаблению (записка Особой сельскохозяйственной комиссии 1897 г.) // Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. XV.

¹²⁷¹ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997. С. 12–94.

¹²⁷² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 729. Л. 13 (развернутый план-проспект воспоминаний).

¹²⁷³ Соловьев Ю.Б. Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX в. // Внутренняя политика царизма. Л., 1967. С. 239–280.

¹²⁷⁴ Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 234.

¹²⁷⁵ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 372.

¹²⁷⁶ Там же. С. 252–372.

¹²⁷⁷ Там же.

12 июня 1901 г. А.А. Половцев отметил в своем дневнике, что обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев рассматривает положение в стране как критическое, поэтому считает необходимым «вычеркнуть из законодательных соображений безземельное дворянство», ликвидировать общину и создать многочисленный класс собственников¹²⁷⁸. В упомянутой книге Ю.Б. Соловьева показана та борьба, которая развернулась вокруг этого вопроса не только в стенах названного совещания, но и на страницах печати¹²⁷⁹.

В конце концов Совещание пришло к выводу о необходимости расширения дворянского землевладения, но только за счет свободных казенных земель за Уралом¹²⁸⁰. Однако ехать добровольно в Сибирь даже разоряющееся дворянство не желало. Поэтому принципиального значения для решения аграрного вопроса в России и поддержки поместного дворянства названное совещание не имело.

Между тем борьба шла не только в стенах совещания, но и за его пределами. Работа дворянского совещания началась в условиях нового неурожая, который в 1897 г. охватил целый ряд губерний Европейской России и напомнил о голоде 1891–1892 гг.¹²⁸¹ Поэтому вопрос о состоянии российской деревни снова приобрел остроту¹²⁸².

Весной 1898 г., когда дворянское совещание уже работало, а Комитет министров рассматривал отчет государственного контроля за 1896 г., С.Ю. Витте поднял снова «вопрос о необходимости заняться крестьянским делом и довершить то, что было совершено Александром II в 60-х годах, но не было dokonчено». Для этого им было предложено создать «особую комиссию с исключительными полномочиями»¹²⁸³.

В результате Комитет министров постановил «для рассмотрения вопросов о дополнении и развитии законодательства о сельском состоянии образовать особое совещание под председательством лица, избранного высочайшим его императорского величества доверием». Резолюция императора гласила: отложить принятие решения поданному вопросу до осени¹²⁸⁴.

Осенью 1898 г. царь дал согласие на созыв специального совещания по крестьянскому вопросу и специальной подготовительной комиссии при нем. В связи с этим С.Ю. Витте обратился к императору с письмом, в котором, обосновав необходимость принятия радикальных мер в крестьянском вопросе, предложил назначить председателем совещания Д.М. Сольского, а председателем комиссии — князя А.Д. Оболенского¹²⁸⁵. Ответа на это письмо С.Ю. Витте не получил и предлагаемое в нем совещание создано не было¹²⁸⁶.

¹²⁷⁸ Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 96.

¹²⁷⁹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство...

¹²⁸⁰ Там же. С. 339.

¹²⁸¹ Сельскохозяйственный кризис, его причины и меры к его ослаблению (1897) // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 61. Л. 147 и др. Ф. 395. Оп. 1. Д. 588. Л. 130–142.

¹²⁸² О состоянии сельскохозяйственной промышленности в России. Материалы Особого совещания. 1897 // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 588.

¹²⁸³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 497.

¹²⁸⁴ Там же. С. 498.

¹²⁸⁵ Там же. С. 499–506.

¹²⁸⁶ Там же. С. 506.

Между тем, 17 марта 1899 г., на пороге зарождавшегося промышленного кризиса, С.Ю. Витте подготовил доклад «О необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи»¹²⁸⁷.

Весной 1899 г. после закрытия созданного при Министерстве финансов совещания об упорядочении хлебной торговли, образовалось из состава его по почину директора Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского «Особое совещание для выяснения общих и основных причин экономического упадка группы губерний Центрально-Черноземной полосы Европейской России». В состав Совещания, в частности, вошли: И.А. Звегинцев (председатель), С.С. Бехтеев, К.Ф. Головин, А.Ф. Головин, М.П. Кашкаров, А.Д. Поленов и А.А. Суворин¹²⁸⁸.

«Правительство, — отмечалось в материалах Совещания, — давно уже признавало необходимость коренным образом пересмотреть законоположения, касающиеся сельского населения; вопрос этот рассматривался в комиссиях графа Валучева и статс-секретаря Коханова, его касались несколько сенаторских ревизий, он был вновь возбужден в 1894 г. министром внутренних дел и в последнее время министром финансов во всеподданнейшем докладе к государственной росписи на 1899 г. Но до сих пор единственным положительным результатом в области пересмотра законов, определяющих строй крестьянской жизни, являлось положение 12 июля 1889 г., коснувшееся этого строя только с внешней стороны»¹²⁸⁹.

Констатируя, что пореформенная эпоха характеризовалась упадком помещичьего хозяйства¹²⁹⁰, сокращением обеспеченности населения хлебом¹²⁹¹ и скотом¹²⁹², а также тем, что «сильные крестьянские хозяйства упраздняются и заменяются хозяйствами едва способными к полевой работе»¹²⁹³, главную причину этого Совещание, как и упоминавшаяся Комиссия В.К. Плеве, видело в падении хлебных цен на мировом рынке¹²⁹⁴.

16 ноября 1901 г., после того, как летом этого года страну постиг новый урожай, вместо названного Совещания И.А. Звегинцева был создана так называемая «Комиссия Центра»¹²⁹⁵, результатом работы которой был трехтомник, который лишь конкретизировал картину упадка российской деревни¹²⁹⁶.

¹²⁸⁷ Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959.

¹²⁸⁸ Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний Особого совещания 1899–1901 гг. / сост. Д. Поленов. М., 1901. С. 1.

¹²⁸⁹ Там же. С. 68.

¹²⁹⁰ Там же.

¹²⁹¹ Там же. С. 9–12.

¹²⁹² Там же. С. 16.

¹²⁹³ Там же. С. 16.

¹²⁹⁴ Там же. С. 31.

¹²⁹⁵ Симонова М.С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236–263.

¹²⁹⁶ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1–3. СПб., 1903. См. также: Материалы

Две программы: Витте и Плеве

В январе 1900 г. генерал-губернатор Юго-Западного края М.И. Драгомиров представил императору отчет, в котором не только обратил его внимание на неблагополучное положение в деревне, но и поставил вопрос о необходимости срочного пересмотра крестьянского законодательства. Доклад был передан в Комитет министров и одобрен им, после чего Николай II обратился к министру внутренних дел Д.С. Сипягину с запросом о состоянии работ по пересмотру крестьянского законодательства. 14 февраля 1904 г. Сипягин представил Николаю II доклад, в котором содержалась история разработки крестьянского законодательства, начиная с 1893 г. Итог был малоутешительным: более чем за семь лет работы Министерство внутренних дел сумело провести только сбор материалов. На основании этого Д.С. Сипягин предложил создать специальную Редакционную комиссию и поручить ей пересмотр крестьянского законодательства. «Доклад Сипягина получил одобрение Николая II, и министру внутренних дел было поручено подготовить конкретный план дальнейшей организации работы Редакционной комиссии Министерства внутренних дел по пересмотру законодательства о крестьянах. План этот был представлен в докладе Сипягина Николаю II 27 декабря 1901 г. и получил принципиальное одобрение в январе 1902 г.»¹²⁹⁷

1 января 1902 г. последовал высочайший указ, которым на министра внутренних дел был возложен пересмотр узаконений о крестьянах «для их согласования с действительными потребностями жизни и пользами государства». Руководителем всего дела должен был стать приглашенный Сипягиным к себе в товарищи А.С. Стишинский¹²⁹⁸.

Не успел А.С. Стишинский приступить к своим обязанностям, как Д.С. Сипягин был убит¹²⁹⁹, а его преемником стал В.К. Плеве¹³⁰⁰. В результате этого деятельность Комиссии А.С. Стишинского приобрела совсем не тот характер, который собирались придать ей Д.С. Сипягин и С.Ю. Витте¹³⁰¹.

Через некоторое время к этому делу был привлечен В.И. Гурко, который в сентябре 1902 г. возглавил Земский отдел МВД¹³⁰². По утверждению В.И. Гурко, в начале августа 1903 г. под его руководством была закончена работа над проектом реформы крестьянского общественного управления¹³⁰³, который получил одобрение В.К. Пле-

Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. 1903 // РГИА. Ф. 273 (Департамент окладных сборов). Оп. 18. Д. 27325.

¹²⁹⁷ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 10–12.

¹²⁹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 159.

¹²⁹⁹ Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 596–597.

¹³⁰⁰ Там же. С. 514–517.

¹³⁰¹ Нестерова Л.В. Вопрос о крестьянском надельном землевладении в Редакционной комиссии МВД // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2. С. 76–92.

¹³⁰² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 159–160, 172.

¹³⁰³ Там же. С. 160–168.

ве¹³⁰⁴. «Между тем я твердо решил, что к концу 1903 г. вся работа по крестьянскому делу, в ее первой стадии, должна быть не только закончена, но технически завершена, т.е. напечатана»¹³⁰⁵. Именно в этот момент В.И. Гурко, как об этом писал он сам, «прибег к фортелю», стал утверждать, будто бы реформирование крестьянского законодательства готовит специально учрежденная для этого Редакционная комиссия (намек на Редакционные комиссии, подготовившие отмену крепостного права)¹³⁰⁶.

Когда работа под руководством В.И. Гурко стала приближаться к завершению, он составил и опубликовал специальную записку, которая была одобрена царем и опубликована¹³⁰⁷. «В результате в половине января 1904 г. вся эта работа была закончена, а также составлена подробная программа порядка рассмотрения образованными уже к тому времени Высочайшим указом 8 января губернскими совещаниями посланных на их заключение проектов...»¹³⁰⁸ «Я надеялся, что не далее осени 1904 г. заключения губернских совещаний поступят в министерство, что, следовательно, к началу 1905 г. возможно будет на их основании соответственно переработать проекты и представить их в Государственный совет»¹³⁰⁹.

Во второй половине января 1904 г. в столицу были приглашены около 15 губернаторов, с которыми предполагалось обсудить вопрос о создании и работе губернских совещаний, однако именно в это время началась русско-японская война, после чего, по свидетельству Гурко, рассмотрение крестьянского дела в МВД остановилось¹³¹⁰, а 15 июля был убит Плеве¹³¹¹.

Проекты, выработанные в Земском отделе в 1902–1903 гг., не получили осуществления. Между тем, по утверждению В.И. Гурко, позднее «именно эти работы не только легли в основание, но послужили и исходной точкой Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о праве свободного выхода из общины; на их же основе были впоследствии утверждены правила о землеустройстве крестьян...»¹³¹²

Одновременно с работой в стенах Министерства внутренних дел разворачивалась параллельная работа Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое царь учредил 22 января 1902 г. под руководством С.Ю. Витте¹³¹³.

¹³⁰⁴ Там же. С. 168–171.

¹³⁰⁵ Там же. С. 203.

¹³⁰⁶ Там же. С. 204.

¹³⁰⁷ Там же. С. 205; Очерк работ редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах // Правительственный вестник. 1904. 9 и 10 января. См. также: Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 1. СПб., 1904. С. 1–100.

¹³⁰⁸ Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах. В 6 тт. СПб., 1904.

¹³⁰⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 208; Справки к внесенному министром внутренних дел 27 октября 1903 г. делу № 29157 о порядке предварительного обсуждения новых законоположений о крестьянах. СПб., 1903; Порядок обсуждения проектов, выработанных Редакционной комиссией по пересмотру законоположения о крестьянах. СПб., 1904.

¹³¹⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 211.

¹³¹¹ Там же. С. 218.

¹³¹² Там же. С. 219.

¹³¹³ Журнал ... Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. № 1–30. СПб., 1903–1904; Высочайше учрежденное Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Общий обзор трудов местных комитетов / сост. С.И. Шидловский. СПб., 1905.

По всей видимости, первоначально мыслилось, что Комиссия А.С. Стишинского и Особое совещание будут работать во взаимодействии. Однако после смерти Д.С. Сипягина и вступления в должность министра внутренних дел В.К. Плеве между двумя министерствами развернулось не только соперничество, но и самая настоящая война.

Одним из первых серьезное внимание на деятельность Сельскохозяйственно-го совещания обратил Г.М. Дейч, который в 1946 г. защитил на эту тему кандидатскую диссертацию¹³¹⁴. Позднее ее деятельность рассматривалась в работах З.Я. Березняка¹³¹⁵, М.С. Симоновой¹³¹⁶, В.С. Дякина¹³¹⁷, Н.Б. Колесова¹³¹⁸, В.Д. Лебедева¹³¹⁹, И.К. Щербаковой¹³²⁰.

Задумывая созыв этого совещания, С.Ю. Витте, судя по всему, намеревался придать ему такое же значение, какое имели Редакционные комиссии, подготовившие отмену крепостного права. В связи с этим в каждой губернии Европейской России были созданы местные комитеты как на уровне губерний, так и на уровне уездов¹³²¹. В эти комитеты были приглашены не только местные чиновники, но и земские деятели

Таблица 7.1

Состав местных комитетов Сельскохозяйственного совещания

Состав	Уездные	Губернские	Всего
Чиновники	103	15	118
Либералы	354	64	418
Консерваторы	145	36	181
Всего	602	115	717

Источник: Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904; Прокопович С.Н. Наши силы // Наша жизнь. 1904. 26 ноября.

На первом же заседании Особого совещания было принято решение об организации местных комитетов и 22 марта последовал указ об их создании¹³²². Всего на

¹³¹⁴ Дейч Г.М. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1946.

¹³¹⁵ Березняк З.Я. Социально-экономическое положение крестьян Европейской России и политика самодержавия в крестьянском вопросе. 1900–1904 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1952.

¹³¹⁶ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма...

¹³¹⁷ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства... С. 112–168.

¹³¹⁸ Колесов Н.Б. Вопрос о формах землевладения крестьян в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2000.

¹³¹⁹ Лебедев В.Д. Проблема правопорядка в российской деревне по материалам местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

¹³²⁰ Щербакова И.К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX века (1902–1905 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

¹³²¹ Итоги занятий комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Киев, 1903.

¹³²² Высочайше учрежденное Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности... С. 1.

территории Европейской России было создано 49 губернских комитетов и один областной, а также 490 уездных и окружных комитетов, после чего 22 мая на места была разослана программа совещания, а 28-31 мая председатель Совещания обратился к губернаторам с предложением открыть работу комитетов. Сначала им был дан срок завершения работы к 15 октября 1902 г.¹³²³

В губернские комитеты было привлечено 2316 человек, в уездные — 9777, всего — 12093¹³²⁴. Большинство комитетов смогли приступить к своей работе только в конце августа или в сентябре 1902 г.¹³²⁵ Поэтому завершение их работы пришлось отложить до 1 февраля 1903 г.¹³²⁶

Первые материалы начали поступать в конце января, а последние к 1 августа 1903 г.¹³²⁷ Это задержало намеченную публикацию присланных материалов, но к 1 января 1904 г. все труды местных комитетов были опубликованы¹³²⁸, после чего началось составление сводов материала по отдельным проблемам. За полтора года было подготовлено 23 отдельных свода и один обобщенный¹³²⁹.

В результате этого был собран огромный и до сих пор во многом не освоенный исследователями материал, опираясь на который С.Ю. Витте собирался подготовить проект аграрной реформы. Кроме того, был издан обзор докладов и записок, представленных в местные комитеты¹³³⁰. Одновременно был подготовлен «Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 1902–1904 гг.»¹³³¹, который во многом перекликался с обзором С.И. Шидловского¹³³².

В Особое совещание и его местные комитеты поступило множество самых различных предложений, которые еще ждут своего исследователя¹³³³. М.С. Симонова обратила внимание на записку президента Московского общества сельского хозяйства князя А.Г. Щербатова,¹³³⁴ датированную 21 марта 1902 г., которую удалось обнаружить В.С. Дякину¹³³⁵. А.Г. Щербатов предлагал сокращение экспорта хлеба и расширение внутреннего хлебного рынка за счет развития животноводства и расширения экспорта животноводческой продукции. Кроме того, что сокращение хлебного экспорта могло повести к росту хлебных цен, а значит, к повышению доходности зер-

¹³²⁴ Там же. С. 4–6.

¹³²⁴ Там же. С. 9.

¹³²⁵ Там же. С. 13.

¹³²⁶ Там же. С. 6.

¹³²⁷ Там же. С. 15.

¹³²⁸ Там же.

¹³²⁹ Там же. С. 16–17.

¹³³⁰ Там же. С. 18.

¹³³¹ Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 1902–1904 гг. СПб., 1904.

¹³³² Высочайше учрежденное Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности...

¹³³³ См. например: Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 1–2. СПб., 1904.

¹³³⁴ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма... С. 105, 238.

¹³³⁵ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства... С. 131.

нового производства, автор этого проекта исходил также из того, что развитие животноводства могло повлечь за собой увеличение удобряемости полей и росту урожаев, т.е. способствовать интенсификации земледелия (речь шла о развитии многопольной, травопольной системы). Однако для того, чтобы этот проект заработал, нужен был первоначальный капитал (создание холодильников, транспортных вагонов и т.д.), иначе говоря, требовалось государственное вмешательство в экономику.

В.С. Дякиным было обращено внимание еще на два предложения — введения государственной монополии на торговлю хлебом (проект М.М. Федорова)¹³³⁶ и создания Сельскохозяйственного банка с участием государственного капитала для регулирования хлебных цен — проект П.П. Мигулина¹³³⁷.

В декабре 1904 г. совещание приступило к обсуждению необходимых изменений в правовом, земельном строе крестьян¹³³⁸. В январе 1905 г. началось обсуждение последней, наиболее важной группы вопросов программы: об общине, семейном владении, выходе из крестьянских обществ¹³³⁹. Можно встретить мнение, что местные комитеты высказались за необходимость ликвидации общины. Однако это не соответствует действительности.

П.П. Семенов представил совещанию записку «Свод трудов местных комитетов по вопросу о крестьянском землепользовании», в которой сообщалось, что из 531 местного комитета вопрос о крестьянском землепользовании рассматривали только 206 комитетов, т.е. абсолютное большинство не видели необходимости каких-либо изменений в этом вопросе. Причем в 166 комитетах вопрос об общине даже не поднимался, что, по мнению П.П. Семенова, свидетельствовало о том, что у комитетов не имелось никаких претензий к общине и никакого желания ее ликвидации или же реформирования. Уже одного этого достаточно для понимания тех настроений, которые существовали в губернских и уездных комитетах. Показательна и позиция тех 206 комитетов, которые рассматривали вопрос о землепользовании. 27 из них не смогли прийти ни к какому решению, из остальных 179 комитетов 121 высказался за сохранение общины, 53 — за постепенный переход к подворному землевладению, и только 4 комитета — за безотлагательную ликвидацию общины¹³⁴⁰.

Это свидетельствует о том, что за ликвидацию или же реформирование общины высказалось всего лишь около 10% местных комитетов. Подавляющее их большинство или не видело в общине никаких препятствий для развития деревни, или же выступало за ее сохранение.

Как писала М.С. Симонова, в Совещании наметились три группировки: первая выступала за сохранение общины и допускала устранение лишь наиболее архаических ее черт, вторая за немедленную ликвидацию общины, третья (большинство) за реформирование общины и превращение ее в добровольный союз¹³⁴¹. Совещание в целом высказалось за устранение существующих стеснений в переходе от общин-

¹³³⁶ Там же. С. 121.

¹³³⁷ Там же. С. 124.

¹³³⁸ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 54.

¹³³⁹ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма... С. 191.

¹³⁴⁰ Семенов П.П. Свод трудов о крестьянском землепользовании. СПб., 1905.

¹³⁴¹ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма... С. 194–195.

ной или подворной формы землевладения к более совершенным — хуторской и отрубной — и за государственное содействие такому переходу». Однако на этом пути был поставлен барьер — необходимость согласия схода¹³⁴².

Следующим этапом должно было стать обсуждение результатов работы совещания в Комитете министров и передача их в качестве основных направлений для законодательной разработки в соответствующие министерства¹³⁴³. Однако завершить свою работу Совещание не успело. 30 марта 1905 г. оно было распущено. Как удалось показать Г.М. Дейчу, особую роль здесь сыграл Д.Ф. Трепов, представивший царю 8 марта 1905 г. записку «Земельная политика и крестьянский вопрос» и считавший тогда более плодотворным способом решения аграрного вопроса переселение избыточного населения на окраины — прежде всего в Сибирь¹³⁴⁴.

Вместо распущенного Совещания было создано Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения, которую возглавил И.Л. Горемыкин¹³⁴⁵. Однако работа этого совещания была парализована революционными событиями 1905 г.

Проблема сельскохозяйственной кооперации

Характеризуя деятельность Особого совещания, С.Ю. Витте отмечал, что среди его участников были сторонники не только разрушения общины, но и ее превращения ее в коллективное хозяйство. «Кроме взгляда на общину, как наиболее действенную гарантию от пролетариата, — писал С.Ю. Витте, — высказывалось убеждение, что эта форма землепользования представляет ближайшую ступень к тем кооперативным союзам, в развитии коих западноевропейская наука видит решение многих экономических вопросов»¹³⁴⁶.

Независимо от того, какое место занимала данная проблема в деятельности Особого совещания, важно то, что в начале XX века в России уже существовала идея трансформирования общины в коллективное хозяйство. Одной из наиболее известных форм коллективного хозяйства были знаменитые военные поселения, которые существовали с 1810 по 1857 г. и которые в случае успеха предполагалось распространить на всю казенную, а может быть, и удельную деревню¹³⁴⁷.

Современные биографы императора Николая I стыдливо обходят стороной тот факт, что в 1815 г., будучи великим князем, он во время одного из заграничных путешествий не только посетил в Англии знаменитого социалиста Роберта Оуэна (1771–1858).

¹³⁴² Там же. С. 207–208.

¹³⁴³ Там же. С. 217.

¹³⁴⁴ Дейч Г.М. К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905–1907 гг. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 298. Л., 1971. С. 153; См. также: Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма... С. 56; Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма... С. 217–218.

¹³⁴⁵ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма... С. 218.

¹³⁴⁶ Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904. С. 83–84.

¹³⁴⁷ Ячменихин К.М. Военные поселения в России. История социально-экономического эксперимента. Уфа, 1994; Он же. Экономический потенциал военных поселений // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 34–48.

но и предложил ему перенести свои эксперименты в Россию¹³⁴⁸. Имеются сведения, что позднее, уже взойдя на трон, Николай I находился в переписке с другим социалистом, Шарлем Фурье (1777–1837). Во всяком случае тот посылал ему свои проекты.

В 1829 г. на страницах «Земледельческого журнала» (№ 25) была опубликована статья Н.С. Стремоухова «Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человека и древних российских обычаях», в которой автор обосновывал «преимущества совокупного домоводства». Автор допускал возможность организации таких товариществ на «акционерных основаниях» и приводил описание хозяйственного распорядка, основанного на «общественном или соединенном хозяйстве». По утверждению автора, в своем имении он объединил свои и крестьянские земли в производственные товарищества или дружины по 25 тягол с условием, что половина дохода идет ему, половина крестьянам¹³⁴⁹.

В 1837 г. в печати появились «Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений», автор которых, А. Жуков, тоже рекомендовал использовать в помещичьих хозяйствах коллективный труд. Один из разделов его публикации назывался «О заведении общественной работы или дружины, предположение общественной работы»¹³⁵⁰.

Когда в 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ и возглавивший его граф П.Д. Киселев начал реформу казенной деревни, его тоже привлёк опыт использования коллективного труда. «В числе мер подъема экономического благосостояния крестьян не последнее место занимают *крестьянские сельскохозяйственные артели*; этому вопросу еще граф Киселев отводил видное место в ряду других его проектов к улучшению нашего общинного хозяйства»¹³⁵¹. До артелей дело тогда не дошло, но именно при Д.П. Киселеве в 1842 г. в казенной деревне были введены общественные запашки для обеспечения хлебозапасных магазинов¹³⁵².

В 1838 г. ставший одним из идеологов славянофильства И.В. Киреевский (1806–1856) начинает писать роман «Остров», который, правда, оказался незаконченным. В этом романе он, как в свое время Томас Мор, собирался показать общество, основанное на общей собственности и коллективном труде¹³⁵³.

Обращая внимание на дробление крестьянских семей И. Вилькинс в 1843 г. предлагал объединение их и создание на их основе «сводных хозяйств». «Итак, если, с одной стороны, нельзя уже восстановить прежней прочности семейных и родственных связей; а с другой стороны, необходимо соединить хотя бы по несколько рабочих сил вместе, чтобы дать им возможность быть полезными обществу, — то едва ли не единственным средством остается: образование сводных се-

¹³⁴⁸ Герцен А.И. Былое и думы. Глава об Оуэне. // Сочинения в двух томах. М., 1986.

¹³⁴⁹ Стремоухов. Описание хозяйственного распорядка, основанного на общественном или соединенном хозяйстве // Земледельческий журнал. 1829. № XXV.

¹³⁵⁰ Жуков А. Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений. М., 1837. С. 152–166.

¹³⁵¹ Соломон Г.А. Крестьянские сельскохозяйственные артели // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 11. 12 марта. С. 628.

¹³⁵² Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф Д.П. Киселев и его время. Т. 1–4. СПб., 1882; Записки графа Павла Дмитриевича Киселева. Париж, 1883.

¹³⁵³ Киреевский И.В. Остров // Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1911.

мей или хозяйств, в которых работники, находясь под ведением одного старшего и ответственного хозяина, могли совокупными силами трудиться для общего дела»¹³⁵⁴.

Как показал П.Б. Струве, накануне отмены крепостного права некоторые помещики пытались выйти из кризиса за счет перевода крестьян на артельные принципы ведения хозяйства¹³⁵⁵.

В 1859 г., обратив внимание на дробление крестьянских нив и связанному с этим чересполосицу, «Журнал Министерства государственных имуществ» поднял вопрос о выгодах ассоциированного труда¹³⁵⁶. «В нашем общинном владении и мире заключается, может стать, зародыш общинной собственности — великой задачи народного хозяйства будущего времени»¹³⁵⁷.

Неудивительна поэтому ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Авось нам и фаланстеры дадут — были же у нас военные поселения»¹³⁵⁸.

После отмены крепостного права интерес к сельскохозяйственным артелям еще более возрос¹³⁵⁹. В 1872 г. проблема артелей стала предметом специального обсуждения в стенах Вольного экономического общества¹³⁶⁰. Это обсуждение имело теоретический характер, но при этом упоминались практические инициативы Московского общества сельского хозяйства и Петербургского Отделения Комитета сельских ссудо-сберегательных и кредитных товариществ. В 1872 г. это отделение разработало программу изучения артелей в России, результатом этого был «Сборник материалов об артелях в России»¹³⁶¹.

В 1873 г. В.Ю. Скалон сделал попытку обобщить имеющийся материал и дать историю артелей в России¹³⁶². Однако по постановлению цензурного комитета его

¹³⁵⁴ Вилькинс И. Мысли и наблюдения о положении сельскохозяйственной промышленности. М., 1843. С. 175–230.

¹³⁵⁵ Струве П.Б. Попытки артельной организации крепостных крестьян // Начало. 1899. № 1–2. С. 269–318. Перепечатано: Струве П.Б. Попытки артельной организации крепостных крестьян // Струве П. Крепостное хозяйство. СПб., 1913. С. 171–212. См. также: П-кий. Артельное начало в русском сельском хозяйстве // Сельское хозяйство и лесоводство. 1865. Т. 89. № 5. С. 65–76.

¹³⁵⁶ Раздробление поземельной собственности и ассоциации // ЖМГИ. 1859. Ч. 72. Т. 9. Отд. III. С. 29–52.

¹³⁵⁷ Там же. С. 29.

¹³⁵⁸ Гурвич И. Развивается ли капитализм в русском землевладении? // Новое слово. 1897. Год II. Кн. 8, май. С. 20.

¹³⁵⁹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. СПб., 1903; Маслов С. Трудовые сельскохозяйственные артели, их значение, история их организации и устав. Ярославль, 1918; Зюрюкин В.Е. Прошлое, настоящее и будущее сельскохозяйственных артелей в России. Пг., 1919; Петров В.В. История становления кооперативной мысли в России, 1861–1929 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2000; Новиков И.А. Артели в России во второй половине XIX–начале XX в.: социально-экономическая сущность и ее трансформация. Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 2011.

¹³⁶⁰ Стенографический отчет заседания политэкономического комитета 1872 г. по вопросу: об экономическом значении артели и условиях ее развития в России // Труды ВЭО. 1872. Т. 2. Вып. 2. С. 173–228.

¹³⁶¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873; Вып. 2. СПб., 1874. Вып. 3. СПб., 1875.

¹³⁶² Скалон В.Ю. Артели в России. СПб., 1873.

книга была изъята из обращения и уничтожена. В том же году этот вопрос был поднят на заседаниях «валуевской комиссии»: «Те одиночные, слабые хозяйства, которые в настоящее время составляют значительное большинство в среде сельского населения, обречены на застой и бессилие и никакими законодательными приспособлениями не могут быть от них обеспечены. Нужна решимость сознавать, что общественное благополучие на поприще сельского хозяйства, как и на других поприщах, развивается *только при условии группирования сил*»¹³⁶³.

В начале 1875 г. (№ 4) на страницах издаваемой МГИ «Земледельческой газеты» «появился замечательный проект о приложении артельного начала к земледелию под заглавием «Об улучшении крестьянского земледелия в средней нечерноземной полосе посредством земледельческой крестьянской артели»¹³⁶⁴. В следующем, 1876 г., этот проект был рассмотрен на страницах Трудов ВЭО¹³⁶⁵. Защищая идею артели, автор статьи писал: «К сожалению, у нас еще до сих пор держится одно в высшей степени печальное заблуждение относительно артели, которое сложилось у некоторой части так называемого образованного общества, вследствие фальшивых аналогий, имеющих ближайшим источником напуганное воображение, — и отчасти благодаря медвежьим услугам некоторых защитников и поборников артели. Мы говорим про отождествление артели с коммунизмом и всякими страшилищами, о которых русский крестьянин, выработавший свою артель, и понятия не имеет»¹³⁶⁶.

Данный вопрос был вынесен на страницы «Земледельческой газеты»¹³⁶⁷, издаваемого МГИ журнала «Сельское хозяйство и лесоводство»¹³⁶⁸, издаваемого Министерством финансов «Вестника финансов, промышленности и торговли»¹³⁶⁹, «Правительственного вестника»¹³⁷⁰, «Русского вестника»¹³⁷¹, «Русской беседы»¹³⁷². Появились первые, посвященные этой проблеме книги¹³⁷³.

¹³⁶³ Доклад Высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и с сельской производительности в России. Приложение V. Дополнительные заметки от председателя комиссии. СПб., 1873. С. 8.

¹³⁶⁴ Никольский А.П. Проект земледельческой артели // Труды ВЭО. 1876. Т. 2. Вып. 2. С. 200.

¹³⁶⁵ Никольский А.П. Проект земледельческой артели // Труды ВЭО. 1876. Т. 2. Вып. 2. С. 200-221; Вып. 3. С. 398-411.

¹³⁶⁶ Там же. Т. 2. Вып. 2. С. 214.

¹³⁶⁷ А.В. О. Об улучшении крестьянского земледелия в средней нечерноземной полосе посредством земледельческой крестьянской артели // Земледельческая газета. 1875. № 4; Вебер К.Э. Примеры настоящего крестьянского общинного хозяйства // Земледельческая газета. 1876. № 18; Опыт обработки земли сообща // Земледельческая газета. 1876. № 29.

¹³⁶⁸ Антонович А.Я. Общинный труд в сельском хозяйстве // Сельское хозяйство и лесоводство. 1878. Ч. 78. № 6. С. 93-119.

¹³⁶⁹ Соломон Г.А. Крестьянские сельскохозяйственные артели // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 11. 12 марта. С. 629-630.

¹³⁷⁰ Земледельческая артель в Рузском уезде под Москвой // Правительственный вестник. 1904. № 211.

¹³⁷¹ Карцов А. Сельскохозяйственные артели // Русский вестник. 1896. № 3. С. 310-316.

¹³⁷² Rogozin E. О крестьянских артелях // Русская беседа. 1896. № 2. С. 119-153.

¹³⁷³ Земледельческие артели (ассоциации). Киев, 1876; Щербина Ф.А. Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм. СПб., 1880; В.В. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895; Сообщение Санкт-Петербургского комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. XI. СПб., 1898. С. 219-225; Фаресов А.И. Народники и марксисты. СПб., 1898.

После неурожая 1891 г. и постигшего в следующем году многие губернии голода проблема земледельческих артелей снова привлекла к себе внимание. В 1893 г. В.П. Воронцов опубликовал специальную работу, в которой попытался показать преимущества общины и различных форм кооперации (в том числе производственной) в сельском хозяйстве¹³⁷⁴.

Именно к этому времени относятся два опыта массовой коллективизации: артели М.Г. Федорова в Шадринском уезде Пермской губернии (1892–1893) и артели Н.В. Левитского в Александрийском уезде Херсонской губернии (1894–1897). Было создано около 250 артелей, которые вскоре распались¹³⁷⁵.

«Артельное хозяйство, — писал в 1894 г. Н. Карышев на страницах “Энциклопедического словаря” Брокгауза и Эфрон, — может делать относительно меньше затрат (на единицу пространства) для обеспечения себя живым и мертвым инвентарем. Оно может широко практиковать разделение труда в пределах, допускаемых сельскохозяйственной техникой, так как в его распоряжении имеется большое число рабочих обоих полов и всех возрастов. Наконец, только такому виду крестьянского хозяйства и могут быть доступны крупные затраты капиталов для всякого рода сооружений, улучшений, для покупки дорогостоящих орудий и пр.»¹³⁷⁶

Оба опыта были разрекламированы «Вестником финансов, промышленности и торговли», причем было указано, что к организации первых артелей имеет отношение великая княгиня Елизавета Федоровна¹³⁷⁷.

Опыт этих артелей стал предметом специального обсуждения сначала на заседании Елисаветградской уездной земской управы¹³⁷⁸, потом на заседании Херсонской губернской земской управы¹³⁷⁹, а затем в стенах ВЭО¹³⁸⁰. Главным предметом обсуждения стали доклад Н.В. Левитского¹³⁸¹, доклад комиссии о земледельческих артелях¹³⁸² и артельный договор¹³⁸³.

¹³⁷⁴ В.В. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1893.

¹³⁷⁵ Земледельческие артели Херсонской губернии. СПб., 1896; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. СПб., 1903. С. 38–48; Хейсин М.Л. История кооперации в России (все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени). Л., 1926. С. 153–158.

¹³⁷⁶ Карышев Н. Земледельческие артели // Энциклопедический словарь. Т. XII. СПб., 1894. С. 421.

¹³⁷⁷ Соломон Г.А. Указ. соч. С. 628; Земледельческие артели Херсонской губернии...

¹³⁷⁸ О земледельческих артелях в Елисаветградском уезде (Доклад Елисаветградской уездной управы уездному земскому собранию. 1895) // Труды ВЭО. 1896. № 2. С. 223–235; Выписка из журнала Очередного Елисаветградского земского собрания 7 сентября 1895 г. // Там же. С. 235–236.

¹³⁷⁹ Выписка из журнала Очередного Херсонского губернского собрания. 20 ноября 1895 г. // Там же. С. 236; О сельскохозяйственных товариществах (доклад Херсонской губернской земской управы губернскому земскому собранию) // Там же. С. 237–245.

¹³⁸⁰ Журналы 3-го отдела, 9 декабря 1895 г., 13 и 18 января 1896 г. (о земледельческих артелях) // Там же. С. 167–186.

¹³⁸¹ Левитский Н.В. Земледельческие артели Херсонской губернии // Там же. С. 79–94.

¹³⁸² О земледельческих артелях в Александровском и Елисаветградском уездах Херсонской губернии. Артельный договор // Там же. С. 145–162.

¹³⁸³ Доклад комиссии о земледельческих артелях Н.В. Левитского // Там же. С. 162–167.

Тогда же, в 1896 г., Общество содействия русской промышленности и торговли издало специальную «Справочную книжку», которая была адресована организаторам как кустарных и ремесленных, так и земледельческих артелей¹³⁸⁴.

После того, как в 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ, на заседание Сельскохозяйственного совета этого министерства был вынесен «Проект нормального устава сельскохозяйственных товариществ взаимной помощи»¹³⁸⁵. Его обсуждение затянулось на несколько лет. 28 февраля 1898 г. «Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ» был утвержден МЗиГИ. Наряду с другими правами он предоставлял любому сельскому обществу право «содействовать учреждению его членами товариществ по производству и сбыту сельскохозяйственных продуктов и самому учреждать в установленном порядке такого рода товарищества»¹³⁸⁶.

В феврале 1901 г. данный вопрос был вынесен на рассмотрение Агрономического съезда. Съезд был созван по инициативе Московского общества сельского хозяйства, во главе которого тогда стоял князь А.Г. Щербатов. Программа съезда была утверждена МЗиГИ, представитель которого принимал участие в Оргкомитете съезда и в его работе. Съезду было представлено два доклада, посвященных кооперации: доклад Н.В. Левитского «К вопросу о главнейших моментах в сельском хозяйстве» и доклад В.М. Сазонова «О кооперации в области сельского хозяйства». Оба доклада обосновывали необходимость широкого развития в деревне самых различных форм кооперации, в том числе земледельческих артелей. Оба доклада были одобрены съездом. Это означает, что если МЗиГИ и не было инициатором обсуждения этой проблемы, то по крайней мере не возражало против этого¹³⁸⁷.

В 1902 г. на страницах «Известий МЗиГИ» была опубликована записка Департамента земледелия, который обращал внимание на неблагоприятное положение в деревне¹³⁸⁸ и в связи с этим предлагал а) содействовать распространению проката сельскохозяйственной техники¹³⁸⁹ и б) усилить роль схода в контроле за ведением хозяйства отдельными крестьянами¹³⁹⁰. Иначе говоря, речь шла об увеличении значения общины и усилении ее роли в организации производственной деятельности крестьян-общинников.

Когда в 1902 г. было созвано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, то в программу его работы, составленную В.И. Ковалевским, был включен

¹³⁸⁴ Справочная книжка для кустарных, ремесленных и земледельческих артелей. СПб., 1896. С. 73–93.

¹³⁸⁵ Перечень вопросов, обсуждаемых на Сельскохозяйственных Советах (1895–1910 гг.) // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

¹³⁸⁶ Нормальный устав местных сельскохозяйственных обществ. Утвержден МЗиГИ 28 февраля 1898 г. // ПСЗ-3. Т. XVIII. 1898. От. II. СПб., 1901. С. 55–59.

¹³⁸⁷ Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству (10–19 февраля 1901 г.). Ч. 1. М., 1901. С. 23–24.

¹³⁸⁸ Записка Департамента земледелия «О мерах к улучшению организации крестьянского хозяйства» // Известия МЗиГИ. 1902. № 44. С. 896–911.

¹³⁸⁹ Там же. С. 908.

¹³⁹⁰ Там же. С. 907.

специальный пункт о «хозяйственных союзах (кооперативах)»¹³⁹¹. В связи с этим видному юристу Дмитрию Андреевичу Дрилю (1846–1910)¹³⁹² было поручено подготовить специальную записку на эту тему. В ее основу он положил опыт артелей Н.В. Левитского¹³⁹³.

Первоначальный проект записки вызвал замечания со стороны организаторов совещания. С одной стороны, автору было предложено «смягчить или опустить» отдельные положения, с другой стороны, отмечено, что «было бы весьма полезно по возможности развить часть о земледельческих кооперативах»¹³⁹⁴. Этот совет был учтен автором и в окончательном варианте записки не только содержалась довольно подробная характеристика первых артельных экспериментов, но и сами они рассматривались как одно из возможных (наряду с другими) средств в устранении аграрных затруднений, существовавших в России¹³⁹⁵.

Во всяком случае С.Ю. Витте как председатель Особого совещания со всей определенностью признавал желательным «содействовать образованию союзов сельских хозяев для *производства* и сбыта продуктов во всех отраслях сельскохозяйственной промышленности»¹³⁹⁶.

«Из числа коопераций, имеющих целью улучшение условий производства путем объединения для совместной работы отдельных лиц, комитетами указывалось на желательность и возможность распространения земледельческих артелей»¹³⁹⁷.

Рассмотрению этого вопроса был посвящен один из сводных трудов Особого совещания¹³⁹⁸. Знакомство с «Трудами местных комитетов» показывает, что проблема сельскохозяйственной кооперации рассматривалась почти повсеместно, но лишь немногие местные комитеты высказались за «желательность устройства земледельческих артелей». С.В. Бородавский в своем обзоре назвал семь таких комитетов: Великоустюгский Вологодской губернии, Севский Орловской губернии, Порховский Псковской губернии, Спасский Рязанской губернии, Камышинский Саратовской губернии, Алексинский Тульской губернии, Глуховский Черниговской губернии¹³⁹⁹. К приведенному списку можно добавить Сарапульский уездный комитет Вятской губернии, Кромский Орловской губернии, Лохвицкий Полтавской губернии, Соликамский Пермской губернии¹⁴⁰⁰.

¹³⁹¹ Проект программы занятий Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 15 февраля – 17 мая 1902 г. // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 7. См также: Журнал высочайше учрежденного Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Заседания 2, 9 и 26 февраля // Там же. Д. 127. Л. 3.

¹³⁹² Дмитрий Андреевич Дриль как ученый и общественный деятель. СПб., 1911.

¹³⁹³ Дриль Д.А. Кооперация как одна из форм организации мелких народных промыслов. 22 апреля – 28 сентября 1902 г. // Там же. Д. 62.

¹³⁹⁴ Там же.

¹³⁹⁵ Там же.

¹³⁹⁶ Витте С.Ю. Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 1902–1904. СПб., 1904. С. 63.

¹³⁹⁷ Высочайше учрежденное Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности... С. 238.

¹³⁹⁸ Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кооперации / сост. С.В. Бородавский. СПб., 1904.

¹³⁹⁹ Там же. С. 140–143.

¹⁴⁰⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 10. Вятская губерния. С. 580; Т. 28. Орловская губерния. С. 255; Т. 32. Полтавская губерния. С. 454; Т. 30. С. 460.

Как установил А.А. Риттих, «предстоящее развитие общины в кооперативный союз» рассматривалось в 12 губерниях¹⁴⁰¹. Подавляющее большинство местных комитетов или уклонилось от рассмотрения данного вопроса, или же высказалось против производственной кооперации в сельском хозяйстве. Подводя итоги, С.Ю. Витте вынужден был констатировать, что вопрос о «хозяйственных союзах (кооперации)» не получил движения и «еще подлежит разработке»¹⁴⁰².

1 июня 1902 г. Николай II утвердил разработанное Министерством финансов «Положение об артелях трудовых», которое предоставляло им законный юридический статус¹⁴⁰³. Если верить официальным документам, сразу же после утверждения этого положения, «стали поступать жалобы, что волостные правления, не зная высочайше утвержденного положения о артелях, затрудняют утверждение артельных договоров и тем тормозят образование новых артелей»¹⁴⁰⁴. В связи с этим летом 1904 г. возглавляемое В.К. Плеве министерство отправило на места специальный циркуляр, который разъяснял его позицию в данном вопросе. В циркуляре, в частности, утверждалось, что «пока земледельческие артели будут преследовать исключительно экономические цели — облегчение бедным крестьянам-земледельцам более успешной обработки земли, они не могут не пользоваться поддержкой правительственных чинов»¹⁴⁰⁵.

Сторонники использования в деревне коллективного труда добились того, что 18 августа 1905 г. Министерством финансов был утвержден «Устав Общества содействия артельному делу в России», первый параграф которого гласил, что общество «содействует возникновению и устройству земледельческих и других производственных артелей»¹⁴⁰⁶.

Можно было бы ожидать, что все это поведет к расширению сферы применения коллективного труда в экономике России вообще и сельском хозяйстве в частности.

По всей видимости, после этого известный журналист М.О. Меншиков на страницах «Нового времени» счел необходимым напомнить, что о земледельческих артелях писал еще А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни». Это заставило взяться за перо бывшего министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, выступившего против артельных проектов¹⁴⁰⁷.

¹⁴⁰¹ Риттих А.А. Крестьянское землепользование. Свод трудов местных комитетов 49 губерний Европейской России. СПб., 1903.

¹⁴⁰² Всеподданнейший отчет по особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности... С. 63.

¹⁴⁰³ Положение о об артелях трудовых. 1 июня 1902 г. // ПСЗ-З. Т. XXII. (1902). Отд. I. СПб.. 1904. С. 416–418.

¹⁴⁰⁴ Островский А.В. Документ царских властей о земледельческих артелях // Советские архивы. 1982. № 3. С. 63–64.

¹⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 635. Л 4–26.

¹⁴⁰⁶ ПСЗ-З. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1908. С. 378–380.

¹⁴⁰⁷ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 207–223.

Гвоздь революции

Пока в правящих верхах спорили, что делать в деревне, страна оказалась перед лицом революционного кризиса. В советское время любили цитировать слова В.И. Ленина о том, что 1905 год был порожден 1861 годом. Однако в действительности это утверждение, звучавшее немного иначе, принадлежит уже упоминавшемуся М.О. Меншикову («61-й не сумел предупредить девятьсот пятый»)¹⁴⁰⁸ и было лишь перефразировано В.И. Лениным¹⁴⁰⁹.

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватило 240 уездов Европейской России, т.е. почти половину их общего числа; жертвой этого движения стало около двух тысяч помещичьих усадеб¹⁴¹⁰. Это было грозное предупреждение¹⁴¹¹.

Обострение социальных противоречий в российской деревне после отмены крепостного права имело своим следствием то, что аграрный вопрос стал одним из важнейших вопросов, вокруг которого развернулась борьба и внутри правящей верхушки, и между рождавшимися политическими партиями.

Неслучайно В.И. Ленин назвал аграрный вопрос «гвоздем русской революции»¹⁴¹².

Как известно, в начале XX в. в российском обществе оформились три общественно-политические группировки: консервативно-монархическая, либерально-оппозиционная и революционно-демократическая. Каждая из них по своему предлагала решить аграрный вопрос.

а) Консервативно-монархический лагерь.

Консерваторов представляли две основные организации: Союз русского народа¹⁴¹³ и Организация «объединенного дворянства»¹⁴¹⁴.

Первая из них отражала интересы консервативной мелкой буржуазии (как в городе, так и в деревне), вторая — консервативной части поместного дворянства. Поэтому несмотря на определенное родство (это касалось признания самодержавия с совещательным Земским собором как формы правления, лозунга «Россия для русских» и тактики: «Сначала успокоение, потом реформы») между ними были значительные расхождения, которые наиболее отчетливо проявлялись в аграрном вопросе.

¹⁴⁰⁸ Меншиков М.О. Ненужный юбилей // Новое время. 1911. 11/24 января. С. 3. См. также: Ленин В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1968. С. 142.

¹⁴⁰⁹ Ленин В.И. Крестьянская реформа // Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1968. С. 177.

¹⁴¹⁰ РГИА. Ф.1291. Оп. 122. 1906. Д. 7123. Л. 122-134об.

¹⁴¹¹ Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956; Мороховец Е.А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М., 1956.

¹⁴¹² Ленин В.И. Пролетариат и его союзник в русской революции // Полное собрание сочинений. Т. 14. М., 1968. С. 178. См. также. Т. 16. С. 215.

¹⁴¹³ Черновский А.А. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.-Л., 1929; Святые черносотенцы. М., 2011; Степанов А.Д., Иванов А.А. Воинство Святого Георгия. СПб., 2006.

¹⁴¹⁴ Ковалевский М.М. Чем Россия обязана Совету объединенного дворянства. СПб., 1914; Вайнберг И.Д. Совет объединенного дворянства и его влияние на политику самодержавия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Бабин М.А. Крушение организации объединенного дворянства. 1914–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; Он же. Совет объединенного дворянства в период первой мировой войны. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.

В свое время В.И. Ленин писал: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»¹⁴¹⁵.

Не ставя под сомнение неприкосновенности частной собственности и соглашаясь с возможностью предоставления «отдельным крестьянам» права выхода из общины, Союз русского народа в то же время считал, что сама община должна быть сохранена, а правительство должно сделать все для ее защиты от разрушающего влияния капитализма. Для этого СРН прежде всего считал необходимым расширение крестьянского землевладения. Причем если его лидеры готовы были удовлетвориться переселением избыточного населения за Урал¹⁴¹⁶, то «представители многих сельских патриотических организаций» выражали «пожелание об отчуждении за вознаграждение частновладельческих земель»¹⁴¹⁷.

Из числа фигурировавших в правомонархических кругах проектов подобного «отчуждения» особый интерес представляют проекты «Русского знамени» и «Почаевских известий». Первый предлагал выкупить в пользу крестьян 30 млн. дес. помещичьих земель, сдаваемых в аренду крестьянам¹⁴¹⁸, второй — ввести такой поземельный налог, который сделал бы невыгодным обладание слишком крупными земельными владениями и заставил бы помещиков продать нерационально эксплуатируемую часть своих земель¹⁴¹⁹.

По сути дела это была идея американского мыслителя Генри Джорджа, предложившего ввести дифференцированный поземельный налог, который возрастал бы по мере увеличения площади облагаемых земель¹⁴²⁰. Смысл этого предложения сводился к тому, чтобы собственники крупных земельных владений сами бы продали часть земель, которые находились бы за пределом рентабельности¹⁴²¹.

Некоторое консерваторы в этом отношении шли еще дальше, допуская возможность национализации земель. «В то время как за границей национализация земли имеет характер радикальной реформы, — отмечалось в 1897 г. на страницах “Энциклопедического словаря” Брокгауза и Эфрона, — в России она поддерживается не только либеральными органами печати, но и самыми консервативными. Предложения сводятся к обращению всей земли крестьянских общин в государственную собственность с тем, чтобы крестьяне подобно прежним государственным крестьянам уплачивали известную арендную плату, а выкупные платежи были бы уничтожены. Встречаются также предложения обращения в собственность государства всех лесов и всех частных владений, подлежащих продаже с публичных торгов за банковые недоимки»¹⁴²².

¹⁴¹⁵ Ленин В.И. О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. М., 1969. С. 18

¹⁴¹⁶ Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 103.

¹⁴¹⁷ Всеподданнейшие телеграммы и постановления IV Всероссийского съезда объединенного русского народа. М., 1907. С. 19.

¹⁴¹⁸ Земля и цифры // Русское знамя. 1906. 25 февраля.

¹⁴¹⁹ Земельный вопрос // Почаевские известия. Почаев, 1907. 8 мая.

¹⁴²⁰ Николаев С.Д. Великий борец за освобождение земли Генри Джордж. Биографический очерк М., 1906.

¹⁴²¹ Джордж Г. Избранные речи и статьи. М., 1906; Он же. Земельный вопрос: Его сущность и его единственное решение. М., 1907.

¹⁴²² С-в М. Национализация земли // Энциклопедический словарь. Т. XXа. СПб., 1897. С. 710.

Одновременно с решением земельного вопроса Союз русского народа предлагал меры, которые должны были защитить крестьянина от конкуренции с помещиками, от эксплуатации торговцев и ростовщиков. Это касалось финансирования сельского хозяйства и сбыта сельскохозяйственной продукции. Подчеркивая в своей программе, что «частные земельные банки служат к эксплуатации населения», Союз русского народа требовал «уничтожения таковых и образования общегосударственного банка», способного обеспечить деревню «справедливым» кредитом¹⁴²³, «устройства казенных зернохранилищ (элеваторов) для покупки крестьянского хлеба и выдачи под него ссуд, что освободит мелких землевладельцев от эксплуатации их скупщиками и комиссионерами»¹⁴²⁴.

Союз русского народа добивался также сохранения неотчуждаемости наделных земель, запрещения земельных спекуляций, ограничения концентрации наделных земель в одних руках, и «установления для каждой местности наименьшего размера земельной собственности, не подлежащей принудительной продаже за долг владельца»¹⁴²⁵.

Это была программа государственно-капиталистического вмешательства в экономику с целью консервации мелкого производства в деревне.

Иной была аграрная программа «объединенного дворянства». Принятая на его первом съезде резолюция по аграрному вопросу подчеркивала неприкосновенность частной собственности и разрушение общины как главный способ решения аграрного вопроса. Признавая факт крестьянского малоземелья в Европейской России, «объединенное дворянство» предлагало для его ослабления использовать поступающие на рынок частновладельческие земли и организовать переселение нуждающихся в земле за Урал¹⁴²⁶.

Однако «объединенное дворянство» выражало беспокойство по поводу не только крестьян, но и собственного обезземеливания. Поэтому несколько позднее, на III съезде, один из лидеров этой организации А.П. Струков поставил вопрос: «Для построения тех рекомендаций, которые имели бы предоставить высшему правительству, надо от нынешнего съезда добиться указания того, что он желает от [Крестьянского] Банка: чтобы этот Банк возможно легче, быстрее покупал земли, ему предложенные, или чтобы Банк по возможности задерживал такую быструю реализацию?»¹⁴²⁷

Иначе говоря, должно ли правительство форсировать или же сдерживать процесс перехода продаваемых земель от помещиков к крестьянам? Никакого решения по данному вопросу указанный съезд не принял. Однако два года спустя, V съезд «объединенного дворянства» признал, что главным средством ослабления крестьянского малоземелья должны быть свободные казенные земли, а использование для этого продаваемых частновладельческих земель возможно только в том случае, если это не связано «с нарушением в данной местности правильного отношения между крупным, средним и мелким землевладением»¹⁴²⁸.

¹⁴²³ III Всероссийский съезд русских людей. Киев, 1906. С. 132–133.

¹⁴²⁴ Там же.

¹⁴²⁵ Там же.

¹⁴²⁶ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1906.

¹⁴²⁷ Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1907. С. 294.

¹⁴²⁸ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1909. С. 295–296.

Но сохранение «правильного» соотношения могло быть достигнуто как путем перехода продаваемых земель из одних дворянских рук в другие, так и путем поддержки разоряющегося поместного дворянства. Поэтому становится понятными предложения о предоставлении Дворянскому банку права скупки продаваемых частновладельческих земель с целью перепродажи их дворянству, об «экономическом объединении дворянства» для защиты «от разгрома дворянского землевладения»¹⁴²⁹.

б) Либеральное решение аграрного вопроса.

Ближайшим соседом «объединенного дворянства» слева был Союз 17 октября¹⁴³⁰. Близость между двумя этими организациями отражалась во многих вопросах, в том числе в аграрном вопросе. Впервые аграрная программа Союза 17 октября была сформулирована осенью 1905 г. в воззвании об образовании этой партии¹⁴³¹. Однако в 1906 г. среди октябристов произошел раскол (из Союза вышли Д.Н. Шипов и его сторонники, образовавшие Партию мирного обновления)¹⁴³², поэтому считается, что Союз 17 октября окончательно оформился как политическая партия только осенью 1906 г.¹⁴³³

Произошедший раскол привел к некоторым изменениям отношения октябристов к аграрному вопросу. Октябристы считали, что решение аграрного вопроса лежит только на пути интенсификации сельского хозяйства, а для этого необходимо ликвидировать аграрное перенаселение и упразднить общину. Первое планировалось осуществить с помощью переселения избыточного населения за Урал, второе — предоставлением крестьянам права свободного выхода из общины. Для расширения крестьянского землевладения предлагалось также использовать поступающие на рынок частновладельческие земли, причем в отличие от «объединенного дворянства» октябристы не видели необходимости искусственного поддержания помещичьего хозяйства и даже готовы были на частичное принудительное отчуждение помещичьих земель за выкуп там, где это было крайне необходимо¹⁴³⁴.

¹⁴²⁹ Там же. С. 312; Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1911. С. 250; Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1912. С. 43–44.

¹⁴³⁰ Колесников В.А. Октябристы. Вып.1. Ярославль, 1908; Барышников М.Н. Разоблачение партий большевиков контрреволюционной сущности «Союза 17 октября». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988; Шелохаев В.В. Партия октябристов в период Первой русской революции. М., 1987; Карнишин В.Ю. Союз 17 октября в 1907–1913 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: 1905–1915 гг. Т. 1–2. М., 2000; Рохас Пардо М. Социальная программа партии «Союз 17 октября» и ее реализация в Государственной думе (1906–1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; Шандулин Е.В. Партия «Союз 17 октября»: процесс политического самоопределения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2004.

¹⁴³¹ Союз 17 октября. Воззвание. СПб., 1905; Союз 17 октября. [Цели и задачи]. СПб., 1905; Союз 17 октября. Основные положения. СПб., 1906.

¹⁴³² Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М., 2002; Программа партии мирного обновления. СПб., 1906; Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность по аграрной программе Партии мирного обновления. Тамбов, 1906.

¹⁴³³ Лаврычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 50.

¹⁴³⁴ Мигулин П.П. К вопросу о земельном устройстве крестьян. Доклад, читанный на съезде делегатов «Союза 17 октября» в аграрной секции 9 октября 1906 г. М., 1906; Капустин М.Я. Речи казанского

И действительно, стоило кадетам внести свой аграрный законопроект в Первую Государственную думу, как она почти сразу же была распущена.

в) Революционные демократы.

Революционно-демократический лагерь тоже не был един. Главную роль в нем играли три типа партий: народнические, социал-демократические и национальные, которые тяготели или к народникам, или к социал-демократам.

Как известно, народничество разделялось на два течения: либеральное и революционное, которые были представлены двумя партиями: *партией народных социалистов*¹⁴⁴² и *партией социалистов-революционеров*¹⁴⁴³.

Центром формирования первой партии стала редакция журнала «Русское богатство». Этот процесс начался в ноябре–декабре 1905 г. и завершился в 1906 г. Партия народных социалистов, связанная и с кадетами, и с эсерами была представлена в Государственной думе во фракции трудовиков. Решение о создании такой фракции было принято на совещании депутатов Государственной думы 24 апреля 1906 г., а 28 апреля, т.е. на следующий же день после открытия Государственной думы, такая фракция была создана¹⁴⁴⁴. Несмотря на весь антидемократизм избирательного закона, позиции трудовиков в I и II Государственной думе оказались достаточно сильными. Более 80% трудовиков были из крестьян¹⁴⁴⁵.

Государственная дума открылась 27 апреля, а уже 7 мая трудовики приступили к рассмотрению своей аграрной программы. Эта программа гласила:

1. Вся земля переходит в руки трудящегося народа.
2. Право на землю имеет только тот, кто обрабатывает ее личным трудом.
3. Отчуждению подлежат все земли удельные, казенные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие и прочие, превышающие трудовую норму, устанавливаемую на местах.
4. Все отчуждаемые земли поступают в общенародный фонд, земли эти передаются на праве пользования безземельным, малоземельным и всем желающим обрабатывать ее личным трудом¹⁴⁴⁶.

В литературе считается, что народные социалисты и трудовики выступали за национализацию земли¹⁴⁴⁷.

Инициатором идеи национализации земли считается Томас Спенс, который впервые выдвинул эту идею еще в 1775 г. В 1830–1840-е гг. она была взята на вооружение чартистами и получила широкое распространение. В 1847 г. она нашла свое отражение в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса. Во второй половине XIX в. эта идея получила распространение не только в Европе (Милль), но и в Америке (Генри Джордж).

В России эта идея прежде всего нашла свое выражение в требовании «черного передела». Идея «черного передела» уходит своими корнями еще в 1860–1870 гг.,

¹⁴⁴² Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в Первой русской революции. М., 1979.

¹⁴⁴³ Леонов М.И. Партия эсеров в революции 1905–1907 гг. Автореф. дис.... докт. ист. наук. М., 1995.

¹⁴⁴⁴ Колесниченко Д.А. Трудовики в период Первой российской революции. М., 1985. С. 55.

¹⁴⁴⁵ Там же. С. 44.

¹⁴⁴⁶ Там же. С. 55.

¹⁴⁴⁷ Ерофеев Н.Д. Указ. соч. С. 98; Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 55.

что нашло отражение в названии одной из народнических организаций «Черный передел». В программе «Земли воли» (1878 г.) были четко зафиксированы следующие положения: а) конфискация земель и передача их народу и б) уравнительное («равномерное») ее распределение среди трудящихся. «Земля и воля» оставляла открытым вопрос о формах пользования конфискованными землями, но выражала уверенность, что «две трети России будут владеть землею на общинном начале»¹⁴⁴⁸.

В программе трудовиков оставался открытым вопрос о том, предполагается ли безвозмездное отчуждение земель или же допускается их выкуп? Однако при подготовке резолюции «Проекта основных положений для аграрной реформы» была признана допустимость вознаграждения за отчуждаемые земли, т.е. признан выкуп, что в этом отношении сближало трудовиков с кадетами. Однако трудовики добились включения в эту резолюцию запрещения продавать, дарить, закладывать и сдавать землю в аренду. Много споров вызвал вопрос об использовании наемного труда, однако достигнуть согласия в этом вопросе не удалось и он был оставлен открытым¹⁴⁴⁹.

Утопизм трудовиков заключался в том, что свою программу они надеялись реализовать законными средствами даже при сохранении монархии.

Помимо программы трудовиков, идея национализации земли лежала в основе программы *партии социалистов-революционеров*¹⁴⁵⁰.

По свидетельству В.Н. Гинева в народнической печати эсеровского толка «аграрные требования по существу сводились к нескольким общим фразам о необходимости национализации земли»¹⁴⁵¹. «Первый проект программы появился у эсеров только в 1903 г. По-видимому, он не был опубликован. Второй проект был напечатан в мае 1904 г. в № 40 журнала «Революционная Россия». Перед первым съездом партии эсеров появился еще и третий проект. Окончательный текст программы был выработан только в январе 1906 г. на первом съезде»¹⁴⁵². «Аграрная программа, принятая I съездом, считалась у эсеров программой-минимум, действительной до перехода власти к социалистам»¹⁴⁵³.

В отличие от трудовиков, эсеры выступали за полную конфискацию помещичьих земель, которые, по их замыслу, должны были быть социализированы, т.е. объявлены собственностью всего общества. Как установил В.Н. Гинев, впервые понятие «социализации» земли прозвучало в 1902 г. на Первом съезде Аграрно-социалистической лиги¹⁴⁵⁴. В том же году эта идея была вынесена на страницы печати¹⁴⁵⁵, а затем вошла в проект программы партии¹⁴⁵⁶.

¹⁴⁴⁸ Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Т. II. М.-Л., 1965. С. 30–31.

¹⁴⁴⁹ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 56–58.

¹⁴⁵⁰ Леонов М.И. Указ. соч.

¹⁴⁵¹ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 35.

¹⁴⁵² Там же. С. 34. Подробнее: Гинев В.Н. Из истории разработки аграрной программы социалистов-революционеров // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IV. Л., 1972.

¹⁴⁵³ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России... С. 34.

¹⁴⁵⁴ Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л., 1983. С. 30.

¹⁴⁵⁵ Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве // Революционная Россия. 1902. № 14; 1903. № 15.

¹⁴⁵⁶ Программа-максимум и программа-минимум // Там же. 1904. № 41.

В соответствии с этим земля должна была быть подвергнута уравнительному распределению, причем право на землю мог иметь только тот, кто ее обрабатывал сам. Землю нельзя было продавать и покупать, сдавать в аренду, предполагалось запретить использование для обработки земли наемной рабочей силы¹⁴⁵⁷.

При этом осуществление социализации эсеры рассматривали как первый шаг на пути преобразования деревни на новых, социалистических началах, главными инструментами которого должны были стать община и кооперация — «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и *подготовки грядущего коллективного земледельческого производства*»¹⁴⁵⁸. Рассматривалась возможность превращения общины в производственный коллектив или же создание земледельческих артелей¹⁴⁵⁹.

В отличие от социалистов-революционеров и трудовиков аграрная программа *социал-демократов* первоначально отличалась необыкновенной скромностью. Главное место в ней занимали два положения: а) отмена выкупных платежей и б) возвращение крестьянам земель, отрезанных у них в результате реформы 1861 г.

Как признавался позднее В.И. Ленин, это было связано с переоценкой степени развития капитализма в деревне. К 1903 г. социал-демократы считали, что капитализм в деревне уже победил и что отработки и аренда держатся только на отрезках, а выкупные платежи представляю собой последнюю феодальную дань, навязанную деревне.

Начавшиеся в 1905 г. революционные события, в том числе поднимающаяся волна крестьянского движения, заставили РСДРП внести изменения в свою аграрную программу. В марте 1905 г. Г.В. Плеханов опубликовал на страницах своего «Дневника» статью, которая называлась «Мужики бунтуют». «В наши интересы, — писал он, — вовсе не входит умножение мелкой крестьянской собственности, но если бы у нас не было другого выбора, как или 1) передать земли, отнятые у крупных землевладельцев, в частную — соответствующую буржуазному способу производства — собственность “хозяйственных мужиков” или 2) обратить ее в государственную собственность на условиях, ведущих к закрепощению земледельца государством, то мы, не колеблясь, выбрали бы первое»¹⁴⁶⁰.

Однако когда аграрный вопрос был поднят на Женевской конференции, то единства среди меньшевиков не оказалось. В резолюции «О работе среди крестьян» было сказано только: «Социал-демократия поддерживает всякие попытки крестьян к насильственному захвату земель»¹⁴⁶¹.

Большевики впервые признали готовность поддерживать крестьянство «*вплоть до конфискации* помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных зе-

¹⁴⁵⁷ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Б.м., 1906; Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России... С. 35–52.

¹⁴⁵⁸ Там же. С. 44.

¹⁴⁵⁹ Там же.

¹⁴⁶⁰ Плеханов Г.В. Мужики бунтуют // Соч. Т. 13. С. 25–26.

¹⁴⁶¹ Первая общерусская конференция партийных работников. Женева, 1905.

мель» на III съезде РСДРП весной 1905 г.¹⁴⁶² Однако вопрос о судьбе конфискованных земель тогда был оставлен открытым.

Существует мнение, будто бы большевики оставляли данный вопрос открытым, не желая связывать себе руки и оставляя возможность для маневрирования.

«В зависимости от степени развития буржуазно-демократической революции и от соотношения сил внутри крестьянства, — пишет, например, В.Н. Гинев, — судьба конфискованных земель могла, по мнению В.И. Ленина, колебаться в весьма широких пределах: от распродажи или раздела их в собственность между крестьянами до национализации с разделом в пользование и даже национализации с передачей крупных капиталистических имений “ассоциациям рабочих”». В доказательство этого Гинев ссылается на статьи В.И. Ленина: «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (сентябрь 1905 г.), «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (март 1906 г.), «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» (ноябрь–декабрь 1907 г.).

Поскольку вплоть до 1917 г. вопрос о судьбе конфискованных земель не был закреплён ни в одной большевистской резолюции, можно считать, что он оставался открытым.

Столыпинская земельная реформа

а) Подготовка аграрной реформы.

Разработка правительственной программы умеренно-буржуазных реформ началась с всеподданнейшего доклада князя П.Д. Святополк-Мирского¹⁴⁶³. Имеются сведения, что прежде чем приступить к его составлению, П.Д. Святополк-Мирский ознакомился с «Загробной запиской» Бунге. Программа П.Д. Святополк-Мирского в основном имела политический характер, однако в ней отводилось место и аграрному вопросу, и смысл его решения был сформулирован достаточно четко — ликвидация крестьянской общины¹⁴⁶⁴. Николай II не дал добро этой программе, но 12 декабря 1904 г. подписал составленный под руководством С.Ю. Витте указ, который в числе прочих мер предусматривал и изменение аграрной политики¹⁴⁶⁵.

Подготовка крестьянской реформы была возложена на Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Казалось бы, это можно было рассматривать как победу С.Ю. Витте. Но борьба вокруг этого вопроса продолжалась. Г.М. Дейчу удалось обнаружить записку, которая 8 марта 1905 г. была представлена Николаю II занимавшим тогда пост петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Треповым. В записке ставился вопрос о необходимости ликвидации не только общинного, но и подворного землевладения, и перехода к хуторской системы ведения крестьянского хозяйства и предлагалось создание для осуществления аграр-

¹⁴⁶² Третий съезд РСДРП. Апрель–май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 454.

¹⁴⁶³ Крылова Е.Д. Князь П.Д. Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

¹⁴⁶⁴ Святополк-Мирский П.Д. Всеподданнейший доклад 1904 г. // Река времени. Книга истории и культуры. 1995. Кн. 1. М., 1995.

¹⁴⁶⁵ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. СПб., 1991. С. 40.

ной политики специального учреждения, Главного управления землеустройства и земледелия¹⁴⁶⁶.

30 марта 1905 г. возглавляемое С.Ю. Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было распущено, вместо него была создана Комиссия по крестьянскому вопросу, которую возглавил И.Л. Горемыкин¹⁴⁶⁷. Работа этой комиссии до сих пор не стала предметом специального исследования, но, судя по всему, до осени 1905 г. она ничего не сделала.

Между тем 1905 г. ознаменовался резким всплеском крестьянского движения. За первые три месяца этого года было зарегистрировано 229 крестьянских выступлений, за вторые — 935, за третьи — 474, за четвертые — 1590¹⁴⁶⁸. Запылали помещичьи усадьбы.

Указом 3 ноября 1905 г. в следующем, 1906 г., выкупные платежи сокращались наполовину, а с 1 января 1907 г. отменялись полностью. Это означало досрочное завершение выкупной операции¹⁴⁶⁹. С этого момента сельские общества должны были превратиться из владельцев в собственников наделной земли, что открывало перед ними возможность распоряжаться ею.

В таких условиях в правительственных кругах появились сторонники идеи принудительного отчуждения частновладельческих земель. С проектом такой реформы выступил профессор П.П. Мигулин. Появился проект Н.Н. Кутлера¹⁴⁷⁰.

6 января 1906 г. Совет министров рассмотрел и отверг проект Н.Н. Кутлера¹⁴⁷¹.

24 января 1906 г. Совет министров снова вернулся к аграрному вопросу в связи с необходимостью подготовки законопроектов для созываемой в апреле Государственной думы. Было решено «немедленно подвергнуть» этот вопрос «принципиальному обсуждению в Министерстве внутренних дел»¹⁴⁷². Уже на следующий день в МВД под руководством управляющего Земским отделом В.И. Гурко было созвано специальное совещание. После нескольких заседаний в конце января-начале февраля оно пришло к двум принципиально важным выводам: а) любой крестьянин в любое время может выйти из общины и закрепить за собой причитающуюся ему часть земли в собственность, б) подобное право необходимо предоставить всем общинам, в которых переделов не было 24 года¹⁴⁷³, т.е. с 1881 г.

Одновременно была создана Особая комиссия при ГУЗЗ. Затем в феврале 1906 г. аграрный вопрос был рассмотрен в Совете министров. 25 февраля царь

¹⁴⁶⁶ Дейч Г.М. К истории аграрной политики царизма... С. 145–157.

¹⁴⁶⁷ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма...

¹⁴⁶⁸ Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 38.

¹⁴⁶⁹ Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных. Указ 3 ноября 1905 г. // ПСЗ-З. 1905. СПб., 1907. С. 791.

¹⁴⁷⁰ Проект закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения. 26 февраля 1906 г. // Аграрный вопрос в Совете министров. М.-Л., 1924. С. 27–41. См. также: Объяснительная записка к Проекту закона о расширении и улучшении крестьянского землевладения // Там же. С. 42–60; Примерная смета расходов по проведению в жизнь закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения // Там же. С. 61–63.

¹⁴⁷¹ Сидельников С.М.. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 64.

¹⁴⁷² Там же. С. 306.

¹⁴⁷³ Там же. С. 67.

утвердил решение о необходимости реорганизовать Крестьянский банк. 4 марта был издан указ о создании на местах землеустроительных комиссий¹⁴⁷⁴.

В марте Государственный Совет рассмотрел проект, подготовленный совещанием В.И. Гурко. 15 апреля Совету министров были представлены «Основные положения изменения в законодательстве о крестьянах»¹⁴⁷⁵.

Однако С.Ю. Витте опять не повезло. Его снова заменил И.Л. Горемыкин¹⁴⁷⁶. Министром внутренних дел был назначен саратовский губернатор П.А. Столыпин, проявивший твердость и решительность в подавлении крестьянских волнений. И хотя новый министр называл себя «октябристом», однако, как пишет в своих мемуарах В.И. Гурко, «у Столыпина был серьезный пробел, а именно полнейшее отсутствие какой-либо собственной, строго продуманной, сколько-нибудь целостной программы»¹⁴⁷⁷.

В.И. Гурко утверждает, что когда П.А. Столыпина пригласили на пост министра внутренних дел, он сразу же поставил перед новым министром вопрос о необходимости «упразднения общины» и «тут же убедился, что Столыпин совершенно не в курсе этого вопроса и даже плохо понимает, что такое земельная община». Но при встрече с императором Столыпин «высказал государю мысль о необходимости перевода крестьянского землевладения на право личной собственности и возражений не встретил»¹⁴⁷⁸.

Между тем 7 мая кадеты внесли в Государственную думу свой аграрный проект («проект 42-х»), который стал одной из причин ее роспуска. Однако прежде, чем сделать это, П.А. Столыпин 6 июня внес с Думу законопроект «О земельных обществах, владеющих надельными землями». 10 июня в Государственный Совет был внесен законопроект о расширении и укреплении крестьянского землевладения, а 20 июня появилось правительственное сообщение по аграрному вопросу¹⁴⁷⁹.

После разгона первой Государственной думы П.А. Столыпин, возглавивший Совет министров, направил свои усилия на разработку программы правительства. «Как бы там ни было, — вспоминал В.И. Гурко, — застал я в конце августа 1906 г. правительство в творческой реформаторской лихорадке. Я, конечно, не преминул этим воспользоваться, чтобы попытаться осуществить давнюю мою мечту, а именно — предоставить крестьянам право свободного выхода из общины. Была образована под моим председательством межведомственная комиссия, которая обсуждала и пересмотрела уже дважды вносившийся в высшие учреждения — сначала в Государственный совет в марте 1906 г., а затем в Совет министров в мае 1906 г., — проект правил о выходе из общины. Составлено было затем представление в Совет министров и я принес его к подписанию Столыпину, однако в последнюю минуту Столыпин не решился его подписать и просил меня это сделать «за министра внутренних дел»¹⁴⁸⁰.

¹⁴⁷⁴ Там же. С. 70.

¹⁴⁷⁵ Там же. С. 73.

¹⁴⁷⁶ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999.

¹⁴⁷⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 541.

¹⁴⁷⁸ Там же. С. 540–541.

¹⁴⁷⁹ Сидельников С.М. Указ. соч. С. 75–84, 90.

¹⁴⁸⁰ Гурко В.И. Указ. соч. С. 588.

15 октября появился указ, ликвидировавший юридическую неполноправность крестьян, а 9 ноября указ о выходе из общины. Так началась столыпинская аграрная реформа, с помощью которой, как утверждал А.М. Анфимов, П.А. Столыпин собирался «взорвать общину»¹⁴⁸¹.

б) Содержание аграрной реформы.

Рассматривая происходившие в России события как утверждение в ней тех буржуазных порядков, которые господствовали в Западной Европе,¹⁴⁸² и признавая, что борьба идет из-за тех «политических форм, обнимаемых понятием конституционного строя, которые для состоятельных и просвещенных классов являются конечной целью их стремлений»¹⁴⁸³, П.А. Столыпин видел особенность России в том, что эта борьба совпала с борьбой трудящихся классов. В связи с этим он считал, что народные низы рассматривали борьбу за конституцию лишь как «орудие для достижения политического господства, а затем и социального переустройства»¹⁴⁸⁴. «Не случайно, — писал он, — представители международного социализма рассматривают иногда Россию как страну, совмещающую наиболее благоприятные условия для проведения в умы и жизнь их учений»¹⁴⁸⁵.

Исходя из этого, П.А. Столыпин считал необходимым прежде всего устранить социальную напряженность в деревне. «В стране по преимуществу земледельческой, как Россия, — писал он царю 30 августа 1907 г., — основой народного благосостояния и всего государственного строя является прочно сплоченное земледельческое население, прочно сидящее на своей земле, культурное и обеспеченное. При отсутствии этих условий, при хищническом хозяйстве, при бедности и невежестве крестьян, при отсутствии среди них понятия о собственности — никакие преобразования, никакие культурные начинания невозможны и заранее обречены на неуспех; невозможно и прочное поддержание даже внешнего порядка, так как дикая полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собою горячий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу»¹⁴⁸⁶.

При этом П.А. Столыпин считал, что правительству следует принять безотлагательные меры, направленные на ликвидацию этого социального напряжения. «Правительственная земельная политика, — писал он, — лишь постольку может рассчитывать на успех, поскольку не будет отставать от жизни»¹⁴⁸⁷. Считая, что у правительства еще есть возможность «направить крестьянское землевладение в надлежащее русло», П.А. Столыпин отмечал: «Возможность эта в будущем не повто-

¹⁴⁸¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М. 1968, с. 349.

¹⁴⁸² Беседа с П.А. Столыпиным // Новое время. 1906. 30 сентября; Столыпин П.А. Речи в Государственной думе. 1906–1911. СПб., б.г. С. 34; Тверской П.А. К историческим материалам о П.А. Столыпине // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 190.

¹⁴⁸³ Столыпин П.А. Всеподданнейший доклад об изменении избирательного закона. Рассмотрен Николаем II 15 июля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 16.

¹⁴⁸⁴ Там же. Л. 16–17.

¹⁴⁸⁵ Там же. Л. 18.

¹⁴⁸⁶ Из секретного представления П.А. Столыпина Совету министров. 30 августа 1907 г. // Сидельников С.М. Указ. соч. М., 1973. С. 137.

¹⁴⁸⁷ Там же.

рится и если она не будет использована, если по причине ведомственной розни, недостатка энергии и соображений финансового свойства землеустроительное дело снова станет на мертвую точку, то *это будет непоправимой, роковой ошибкой*¹⁴⁸⁸.

Целью этой политики П.А. Столыпин считал создание рядом с общиной многочисленного класса фермеров. «В настоящее время, — отмечал он, — более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих сообщественников, по образному выражению — мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедности и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни, если бы дать трудолюбивому землеробу получить сначала временно в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок..., причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то *наряду с общиной, где она жизненна*, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли»¹⁴⁸⁹.

Обратите внимание: *в 1907 г. П.А. Столыпин не ставил перед собою задачу ликвидации общины*. Свою цель он видел в том, чтобы предоставить возможность всем, кто этого желает, выйти из общины, и помочь им в создании крепкого самостоятельного хозяйства. А тем, кто не желает выходить из общины, сохранить возможность существования общины, «где она жизненна».

П.А. Столыпин понимал, что самым простым было бы отменить все стесняющие крестьянство законы. Но он, вероятно, понимал и то, что это привело бы к резкой поляризации сил внутри деревни. Поэтому считал необходимым идти к намеченной цели постепенно.

«На первый взгляд, — отмечал он в представлении Совета министров по поводу указа о предоставлении крестьянам права выхода из общины, — наиболее простым и планомерным решением крестьянского вопроса представлялось бы полное уничтожение всех специальных крестьянских законов и распространение на сельских обывателей действующих общегосударственных законов. Надо думать, что со временем к такому именно решению и придут. Но предварительно нужно подготовить новую мелкую форму землевладения, нужно обставить ее ограничениями, задуманными МВД в целях охраны экономического быта мелких землевладельцев, которым без этого трудно было бы устоять против опасных для них сторон общегражданского оборота (т.е. капиталистической конкуренции — *А.О.*). С этой точки зрения специальное законодательство о наделных землях можно бы назвать *временным, переходным*»¹⁴⁹⁰.

Эту особенность столыпинской аграрной политики не желали замечать его современники, от нее отвлекались советские историки, игнорируется она и сейчас. В частности, это касается главного столыпинского указа — указа 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования»¹⁴⁹¹.

¹⁴⁸⁸ Там же.

¹⁴⁸⁹ Столыпин П.А. Всеподданнейший доклад... См. также: интервью газете «Волга»: «До сих пор у нашего стомиллионного крестьянства, зависимого прежде всего от других, была лишь одна карьера — карьера мужика-кулака. Теперь перед ним открываются иные, более светлые горизонты».

¹⁴⁹⁰ Сидельников С.М. Указ. соч.

¹⁴⁹¹ ПСЗ-З. Т. XXVI. 1906 г. Отд. I. СПб., 1909. С. 970–974.

Указ открывался ст. 1, которая гласила: «Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»¹⁴⁹². Признавая, что эта статья означала переход царизма от политики сохранения к политике разрушения общины, трудно согласиться с тем, что данный указ имел своей целью «взорвать крестьянскую общину»¹⁴⁹³. Если же и можно рассматривать этот указ как мину, то только как мину замедленного действия. Дело в том, что статья 1 имела в виду не все общинные земли, а только те из них, которые находились в постоянном пользовании¹⁴⁹⁴. Между тем, как мы знаем, часть земель (в основном сенокосы) переверстывалась ежегодно, часть (леса, водоемы, неудобья, выгоны) находились в общем пользовании. В связи с этим ст. 2 указа 9 ноября 1906 г. специально уточняла, что речь идет только о тех землях, которые находились «в постоянном (не арендном) пользовании»¹⁴⁹⁵.

О том, что ст. 1 имела в виду не все, а только часть общинных земель, говорилось в циркуляре МВД от 9 декабря 1906 г.: «Под участками постоянного пользования следует разуметь прежде всего те, которые состоят во владении отдельных домохозяев или по последнему общему переделу, или, если общего передела вовсе не было, то со времени наделения крестьян землей. Равным образом к участкам постоянного пользования должны быть отнесены и те, которые предоставлены при частных переделах, бывших как до указа 8 июня 1893 г., так и впоследствии в постоянное пользование без указания срока или до следующего общего передела»¹⁴⁹⁶.

Об этом же свидетельствует и циркуляр МВД от 12 апреля 1907 г.: «Переделаемой на общих основаниях считается одна полевая земля, сенокосные же и лесные угодья предполагаются переделаемыми на особых основаниях... В лугах и лесах укрепляются всегда постоянные, определенные в натуре участки, как и в полевых угодьях... Относительно угодий, переделаемых на особых основаниях, описывается способ или порядок пользования ими, доля же в них выходящего из общины не указывается»¹⁴⁹⁷.

О том, что ст. 1 имела в виду только земли постоянного пользования и их укрепление в собственность *не означало выхода крестьянина из общины*, свидетельствует ст. 4: «Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящие в постоянном пользовании (ст. 1–3), сохраняют за собой право пользоваться в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодьями, которые переделаются на особых основаниях (например, по произведениям почвы или отдельно от угодий, переделаемых при общих переделах и на иных

¹⁴⁹² Там же. С. 970.

¹⁴⁹³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 349.

¹⁴⁹⁴ Островский А.В. О характере указа 9 ноября 1906 г. // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 169–172.

¹⁴⁹⁵ ПСЗ-3. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. СПб., 1909. С. 970.

¹⁴⁹⁶ Циркуляр министра внутренних дел губернаторам. 9 декабря 1906 г. // Саввич Г.Г. Новый государственный строй. Справочная книга. СПб., 1907. С. 219.

¹⁴⁹⁷ Циркуляр МВД губернаторам от 12 апреля 1907 г. № 24. Об исправлении форм общинных приговоров и постановлений земских начальников об укреплении надельной земли из общинных владений в личную собственность // Сборник законов и распоряжений по землеустройству. Ч. 3. СПб., 1908. С. 702–703.

основаниях и т.п.), а также право участия в пользовании на принятых в обществе основаниях непередаваемыми угодьями, как-то: мирской усадебной землей, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и др.»¹⁴⁹⁸

Из циркуляра 9 декабря 1906 г.: «Статьей 12 отд. I каждому домохозяину предоставлено право требовать, чтобы общество выделило ему взамен участков, укрепленных за ним в порядке статей 1–11 отд. I соответственный участок по возможности к одному месту. В силу этого каждый домохозяин может требовать выдела ему к одному месту не только того количества земли, какое состоит в чересполосных постоянных участках, укрепленных а личную собственность на основании статей 2 и 3 отд. I, но также и соответственной добавки взамен участия в пользовании передаваемыми на особых основаниях и непередаваемыми участками в тех случаях, когда с выделом к одному месту постоянных участков за ним не сохраняется пользование означенными участками»¹⁴⁹⁹.

19 января 1910 г. Правительствующий Сенат дал однозначное толкование этого указа: «По точному смыслу ст. 1–3 отд. I Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. за подавшими заявление о выходе из общины домохозяевами могут быть укреплены только участки мирской земли, находящиеся *в их действительном пользовании в момент подачи таковых заявлений, а не идеальные доли владения общественною землею*, в каковых долях по силе ст. 4 отд. I того же указа, укрепившиеся домохозяева пользуются только участками, передаваемыми на особых основаниях»¹⁵⁰⁰. Причем согласно сенатским толкованиям, крестьяне не имели права требовать укрепления за ними приходящейся им доли непередаваемых угодий в натуре¹⁵⁰¹.

Впервые мною было обращено внимание на неверное толкование Указа 9 ноября 1906 г. еще в 1983 г.¹⁵⁰² Затем этот же вопрос был поднят мною в дискуссии о столыпинской аграрной реформе, проходившей в Обществе историков и архивистов¹⁵⁰³.

Поскольку существующая трактовка указа 9 ноября 1906 г. поставлена под сомнение, исследователи обязаны или опровергнуть мою точку зрения, или же взять на вооружение. Сознательное игнорирование ее дает мне право обвинить моих коллег, пишущих на эту тему, в фальсификации истории столыпинской аграрной политики¹⁵⁰⁴.

¹⁴⁹⁸ ПСЗ-3, Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. С. 970.

¹⁴⁹⁹ Наказ землеустроительным комиссиям с применением узаконений и распоряжений, относящихся к землеустройству сельского населения, последовавших в 1906 г. СПб., 1907. С. 111. См. также: Закон 14 июня 1910 г. (ПСЗ-3, Т. XXX. 1910 г. Отд. 1. СПб., 1913. С. 746–753); Сборник узаконений и распоряжений по землеустройству и землевладению крестьян / сост. В. Ден. СПб., 1912. С. 537–541.

¹⁵⁰⁰ Известия Земского отдела МВД. 1910. № 3; Там же. 1913. № 8.

¹⁵⁰¹ Указ Сенату. 1 марта 1913 г., № 2525 // Известия Земского отдела МВД. 1915; Указ Сенату 31 декабря 1914 г. № 9774 // Известия Земского отдела МВД. 1915. № 1. С. 7.

¹⁵⁰² Островский А.В. О характере указа 9 ноября 1906 г... С. 269–272.

¹⁵⁰³ Столыпинская аграрная реформа (материалы дискуссии) // Английская набережная, 4. СПб. 2000. С. 22.

¹⁵⁰⁴ Единственная попытка поставить на обсуждение толкование указа 9 ноября 1906 г. была сделана в 1984 г. Г.П. Жидковым и Г.П. Забоенковой (Жидков Г.П., Забоенкова А.С. К оценке характера столыпинского указа 9 ноября 1906 г. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1984. С. 117–127). Однако их статья имела во многом умозрительный характер.

Материалы статистики свидетельствуют, что в первую очередь этим правом выхода из общины воспользовалась деревенская беднота. Что же касается деревенских верхов, на которые делалась главная ставка, то они не спешили выходить из общины. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что лидировали по укреплению земли в собственность общины наименее обеспеченные землей, за ними уже шли многоземельные общины. В качестве примера можно привести данные по Казанской губернии (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Укрепление наделной земли в собственность в Казанской губернии

Земли на двор	Всего в общинах		Укреплено в собственность			
	дворы	уд. земля	дворы	%	уд. земля	%
До 1 дес.	13868	31075	1240	8,9	2734	8,8
1–2 дес.	60145	322605	3177	5,8	15962	4,9
2–3 дес.	184342	1357455	7502	4,1	47457	3,5
3–4 дес.	104639	1041295	4391	4,2	38754	3,7
4–5 дес.	27981	359859	1151	4,1	11864	3,3
Более 5 дес.	6952	119398	260	3,7	3435	3,0
Всего	397917	3231688	17821	4,5	120226	3,0

Источник: Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии. Казань. 1911. С. 25.

в) Реализация аграрной реформы.

Наличие за Уралом резерва свободных земель до некоторой степени соответствовало тому положению, которое существовало в США. Однако в США второй половины XIX в. имела место интенсивная колонизация, а в России вплоть до начала XX в., несмотря на раздававшееся голоса о необходимости переселения избыточного населения, в этом направлении почти ничего не делалось.

В годы столыпинской аграрной реформы в этом направлении наметился поворот¹⁵⁰⁵. Однако эти перемены не соответствовали масштабам стоящих перед правительством задач.

С 1906 по 1916 г. на новые земли переселилось 3134753 чел. Если исходить из того, что средняя крестьянская семья состояла из 5–6 человек, получается, что переселилось примерно 500–600 тыс. крестьянских семей — около 4% их общего количества. Это восьмая часть безлошадных крестьян. А поскольку в 1912 г. безлошадные хозяйства составляли 32% всех крестьянских хозяйств, то для полного переселения их за Урал требовалось еще около 70 лет.

Между тем, за указанные годы 546607 переселенцев, или 17,4% от их общего числа, вернулись назад. Причем в 1906–1909 гг. уехало 1910493, вернулось 168243, 8,8%, в 1910–1916 гг. уехало 1224260, вернулось 378364, 30,9%¹⁵⁰⁶. Иначе говоря, чем даль-

¹⁵⁰⁵ Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройства в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

¹⁵⁰⁶ Там же. С. 151–159.

ше от 1906 г., тем поток переселенцев становился меньше, а возвращенцев больше. Это значит, что для переселения избыточного населения (а общая численность населения и численность избыточного населения продолжали расти) требовалось не менее 100 лет.

Одна из важнейших причин, сдерживавших переселение крестьян на новые земли, заключалась в отсутствии у них для этого необходимых средств, а выделяемые для этого правительством кредиты не позволяли увеличить масштабы и темпы переселения¹⁵⁰⁷. Однако дело заключалось не только в этом.

Первое, переселение означало отток за Урал дешевой рабочей силы, а значит, удорожание заработной платы и возрастание производственных расходов помещиков, сокращение рентабельности их хозяйства.

Второе, расширение сибирского оазиса сельского хозяйства означало создание за Уралом конкурентного фактора (например, сибирское маслоделие).

Третье, при отсутствии в Сибири дворянства возникали опасения создания за Уралом «мужицкой республики», которая через несколько десятилетий могла или проявить претензии к сепаратизму, или же претензии участия во власти.

Важным направлением столыпинской политики стало также разверстание земель.

«29 мая 1911 г., — писал А.М. Анфимов, — был принят еще один закон — о землеустройстве. По этому закону землеустройство могло производиться независимо от того, укреплена или нет земля в собственность; *селения, в которых проведено землеустройство, уже в силу этого факта, объявлялось перешедшим к наследственному участковому владению*»¹⁵⁰⁸. Однако никаких оснований для подобной трактовки данного закона нет. И А.М. Анфимов их не привел.

На самом деле названный закон предусматривал *четыре* вида землеустройства: во-первых, отграничение наделных земель от частновладельческих, удельных и казенных; во-вторых, разграничение земель между отдельными сельскими обществами; в-третьих, разукрупнение сельских обществ: а) путем разделения больших и сложных общин на простые и малые и б) путем создания новых более мелких поселений (выселки) с целью сокращения расстояния до используемых сельскохозяйственных угодий; в-четвертых, разверстание земель внутри общины.

Очевидно, что первые три вида землеустройства вообще не затрагивали внутриобщинных отношений. Что же касается последнего вида землеустройства, то он был связан с реализацией указа 9 ноября 1906 г. и закона 1910 г. Причем и здесь речь шла тоже о нескольких видах землеустройства: а) ликвидация чересполосицы, б) сведение закрепленных в частную собственность полос воедино и создание компактных земельных участков, так называемых отрубков, в) образование хуторов за счет выдела из общины отдельных крестьян и г) полное разверстание всей общинной земли между отдельными хозяйствами¹⁵⁰⁹.

Таким образом А.М. Анфимов совершенно необоснованно распространил один из видов внутриобщинного разверстания земель на все виды столыпинского землеустройства и тем самым придал столыпинской политике тот радикализм, которого она не имела.

¹⁵⁰⁷ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства...

¹⁵⁰⁸ История СССР. Т. VI... С. 352.

¹⁵⁰⁹ Положение о землеустройстве. М., 1915.

«На 1 сентября 1914 г. заявления об укреплении земли в личную собственность подало 2,7 млн. крестьянских хозяйств. Из них только 26,6% получили согласие сельских сходов, причем и эти положительные приговоры сплошь и рядом вырывались у схода путем грубого давления земских начальников»¹⁵¹⁰.

Динамика укрепления земель постоянного пользования: 1907 г. — 48,3 тыс. дворов, 1908 г. — 508,3 тыс., 1909 г. — 579,4 тыс., 1910 г. — 342,2 тыс., 1911 г. — 145,6 тыс., 1912 г. — 122,3 тыс., 1913 г. — 134,6 тыс., 1914 г. — 97,9 тыс., 1915 г. — 29,8 тыс., всего — 2008,4 тыс.¹⁵¹¹. Еще 469,9 тыс. хозяев получили удостоверительные документы в беспередельных общинах. Поэтому к 1916 г. право личной собственности получили 2478,2 тыс. дворов из 12,3 млн., т.е. примерно 20% крестьянских дворов с площадью укрепленной земли 15,9 млн. дес., немногим более 10% от всей наделной земли, 6,4 дес. на двор.

«Если вы, — писал А.М. Анфимов, — прочтете у С.М. Дубровского, что к 1 января 1916 г. из общины выделились 2008432 домохозяина на площади 14122798 дес., не верьте этому. Указанные 2 миллиона домохозяев не выделились, а вышли из общины»¹⁵¹². Не верьте и тому, что прочитали, так как названные 2 миллиона *лишь закрепили за собой часть общинных земель, а из общины и не выделились, и не вышли*.

Половина из них укрепила за собой землю только для того, чтобы затем ее продать — 1101,8 тыс. А поскольку ими было продано только 4 млн. дес., это означает, что продавали землю наиболее бедные. По данным М.С. Симоновой, только около 20% продали землю, чтобы купить ее в другом месте, и только 6,4% с целью «улучшения хозяйства»¹⁵¹³. Остальные продавали землю, чтобы ликвидировать связь с землей. Примерно 300 тыс. из числа продавших землю ушли в город, и 500 тыс. уехали за Урал.

Не соответствовали масштабам стоящих перед правительством задач и меры, которые принимались им в сфере расширения крестьянского землевладения и создания как хуторских, так и отрубных хозяйств.

За 1907–1915 гг. было зарегистрировано более 400 тыс. хуторов и примерно 1,2 млн. отрубных хозяйств». На деле около 20% хуторов существовали только на бумаге. Это же касается и отрубников¹⁵¹⁴.

В 1877 г., как минимум, 70%, купленных крестьянами земель, принадлежали им единолично и максимум 30% — обществам и товариществам. К 1905 г. удельный вес первого вида земель сократился до 54%, а второго увеличился до 46%. К 1915 г. эти показатели выровнялись: 50, и 50%. Это означает, если первоначально в пореформенную эпоху земля приобреталась главным образом единолично, затем главным образом коллективно. Причем эту тенденцию не смогла переломить даже столыпинская реформа, в результате чего соотношение двух этих видов крестьянского купчего землевладения выравнивалось.

¹⁵¹⁰ История СССР. Т. VI... С. 376.

¹⁵¹¹ Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. По анкете Вольного экономического общества. Ч. 1. Пг., 1917. С. XIII.

¹⁵¹² Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 119.

¹⁵¹³ Симонова М.С. Мобилизация крестьянской наделной земли в период столыпинской аграрной реформы // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. Сб. V. М., 1962. С. 444–445.

¹⁵¹⁴ История СССР. Т. VI... С. 385.

Таблица 7.3

Деятельность Крестьянского банка

Операции	Лично	Общества	Товарищества	Всего
1877 г.	5787570 (70%)	764595	[1716994]	[8269159]
Было (1905 г.)	13208526(54%)	3729004	7634006	24571536
Продано	3603300	332200	963800	4899300
Куплено	7237900	1213100	5793500	14244500
Стало (1915)	16843126 (50%)	4609944	12483706	33936776

Источник: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 13; Россия. 1913 год. С. 63.

За 1906–1916 гг. Крестьянский банк приобрел для продажи крестьянам 4614 тыс. дес., за которые продавцам было уплачено 500 млн. руб.¹⁵¹⁵ Касаясь данного вопроса в своем представлении Совету министров 1 октября 1906 г. по поводу деятельности Крестьянского банка, П.А. Столыпин специально отмечал: «Все указанные земли предназначаются прежде всего для удовлетворения земельных нужд только тех малоземельных крестьян и землевладельцев других сословий, для которых сельскохозяйственный труд является основным источником средств к жизни, равно как лишь тех из безземельных, которые лично занимаются земледелием на арендованной земле и притом имеют инвентарь для ведения собственного сельскохозяйственного хозяйства»¹⁵¹⁶.

з) *Итоги аграрной реформы.*

Столыпинская реформа еще не успела начаться, как раздались голоса об успешном ее завершении. Так, уже в 1911 г. И.В. Чернышев писал: «Не менее половины крестьянского населения в настоящее время владеет землей на праве собственности». Свой вывод он аргументировал следующим образом: 3,5 млн. хозяйств беспредельных общин, 1,8 млн. подворников, 1,5 млн. вышедших из общины, итого 6,8 млн. хозяйств¹⁵¹⁷, т.е. 55% крестьянских дворов Европейской России. Подобным же образом оценивал результаты реформы и А.Е. Лосицкий. «Новый, возможно тщательный анализ фактов, — писал он в 1916 г., — подтверждает, что Россия превратилась из страны с преобладанием общинного землевладения в страну преимущественно индивидуальной собственности на наделенные земли». И далее: «в 48 губерниях Европейской России к 1914 г. насчитывалось около 3,5 млн. хозяйств, получивших землю на подворном праве, около 5 млн. бывших общинных дворов, уже перешедших к личной собственности или явно выразивших свое антиобщинное настроение и имеющих перейти к индивидуальному владению в ближайшем будущем, а дворов, не затронутых антиобщинным движением осталось около 5,5 млн., или только 39% общего числа дворов. С тех пор количество это еще уменьшилось»¹⁵¹⁸.

¹⁵¹⁵ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1906–1915 гг. СПб., 1907–1916.

¹⁵¹⁶ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. ..

¹⁵¹⁷ Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. К вопросу об общине. СПб., 1911. С. IV.

¹⁵¹⁸ К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепление наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба. М., 1916. С. 35.

Между тем из 3,7 млн. крестьянских дворов беспереселенных общин только 625,7 тыс. дворов обратились с просьбой о выдаче им удостоверительных актов, а к 1915 г. получили такие документы только 469,9 тыс., или же 12,6%¹⁵¹⁹. Это означает, что 81,4% крестьян так называемых беспереселенных общин по разным причинам не пожелали расставаться с общиной.

Когда исследователи приводят данные о количестве дворов, перешедших к хуторскому и отрубному хозяйству, обычно умалчивают о том, что из 1110335 таких хозяйств 1089961 были подворниками и только 20374 общинниками, т.е. 98 и 2%. Это означает, что 98% землеустроенных таким образом хозяйств принадлежали подворникам и только 2% — общинникам. Между тем всего подворников насчитывалось 2,8 млн. хозяйств. Это значит, что 61% подворников не пожелали переходить ни к отрубному, ни к хуторскому хозяйству.

Что же касается общинников, то из 1030895 землеустроенных хозяйств, 661599 приходились на разукрупнение сельских обществ и 178284 на размежевание владений, итого 839883 хозяйства (81%), затем 170638 (17%) — ликвидация чересполосицы и только 20374 (2%) — выход на хутора и отруба (табл. 7.4).

Таблица 7.4

Итоги землеустройства 1907–1915 гг.

Виды землеустройства	Подано ходатайств	Получили утверждение					
		Подворники		Общинники		Всего	
		дворы	земля	дворы	земля	дворы	земля
Размежевание владений	549761	16514	76,0	178284	1060,5	194798	1136,5
Разукрупнение сельских обществ	2007986	35797	265,2	661599	6581,2	697396	6846,4
Ликвидация чересполосицы	601777	7201	18,9	170638	285,1	177839	304,0
Разверстание на хутора и отруба	2722707	1089961	10828,0	20374	144,7	1110335	10972,8
Всего	5882231	1149473	11188,1	1030895	8071,6	2180368	19259,7

В связи оценкой успехов реформы заслуживает внимания прогноз, сделанный в 1910 г. А.В. Кривошеиным, который, возглавляя Главное управление землеустройства и земледелия, руководил практическим осуществлением столыпинской аграрной реформы. Отмечая, что в начале 1900-х гг. развитие страны «едва не завершилось общим экономическим кризисом», он писал: «Если все останется в прежнем положении, если по-прежнему значительная доля рабочей силы, не находя себе применения, будет оставаться неиспользованной, то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем»¹⁵²⁰.

¹⁵¹⁹ РГИА. Ф. 291. Оп. 121. 1916 г. Д. 75. Л. 4.

¹⁵²⁰ Кривошеин А.В. Объяснительная записка к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных установлениях Министерства земледелия» // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 376. Л. 84.

Осенью 1913 г. в Киеве состоялся Первый сельскохозяйственный съезд, который должен был обсудить накопленный опыт землеустройства, подвести первые его итоги и наметить основные направления и задачи будущей деятельности. Заслушанные на съезде доклады, развернувшиеся прения и, самое главное, принятые решения имели настолько важный характер, что, казалось бы, давно уже должны были стать предметом специального изучения.

Однако историки-аграрники с удивительным упорством игнорируют этот съезд. В 1980 г. на Воронежской сессии Всесоюзного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы мною была сделана попытка привлечь внимание коллег к названному съезду. Однако мое выступление было охарактеризовано А.М. Анфимовым как возрождение народнических заблуждений, а его текст не включен в опубликованные материалы симпозиума.

Чем же знаменателен Первый сельскохозяйственный съезд 1913 г. в Киеве? *На этом съезде был сделан вывод о том, что аграрная реформа буксует, что большинству крестьян она ничего не дает, поэтому нужно искать параллельные или альтернативные варианты решения аграрного вопроса. Важнейшим из них было названо создание сельскохозяйственных артелей, иначе говоря, поставлен вопрос о необходимости коллективизации сельского хозяйства.*

Как мы помним, в 1905 г. было создано специальное общество содействия артелям. Столыпинская реформа парализовала его деятельность. Однако причины, его породившие, продолжали действовать. Обострение конкуренции на мировом рынке поставили Россию перед необходимостью удешевления зернового производства, одним из способов которого была его механизация. Однако на пути распространения даже конных сельскохозяйственных машин стояла не только их дороговизна, но и чересполосица.

Как показало исследование З.Д. Ясман, в деревне еще до отмены крепостного права появились первые прокатные пункты сельскохозяйственной техники. Первоначально их организаторами были частные лица. Позднее к этой деятельности подключились земства, различного рода кооперативы, сельские общества и крестьянские товарищества. Последним на этот путь встало государство.

9–21 февраля 1910 г. данный вопрос был подвергнут специальному рассмотрению на Совещании инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части и правительственных агрономов, созванном Департаментом земледелия ГУЗЗ. В созданной для рассмотрения этого вопроса комиссии наметились два подхода: сторонники одного из них считали, что «прокатные пункты должны носить характер исключительно показательный», сторонники второго подхода полагали, что «прокатные пункты должны не только иметь своей целью показательное значение, но и удовлетворять запросу местного населения на сельскохозяйственные машины и оружия»¹⁵²¹.

В ходе обсуждения данного вопроса и в самой комиссии, и на совещании последняя точка зрения была отвергнута в связи с отсутствием у правительства необходимых средств. Поэтому совещание постановило развивать систему прокатных пунктов в чисто показательных целях.

¹⁵²¹ Труды Совещания инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части и правительственных агрономов, состоявшегося при Департаменте земледелия 9–21 февраля 1910 г. СПб., 1911. С. 75–76.

Какие же показательные цели должны были преследовать прокатные пункты? «Прокатные станции и зерноочистительные пункты, — говорилось в постановлении совещания, — устраиваемые с показательными целями должны преследовать, с одной стороны, ознакомление населения с новыми улучшенными машинами, а с другой — приучение последнего к совместному пользованию машинами и орудиями»¹⁵²².

Не исключено, что именно это решение легло в основу циркуляра Департамента земледелия от 31 марта 1911 г., в котором говорилось, что прокатные пункты создаются «в целях ознакомления земледельческого населения на деле с хозяйственными выгодами применения усовершенствованного инвентаря и *возможностью артельного пользования* теми машинами и орудиями, которые по стоимости своей не доступны отдельным мелким хозяйствам, а по производительности могут обслуживать целую группу таких хозяйств»¹⁵²³.

«При организации прокатных пунктов преследовались две цели: во-первых, населению давалась возможность знакомиться с лучшими орудиями и машинами, их работой и преимуществами; а во-вторых, население наглядно видело возможность *совместного пользования* дорогими машинами, которые одному хозяину приобрести нет возможности»¹⁵²⁴.

Так формулировались цели прокатных пунктов в отчете инспектора по сельскохозяйственному машиностроению по Калужской губернии. Из этого же отчета явствует, что в 1910 г. в губернии было только 19 прокатных пунктов, в 1911 г. — 27, в 1912 г. — 81, в 1913 г. — 127. Если в 1910 г. на уезд приходилось 1,3 прокатных пункта, то в 1913 г. — 8,5¹⁵²⁵.

Особую известность получили коллективные опыты, делавшиеся в Киевской губернии¹⁵²⁶. Как отмечалось выше, именно в Киеве осенью 1913 г. был созван Первый всероссийский сельскохозяйственный съезд, на который собрались местные агрономы и землемеры, т.е. те, кто принимал самое непосредственное участие в осуществлении столыпинской реформы, и сделана попытка не только подвести итоги реформы, но и наметить дальнейшие пути реформирования деревни.

Особое место на этом съезде занимал доклад известного земского агронома, экономиста и публициста, видного деятеля кооперативного движения К.А. Мацеевича «Очередные задачи общественной агрономии». Свою задачу докладчик видел

¹⁵²² Там же. С. 76, 330.

¹⁵²³ Условия материального содействия Департамента земледелия в устройстве мелкими сельскохозяйственными организациями прокатных пунктов с различными орудиями и машинами для общественного пользования (из циркулярного сообщения Департамента земледелия) // Известия Бюро по сельскохозяйственной механике. 1911. Вып. 2. С. 293–295; Семенов М.С., Трифонов В.А. Распространение сельскохозяйственных машин и орудий кредитными кооперативами // Там же. Вып. 1. С. 71.

¹⁵²⁴ Лапин И.П. Из отчета инспектора по сельскохозяйственному машиностроению в Калужской губернии // Известия Бюро по сельскохозяйственной механике. 1914. Т. 6. Вып. 4. С. 128.

¹⁵²⁵ Там же. С. 129.

¹⁵²⁶ Наставление к постановке коллективных опытов в Киевской губернии применительно к посеву озимых 1910 г. Киев, 1910; Засухин А.Н. Коллективные опыты в Киевской губернии. 1912–1913 гг. Киев, 1915; Флоров Н.П. Коллективные опыты в Киевской губернии. 1911–1914 гг. Киев, 1915; Он же. Коллективные опыты с минеральными удобрениями в Киевской губернии. Киев, 1915.

в том, чтобы обобщить накопленный опыт и на его основе сформулировать «наиболее общие, наиболее всеобъемлющие положения и идеи для того, чтобы пользоваться ими, как руководящими принципами при определении того, что в данный момент в нашей деятельности наиболее важно и ценно, что мы в ней должны выдвинуть на первый план, как путеводные вехи...». Иными словами, докладчик придавал своему выступлению программный характер. С этой точки зрения его предложения заслуживают особого внимания.

Отправным моментом в разработке этой программы являлся ответ на вопрос, «где и в каких хозяйствах надо видеть *главную и основную точку приложения агрономических сил*», так как необходимо «иметь в виду прежде всего интересы того типа хозяйства, который наиболее доступен для реорганизации его в направлении увеличения его производительности и интенсификации». По мнению докладчика таким хозяйством было не помещичье, а трудовое крестьянское хозяйство. В связи с этим он обращал внимание на необходимость содействовать не только развитию мелкого хозяйства, но и его кооперированию, сначала на пути объединения усилий по коллективному снабжению и сбыту, а затем и на объединении производственного процесса.

Поскольку отдельные опыты в этом отношении уже делались, докладчик не был оригинален. То новое, что он предлагал, заключалось в том, чтобы придать развитию сельскохозяйственной кооперации планомерный и массовый, охватывающий всю Россию, характер, причем проводником этой политики должны были стать общественные агрономы. В соответствии с этим съезду был предложен проект резолюции

Второй, близкий по духу доклад был сделан А.Н. Мининым. Докладчик, в частности, утверждал: «Единственно, что способно будет спасти мельчайшие хозяйства после разверстания — это образование из них *добровольных товариществ для совместного использования собственной земли*. Необходимой предпосылкой к образованию таких товариществ должно явиться соединение отдельных мельчайших отрубов в более значительные участки совместного пользования. Товарищества эти, с одной стороны, дадут возможность организовать летнее содержание скота, чем удержат мельчайшие хозяйства на ступени хозяйственной самостоятельности, на которой они находятся теперь, с другой стороны, товарищества эти откроют возможность мельчайшим хозяйствам воспользоваться всеми благами многопольных севооборотов... Главнейшей основой существования названных товариществ должна явиться *коллективная обработка*»¹⁵²⁷.

Съезд принял по докладу А.Н. Минина резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «*Среди мер землеустроительного и агрономического характера одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного использования...*»¹⁵²⁸

Таким образом киевский съезд поставил вопрос о необходимости встать на путь практической реализации объединения по крайней мере деревенской бедно-

¹⁵²⁷ Труды I Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1–10 сентября 1913 г. Вып. II. Журналы общих собраний съезда, заседания секции общественной агрономии и доклады секции. Киев, 1914. С. 47–48.

¹⁵²⁸ Там же. С. 5.

ты в коллективные хозяйства. Та идея, которая в начале XX в. прозвучала в материалах всего лишь 2% местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, буквально через десять лет в разгар столыпинской аграрной реформы была признана непосредственными ее проводниками на местах в качестве одного из важнейших ориентиров практической деятельности.

Аграрный вопрос в годы Первой мировой войны

В 1914 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли приступил к разработке программы экономического развития страны. Весной 1915 г. под названием «О мерах по развитию промышленных сил России» она была представлена очередному съезду представителей промышленности и торговли. Подчеркивая, что «в течение десяти лет Россия должна или удвоить, утроить свой хозяйственный оборот или обанкротиться», Совет съездов представителей промышленности и торговли прежде всего обращал внимание на необходимость форсированной интенсификации сельского хозяйства. При этом ставились две задачи: повышение плодородия земли за счет использования неорганических удобрений и повышение производительности труда за счет внедрения машинной техники¹⁵²⁹.

При этом Совет съездов вынужден был констатировать, что существующее крестьянское хозяйство неспособно самостоятельно справиться с решением этих задач. «Если недостаток животной рабочей силы должен служить препятствием к распространению в крестьянском хозяйстве простого плуга, тем труднее может проникнуть в него какая-нибудь жнейка-сноповязалка, косилка и пр. Прежде всего ей негде повернуться на обыкновенной мужицкой полосе; но если бы на пути распространения сельскохозяйственной машины и не стояло последнего препятствия, машина прежде всего дорога еще и затем требует и умения с ней обращаться». Но «и дорогая машина, и минеральные удобрения, и сильная лошадь, и кредит — все это недоступное или малодоступное одному, становится доступным многим». Отсюда делался вывод: «Русское сельское хозяйство может подняться только на плечах кооперации»¹⁵³⁰.

При этом речь шла не только о потребительской, кредитной и сбытовой кооперации, но и о кооперации производственной, так как только она могла позволить совместно приобретать и использовать дорогую машинную технику, только она позволяла устранить узко- или чересполосицу.

Так впервые перед нашей страной была поставлена стратегическая задача механизации и химизации сельского хозяйства, предложен взят курс на его коллективизацию¹⁵³¹. Причем, что особенно важно, это решение исходило от тех, кого принято называть «воротилами капитала».

¹⁵²⁹ Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России. Пг., 1915. С. 7, 18, 20, 22.

¹⁵³⁰ Там же.

¹⁵³¹ На этот документ мною обращено внимание еще в 1989 г. (В 1980 г. на Воронежском симпозиуме). Однако мои коллеги с удивительным упорством обходят этот факт стороной.

В связи с этим особое внимания заслуживает состоявшийся в 1915 г. съезд по развитию сельскохозяйственного машиностроения. Главный доклад открывался констатацией тяжелого положения, в котором оказалось сельское хозяйство в период войны, прежде всего из-за нехватки рабочих рук в целом ряде губерний. Выход из этого положения, по мнению докладчика, заключался только в одном — в механизации сельского хозяйства. Но поскольку дороговизна сельскохозяйственных машин и невозможность их рентабельного, т.е. на полную мощность, использования в мелком крестьянском хозяйстве делала затруднительным их использование крестьянами, то автор делал вывод: «Нужно объединение хозяйств с недостаточными земельными площадями в кооперативные организации по совместному использованию машин и орудий»¹⁵³². Для решения этой задачи докладчик призывал объединить усилия земских и правительственных учреждений¹⁵³³.

15–18 октября 1915 г. Московское общество сельского хозяйства провело Всероссийское совещание по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами и на нем по докладу А.И. Бадьина «К вопросу об использовании населением сельскохозяйственных машин и орудия» было принято следующее постановление: «В целях планомерного использования машин и орудий представляется необходимым, чтобы земские и общественные прокатные пункты возможно широко и льготно предоставляли населению, лишенному работников, потребные для него машины и орудия, чтобы сеть таких пунктов получила планомерное развитие, чтобы среди населения получила осуществление идея покупки и аренды машин целым обществом или группой хозяйств, объединенных в целях совместного пользования машинами в специальные кооперативы, чтобы общественная машиноторговля прежде всего (удовлетворяла) спрос на машины, покупаемые в целях коллективного пользования»¹⁵³⁴.

Архивные материалы показывают, что правительственные круги не только принимали участие в подготовке этого совещания, но и активизировали свою деятельность по созданию прокатных пунктов¹⁵³⁵. Однако прокатные пункты не всегда были эффективны, а кроме того, имели небольшой радиус действия. Многие крестьяне не могли воспользоваться их услугами как из-за отсутствия работников, так и из-за высоких цен, а также из-за чересполосицы и нехватки скота. К этому следует добавить, что резкое сокращение внутреннего производства и импорта сельскохозяйственных машин делали невозможным сколько-нибудь значительное развитие сети прокатных пунктов. Не было для их создания у правительства и лишних денег. В этих условиях особое значение приобретает идея кооперация, идея земельных артелей.

1 мая 1916 г. состоялось III областное совещание по вопросу сельскохозяйственного машиностроения и общественного машинопользования в Киеве (в нем

¹⁵³² Труды Совещания по вопросам общественной машиноторговли и сельскохозяйственного машиностроения. Киев, 1915.

¹⁵³³ Там же.

¹⁵³⁴ Труды Совещания 15–18 октября 1915 г. по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами. М., 1916.

¹⁵³⁵ Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной. 1916 г. // РГИА. Ф. 383. Оп. 8. Д. 262.

принимали участие представители 11 губерний и Министерства земледелия), которое признало необходимым стимулировать создание машинных артелей¹⁵³⁶.

Совещанию был представлен доклад В.А. Онуфриева «Кооперативное пользование сельскохозяйственными машинами в связи с хроническим недостатком рабочих рук и недосевами». Докладчик считал, что «нужно объединение хозяйств с недостаточными земельными площадями в кооперативные организации по совместному использованию машин и орудий»¹⁵³⁷.

Принятая совещанием резолюция подчеркивала необходимость того, чтобы «среди населения получила широкое осуществление идея покупки и аренды машин целым обществом или группой хозяйств, объединенных в целях совместного пользования машинами в специальные кооперативы»¹⁵³⁸.

Во второй половине 1916 г. Министерством земледелия была подготовлена специальная записка «Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной», в которую был включен вопрос об «обеспечении сельского хозяйства необходимыми машинами и орудиями». Рассматривая проблему механизации сельского хозяйства как важнейшее средство восполнения «недостатка рабочих рук» и учитывая те препятствия, которые стояли на этом пути, Министерство земледелия первой своей задачей считало необходимость «увеличить число прокатных пунктов и особенно наполнить их недостающими орудиями»¹⁵³⁹. Сохранившиеся материалы свидетельствуют, что правительство действительно предпринимало меры по расширению системы прокатных пунктов¹⁵⁴⁰.

Необходимость содействия созданию машинных товариществ стимулировалась появлением тракторов, которые, во-первых, отличались еще большей дороговизной, а, во-вторых, высокую производительность могли обеспечить только в крупных хозяйствах. Одним из пропагандистов тракторизации российской деревни был Н. Крыштофович, который начал пропагандировать эту идею еще в 1907–1908 гг. Не без его участия, «предвидя в дальнейшем огромную потребность в тракторах», Министерство земледелия к весне 1916 г. решило употребить «все усилия для водворения производства тракторов внутри страны»¹⁵⁴¹.

В этом отношении оно получило поддержку со стороны Военного министерства и 29 марта 1916 г. Н. Крыштофовичем была подготовлена «Справка о механизации подготовки посевной площади в частновладельческих хозяйствах России», в которой размер посева определялся в 14,4 млн. дес., производительность трактора в 600 дес., а потребность в тракторах в 24000 штук, по цене 10000 руб. за трактор, что требовало 240 млн. руб.¹⁵⁴²

¹⁵³⁶ Сельскохозяйственное машиностроение и общественная машиноторговля. Материалы III Областного совещания по вопросам общественной машиноторговли и сельскохозяйственного машиностроения, состоявшегося 9–10 мая 1916 г. в Киеве. Киев, 1916.

¹⁵³⁷ Там же. С. 39–41.

¹⁵³⁸ Там же.

¹⁵³⁹ Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной. 1916 г. // РГИА. Ф. 383. Оп. 8. Д. 262. Л. 7–11.

¹⁵⁴⁰ Там же. Оп. 74. Д. 30098, 30103, 30104, 30241, 30285–30302, 30306; Оп. 75. Д. 30521, 30537–30541, 30543, 30545, 30546

¹⁵⁴¹ РГИА. Ф. 382. Оп. 8. Д. 262. Л. 19–20.

¹⁵⁴² Там же. Д. 270. Л. 9–11.

Военное ведомство, преследуя разумеется свои собственные цели, решило приступить к строительству 6 автозаводов с открытием при двух–трех из них первых тракторных отделений. Согласие строить трактора дали семь частных заводов, в том числе, «Аксай», американский завод «Кейс», «Гельферих-заде». Однако рассчитывать на скорое осуществление этой программы было трудно, поэтому было решено к середине 1917 г. закупить за границей 300 первых тракторов¹⁵⁴³.

1 сентября 1916 г. под председательством тайного советника В.В. Прилежаева открылось Межведомственное совещание, посвященное вопросу об организации в деревне трудовых артелей. Констатируя факт существования 500 таких артелей, в том числе непосредственно в сельском хозяйстве, и считая их количество явно недостаточным, Совещание признало необходимым способствовать увеличению их численности и с этой целью внести в существующее законодательство необходимые изменения¹⁵⁴⁴.

18 октября при Всероссийской сельскохозяйственной палате было созвано Совещание по вопросу о создании отечественного тракторостроения. Председательствовал на нем В.Д. Батюшков. Одобрив идею организации производства тракторов в России, и обратив внимание на трудности, связанные с использованием тракторов в русском сельском хозяйстве, Совещание постановило «приступить к разработке вопроса *об артельном использовании земли при посредстве тракторов*»¹⁵⁴⁵.

В полном соответствии с этим находился циркуляр № 31, разосланный 17 октября 1916 г. за подписью заведующего Переселенческим управлением МВД, в котором местной администрации предлагалось обратить особое внимание на объединение переселенцев в товарищества, которые могли бы не только сообща приобретать выделяемые им земельные участки, но и сообща обрабатывать их. Данный циркуляр представляет собою особый интерес, так как переселенческая политика П.А. Столыпина была направлена на создание фермерского хозяйства в Сибири. Если учесть, что здесь переселенцы не были связаны общиной и имели возможность создания хуторского хозяйства, то появление названного циркуляра можно рассматривать как отказ Министерства внутренних дел от главной цели столыпинской аграрной политики¹⁵⁴⁶.

22–24 ноября в Москве Экономическим отделом Главного комитета Земского союза, во главе которого стоял будущий премьер-министр Временного правительства князь Г.Е. Львов, было проведено совещание, посвященное вопросу об организации посевной компании в 1917 г. Этим совещанием по докладу А.С. Львова «Коллективное пользование сельскохозяйственными машинами в 1915–1916 гг.» было принято следующее постановление, в котором, в частности, говорилось: «Наиболее распространенная форма общественного машинопользования — прокатные пункты — для настоящих условий является недостаточной... Из всех видов организации машинопользования наиболее предпочтительным является *машинная артель*,

¹⁵⁴³ Там же. Л. 1–8; Д. 262. Л. 19.

¹⁵⁴⁴ Торгово-промышленная газета. 1916. 2 сентября.

¹⁵⁴⁵ Постановления Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты // Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1917. № 3. С. 11–14.

¹⁵⁴⁶ Земледельческая газета. 1916. № 47. С. 1221.

соединяющая коллективное владение машинами с коллективным ведением хозяйства, затем машинные товарищества по договорам и уставам»¹⁵⁴⁷.

28 ноября – 1 декабря 1916 г. в Петрограде проходило Чрезвычайное общее собрание Всероссийской сельскохозяйственной палаты, которая объединяла представителей 34 губернских и около 200 уездных земских собраний, а также 72 сельскохозяйственных обществ, из которых одним из самых влиятельных было Московское общество сельского хозяйства, возглавляемое князем Н.Б. Щербатовым. Именно он и председательствовал на собрании, его помощниками были брат последнего премьера князь А.Д. Голицын, князь А.А. Кропоткин и директор Императорского сельскохозяйственного музея В.Д. Батюшков, секретарские обязанности исполняли князь А.М. Орбелиани, А.О. Фабрикант и управляющий делами ВСП А.А. Чучулин. На собрании присутствовал министр земледелия А.А. Риттих, его предшественник на этом посту граф А.А. Бобринский, товарищи министра земледелия Н.В. Грудистов и А.Н. Неверов и государственный контролер Н.Н. Покровский. Среди присутствовавших можно также назвать вице-президента Московского общества сельского хозяйства А.Е.Березовского¹⁵⁴⁸.

На собрании ВСП был заслушан доклад В.Д. Батюшкова «О монокультуре» и принято постановление, в котором говорилось: «Приступить к разработке вопроса об артельной обработке земли при посредстве тракторов». А по докладу А.А. Чучулина «К вопросу об отсрочках к призыву в войска и об отпуске из армии лиц, необходимых для сельского хозяйства» было решено: «Сельскому хозяйству необходимо поэтому на первый план поставить достижение более целесообразного и наиболее производительного использования оставленной в нем рабочей силы при помощи, между прочим, лучшей организации всякого рода общественных ячеек и путем применения, где это возможно, *общей обработки полей*»¹⁵⁴⁹.

Эти идеи получили поддержку со стороны Московского общества сельского хозяйства и Союза кооператоров, и в начале 1917 г. ими был подготовлен совместный доклад «Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.» От Земского союза он был подписан Г. Алексеевым, от Союза кооператоров В. Хижняковым и от Московского общества сельского хозяйства А. Березовским и А. Стебутом¹⁵⁵⁰.

В объяснительной записке к этому докладу говорилось: «Перед нами стоит задача: продолжать ли старую политику хозяйственной индивидуализации, ведущую к распылению труда и малопродуктивным его затратам или сделать все возможные в данный момент шаги в сторону групповой организации сельскохозяйственных работ?»¹⁵⁵¹ Считая необходимым радикально изменить всю аграрную политику и

¹⁵⁴⁷ Труды Совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22–24 ноября 1916 г. Доклады и постановления. М., 1917. С. 173–178.

¹⁵⁴⁸ Постановления Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты 28 ноября – 1 декабря 1916 г. // Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1916. № 12. С. 3.

¹⁵⁴⁹ Там же. С. 11–14.

¹⁵⁵⁰ Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г. // Вестник сельского хозяйства. М., 1917. № 9. С. 9–10.

¹⁵⁵¹ Объяснительная записка к Докладу о мероприятиях по земледелию и народному продовольствию // Там же. С. 10–14.

приводя в обоснование этого развернутую аргументацию, авторы доклада писали: «Перечисленные условия, перечень которых можно продолжать, неуклонно толкают Европу и Россию на путь национализации и кооператизации сельскохозяйственного производства. Таковая, вероятно, осуществится в ближайшем будущем»¹⁵⁵².

Обращая внимание, такой вывод и такой прогноз были сделаны накануне февральских событий 1917 г. и обнародованы почти одновременно с падением монархии представителями Московского общества сельского хозяйства, Союза кооператоров и Земского союза.

¹⁵⁵² Там же.

ОСТРОВСКИЙ Александр Владимирович
Российская деревня на историческом перепутье.
Конец XIX – начало XX в.

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 431 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов
Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 24.03.2016. Тираж 1000 экз. Заказ № 444
Формат 70×100/16. Объём 27 п.л. Уч.-изд.л. 35,1. Бумага офсетная.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., 6